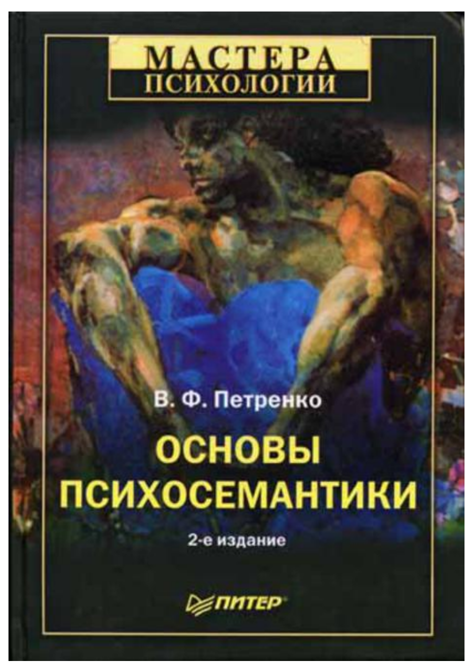
Петренко В. Ф.

Основы психосемантики

ББК 88. 3я7 УДК 159. 9(075) П3О

Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, гранты № 02-06-80247 и № 05-06-80510.

Рецензенты:

А. Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой «Психология личности» МГУ, член-корреспондент РАО;

Е. А. Климов, доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО; *А. П. Назаретян,* доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Петренко В. Ф.

П3О Основы психосемантики. — 2-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2005. — 480 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 5-94723-527-7

В издании дается описание методов экспериментальной психосемантики и излагаются результаты исследований категориальных структур индивидуального и общественного сознания. Последние выступают типовыми примерами психосемантических исследований, и их экспериментальная парадигма может быть использована читателями при планировании собственных научных изысканий. Предназначено для преподавателей психологии, научных работников, аспирантов и студентов психологических факультетов, философов, филологов, социологов, специалистов в области массовых коммуникаций, этнографов и всех тех, кто интересуется методами изучения индивидуального сознания и общественного менталитета.

ББК 88.3я7 УДК 159.9(075)

ISBN 5-94723-527-7

Оглавление

Памяти А. Н. Леонтьева посвящается

От автора

Психосемантический подход, или экспериментальная психосемантика, — сравнительно новая область отечественной психологии, возникшая в начале 1970-х годов и представленная в первую очередь работами психологов Московского университета.

В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия).

Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Кел-ли (метод репертуарных решеток) и включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Как пишет хорошо известный в России американский психолог Майкл Коул в предисловии к моей статье «Значение как образующая сознания», опубликованной в журнале «Психология в России и Восточной Европе»: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л. С. Выготского» (Cole, 1993). Методологической основой, определившей становление психосемантики, является школа Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева — А. Р. Лурии.

Психосемантика, являясь областью психологии, имеет тем не менее ярко выраженный междисциплинарный аспект, перекликаясь с философией и культурологией (см. работы В. С. Степина о категориальной структуре сознания, А. Я. Гу-ревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель «Смысл-Текст» И. А. Мельчука, лексическая семантика Ю. Д. Апресяна, представления Ю. Н. Караулова о «языковой личности», Ю. С. Степанова о «трехмерном пространстве языка»), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдье о социальном пространстве), информатикой (работы Д. А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Содержательная интерпретация выделяемых структур (факторов) необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способы осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатииного процесса, дает ему смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассма-

тривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

Настоящая книга отражает содержание спецкурса «Экспериментальная психосемантика», читавшегося автором на протяжении многих лет на факультете психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, на факультете психологии Московского государственного педагогического университета, отделении психологии Славянского университета и факультете психологии Смоленского гуманитарного университета. В нее вошел ряд исследований, проведенных автором и его сотрудниками в период с 1972 по 1988 г. и частично опубликованных в монографиях «Введение в экспериментальную психосемантику» (М., 1983) и «Психосемантика сознания» (М., 1988). Более поздние работы, направленные на изучение общественного менталитета и политической психологии, вышли отдельным изданием: *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М„ 1997.

Идеи Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева явились определяющими для становления психосемантического подхода к исследованию сознания и личности в отечественной психологии. На начальном этапе наши исследования по психосемантике затрагивали такие проблемы, как семантический анализ чувственного образа, соотношение вербальной и перцептивной семантики, и развивали их в рамках понимания образа как своеобразного перцептивного высказывания о мире, позволяющего использовать лингвистические и психолингвистические методы для исследования этой проблематики.

Развитие интересов автора в направлении исследования личности и межличностного восприятия во многом связано с именем и поддержкой А. А. Бодалева.

Следует подчеркнуть, что хотя текст книги написан одним человеком, в ее содержание влился труд студентов, соискателей и сотрудников, работавших под руководством автора: С. В. Василенко, Ким Чер Су, Л. М. Хайруллаевой, И. И. Стениной, Э. Тодоровой, Е. Е. Прониной, А. В. Пузанкова, Л. А. Алиевой, Н. В. Романовой, Н. Н. Теплякова, А. А. Пронина, А. В. Грачевой, Л. Е. Мун, Л. Д. Сурманидзе, Т. И. Менчук, А. В. Россохина, К. В. Бердникова, И. С. Макру-шенко, О. Н. Сапсолевой, А. И. Ярцевой. С большинством из них автор сохранил научные контакты и имеет совместные публикации. Всем им большое спасибо.

Особую признательность автор выражает математику А. А. Нистратову, с которым он в далеких 1970-х начинал (параллельно с А. Г. Шмелевым) разрабатывать проблематику психосемантики, математику и психологу О. В. Митиной, ученице, сотруднице и начиная с 1989 года — бессменному соавтору исследований по политической и этнической психологии, а также ученику, сотруднику и ДРУГУ В. В. Кучеренко, который одновременно был для автора и учителем гипноза и психотехник измененных состояний сознания.

Автор испытывает также чувство благодарности к коллегам: А. А. Асмолову, А. К. Ерофееву, В. П. Зинченко, В. В. Знакову, И. Т. Касавину, Е. А. Климову, А. А. Леонтьеву, А. П. Назаретяну, В. А. Петровскому, В. В. Столицу, Е. В. Суббот-скому, А. Г. Шмелеву, чья дружеская критика и доброжелательный совет сопутствовали автору на всем протяжении его научных поисков, а также множеству других, не упомянутых коллег, чье зримое и незримое присутствие задавало ту интеллектуальную атмосферу, в которой только и могли кристаллизоваться некоторые из описанных в книге идей и подходов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Психологические аспекты проблемы сознания

Было бы, конечно, наивно в небольшой вводной главе пытаться осветить все богатство философской и психологической литературы по ключевой для отечественной психологии категории «сознание». Не претендуя на это, автор ставит перед собой более скромную задачу: эксплицировать те методологические посылки, которые, по его мнению, лежат в основании психосемантического подхода к исследованию обыденного сознания как предмета психологической науки.

В этом плане выделение тех или иных аспектов этой проблематики отражает скорее, в терминах П. Я. Гальперина (1966), «ориентировочную основу действия» (деятельности) самого автора в рамках психосемантического подхода. Такая селективность и пристрастность в изложении материала делает его, на наш взгляд, более открытым для критической рефлексии читателя и для последующей выработки его отношения к экспериментальным исследованиям, составляющим основную часть работы.

Следует отметить, что понятие «сознание» в разных гуманитарных науках имеет несколько различный смысл, в зависимости от понятийного тезауруса, в котором оно используется (Назаретян, 1981). Так, в психологической науке сознание противопоставлено в первую очередь процессам бессознательного или неосознаваемому содержанию восприятия, памяти, мышления, творчества. В социологии антонимом сознательности выступает стихийность, а в философском плане сознание — форма отражения бытия. В этом последнем смысле мы говорим о представленности объектной и социальной действительности в сознании субъекта, отбждествляя понятие «сознание» с имплицитной картиной мира субъекта, с его образом мира. В психологическом же плане исследование индивидуального сознания подразумевает представление его в виде многоуровневой системы, включающей как осознаваемые, так и неосознаваемые компоненты. В отличие от психоанализа, в рамках психосемантического подхода бессознательное рассматривается не как самостоятельная психологическая реальность, противостоящая сознанию, а как нижележащие уровни сознания, характеризующиеся меньшей расчлененностью и рефлексивностью.

Распространенное в учебниках и словарях определение сознания как высшего уровня отражения действительности является, по сути дела, философским определением, фиксирующим его отношение к бытию и делающим акцент на вторичное™ сознания по отношению к миру. Эта марксистская трактовка сознания, восходящая, по сути, к временам французского Просвещения, была дополнена

в отечественной психологии идеей активности субъекта по построению образа отражаемой действительности. Идея активности отражения применительно к человеческой психике нашла свое дальнейшее развитие в представлениях об «опережающем отражении» действительности, модели «потребного будущего» (Анохин, 1962; Бернштейн, 1966); об опосредованное™ психического отражения формами социально-исторического опыта людей (Выготский, 1956; Рубинштейн, 1975; Леонтьев А. Н., 1983); в понятии «надситуативной активности» (Петровский, 1977), объясняющем порождение новых мотивов деятельности в ходе ее самодвижения; в представлении о пристрастности человеческого отражения (Леонтьев А. Н., 1975; Рубинштейн, 1946), раскрывающем его связь с мотивационной и потребно-стной сферами; в выделении целенаправленного, телеономического характера психического отражения (Тихомиров, 1969; Назаретян, 1986); в теоретически переосмысленных в отечественной психологии представлениях о психологических защитных механизмах, обеспечивающих единство и целостность самоотражения личности (Василюк, 1985; Столин, 1983).

Содержание категории отражения в отечественной психологии, таким образом, оказывается несравненно богаче породившей ее метафоры.

Сознание — высшая форма психического отражения, присущая человеку как общественно-историческому существу, выступает как сложная система, способная к развитию и саморазвитию, несущая в своих структурах присвоенный субъектом общественный опыт, моделирующая мир и преобразующая его в деятельности.

Анализ структуры этой моделирующей системы, ее генезиса и функционирования выступает задачей психологического исследования индивидуального сознания. Представление о сложной структуре, многомерности сознания, его культурно-исторической детерминации отнюдь не лежит на поверхности и является достижением отечественной психологии.

А. Н. Леонтьев писал, что, «хотя прежняя субъективно-эмпирическая психология охотно называла себя наукой о сознании, в действительности она никогда не была ею. Сознание неизменно выступало в психологии как нечто внеположное, лишь как условие протекания психических процессов... Идея внеположности сознания заключается и в известном сравнении сознания со сценой, на которой разыгрываются события душевной жизни. Чтобы события, эти могли происходить, нужна сцена, но сама сцена не участвует в них» (Леонтьев А. Н., 1975. С. 25). Сознание либо рассматривалось как атрибут, ясность субъективной представленности психических образов, переживаний (интроспективная психология), либо его структуры постулировались как непосредственная, неэволюционирующая данность (законы феноменального поля в гештальтпеихологии), либо вообще проблематика сознания выносилась за рамки психологической науки и полагалась как эпифеномен, иллюзия наивного житейского опыта (бихевиоризм).

Марксистская психология исходит из того, что человек вообще и человеческое сознание в частности являются продуктом исторического развития человеческого общества. «Основной закон исторического развития психики, сознания человека заключается в том, что человек развивается, трудясь: изменяя природу, он изменяется сам, порождая в своей деятельности — практической и теоретической — предметное бытие очеловеченной природы, культуру, человек вместе с тем изменяет, формирует, развивает свою собственную психическую природу»

(Рубинштейн, 1946. С. 148). «Исходное положение марксизма о сознании состоит в том, что оно представляет собой качественно особую форму психики. Хотя сознание и имеет свою длительную предысторию в эволюции животного мира, впервые оно возникает у человека в процессе становления труда и общественных отношений. Сознание с самого начала есть общественный продукт» (Леонтьев А. Н., 1975. С. 28).

Положение о социальной, культурно-исторической природе человеческой психики, представление о формировании высших психических функций путем инте-риоризации, «вращивания» интерсубъектных отношений в интрасубъектные формы психического, трактовка сознания как со-знания, выступающего в своей внешней, экстериоризированной форме как социальный опыт, как

человеческая культура, побудили Л. С. Выготского к поиску молярной единицы, позволяющей передавать социальный опыт от субъекта к субъекту и присваивать его. Такой единицей, связующим звеном процессов общения и обобщения, по мнению Л. С. Выготского, является значение. Прослеживая генезис значения от его простейших форм (синкретов и комплексов) до наиболее развитой формы значения — научного понятия, Л. С. Выготский тем самым исследует становление, онтогенез сознания. Синонимом осознанности для него выступает системность организации значений, возможность переформулировок содержания высказывания, выражения одних значений через другие (Выготский, 1934).

Продолжая линию Л. С. Выготского в рассмотрении значения как образующей сознания, А. Н. Леонтьев определяет значение как «ставшее достоянием моего сознания (в большей или меньшей своей полноте и многогранности) обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как «обобщенного образа действия», «нормы поведения» и т. п. (Леонтьев А. Н., 1983. С. 242).

Предложенная А. Н. Леонтьевым трактовка сознания как индивидуальной системы значений, данных в единстве с чувственной тканью, связывающей через перцепцию сознание с предметным миром, и личностными смыслами, определяющими пристрастность сознания и его связи с мотивационно-потребностной сферой человека, является, по сути, семиотической, где генезис и трансформация значения как образующей сознания выступают механизмом изменения и трансформации сознания. В концепции А. Н. Леонтьева, таким образом, преодолевается, по сути, позитивистский подход, заключающийся в раздельном изучении механизмов и содержания психических процессов, и применительно к индивидуальному сознанию выделяется единый способ описания содержания сознания и механизмов его изменения, лежащий в плоскости семантического анализа.

Как полагает Л. С. Выготский, анализ исследования интересующей нас проблемы не может быть иным, чем метод семантического анализа, метод анализа смысловой стороны речи, метод изучения словесных значений (Выготский, 1934. С 50).

Областью психологической науки, изучающей структуру, генезис и функционирование системы значений, образующей в единстве с чувственной тканью и личностными смыслами индивидуальное сознание субъекта, является экспериментальная психосемантика.

В психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возмож-

ных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и, как следствие, на идее множественности путей развития как отдельного индивида, так и общества, страны, всего человечества.

1.1. Взаимосвязь языка и сознания

Становление человеческого сознания связано с развитием языка. «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым и существующее также и для меня самого, действительное сознание...» (Маркс, Энгельс. Собр. соч. Т. 3. С. 29).

Возможность речевого общения с другими людьми в ходе совместной трудовой деятельности ведет к формированию автокоммуникации, внутреннего диалога с самим собой, что, по М. М. Бахтину, является основой, механизмом сознания: «Где начинается сознание, там и начинается диалог» (Бахтин, 1979. С. 49).

Идея связи сознания со структурами языка глубоко осмыслена Гегелем, для которого сознание выступает формой выделения субъекта из природной среды и установления отношения к ней, реализуемого посредством слова: «...При настроении, вызванном внешним ощущением, мы еще не находимся в каком-либо отношении к отличному от нас внешнему предмету, еще не являемся сознанием» (Гегель. Т. 3. С. 248). Эта заданность мира через переживание особенно рельефно просматривается в простейшей и, очевидно, филогенетически первичной форме восприятия и эмоций — в переживании боли, где раздражитель для переживающего организма лишен каких-либо предметных качеств, за исключением разве что широты локализации воздействия и интенсивности (тупая или острая боль). Для следующей филогенетической ступени отражения — ощущений — объектные характеристики также заданы через переживания субъекта. Например, ощущение некоторой поверхности как гладкой характеризует текстуру этой поверхности через субъективное переживание «гладкости». Объект репрезентирован субъекту в форме его

переживания субъектом.

Развитие восприятия, появление предметного образа (перцептивная стадия психики, по А. Н. Леонтьеву, 1965), выступающего как совокупность чувственных признаков, эмансипируют объект от субъекта, делают возможным за счет развития механизмов константности сохранение таких инвариантов объекта, как форма, удаленность от субъекта, параметры его движения в экстраполяционном рефлексе и т. п. Однако репрезентация мира в форме образа оказывается еще чрезвычайно зависимой от мотивационно-потребностной сферы и эмоционального состояния субъекта. Эксперименты Брунера и школы *New Look* в целом показали нарушения константности восприятия, проявляющиеся даже у человека в зависимости от мотивационного фактора. Это экспериментальные факты типа переоценки размера доллара маленькими детьми (особенно из бедных семей), роста человека, имеющего высокий социальный статус (взрослыми), или различия в опознании одного и того же рисунка, предъявленного тахистоскопически на короткий временной отрезок, обусловленные культурологическими различиями (североамериканцы «видели» бейсбол, тогда как латиноамериканцы — корриду).

Тем более эта зависимость восприятия мира от потребности субъекта проявляется у животных. Как полагает А. Н. Леонтьев (1965), объекты для животных выступают не в их константных свойствах и способах употребления, а в зависимости от их наличного биологического смысла. Напомним красивые эксперименты, проведенные Э. Г. Вацуро (1948) в Колтушах на приматах. Обезьян обучали заливать водой пламя горелки и доставать находящееся под ней лакомство. Бачок с водой находился на одном плоту, свободно плавающем в пруду, а ящичек с лакомством — на другом. Плоты были соединены мостиком, и обезьяна, набрав воды из бачка в кружку, могла свободно перебежать с одного плота на другой, залить пламя водой и достать вознаграждение. Но вот мостик, соединяющий плоты, убрали, и обезьяна начинает метаться по одному плоту, стремясь перебраться за водой на другой, хотя воды полно вокруг нее в пруду. При этом обезьяна «знает», что кругом вода, более того, она пила воду из пруда так же, как и воду из бачка. Но дело в том, что у обезьяны нет значения «воды» как набора ее объективных качеств. Одну «воду» пьют, другой «водой» заливают пламя, т. е. свойства объекта выступают только в контексте наличной биологической потребности и вне ее не актуализируются. Значение как исторически фиксированная функция орудия (Леонтьев А. Н., 1965) у животных, естественно, отсутствует. Однако современные исследования психической деятельности антропоидов вносят определенные коррективы в представления об их психических возможностях, в частности об их способности к установлению причинно-следственных связей. Как полагает К. Э. Фабри (1976), можно говорить о простейших формах значений, присущих приматам и представляющих собой структуры предметных признаков жизненно важных ситуаций, но эти простейшие формы значений заданы и ограничены жесткими биологическими рамками жизнедеятельности приматов, и выход за эти рамки невозможен.

Механизмом осознанного отражения, эмансипирующим содержание отражения от наличных потребностей субъекта, является выражение содержания в некоторой знаковой форме, в первую очередь — в слове.

Как полагает Гегель, для того чтобы эмансипировать объект от наличных потребностей субъекта, надо выразить его в чем-то отличном от эмоционально-чувственной «субстанции» субъекта, в чем-то противостоящем субъекту. Такой формой отчуждения, выражения отраженного содержания (отражение отражения) в устойчивой константной форме является фиксация его в знаковой форме, в словесном значении.

За счет социальной нормированности, общественной конвенции слово обладает фиксированным содержанием. Эта фиксированность содержания обусловлена конвенцией предметной отнесенности слова, с одной стороны, и системной организацией языка, наличием парадигматических связей, задающих устойчивость каркаса языка и постоянство словоупотребления — с другой. В сознании, таким образом, за счет устойчивости содержания значения изживается сиюминутная субъективность отражения, пристрастность, обусловленная наличной потребностью. И для голодного и для сытого человека кухонная утварь, например, имеет постоянное предметное значение и представляет собой некоторую ценность. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, — пишет А. Р. Лу-рия, — заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно

не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово — это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» (Лурия, 1979. С. 37).

Но структуры сознания как отражение отражения в некоей знаковой форме не просто изоморфно дублируют исходное содержание, а дополняют, обобщают его, вводя в новые связи и отношения. За словом стоит совокупный общественный опыт, фиксированный и кристаллизованный в значениях (А. Н. Леонтьев, 1965). Благодаря языку, человек может обращаться к знаниям других людей, к опыту предыдущих поколений. Наличие грамматических языковых структур, изоморфных деятельностным структурам, позволяет человеку совершать мысленный эксперимент, получая новые знания.

Подчеркивая ведущую роль языка как носителя общественного опыта, А. Н. Леонтьев тем не менее отмечает возможность фиксации значений не только в форме понятий, но и в форме «умения как обобщенного образа действия», «нормы поведения» и т. д. Продолжая мысль Леонтьева, можно предположить, что носителями значения могут выступать такие социально нормированные формы поведения, как ритуалы, выразительные движения, искусственные языки, танцы, устойчивые визуальные символы, жесты и т. д. Такая трактовка языка, более широкая, чем принято в лингвистике, имеющая скорее семиотический характер, содержится в работах Н. И. Жинкина (1982), М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломова, В. Ф. Ру-бахина (1977) и др. При доминирующей роли устной и письменной речи как носителя значения, факторами, обусловливающими способность неких материальных образований выражать значение, являются не формы репрезентации субъекту, а их системный характер и социальная нормированность правил их интерпретации. Так, сложный технический чертеж, например, является знаковым образованием и несет значения, сопоставимые по уровню развития с понятийными.

Исходя из расширенной трактовки языка, мы даем следующее определение значения. Значение — это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности. Кодирование, категоризация исходного содержания в знаковой, символической форме ведут к обогащению его совокупным социальным опытом, к упорядочиванию исходного содержания, его организации в формах, выработанных общественной практикой.

В той степени, в какой восприятие, память, мышление или иной психологический процесс опосредованы значением (в форме слова, визуального символа, чертежа, схемы, ритуального действия, танцевального па, общепринятого жеста или мимического выражения), они являются потенциально осознаваемыми. И наоборот, сбои в нормальном функционировании значения ведут к нарушению осознания.

Приведем в качестве иллюстрации экспериментальное наблюдение, показывающее роль вербальных значений в механизме функционирования сознания. В наших совместных с В. В. Кучеренко экспериментах исследовалось влияние постгипнотической инструкции на восприятие испытуемых. Испытуемым, которые находились в третьей стадии гипноза, характеризуемой, в частности, после-

13

дующей амнезией, внушалось, что по выходе из гипноза они не будут видеть некоторые предметы. По выходе из гипнотического состояния испытуемых просили перечислить предметы, лежащие перед ними на столе, среди которых находились и «запрещенные». Испытуемые действительно не указывали на запрещенные предметы, но «не видели» также и другие предметы, семантически с ними связанные.

Например, если испытуемым внушалось, что они не будут видеть сигареты, то они не замечали при перечислении не только лежащую на столе пачку сигарет, но и пепельницу с окурками и т. п. Некоторые предметы, семантически связанные с запрещенными, могли быть указаны испытуемым, но в этом случае они забывали их функцию. Например, один из участников эксперимента, указав на лежащую на столе зажигалку, назвал ее «цилиндриком», другой именовал ее «тюбиком для валидола», третий с недоумением разглядывал зажигалку, пытаясь понять, что это за предмет. Нарушение связи «объект—наименование» проявляется не только в невозможности назвать предмет, но и в обратном отношении — в невозможности по «запрещенному» названию представить образ. Так, если мы давали в гипнозе испытуемому

инструкцию о том, что он не знает, что такое курение, то на просьбу экспериментатора в постгипнозе представить табачный ларек он не в состоянии был справиться с этой задачей, представляя овощной ларек, киоск «Союзпечать» и т. д. Спустя некоторое время испытуемый утверждал, что ему удалось справиться с этой задачей, но, отвечая на вопрос, что продают в табачном ларьке, перечислял побочные товары: расчески, талончики на бензин и т. п. На прямой вопрос экспериментатора, знает ли он, что такое курить, испытуемый (сам курящий) рассказал, что во время студенческих сельскохозяйственных работ видел мужчин, что-то жующих; по его мнению, они курили. При предъявлении испытуемым запрещенного предмета (сигареты) они как бы спонтанно погружались в гипнотическое состояние.

Гипнотическое запрещение «видения объекта» ведет, очевидно, к блокированию связи «слово—образ», и воспринимаемый объект не осознается испытуемым, не «видится» им. Действительно, при перечислении объектов, лежащих перед ним на столе, испытуемый не пытается проткнуть пальцем якобы невидимые предметы или пройти сквозь них в случае, если запрещается видеть громоздкие предметы. Гипнотическая инструкция, по-видимому, блокирует значения слов (или, в терминах теории высшей нервной деятельности, вторую сигнальную систему), посредством которых происходит осознание видимых объектов, как бы «вырезая» в сознании определенные семантические области. В пользу такой гипотезы говорят результаты ассоциативного эксперимента, когда испытуемые забывали слова, относящиеся к запрещенной области, при стимулах, провоцирующих их актуализацию. Например, на стимул «вечеринка», обычно вызывающий в качестве ассоциации среди прочих слово «сигареты», испытуемые не называли это слово и его семантическое окружение. Аналогично в эксперименте с запрещением «видеть» лыжи испытуемые не актуализировали в ассоциативном эксперименте на стимул «отдых в зимнем лесу» лексику, относящуюся к лыжной прогулке, катанию с гор и т. п.

Приведенные эксперименты иллюстрируют представление о сознании как удвоенном отражении, вторичном отражении с помощью знаковых средств. Восприятие и осознание при восприятии — не тождественные психологические процессы. В обыденном сознании это различие зафиксировано в глаголах «смотреть»

и «видеть» (Арутюнова, 1987). Понятие «видеть», очевидно, предусматривает определенную степень сознания, представленности тех или иных качеств, признаков объекта в их значениях. При этом структуры значения, опосредующие восприятие, непосредственно вплетены в ткань образа; субъект видит не схему образа, воспринимает не значения, а означенный образ. Но сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности. Аналитическую функцию языкового сознания подчеркивали еще Локк (1960) и Кондильяк (1980). «Без знаков какого-либо вида, — пишет Кондильяк, — невозможно было бы нам раздроблять наши мысли так, чтобы нам самим давать себе отчет в том, о чем мы мыслим, дабы раздельно оное видеть» (Кондильяк, 1980. С. 84).

Лексика языка несет в себе в форме семантических компонентов идеальные эталоны, мерки, которые выделяют, вычленяют в отражаемой действительности те или иные аспекты. Семантические компоненты лексики — единицы более дробные, чем значения, образующие его структуру, — являются носителями этих эталонов, и соответствие им (полное или неполное) признаков отражаемого фрагмента действительности позволяет выразить этот фрагмент в слове (или другом нормированном эталоне). Языковое сознание при этом осуществляет не только аналитическую, но и синтетическую функцию. Абстракция признаков и группировка их в новые структуры позволяют строить некие идеальные модели действительности, выраженные в значении слова, а оперирование этими идеальными значениями по законам грамматики и синтаксиса, имманентно содержащим правила человеческого мышления (логику не только научного мышления, но и логику обыденного сознания), позволяет дедуктивно получать новое знание. «Способность высказывать суждения об увиденном и услышанном — это способность отделять, выделять и вновь связывать в уже расчлененном высшем единстве предмет и его свойства, отдельные объекты и отношения между ними, действие, его результат и т. д. Эта способность составляет характерную черту сознания человека как высшей формы отражения. Осознавать действительность — значит расчленять ее на элементы и устанавливать между ними определенные связи и отношения: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т. д. и т. п. И чем больше взаимосвязанных элементов в объекте или ситуации может быть вычленено и вновь связано, тем выше уровень осознания действительности»

(Чуприкова, 1981. С. 23).
Развитие информатики и появление таких современных средств переработки информации, как, например, компьютеры, использующие искусственные языки программирования, расширили диапазон языкового сознания, в частности значительно увеличили аналитико-синтетические возможности человеческого мышления и основываются на том же принципе опосредующей функции знака, что и «природное» человеческое сознание, вооруженное естественным языком. «В самом деле, машина имеет дело с очень простым материалом — кодами, кодовыми знаками. Кодовые знаки в машине, на глиняных табличках или на бумаге, — замечает А. Кэй, — практически равносильны с точки зрения их способности представлять различные реальные и идеальные объекты» (1984. С. 47). Подчеркивая, что персональная ЭВМ является техническим орудием, средством интеллектуальной деятельности, Г. Л. Смолян и К. Б. Шошников (1976) вслед за Г. П. Щед-

ровицким (1967) используют аналогию ЭВМ с верстаком, на котором осуществляются демонтаж и сборка интеллектуальных конструкций.
«Объект разбирается на части только для того, чтобы выяснить, как снова соединить их в одно целое», — приводят они в подтверждение своих рассуждений мысль создателя тензорной теории сложных систем Г. Крона (1972. С. 28). В контексте этих рассуждений, перефразировав ставшее афоризмом высказывание, можно было бы сказать: «Человеческое сознание не храм, а мастерская, и человек в ней работник».

1.2. Значение как «превращенная форма деятельности»

Поскольку в значении фиксируются свойства объекта, существенные с точки зрения общественной практики, его можно рассматривать как превращенную форму деятельности (Мамардашвили, 1969; Леонтьев А. А., 1975), где в качестве признаков значения содержатся виртуальные свойства объекта, которые могут быть раскрыты в той или иной общественно значимой деятельности субъекта или общества как совокупного субъекта. Предметный мир, окружающая действительность при этом понимаются не как кантовская «вещь в себе», в которой законсервированы существующие безотносительно к общественной человеческой практике признаки и качества, а как «очеловеченный мир», как культурно-историческое бытие человека.
Как отмечает К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», «главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта... а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» (Т. 3. С. 1). Развивая эту мысль в работе «Немецкая идеология», К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Он (Фейербах) не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это — исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй» (Там же. С 42).
Восприятие и осознание человеком мира оказывается, таким образом, производным от культурно-исторического бытия человека. Новые формы деятельности субъекта порождают и новые формы осознания действительности, новые «фигуры сознания», а следовательно, и новые формы его «образующей» — значения. Значение в своем содержательном, семантическом наполнении является не идеальным «инобытием» объекта, а превращенной формой деятельности субъекта, познающего и преобразующего мир.
Деятельность в отечественной психологической науке имеет широкую трактовку как «динамическая система взаимосвязи субъекта с миром» и включает такие формы, как предметно-практическая деятельность по производству материального продукта; теоретико-мыслительная деятельность, оперирующая идеальными

конструкциями, моделирующими мир; эстетическая деятельность, заключающаяся в создании произведений искусства как носителей идеальной художественной реальности («возможных миров» в терминах Я. Хинтикки (1980)); идеологическая, мировоззренческая деятельность, связанная с рефлексией, выделением ценностных ориентиров человеческого бытия и т. д. Значения как «превращенная форма деятельности» несут в своих семантических компонентах связи и отношения, существующие и раскрываемые в этих формах деятельности, и включают «в

снятом виде» их системное содержание и специфику.

Трактовка значения как «превращенной формы деятельности» помогает понять содержание и генезис значений, не сводимых к остенсиональным определениям и не имеющих явной предметной отнесенности. Остановимся подробнее на этом вопросе.

В рамках позитивистски ориентированной логической семантики (Г. Фреге, Р. Карнап, У. Куайн, Б. Рассел, А. Тарский, А. Черч) представление о структуре знака опирается на идеи Огдена и Ричардса, предложивших концепцию семиотического треугольника (рис. 1).

Рис. 1. Семиотический треугольник Огдена-Ричардса

Семиотический треугольник выражает отношения знака, его содержания (значения) и его предметной отнесенности (денотата, денотативного значения). Множественность терминов в рамках этого подхода объясняется тем, что разные исследователи по-разному трактуют предметную отнесенность, которую легко зафиксировать для конкретных понятий и гораздо труднее для таких абстрактных понятий, как «справедливость», «гуманизм» и т. д., содержание которых культурно-исторически обусловлено. Согласно представлениям, развиваемым логической семантикой, возможно существование слов (имен), имеющих один и тот же денотат (предметную отнесенность), но различные десигнаты (значения). Например, выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» имеют одну предметную отнесенность (планета Венера), а выражения «победитель при Аустерлице» и «побежденный при Ватерлоо» имеют один денотат — император Наполеон. Ряд имен, таких как «гномы», «эльфы», или понятие «теплород» не имеют предметной отнесенности и в рамках этого подхода являются «пустыми терминами» (Фреге, 1977).

Отметим, что предложенная семиотическая модель знака является, по сути, номиналистской, и семиотический треугольник Огдена—Ричардса объясняет структуру только таких знаков, значение которых задается через остенсиональ-ные определения, т. е. через указание на объекты, входящие в объем понятия. Например, объясняя ребенку, что такое окружность, мы покажем ему на колесо авто-

мобиля, крышку чайника, значок круглой формы или, наконец, просто нарисуем окружность. Но наряду с остенсиальным определением содержания знака его значение может быть раскрыто через систему отношений с другими значениями. Так, «окружность — это геометрическое место точек, равноудаленных от центра». В этом определении понятие «окружность» раскрывается через отношение к понятиям «точка», «равноудаленность», «центр» и т. д.

В операциональном определении значение задается как результат, продукт, которых достигает субъект, совершив ряд предписанных действий.. Так, окружность — это то, что получается на листе бумаги, если на нее поставить циркуль и совершить вращательное движение.

Следует отметить, что многие понятия, которыми оперирует психологическая наука, по своему генезису являются операциональными (например, личностный профиль по тесту Кэтелла, *IQ* — коэффициент умственного развития, уровень притязания), задаются экспериментальной или психодиагностической процедурой и лишь позднее, получая теоретическое осмысление и входя в системные связи с другими теоретическими понятиями, сами становятся таковыми. Ряд психологических понятий, таких как медитация или контрперенос в психотерапии, являются операциональными, и их можно раскрыть, только создав определенные состояния сознания с помощью психотехник.

Функциональное определение значения, так же как и операциональное, раскрывает его через действие, но не по построению объекта, а по его использованию, применению в деятельности: «окружность — это такая геометрическая фигура, которая перекрывает максимально возможную площадь при заданном периметре»; «округлые предметы таковы, что их можно катить». Определение А. Н. Леонтьевым значения как предметной, исторически фиксированной функции является функциональным определением.

Возвращаясь к анализу семиотического треугольника Огдена-Ричардса, отметим, что заложенные

в нем идеи структуры знака близки по своей сенсуалист-ско-эмпирической основе представлениям ассоцианистской психологии. Характеризуя представления традиционной эмпирической психологии о генезисе понятия, Л. С. Выготский проводил аналогию с процедурой образования «семейного портрета», предложенной Гальтоном: если поставить фотоаппарат на большое время выдержки и снимать на один кадр последовательно членов одной семьи, то в результате общие черты родственников запечатлятся сильнее, а индивидуальные особенности взаимно погасят друг друга. Возникнет обобщенный портрет — инвариант отдельных чувственных образов, который в рамках эмпирической психологии соответствует понятию как ассоциации образов.

Представление о понятии как об ассоциации отдельных чувственных признаков восходит еще к древнегреческой философии. Вспомним данное Платоном (1968. Т. 2. С. 311) определение человека «как животного на двух ногах, лишенного перьев», заключающееся в попытке выделить чувственные признаки рода человеческого: «...и принес тогда Диоген ощипанного петуха и сказал: "Возьмите вашего человека"». Понимание понятия как абстракции отдельных чувственных признаков просуществовало вплоть до нашего времени. Тем не менее в Вюрцбург-ской школе психологии мышления была показана возможность мыслить, понимать некоторое содержание, например афоризма, без его образного представления (Кюльпе, 1914). В отечественной психологической науке, прежде всего в ра-

ботах В. В. Давыдова (1972), показывается, что истинные научные понятия образуются не путем абстракции чувственных признаков, а через восхождение от абстрактного к конкретному. Например, марксово понятие стоимости нельзя раскрыть через анализ чувственных — физических или химических — свойств денег. Оно раскрывается через отношение к таким теоретическим понятиям, как «абстрактный рабочий труд», «прибавочная стоимость», «собственность на средства производства», «потребление», «распределение произведенных благ» и т. д. Для того чтобы достаточно полно раскрыть это понятие, необходимо фактически реконструировать все политэкономическое учение Маркса, в системных связях которого данное понятие занимает свое место.

Другим примером, демонстрирующим несводимость содержания понятия к эмпирически выделяемым признакам, являются комментарии Э. В. Ильенкова (1960) и В. В. Давыдова (1972) к определению Б. Франклина — человека как производителя орудий. Прямой перенос такого определения на социальную действительность привел бы к тому, что понятие «человек» не охватывало бы писателя, поэта, ученого, учащегося и т. д. Определение человека как существа, производящего орудия, требует раскрытия этого определения в контексте всей совокупной общественной практики, где производство идей является необходимым звеном в производстве вещей. Теоретическое понятие как бы вбирает в себя целый пласт системных связей действительности и содержит их в себе в свернутом виде. Раскрытие понятия как восхождение от абстрактного к конкретному предусматривает раскрытие этих системных связей. В отличие от эмпирического обобщения, где, используя в качестве ведущего умственного действия операцию сравнения, субъект выделяет общие признаки и при переходе от видового обобщения к родовому получает все более «тощую абстракцию», ведущей формой теоретического мышления выступает операция анализа через синтез (Рубинштейн, Брушлин-ский, 1979). «Эта основная форма анализа, основной нерв процесса мышления заключается в следующем: объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства» (Рубинштейн, 1958. С. 98).

Вступая в новые связи и отношения, понятие как бы наполняется содержанием, происходит восхождение его от абстракции, заданной единичной дефиницией, к конкретности, но заданной не чувственными признаками, а системными, существенными для данной содержательной области качествами.

Один из основных принципов лингвистической семантики — принцип Хольта (Лекомцев, 1974) — гласит, что число семантических компонентов, входящих в план содержания некоторого знака, определяется набором противопоставлений, в которых участвует этот знак. Исходя из этого принципа, можно сделать вывод, что теоретическое понятие тем богаче по содержанию, чем более разработанной, дифференцированной является теория, в которую оно входит.

Деятельностная трактовка значения имплицитно заложена и в ряде лингвистических моделей глубинных семантических структур, в частности в теории падежной грамматики Ч. Филмора

(1981).

Следует отметить, что в современной лингвистике объектом семантического анализа признается высказывание, текст, а не отдельно взятое слово. Еще Л. Вит-

генштейн отмечал в «Логико-философском трактате», что собственно значением обладает не отдельное слово, а целостное высказывание (1958). В работах В. Г. Гака (1972) приводится развернутое обоснование того, почему под определение Ф. де Соссюром знака как двусторонней сущности, обладающей планом выражения и планом содержания — значением, подпадает скорее предложение как продукт законченного семиотического акта, а не слово. Переход от «атомарной» парадигмы семантического анализа к анализу целостных высказываний отмечается как принципиальное достижение генеративной семантики (Апресян, 1974).

Реальный текст характеризуется смысловыми пропусками того, что «само собой» известно реципиенту, того, что образует «имплицитные смысловые аксиомы» — «знания о мире». В падежной грамматике Ч. Филмора (1981) восстановление смысловой неполноты текста идет по линии заполнения мест предиката. Например, глагол «брать» задает отношение трех объектов («кто?», «у кого?», «что?») и является трехместным предикатом, а глагол «покупать» («кто?», «у кого?», «что?», «за сколько?») — четырехместным. Каждому месту (аргументу) предиката приписывается также падеж — глубинная семантическая роль: агент — одушевленный инициатор события *(«Я* думаю», *«Ребенок* смеется»); контрагент — сила, против которой направлено действие *(«Ветер* мешал мне идти»); объект — объект воздействия («Разбить окно»); место — место действия («Поставить на *пол»);* адресат — лицо, в пользу которого (или во вред) совершается действие («Учить *студента»);* пациенс — лицо или объект, испытывающие воздействие («Музыка волновала *меня»);* результат — вещь, возникающая в результате действия («Построить *дом»);* инструмент — орудие действия («Поехать *поездом»);* источник — источник воздействия *(«Дедушка* рассказал сказку»). В теории Ч. Филмора один аргумент может обладать сразу несколькими ролями. Например, в предложении «Дедушка рассказал сказку» дедушка одновременно и агент и источник события. Глубинная роль может быть факультативной. Так, в предложении «Джон упал» Джон является агентом только в случае намеренного действия.

В проведенном нами исследовании процессов понимания речевого высказывания (Петренко, Мастеров, 1981) теория глубинных семантических ролей подвергалась психологической верификации. Было показано, что понимание поэлементно предъявляемого предложения идет как по линии сужения — по принципу семантического согласования (Гак, 1972) — виртуальных семантических компонентов слов, его составляющих, так и путем заполнения глубинных семантических ролей, задающих глубинную синтаксическую структуру предложения и в зависимости от заполнения той или иной роли резко суживающих возможную семантическую интерпретацию вновь вводимой лексики.

Представления Л. С. Выготского (1956), П. Я. Гальперина (1966) о генезисе высших психических функций как интериоризации внешних действий, представления о структуре деятельности, развитые А. Н. Леонтьевым (1975), позволяют в новом теоретическом ракурсе рассмотреть концепцию падежной грамматики. Структура предложения, заданная глубинными семантическими ролями в падежной грамматике Ч. Филмора, фактически отображает структуру деятельности некоего субъекта во внешнем материальном плане. Список глубинных ролей — в падежной грамматике Ч. Филмора явно неполный — должен соответствовать общей структуре деятельности человека, включая, например, такие роли, как цель

и мотив. Можно предположить существование универсальной полной схемы деятельности, фрагменты которой актуализуются, развертываются в речевом высказывании субъекта в зависимости от направленности внимания на те или иные стороны человеческой активности. Можно полагать также, что глубинная ролевая структура значения любого текста с восстановленной смысловой неполнотой и структура человеческой деятельности находятся в отношении изоморфизма. При этом для построения таких изоморфных планов необходима дальнейшая работа по выделению структурных компонентов как в рамках психологической теории деятельности (например, описания пространственно-временных параметров и условий деятельности), так и в плане развития теории падежной грамматики или аналогичной ей модели.

Мы уже отмечали, что падежная грамматика Ч. Филмора описывает в первую очередь деятельность субъекта во внешнем материальном плане. Описание структуры внутренней деятельности субъекта в ментальном плане только разрабатывается в рамках изучения так

называемых препозиционных предикатов типа *знать, сожалеть, стыдиться, полагать* и т. д. (Вежбицкая, 1983,1996). Мало разработанной областью является и описание субъект-субъектных отношений в рамках общения. В этой связи интересно отметить аналогию лингвистической дискуссии по поводу симметричных предикатов («разговаривать», «спорить» и т. п.) о правомочности выделения двух агентов и психологической дискуссии о сводимости или несводимое™ общения двух субъектов к их самостоятельной деятельности (подробнее см.: Петренко, 1981).

Представление о значении как превращенной форме деятельности приводит к выводу о принципиальной восстановимое™ субъекта (агента) любого высказывания, в том числе и безличного предложения. Безличное предложение можно рассматривать как предложение с опущенным агентом, не заданным явно в тексте, но пристрастная позиция которого выражается в выборе предиката, в поверхностной грамматической организации предложения. Например, в предложении «Книга лежит на столе», описывающем пространственное отношение двух объектов, особенности восприятия человека (агента) проявляются в том, что в качестве грамматического подлежащего выбирается функционально более мобильный, меньший объект (книга). Но позиция агента подразумевается в предложении и тогда, когда отсутствуют какие-либо семантические или синтаксические его проявления в поверхностной структуре. Так, Ш. Балли (1955) полагает, что предложения типа «Смеркается» являются свернутым высказыванием типа «Я вижу, что смеркается», «Я полагаю, что сейчас уже смеркается», модальная рамка которого опущена. А. Вежбицкая (1983) выделяет в предложении пропозицию — собственно некоторое утверждение — и его модальную рамку, определяющую отнесенность описываемого к одному из возможных миров: прошлому, настоящему или будущему; к гипотетическому миру возможного или нормативному миру должного; к пространству желаемых событий и т. п.

Один из ведущих теоретиков модальной логики Я. Хинтикка (1980) называет содержание, включающее пропозициональную установку, «возможными мирами». «Возможные миры», по сути дела, состояния сознания субъекта, ориентированного на воспоминание или на представление будущего, погруженного в творческую фантазию или подверженного сомнениям. Вхождение субъекта в эти состояния осуществляется с помощью ментальных предикатов, выраженных

с помощью специальных лексических средств. А. Вежбицкая (1983, 1996) выделяет широкий пласт такой лексики, заданный в первую очередь наречиями, вводными словами, союзами типа «к счастью», «наверное», «только», «уже», «давным-давно», «возможно», «слишком», «все еще», которые имплицитно задают позицию субъекта (агента) деятельности.

Отсутствие агента в предложении может вести к логико-семантическим парадоксам, которые тем не менее снимаются при реконструкции позиции субъекта деятельности, описываемой в предложении. Рассмотрим известный парадокс, связанный с именем Эдипа: «Из того, что Эдип хотел жениться на Иокасте, которая была его матерью, следует, что Эдип хотел жениться на своей матери». Утверждение, как мы знаем, фактически неверное. Парадокс снимается, если наряду с субъектом (агентом) — Эдипом — реконструировать позицию некоего стороннего наблюдателя — судьбы, рока или нашу с вами, читатель, — который выступает субъектом знания того, что Иокаста является матерью Эдипа. Предложение, таким образом, распадается на две самостоятельные части, одна из которых описывает внутренний мир Эдипа — его желание жениться, а другая с позиции объективного наблюдателя описывает родственные связи Эдипа. Каждое из этих предложений имеет своего собственного субъекта действия или субъекта знания, и в свою очередь утверждение, содержащееся в каждом из них, может быть истинным или ложным.

Рассматривая парадоксы подобного типа, Б. М. Величковский с соавторами (1986), используя понятие ментального пространства, как бы расслаивает содержание текста, в котором присутствуют или подразумеваются препозиционные предикаты, на самостоятельные смысловые области, очерченные рамками пространственно-временной отнесенности и семантического контекста, и понимание такого текста выступает как развертка рекурсивно вложенных друг в друга ментальных пространств. Авторы в качестве примера предлагают рассмотреть следующий отрывок текста: «В этом спектакле И. Смоктуновский играет роль Отел-ло. Отелло думает, что Дездемона ему неверна, хотя.в действительности она его любит». «Этот отрывок задает по крайней мере три пространства. Прежде всего он содержит указание на реальность — пространственно-временной контекст жизнедеятельности говорящего, слушающего и артиста Смоктуновского. Мета-оператор "в этом спектакле" вкладывает в реальность ментальное пространство M_u которое в свою очередь оказывается родительским пространством для

пространства M_2, задаваемого метаоператором *"X* думает". В такой иерархической структуре метаоператор "в действительности" возвращает наше воображение не к реальности, а к непосредственно объемлющему мир мыслей и чувств Отелло пространству М,. Вообще говоря, в каждый момент времени семантический контекст создается лишь объемлющим ментальным пространством» (Величковский, 1986. С НО).

Каждое ментальное пространство задает собственный смысловой контекст, обладает собственной эмоциональной окраской и диктует свои правила построения действий. В ментальном пространстве русских сказок принято летать на ковре-самолете или использовать в качестве средства передвижения серого волка, понимать речь животных и непозволительно, скажем, пользоваться телефоном; в ментальном пространстве научной фантастики средством передвижения служит космический корабль или некая нуль-транспортировка и мир заполнен братьями

по разуму; в ментальном пространстве эпохи Ивана Грозного рубят головы боярам, вводят опричнину и завоевывают Казань; в ментальном.пространстве «светлое будущее» предполагается покончить с войнами и болезнями, добиться материального изобилия, братских отношений между людьми, воспитать гармонически развитую личность.

Каждое ментальное пространство описывает свою собственную реальность — реальность человеческого представления, будь то воспоминание о прошлом, мечты о будущем, реконструкция исторической эпохи или образ самого себя. В трактовке ментального пространства как системы представлений подразумевается, что эти системы представлений имеют, конечно, различное отношение к действительности: если одни строятся на основе житейских и научных фактов и корректируются по мере получения новых знаний о мире (например, научные теории), то другие, например художественная литература или миф, обладают гораздо большими степенями свободы в моделировании действительности, сохраняя тем не менее ее отдельные черты и закономерности (например, психологическую достоверность характеров персонажей сказки). Для нас важно подчеркнуть здесь то, что ментальное пространство как система представлений есть построение некоего субъекта или группы субъектов как коллективного творца. Для одних ментальных пространств это положение, очевидно, лежит на поверхности, как авторство очевидца, утверждающего: «Я вчера это видел собственными глазами» (и далее разворачивается особое ментальное пространство виденного вчера), или для таких ментальных пространств, как «Петербург Достоевского, булгаковская Москва или, скажем, Дублин Джойса, ставших идеальными когнитивными моделями общекультурного значения» (Величковский и др., 1986. С. ПО). Для других, например, для ментального пространства эпохи Ивана Грозного авторство задано коллективным трудом историков, реконструирующих этот пласт прошлого и опирающихся на исторические документы — переписку Ивана Грозного и Курбского и т. п. (т. е. знания презентированы в общественном сознании не только в форме научных монографий, но и в произведениях художественной литературы, например в романе «Князь Серебряный» А. К. Толстого, или в искусстве игрового кино, например в фильме «Иван Грозный» С. Эйзенштейна). Общекультурное ментальное пространство как совокупность значений, образов, символов общественного сознания в той или иной степени полноты присваивается конкретным субъектом и, преломляясь через его систему ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл, задающий отношение субъекта к этой реальности и определяющий использование данного ментального пространства как исторической метафоры для категоризации последующих эпох.

При таком понимании знания о мире не бывают безличными (Полани, 1985; Назаретян, 1986), вернее, бессубъектными, и значение текста раскрывается только в контексте некоего ментального пространства, в рамках категоризации, присущей субъекту, социальной общности или человечеству как совокупному культурно-историческому субъекту. Позиция субъекта, его знания о мире имплицитно присутствуют при интерпретации знака и определяют эту интерпретацию, поэтому-то и несостоятельны попытки логической семантики выделить в рамках семиотического треугольника структуру знака безотносительно к субъекту-интерпретатору и к его целостной системе знаний о мире.

Известный американский психолог Грегори (1970) приводит в одной из своих работ пассаж, связанный с вычленением из картины мира самого субъекта восприятия. До появления человека на Земле, пишет он, извергались вулканы, изливалась магма, летели камни, но грохота не было.

Картина величественная и чем-то устрашающая, что связано с исключением привычного атрибута из этого обесче-ловеченного, одинокого мира. Но если быть строгим, то не было не только звука как формы психической презентации объективного процесса колебания воздушной среды, не было «вулканов» и «камней» как форм категоризации человеческого восприятия, особенности которого проявляются в том, что в качестве фигуры из фона выделяются твердые объекты (камни), жидкие (магма), а не движение, например, газов, в том, что человеческим глазом воспринимаются световые волны в диапазоне 400-800 н/м и не воспринимаются инфракрасные или ультрафиолетовые, электромагнитные волны или рентгеновское излучение. Понятия «вулкан», «камни» суть некоторые формы обобщения, под которые подводятся и через призму которых воспринимаются конкретные единичные объекты. Воспринимать ли комок грязи как камень, а боковые ответвления от основного жерла вулкана как самостоятельные вулканы — в конечном итоге определяется теми перцептивными, концептуальными эталонами, которые опосредуют восприятие и категоризацию этой реальности.

Для представления «обесчеловеченного» мира не обязательно мысленно перемещаться к его началу, достаточно вообразить, каков он за моей спиной. И можно было бы написать страшные рассказы в духе Р. Брэдбери о предательски изменяющих свой обычный облик обычных вещах, как только мы отворачиваемся от них, если бы для этой фантазии не требовалось введение некоего иного наблюдателя, обладающего другими системами анализаторов, другим мозгом, другой психикой (например, космического пришельца или мухи, ползающей по стене). В любом случае меняется, конечно, не объективный мир, а его картина, присущая наблюдателю, субъекту восприятия.

Человеческое восприятие и осознание мира, процессы его памяти, мышления и воображения вооружены и одновременно ограничены той конкретно-исторической системой значений, несущей в себе совокупный общественный опыт, которая присуща той или иной социальной общности, той или иной культуре. Общечеловеческие инварианты этих систем обусловлены сходством жизнедеятельности различных социальных общностей и народов, наличием общечеловеческой культуры.

1.3. Проблема лингвокультурологической относительности

Не достроив Вавилонской башни, разноязыкое человечество взамен идеологического всеединства реализовало творческое многообразие, создав Египетские пирамиды и Акрополь, Тадж-Махал и Руанский собор, Московский Кремль и небоскребы Манхэттэна. Взамен целостности и простоты человечество обрело разнообразие, необходимую особенность любой сложной системы, обеспечивающую ей выживание и эволюцию. Многообразие же языков и, как следствие, множественность картин мира, присущих национальным культурам, — звено в этой цепи.

Как показывают многочисленные работы в рамках теории лингвистической относительности (Сэпир, Хойджер, Хоккетт, Брутяп, Коул), структуры языка, организуя человеческое восприятие и опыт, в значительной мере влияют на структуры общественного сознания и, как следствие, — на мировоззрение и мироустройство. Например, разбирая специфику китайского языка, Е. В. Завадская[1] отмечает отсутствие в нем предиката «есть», реализующего закон тождества Л = *А,* имеющегося во всех индоевропейских языках, и как следствие этого — широкое использование в китайской культуре прагматической категории «ценности» (или «полезности») взамен категории «истины», столь характерной для европейской традиции и для выражения которой требуется закон тождества. Отсутствие в китайском общественном сознании такой фигуры, как «истина», в свою очередь ведет к трудности понимания идей трансценденции, оппозиции дольнего и горнего, лежащей в основе противопоставления Творца и тварного мира (что в философии традиции выступает как кантианская субъект-объектная оппозиция).

В свою очередь фигуры сознания как идеальные конструкции выступают схемой, планом будущих уже материальных творений. Так, если в вертикали готического храма выражена идея противопоставленности мира идей и мира вещного, дольнего и горнего, то горизонтальная организация пространства китайской пагоды как бы ограничивает поиск своего пути в окружающем земном. В ритмике геометрического узора, в выборе красок, в пластике линий на языке образных метафор выражены миропонимание и мировоззрение различных национальных культур. Если язык архитектуры выражает множественность человеческих миров (ментальных пространств в терминах Хинтикки, 1980) вещно и зримо, то естественный язык в своих значениях скрывает многообразие идеальных конструкций, идеальных моделей не только ставшего бытийного мира, но и моделей «потребног го будущего», желаемого, воплощающего идеалы.

В идеях Канта (1994) об априорных категориях сознания, в понятиях В. Вунд-та об «апперцепции», в идущем от Шпенглера (1993) понятии картины мира, присущей каждой культуре (Гуревич, 1974, 1989, 1993), в представлениях Выготского (1934), А. Н. Леонтьева (1976, 1979), Лурии (1979) об опосредованности восприятия системами значений и понятии «образ мира» (Смирнов 1985; Петухов, 1984; Стоценко, 1987), в представлениях о категориальных структурах сознания в психосемантике (Осгуд, 1957; Келли, 1971; Петренко, 1975, 1983, 1988; Шмелев, 1983) — во всех этих понятиях заложена идея опосредования, преломления наличного восприятия через некие структуры знаний, идея наложения на настоящее следов прошлого, обобщенного и упорядоченного. Но в каковых формах отлит этот прошлый опыт? По-видимому, в тех, какие были «под рукой» человечества, окружали человека каждой национальной культуры в его повседневном быту и деятельности.

Категориальная сетка сознания напоминает паутину, которую ткет паук из собственной же субстанции. Для экспансии расширяющейся Вселенной сознания используется подручный материал бытовых представлений и образов. Будучи идеальными, они могут редуплицироваться неограниченно и, брошенные метафорой в незнаемое, позволяют навести первые мостки, освоить новую область познания скорее на уровне полупоэтического видения. Со временем, образуя взаи-

Устное сообщение Е. В. Завадской на научном семинаре А. Я. Гуревича.

мосвязи и отношения, вбирая в себя эмпирический материал, они становятся понятиями, позволяющими научное осознание этой новой области.

Этимологические корни многих научных понятий очевидны и непрофессиональному сознанию. Так, мы говорим о физических полях, информационных каналах, категориальных решетках, используя в качестве понятия то, что было когда-то метафорой, взятой из окружающего физического мира. В свою очередь на этот физический мир проецировались антропоморфные представления: солнце встает, речка бежит, а книга и вовсе лежит (разлеглась, понимаешь-ли, на столе). В этом плане лексика языка есть не что иное, как скопище стершихся метафор, часть из которых утратила связь со своей образной основой. Но под опытной рукой реставратора могут быть сняты напластования и восстановлен первоначальный образ (икон).

Представление об аналитической функции языка, об опосредованности восприятия и сознания субъекта системой значений и факт различия национальных языков по лексической семантике и грамматической структуре неизбежно приводит к выводу о различии картин мира, формируемых у представителей различных языковых культур. «Различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его», — полагает В. Гумбольдт, вводя в этом контексте важное понятие языкового сознания народа (1984. С. 9). Позицию В. Гумбольдта разделял видный лингвист Бодуэн де Куртенэ: «...без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение...» (цит. по: Рамишвили, 1984. С. 12).

В работах по сопоставительному анализу баскского языка В. Гумбольдта, в исследованиях по реконструкции семантических полей лексики индоевропейских языков его последователей И. Трира, Л. Вайсгербера, В. Порцига приводятся многочисленные примеры неполного совпадения по семантическому наполнению или по широте отнесенности соэквивалентных для сопоставляемых языков понятий. Например, социальная и психологическая дистанция между субъектом и человеком, которого он называет другом *(freund),* в немецком языке значительно короче, чем это зафиксировано в английском эквиваленте этого слова *(friend),* и ряд лиц, которых американец назвал бы друзьями, для немца попали бы в разряд знакомых (Слобин, Грин, 1976).

Практика переводов дает большое количество примеров выпадения тех или иных смысловых нюансов, смысловых лакун в силу неполного соответствия лексики языка оригинала и того языка, на который осуществляется перевод. Так, не-компенсируемую лакуну при переводе с русского языка на английский дает различие в русском языке «ты» или «вы», переводимое недифференцированно — *you.* Можно вспомнить, как Вронский обращался к Анне Карениной по-французски, «избегая невозможно-холодного между ними вы и опасного ты по-русски» (Толстой, 1955. С. 203).

В русском языке есть два различных слова «сознание» и «совесть», происходящих от квазисинонимичных слов «знать» и «ведать». Слово «сознание» было введено Карамзиным как калька при переводе латинского consciencia. В дальнейшем синонимичные слова «сознание» и «совесть» приобрели различные значения: в первом выделяется скорее познавательный аспект («со-знание»), а во втором — чувства и переживания. В большинстве европейских языков такое

различие отсутствует, и можно предположить, что в какой-то мере пафос французского Про-

свещения, связанный с представлением о том, что человеку достаточно объяснить этические нормы, чтобы он принял их и им следовал, обусловлен неразведением понятий «сознания» и «совести» (знания и чувства).

Интересное наблюдение приводит А. П. Назаретян (1979), полагая, что отсутствие различия в русском языке между социальной *{effectiveness)* и экономической эффективностью *{efficiency)* приводило долгое время отечественную историю пропаганды к смешению критериев эффективности идеологической работы на производстве с критериями эффективности производственной деятельности. В то же время в русском языке лексически выражено различие между понятиями «эффективность» и «эффектность», отсутствующее, в частности, в английском языке и позволяющее человеку, думающему по-русски, более тонко улавливать оттенки в форме и содержании выполняемого действия. Проводя сопоставительный анализ соэквивалентной в переводе лексики различных национальных языков, практически для любых слов можно выделить их неполное семантическое, коннотативное или ассоциативное соответствие, обусловленное культурными различиями.

Еще более разительные языковые различия дает сопоставление грамматической структуры различных языков. «В грамматике, — отмечает Гумбольдт, — нет ничего телесного, осязаемого, она состоит исключительно из интеллектуальных отношений» (1984. С. 20). Рассмотрим в качестве иллюстрации пример выдающегося американского лингвиста Э. Сэпира, возвращающий нас к рассуждениям в предыдущем разделе об извергающихся вулканах и летящих камнях, где выделение тех или иных аспектов этого фрагмента действительности определяется не только особенностями человеческого восприятия, но и грамматическим строением того или иного языка. «Когда мы наблюдаем объект, принадлежащий к классу, который мы именуем "камни" и который летит с небес на землю, — пишет Э. Сэ-пир, — мы непроизвольно анализируем это явление и разлагаем его на два конкретных понятия — понятие камня и понятие акта падения. Связав эти два понятия вместе с помощью формальных приемов, присущих английскому языку, мы заявляем: *the stone falls.* В немецком и французском языках необходимо выразить в слове камень еще и категорию рода — возможно, фрейдисты могут сказать нам, почему это слово в одном языке мужского рода, в другом — женского; в языке чиппева мы не сможем построить это выражение, не указав, что камень является неодушевленным предметом, хотя нам этот факт представляется в данном случае совершенно несущественным. Если мы считаем категорию рода совершенно несущественной, русский может спросить у нас, почему мы думаем, что необходимо в каждом случае специально указывать, понимаем ли мы этот камень или вообще какой-то объект определенно или неопределенно, почему для нас имеет значение различие между *the stone* и *a stone.* Индеец квагиутл из Британской Колумбии выскажет недоумение по поводу того, что мы не считаем нужным специально отразить факт видимости или невидимости этого самого камня для говорящего в момент говорения, а также указать, к кому ближе всего находится этот камень — к говорящему, к его слушателю или к какому-то третьему лицу... Мы считаем необходимым указать на единственность этого падающего объекта, а индеец квагиутл в отличие от индейца чиппева может от этого факта абстрагироваться и построить высказывание, одинаково верное и для одного и для нескольких камней. Более того, ему не нужно заботиться о том, чтобы указать время падения камня.

В языке нутка комплексное явление типа падающего камня анализируется совсем по-другому. Про камень отдельно упоминать необязательно, а употребляется только одно слово, глагольная форма, причем практически она понимается не менее однозначно, чем английское предложение. Этот глагол состоит из двух основных элементов, первый из которых указывает на движение или положение камня или камнеподобного объекта, а второй выражает движение сверху вниз. Мы можем как-то приблизиться к пониманию этого слова в языке нутка, если допустить существование непереходного глагола типа "камнить", отражающего движение или положение какого-то камнеподобного объекта. Тогда наше предложение "камень падает" можно представить в форме "камнит"» (Слобин, Грин, 1976. С. 206).

Исследования американских лингвистов Э. Сэпира, Б. Уорфа, Г. Хойджера, проведенные на материале языка американских индейцев (хоппи, нутка, навахо), выявили специфику категоризации мира индейцами, заключающуюся в преобладании глагольных форм в описании окружающей действительности, т. е. в описании мира через действие. По мнению Г. Хойджера,

эта особенность языка индейцев (в частности, навахо) является отражением их представлений о мире как находящемся в непрерывном движении. «Даже в наши дни, — пишет Г. Хойджер, — навахо является по преимуществу бродячим, кочевым народом, перегоняющим свой скот с одного пастбища на другое. Мифы и легенды очень четко отражают этот мотив: боги и герои сказаний без устали путешествуют с одного святого места на другое» (цит. по: Васильев, 1974. С. 30).

Осмысление богатого эмпирического материала привело Б. Уорфа к формулировке ряда методологических положений, вошедших в историю языкознания как гипотеза лингвистической относительности Сэпира—Уорфа. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит — в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» (Уорф, 1960. С. 174).

Не давая развернутого критического анализа гипотезы лингвистической относительности, представленного в обстоятельных публикациях советских философов и лингвистов (Брутян, 1969; Васильев, 1974; Звягинцев, 1964; Маркарян, 1969), отметим только позитивистскую трактовку Уорфом сводимости мира к потоку впечатлений (отсутствующую во взглядах его непосредственных предшественников — Гумбольдта и Сэпира) и то, что рассуждения Уорфа направлены в основном на описание в языке объектного, физического мира.

Однако для обыденного, житейского сознания, структуры которого закреплены в языке, адекватность или неадекватность окружающей действительности — вопрос не лингвистических штудий, а жизненно важный момент, определяющий выживание той или иной этнической общности, и сам факт существования того или иного национального языка является свидетельством успешного решения этой жизненно важной задачи. Научное же познание действительности не только

опирается на понятийный аппарат, правила построения которого достаточно универсальны, но и использует математические формулы, чертежи, схемы, искусственные знаковые системы, например языки программирования, в минимальной степени зависящие от специфики конкретных национальных языков.

Отсутствие в языке ряда понятий вовсе не означает невозможности их выразить (пусть менее экономным способом) через другие, а различия в грамматическом строе (например, наличие в языке грамматического рода, определенных или неопределенных форм лексики) вовсе не означают их актуального осознания говорящим в момент речемышления. Можно согласиться с мнением Ч. Хоккетта, что «языки различаются не столько возможностью что-то выразить, сколько той относительной легкостью, с которой это может быть выражено» (Хоккетт, 1954. С. 122). Для нас здесь важно подчеркнуть то, что гипотеза лингвистической относительности заострила проблему языковой опосредованности восприятия и осознания мира человеком. Но в значительной мере верные в функциональном плане положения гипотезы лингвистической относительности искусственно разрывают взаимосвязь «деятельность — культура — язык». Демиургом образа мира является не язык, сам в значительной мере производный от специфики деятельности и культуры той или иной языковой общности, а понимаемые в широком смысле формы культурно-исторического бытия, выражающиеся в деятельности человеческих общностей. То, что возможны коммуникация и взаимопонимание людей, говорящих на различных языках и принадлежащих к различным культурам, свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимообогащения культур различных народов.

В то же время наличие «культурологической относительности» картины мира того или иного этноса, большая вариативность форм категоризации обусловлены системой значений, вбирающих в себя в превращенной форме специфику жизнедеятельности и культуры данной социальной и национальной общности.

Е. Ф. Тарасов и Ю. А. Сорокин (1977) приводят ряд примеров национально-специфической метафоры, отражающей мироощущение народа, быт и культуру которого описывает и к которому принадлежит писатель. Так, у казахского писателя М. Ауэзова (1972) «речка узкой лентой сползает... подобно длинному плетеному аркану», «юрты белеют, точно гусиные яйца в

камышах», один из героев повести, подкарауливая вора, «выжидал, как ловчий беркут, желанные минуты, когда, наконец, хозяин снимет с его глаз шапочку-тамгу, он взмоет в небо и ему откроется в камнях и травах красный огненный хвост лисы», «скалы катятся с крутизны, срываясь, как беркуты на взлете, заслоняя и изламывая степной горизонт», «ноздри его раздувались, как у коня на байге». У абхазского писателя И. Тарбы (1972) в языковых сравнениях доминируют фрагменты социального опыта его народа: «холмы, подобно башлыку, обвивающему шею горца, обвиваются бесчисленными тропинками», «холм, круглый, как сванская шапка», струйки воды «образуют сосульки, похожие на чурчхелы», «реки вились одна около другой, как две виноградные лозы».

Таким образом, картины природы, привычного быта, человеческих отношений выступают своеобразным метафорическим метаязыком, на который переводится реальность. Если в плане лингвистической относительности ставится проблема возможности эквивалентного перевода некоего содержания (например, описан-

ного выше) с одного языка на другой, то в плане «культурологической относительности» правомерны вопросы: а могли ли вообще «прийти в голову» представителю другой культуры эти образы и сравнения и почему некоторая реальность (близкая данному народу) выступает в форме метафоры, задающей семантическую плоскость, на которой выстраивается описание другой реальности? Эта особенность человеческого мировосприятия, где более привычные, освоенные данной культурой реалии выступают метаязыком, формой, в которой отображается и рефлексируется иная реальность, специфична для мифологического сознания, для фольклора, для религиозных текстов, где некое знание, данное в форме притчи, канонических сюжетов, выступает формой рефлексии различных событий, человеческих поступков, а также иных текстов. Специфичная для мифологического сознания, эта неравнозначность человеческих знаний, где личностно более значимый опыт опосредует восприятие и осознание нового, проявляется и в организации сознания современного человека.

Л. С. Выготский (1983) и А. Н. Леонтьев (1965) писали об опосредованное™ высших психических процессов (восприятия, памяти, мышления и т. п.) системой значений. Но эта система значений сама может быть организована в некие повествовательные структуры, некие тексты, вызывающие в сознании субъекта целостный контекст ассоциативных связей, вне которого в восприятии первичного текста образуются смысловые лакуны (Желвис, 1977; Маркарян, 1969; Муравьев, 1971; Сорокин, 1977; Сорокин, Маркова, 1985).

Рассмотрим в качестве примера анализ Ю. А. Сорокиным (1977) стихотворения китайского поэта Хуан Тицзяня (1045-1105) «Бабочка и муравьи»:

Весело порхала бабочка
Накануне нежданной петли в паутине.
К добыче сползлись муравьи,
Раздирая и споря, уносили чужие объедки в муравейник Нанькэ!

Подтекст этого стихотворения был задан широко известной в то время новеллой танского писателя Ли Гун-цзо «Правитель Нанькэ». Герой этой новеллы Фэнь Чунь-юй видит сон, где посланцы неба призывают его стать правителем некоей страны Нанькэ. Претерпев там ряд возвышений и невзгод, он затем возвращается в мир смертных. Проснувшись, Фэнь Чунь-юй осознает, что все приключившееся с ним было лишь сном, а страна, которой он правил, — это всего лишь муравейник в дупле старого дерева во дворе его дома. «Знатность, богатство и чин высокий, — размышляет автор новеллы Ли Гун-цзо, — власть и могущество, что крушат государство, с точки зрения мудрого мужа, мало отличны от «муравьиной кучи» (Ли Гун-цзо, 1955. С. 58).

Конец стихотворения «Бабочка и муравьи» оказывается, таким образом, прямой цитатой-указателем на содержание новеллы «Правитель Нанькэ», вызывая антропоморфные ассоциации в восприятии жизни природы. Б то же время стихотворение в краткой образной форме резюмирует идею превратности судьбы, заложенную в содержание новеллы. Каждый из художественных текстов выступает рефлексивным зеркалом по отношению к другому тексту, наполняя и обогащая его собственными мыслями и ассоциациями.

Специфичный для мифологического сознания принцип многоуровневости в организации смысловых контекстов, где наиболее глубинным пластом выступают архетипические структуры, используется в художественном творчестве и в наше время. Так, в романе М. Булгакова «Мастер и

Маргарита» по-новому осмысленный евангельский сюжет о последних днях Христа выступает рефлексивным метауровнем для осмысления жизни Мастера и, вызывая резонанс в дне сегодняшнем, в свою очередь получает подтверждение вечности поставленных им проблем. В романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» притча о лишенном памяти манкурте, «забывшем имя отца своего», или сказание о любви старого акына Раймалы-ага и красавицы поэтессы Бегимай выступают рефлексивными метавключениями, одно из которых оттеняет образы современных манкуртов типа приспособленца Сабитжана, утратившего свои национальные корни, а второе дает поэтический аккомпанемент мировосприятию и любви героев романа.

Метавключения в текст могут как непосредственно входить в план выражения художественного произведения, так и быть заданными через ассоциативную связь, через скрытое цитирование, через метонимию, но тем не менее однозначно адресовать субъекта, знакомого с данным культурологическим кодом, к определенному прототексту[1].

Парафразы, скрытое цитирование специфичны не только для художественной литературы. Они присущи в целом всем видам и жанрам искусства. Например, картина Рембрандта «Возвращение блудного сына» является переводом на язык живописных образов, комментарием библейской темы. Картина Э. Мане «Олимпия» по композиции представляет собой живописную цитату, парафразу тициановской Венеры и в своем «прочтении» подразумевает этот смысловой контекст. Цепочка бредущих по бездорожью слепых в художественном фильме А. Алова и В. Наумова «Тиль Уленшпигель» сюжетно и композиционно соответствует картине Брейгеля «Слепые», которая в свою очередь воплощает библейский текст о слепых, которых ведут слепые вожди. Восприятие живописи подразумевает подчас знание теоретических, методологических обоснований определенного направления. Например, «Черный квадрат» Малевича, являясь «живописным понятием», абстракцией полотен художников-кубистов, не может быть понят и осмыслен вне концептуальных построений, программ и манифестов авангардистов. «Текст в тексте» присущ и музыке и архитектуре, и любое новое произведение искусства может включать в себя элементы или целые смысловые блоки созданных ранее творений, основываясь на фундаменте существующих традиций и канонов.

Многоуровневость, включенность «текста в текст», наличие метапланов, обусловливающих представление одних знаний через другие и, как следствие, саморефлексию системы, использование метафоры, метонимии, других разновидностей тропа, объединяющих гетерогенные, разномодальные формы репрезентации в единую функциональную систему, являются, очевидно, универсальными принципами организации и архитектоники человеческой культуры. Культура же, будучи интериоризированной, присвоенной субъектом в процессе социализации, репродуцирует в структурах индивидуального сознания принципы своей организации.

Проблема «текста в тексте» подробно рассматривается в работах Ю. М. Лотмана (1971, 1977, 1992) и В. В. Иванова (1975, 1981).

Семиотическая трактовка психики, в частности понимание образа как своеобразного перцептивного высказывания о мире (Петренко, 1976), или трактовка социальной действительности как доступного расшифровке и прочтению текста приводит к пониманию познания в широком смысле этого слова как процесса включения новой информации в системное целое информационного тезауруса познающего субъекта.

1.4. Категориальные структуры сознания как средство рефлексии

Уровневая организация языка, позволяя порождать сколь угодно большое количество структурных единиц для выражения человеческой мысли, дает также возможность описывать в языке языковые же конструкции, т. е. осуществлять посредством метаязыковых структур рефлексию речевых выражений.

Являясь средством описания действительности, сами значения (понятия) могут не осознаваться как таковые. Для осознания значения необходимо выражение его в системе других значений. Системность, по Л. С. Выготскому, является критерием осознанности. Осознание средств сознания (понятий, системы значений) необходимо субъекту для разведения картины (образа) мира и собственно действительности. Действительность репрезентирована субъекту через призму чувственной модели мира (перцептивный образ) или через знаковые, концептуальные модели, и в этом плане для наивного, нерефлексирующего субъекта действительность оказывается манифестированной некоторой моделью мира, «слитной» с этой моделью. Рефлексия средств

познания, более разработанная для понятийных форм, позволяет через констатацию множественности возможных моделей мира развести (вычленить) объект познания и выработанные в истории науки средства познания и тем самым, преодолевая позицию «наивного реализма», обеспечить субъекту определенную свободу в выборе и конструировании средств познания.

Рефлексия, выделение средств познания, используемых субъектом, необходимы, на наш взгляд, не только в рамках научного мышления и концептуальных построений, но и в сфере житейского, обыденного сознания. Так, например, в лингвистике реконструкция обыденных представлений субъекта о мире является необходимым звеном в объяснении процессов речепорождения и понимания субъектом речевого высказывания. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа — носителя данного языка...» (1974. С. 59). Это рассуждение возвращает нас к проблеме лингвокультурологической относительности, но вариативность картины мира, присущей субъекту, специфицирует не только различные национальные, культурологические общности, но и различные социальные, профессиональные, возрастные группы, и далее — уже в области психологической науки — можно говорить о специфике мировосприятия конкретной личности, о присущих ей способах категоризации действительности, о специфическом, индивидуальном «языке личности».

В дальнейшем мы возвратимся к обсуждению этого вопроса на уровне экспериментальных исследований. Сейчас же нам важно подчеркнуть необходимость

изучения картины мира «наивного», обыденного сознания и стоящей за ней индивидуальной системы значений, включающей наряду с позитивным знанием и заблуждения, артефакты, иллюзии житейского опыта. Дело в том, что имплицитная картина мира, присущая субъекту, опосредуя его восприятие и осознание мира, приобретает как бы самостоятельный онтологический статус, влияя, даже будучи иллюзорной, на его реальный жизненный выбор тех или иных поступков, на все поведение в целом.

В методологической статье «Проблема объективного метода в психологии» В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили обосновывают приложимость категории «реальное» к психическим явлениям. В философской и психологической литературе термин «объективный» (например, «объективные методы») часто по традиции относят к физиологическим коррелятам психических процессов, как бы отказывая *post factum* психологической науке в собственных объективных методах изучения психической реальности. В понимании психической реальности авторы смещают акцент с субстанциональной трактовки объективного как доступного остенсиальным определениям к функционально-операциональному определению реального как опосредующего индивидуальную человеческую психику и деятельность. «Говоря, что субъективность (психического. — *В. П.)* "входит в реальность", мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания...» (1977. С. 116).

О навязчивом и патологическом действии бессознательных представлений авторы статьи пишут, что «...эти патологические формации выявляются психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности» (Там же. С. 119). В художественной форме эту мысль о реальности психического выразил, на наш взгляд, А. П. Чехов. Герой рассказа «Черный монах» Коврин беседует с галлюцинаторным образом монаха:

— Но ведь ты мираж, — проговорил Коврин...

— Это все равно, — ответил монах... — Легенда, мираж и я — все это продукт твоего возбужденного воображения. Я — призрак.

— Значит, ты не существуешь? — спросил Коврин.

— Думай, как хочешь, — сказал монах и слабо улыбнулся. — Я существую в твоем воображении, а воображение твое есть часть природы, значит, я существую и в природе.

Чехов, 1984. С. 210

Приведя этот отрывок, мы хотели подчеркнуть опосредующее влияние картины мира на поведение субъекта: в случае патологического мышления картина мира и действительность рельефно разведены и их противопоставленность очевидна и нерефлексирующему сознанию.

В психологической науке разведение картины мира, присущей субъекту и собственно действительности, наиболее ярко и зримо выступает в исследованиях иллюзорного восприятия (псевдокопии зрительного образа, инверсии, фи-движе-ния и т. п.) (см.: Величковский, Зинченко,

Лурия, 1975; Гибсон, 1988; Грегори, 1970; Логвиненко, 1976; Столин, 1976) и в исследованиях межличностного восприятия (см.: Бодалев, 1970, 1979; Cook, 1979), где пристрастность субъектов восприятия, их индивидуальный опыт и жизненная позиция обусловливают подчас противоречивую множественность образов объекта восприятия и во многом

определяют характер межличностного общения. Именно в этой области психологического знания возникли представления о жизненном пространстве К. Левина (Lewin, 1936), имплицитная теория личности Брунера и Тагиури (Bruner, Tagiuri, 1954), теория личностных конструктов Дж. Келли (Kelly, 1963), представления А. Н. Леонтьева (1979) об образе мира как особом пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир.

Возникает проблема описания этой особой психологической реальности — картины мира субъекта, сотканной из отдельных лоскутов содержания индивидуального сознания. Оптимальной является такая форма описания, которая одновременно выступает и описанием и средством анализа, интерпретации содержания.

Программа описания любого содержания через ограниченный набор элементов человеческой мысли была выдвинута в XVII в. в трудах Декарта, Паскаля, Арно, Лейбница, Локка. Алфавит человеческих мыслей «есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи» (Вежбицкая, 1973. С. 229). В качестве примера, характеризующего это направление, можно привести попытку Спинозы описать некую содержательную область с помощью ограниченного числа категорий. Анализируя содержание значений слов, обозначающих эмоциональные состояния, — «надежда», «страх», «уверенность», «отчаяние», он использует для их описания сочетание двух категорий: оценочной («хорошие — плохие вещи») и той, которую мы сейчас назвали бы вероятностью события («случайные — необходимые вещи»). Это позволило ему дать следующую трактовку рассматриваемых эмоциональных состояний: «Если мы знаем о будущем вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой... С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе наступает покой, называемый нами уверенностью. Когда мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние» (Спиноза, 1957. С. 128).

Описав анализируемые значения на языке двух категорий (оценки и вероятности события), Спиноза провел тем самым и семантический анализ этих значений, отобразив их содержание в метаязыке предложенных категорий. По сути дела, мы имеем здесь прообраз семантического пространства, о котором пойдет речь ниже.

Идеи Лейбница о дискретности и исчисляемости человеческих мыслей, получив дальнейшую конкретизацию и формализацию в работах Дж. Милля, Дж. Буля, С. Джевонса, Дж. Вена, П. С. Порецкого, Э. Шредера и утратив связь с психологической проблематикой, привели к созданию математической логики как экстенсионального, лишенного контекста языка. Тем не менее возникшие новые разделы логической науки, такие как многозначные, модальные, интуитивные логики, логические теории моделей и т. д., совершив виток в своем развитии, опять сближаются с психологической наукой.

В лингвистике идеи разложимости любого содержания на ограниченный фиксированный набор составляющих, успешно реализованные в фонетике, получили в XX в. развитие в лексикографии (Щерба, Балли, Сэпир, Виноградов) и в лингвистической семантике (Ельмслев, Кребер, Гуденау) и приняты современной лексической семантикой (Апресян, Гак). Эти же идеи питали, на наш взгляд, пси-

хологический атомизм В. Вундта с его представлениями о сводимости сложных психологических образований к набору простых ощущений и переживаний.

В рамках такого подхода неизбежно возникают вопросы о том, какой исходный «алфавит человеческих мыслей» должен использоваться в качестве базисного языка для описания всего богатства человеческого сознания и будет ли этот алфавит соответствовать реальным психическим единицам или явится удобной для описания фикцией. Один из лингвистических симпозиумов, проведенных в США на эту тему, имел характерный девиз: «Божья правда против лингвистических фокусов-покусов». Философская, лингвистическая и психологическая

литература, затрагивающая эти вопросы, поистине необъятна, а вся история психологической науки так или иначе связана с проблемой описания психологической феноменологии, одним из аспектов которой являются вопросы аддитивности-неаддитивности психических образований (Ярошевский, 1976).

Разделяя принцип неаддитивности, несводимости психических образований к механической сумме составляющих (Леонтьев А. Н., 1975), мы считаем правомочным выделение их семантических компонентов, понимая их не как функционально или генетически первичные элементы, имеющие самостоятельный морфологический статус, а как подвижные функциональные образования, возникающие и существующие внутри целостной системы значений, перцептивного или мыслительного образа и определяемые этой системой. В такой трактовке семантических компонентов мы видим принципиальное различие лингвистических и психологических, психолингвистических подходов к исследованию генезиса и функционирования значений. В дальнейшем мы вернемся к этому вопросу в рамках деятельностной трактовки значений и рассмотрения психосемантических методов их анализа.

Проблема выделения «алфавита человеческих мыслей», поставленная философами XVII в., получила мощный теоретический импульс и новый ракурс развития в учении о трансцендентальной апперцепции Канта и в «Науке логики» Гегеля, опосредующего чувственное восприятие и понятийное мышление. Дея-тельностный подход позволил показать культурно-историческую обусловленность категориальных структур сознания, их зависимость от форм бытия и практической деятельности людей.

Таким образом, в философии проблема выбора базисных оснований для описания всего многообразия и богатства окружающей действительности выступает как проблема категориального строя человеческого сознания. «Преобразование объектов в человеческой деятельности является главным определением самого человека, выражением его сущности и основанием человеческого мира. Поэтому категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания. Они универсальны, поскольку любые объекты могут стать предметами деятельности и в любых объектах обнаруживаются атрибутивные характеристики, которые развивающаяся практика и познание выявляют в предметном мире и фиксируют в форме категорий» (Степин, 1986. С. 43). К наиболее общим, базисным категориям относятся категории материи, пространства, движения, вещи, свойства, количества, качества, меры, формы, содержания, причинности, случайности, возможности, необходимости и др.

Категории как наиболее общие формы значений (понятий), выступающие родовыми терминами, метаязыком по отношению к более частным значениям, явля-

ются понятийным аппаратом самой философии, создающим возможность рефлексии и описания ее содержания.

Являясь понятиями метауровня, категории образуют систему связей и отношений с другими категориями этого уровня и конкретизируют свое содержание в рамках этой целостной системы. В то же время категории имеют собственную сложную семантическую организацию и в отношениях с другими категориями выступают как «текст в тексте». Семантически категория представляет собой свернутую в одно понятие целостную систему представлений, знаний, выработанных человечеством, о некоторой содержательной области. Например, категория времени вбирает в себя представления теории относительности о взаимоотношениях пространства и времени, космологические представления об эволюции материи, биологические сведения о времени жизни организма, представления о психологическом времени личности, об историческом времени и т. п.

Наличие системных связей категорий высшего уровня, образующих категориальную матрицу, ее проработанность и рефлексия выступают организующим фактором для установления отношений и взаимосвязей содержательных пластов каждой конкретной категории, позволяя реализовать принцип методологического управления в организации каждой конкретной науки. Если философская категория может представлять собой понятийное образование, разворачивающееся в достаточно стройную систему взаимосвязанных суждений и представлений по поводу той или иной атрибутивной характеристики бытия, то категории обыденного, житейского сознания представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения, а в качестве их носителя могут выступать образы, символы, поэтические метафоры.

Даже в относительно развитых философских системах античности, — пишет В. С. Степин, —

многие фундаментальные категории несут на себе печать символического и метафорического отражения мира («огнелогос» Гераклита, «Нус» Анаксагора) (Степин, 1986. С. 50). Еще более расплывчаты и метафоричны категории древнеиндийской и древнекитайской философии. «Никто не может дать определение *дхармы.* Ее переводят и как "закон" и как "элемент бытия". У каждого существа своя *дхарма* — всеобщая и единичная (сущность неотделима от явлений). Вы не найдете двух одинаковых определений *дао* у Лао-цзы, двух одинаковых толкований *жень* или *ли* у Конфуция — он определял *ли* в зависимости от того, кто из учеников обращался к нему с вопросом» (Григорьева, 1979. С. 75).

Категории, как и человеческое сознание в целом, находятся в постоянном развитии. К. Маркс писал: «...даже самые абстрактные категории, несмотря на то что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах» (Маркс, Энгельс. Т. 46. Ч. 1. С. 42). В работе А. Я. Гуревича (1974) приводится множество ярких примеров различий в представлениях человека средневековой Европы и современного человека индустриального общества. «Мы имеем в виду, — пишет А. Я. Гуревич, — такие понятия и формы восприятия Действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода "модель мира" — ту "сетку координат", при посредстве которых люди

воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (1974. С. 30).

Наряду с объектными, базисными категориями рефлексирующее сознание выделяет категории, отражающие субъект-субъектные отношения, атрибутивные характеристики социального бытия человека.

В философии экзистенциализма до уровня мировоззренческих, философских категорий поднимаются такие эмоции и психологические состояния, как чувства вины, сопричастности, страх, одиночество и др.

Грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями-значениями обыденного, житейского сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрастая системными связями и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм. Спецификация категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их содержания, а не в формах их репрезентации (образной или знаковой). Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления. Так, Дж. Брунер (1977) называет перцептивными категориями целостные перцептивные гипотезы, свернутые до некоего единичного перцептивного эталона, определяющего построение и распознавание образа.

В роли категорий обыденного, житейского сознания могут выступать и синкретические обобщения, где объединяющим фактором является эмоциональный тон, присущий объектам. Приведем в качестве примера раннее стихотворение М. Кольцова, в котором поэтические образы нанизаны на стержень объединяющего их эмоционального чувства:

Очень хочется жить:
Когда во дворе идет бессменный и тусклый дождь;
Когда вспоминают о смерти детей;
Когда в соседнем доме играет кто-то на рояле;
Когда бабы в платках крикливо торгуют на базаре цветами;
Когда возвращаешься ночью из театра через сонный и грустный город;
Когда строят дом и кругом пахнет известью, свежим деревом и
горячим асфальтом; Когда к жестокой окоченелой хмурой земле подкрадывается весна и Знаешь, что это будет еще не раз, всегда, всегда.

1976. С. 145

Для описания образа мира субъекта, его имплицитной модели того или иного фрагмента действительности необходима реконструкция категориальной структуры индивидуального сознания, размещение в ней индивидуальной системы значений. Психология в своей основе является опытной, экспериментальной наукой и в отличие от реконструкции категориальной системы сознания посредством научной рефлексии, реализуемой философией, исследует ее в

процессах жизнедеятельности субъекта. Областью психологической науки, изучающей генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредующей процессы восприятия, мышления, памяти и т. д., является экспериментальная психосемантика.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проблемы значения. Психосемантика сознания

2.1. Теоретический анализ проблемы значения

Понятие «значение» является одним из основных понятий теоретического аппарата отечественной психологии. Практически в любом разделе психологической науки исследователи так или иначе затрагивают проблемы, связанные с усвоением значения и его функционированием. Системный анализ человеческого сознания, изучение мышления и речи необходимо требуют, по мысли Л. С. Выготского, изучения этой единицы сознания, являющейся узлом, связующим общение и обобщение. Широкая теоретическая разработка проблемы значения представлена как в теоретических работах самого Л. С. Выготского (1956,1960), так и в работах А. Н. Леонтьева (1959, 1964, 1970, 1975, 1994), А. Р. Лурия (1975, 1979), П. Я. Гальперина (1957, 1977), В. В. Давыдова (1966, 1968, 1972), А. А. Леонтьева (1974,1975,1976), О. К. Тихомирова (1969,1977). Близкие к российской психологии идеи нашли свое отражение в работах, посвященных видам и формам обобщения, Ж. Пиаже (1966, 1969, 1994), Д. Брунера (1962, 1971, 1977) и других современных исследователей мышления и речи.

Изучение научных и житейских понятий Л. С. Выготским, теоретический анализ значения и его взаимосвязей с другими образующими сознания А. Н. Леонтьева, понятие эмпирического и теоретического мышления В. В. Давыдова являются тем золотым фондом отечественной психологии, который позволяет открывать новые горизонты в исследовании проблемы значения.

К активу операциональных методов исследования функционирования значения можно отнести многочисленные варианты методик формирования искусственных понятий (Выготский, 1956, 1960; Олсон, 1971; Сахаров, 1930; Bruner, 1956, Goodnow, Austin, 1956; Miller, 1971; Scheere-Neuman, 1974), метод поэтапного формирования применительно к построению понятий (Гальперин, 1957, 1966, 1977), классификационные методики, применяемые в патопсихологическом исследовании (Зейгарник, 1962), нейропсихологический анализ решения задач (Лурия, 1973, 1975, 1979; Хомская, 1987, 1996), позволяющий, исходя из характера нарушений, выдвигать гипотезы о функционировании в норме, и, наконец, регистрация объективных коррелятов (КГР, электроэнцефалограммы, миограммы, регистрация движений глаз и т. д.), сопутствующих процессу решения задач, актуализации тех или иных значений (Зинченко, Вергилес, 1969; Зинченко, Мунипов,

Гордон, 1973; Поспелов, Пушкин, 1972; Соколов, 1968; Тихомиров, Виноградов, 1969).

Не ставя задачу разбора этих методов, подчеркнем лишь, что они с необходимостью должны включать звено семантического анализа, позволяющего проводить исследования и на уровне более дробном, чем значение, — уровне семантических признаков.

Как подчеркивал Л. С. Выготский, анализ значения требует разработки семантических методов. «Анализ исследования интересующей нас проблемы не может быть иным, чем метод семантического анализа, метод изучения смысловой стороны речи, метод изучения словесных значений» (Выготский, 1934. С. 50).

Вслед за Л. С. Выготским будем понимать под значением совокупность признаков, служащих для классификации, а под понятием — такую форму значения, в которой выделены существенные признаки и структура которых упорядочена. Существенными признаками понятий, по мысли В. В. Давыдова (1972), выступают свойства, раскрывающиеся в отношении понятия к другим понятиям и определяющие генезис, развитие понятийной системы.

Понятие как форма обобщения относится к наиболее развитым формам значения. Мышление в таких формах рассматривается В. В. Давыдовым как теоретическое. В наших исследованиях акцент делается на изучении допонятииных форм обобщения, осуществляемых на основе сходства чувственных и эмоциональных переживаний, т. е. того, что В. В. Давыдов называет эмпирическими обобщениями.

Рассмотрим пример поэтического обобщения:

Изучая, узнавать — разве это не наслаждение!
Встретить друга, прибывшего издалека, — разве это не радость!
Быть неизвестным и не скорбеть, — разве это не достойно дзюньдзы!

Как полагает Т. П. Григорьева (1979. С. 160), «это, по сути, те же разные варианты одного и того

же душевного состояния. Конфуций объединил их вместе, чтобы показать, в каких случаях человек испытывает эту ни с чем не сравнимую радость... Соединяются вместе самостоятельные, независимые друг от друга мысли или зависимые на уровне того ощущения, которое они вызывают».

Обобщения на основе сходства эмоциональных переживаний, впечатлений от образа вещей, событий и т. д. — типичная форма обобщения в обыденной житейской практике. Большинство значений, которыми пользуется человек в обыденной жизни, не подпадает под определение научных (Выготский, 1934) или теоретических (Давыдов, 1972). Для обыденного сознания «вода» — это скорее «то, что пьют», а не H_20; люди делятся на «плохих» и «хороших», а не, например, экстравертов и интровертов; круг — это не «геометрическое место точек, равноудаленных от центра», а некоторая «картинка» — образ круга.

Очевидно, научное осознание мира не устраняет полностью ни более архаические пласты мировосприятия, ни его образно-художественные формы, создавая внутри индивидуального или общественного сознания взаимодополняющие или конфликтующие гетерогенные образования. «Наивная картина участка мира может разительно отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира...» (Апресян, 1962. С. 57). Исследование индивидуального сознания подразумевает необходимость реконструкции различных содержательных сфер обы-

денного, житейского сознания, описания их в системе категорий, отличных от понятийных. Лексикография давно столкнулась с этой задачей (Щерба, 1958, 1974). Невозможность полного описания значений всех слов толковыми словарями в чисто языковой плоскости заставила использовать в толковых словарях ряд значений в виде изображений *(ostensible definition* — остенсиональных определений).

Интересующую нас проблему можно рассмотреть и под другим углом зрения. Наше восприятие мира является категориальным, т. е. опосредованным значением, и проблема исследования различных уровней обобщения может быть сформулирована как проблема исследования различных уровней и форм репрезентации объекта субъекту.

Одной из важнейших проблем изучения значения является исследование его невербальных форм, в частности существование значения в системе визуальных образов. В исследовании значения наиболее изученными являются формы фиксации его в языке, т. е. значения слов, предложений. Значения же, носителями которых выступают образы, а конкретнее — значения изображений, плакатов, эмблем, мимических, выразительных движений, гораздо менее изучены. В нашей работе мы пытаемся, прибегая к лингвистическим аналогиям, исследовать наиболее универсальные формы обобщений, непосредственно осуществляемых в образном материале.

Малоизученной проблемой является и влияние эмоций на семантическую организацию значений, данных в вербальной или образной формах репрезентации. Психический образ в единстве его визуальных, вербальных, тактильных, слуховых и т. д. форм репрезентации является модельным отображением объектного мира, изоморфным в его топике и метрике. Эмоциональные состояния способны трансформировать психический образ и, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушать его предметную логику, а значит и трансформировать его значение (разумеется, это не единственная функция эмоций). Прекрасную иллюстрацию влияния аффекта (страха) на субъективную оценку пространственного расстояния дает Сартр: «Например, в ужасе мы ощущаем внезапно опрокидывание детерминистских барьеров: лицо, появившееся за оконным стеклом, сначала не воспринимается нами как принадлежащее человеку, который должен был бы открыть дверь и сделать еще тридцать шагов, чтобы добраться до нас. Наоборот, оно дается в своем пассивном виде как действующее на расстоянии. Будучи за окном, оно находится в непосредственной связи с нашим телом, мы переживаем и испытываем его значение, и мы его конституируем нашей собственной плотью, но, в то же время, оно навязывается, оно отрицает расстояние и входит в нас» (1982. С. 136).

Эмоции, таким образом, способны влиять на сознание, трансформировать его значения. В нашей работе рассматривается вопрос влияния аффективной окраски слов на структуру поля значений.

Другая направленность нашей работы связана с дифференциально-психологическими аспектами индивидуальной системы значений. В теории А. Н. Леонтьева подчеркивается двойственная природа значения. С одной стороны, значение выступает как единица общественного сознания, а с другой — как образующая индивидуального сознания. Представление о значении как единице общественного сознания, кристаллизующей совокупный общественный опыт, относится, в пер-вУю очередь, к его развитым понятийным формам, к формам фиксации общечело-

веческих знаний. Но общественное сознание, как и индивидуальное, гетерогенно и наряду с научным знанием в нем содержатся житейские представления, социальные стереотипы, характеризующиеся той или иной степенью истинности, и даже суеверия и предрассудки. Последние также передаются из поколения в поколение и отражают определенные исторические национально-культурные формы общественного сознания. Наконец, определенные формы деятельности небольших социальных групп порождают свои специфические, только им присущие «фигуры» сознания — людей, реализующих эту деятельность: официанты и шофер такси, работники отдела кадров и руководящие работники, тренер спортивной команды, отбирающий игроков, и следователь, ведущий дознание, — все они обладают своей системой значений, организующихся в «эталоны» и «стереотипы», образующих категориальную сетку, сквозь призму которой они выделяют в ситуации, в другом человеке значимые для своей деятельности признаки. Причем эта система значений не обязательно должна быть эксплицирована в словесных понятиях, но может быть задана в системе образов, правил поведения. С другой стороны, в системе представлений каждого индивида есть специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом. Например, образы «хорошего родителя», «идеального мужа или жены» формируются через непосредственное подражание, усвоение опыта родительской семьи, через прочитанные книги, каналы массовой коммуникации (кино, телевидение и т. д.) и обусловливают формирование нравственных эталонов, «идеальных мерок», с которыми индивид подходит к оценке себя или других, и в конечном счете обусловливают организацию его жизни, определяют его личность. Понятия чести, долга и другие этические категории также имеют свою когнитивную представленность. И наконец, самосознание индивида, осознание им жизненных целей и мотивов, характера его отношений с другими людьми, очевидно, также входит в тот интегральный уровень регуляции индивида, который называют личностью. Выделение таких категориальных структур, опосредующих восприятие и осознание субъектом различных содержательных сфер деятельности, — структур «обыденного» сознания — необходимая задача, так как воспитание, обучение или перевоспитание направлены не на абстрактную человеческую особь, а на реальных людей, обладающих индивидуальным опытом, своим «видением» мира.

Реконструкция «видения мира» глазами другого реализуется в наших исследованиях в реконструкции систем индивидуальных значений, через призму которых происходит восприятие мира субъектом. Методическим средством решения этой задачи выступает построение субъективных семантических пространств для различных содержательных областей.

Изложение проделанной работы требует раскрытия исходных идей и описания используемого понятийного аппарата. Для этого необходимо обратиться к результатам анализа места и функции значения как одной из образующих индивидуального сознания.

2.2. Образующие сознания

В системной организации человеческого сознания выделяются такие образующие этой системы, как значение, личностный смысл, чувственная ткань

(см.: Леонтьев А. Н., 1975). Как теоретические понятия, абстрагирующие некоторые стороны реальных процессов сознания, каждое из них может быть рассмотрено особо. Так, А. Н. Леонтьев (1959. С. 290) дает развернутое определение значения: «ставшее достоянием моего сознания обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения как обобщенного "образа действия", нормы поведения и т. д.».

Под личностным смыслом понимается отношение субъекта к миру, выраженному в значениях, т. е. как бы «значение значения» для личности, неразрывно связанное с ее мотивами, ее общей направленностью. В этом понятии отражена «пристрастность» отношения к миру активного субъекта.

Формой проявления личностного смысла может выступать эмоциональная окраска того или иного объекта, неосознаваемые установки или готовности и, как полагает Д. А. Леонтьев (1988), трансформации психического образа. Осознанный личностный смысл подразумевает представленность его субъекту в некоторых социально нормированных единицах — в первую очередь в языке.

Понятие чувственной ткани сознания подразумевает ту чувственную данность мира (в форме представлений, наглядных образов, впечатлений), которая, порож-даясь в практической

деятельности, выступает звеном, непосредственно связующим субъект с внешним миром.
Исследования процессов функционирования сознания требуют рассмотрения этих образующих в контексте целостного сознания, в их взаимосвязях и взаимопереходах. «Сознание человека не аддитивно. Это не связи его отдельных единиц, а внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе» (Леонтьев А. Н., 1975. С. 157). В этом смысле образующие сознания составляют единое функциональное целое, где их самостоятельное рассмотрение выступает как абсолютизация некоторых сторон реальных процессов, их своеобразные логические пределы. Так, рассматривая присвоение субъектом общественно выработанных значений, А. Н. Леонтьев отмечает, что «одна из сторон движения значений в сознании конкретных индивидов состоит в возвращении их к чувственной предметности мира» (1975. С. 148). Другая же сторона состоит в той особой субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности, т. е. связи с третьей образующей сознания — личностным смыслом.
Исследование взаимосвязей и взаимопереходов этих образующих сознания и составляет важнейший аспект исследования системного человеческого сознания. В настоящее время в рамках указанной выше школы наиболее полную разработку получили исследования взаимосвязи «чувственная ткань-значение-предметный образ». Это исследования В. В. Столиным псевдоскопического восприятия (Столиц, 1972,1973), где изучался нормативный статус значения в построении осмысленного образа; работы А. Д. Логвиненко по хронической инверсии (Логвиненко, 1974,1976, 1981), позволившие операционально развести различные уровни в построении образа. С помощью особого рода оптических устройств, инвертирующих чувственную ткань, удалось развернуть во времени процесс построения предметного образа и выделить то, что раньше удавалось только в акте специально направленной интроспекции (Gibson, 1988), — еще не означенную чувственную ткань и продукт последовательного восстановления предметного содержания

инвертированной чувственной ткани. Построение сознательного образа рассматривается в этих работах как выполнение перцептивных действий, материалом которых служит чувственная ткань образа, а общая программа действий задается предметной логикой, фиксированной в значении.
Следует подчеркнуть функциональный, а не морфологический статус чувственной ткани. «Предметное содержание, извлекаемое из образа некоторой воспринимаемой действительности, существует для субъекта через совокупность воспринимаемых черт или элементов. Взятые в отношении к предметному содержанию ситуации, данные элементы имеют значение только в отношении к ней и только в этом смысле служат "чувственной тканью" образа. Но в отрыве от отношения к образу целого эти элементы имеют собственное значение, которое, в свою очередь, может репрезентироваться субъекту через другие видимые характеристики объекта, т. е. через иные содержания образа» (Столин, 1973. С. 182). Эта идея многоуровневое™ строения предметного образа, идея поуровневого «развертывания» плана содержания, понимание образа как процесса его становления близки к пониманию значения как процесса, как пути движения его от мысли к слову (Выготский, 1968; Леонтьев А. А., 1971).
Однако как сознательный образ имеет свою логику актуального порождения, так, очевидно, и индивидуальные значения и личностный смысл являются продуктом внутренней деятельности, которая оперирует с некоторым первоначально данным материалом. Вероятно, не будет большой натяжкой говорить о чувственной ткани значений и личностных смыслов.
Говоря о присвоении субъектом общественно выработанных значений, конечно, не имеют в виду непосредственную проекцию в сознание субъекта «готовых» знаний. Речь идет о формировании в ходе предметной деятельности индивидуальной системы значений. Эта деятельность направляется и структурируется в совместной деятельности: ребенок — взрослый, взрослый — обучающий (роль которого может выполнять и автор письменного текста, не присутствующий персонально), где другой человек выступает как воплощение, носитель общественного сознания. Но как понимание в широком смысле есть встречное порождение, так и усвоение субъектом значений есть построение индивидуальной системы, в той или иной степени приближающейся к системе значений общественного сознания. Этот процесс вызревания индивидуальных значений, форм обобщения, предшествующих понятийной, блестяще показан в работах Л. С. Выготского (1934), Ж. Пиаже (1963, 1966, 1994), Дж. Брунера (1971), В. В. Давыдова (1972). Выделены различные уровни репрезентации объекта субъекту, начиная от когнитивных структур, имеющих характер перцептивных обобщений, и кончая формами опосредованной знаковой репрезентации. Так же

как исследование построения образа в онтогенезе позволяет полнее понять актуальный генезис, история развития значений у детей может оказаться полезной в изучении построения значения взрослым.

Но развитие новых форм репрезентации, построение новых «этажей» в многоуровневом здании категоризации не исключают работу на нижних уровнях. Действительно, исследования Пайвио показали, что даже абстрактные понятия имеют некоторую «чувственную привязку». В рамках его теории «двойного кодирования» экспериментально доказано, что содержание слова может храниться

в памяти и в виде некоего вербального кода и в форме образа (Paivio, 1971; Paivio, Csapo, 1969; Rowe, Rogers, 1975; Sheere-Neuman, 1974; Snodgrass J. C, Wasser B., 1974).

2.3. Уровень развития значения и отношение значения к чувственным образам

Утверждение о том, что абстрактные понятия могут иметь некоторую чувственную ткань, нуждается в одном пояснении: что мы понимаем под «абстрактностью» понятия. В житейской практике бытует трактовка абстрактности как величины, противоположной образности, и заимствованное из формальной логики определение абстрактности как параметра, характеризующего обобщенность содержания, раскрываемого в понятии. Последняя же определяется через иерархию родовидовых отношений. Мы пытаемся показать неадекватность для психологии таких подходов и, опираясь на работы Л. С. Выготского, дать определение абстрактности понятия, не исключающее его отношения к чувственности.

Остановимся на первой трактовке. В широко цитируемой работе Пайвио, Джулли, Мэдиган (Paivio, Yuill, Madigan, 1968) приведены коэффициенты образности, конкретности—абстрактности и ассоциативной значимости для 925 английских существительных, полученные путем субъективного шкалирования и ассоциативного эксперимента. Под образностью понималась способность испытуемых представить содержание значения слова в виде образа любой модальности (например, образ слов «солнце», «тишина» или «тяжесть»), а под конкретностью—абстрактностью понималась доступность денотата (предметной отнесенности) значения слова восприятию органами чувств. Хотя в целом была показана высокая корреляция между конкретностью и образностью слова (и соответственно отрицательная корреляция между образностью и абстрактностью), для некоторого класса слов это отношение не осуществилось. Так, для слов, имеющих сильную эмоциональную окраску, коэффициенты образности получили высокую оценку, в то время как коэффициенты конкретности — низкую, а многие научные термины имели высокий индекс по шкале конкретности и низкий по уровню образности. Работа Ричардсона (Richardson, 1976), специально нацеленная на разведение коэффициентов образности и конкретности, выявила широкий пласт таких случаев. В исследовании (Петренко, 1988), проведенном по схеме Пайвио на материале русской лексики, мы получили сходные результаты, показывающие, что за понятиями «конкретность», «абстрактность» и «образность» скрываются разные для субъекта психические реальности.

Полученные результаты могут быть легко интерпретированы в свете системной организации значений. Одни значения раскрываются нам через прямое и непосредственное соотнесение имени и объекта, или класса объектов. Таким путем задаются, по терминологии Л. С. Выготского, «житейские понятия».

Научные понятия, такие как «кварк», «спин», задаются через ряд дефиниций, раскрывающих место данного понятия в системе других понятий. Собственно, только последние имеют статус понятия, а за «житейскими понятиями» стоят обобщенные образы, представления. Но, как показали исследования Л. С. Выготского (1934), научные понятия, являясь надстройкой над «житейскими», преоб-

разуют последние, включая их в уже сложившуюся систему отношений, повышающих их ранг «научности», осознанности. Понятия, сохраняя «привязку» к чувственной основе, входят в некоторую систему отношений, и такие достаточно абстрактные понятия, какими они являются в рамках, например, физики, — «движение», «сила», «материя» — сохраняют глубокие корни и чувственного содержания. Понятно также, что эмоционально окрашенные понятия (такие как «любовь», «тоска», «одиночество»), связанные с душевными коллизиями в эмоциональном опыте индивида, обладают тем самым чувственной тканью, которая переживается как образность понятия. В отличие от них некоторые научные понятия не имеют метафорических аналогов ни в обыденной физике окружающего мира, ни в сфере душевных переживаний.

Вместе с тем важно отметить, что некоторые научные понятия, заданные путем определений, могут приобретать чувственную основу, как бы проецироваться в чувственность. Хороший математик не только знает некоторую функцию, но и может описать ее «субъективный образ». Этот процесс вторичной визуализации абстрактных понятий пока что очень мало изучен, но есть основание предполагать его важность для мышления. Не случайно Альберт Эйнштейн, работая с крайне абстрактным материалом, отмечал, что большая часть его умственной работы протекала в образном плане.

В этой связи одним из наиболее перспективных направлений «искусственного интеллекта» является, по мнению президента одноименной ассоциации Д. А. Поспелова, развитие когнитивной графики, где решение проблемных ситуаций реализуется в рамках визуального мышления. Примером такого подхода может выступать работа А. А. Зенкина (1991), где визуализация функциональной зависимости в форме спектральных полос позволяла описать решающий алгоритм.

Другое определение абстрактности понятия — как места в иерархии родовидовых отношений — также неадекватно с точки зрения психологии. Наивно думать, что понятие «хордовые» более абстрактно для субъекта, чем понятие «позвоночные». Логическая и психологическая иерархизация могут не совпадать. Например, в эксперименте Рипса, Шобина и Смита (Rips, Shoben, Smith, 1973) было показано, что понятие «животные» (более абстрактное с логической точки зрения, чем понятие «млекопитающие») ближе по семантическому расстоянию к конкретным названиям животных, чем понятие «млекопитающие». Согласно теоретико-множественной модели памяти (Bower, 1970; Meyer, 1970; Schaffer, Wallace, 1970), семантическое расстояние между понятиями и соответственно время их последовательного извлечения из памяти пропорциональны числу общих функциональных признаков их предметных денотатов. Здесь присутствует важная мысль о представлении значения в виде пучка функциональных признаков, так что проблема уровня развития значения может быть представлена в плане анализа уровня обобщения этих функциональных признаков. Так, Мак-Нейл (McNeil, 1970) выделяет два уровня развития значения: «горизонтальное» развитие, сопровождающееся увеличением числа семантических признаков значения слова, и «вертикальное», при котором признаки упорядочиваются, а признаки, приобретаемые позднее, характеризуются все большей степенью абстрактности. Мы полагаем, что уровень развития значения (абстрактность понятия) можно охарактеризовать через формы отношений, в которые оно входит с другими значениями.

Полнота же содержания значения будет зависеть от количества раскрытых отношений данного значения с другими по каждому из типов отношений. Действительно, Л. С. Выготский (1934), рассматривая этапы онтогенеза значения и выделяя различные формы обобщений: синкреты, комплексы, псевдопонятия и пред-понятия, «житейские» и «научные» понятия, — оставляет этот генетический ряд открытым для развития. Степень развития значения, по Л. С. Выготскому, определяется характером системной организации значения, наличием сетки понятийных отношений данного значения с другими. Операциональным критерием его классификации понятий на «житейские» и «научные» выступала возможность включения испытуемым исследуемого значения в причинно-следственную дефиницию. Мы полагаем, что можно провести дальнейшую дифференциацию научных понятий по степени их развития («научности»), исследуя формы отношений, в которые может входить понятие с другими значениями. Например, «научность» значения слова «вода» для школьника и гидрогляциолога будет заведомо различной.

Конечно, причинно-следственные отношения являются весьма важными в плане детерминистического понимания мира, но формы отношений понятий с понятиями не исчерпываются этим типом отношений. В языке существует столько типов отношений, сколько существует в нем значений глаголов, да и прилагательные, являясь одноместными предикатами, в сущности являются скрытой формой отношений, где один член отношения опущен. Попытка вместить все богатство типов отношений в прокрустово ложе чисто логических отношений (родовидовых и видородовых, соположенных, причинно-следственных и оценки) представ ляется искусственной. Например, отношение «Петя любит Машу» является специфическим типом отношения, явно несводимого к логическому.

Системный анализ значения, таким образом, нуждается в развитии теории типов отношений, теории «обобщенного предиката». На наш взгляд, в операциональном определении абстрактности понятия через анализ типов его отношений моделью последних может служить аппарат лексических функций И. А. Мельчука (1974, 1995), или типов валентности, по Ю. Д. Апресяну

(1974, 1995), являющихся в большинстве своем обобщенными предикатами.

Приведем примеры таких логических функций, являющихся обобщенными предикатами. Лексические функции в модели «Смысл-Текст» обозначаются в латинской транскрипции. Например, функция-предикат *Caus* (каузировать, создавать ситуацию) обобщает такие предикаты, как «довести до слез», «срубить избу», «разбить сквер»; функция-предикат *Liqu* (ликвидировать, устранить ситуацию) описывает предикаты «разбудить», «снять боль», «вывести пятно» и т. д. (всего 40 лексических функций). Анализируя типы отношений, в которые данное значение может входить с другими значениями в индивидуальном сознании субъекта, можно, очевидно, охарактеризовать уровень его развития.

Однако предложенный в данной модели список обобщенных предикатов вряд ли является полным, ибо затрагивает в основном физическую реальность, но не мир психического. Например, отношение действия и операции в их психологическом понимании связано с неким генетическим взаимоотображением: действие, автоматизируясь, утрачивает свою ориентировочную часть и превращается в операцию, но при затруднении в реализации операция может опять разворачиваться

в действие, требующее сознательной ориентировки. Очевидно, необходимо введение и такой формы отношения, предикации, которая пока не имеет соответствующего термина для обозначения — генетической развертки. Но такая постановка проблемы развития значения нуждается в фиксации форм отношений, возможных и на допонятийном уровне, например в форме отношений образов, несущих некоторые значения.

Эксперименты Мишотта (Michotte, 1962), показавшие возможность «переживания» причинно-следственного отношения непосредственно в явственной форме («сталкивание» световых пятен), доказывают эту возможность.

Отметим, что открытие нового типа отношения в науке является событием чрезвычайной важности, позволяющим значительно переосмыслить целую теоретическую область. Так, открытие принципа дополнительности Бора позволило не только перестроить целый ряд представлений атомной физики, подняв теоретические знания в этой области на новый уровень, но и вызвало некоторый резонанс в психологии (Гуревич, Файгенберг, 1977; Шерозия, 1973), лингвистике (Иванов, 1973). Предлагаемая парадигма дифференциации научных понятий заложена уже в работах Л. С. Выготского (1934), в его понятии общности, характеризуемой как место понятия в иерархии структур обобщения (долгота понятия), так и широты его предметной отнесенности (широта понятия). Определение уровня развития значения или — что то же самое — абстрактности понятия (для развитых значений) через сетку понятийных отношений позволяет снять оппозицию чувственное—абстрактное и ставит тем самым проблему отношения и взаимодействия этих самостоятельных параметров.

2.4. Формы существования значения в индивидуальном сознании

Исследование функционирования значения в человеческом сознании требует рассмотрения реальных психологических процессов, в форме которых существуют как индивидуальные значения, так и личностные смыслы. Как уже отмечалось, значения имеют двойственный характер: они общественны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов, и для психолога представляет интерес именно «присвоение» субъектом общественно выработанных значений, формы их существования в индивидуальном сознании. Формой существования их в индивидуальном сознании А. А. Леонтьев считает систему соотнесения и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности. «Психологическая структура значения есть, в первую очередь, система дифференциальных признаков значения, соотнесения с различными видами взаимоотношений слов в процессе реальной речевой деятельности, система семантических компонентов, рассматриваемых не как абстрактно-лингвистическое понятие, а в динамике коммуникации, во всей полноте лингвистической, психологической, социальной обусловленности употребления слова» (Леонтьев А. А., 1971. С. 11). Психологической онтологией этой системы, по мысли А. А. Леонтьева, выступает система ассоциативных связей слов. Близкую позицию в понимании значения как системы антонимичных противопоставлений занимает и А. А. Брудный (1964;

1972). В этом смысле значения раскрываются прежде всего через отношения и их сложная компонентная структура суть свернутые отношения.

Подчеркивая ведущую роль языка как носителя общественного опыта, А. Н. Леонтьев тем не

менее отмечает возможность фиксации значений не только в форме понятий, но и в форме «умения как обобщенного образа действия», «нормы поведения» и т. д. Продолжая мысль А. Н. Леонтьева, можно предположить, что носителями значений могут выступать такие социально нормированные формы поведения, как ритуалы, выразительные движения, искусственные языки, танцы, устойчивые визуальные символы, жесты и т. д.

Эта тенденция более широкого понимания значения (скорее семиотического, чем лингвистического характера) намечалась уже в годы становления советской психологии. Так, очевидно, не случайными были интерес выдающегося режиссера и мастера монтажа немого кино Эйзенштейна к проблемам внутренней речи, его встречи с Л. С. Выготским, А. Р. Лурия, Н. Я. Марром. Появление звукового кино, «говорящего» одновременно на вербальном и образном языке, усложнило объект семантического анализа и временно снизило актуальность этой тематики для киноведов. Тем не менее в современных работах по семиотике киноискусства (Иванов, 1973; Лотман, 1977, 1992) широко привлекаются идеи общественно-исторического подхода Л. С. Выготского, его трактовка внутренней речи.

В последнее время наблюдается экспансия лингвистических методов и средств в широкие области человеческого знания, культуры. Стало принято говорить о языке живописи и кино, балета и архитектуры, все более подразумевая не метафорический, а прямой смысл этого выражения.

Акцент при классификации анализируемой реальности делается, таким образом, не на особенностях ее материального воплощения, а на характере ее системной организации (хотя первое, безусловно, во многом определяет второе). Аналогично, если раньше при классификации видов мышления акцент делался на форме отражения предметной ситуации, в которой протекала мыслительная деятельность, и выделялись такие виды мышления, как наглядно-действенное, наглядно-образное, дискурсивное (Рубинштейн, 1946), то В. В. Давыдов, исследуя различные формы обобщения, противопоставляет научное и эмпирическое мышление не по характеру материала, "которым они оперируют, — протекает ли мышление в понятиях или в форме оперирования схемами, символами, — а по системной организации этого материала. «Таким образом, нельзя говорить о чувственности "вообще" при определении ее отношения к разным видам мышления. Сказав: "это — чувственно воспринимаемый предмет", мы не определяем характера его реального выражения. Если этот предмет будет рассматриваться сам по себе, вне некоторой системы и связи с другими предметами, то он станет содержанием эмпирического мышления. Если же тот же самый предмет будет проанализирован внутри некоторой конкретности и лишь здесь раскроет свои подлинные особенности, то он станет моментом содержания теоретического мышления» (Давыдов, 1972. С 286).

Как видно из цитируемых выше работ, более широкая трактовка языка, чем принято в лингвистике, понимание значения как формы обобщения, являющейся Дериватом действительности, репрезентированной не только в форме понятий, но И в системно-организованном образном плане, требуют и анализа психических процессов, на языке которых «записаны» эти значения, анализа формы существо-

вания невербальных значений в человеческом сознании. По аналогии с вербальными значениями, где психологической структурой значения признается система соотношения и противопоставления слов в речевой деятельности, можно предположить, что и образы, символы могут быть организованы в устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система, дублирующая или замещающая в некоторых ситуациях категориальную систему естественного языка. При этом возникает естественный вопрос о характере расчленений этой семантической системы. Вопрос был сформулирован так: «Отличается ли семантика образов, предметов и явлений от семантики языковых выражений, означающих те или иные предметы или явления, или перцептивная семантика принципиально ничем не отличается от языковой, и в образе предмета не присутствует никакого другого содержания, кроме того, которое потенциально содержится в языковом выражении?» (Столин, Петренко, 1973).

Далее, как языковые значения имеют различные уровни организации, так, очевидно, и невербальные значения, являясь элементами различных семиотических систем, имеют различные уровни категоризации. Априори, однако, можно полагать следующее: образы, символы сохраняют отношение подобия с отражаемыми объектами. В силу этого, входя в некоторую семиотическую систему как носители определенных значений и личностных смыслов, они выступают как иконические знаки, где часть информации раскрывается через отношения с другими символами (через интенсиональные связи), а часть определяется через «субстрат», «тело» иконического знака.

Возможность синонимических трансформаций, перифраз, произвольных путей движения мысли от одного значения к другому, выступающей, согласно Л. С. Выготскому, коррелятом осознанности, для таких систем заведомо ниже, чем для вербальных; отсюда и ниже их уровень осознания.

С другой стороны, в отличие от естественного языка, имеющего в структуре предложения как пропозицию (часть высказывания, несущую основную информацию), так и модальный компонент (отражающий временные и коннотативные аспекты содержания), в иконической (символической) семиотике эти два аспекта семантики оказываются более тесно взаимосвязанными. Экспрессивная окраска образов позволяет точнее передать содержание, но одновременно несет в себе и отношение к нему. Иначе говоря, для иконической семиотики оппозиции *«значение-личностный смысл», «познание-искусство»* оказываются снятыми.

Для естественного языка соотношение плана выражения и плана содержания конвенционально, и нет однозначной связи между звуковым или графическим образом знака и его содержанием. Так, в русском языке стол называется «столом», в английском — *table,* в немецком — *Tisch* и т. д. Исключением из этого правила являются случаи звукового символизма (Журавлев, 1981; Узнадзе, 1961), когда звуковой образ слова соответствует по эмоционально-экспрессивным характеристикам содержанию, которое оно обозначает, или случаи графического символизма, как например иероглифическая письменность Древнего Египта, где сохраняется некоторое отношение подобия образов означаемого и означающего. Феномен звукового символизма проявляется, например, в первых словах ребенка (ср. «мама» — в русском языке, *mother* — в английском, «мадар» (в русской транскрипции) на фарси и т. п.), где соответствие образа слова и его содержания облегчает ребенку его понимание и дает дополнительную опору в его овладении. Широко используется звуковой символизм в поэзии: «Полночной порой в болотной

глуши чуть слышно, бесшумно шуршат камыши» (Бальмонт). «Шуршащие» звуковые образы слов хорошо передают шелест самой природы. Естественность связи звукового образа слова с его содержанием не подвергается сомнению в детском сознании или сознании человека «детства» нашей культуры (ср. «...давать имена нужно так, как в соответствии с природой следует давать и получать имена, а не так, как нам заблагорассудится...» (Сократ, цит. по: Налимов, 1974. С. 30). Только в XVI в. в связи с дискуссией номиналистов и реалистов была четко осознана конвенциональная природа языкового знака (ср.: «...Имя есть слово, произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей...» (Гоббс, цит. по: Налимов, 1974. С. 31). Для исследования естественного языка в логическом пределе (вынося за скобки феномен звукового символизма, обусловленный механизмами синестезии), очевидно, справедливо развитое Ельмслевым понимание языка как системы отношений. Именно благодаря развитию структурных методов анализа лингвистика оказалась в числе динамически развивающихся наук и «языковой» (лингвистический) подход становится эвристической моделью, переносимой в целый ряд родственных наук. Например, структурные, лингвистические методы используются в этнографии (Леви-Стросс, 1972), в психоанализе (сб. «Психоанализ и науки о человеке», 1996; Лакан, 1995) и т. д. Структурные методы исследования языка, оставаясь в плоскости самой знаковой системы, являются объективными методами, так как результаты их применения не зависят от субъекта (личности исследователя). Иконические семиотические системы, к которым мы относим невербальную коммуникацию, живопись, архитектуру, балет, музыку и т. п., характеризуются тем, что план выражения и план содержания оказываются взаимосвязанными, и чисто структурные методы не могут полностью раскрыть содержание иконического знака. Например, анализ невербального поведения как специфического языка (исследования в духе Бодвистела — Birdwhistell, 1966, 1971) оказывается затрудненным тем, что содержание жеста раскрывается не только в контексте других жестов, но и тем, что жест значим сам по себе как редуцированное движение (отсюда бихевиоральный, натуралистический подход к «значению» жеста в работах Экмана (Ekman, 1955)). Именно в силу насыщенности иконической семиотики эмоциональными, образными компонентами, включенными непосредственно в «тело» знака, для ее исследования требуются не только объективные (структурные) методы исследования. Необходимость эмоционального «проигрывания», эмпатии требует активного моделирования субъектом (исследователем) эмоций и образов коммуникатора — пусть не присутствующего персонально — и является необходимым звеном в понимании иконической семиотики. Применение «объективных математических методов при построении семантических пространств не должно заслонять от нас того факта, что вся эта мощная операциональная техника применяется к результатам оценки,

шкалирования — того, что пионер в области построения семантических пространств Ч. Осгуд назвал «поддержанной интроспекцией». Симбиоз объективных и субъективных методов анализа есть, очевидно, необходимое условие развития исследований иконической семиотики — области непосредственного интереса психолога, работающего не с печатными текстами, а с реальным вербальным и невербальным поведением человека.

2.5. Методы анализа значения Современное понимание значения в лингвистике

Современная трактовка значения базируется на представлении о нем как о сложной многокомпонентной структуре, состоящей из более дробных, чем значение, единиц. Истоки этого понимания уходят в лексикографию и представлены работами таких исследователей, как Л. В. Щерба (1958,1974), Ш. Балли (1955), Э. Сэ-пир (Sapir, 1944), В. В. Виноградов (1947). Другой исток — лексическая семантика, что выражено в работах Л. Ельмслева (1960), А. Мартине (1969), С. Ульмана (Ullmann, 1964), Б. Потье (Pottier, 1965), А. Греймаса (Greimas, 1966), В. Г. Гака (1971, 1972), Ю. Д. Апресяна (1974), И. А. Мельчука (1995) и др. Предполагается, что по аналогии с фонетикой, где все богатство речевого потока можно описать с помощью ограниченного числа фонем, все множество значений можно описать с помощью ограниченного набора сем (семантических множителей). Вместе с тем иерархическая организация значения подразумевает неоднородность его семантических составляющих, что закреплено в таких понятиях, как принцип ядра и периферии семантемы (набора сем) Греймаса (Greimas, 1966); в понятиях архисемы (общего семантического родового признака) и дифференциальных сем, несущих смысловые признаки, которые позволяют сузить содержание слова до его конкретных значений (Pottier, 1965); в понятиях ассоциативных или потенциальных признаков (Гак, 1972; Шмелев, 1973), отражающих несущественные свойства объекта-денотата значения слов, но играющих роль в метафорическом переносе.

С появлением работ Ф. де Соссюра (1977) в лингвистике утвердилось выделение двух аспектов высказывания: плана выражения и плана содержания. План выражения — это совокупность знаков, образующих по правилам грамматики сложный знак — слово, предложение, текст, — имеющий свои единицы анализа: фонемы, морфемы, лексемы (слова), предложения. План содержания — аналог значения слова, предложения, текста. Это та смысловая конструкция, которую порождает, воспроизводит субъект с помощью данного ему плана выражения. Единицами плана содержания признаются семы (семантические компоненты), семантемы, значения слова, предложения, текста. Единицы плана выражения соответствуют определенным единицам плана содержания. На уровне плана выражения единичный семантический признак (сема) может быть представлен морфемой, а семантема (структурированная совокупность сем) — соответствующей лексемой. Например, в существительном «поднос» приставка «под-» представляет собой сему — признак пространственной ориентации одного объекта (подноса) «быть ниже» относительно другого (ноши); корневая морфема «-нос» (носить) содержит родовой семантический признак «движение» и латентный семантический признак «субъект действия — живое существо» (о механизмах обычно говорят, что они перемещают предметы, а не носят).

План выражения и план содержания не изоморфны полностью друг другу, и одна корневая морфема может содержать несколько сем. Например, слово «бор» = ■ «большой» + «густой» + «хвойный лес» (Шмелев, 1973. С. 103). Подчеркнем, что сема — наименьшая единица плана содержания («атом смысла»), гипотетическая единица анализа, и обычное слово содержит, как правило, несколько сем.

Но речевое общение, описание некоторого содержания возможны только с помощью слов, и поэтому для обозначения семы используется обычно слово национального языка, в котором эта сема наиболее выражена, но это слово берется в кавычки (например, сема «приближение») для того, чтобы подчеркнуть, что содержание слова шире, чем соответствующий семантический признак. В. Г. Гак выделяет некоторый инвариант различных значений слова — то, что он называет «архисемой» (общей семой родового значения), и дополнительные дифференциальные смысловые признаки, конкретизирующие содержание слова до его определенного значения. Рассмотрим в качестве примера (Гак, 1972) дистрибуции глагола «прийти», реализующие его различные значения в зависимости от характера субъекта действия.

«Мальчик пришел домой из школы». Здесь отмечается прежде всего архисема *Д* — «движение», включающая две дифференциальные семы: *(б)* — «приближение», входящую в семантическую категорию «направление движения», и (в) — «движение пешком», входящую в категорию «способ

движения». Кроме того, оппозиции типа «Он пришел в милицию» и «Его привели в милицию» обнаруживает у глагола «прийти» сему *(а1)* — «самостоятельность действия», которая не входит в архисему «движение», так как свойственна глаголам и других семантических групп. Семантическая структура данного значения глагола «прийти» может быть представлена семантической формулой: *а1Дбв.*

В случае неодушевленного субъекта предложения («поезд пришел на станцию», «вода пришла на поля») значение глагола «прийти» утрачивает сему «способ передвижения», и содержание предложения описывается формулой: *а1Дб.*

В случае неодушевленного агента действия, не способного передвигаться самостоятельно («пришло письмо», «пришли боеприпасы»), сема *а1* уступает место семе *а2* — «несамостоятельность действия» (семантическая формула — *а2Дб).*

Отметим, что архисемы представляют собой узловые пункты классификации и явно проявляются в областях лексики, упорядоченной по родовым категориям. На наш взгляд, в качестве архисемы может выступать и общность визуальных образов у объектов-номинатов слова (ср. «нос у человека», «нос у корабля», «носок у ботинка» — «нечто выступающее вперед», «нечто заостренное» и т. п.).

Наряду с существенными признаками объекта-номината значение слова потенциально содержит и несущественные «латентные признаки». Ю. Д. Апресян (1974) дает следующие примеры «потенциальных признаков» потенциальных сем: для слова «молния» таким признаком будет быстрота, для слов «тетя» и «дядя» — тот факт, что они обычно старше *ego* и т. п. Ассоциативные (потенциальные) признаки часто служат основой метафорических переносов (ср. телеграмма-молния, тетенька и дяденька в обращении).

Таким образом, значение слова, предложения обладает иерархической организацией и включает архисемы (общие семы, родового значения), дифференциальные семы (видового значения) и потенциальные (ассоциативные) семы, отражающие побочные, латентные признаки обозначаемого объекта.

Семантические компоненты, потенциально закрепленные за значением слова, являются виртуальными образованиями, актуализируемыми в зависимости от контекста. Актуализация семантических признаков подчиняется закону семантического согласования, состоящему в том, что выбирается такое осмысление Данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов до-

стигает максимума (Гак, 1972). Поясним это на примере, приводимом Ю. Д. Апресяном (1974). Рассмотрим предложение «Кондитер жарит хворост на газовой плите». Значение (содержание) этого предложения вполне очевидно любому человеку, знающему русский язык. Если же рассмотреть словарные значения всех слов, входящих в предложение, то получим следующую картину.

	Кондитер	**Жарить**	**Хворост**	**Газовый**	**Плита**
1	«Тот, кто изго-товляет сладости»	«Изготовлять пищу»	«Сухие опав-шие ветви»	«Состоящий из газа»	«Плоский кусок твердого материала»
2	«Торговец сла-достями»	«Обдавать зноем»	«Вид печенья»	«Производящий газ»	«Нагреватель-ное устройство для приготовления пищи»
3	«Владелец кондитерской»			«Работающий на энергии сжиженного газа»	

Сочетание словарных значений дает, по подсчету Ю. Д. Апресяна, 72 возможных осмысления предложения, включающие, например, такое: «Торговец сладостями обдает зноем сухие опавшие ветви на плоском куске металла, производящем газ». Однако наличие повторяемых виртуальных семантических компонентов: «тот, кто изготовляет», «изготовлять», «пища», «устройство для

приготовления пищи» и т. д. обеспечивает «склеивание» сем в непротиворечивую осмысленную конструкцию.
Отметим, что рассматриваемая модель «семантического согласования» близка антиципирующей схеме Зельца (Анциферова, 1966; Зельц, 1981) в психологии. В проведенном под нашим руководством исследовании (Мастеров, Перов, 1980) проверялась психологическая важность закона семантического согласования. Исследование показало, что семантические компоненты, выделенные в ассоциативном эксперименте с единичными словами, актуализируются в рамках закона семантического согласования при организации из них целостного предложения.
Другим принципом, по которому происходило структурирование плана содержания, выступил принцип заполнения глубинных семантических ролей (Петренко, Мастеров, 1981). Понятие «глубинная роль (падеж)» отражает глубинные синтаксические отношения формирующейся конструкции плана содержания. На невыводимость содержания предложения полностью из его поверхностной, грамматической формы указывал еще Л. С. Выготский (1934).Так, разбирая предложение «Часы упали», Выготский выделяет два возможных понимания этой фразы. В одном случае это может быть ответ на вопрос «что упало?», и тогда слово «часы» является логическим (психологическим) подлежащим; в другом случае это может быть ответом на вопросы «что случилось?», «что за шум?», и тогда глагол «упали» будет логическим (психологическим) подлежащим, а существительное «часы» — сказуемым.
Идеи глубинных ролей, акцент на предикативной организации глубинных структур (внутренней речи у Выготского) сближают его представления с современной «падежной грамматикой» Ч. Филмора (Fillmore, 1968, 1991). В «падеж-

ной грамматике» Филмора расширен список глубинных ролей, которые может выполнять лексика, входящая в предложение. Это следующие глубинные семантические роли: Агент — одушевленный инициатор события (я думаю, ребенок смеется); Контрагент — сила, против которой направлено действие (ветер мешал мне идти); Объект — объект воздействия (разбить окно); Место — место действия (поставить на пол); Адресат — лицо, в пользу которого (или во вред) совершается действие (учить студента); Пациент — лицо или объект, испытывающий воздействие (музыка взволновала меня); Инструмент — орудие действия (приехать поездом); Результат — вещь, возникающая в процессе действия (построить дом); Источник — источник воздействия (дедушка рассказал мне сказку).
В концепции Филмора один аргумент может обладать несколькими ролями. Например, в предложении «Дедушка рассказал сказку» «дедушка» одновременно и «Агент» и «Источник». Глубинная роль может быть факультативной. Так, в предложении «Джон упал» «Джон» является «Агентом» только в случае намеренного действия. Рассматривая список глубинных ролей Филмора, мы невольно обращаем внимание на сходство выделяемых ролей с категориями деятельности, являющейся экстралингвистической реальностью, отображаемой в высказывании. Развитие теории глубинных семантических ролей должно, по нашему мнению, идти в направлении нахождения соответствия категориального строя деятельности и глубинной организации высказывания (Ермолаев, Петренко, 1976; Петренко, 1975). Работа Шафто (Shafto, 1973) подтвердила психологическую валид-ность модели Филмора, показав различия в результатах запоминания лексики в зависимости от ее глубинной роли в предложении. Так, предложения «Лев рычит», «Я говорю», где грамматическое подлежащее совпадает с «Агентом», запоминаются лучше, чем предложения «Деревья качаются», «Дым идет», где слова «дым» и деревья», являясь грамматическим подлежащим на поверхностном уровне, занимают глубинную роль «Объекта» в предложении с опущенным «Агентом». В нашем исследовании (Петренко, Мастеров, 1981) было показано, что семантические роли являются операторами (эвристиками), суживающими возможные виртуальные компоненты значений слов, входящих в предложение. Очевидно, роль представлена субъекту как набор семантических категорий, образов. Например, роль «Агента» — «нечто живое», «активное», «действующее» и т. д. И если лексическая единица в соответствии с ее поверхностной грамматической падежной формой и местом в предложении «претендует» на некую роль, то семантические параметры роли отсекают не связанные с ней виртуальные компоненты значения. Если глубинная роль занята другой лексической единицей, то признаки занятой роли не могут актуализоваться в данном значении.
Разработка теории «глубинных ролей» может иметь, на наш взгляд, большое значение для проведения контент-анализа диалогов в социальной психологии, групповой психотерапии — везде, где задачи исследования требуют выйти за рамки текста, порождаемого субъектом, в

содержание его подтекста.

Отметим также, что принципы, сформулированные для вербальных форм речевого общения, понимания текста, применимы и в более широкой области семантического анализа психических процессов, например в исследовании семантики образа. Так, принцип семантического согласования оказался «работающим» при категоризации образа, подвергающегося псевдоскопической трансформации (Петренко, 1975; Столин, 1972).

Тенденция понимать значение как виртуальное образование, приобретающее свой статус в контексте целого, определила общую направленность исследований семантики в переходе от исследования отдельных лексических единиц к анализу целостных высказываний.

Один из основных принципов семантики — принцип Хольта — гласит, что число семантических компонентов, входящих в план содержания некоторого знака, определяется набором противопоставлений, в которых участвует этот знак (Ле-комцев, 1974). В этом смысле значения раскрываются прежде всего через отношения, и их сложную компонентную структуру составляют свернутые отношения. Идея эта содержится уже в известных работах А. А. Потебни (1953, 1963), в его понимании существительного как грамматического названия вещи, а прилагательного и глагола — как свойств и отношений этих вещей. При этом, по мысли Потебни, в отношениях, связках значений выступает сам мир, а вслед за этим отражающий его язык. Идея языка как системы отношений «перекочевала» в общую семиотику. В ней она, однако, переосмыслилась, логизировалась и потеряла связь с чувственностью. «Выражения определенного языка соответствуют лишь определенным сложным отношениям и функционируют как сокращения для этих выбранных отношений» (Bellert, Zawadowski, 1970; Tolor, Tamerin, 1975). Акцент на структурном характере значения, на исследовании целостного текста, породил целый ряд структуралистских методов их анализа, применяемых в лингвистике. Это такие методы, как компонентный анализ (Гулыга, Шельдельс, 1976; Сахаров, 1930; Hymes, 1964; Romney, D'Andrade, 1964); метод непосредственно составляющих (НС) и трансформационный метод (Апресян, 1967; Комри, 1973; Мартемь-янов, 1976; Хомский, 1962); используются также дистрибутивно-статистические методы, метод тезауруса (Москович, 1971; Сухотин, 1963, 1973; Шайкевич, 1976) и метод семантических множителей (Апресян, 1974, 1995; Мельчук, 1974, Если провести классификацию лингвистических методов, то можно условно обозначить три основных подхода к выделению семантических связей: через синтаксис (установление семантических связей на основе синтаксических закономерностей), через статистику (установление семантических связей на основе выделения дистрибутивно-статистических связей) и через обращение исследователя к своей языковой интуиции, своему знанию языка с последующим сопоставлением своих наблюдений с реально существующими текстами. В. М. Москович (1971) называет такой подход «лингвистической интроспекцией». Рассмотрим в качестве примера ряд работ, выполненных в рамках того или иного подхода. Примером анализа семантических признаков слов через анализ их синтаксических характеристик может служить работа Ю. Д. Апресяна (1967), посвященная семантике русских глаголов. В этой работе главным средством установления семантического сходства и различия глаголов являлся анализ их трансформаций в контекстах. Чем больше трансформаций, в которых исследуемые глаголы изменяются по синтаксическим параметрам (падежные формы, возможность пассивных конструкций и т. д.), тем более близкими по содержанию считаются эти глаголы. Образуется дискретная семантическая шкала, «шаг» которой зависит от количества форм трансформаций, выбранных исследователем для анализа.

Примером «лингвистической интроспекции», на наш взгляд, может служить построение модели «Смысл—Текст». В рамках этой модели исследователь, анализирующий значения, опираясь на свое чувство языка, дает развернутое определе-

ние значения и полученное высказывание переводит на базисный «язык смыслов», выступающий одновременно и языком-посредником в автоматизированном переводе с одного национального языка на другой и формой семантического анализа текста.

Базисный язык И. А. Мельчука (1974, 1995) состоит из неразложимых далее смысловых единиц, называемых семами, и включает:

1) базисную лексику, состоящую из минимального набора ядерных слов (своего рода аксиоматических понятий) и лексических функций, представляющих собой обобщенные предикаты, а также ряда кванторов и логических связок, которые, несколько огрубляя, можно рассматривать как предикаты;

2) базисный синтаксис, содержащий около десяти глубинных синтаксических отношений между предикатами и ядерными словами. Запись содержания высказывания на таком базисном глубинном языке состоит из семантического графа и сведений о коммуникативной организации содержания, смысла сообщения. Семантический граф — это связный ориентированный граф, задающий смысл высказывания безотносительно к членению последнего на фразы и слова. В вершинах графа стоят лексические единицы этого языка, а дугами служат упомянутые синтаксические отношения.

Язык глубинных семантических структур (в данном случае семантических графов) выступает как некоторая редукция, упрощение естественного языка, в отличие от которого он однозначно передает некоторое содержание. Лишенный синонимии и полисемии, имеющий ограниченный лексический словарь и четко очерченные правила порождения сложных смыслов, глубинный язык дает формализованную запись содержания, выступая и как средство описания и как модель внутренней речи. Психолог работает как с объективными показателями (такими как электроэнцефалограмма, движения глаз и т. п.), так и с отчетом испытуемого, его рассуждением вслух, описанием видимых объектов и рассказами по картинке. В этих случаях, как и при самонаблюдении, испытуемый порождает текст. Возникает проблема сравнения текстов различных испытуемых или одного испытуемого на разных стадиях некоторой деятельности. Редукция текста к базисным семантическим языкам позволяет формализовать содержание и сравнивать содержание различных текстов. Отметим, например, что в социальной психологии, где последнее время акцент стал переноситься с лабораторного эксперимента на наблюдение за испытуемым в естественных условиях, возрастает интерес к порождающим грамматикам, к лингвистике. Отображение содержания в виде семантического графа не зависит от грамматики каждого национального языка, поэтому язык глубинных семантических структур может выступать универсальным посредником в сравнительном анализе культур.

Другим достоинством глубинных семантических структур является их симуль-танность. В отличие от сукцессии речевых цепочек такая запись является более адекватной для описания «картинных», образных объектов восприятия. С другой стороны, возникает проблема адаптации глубинных языков в качестве моделей внутренней речи, знакоизобразительного кода в мышлении. Однако использование языка глубинных семантических структур для описания процесса мышления нуждается, на наш взгляд, в разработке способов фиксации значений, заданных невербально. Необходима работа по адаптации глубинных языков в качестве мо-

делей мышления. Так, в рассматриваемой модели «Смысл—Текст» символы коммуникативной организации высказывания (эмоциональное подчеркивание, выделение известного воспринимаемому — темы и неизвестного — ремы и т. д.) «навешиваются» на семантический граф, не меняя его внутренней структуры. Для моделирования мыслительной деятельности с помощью языка глубинных семантических структур психология должна дать сведения о том, как наличие аффективных, эмоциональных элементов влияет на структурирование глубинных смыслов, на перестройку отношений внутри семантических структур.

Примером выделения семантических связей значений слов на основе их статистической связи в рамках текста может служить метод тезауруса. Тезаурус представляет собой сеть ключевых понятий, объединенных связками, фиксирующими содержательные (семантические) связи (см. в качестве примера фрагмент тезауруса, построенного В. А. Московичем на материале словаря ассоциативных норм Дж. Диза, — рис. 2).

Выделение содержательной связи между парой лексических единиц в дистрибутивно-статистических методах основывается на предположении, что наличие их совместной встречаемости в тексте, превышающее случайную, свидетельствует об их содержательной связи. В работах Л. Гудмана, В. Краскэла, П. Джоунза, Р. Куртиса (Москович, 1971) дается более пятидесяти вариантов подсчета. В работах советского исследователя А. Я. Шайкевича (1976) содержательная связь двух слов устанавливается по отклонению частоты их совместной встречаемости в рамках одного предложения от ожидаемой (в случае их случайной связи). Подсчет производится по таблицам суммарных значений функции Пуассона, при этом предполагается, что резкое отклонение от распределения Пуассона указывает на наличие такой связи.

Метод тезауруса позволяет свести содержание текста к одному дереву, а его графическое представление дает удобную форму рассмотрения смысловой структуры текста. На базе теории тезауруса выдвинута семантическая теория информации Ю. А. Шрейдера (1965, 1968), где степень

усвоения субъектом информации оценивается через изменение его тезауруса, построенного для некоторой содержательной области. Недостатком метода тезауруса является необходимость больших статистических массивов (текстов), на базе которых осуществляется его построение. Кроме того, используемые тезаурусы только фиксируют наличие некоторой связи между значениями, не раскрывая специфики этой связи. Для раскрытия содержательной связи элементов тезауруса нам кажется перспективным использование аппарата лексикологических отношений, разрабатываемых в базисных языках.

Заканчивая краткий обзор лингвистических подходов, подчеркнем, что лингвистические методы анализа значения ориентированы в первую очередь на анализ текстов — законченных продуктов речевой деятельности, отчужденных от субъекта, от его мотивов, замыслов, от их реализации в виде действий и от операций самого их порождения.

Конечно, значение, которое стоит за словом, раскрывается в множестве текстов данной культуры, закреплено в толковых словарях. Но значение является формой фиксации общественного человеческого опыта и выступает как возможность актуализации этого опыта в индивидуальном сознании. На уровне субъекта значения нераздельно связаны с другими образующими человеческого сознания:

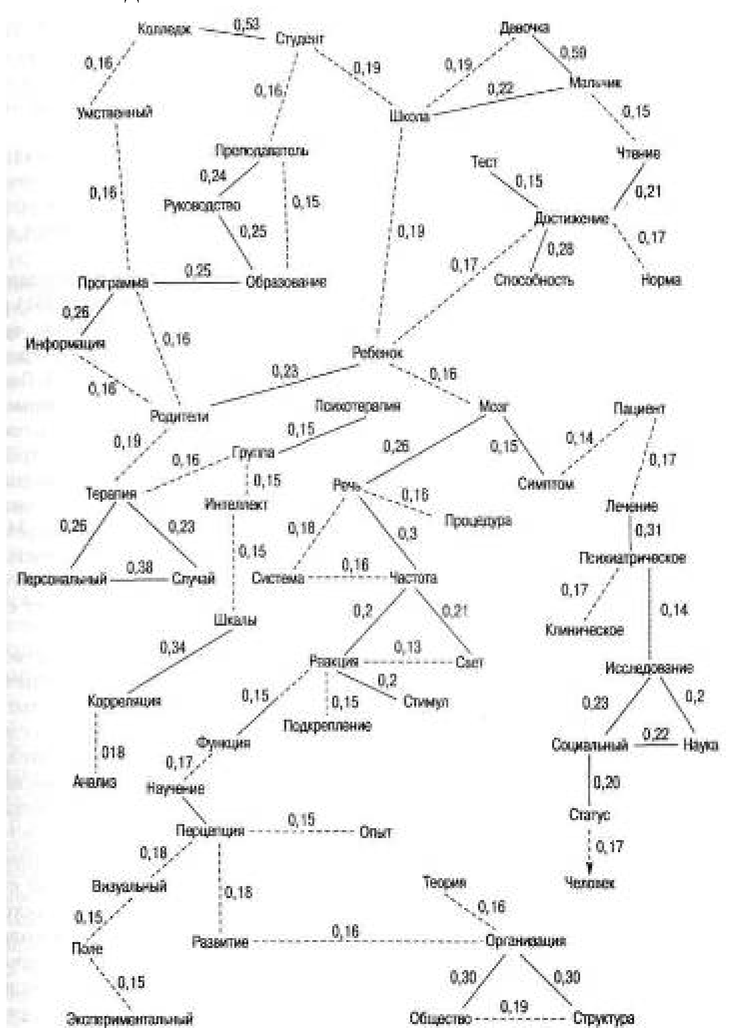

Рис. 2. Тезаурус психологических терминов, построенный на основе дистрибутивно-статистического анализа (перев. с англ.)

личностным смыслом, чувственной тканью, эмоциональной окрашенностью. «Присваиваясь» субъектом, входя в новую системную организацию, значение неизбежно вступает в новые связи и отношения и не обязательно совпадает со значением в форме понятия. Это блестяще показано в уже упоминавшихся работах Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, Дж. Бруннера, В. В. Давыдова.

Таким образом, трудности в использовании лингвистических методов анализа значения в психологии состоят в том, что они ограничиваются их изучением только в вербальной плоскости.

Задача же семантического исследования значений требует анализа не только «по горизонтали», т. е. их взаимосвязей, но и «по вертикали», т. е. отношений их к чувственности.
Отметим, что многие лингвисты склоняются к мнению, что значения существуют не только в форме словесного понятия. Например, А. О. Резников (1964) говорит о сложном по своему составу значении, включающем концептуальный, чувственно-наглядный и экспрессивный компоненты. Последний, в свою очередь, подразделяется на эмоциональные, волевые и побудительные моменты. Е. Л. Гинзбург (1969) также выделяет в значении слова эмоциональные, экспрессивные и стилистические компоненты, Ю. С. Степанов (1969) полагает, что в человеческой речи, кроме основной информации — мысли, — почти всегда можно найти социальную информацию, указание на социальное положение говорящего, информацию эмоциональную и т. д. Но чисто лингвистическими методами невозможно выделить эти составляющие значения, показать их взаимосвязь и взаимопереходы. Поэтому декларация сложной организации значения оборачивается простым перечислением его возможных компонентов, причем их все увеличивающееся число грозит превратить понятие значения в понятие «про все», размывает его четко очерченные границы.
Выход из этого заколдованного круга лежит, на наш взгляд, в деятельностном подходе к проблеме значения, в трактовке значения как процесса, где сами значения как внутренние образования строятся в контексте той деятельности, в которой они актуализованы (Выготский, 1968; Леонтьев А. А., 1974). Семантика слова, предложения оказывается производной от общей направленности деятельности, в которой они используются в роли средств-орудий, так что значение выступает в качестве «превращенной формы деятельности». «...Психологическая структура значения, — пишет А. А. Леонтьев, — есть, в первую очередь, система дифференциальных признаков значения, соотнесенная с различными видами взаимоотношений слов в процессе реальной речевой деятельности, система семантических компонентов, рассматриваемая не как абстрактно-лингвистическое понятие, а в динамике коммуникаций, во всей полноте лингвистической, психологической и социальной обусловленности слова» (1971. С. 11). Психолингвистические методы позволяют исследовать значения непосредственно в речемыслитель-ной деятельности конкретного субъекта, так сказать, в «режиме употребления». Являясь формой обобщения, значения являются операторами классификации, упорядочивающими объекты, события окружающей действительности. Семантические компоненты, определяющие основания такой классификации, могут быть выделены в процедурах сортировки, шкалирования, оценки и т. д. Различные методики, применяемые в экспериментальной семантике, являются фактически искусственно построенными деятельностями, моделирующими какие-либо

реальные формы речемыслительной деятельности и позволяющими выявить различные аспекты функционирования и организации значения.

Методы анализа значения, используемые в психосемантике

Прямого способа выделения семантических компонентов значения как системы дифференциальных признаков не существует. Вопросы типа «Что есть *XI»,* где «X» определяется прямым указанием на объекты, принадлежащие К классу «X», не раскрывают содержание значения, а задают его объем, предметную отнесенность. Выделение же существенных признаков, послуживших основанием классификации, т. е. включения этих объектов в класс «X» требует, в свою очередь, семантического анализа, рассмотрения этих объектов как несущих определенное значение. Ведь значения существуют только в системе значений и раскрываются только через эту систему. Поэтому любой психолингвистический метод включает звено поиска значений, семантически связанных с исследуемым, и фиксирует эти связи в форме матрицы семантических расстояний, семантических полей, тезаурусов, семантических пространств и т. д.
При описании методов анализа значения акцент, как правило, делают на первом шаге — построении метода оценки семантического сходства. Рассмотрим некоторые из этих методов.
Метод субъективного шкалирования. Этот метод, заимствованный из классической психофизики (Вудвортс, Шлосберг, 1974), является простым и прямым методом получения матрицы семантического сходства. Перед испытуемыми ставится задача оценить «сходство значений» с помощью некоторой градуальной шкалы. Например, в экспериментах Рубинштейна и Гуднау (Rubenstein, Goode-nough, 1965) это была пятизначная шкала, где «О» обозначал низшую степень сходства, а «4» — высшую. В экспериментах А. П. Клименко (1970) использовалась десятибалльная градуальная шкала. Как полагает Миллер (1971), прямой метод шкалирования дает наиболее точные результаты по сравнению с техникой косвенной оценки, но характеризуется

значительной трудоемкостью. Так, исследование семантических отношений и объектов требует для построения матрицы сходства *n (n* - 1)/2 попарных сопоставлений.

В качестве примера использования метода субъективного шкалирования для семантического анализа прилагательных и глаголов, но без последующей математической обработки данных и построения семантических пространств можно привести работы Мосиера (Mosier, 1941) и Клиффа (Cliff, 1955). Примером использования метода субъективного шкалирования с последующей обработкой Данных с помощью многомерного шкалирования может служить работа Рипса, Шобина, Смита (посвященная реконструкции семантического пространства названий птиц и животных. В этой работе испытуемых просили оценить по четырехбалльной шкале степень субъективного сходства 12 названий птиц, а также слов *птица* и *животное.* Среднегрупповая матрица расстояний (которая обратно пропорциональна матрице сходства объектов) подвергалась процедуре многомерного анализа. Суть его состоит в следующем: исходя из матрицы субъективного сходства (расстояния между анализируемыми объектами), реконструируется такое геометрическое пространство минимально возможной размерности, в кото-Ром расстояния между координатными точками, соответствующими анализиру-

емым объектам, подобны субъективным расстояниям матрицы сходства. Математически процедура многомерного шкалирования заключается в определении координатных проекций точек на некоторые координатные оси, исходя из известных расстояний между этими точками.

В рассматриваемом эксперименте было выделено двухмерное семантическое пространство, удовлетворительно описывающее исходные матрицы данных. На основе найденных нагрузок каждого слова по каждому из выделенных факторов-осей семантического пространства были реконструированы координаты этих слов в семантическом пространстве (рис. 3).

Рис. 3. Семантическое пространство названий птиц (Фь $Ф_2$)

Горизонтальную ось семантического пространства — Ф(— авторы интерпретировали как фактор «размер» (орел, гусь, малиновка, воробей, попугайчик), а вертикальную — $Ф_2$ — как фактор «дикость» (орел, сойка, воробей, малиновка) в оппозиции домашним птицам (курица, утка, гусь). Построенное пространство является не только компактной формой описания и дифференциации анализируемой лексики, но и обладает статусом модельного представления вербальной семантической памяти, позволяющего предсказать некоторые закономерности ее функционирования. Согласно этой модели, значения слов записываются в памяти как наборы их семантических характеристик, и чем ближе расположены слова в семантическом пространстве, тем более они близки по содержанию. Семантическое расстояние между, например, значением слова «голубь» и значением слова «попугайчик» будет определяться расстоянием между двумя точками — координатами этих значений в двухмерном пространстве — и вычисляться по формуле

D (семантическое расстояние) $=\sqrt{(x_1 - x_2)^2 + (y_1 - y_2)^2}$.

В общем виде семантическое расстояние между объектом и объектом в «-мерном пространстве определяется - - - по формуле

$$D_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^{n} (X_{ik} - X_{jk})^2},$$

где X_{ik} — вес г'-го объекта по k-му фактору; X_{jk} — весу j-го объекта по k-му фактору. Действительно, если использовать в качестве слова-стимула в ассоциативном эксперименте слово *bird* (птица), то более частотными ассоциациями будут слова

малиновка, воробей, сойка и т. п., имеющие с этим словом меньшие расстояния в семантическом

пространстве.

Многомерное шкалирование как процедура математической обработки данных наиболее типична для метода субъективного шкалирования. Но не исключено применение к матрице данных, полученной с помощью субъективного шкалирования, процедур факторного и кластерного анализа. Например, в нашем исследовании матрица сходства поступков строилась как субъективным шкалированием, так и приписыванием поступкам испытуемых набора заданных мотивов, где мерой сходства поступков выступало сходство их мотивов (Петренко, 1983). Факторизация данных, полученных в группе взрослых испытуемых, выделила сходство факторных структур матриц, построенных обеими процедурами. Эти результаты свидетельствуют о том, что в основе субъективного сходства поступков лежит их мотивационный аспект.

Методически факторизация матриц сходства, построенных с помощью субъективного шкалирования, может осуществляться двумя способами: 1) когда нормированный коэффициент субъективного сходства рассматривается как приближение к коэффициенту корреляции; 2) когда на основе оценок субъективного сходства каждой пары объектов со всеми другими объектами вычисляется коэффициент корреляции этой пары объектов, который и рассматривается как мера их сходства. Эти допущения и позволяют перейти от матрицы субъективного сходства к матрице корреляции, которая подвергается факторному анализу.

Ассоциативный эксперимент является, пожалуй, наиболее разработанной техникой семантического анализа. Этот метод подробно обсужден в работах Дж. Ди-за (Deese, 1962; 1964), Диксона и Хортона (Dixon, Horton, 1968), Крильмана (Creel-man, 1965). Анализ психологической природы процессов, лежащих в основе ассоциаций, дан в работах А. А. Леонтьева (1965, 1967, 1969, 1971, 1976, 1977); Л. Б. Ительсона (1970, 1972); А. А. Брудного (1964, 1971); Б. А. Ермолаева (1973, 1974); Б. А. Ермолаева, В. Ф. Петренко (1976). Общая схема ассоциативного эксперимента такова: испытуемому предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации, причем возможен как свободный ассоциативный эксперимент, где испытуемый не ограничен в выборе возможных ассоциаций, так и направленный, где его ассоциативный поток ограничен по инструкции рамками некоторого грамматического класса. Принято подразделять ассоциации на парадигматические и синтагматические. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы (например, отец-мать, стул-стол и т. д.). Парадигматические ассоциации подчиняются принципу «минимального контраста», сформулированному Мак-Нейлом (McNeil, 1970), согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Раскрытие принципа «минимального контраста» делает понятным, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, даваемых на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове.

Синтагматическими ассоциациями называются ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула (машина — едет, курить — плохо и т. д.). В первом приближении можно интерпретировать па-

радигматические ассоциации как отражающие языковые отношения, а синтагматические — речевые отношения (Городецкий, 1969).

Ассоциативный эксперимент проводится обычно на большом количестве испытуемых, и на основе данных ими ассоциаций можно построить таблицу частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости (расстояния) пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т. е. степень подобия объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций. Величина эта фигурирует в работах разных авторов под названиями: «коэффициент пересечения», коэффициент ассоциации», «мера перекрытия».

Примером реконструкции семантического состава слова на основе ассоциативного эксперимента может служить ставшая уже классической работа Диза «Структура ассоциативного значения» (Deese, 1962). В этой работе матрицы расстояний вторичных ассоциаций на слово-стимул (т. е. ассоциации на ассоциации) подвергались процедуре факторного анализа. Выделенные факторы получали содержательную интерпретацию и выступали как семантические составляющие значения. А. А. Леонтьев, комментируя результаты Диза, полагает, что они «ясно показывают саму возможность выделить на основе формальной обработки данных ассоциативного эксперимента факторы, которые можно интерпретировать содержательно как семантические компоненты слов, исследуемых в эксперименте» (Леонтьев А. А., 1971. С. 13).

Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, так как он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения.
Как отмечают А. Е. Супрун, А. П. Клименко и Л. Н. Титова (1975), характер ассоциаций зависит от возраста, пола, образовательного уровня, профессии испытуемых. Это значит, что ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка отчасти нивелирует этот «привкус» личностного смысла, выделяя аспекты, инвариантные для всей группы испытуемых.
Недостатком метода является его чувствительность к фонологическому и синтаксическому сходству. Как показали исследования А. Е. Супруна, А. П. Клименко и Л. Н. Титовой (1975), большая часть ассоциаций обусловлена речевыми штампами, клише. Важно отметить, что план вербальных ассоциаций не изоморфен полностью плану предметных отношений. Так, например, в экспериментах Карвоски (Karwosky, 1944) и Доркуса (Dorcus, 1932) показано, что цвета ассоциируются иначе, чем слова, их обозначающие.
Метод семантического дифференциала (СД) принадлежит к методам экспе-рементальной семантики и является одним из методов построения семантических пространств. Этот метод был разработан в 1955 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом в ходе исследования механизмов синестезии и получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Его

используют в психологии и социологии, теории массовых коммуникаций и рекламе, а также в области эстетики.
Метод семантического дифференциала представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. Связь метода СД с методами ассоциаций показана в работах Нобла (Noble, 1952) и А. Стаатса (Sta-ats, 1957), где доказана высокая корреляция между индексом Д (прагматическое значение Осгуда) и индексом М Нобла (мерой ассоциативной связности слов). Мерой близости исследуемых объектов в методе СД выступает сходство профилей оценок, данных по шкалам СД.
Как метод контролируемых ассоциаций, семантический дифференциал выгодно отличается от ассоциативных методов большей компактностью. Исследователь получает в руки численно представленные стандартизированные данные, легко поддающиеся статистической обработке. Снимается возможность ассоциаций по принципу речевых штампов, рифмовочных ассоциаций, т. е. ассоциаций, обусловленных не близостью плана содержания, а сходством плана выражения. С другой стороны, выбранные шкалы могут навязывать расчленения исследуемого материала, являющиеся незначимыми для испытуемого.
Как полагает Осгуд, метод СД позволяет измерять так называемое коннота-тивное значение — те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957). Наиболее близким аналогом коннотативного значения в понятийном аппарате советской психологии является понятие личностного смысла, являющегося значением значения для субъекта (Леонтьев А. А., 1965; Леонтьев А. Н., 1975). Метод СД является комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования. В методе СД измеряемые объекты (понятия, изображения, персонажи и т. п.) оцениваются по ряду биполярных градуальных (трех-, пяти-, семибалльных) шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. Оценки понятий по отдельным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью факторного анализа удается выделить пучки таких высококоррелирующих шкал, сгруппировать их в факторы. Психологическим механизмом, обеспечивающим взаимосвязь и группировку шкал в факторы, Ч. Осгуд считал явление синестезии.
Синестезия — психологический феномен, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности (Величковский, Зинченко, Лурия, 1975), как, например, переживание цветового образа в ответ на музыкальную фразу в цветомузыке. Механизмы синестезии признаются основой метафорических переносов в высказываниях типа «бархатный голос», «кислая физиономия», «темная личность» и т. п. По мнению А. Р. Лу-рия, физиологические механизмы синестезии, обеспечивающие кроссмодальные

переходы, заданы тем, что стимуляция некоторой модальности поступает не только в специфические для нее проекционные зоны мозга, но по коллатералям — боковым ответвлениям аксонов — и в неспецифические для нее проекционные зоны Других модальностей. На основе восприятия одной модальности в восприятии Реконструируется целостный интермодальный образ. Американский психолог Л. Маркс рассматривает синестезию как универсальную форму доязыковой категоризации, обеспечивающую обобщения на уровне организма (Marks, 1975).

Математически построение семантического пространства является переходом от базиса большей размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Содержательно фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания шкал, входящих в фактор, и в этом смысле факторы являются формой обобщения прилагательных-антонимов, на базе которых строится семантический дифференциал, а его факторная структура отражает структуру антонимии в лексике. Группировка шкал в факторы позволяет перейти от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами (метод полярного профиля), к более емкому описанию с помощью меньшего набора категорий-факторов, представив содержание объекта, его коннотативное значение как совокупность факторов (многочлен), данных с различными коэффициентами веса. Причем нагрузки объекта по каждому из выделенных факторов определяются как среднее арифметическое оценок объекта по шкалам, входящим в этот фактор.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего я-мерного пространства (где мерность пространства определяется числом независимых, некоррелирующих факторов), а коннотативные значения объектов задаются как координатные точки или векторы внутри этого пространства, восстановленные на основе знания их проекций на оси факторов, т. е. знания нагрузок объекта по каждому фактору.

Семантическое пространство является своеобразным метаязыком описания значений, позволяющим путем разложения их содержания в фиксированном алфавите категорий-факторов проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии путем вычисления расстояний между соответствующими значениям координатными точками в пространстве.

Отметим, что сам переход от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами, к описанию объектов с помощью факторов, являющихся смысловыми инвариантами, связан с потерей информации об объектах, так как из содержания шкалы в факторе отображается только та информация, которая инвариантна всей совокупности шкал, входящих в фактор. Этим инвариантом оказываются эмоциональный тон или образное переживание, лежащие в основе коннотативного значения, — генетически ранней формы значения, в которой отражение и эмоциональное отношение, личностный смысл и чувственная ткань еще слабо дифференцированы. Именно поэтому метод СД позволяет оценивать не значение как знание об объекте, а коннотативное значение, связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабоструктурированными и малоосознаваемыми формами обобщения.

В исследованиях Осгуда строилось семантическое пространство на базе шкалирования понятий из самых разных понятийных классов (например: пламя, мать, ураган, радость и т. д.) и было выделено три основных фактора, интерпретированных как «оценка», «сила» и «активность»; два последующих слабых фактора не получили соответствующей интерпретации. Дальнейшие исследования показали универсальность выделенных структур по отношению к испытуемым. Так, была показана идентичность факторных структур у представителей различных языковых культур, у испытуемых с различным образовательным уровнем и даже у больных шизофренией по сравнению со здоровыми испытуемыми (Osgood, 1962). Последнее не означает, конечно, что все испытуемые оценивают объекты

сходным образом. Единство факторных структур показывает, что неизменными остаются семантические связи между различными шкалами при шкалировании объектов, и если какой-нибудь испытуемый оценивает «порок» как хороший, то он для него и «сладкий» и «желанный» и т. п. Из единства факторных структур и соответственно семантических пространств, построенных на базе шкалирования понятий из различных понятийных классов, вытекает важное следствие. Поскольку структура этих пространств идентична для различных испытуемых, то можно использовать результаты факторизации, полученные в одной группе, для проведения

исследований с применением методики СД на другой группе испытуемых. Другими словами, для испытуемых одной языковой культуры трехфак-торный — универсальный — семантический дифференциал не надо каждый раз строить заново, а можно, не проводя факторизации, использовать уже полученные результаты группировки шкал в факторы.

Построение СД на базе оценок отдельных семантических классов — частных семантических пространств — продемонстрировало возможность трансформации семантического пространства, появления новых факторов, специфичных именно для этих понятийных классов. Например, при шкалировании политической терминологии (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957) было обнаружено, что три обычно независимых фактора — «Оценка», «Сила» и «Активность» — стали коррелировать и слились в один, который можно описать как «доброжелательный динамизм» в оппозиции к «злобному бессилию». Иными словами, множество политических понятий в сознании испытуемых-американцев дифференцировалось фактически по одному измерению. При оценке стилевых характеристик прозы в исследованиях Кэрролла (Carroll, 1969) было выделено шесть независимых факторов, включавших, например, факторы «оценка» (изящный — неуклюжий, интересный — скучный, сильный — слабый), «влияние личности автора» (интимный — отчужденный, эмоциональный — рациональный, характеризующий — не характеризующий автора), «абстрактность» (абстрактный — конкретный, хитроумный — очевидный, сложный — простой).

В исследовании тезауруса личности (Osgood, 1962) при шкалировании таких понятий, как «близкий друг», «я», «родители», «мое сокровенное я» и т. п., было выделено восемь факторов, причем три фактора соответствовали трем осгудов-ским факторам, но в новых условиях интерпретировались как «моральность» (моральный — аморальный, достойный — недостойный), «твердость (сила)» (твердый — мягкий, грубый — нежный), «возбудимость (активность)» (возбудимый — спокойный, напряженный — расслабленный), а пять других интерпретировались как «рациональность» (рациональный — иррациональный, логический — интуитивный), «уникальность» (уникальный — типичный, необычный — обычный), «дружелюбие» (общительный — скрытный, дружелюбный — одинокий), «гордость» (гордый — смиренный, сложный — наивный), «определенность» (предсказуемый — непредсказуемый, определенный аморфный). Были также построены «межличностно-поведенческий» СД (Triandis, 1964), «мимический» СД (Osgood, 1962), личностный СД (Kuusinen, 1970, Шмелев, 1982) и др.

Частные СД характеризуются различной размерностью (числом независимых, некоррелирующих факторов), разным содержанием выделяемых факторов, но в то же время сохраняют некоторую преемственность по отношению к универсальному СД. Так, многие факторы частных семантических пространств являют-

ся конкретизацией базисных факторов в условиях определенного узкого семантического класса и сохраняют с ними корреляционные связи (Петренко, 1983).

Зависимость факторной структуры семантического пространства от круга шкалируемых понятий Осгуд объясняет тем, что между понятиями и шкалами существует взаимодействие в процессе вынесения суждения (оценки) (Osgood, 1962). Например, если мы оцениваем такое понятие, как «мать», имеющее сильную эмоциональную окраску, то в той степени, в какой сама шкала имеет оценочную нагрузку, ее эмоциональное значение станет еще более оценочным, что в корреляционных терминах означает ее поворот в семантическом пространстве к оценочному фактору. Иными словами, каждое понятие или понятийный класс имеют тенденцию производить поворот шкал в семантическом пространстве к своим собственным характеристическим свойствам. Так, для понятия «атлет» шкала «хороший-плохой» должна стремиться к возрастающей корреляции со шкалой «сильный-слабый» и к уменьшению корреляции со шкалой «добрый—злой». Как отмечает В. И. Викторов, коэффициент корреляции между парой шкал может изменяться в диапазоне от 0,6 до -0,6 в зависимости от шкалируемого понятия (Викторов, 1982). Но если при построении универсального СД, где лексика отбирается случайным образом из самых различных семантических областей, эти повороты шкал взаимонивелируются и факторы «оценка», «сила», «активность» остаются ортогональными, то для понятий однородной конкретной семантической области эти аспекты коннотативного значения могут быть взаимосвязаны регулярным образом; семантическое пространство СД трансформируется и появляются факторы, образованные сочетанием («склейкой») базисных факторов. Далее, если при оценке понятий из различных семантических областей (как это происходит при построении

универсального СД) предметные (денотативные) аспекты значений не могут выделиться в виде факторов, поскольку понятия взяты из разных семантических областей и не повторяются, т. е. не происходит накапливания этих качеств в виде вклада в общую дисперсию, то внутри однородного узкого понятийного класса предметные, содержательные аспекты значений (денотативные семантические признаки), повторяясь, «накапливаются» и отображаются в виде денотативных (предметных) факторов.

Построение таких более дифференцированных семантических пространств — частных СД — позволяет проводить и более тонкий семантический анализ, а сами факторные структуры могут интерпретироваться как категориальная сетка данных понятийных классов. Значения при этом задаются как пересечения категорий-факторов. Подчеркнем, что речь идет об индивидуальных значениях, о категориальной сетке «наивного», обыденного сознания. Так, например, выделенные в «тезаурусе личности» Осгуда категории не являются научными категориями теории личности, речь идет скорее о категориях житейского сознания, сквозь призму которых мы воспринимаем других и себя. Являясь средством осознания, они как таковые могут не осознаваться, но определять восприятие объектов и событий, их классификацию и влиять на порождение речевого высказывания об этих объектах и событиях. Построение частных семантических пространств реализует задачу, сформулированную Ю. Д. Апресяном как необходимость реконструкции «наивной физики», «наивной биологии» и т. п. для понимания функционирования модели «Смысл—Текст» (Апресян, 1974).

В то время как классический универсальный СД отражает обобщенные эмоционально-оценочные формы классификации, факторные структуры частных СД

дставляют более узкие основания классификации более денотативного (предметного) характера и отражают «имплицитную теорию личности по поводу объ-кта т. е. категоризацию» (Tzeng, Way, 1975. P. 1). Являясь опосредованными знаниями субъектов (испытуемых) данной содержательной области, они не являются универсальными и требуют построения частных семантических пространств для каждой однородной популяции.

Личностные семантические дифференциалы. Одной из разновидностей частных семантических пространств являются так называемые личностные семантические дифференциалы, построенные на базе прилагательных, обозначающих черты личности и характера, и ориентированные на оценку самого себя или другого человека (Osgood, 1975; Kuusinen, 1970; Tzeng, 1982).

Процедура построения личностного СД стандартна. По множеству биполярных и униполярных шкал, образованных «личностными» прилагательными, оценивается множество реальных людей или литературных персонажей, живописных или фотографических портретов, и на основе сходства оценок этих объектов по шкалам строится матрица сходства шкал, которая затем подвергается факторному анализу. Выделенные факторные структуры отражают присущие испытуемым структуры категоризации,через призму которых происходит восприятие другого человека или самого себя, «наивную», обыденную «теорию личности», выработанную житейской практикой испытуемых.

На материале русского языка построение личностного СД осуществлялось в нескольких вариантах (Бажин, Эткинд, 1983; Петренко, 1983; Шмелев, 1982; Шмелев, Похилько, 1985; Шмелев, Похилько, Козловская-Тельнова, 1991; Бонда-ренко, 1991). В исследовании А. Г. Шмелева объекты шкалирования задавались с помощью репертуарных позиций Дж. Келли (1963): предлагался набор категорий (пол, возраст, хорошее/плохое отношение испытуемого к персонажу), сочетание которых задает множество репертуарных позиций (например, «Мужчина старше меня по возрасту, к которому я хорошо отношусь» или «Женщина младше меня по возрасту, к которой я отношусь плохо» и т. п.). На место репертуарных позиций каждый испытуемый проецирует конкретных, хорошо ему знакомых людей, которых затем оценивает по предложенному перечню шкал.

В нашем исследовании (Петренко, 1983) личностный СД строился на базе шкалирования испытуемыми 20 мужских портретов современников по **50** униполярным шкалам, образованным «личностными» прилагательными. Мерой семантического сходства шкал выступало сходство оценок портретов по этим шкалам. Полученная таким образом матрица сходства шкал — раздельно для мужской и женской выборок — подвергалась процедуре факторного анализа. Для мужской выборки было выделено 7 значимых факторов, получивших следующую интерпретацию: «моральность» (честный, добрый «-»лицемерный, порочный и т. д.), «открытость» (открытый, простодушный <г> проницательный, хитрый), «сила» (сильный, мрачный <-» робкий,

малодушный), «общительность» (общительный, беспечный <-» скучный, сухой), следующий однополюсный фактор условно назван фактором «акцентуированность Я» (капризный, вспыльчивый, гордый, самоуверенный), следующий, также однополюсный, фактор можно назвать «уравновешенность» (спокойный, черствый, интеллигентный, твердый), наконец,

последний фактор отражает, очевидно, социально значимые аспекты динамики поведения человека и связан с его социальной активностью (решительный, благородный <-> ленивый, конформный).

Интересно отметить довольно значительные различия в организации семантических пространств и соответственно в категоризации мужских портретов у испытуемых женской и мужской выборок. Так, например, если наиболее мощными факторами, дающими большой вклад в общую дисперсию, у мужчин оказались факторы, связанные с общением, совместной деятельностью («моральность» и «открытость <-> закрытость»), то у женщин ведущим основанием категоризации оказался фактор «сила», занимающий в мужской выборке третье место, и логика группировки личностных качеств в категории-факторы была обусловлена характерологическими эмоционально-волевыми особенностями изображенных персонажей.

В другой нашей работе, где испытуемыми-женщинами оценивались по 62 шкалам 36 женских портретов, группировка шкал в факторы более напоминала структуру оценок мужчин мужчинами. Содержание выделенных факторов: Ф, (жестокая, самоуверенная, холодная, высокомерная, сухая, расчетливая <-> доверчивая, наивная, непосредственная); $Ф_2$ (решительная, смелая, самоотверженная, деловая <-> слащавая, капризная, ленивая); $Ф_3$ (тактичная, утонченная, современная, красивая, обаятельная <-> порочная, грубая); $Ф_4$ (порывистая, насмешли -вая <-» сдержанная, спокойная, степенная) и т. д. — показывает, что оценочные моменты проявляются косвенно, а доминирующим в классификации выступает предполагаемый стиль общения. Так, например, чисто оценочное качество «добрая» оказалось «размазанным» по разным факторам. Структура семантического пространства личностного диффереациала зависит от пола и испытуемых, и персонажей — объектов шкалирования: в случае одного пола испытуемого и персонажа на первое место выходят аспекты, связанные с возможностью деловых отношений, общения, диалога с ним, а в случае противоположного пола — оценка его «самости», обусловленной яркостью личности и привлекательностью.

Специфика структуры личностного СД оказывается производной и от выбора объектов шкалирования, на базе которых оно построено. Так, если в репертуарном варианте личностного СД, где объектами шкалирования выступали персонажи, хорошо знакомые испытуемым, доминирующим фактором являлся фактор «моральность», то для портретного варианта личностного СД, где фактически оценивается первое впечатление о человеке по его портрету, ведущими оказались, как мы уже указывали, другие факторы. Проведенные исследования еще раз демонстрируют, что универсального личностного СД не существует и в зависимости от задачи исследования и выборки испытуемых необходимо проводить построение семантического пространства в каждом конкретном случае.

Дальнейшая адаптация методики личностного СД должна, очевидно, идти по линии построения семантических пространств для различных социальных популяций. В этой своей функции СД может быть использован как инструмент исследования форм массового сознания. С его помощью могут быть реконструированы представления широких групп населения об определенных социально значимых или пользующихся популярностью личностях, литературных героях, кино-и телеперсонажах. Широкое распространение метод семантического дифферен-

пиала получил в исследованиях, связанных с оценкой психотерапевтического воздействия и медицинской психологии.

В целом, подводя итог рассмотрению методик класса «семантический дифференциал», можно выделить следующие тенденции их развития.

1. Переход от построения универсальных семантических пространств, дифференцирующих лексику из самых различных понятийных классов, к построению частных семантических пространств для узких понятийных классов.
2. Расширение средств описания анализируемых объектов, использование невербальных, в частности визуальных, противопоставлений для построения шкал.
3. Переход от построения пространств на основе среднегрупповых данных случайно отобранных испытуемых к построению семантических пространств, характеризующих группу испытуемых,

объединенных по контролируемому признаку (полу, возрасту, социальной принадлежности и т. п.), или к построению семантических пространств, отражающих дифференциально-психологические аспекты личности испытуемого, его когнитивного стиля.

Применение метода СД в исследовании индивидуальной системы категоризации имеет недостаток, связанный с тем, что, задавая список шкал для оценки объектов, экспериментатор невольно навязывает оценки качеств, такие линии дифференциации исходного материала, которые могут быть и несвойственны самому испытуемому. И наоборот, предлагаемый исходный список шкал может не отражать свойства объектов, релевантные для испытуемого. Этот недостаток отчасти нивелируется за счет того, что при построении семантического пространства единицами описания объектов являются не отдельные шкалы, а факторы обобщения множества шкал, и отсутствие какой-либо шкалы, отражающей значимое для субъекта свойство, может компенсироваться наличием других шкал, входящих в тот же фактор. Гораздо более существенно, если экспериментатор «проглядел» целое измерение (фактор) и не представил шкалы, репрезентирующие его.

Одним из методов, устраняющих «навязывание» шкал испытуемому экспериментатором, является метод «личностных конструктов», разработанный Дж. Келли применительно к исследованию личности. Тем не менее принципы этой методики могут быть распространены и на более широкие области экспериментальной семантики.

Методика личностных конструктов Дж. Келли. В основе этого метода лежит теория личностных конструктов, выдвинутая Келли в 1955 г. В его работах была развита мысль Дж. Брунера об индивидуально-личностных эталонах восприятия окружающего мира и предложен метод операционального изучения «имплицитных теорий личности» (Козлова, 1975; Похилько, Федотова, 1984; Франселла, Банистер, 1987; Kelly, 1955, 1962; Bannister, 1977; Adams-Webber, 1979; Thomas, Harri-Augstein, 1985; Neimeyer, 1985; Dalton, Dunnet, 1990; Winter, 1992). По Келли, «личностные процессы направляются по руслам конструктов, которые служат средствами предвидения событий» (Kelly, 1963. P. 46). Под личностными конструктами понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей. Содержание противопоставления при этом определяется не языковыми нормами, а представлениями самого испытуемого,

его «имплицитной теорией личности». Например, дифференциация окружающих по «люди цели — люди эмоции» отражает представление испытуемого об антагонизме целенаправленности и эмоциональности и определяется спецификой его индивидуального опыта. Личностные конструкты отражают своеобразие индивидуальной системы антонимии. Например, описание взрослыми испытуемыми сказочных героев по униполярным шкалам и последующая группировка шкал в факторы показали, что существительное «плакса» противопоставляется по одному из факторов качествам «драчливый», «храбрый» у испытуемых мужчин и качествам «грубый», «злой» у женщин, т. е. женщины трактуют слово «плакса» как полюс конструкта «слабый, но хороший» в оппозиции «сильному, но плохому».

Своеобразные познавательные конструкты ребенка отражены в суждениях типа «грязная рубашка теплее» или «пароход не тонет, потому что он большой», т. е. конструкт может быть «склейкой» нескольких качеств, которые в действительности не взаимосвязаны. В ходе обучения или психотерапии могут происходить ломка старых неадекватных познавательных конструктов и образование новых, более адекватных.

Близким к понятию личностных конструктов является, на наш взгляд, понятие категориальной структуры индивидуального сознания. Личностные конструкты и определяют ту систему субъективных категорий, через призму которых субъект осуществляет межличностное восприятие. Чем шире набор личностных конструктов у субъекта, тем более многомерным, дифференцированным является образ мира, себя, других, т. е. тем выше его когнитивная сложность. Методика Келли позволяет выразить меру когнитивной сложности численно, как количество независимых (несинонимичных) конструктов, используемых субъектом для дифференциации некоторой содержательной области.

В классическом варианте методики Келли испытуемым предъявлялись сгруппированные в триады репертуарные позиции типа «друг того же пола», «отвергающий вас человек, к которому вы привязаны», «человек, перед которым вы испытываете чувство вины», «угрожающий вам человек», «привлекательный человек» и т. д. От испытуемого требовалось, подставив на место каждой репертуарной позиции какого-либо конкретного, хорошо ему известного человека,

совершить триадический выбор: объединить двух каких-либо персонажей по какому-либо качеству и противопоставить им третьего как обладающего противоположным качеством. Например, А и Б — вежливые, а В — невоспитанный.

Выделенный на базе тройки персонажей личностный конструкт далее распространяется на все другие персонажи, и от испытуемого требуется определить, к какому из полюсов личностного конструкта относится каждый персонаж из списка репертуарных позиций. Возможна модификация этой процедуры, когда все персонажи ранжируются по оси личностного конструкта (Bannister, 1963). В любом варианте получается строка чисел, дифференцирующих персонажи по данному конструкту. В качестве меры сопоставления (синонимичности) пар конструктов используется коэффициент корреляции Пирсона или коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Шмелев, 1982). Хотя испытуемые могут использовать для дифференциации персонажей различные личностные конструкты (разные формулировки), некоторые из них в плане дифференциации персонажей синонимичны, т. е., хотя «говорятся разные слова», испытуемый мыслит практически одно качество. Например, при сходной дифференциации персонажей по конструкту

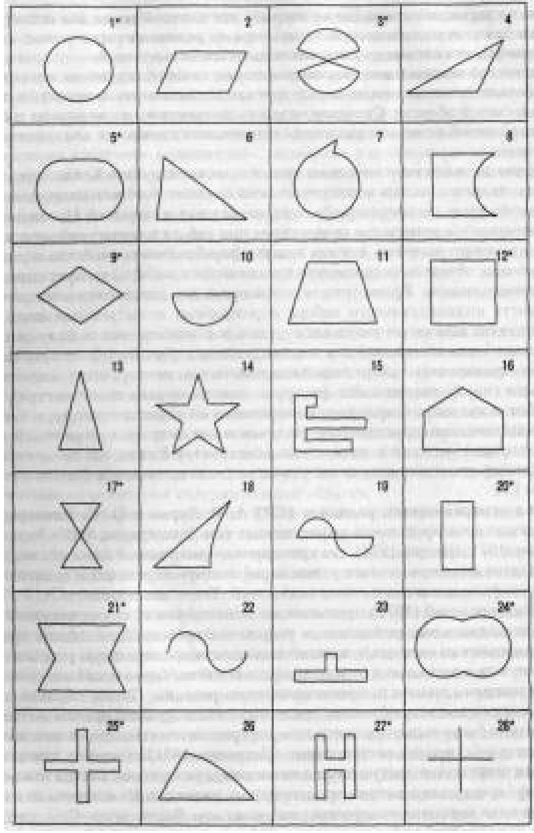
«плохие <-» хорошие» и «умные <-» глупые» эти два измерения для испытуемого оказываются синонимичными, т. е. несмотря на разные формулировки, имеется некоторое общее основание, которым пользуется испытуемый.

Количество независимых, несинонимичных, некоррелирующих конструктов, использованных испытуемым, определяет его когнитивную сложность в данной содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и для разных содержательных областей возможна различная когнитивная сложность для одного и того же субъекта.

В целом достоинством методики личностных конструктов Келли, как уже отмечалось, является то, что испытуемые сами (в отличие от методики семантического дифференциала) формируют содержание шкал-измерений. Но это достоинство методики оборачивается недостатком при работе с испытуемыми с низким уровнем речевого развития, так как задача сформулировать сходство и различие предлагаемых объектов (в процедуре триадического выбора) требует определенного речевого навыка. Кроме того, использование для построения семантических пространств индивидуального набора порождаемых испытуемыми шкал делает трудносопоставимыми результаты отдельных испытуемых в силу различия содержания шкал-измерений для индивидуальных семантических пространств, оставляя возможность такого сопоставления только по параметру когнитивной сложности (числу независимых факторов семантического пространства). В наших работах мы часто используем компромиссный вариант процедуры построения семантического пространства: получая от испытуемых первичный набор шкал с помощью методики личностных конструктов Келли, мы затем отбираем единый набор шкал для всех испытуемых с целью проведения оценок объектов методом СД.

Метод семантического радикала (СР) А. Р. Лурия и О. С. Виноградовой принадлежит к числу условно-рефлекторных (см. Виноградов, 1969; Лурия, Виноградова, 1971; Шварц, 1954), где критерием семантической близости исследуемых объектов является перенос условно-рефлекторной реакции с одного объекта на другой, семантически с ним связанный. Так, в эксперименте А. Р. Лурия и О. С. Виноградовой (1971) предъявление понятий узкого семантического класса сопровождалось подкреплением — ударом электротока. Дальнейшие предъявления семантически связанных понятий вызывали оборонительную реакцию, фиксировавшуюся с помощью плетизмографа, а понятия, более косвенно связанные с подкрепляемым.вызывали ориентировочную реакцию. Таким образом строилось семантическое поле объектов, связанных с исследуемым, причем по силе реакции можно было выделить центр и периферию этого семантического поля.

В нашем собственном исследовании (Петренко, 1974) ставилась задача сопоставления результатов, полученных с помощью двух методик: метода семантического дифференциала и метода семантического радикала. Использовалась модифицированная методика «искусственного понятия» Выготского—Сахарова, но в отличие от последней использовались не объемные тела, а плоскостные фигуры (Рис. 4). В качестве признака, объединявшего входящие в объем понятия фигуры, выступало наличие вертикальной и горизонтальной осей симметрии. Испытуемым последовательно предъявляли ряд геометрических фигур, причем фигуры, входящие в объем понятия, подкреплялись ударом электротока. Испытуемых просили выделить основание для «классификации» — характер подкрепляемых

* Сопровождается ударом тока

Рис. 4. Последовательность геометрических фигур

(Ьигур- На разных стадиях эксперимент временно прерывался, и испытуемых просили дать оценку подкрепляемых фигур с помощью набора семибалльных шкал, я также высказать гипотезу. В отличие от классического метода СД шкалы были иентированы на денотативные компоненты — параметры геометрических фигур (например, замкнутый — незамкнутый, сужающийся — расширяющийся, большой — маленький, острый — тупой, простой — сложный, гармоничный — дисгармоничный и т. д.; всего 25 шкал). Такое шкалирование проводилось с целью выделения признаков, на которые сознательно ориентируются испытуемые в суждении о характере подкрепляемых фигур. В ходе всего эксперимента проводилась плетизмографическая запись оборонительной реакции (рис. 5), тем самым параллельно методике СД применялась методика СР А. Р. Лурия, позволяющая выявлять, входят ли предъявляемые фигуры в формируемое обобщение «опасные» (подкрепляемые) фигуры, т. е. в объем задуманного искусственного понятия.

Рис. 5. Пример плетизмографической записи

Выполняя поставленную задачу, испытуемые использовали различные стратегии отбора информации (выделения признаков), близкие к выделенным Бруне-ром (Bruner, 1956). Стратегию фокусировки — когда испытуемый имеет дело не с конкретной гипотезой, а пытается выделить существенные признаки, которые могут лечь в основу построения правильной гипотезы, ориентируясь на всю предъявляемую информацию. Стратегию последовательного опробования — когда испытуемый имеет дело каждый раз только с одной гипотезой и оценивает

последовательные порции информации (ориентируется в признаках только с точки зрения этой гипотезы). Стратегию одновременного опробования — когда испытуемый пытается сформировать понятие, выдвигая и оценивая одновременно ряд гипотез при каждом появлении новой информации.

Большинство испытуемых рано или поздно приходило к правильному решению. При этом условно можно было выделить три группы испытуемых. Испытуемые первой группы успешно справились с заданием и смогли дать как адекватную вербальную гипотезу, так и адекватный профиль оценок по методу СД. Испытуемые второй группы затруднялись высказать адекватную гипотезу, но тем не менее давали адекватные оценки по шкалам СД, т. е. ориентиры выделяли правильно, но затруднялись «выразить мысль в слове». Как для первой, так и для второй группы испытуемых результаты, полученные с помощью методик СД и СР, оказались согласованными, т. е. если испытуемый полагал (и соответственно оценивал это при помощи шкал), что некоторые свойства значимы для подкре-

пляемых фигур, то он давал и оборонительные реакции на все новые фигуры, обладающие этими свойствами. Наиболее интересные результаты были получены для третьей группы испытуемых, которые после основной, а затем и после дополнительной серии так и не смогли прийти к адекватной гипотезе. Оценки по шкалам СД у этих испытуемых также были неадекватны. Но, начиная с некоторого момента эксперимента, они начинали давать оборонительные реакции (по методике семантического радикала) на объекты, подкрепляемые ударом электротока, т. е. входящие в объем понятия. Таким образом, не давая себе отчета в принципе классификации системы значимых ориентиров, эти испытуемые устанавливали семантические связи на неосознаваемом уровне.

Приведенный эксперимент свидетельствует о том, что с помощью метода семантического радикала можно исследовать динамику семантических систем на неосознаваемом уровне, образующем, по мысли А. Р. Лурия, фон любого познавательного процесса. Итак, сильной стороной метода семантического радикала является возможность использовать его в исследованиях семантических признаков и на осознаваемом и на неосознаваемом уровнях. К недостаткам его в том виде, в каком он используется, следует отнести его малую дифференцирующую силу: в одном семантическом поле оказываются объекты, объединенные по разным основаниям.

Метод подстановки. Психолингвистический метод подстановки родственен лингвистическому методу дистрибутивного анализа. Дистрибутивное сходство двух слов пропорционально количеству контекстов, в которых эти слова взаимозаменяемы. В лингвистике эта мера выводится на основе анализа большого количества текстов и обычно вычисляется автоматически с помощью ЭВМ. В отличие от дистрибутивного анализа, где взаимозаменяемость слов устанавливается через анализ текстов, в методе подстановки в роли эксперта выступает испытуемый, который делает заключение о возможности замены слов в некотором контексте. Примером использования этого метода может служить работа Стефри (см.: Miller, **1971).** Испытуемые строили предложения, включающие исследуемые слова, а затем делали заключение о возможности замены оригинальных слов предложенными экспериментатором. Таким образом строились матрицы сходства, где мерой сходства пары слов выступало количество общих для них контекстов. Обычно этот метод используется для семантического анализа довольно узких групп лексики. Так, Джонс, например, применял этот метод для выделения смысловых нюансов английских синонимов (Jones> 1965).

Модификацией метода подстановки является метод незаконченных предложений, предложений с пропуском, где заполнение недостающего звена взаимозаменяемыми словами говорит о семантической близости этих слов.

К дистрибутивным методам, т. е. методам, основанным на сопоставлении контекстов, в которых употребляется исследуемая лексика, относятся и различные тесты на рассмотрение лексической сочетаемости. Иногда последние комбинируются с процедурой шкалирования. Например, в работе А. П. Клименко **(1970)** испытуемые оценивали возможности сочетания исследуемых слов в связном высказывании по пятибалльной шкале. Таким образом можно построить процедуру, где возможность замены слов в контексте будет оцениваться количественно, характеризуя и стилистическую правильность.

Метод классификации. Этот метод, разработанный в первую очередь Миллером (Miller, 1969; 1971), основан на допущении, что формы классификации материала соответствуют внутренним

семантическим связям этого материала и что структура последних может быть выражена в процедуре классификации.
Суть самой методики чрезвычайно проста. Испытуемым предлагается классифицировать материал (обычно слова) в произвольное количество групп, причем в группу может входить произвольное количество объектов (слов). Результаты классификации суммируются в матрице, где мерой семантическогр сходства пары объектов выступает количество отнесений их испытуемым в один класс. Матрицы сходства затем подвергаются процедуре кластерного анализа, разработанного Джонсоном (Johnson, 1967), хотя не исключена возможность обработки их и с помощью факторного анализа.
Процедура кластеризации состоит в том, что исследуемый материал дифференцируется в ряды кластеров — объединений этого материала на разных уровнях семантической близости. В результате обработки получается дерево кластеризации — структура последовательной дихотомии материала. Примером может служить кластер-анализ Миллера на основе данных ассоциативного эксперимента Диза, рассмотренных выше (рис. 6). Выделенные три кластера в целом близки факторной структуре, полученной в эксперименте Диза.

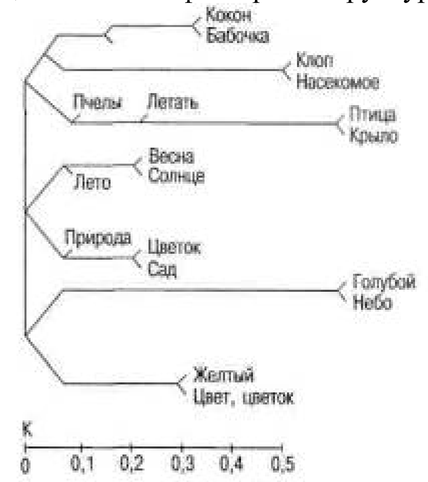

Рис. 6. Фрагмент диаграммы Дж. Миллера по результатам ассоциативного эксперимента
Как показали исследования Англии (см.: Entwisle, 1965), метод классификации, используемый для анализа лексики, оказывается чувствительным как **к** семантическим, так и к синтаксическим различиям. В работе Миллера ставилась задача сопоставить результаты, получаемые с помощью метода семантического Дифференциала, с результатами, получаемыми методом шкалирования. Испытуемые непосредственно классифицировали шкалы-антонимы, применявшиеся Осгудом. Построенное семантическое пространство на основе факторов-определителей выделенных кластеров оказалось более дифференцированным. Так, осгу-Довский фактор «Оценка» оказался представленным тремя составляющими, ко-

торые интерпретировались как «моральная», «интеллектуальная» и «эстетическая» оценки.
Этот факт большей дифференцирующей силы метода классификации по сравнению с методом СД и возможность этого метода непосредственно оперировать исследуемым материалом (изображениями), не прибегая к косвенным оценкам через вербальные описания, побудил нас использовать этот метод при исследовании семантики визуального образа (см. главу пятую).
Методы косвенного опосредованного исследования семантики. Среди семантических методов имеется ряд таких, в которых установление семантических связей исследуемого материала осуществляется опосредованно, через характер и особенности протекания психических процессов переработки этого материала, таких как вербальное научение, запоминание и распознавание, переключение внимания и т. д.
Примером подобных методик могут служить:
1) работы, где исследовалась успешность запоминания в зависимости от семантической организации предъявляемого материала. Последовательная сортировка предъявляемого материала (набора слов) в семантически связанные группы значительно улучшала результаты запоминания и последующего воспроизведения (Петренко, 1975; Underwood, Zimmerman, 1973; Underwood, Shaughnessy, Zimmerman, 1974; Underwood, Reichardt, Malmi, 1975);
2) эксперименты с парноассоциативным переносом, где в результате замены слова-стимула на семантически близкие слова (причем степень близости варьируется) или на слова, фонетически

близкие (рифмы), менялась успешность воспроизведения слов-реакций (Craik, Lockhart, 1972; Mueller, Brown, Kousler, 1975; Nelson, Brooks, 1974; Tannis, Katz, 1976);

3) эксперименты с хронометрированием времени вынесения суждения об истинности или ложности некоторого утверждения (Collins, Quillian, 1969). Эти исследования показали, что семантическое расстояние между объектами зависит также от уровней семантической организации, к которой принадлежат исследуемые объекты. Так, например, вынесение суждения относительно истинности утверждения: «Канарейки — птицы» требует меньшего времени, чем относительно утверждения «Канарейки — животные», так как верификация последнего требует промежуточного шага в констатации того, что канарейки, входя в разряд птиц, входят и в класс животных. Таким образом, семантическое расстояние объектов разного уровня общности определяется как движением в плоскости их содержания, так и в плане отношения их уровня обобщенности;

4) эксперименты с биноуральным предъявлением звуковых стимулов, которые показали, что переключение внимания с одного слухового канала на другой определяется семантической связностью подаваемой по обоим каналам информации. Так, в работе Т. Смит и М. Грин (Smith, Green, 1974) показано, что при инструкции испытуемым воспринимать списки слов, поступающие только по одному каналу, предъявление по иррелевантному каналу слов, семантически связанных со словами релевантного, вызывает

большее количество ошибок узнавания и увеличивает латентное время суждения.

Один из методов установления семантического расстояния — метод «освобождения от проактивного торможения» — основан на известном «эффекте края» CWickens, 1972). Как известно, при последовательном предъявлении некоторого материала элемент, находящийся в середине ряда, запоминается хуже вследствие наличия ретро- и проактивного торможения. В экспериментах Викенса вторая половина предъявляемого стимульного материала отличалась от первой половины по грамматическим или семантическим признакам. При этом происходило сглаживание кривой запоминания материала, т. е. отчасти снижался эффект проактивного торможения. Было обнаружено, что изменение в семантике давало до 50 % улучшения запоминания, а изменения синтаксические (например, изменение грамматической формы предъявляемого материала) — только на 5-10 %, что демонстрирует большую чувствительность метода именно к семантическим признакам.

Техника «освобождения от проактивного торможения» использовалась, в частности, в экспериментах Викенса и Линдберга (Wickens, Lindberg, 1975), где выяснялась значимость четырех новых измерений (факторов), предложенных Бент-лером и Лавойе (Bentler, La Voie, 1972). Экспериментальная группа получала четвертую триаду слов с другим значением фактора по сравнению с предыдущими триадами, тогда как в контрольной группе такого изменения не вносилось. Два измерения — «Плотность» и «Реальность» — оказались значимыми факторами в освобождении от проактивного торможения, а два других — «Организация» и «Обычность» — не дали значимых различий в результатах контрольной и экспериментальной групп.

Приведенные выше исследования показывают возможность опосредованного изучения семантики. Тем не менее перечисленные методы достаточно грубы, ибо дают только приблизительную, скорее качественную, чем количественную, оценку, и обычно используются в обратном отношении: в изучении влияния «семантической дистанции» на процессы хранения, воспроизведения, узнавания, обучения и т. д., т. е. семантика выступает в этих исследованиях в роли контролируемого параметра, определяемого с помощью других методов.

Проводя классификацию психолингвистических методов анализа значения, И. И. Ильясов (1974) выделяет прямые методы установления семантических связей непосредственно в плоскости языкового материала (относя к прямым методам ассоциативный эксперимент и семантический дифференциал Осгуда) и косвенные, анализирующие связи значений через их проявления в других психических процессах. Нам кажется более адекватным дифференцировать психолингвистические методы на прямые, опосредованные и косвенные. Основной задачей психолингвистических методик является установление семантических связей значений. В методах субъективного шкалирования и классификации такие связи между значениями устанавливаются испытуемыми непосредственно в ходе шкалирования и классификации. В методе семантического дифференциала и ассоциативных методиках связь между двумя значениями устанавливается опосредованно, через сходство оценок значений, полученных по шкалам СД, или через сходство ассоциаций, данных на них, т. е. через отнесение к опосредствующим средствам.

Дав перечень конкретных методик установления семантического сходства исследуемых объектов и кратко охарактеризовав их преимущества и недостатки, попытаемся обосновать наш выбор в качестве инструмента исследования именно метода семантического дифференциала и метода шкалирования.

Задачей семантического анализа выступает поиск семантических составляющих — этих дискретных «атомов смысла», комбинации которых задают любое значение. Лингвисты, как правило, не рассматривают проблему дискретности этих единиц. Но понимание семантических составляющих как морфологических, а не функциональных единиц приводит в конечном итоге к более сложному варианту показавшей свою несостоятельность «атомарной», «мозаичной» психологии.

Рядом исследователей (Bierwisch, 1969; Bollinger, 1965) отмечалось, что центральная проблема семантического анализа состоит в том, что нет принципиального предела для количества семантических признаков и их число зависит от тонкости семантического анализа. «Гвоздь проблемы заключается в том, что количество семантических маркеров зависит от требуемой чувствительности, и, поскольку единственным ограничением последней является воображение, семантическая структура становится бесструктурной» (Perffetti, 1972. P. 248).

Бессмысленно говорить о значении знака вне некоторой знаковой системы. Элементы системы не являются чем-то более генетически ранним или первичным. Они возникают и развиваются вместе с возникновением системы и функционируют только внутри нее. В этом смысле количество семантических признаков слова не есть независимая характеристика этого слова, а зависит от количества семантических связей этого слова с другими, от той понятийной сетки, в которую оно входит.

Семантический анализ виртуального значения как выделение множества потенциально возможных признаков, на наш взгляд, требует построения новой области психологии сознания (своеобразной психофизики сознания), где введение дифференциальных порогов осознания семантических связей (для каждой семантической области) положит предел количеству семантических составляющих.

Применительно к любому эмпирическому анализу значения мы должны ясно осознавать, что мы так или иначе изучаем контекстуальное значение, так как возможность актуализации тех или иных семантических признаков зависит от общей выборки значений, внутри которой анализируется данное. От интуиции и умения экспериментатора зависит сделать репрезентативную выборку объектов, адекватную конкретной задаче.

В плане составления этого адекватного набора большие возможности открывает метод СД, где сам экспериментатор задает широту семантического класса анализируемых объектов и в зависимости от лексического наполнения шкал может ориентировать метод как на выделение оценочных (коннотативных) признаков, так и более предметных (денотативных). Таким образом, полученные в результате факторного анализа структуры обобщений будут отражать формы обобщений, выделенные по разным основаниям. Проследить их генетическую преемственность — задача уже другого рода.

Более детальное обсуждение применяемых методов потребует и более детального их изложения, что будет проделано ниже. Сейчас же для пояснения нашей мысли приведем метафорический образ. Метод СД можно сравнить с фотокамерой, имеющей сменные объективы, где аналогом последних выступает характер

лексического наполнения шкал. Строим шкалы, ориентированные на предметные признаки — и объект выступает в деталях, но в поле зрения попадает только часть мира (категориальные решетки узких денотативных факторов). Нацелим шкалы на универсальные эмоционально-оценочные признаки — мир удалится, объекты станут менее детализированными — зато все обозримо. Точно так же и метод шкалирования в зависимости от характера инструкции позволяет выделять более тонкие или более грубые основания для классификации заданных объектов, т. е. выделять более мелкие или более крупные структуры внутреннего алфавита семантического анализа испытуемых.

Таким образом, большие степени свободы метода СД и метода шкалирования позволяют и большую свободу в постановке задач экспериментатором, а априоризм и произвольность выбора шкал (Апресян, 1963) могут оборачиваться не недостатком, а достоинством метода, если эта дополнительная степень свободы сознательно контролируется.

2.6. Семантические пространства — операциональный язык психосемантики

Одним из эвристических методов исследования индивидуальной системы значений и, следовательно, сознания субъекта, а также формой его модельного представления являются субъективные семантические пространства. Под семантическим пространством понимается система признаков, описаний объектной и социальной действительности, определенным образом структурированная. В основе построения семантических пространств, как правило, лежат статистические процедуры (факторный анализ, многомерное шкалирование, кластерный анализ), позволяющие сгруппировать ряд отдельных признаков описания в более емкие категории-факторы и представить значение из некоторой содержательной области как совокупность (многочлен) этих факторов, включенных с различными коэффициентами веса. При геометрическом представлении семантического пространства значение отображается как точка или вектор с заданными координатами внутри гс-мерного пространства, координатными осями которого выступают выделенные категории-факторы. Построение семантического пространства, таким образом, включает переход от языка, содержащего больший алфавит признаков описания, к более простому и емкому языку формализации, содержащему меньшее число категорий-факторов и выступающему своеобразным метаязыком по отношению к первому. Перевод содержания описания в более емкие единицы метаязыка семантического пространства является одновременно и семантическим анализом исходного языка описания, осуществляемым в единицах факторной структуры семантического пространства. Такой семантический анализ исходных значений на языке категорий факторов, являющихся координатными осями пространства, позволяет провести качественный анализ — сопоставление различных значений в едином алфавите. С другой стороны, количественные меры, характеризующие каждое значение в форме нагрузки (веса) значения по каждому выделенному фактору (проекции вектора значения на координатные оси или корреляция вектора и фактора), позволяют количественно оценить степень семантического сходства анализируемых значений.

Построение семантического пространства

Построение семантического пространства включает реализацию трех последовательных этапов.

Первый этап связан с выделением семантических связей анализируемых объектов (понятий, символов, изображений и т. д.). В экспериментальной семантике, психолингвистике в качестве методик выделения семантических связей используются: ассоциативный эксперимент, где мерой семантической связи пары объектов является сходство дистрибуций их ассоциаций (Deese, 1965); субъективное шкалирование, где испытуемые выносят суждение о сходстве каждой пары объектов по некоторой градуальной шкале, содержание которой не задано, т. е. испытуемый сам домысливает основания классификации (Клименко, 1970; Петренко, 1983; Собкин, Шмелев, 1986; Osgood, 1962); семантический дифференциал, где мерой сходства объектов является сходство их оценок, данных по биполярным градуальным шкалам, содержащим в качестве полюсов прилагательные-антонимы (Петренко, Нистратов, 1979; Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957); метод подстановки, родственный лингвистическому методу дистрибутивного анализа, где мерой сходства слов выступает количество контекстов, в которых эти слова взаимозаменяемы (Клименко, 1971; Jonts, 1965); метод классификации (сортировки), где семантическое сходство пары объектов пропорционально количеству объединений их в общие классы при процедуре классификации (Петренко, Шмелев, Нистратов, 1978; Miller, 1971); условно-рефлекторные методики, рассмотренные выше, где семантические связи устанавливаются на основе генерализации выработанного условного рефлекса — его переноса с одного объекта на другой, с ним семантически связанный. Если классифицировать психолингвистические методики первого этапа, то можно выделить прямые методы установления семантических связей между объектами (субъективное шкалирование, метод СР, метод классификации Миллера) и опосредованные, где сходство пары объектов устанавливается путем отнесения их к чему-то третьему: ассоциациям — в ассоциативном эксперименте; сходству профилей оценок — в методике СД; общим контекстам — в методике подстановки и т. д. Результаты, полученные с помощью опосредованных методов установления семантических связей, зависят от характера и полноты опосредствующего звена (типа разрешенных инструкцией ассоциаций в ассоциативном эксперименте, выбора шкал в методе СД, контекстов — в методике подстановки), а также от задачи исследования, интуиции экспериментатора, от его знания некоторой содержательной области, позволяющей так построить опосредующее звено, чтобы затронуть все интересующие аспекты значения анализируемых объектов. Результатом первого этапа является построение матрицы сходства (расстояний)

анализируемых объектов. Выделить структуры, лежащие в основе матрицы сходства объектов, и тем самым эксплицировать структуру семантического пространства — задача второго этапа.

Второй этап. Применение соответствующего метода исследования структур, лежащих в основе полученной матрицы данных. Этот шаг предусматривает уменьшение числа исследуемых переменных, которыми выступают семантические связи матрицы сходства, сведение их в некоторые универсумы. Наиболее широко используемыми процедурами упорядочивания исходных данных выступают факторный анализ (Окунь, 1974; Харман, 1972; Иберла 1980), метод много-

мерного шкалирования (Айвазян, Бежаева, Староверов, 1974; Болч, Хуань 1979; Дейвисон 1988), кластер-анализ (Дюран, Оделл, 1977; Вэн Райзин 1980; Жамбю 1988). Эксперименты в области психолингвистики, связанные с построением семантического пространства, обладают высокими степенями свободы в плане выбора методов установления семантических связей (1-й этап) и способов математической обработки (2-й этап). Например, данные, полученные на основе ассоциативного эксперимента, могут быть обработаны и с помощью многомерного шкалирования, и с помощью факторного и кластерного анализа. Тем не менее для методов опосредованного установления сходства значений более оптимальными оказываются процедуры факторного анализа, так как эти методы позволяют представить меры сходства значений в виде матрицы корреляций, полученных через отнесение значений к опосредующему звену. Для прямых методов установления семантических связей более удобным оказывается использование процедур многомерного шкалирования, кластер-анализа, алгоритмов распознавания образа (Shepard, 1974)

Этап математической обработки не порождает «новое содержание», а позволяет представить исходные данные в компактной, хорошо структурированной форме, удобной для анализа и дальнейшей интерпретации.

Третий этап. Идентификация, интерпретация выделенных факторных структур, кластеров и т. д. Интерпретация выделенных структур подразумевает выделение некоторого смыслового инварианта объектов (понятий, шкал, изображений и т. д.), имеющих высокую нагрузку по данным факторам или входящих в данный кластер. Исследователь, осуществляющий интерпретацию выделенных структур, находится в положении, во многом сходном с тем, в котором находятся исследователи, «сошедшие с дистанции» после первого шага и перешедшие непосредственно к интерпретации «сырых» результатов. Он также основывается на своих знаниях, интуиции. Но в отличие от первого он работает с компактно представленным содержанием и его структурой, выделенной объективно. При интерпретации часто прибегают к групповому методу (методу независимых судей), когда суждения о содержании факторов высказывают независимо друг от друга несколько специалистов в исследуемой содержательной области. После выдвижения предварительной гипотезы о содержании факторов можно дополнить исходный набор объектов рядом эталонных (метод «введения эталонных объектов»), явно связанных по содержанию с предполагаемой гипотезой, т. е. заведомо имеющих высокую нагрузку по гипотетическому фактору, и — в случае получения ими высоких нагрузок по этому фактору или вхождения их в анализируемый кластер — получить подтверждение исходной гипотезы. Используют также пары объектов, резко контрастирующих по данному содержанию (фактору), — метод максимального контраста. Наконец, можно проводить проверку конвергентной валидности, сопоставляя полученные факторы с ранее выделенными и интерпретированными структурами (тестами).

Проведение психолингвистического эксперимента связано с оценкой (шкалированием, классификацией и т. п.) К объектов по Н дескрипторам N испытуемыми. В результате такой процедуры получается куб данных (рис. 7).

Порождаемый куб данных содержит три независимых источника вариации (испытуемые, понятия, шкалы-дескрипторы), анализ которых позволяет ставить

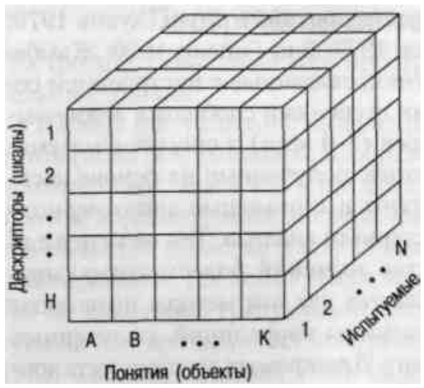

Рис. 7. Куб данных: понятия х шкалы х испытуемые

ряд задач исследования. Так, для одного испытуемого или усредненной группы испытуемых можно выделить данные (одну из секущих плоскостей), связующие шкалы и понятия. По этим данным можно построить матрицу сходства шкал-дескрипторов, где мерой сходства является сходство оценок понятий, данных по этим шкалам, или построить матрицу сходства понятий, где мерой сходства является их сходство при оценке по шкалам. Математическая обработка этих матриц позволяет построить семантическое пространство шкал или семантическое пространство понятий.

Взяв один единственный объект анализа, можно подвергнуть рассмотрению взаимосвязь «испытуемые—шкалы», построить матрицу сходства испытуемых при работе с данной шкалой-дескриптором (исследовать единодушие испытуемых при работе с данной шкалой) или матрицу сходства шкал при оценке данного объекта. Последняя задача приводит к построению частного семантического пространства признаков-дескрипторов, характеризующего именно данный содержательный объект.

Наконец, при рассмотрении взаимосвязи «испытуемые—объекты» (используемые при работе с одной шкалой) можно, построив матрицу сходства объектов, выявить их группировки по качеству, представленному шкалой-дескриптором, или группировки испытуемых в оценке объектов по данному качеству.

Принцип операциональной аналогии между параметрами субъективного семантического пространства и категориальной структурой индивидуального сознания

Термин «субъективные семантические пространства» призван подчеркнуть специфику построения этих пространств, связанную с проведением психосемантического эксперимента на отдельном испытуемом (или группе испытуемых) и реконструкцией его (их) индивидуальной, субъективной системы значений, которая может существенно отличаться от объективной — языковой системы общественного сознания. Субъективные семантические пространства выступают операциональной моделью категориальных структур индивидуального и общественного сознания. Значения в сознании каждого отдельного индивида «записаны» как правила их порождения (Выготский, 1968; Леонтьев А. А., 1971). Иерархизиро-ванный набор наиболее глобальных, универсальных категорий, определяющих построение и содержание значений, мы будем называть категориальной структурой индивидуального сознания. Поскольку в рамках построения семантических пространств значения задаются как пересечения категорий — координат семантического пространства, последнее можно рассматривать как операциональный аналог категориальной структуры индивидуального сознания. При этом отдельные параметры семантического пространства соответствуют определенным аспектам когнитивной организации сознания.

Так, размерность пространства (число независимых факторов-категорий) соответствует когнитивной сложности сознания субъекта в данной содержательной области. Поясним это на примере. В нашей работе (Петренко, Стенина, 1981) строилось семантическое пространство — «сказочный дифференциал» — на базе шкалирования детьми (5-8-летнего возраста) сказочных персонажей (Буратино, Чиполлино, Карлсон, Лиса Алиса и т. д.) по шкалам, образованным личностными прилагательными (хороший-плохой, аккуратный-неряха, смелый-трусливый и т. д.). Отдельные шкалы при оценке героев коррелируют. И- если у самых маленьких испытуемых имеется тенденция «склеивания» различных шкал в оценочный фактор — если герой «плохой», то он и «трусливый», и «неряха», и «хитрый» и т. д., — то у более старших происходит дифференциация в осознании признаков — герой может быть «плохой», но «смелый» и т. д.

Иными словами, происходит увеличение размерности семантического пространства — числа независимых факторов. Размерность пространства определялась числом собственных чисел ковариационной матрицы, достоверно отличавшихся друг от друга. Достоверность определялась по критерию χ^2 (Болч, Хуань, 1979). Поскольку выделяемые факторы являются отображением оснований классификации объектов, задают содержание, по которому эти объекты дифференцируются, их можно рассматривать как формы отношения, возможные между анализируемыми значениями. Предлагаемое нами выделение уровня развития значения через анализ количества типов отношений и их содержание позволяет рассматривать когнитивную сложность пространства как показатель уровня развития данной области значений. Ряд исследований (Bieri, 1970; Honess, 1976) показывает, что когнитивная сложность не только определяет дифференцированность сознания субъекта в некоторой содержательной области, но и взаимосвязана с гибкостью, адаптивностью реального поведения субъекта, коррелирует со степенью свободы личности в принятии решений в анализируемой содержательной области. Тем не менее когнитивная сложность не является интегральным показателем развития сознания. Сознание человека гетерогенно (Леви-Брюль, 1930, 1994; Тульвисте, 1978, 1988), и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной сфере и низкую в другой. Например, субъект или группа субъектов могут иметь высокую когнитивную сложность при дифференциации футбольных команд и низкую — при различении политических партий, высокую сложность сознания в сфере межличностного восприятия и низкую, скажем, при определении стилей живописи.

Важный показатель семантического пространства — содержание выделенных факторов, которое может быть в одной содержательной области различным у разных испытуемых. Семантические пространства, построенные на базе оценок конкретной содержательной области, оказываются производными от знания субъектом данной содержательной области, его «имплицитной теории» этой области. Значения являются одновременно операторами классификации, и проявиться в психолингвистическом эксперименте и отобразиться затем в виде факторов координат семантического пространства могут только те основания классификации, которые присущи самому субъекту. Например, в семантическом пространстве Дифференциации видов животных вряд ли проявится фактор «съедобность» у вегетарианца или фактор «политические убеждения» в дифференциации людей

у маленького ребенка. Содержание факторов семантического пространства, таким образом, отражает ведущие основания классификации предметной и социальной действительности, принятой в определенной культуре и усвоенной данным конкретным индивидом.

Другим показателем когнитивной организации индивидуального сознания является так называемая «перцептуальная» (различительная) сила признака (Carroll, Wish, 1974), или сила личностного конструкта, в терминах Келли. Субъективно более значимые основания категоризации дают и больший вклад в общую вариативность оценок объектов (вклад в общую дисперсию), а соответствующие им факторы — координатные оси семантического пространства — более сильно поляризуют анализируемые объекты.

В работе Дж. Кэрролла и М. Уиша (Carroll, Wish, 1974) строилось семантическое пространство на основе матриц общности различных форм межличностных отношений. Методом субъективного шкалирования по девятибалльным шкалам испытуемые оценивали степень близости между 25 парами объектов: между близкими друзьями, между учеником и учителем и т. д. Протоколы испытуемых (студентов Колумбийского университета) объединялись в группы на основе социологических данных (пола, возраста, семейного и социального положения, политической ориентации). Причем один и тот же испытуемый мог быть представлен в нескольких группах. Полученные матрицы данных подвергались процедуре индивидуального многомерного шкалирования, разработанного Дж. Кэрроллом и Дж. Чангом (Carroll, Chang, 1970). Было реконструировано четырехмерное пространство, факторными осями которого выступали такие качества, как «сотрудничество <-> противоборство», «равенство <-> неравенство в общении», «личное <-» безличное отношение» (аналог понятия психологической дистанции), «активность <-> пассивность», и в этом пространстве отображены как объекты формы отношений, так и сами испытуемые (респонденты). Коэффициенты линейной регрессии, равные косинусам угла между вектором, характеризующим испытуемого, и выделенными факторами — координатными осями пространства, отражают вклад испытуемых каждой социальной выборки в дифференциацию форм межличностных отношений по каждому из выделенных факторов. В исследовании Кэрролла и

Уиша была выделена взаимосвязь между социологическими данными об испытуемых с поляризующей перцептуальной силой признака (каждого фактора). Так, наиболее «чувствительными» к параметру «равенство <-> неравенство в общении» оказались студенты, придерживающиеся «левой ориентации», и студенты с высоким социально-экономическим статусом родителей; к параметру «личностное <-> формальное отношение» — студенты-психологи и группа молодых женщин в возрасте до 23 лет и т. д.

В исследовании А. Г. Шмелева (1979) сопоставлялось пространство дифференциации испытуемых их товарищами по учебной группе и семантические пространства, построенные на основе оценок этими испытуемыми понятий, обозначающих личностные черты. Было продемонстрировано соответствие между личностными чертами, приписываемыми испытуемому товарищами по группе, и мощностью фактора, соответствующего обобщению этих черт в дифференциации испытуемыми этих личностных прилагательных. Так, например, семантическое пространство личностных прилагательных человека, являющегося, по мне-

нию группы, воплощением честолюбия, содержало мощную дифференциацию лексики по фактору «Социальный динамизм»; семантическое пространство человека, оцененного группой как «тонкий», «добрый», «ранимый», наиболее сильно поляризовало лексику по фактору «Альтруизм» и т. д. Эти исследования, как отмечает А. Г. Шмелев, наглядно подтверждают старый тезис: «Человек является мерой всех вещей, и его смысловые установки определяют специфику проводимой им категоризации».

В отличие от исследования Кэрролла и Уиша, где перцептуальная сила признака «привязывалась» к социологическим характеристикам испытуемых, и от исследования А. Г. Шмелева, где мощность дифференцирующих факторов сопоставлялась с пространством личностных признаков испытуемого, в исследовании В. В. Столина и М. Кальвиньо (1982) этот параметр категоризации анализировался в связи с мотивационной организацией личности испытуемых. Была разработана оригинальная методика, включающая конвергенцию двух типов психологических методов: проективной техники, представленной методикой ТАТ (тематический апперцептивный тест), и психосемантического подхода, представленного шестифакторным вариантом семантического дифференциала. На основе сюжетных картинок ТАТ испытуемые составляли рассказы, включающие такие ключевые понятия, как «работа», «любовь» и т. п. На основе этих рассказов экспериментатор выделял личностные конструкты, присущие каждому испытуемому в осознании этой тематики, например «работа как творчество-работа как долг перед семьей». Шкалирование ключевых понятий и полюсов личностных конструктов, характеризующих эти понятия в сознании испытуемых, выявило, что чем более значимо проявились эти мотивы при работе испытуемых с проективной методикой ТАТ, тем более полярные оценки по шкалам СД получали эти ключевые понятия и личностные конструкты.

Корреляция оценок ключевых понятий по шкалам СД с оценками полюсов личностных конструктов позволяла выделить смысловые семантические аспекты, содержащиеся в личностных конструктах и «склеенные» в сознании испытуемого с содержанием ключевого понятия. Произнося слова «любовь», «труд» и т. п., каждый человек вкладывает в них свое содержание, а предложенная методика позволяет реконструировать значимость этой тематики для субъекта, его понимание этих сфер жизни и отношение к ним.

Наконец, показателями содержательных связей между категориями индивидуального сознания являются интеркорреляции выделенных факторов. Например, в проведенной под нашим руководством дипломной работе А. П. Коняевой (1980) исследовалась атрибуция — приписывание тех или иных поступков женщинам, портретные фотографии которых предъявлялись испытуемым. Для мужской выборки испытуемых фактор «Альтруизм» оказался коррелирующим с фактором «Визуальное предпочтение», т. е. более красивым женщинам приписывались и более благовидные поступки. Нравственная и физическая красота в сознании наших испытуемых были взаимосвязаны.

Построение семантических пространств реализует две задачи: координатные °си, образующие «скелет» семантического пространства, выступают операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания; размещение же в семантическом пространстве анализируемых значений позволяет

реконструировать семантический состав значений как единиц индивидуального сознания. В случае, когда объединение признаков описания в факторы происходит по их коннотативным

основаниям, размещение значений в таком пространстве отражает их коннотативные значения — значения, в которых отражение и отношение слиты, т. е. значения, личностные смыслы и чувственная ткань которых содержатся в нерасчлененном единстве. Такие пространства характеризуют личностные смыслы индивида и применяются для исследования социальных установок, стереотипов и т. д.

Построение семантических пространств как метод и форма модельного представления находит широкое применение в исследовании семантической организации различных форм репрезентации объекта субъекту. Ранние работы в этой области велись в основном в рамках построения вербальных семантических пространств, где для построения матриц сходства использовалось шкалирование понятий из самых разных семантических классов, и в результате математической обработки выделялись наиболее универсальные коннотативные факторы-категории, присущие всей лексике. В настоящее время акцент сместился на построение частных семантических пространств для определенных понятийных классов. Если в первом случае выделялись инвариантные для всех испытуемых слаборасчле-ненные коннотативные категории-факторы, то частные семантические пространства отражают дифференцировку исследуемых объектов по более предметным (денотативным) признакам, обусловленным знанием субъектом данной содержательной области. Соответственно от анализа среднегрупповых матриц испытуемых интерес сместился к анализу индивидуальных данных, позволяющих решать дифференциально-психологические задачи, в частности исследовать когнитивную сложность испытуемых в данной содержательной области. Если в ранних работах исследование проводилось в основном с лексически простыми объектами (единичными понятиями) и бинарными шкалами, то в настоящее время появляются работы, в которых объектами анализа и средствами их описания и оценки выступают развернутые тексты.

Наряду с анализом лексики в качестве объектов семантического анализа используют визуальный материал: рисунки, эмблемы, плакаты, образцы технических изделий. Появилась новая область исследования такого типа объектов, связанная с построением так называемых невербальных семантических пространств.

Брунер выделяет три формы репрезентации объекта субъекту: через действие, через образ и через знаковую (символическую) форму. Таким образом, возможно построение семантических пространств, т. е. определение структурализации всех трех форм репрезентации, хотя исследования в настоящее время затрагивают только две последние, в особенности знаково-вербальную. Техника построения семантических пространств обеспечивает широкие степени свободы в организации семантических исследований. В большинстве семантических методов установление семантических связей пар объектов (первый этап построения семантического пространства) осуществляется косвенно — через отношение их к чему-то третьему: сходству ассоциаций, оценок, описаний и т. д. И объекты и средства описания могут быть заданы через разные формы репрезентации. Методы, в которых суждения о сходстве выносятся непосредственно (субъективное шкалирование, классификация), можно рассматривать как оценку объектов внутри одной

формы репрезентации. Сочетание возможных форм репрезентации объектов и средств описания дает следующую картину (табл. 2.1).

Таблица 2.1 Объекты семантического анализа в форме

	вербального понятия	статичного образа	поведения
Вербальные шкалы, дескрипторы, описания	1	2	3
Образы (рисунки, портреты, цвета)	4	5	6
Действия, поведение	7	8	9

1. Семантические пространства этого типа наиболее многочисленны (Bentler, La Voie, 1972; Osgood, Susi, 1957). Подробно исследованиям вербальной семантики с помощью построения семантических пространств этого типа посвящена глава третья.

2. К построению пространств этого типа относятся, например, исследования Симмата (1972), связанные с анализом категориальной расчлененности оценок абстрактной и реалистической живописи; работы Е. Ю. Артемьевой (1980), направленные на выделение инвариантных для

испытуемых конно-тативных признаков геометрических фигур. Е. Ю. Артемьева (1991) называет эти инварианты семантическими универсалиями.

3. В качестве примера вербального описания динамических изображений можно привести дипломную работу С. Ю. Артюхова (1980), проведенную под руководством А. А. Бодалева, где с помощью категорий 16-факторной методики Кетелла оценивались психологические характеристики снятых на видеопленку людей.

4. К семантическим пространствам, построенным на базе шкалирования понятий с помощью визуальных изображений, относятся так называемые невербальные семантические пространства (Петренко, Нистратов, Хайруллае-ва, 1980; Bentler, La Voie, 1972). Исследованию семантической структуры образной репрезентации с помощью невербальных семантических пространств посвящена глава четвертая настоящей работы.

5. Если, как отмечалось, рассматривать процедуры классификации и субъективного шкалирования как частный случай описания внутри одной формы репрезентации, то примером такого типа семантических пространств может служить семантическое пространство абстрактной живописи в работе В. В. Налимова (1974) и семантическое пространство эмблем (Петренко, Шмелев, Нистратов, 1978), построенные на основе применения кластер-анализа. К описанию образа образными же средствами может быть отнесено построение невербального семантического пространства методом «параллельной полярности», минующим вербализацию (см. главу четвертую).

К описанию образа другого человека с помощью образных средств (цвета) относится работа А. М. Эткинда (1970), в которой образ супруга (супруги) описывался испытуемым с помощью создания цветовой гаммы. Материалом цветового

описания другого служила методика Люшера (1996). Однако построения семантического пространства как средства выделения внутренней структуры цветового символизма в этой работе не проводилось, и коннотативные значения цветов оценивались на основе наблюдений Люшера и собственных наблюдений.

6. Интересным примером описания эмоционального состояния и поведения предполагаемого партнера диадической игры с помощью набора изображений поз, мимики и жестов является работа В. С. Собкина (Собкин, Белозе-ров, 1981). Однако в данном исследовании не ставилась задача структурного анализа языка описания и соответственно построения семантического пространства.

7—9. Использование действия как средства описания трудно формализуемо и является в настоящее время прерогативой искусства (например, балета). Тем не менее исследования в области проксимики (Birdwhistell, 1966, 1971), трактующей действия как своеобразный язык и ставящей задачу расчленения выразительных движений, мимики и пантомимики на значимые кинемы — аналог морфем в лингвистике, позволяют предположить принципиальную возможность формализованного анализа действий как средства описания и группировки их в содержательные категории, а значит и построения семантических пространств. К неформализованным процедурам описания понятия, объекта с помощью жеста, мимики, выразительных движений относятся эксперименты в области невербальной коммуникации (Мастеров, Перов, 1980; Миккин, 1974). Другим примером описания образа другого человека, передачи отношения к нему служат многочисленные игровые методики, используемые в групповой психотерапии: методика «зеркало», когда один из участников «играет» другого в различных обыденных ситуациях; методика «скульптура», когда играющие «лепят» из находящегося в расслабленном состоянии человека позы, наиболее отражающие сущность его характера, мимические и пластические этюды. Многочисленные игры в ассоциации: «на какое животное похож этот человек?», «какого он цвета?», «с какой мелодией он ассоциируется?» — также являются образными средствами описания образа другого человека. Эта сфера семиотики поведения человека, наиболее трудная для формализации, еще ждет своих исследователей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Исследование вербальной семантики методом семантического дифференциала

3.1. Характеристика метода

Метод семантического дифференциала получил широкое применение в исследованиях, связанных

с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Его используют в психологии (Dershowits, 1975; Haygood, 1966; Wickens, Clark, 1968), социологии (Tolor, Tamerin, 1975), в теории коммуникаций (Helm и др., 1976; Osgood, 1966) и рекламе (Феофанов, 1974), а также в области эстетики (Осгуд и др., 1972). Популярность метода можно объяснить тем, что исследователи получили возможность определять такие интимные процессы, как отношение субъекта к миру вещей, социальному окружению и самому себе.

Метод семантического дифференциала был предложен в 1955 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом как метод измерения прагматического значения или коннотативного значения. «Тот вид значения, который мы пытаемся измерять, — это те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами» (Osgood, 1957). Таким образом, под прагматическим значением понимается поведенческая реакция на слово, которое условно-рефлекторно связано с общей реакцией на объект, обозначенный этим словом, т. е. психологическое значение идентифицируется с репрезентативными опосредованными процессами. Такое понимание значения, как отмечает Кэрролл (Carroll, 1969), ставит его в зависимость от индивидуального знания и опыта. Сам Кэрролл полагает, что оценка понятий по технике СД является на самом деле оценкой опыта индивидуума, относящегося к материальным референтам этих понятий: оценка делается по ряду параметров, соответствующих обобщенным качествам опыта. Наиболее близким аналогом коннотативного значения (по операциональному, но не теоретическому основанию) из понятийного аппарата советской психологии является нерасчлененныи личностный смысл и аффективная окраска (Леонтьев А. А., 1965).

СД — это измерительная техника, основанная на применении факторного анализа к исследованию значений. Как отмечает Осгуд, «СД является в основном комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования»

(Osgood, 1962). В методике семантического дифференциала процесс описания исследуемого объекта может рассматриваться как помещение его в экспериментальный континуум, определяемый парой антонимичных терминов. Многие экспериментальные континуумы фактически эквивалентны и могут быть сведены в одно измерение. Ограниченное число континуумов используется для построения семантического пространства, в котором можно оценивать значения любого объекта (Sniden, Osgood, 1969). В исследованиях Осгуда таким пространством оказалось декартово трехмерное пространство, где его координаты образовывали выделенные в факторном анализе ортогональные факторы: «Оценка», «Сила», «Активность». Последующие эксперименты показали универсальность выделенных факторов по отношению к испытуемым. Так, была показана идентичность факторных структур у представителей разных языковых культур, у испытуемых с разным образовательным уровнем и даже у больных шизофренией по сравнению со здоровыми испытуемыми (1962). Аналогичные факторные структуры вербального семантического дифференциала были получены на базе шкалирования нелингвистических объектов, таких как звуковые сигналы в водной среде или образы жанровой живописи в картинной галерее (Carroll, 1969).

Построение СД на базе отдельных семантических классов продемонстрировало возможность трансформации семантического пространства, появление новых факторов. Например, при шкалировании политических понятий было обнаружено, что три обычных независимых фактора («Оценка», «Сила», «Активность») стали коррелировать и слились в один, который можно описать как «доброжелательный динамизм» в оппозиции к «злобному бессилию». В исследовании тезауруса личности (Osgood, 1962) были выделены восемь факторов; Экман (1955), используя аналогичную процедуру для исследования семантической структуры понятий шведского языка, обозначающих эмоциональные состояния, выделил девять однополюсных факторов и т. д.

В то время как классический универсальный СД отражает универсальные эмоционально-оценочные формы классификации, факторные структуры частных семантических классов представляют более узкие основания для классификации скорее когнитивного характера и отражают «имплицитную семантическую теорию личности по поводу объекта, т. е. категоризацию» (Tzeng, 1975). В этом смысле в американской литературе принято говорить об аффективном и денотативном семантическом пространстве и соответственно об аффективных и денотативных факторах. Дальнейшая адаптация методики СД идет как по линии построения частных семантических пространств для достаточно широких понятийных классов, так и проявляется в попытках расширения набора ведущих базисных факторов аффективного

(универсального) пространства.

Осгуд в своих исследованиях использовал шкалы, образованные наиболее высокочастотными прилагательными-антонимами. Это объясняется трудностями, связанными с обработкой данных. При существовавшем уровне развития ЭВМ невозможно было пользоваться большим набором шкал. Но наиболее высокочастотными прилагательными являются оценочные. Если увеличить количество шкал за счет таких, которые более ориентированы на денотативные (предметные) компоненты в значении, то можно ожидать расширения семантического пространства за счет денотативных измерений. Так, используя большее количество

ткал и более широкий круг понятий, чем в классических осгудовских экспериментах, Бентлеру и Лавойе (1972) удалось расширить универсальное семантическое пространство и наряду с факторами «Оценка» (приятный — раздражающий, чистый — грязный, жестокий — добрый), «Активность» (энергичный — скованный, быстрый — медленный, монотонный — резкий), «Сила» (сильный — слабый, прочный — непрочный, массивный — миниатюрный) выделить такие факторы, как «Плотность» (составной — простой, скомплектованный — разбросанный, единственный — многочисленный), «Упорядоченность» (организован-ный — неорганизованный, постоянный — изменчивый, точный — неорганизованный), «Реальность» (воображаемый — действительный, очевидный — фантастический, абстрактный — конкретный) и «Обычность» (банальный — исключительный, новый — типичный, редкий — регулярный). Полученные факторы оказались относительно независимыми. Так, коэффициенты корреляции между факторами колебались от 0,04 до 0,5 и в среднем составляли 0,24, а среднее значение коэффициента внутренней согласованности, равное 0,87, говорит об их стабильности.

Работа Бентлера и Лавойе послужила отправным пунктом нашего собственного исследования (Петренко, Нистратов, 1979), включающего, во-первых, задачу построения вербального семантического дифференциала на материале русской лексики. Во-вторых, мы стремились расширить семантическое пространство и найти новые факторы, отличные от классических осгудовских. С этой целью вводились шкалы, ориентированные на предметные (денотативные) признаки, такие как кратковременный — длительный, упругий — пластичный, яркий — тусклый и т. д.

3.2. Построение вербального семантического дифференциала на материале русской лексики

Испытуемые: сто студентов обоих полов третьего курса факультета психологии МГУ.

Экспериментальный материал: измерялись значения 50 понятий по 45 шкалам СД. Из них 40 понятий относились к разным семантическим классам, а 10 других принадлежали к одному семантическому классу и обозначали разные эмоциональные состояния.

При выборе шкал и измеряемых по ним понятий мы опирались на данные Бентлера и Лавойе, чтобы по возможности затронуть все выделенные ими факторы. 30 понятий соответствовали экспериментальному набору Осгуда (1969).

Процедура эксперимента и обработки данных. Процедура измерения была классической: испытуемые шкалировали понятия по семизначным шкалам СД. На основании сходства оценок по шкалам была построена матрица расстояний шкал, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа. Факторный анализ проводился по программе центроидного метода и включал подпрограмму поворота факторных структур по принципу *varimax.*

Результаты и обсуждение. В результате обработки данных были выделены факторные структуры и найдены нагрузки по факторам на основе как индивиду-

альных, так и усредненных данных. Эксперимент продемонстрировал высокую внутригрупповую согласованность испытуемых (0,8), и в силу этого результаты среднегрупповой матрицы могут репрезентировать всю выборку в целом. Полученные факторы отражают семь измерений семантического пространства и объясняют соответственно 28,8; 16,6; 7,9; 7,8; 4; 3,7; 3,2% общей дисперсии.

Выделенные факторы оказались достаточно независимыми. Так, коэффициент корреляции факторов составлял в среднем 0,2 и не превышал 0,38, что позволяет говорить об их относительной ортогональности. Переходя к интерпретации выделенных факторов, отметим, что названия факторов довольно условны. Как правило, факторы называют по наименованию одного из антонимов шкалы, имеющей максимальный вес по этому фактору. Отметим, что уровень значимости нагрузок шкал по факторам в центроидном методе факторного анализа обратно пропорционален вкладу факторов в общую дисперсию (весу факторов).

Ведущим фактором оказался традиционный фактор «Оценка». Этот фактор представлен 17 шкалами, причем по всем этим шкалам фактор «Оценка» доминировал. Перечислим эти шкалы, указывая нагрузку каждой шкалы по этому фактору:

приятный — неприятный 0,80
светлый — темный 0,79
красивый — безобразный 0,74
жестокий — добрый -0,74
теплый — холодный 0,71
чистый — грязный 0,70
грубый — нежный -0,68
несчастный — счастливый -0,68
пессимистичный — -0,67
оптимистичный
тяжелый — легкий -0,64
здоровый — болезненный 0,63
поощряемый — наказуемый 0,61
полезный — бесполезный 0,56
веселый — грустный 0,53
живой — безжизненный 0,52
яркий — тусклый 0,45
страдающий — -0,37
наслаждающийся

При оценке понятий полярными по этому фактору оказались: «радость», «свобода», с одной стороны, и «страх», «отвращение» — с другой. Испытуемые также предпочитали «возвышенное», «гордость», «решимость», «признательность» «страху», «тоске», «равнодушию» и «подозрению». Интересны высокая нагрузка по фактору «оценка» для «удивления» и относительно нейтральная оценка для «греха». По-видимому, относительная старомодность последнего слова привела к «стиранию» его экспрессивной окраски. Высокой загрузкой по фактору «Оценка» обладают также слова «мать» (выше, чем «отец»), «младенец», «патриот».

Вторым фактором оказался фактор «Активность», включающий 9 шкал, причем в 7 из них этот фактор оказался доминирующим. Приведем эти шкалы:

пассивный — активный -0,77
возбужденный — 0,64
расслабленный
быстрый — медленный 0,61
плавный — порывистый -0,60
тяжелый — легкий 0,30
яркий - тусклый 0,60
страстный — равнодушный 0,57
тихий — громкий -0,46
упругий — пластичный 0,40

При оценке понятий полярными по этому фактору оказались: «ураган», «решимость», «гнев», «огонь», с одной стороны, и «покой», «смирение» — с другой. Фактор «Активность» хорошо дифференцирует как «конкретные» понятия, денотаты которых доступны восприятию органами чувств, так и понятия, обозначающие эмоциональные состояния.

Третий фактор, представленный 8 шкалами, был назван фактором «Упорядоченность» (или «Стабильность»). Шкал, в которых этот фактор доминировал, оказалось 5. Приведем шкалы, представляющие фактор «Упорядоченность»:

упорядоченный — 0,53
хаотичный
устойчивый — изменчивый 0,51
движущийся — -0,43
неподвижный
кратковременный — -0,39
длительный
единый — дискретный 0.33

живой — безжизненный -0,28
быстрый — медленный -0,28
плавный — порывистый 0,27

Полярными понятиями по этому фактору оказались понятия «статуя», «смирение», «отец», с одной стороны, и «огонь», «хитрость», «ураган» — с другой. Интересно отметить контрастность понятий «отец» и «я» по этому фактору. Напомним, что нашими испытуемыми были молодые люди 19-24 лет, еще полностью не «устоявшиеся» в жизни.

Четвертый выделенный **фактор** — «Сложность» — представлен 5 шкалами, причем все из них имели доминирующую нагрузку по этому фактору:

сложный — простой 0,52
таинственный — обычный 0,41
неограниченный — 0,33
ограниченный
конкретный — абстрактный -0,26
осознанный — 0,23
неосознанный

Полярными понятиями по этому фактору оказались «Бог», «таинство», «возвышенное», с одной стороны, и «валун», «полицейский» — с другой. Отметим, что Для понятий, обозначающих эмоциональные состояния, фактор «сложность» оказался плохо работающим. Так, большинство «эмоциональных» понятий выступали нейтральными по этому фактору, что объясняется, по-видимому, отсутствием специфических эталонов при самонаблюдении.

Пятым оказался уже знакомый осгудовский фактор — фактор «Сила», включающий всего четыре шкалы, но тем не менее четко содержательно очерченный:

сильный — слабый -0,62
большой — -0,58
маленький
густой — жидкий -0,40
тяжелый — легкий -0,31

Полярными по этому фактору оказались понятия «тяжесть», «валун», «отвращение», «тоска» и «гнев», с одной стороны, и «младенец», «перо», «хитрость» — с другой.

Необычным, по крайней мере, не имеющим аналога среди выделенных Бент-лером и Лавойе факторов, оказался **шестой** фактор. Его представляют следующие шкалы:

мягкий — твердый 0,46
опасный — безопасный -0,36
страдающий — -0,23
наслаждающийся
теплый — холодный 0,22
грубый — нежный -0,24

Хотя для этого фактора трудно найти соответствующее название, перечисленные качества — мягкость, безопасность, теплота и нежность вызывают образ комфорта и уюта. Поэтому назовем его условно фактором «Комфортность».

Полярными по этому фактору в рамках нашей выборки оказались понятия «мать», «радость», с одной стороны, и «холод», «валун» — с другой.

Наконец, слабый **седьмой фактор** оказался представленным всего двумя шкалами:

редкий — частый -0,45
единичный — -0,39
повторяющийся

Тем не менее, как мы видим, этот фактор имеет четкое содержание; он был назван нами фактором «обычность» или «частота встречаемости». Полярными понятиями по этому фактору оказались «радость», «хитрость», «гордость» и «сомнение», с одной стороны, и «Бог» — с другой.

Хотя самостоятельный анализ коннотативных значений шкалируемых понятий лежит в стороне от нашей основной задачи — поиска наиболее универсальных факторов семантического пространства, представлялось интересным сказать несколько слов и по этому поводу. Ниже приводится таблица нагрузок понятий (коннотативных значений) по выделенным факторам — осям нашего семантического пространства (табл. 3.1).

Подводя итог проведенному эксперименту, можно зафиксировать следующее. Эксперимент

продемонстрировал возможность выделения более чем трех классических осгудовских факторов. Так, в нашей работе кроме факторов «Оценка», «Сила» и «Активность» были выделены еще четыре фактора, причем факторы «Сложность», «Упорядоченность» и «Обычность» совпадают с факторами, выделенными Бентлером и Лавойе, а фактор «Комфортность» не имеет аналога в описанной выше литературе.

Таблица 3.1

Коннотативные значения исследуемых понятий

	Оценка	**Активность**	**Стабильность или упорядоченность**	**Сложность**	**Сила**	**Комфортность**	**Обычность или частота встречаемости**
1	2	3	4	5	6	7	8
Страх	1,9	5,0	3,9	4,4	5,9	2,3	3,9
Радость	6,2	6,3	4,5	3,9	4,7	6,0	6,1
Удивление	5,0	5,6	4,5	4,1	4,4	4,1	4,7
Гнев	2,8	6,5	3,5	4,5	6,4	3,1	3,1
Обида	2,2	5,4	3,3	4,5	5,9	2,5	5,4
Отвращение	1,9	4,7	4,0	4,4	6,4	2,8	4,0
Равнодушие	2,1	2,8	5,3	3,4	5,0	2,3	5,5
Признательность	5,9	5,2	3,6	4,1	4,6	5,5	4,1
Тоска	2,9	3,3	4,0	4,9	6,2	3,7	4
Грусть	4,7	3,7	4,6	3,9	4,2	5,3	4,9
Дама	4,8	4,0	3,5	4,7	4,4	4,7	4,6
Валун	3,1	3,7	4,8	3,2	6,6	1,8	2,7
Грех	4,4	4,7	3,3	4,0	4,0	3,4	3,4
Отец	4,5	4,9	5,4	4,4	5,6	4,8	3,0
Озеро	4,8	3,5	5,5	4,7	4,6	4,8	4,0
Симфония	4,7	5,4	4,3	3,7	5,8	4,1	4,7
Русский	4,5	4,7	3,8	4,4	5,1	5,0	5,0
Перо	4,9	4,7	5,0	4,0	3,0	5,0	4,0
Я	4,7	4,9	3,6	4,5	4,9	5,0	4,0
Огонь	5,3	6,3	3,0	5,4	5,0	4,2	4,0
Младенец	5,0	4,1	3,6	4,5	3,0	6,2	4,7
Обман	2,6	5,1	4,2	4,2	5,0	2,7	5,0
Бог	5,2	5,3	5,9	5,5	4,9	4,8	2,3
Патриот	5,1	5,7	4,4	5,0	4,4	3,6	4,0
Клятва	4,0	5,6	5,7	4,6	5,8	2,8	3,1
Мать	5,7	4,7	4,7	4,6	4,2	6,1	4,0
Статуя	3,9	3,1	5,9	4,3	6,4	2,4	4,1
Полицейский	3,1	5,0	4,3	3,5	5,8	2,2	5,0
Америка	3,7	6,0	3,2	4,3	5,6	2,5	4,1

Окончание табл. 3.1

1	2	3	4	5	6	7	8

Ураган	2,3	6,5	2,7	4,7	6,6	2,4	4,1
Сомнение	3,8	4,1	3,8	4,5	4,9	3,3	5,3
Честолюбие	3,7	5,6	5,0	4,3	5,4	2,4	4,9
Подозрение	2,6	4,8	4,1	4,2	6,0	2,6	4,7
Решимость	4,7	6,3	4,4	3,7	5,0	2,9	4,8
Смирение	2,9	2,6	5,7	3,6	4,8	4,4	4,6
Снисходительн ость	4,0	3,3	3,9	4,0	4,4	4,0	4,9
Вдохновение	4,6	5,5	3,3	5,3	5,0	4,4	3,3
Хитрость	3,5	4,8	3,0	3,8	3,2	3,3	5,8
Гордость	5,8	5,9	4,8	4,2	5,0	4,0	5,4
Одиночество	3,9	2,8	4,7	4,4	4,9	3,4	4,1
Возвышенное	5,9	5,1	4,4	4,4	4,0	4,6	3,5
Ожидание	4,4	4,0	4,8	4,3	5,4	5,0	5,2
Движение	4,6	5,2	3,6	4,4	5,0	3,5	4,8
Покой	4,8	2,6	5,0	3,7	4,0	5,0	3,4
Динамика	4,9	5,7	3,7	4,4	4,1	3,6	5,4
Холод	3,4	4,2	4,8	3,5	5,4	2,1	4,4
Таинство	4,9	4,1	3,9	5,3	4,7	4,0	3,2
Тяжесть	2,8	3,6	4,8	3,5	6,3	2,9	4,4
Свобода	6,0	5,7	3,9	4,0	4,7	4,3	4,0
Тишина	4,2	2,9	4,8	4,7	4,6	5,9	3,9

Относительно размерности семантического пространства нам представляется возможным высказать следующие соображения. Размерность семантического пространства определяется теми линиями противопоставлений, классификаций, которые возможны внутри предлагаемого для оценки (шкалирования) материала. Напомним, что в классическом осгудовском эксперименте семантические пространства строились на базе случайным образом отобранных понятий из самых разных семантических классов, таких как: «ферма», «симфония», «стул», «президент Стивенсон» и др. Очевидно, что для таких разнородных объектов шкалирования ведущими линиями сходства и противопоставления будут являться выступающие при математической обработке в виде факторов — «Оценка», «Сила» и «Активность». Более тонкие различия, возможные при противопоставлении содержательно сходных объектов, при этом нивелируются, так как, имея разные основания, они выступают единичными оппозициями и вклад их в общую дисперсию незначителен.

При работе с более узким, семантически однородным классом объектов более частные основания для классификации, опосредованные знаниями испытуемых

относительно данного класса объектов, в силу повторяемости их внутри данного класса, оказывают значимый вклад в данную дисперсию и отображаются в виде факторов. Так, семантическое пространство построенного на базе оценок узкого семантического класса объектов будет характеризоваться большей размерностью (количеством выделенных факторов), с одной стороны, и большей ориентированностью на предметные, закрепленные в значении признаки объектов, с другой стороны. Иначе говоря, наряду с коннотативными (эмоционально-оценочными) факторами будут присутствовать и более предметно-ориентированные составляющие этого пространства. Появление факторов в некотором смысле можно заранее провоцировать, и в данном случае прав Кэрролл, предлагающий следующий мысленный -эксперимент.

Возьмем такие шкалы, как «розово-зеленый», «розово-оливковый», «огненно-темно-зеленый», а также понятия для классификации, которые будут иметь референты, окрашенные в красный или зеленый цвета: «трава», «щеки», «лес», «губы», «горячие угли» и т. д. И если набор шкал будет достаточно велик, то можно с уверенностью предсказать появление базисного измерения: «красный—зеленый» (Carroll, 1969. P. 18).

Бесспорно, проводя такого рода эксперимент, мы получим предсказанное Кэрроллом измерение,

но вряд ли этот фактор является базисно-универсальным. Такими универсальными факторами, отражающими более глобальные категории нашей классификации мира и проявляющимися при построении практически любого семантического пространства, будут факторы «Оценка», «Активность», «Сила»; далее, очевидно, следуют выделенные Бентлером и Лавойе факторы «Сложность», «Упорядоченность», «Реальность» и «Обычность».
В этом смысле можно говорить об осгудовском пространстве как инварианте множества возможных семантических пространств. Появление же более второстепенных факторов обусловлено характером выборки шкалируемых понятий и используемых шкал. Так, в нашем эксперименте относительно большое количество понятий, обозначающих эмоциональные состояния, привело к появлению специфического оценочного фактора «Комфортность».

3.3. «Сказочный» семантический дифференциал[1]

Проиллюстрируем принцип размещения объектов шкалирования в семантическом пространстве на примере «сказочного» семантического дифференциала, построенного по групповым результатам взрослых испытуемых (студентов). Такое групповое оценивание сказочных героев дает некую усредненную, нормативную картину их восприятия, не отягощенную индивидуальными пристрастиями и отношениями к этим персонажам со стороны испытуемых. Отметим, что групповые матрицы данных позволяют выделить меньшее количество факторов по сравнению с индивидуальными, так как выделиться в виде факторов могут только те основания классификации и категоризации, которые инвариантны относительно всех членов группы, всей выборки испытуемых. В роли испытуемых в эксперименте приняли участие студенты второго курса факультета психологии МГУ.
Помощь в проведении эксперимента оказала М. Огинская.

В качестве объектов оценивания использованы 20 сказочных персонажей. В исследовании приняли участие 17 преподавателей факультета, с которыми наши испытуемые сталкивались в ходе учебы. С целью обеспечить конфиденциальность результатов оценки преподавателей и в то же время дать читателю возможность проследить их размещение в семантическом пространстве мы применили прием, использованный в свое время монгольскими аратами в их петиции властям, когда участники протеста разместили свои подписи по кругу, чтобы нельзя было установить зачинщиков (Низовцев, 1980). Это движение протеста получило в дальнейшем название «дугуйлан», что значит «круговое». Мы также разместили инициалы преподавателей по кругу (рис. 8), не указав, с какого углового градуса начинается нумерация, использованная для их обозначения в семантическом пространстве.

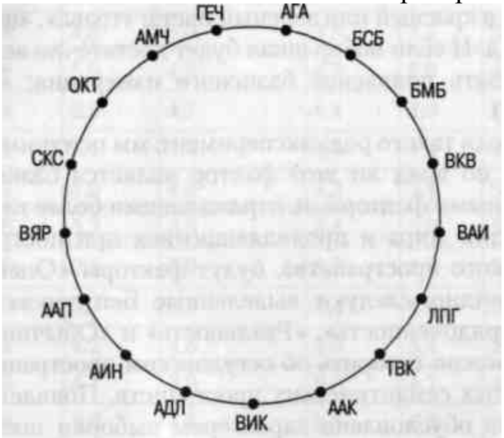

Рис. 8. Инициалы преподавателей, выступавших объектами оценки по методике «сказочного» семантического дифференциала

Испытуемых просили оценить каждого из 37 персонажей по 54 униполярным семибалльным шкалам (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3), и полученные таким образом суммарные групповые матрицы данных (37 * 53) подвергались процедуре факторного анализа. В результате обработки данных после поворота факторных структур по принципу *varimax* было выделено 4 относительно независимых, ортогональных фактора, интерпретация которых дается ниже.
Первый фактор (19% общей дисперсии) включал следующие шкалы, перечисляемые в порядке убывания веса факторной нагрузки:
решительный 0,91

смелый	0,87
уверенный	0,82
энтузиаст	0,82
оптимист	0,67
с характером	0,64
задира	0,60
яркий	0,58
веселый	0,57

бесшабашный	0,53	
самоуверенный	0,53	
увлеченный	0,45	
грустный зануда	-0,68	
	-0,65	
послушный	-0,57	-0,52
плакса	-0,47	
унылый		

капризный	0,88
ленивый	0,83
зазнайка	0,76
болтун	0,75
ябеда	0,69
плохой	0,59
самоуверенный	0,55
задира	0,54
неряха	0,51
хитрый	0,45
мудрый	-0,89
спокойный	-0,85
честный	-0,78
правильный	-0,75
знающий	-0,72
борец за справедливость	-0,58
хороший	-0,43

Наиболее контрастными по этому фактору оказались такие сказочные персонажи, как Синьор Помидор, Карабас-Барабас, Незнайка, с одной стороны, и Айболит, Золушка, Рыцарь печального образа — с другой. При первом взгляде на содержание шкал, задающих полюса фактора, можно полагать, что они отражают °сгудовский базисный фактор «оценка», однако, исходя из того, что шкалы «хо-

факторная нагрузка отражает корреляцию вектора (соответствующего той или иной шкале) и выделенного фактора и показывает, насколько выражено в данной шкале содержание, которое описывает фактор. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет и показывает, к левому или правому полюсу фактора относится та или иная шкала. Наиболее контрастными по этому фактору оказались сказочные персонажи Карлсон, Винни-Пух, Кот в сапогах, Буратино, с одной стороны, и Пьеро, ослик Иа-Иа — с другой. Исходя из содержания шкал, образующих полюса фактора, и характера контрастирующих персонажей, мы назвали этот фактор «сила личности» («сила эго»). Интересно отметить, что сказочные персонажи более контрастны относительно этого фактора (и последующих также), чем реальные объекты оценки — преподаватели, и фактическим противопоставлением сказочных персонажей задается содержание фактора. Большинство сказочных героев более решительны, энергичны и предприимчивы, чем реальные люди (преподаватели), большинство из которых оказались ближе к отрицательному полюсу этого фактора, не достигая, однако, пессимизма Пьеро и ослика Иа-Иа.

Второй выделенный фактор (19,5% общей дисперсии) включает шкалы:

роший» и «плохой» имеют относительно небольшие нагрузки по этому фактору, правильнее назвать этот фактор «акцентуированность личности», или «акцентуация». Противоположный

полюс этого фактора, очевидно, задан качествами, образующими блок «социальной нормативности», «правильности». Действительно, такие в общем-то положительные герои, как Незнайка, Карлсон, Буратино, Винни-Пух, попали в полуплоскость «акцентуация» (рис. 9), а малосимпатичная холодная Снежная Королева — на полуплоскость «правильность, нормативность».

Рис. 9. Размещение сказочных персонажей и образов преподавателей в семантическом пространстве (Фь $Ф_2$) личностных качеств

Среди преподавателей только несколько человек демонстрировали слабую, практически нулевую акцентуацию, а большинство вполне могло конкурировать по мудрости, спокойствию и правильности с такими персонажами, как Айболит, Золушка и Кот Леопольд.

Третий фактор (23,9%) представлен шкалами:

простодушный	-0,92
мечтатель	-0,85
хороший	-0,85
открытый	-0,82
светлый	-0,81
мягкий	-0,79
верный друг	-0,74
дружелюбный	-0,67
артистичный	-0,65
шалун	-0,54
честный	-0,50
веселый	-0,49
строгий	0,85

холодный	0,84
деловой человек	0,65
плохой	0,64
дотошный	0,61
самоуверенный	0,46

Наиболее полярными по этому фактору оказались Винни-Пух, Чебурашка, Иванушка-дурачок, Золушка и Буратино как наиболее открытые, простодушные и дружелюбные, с одной стороны, и Снежная Королева, Карабас-Барабас — с другой (рис. 10). Исходя из содержания шкал, вошедших в фактор, и дифференциации персонажей, мы назвали его «Контактность <-► Дистантность в общении», или «Открытость <-» Закрытость».

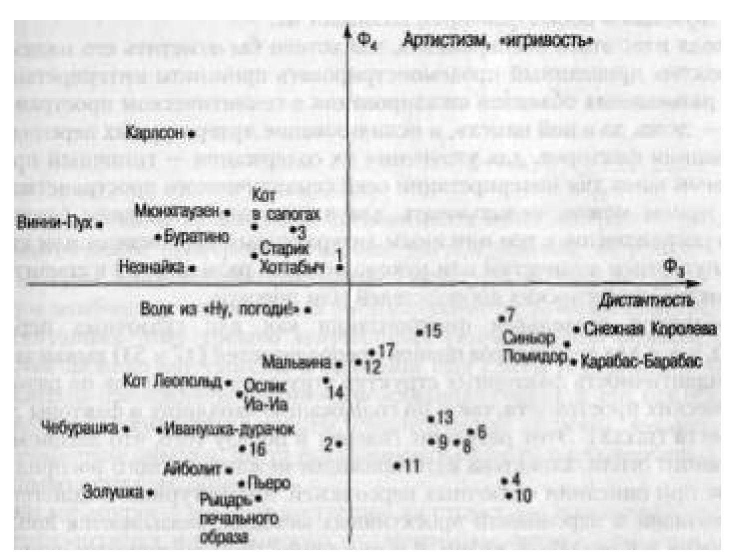

Рис. 10. Размещение сказочных персонажей и образов преподавателей в семантическом пространстве (Фз, $Ф_4$) личностных качеств

Относительно оценки преподавателей по этому фактору трудно было, конечно, ожидать, что в восприятии студентов они близки по простодушию к Чебурашке или Золушке. Сама роль преподавателя требует некоторой сдержанности. Однако приходится с сожалением констатировать, что целый ряд уважаемых преподавателей оказались близки по своей холодности к Снежной Королеве. При этом следует отметить, что фактор «Контактность <-» Дистантность» имеет наибольшую корреляцию с оценочными шкалами «хороший» и «плохой» и, следовательно, вносит наибольший вклад в оценочное восприятие студенческой аудиторией преподавателей.

Слабый четвертый фактор (7,5%), названный нами «Артистичность» («игривость»), включал шкалы:

кокетливый оратор

0,65 0,61

капризный	0,53
шалун	0,44
артистичный	0,41
оригинальный	0,41

Наиболее выраженную оценку по этому фактору имеют сказочные персонажи Карлсон, Винни-Пух, Мюнхгаузен, с одной стороны, и Рыцарь печального образа, Золушка — с другой. Фактор «артистичность», включающий кокетливую капризность и жизнерадостность, дает довольно высокую корреляцию (0,45) с первым фактором «сила эго», также насыщенным такими шкалами, как «веселый», «бесшабашный», «яркий», «с характером», «задира» и т. д. Слабый четвертый фактор, очевидно, является отщеплением от первого фактора, и нотка самоутверждения, присутствующая в обоих факторах, сближает их.

Подводя итог этого эксперимента, мы хотели бы отметить его иллюстративный характер, призванный продемонстрировать принципы интерпретации факторов и размещения объектов шкалирования в семантическом пространстве. Но «сказка — ложь, да в ней намек», и использование литературных персонажей для маркирования факторов, для уточнения их содержания — типичный прием, используемый нами для интерпретации осей семантического пространства. Аналогичный прием можно использовать для выяснения отношения (личностного смысла) респондентов к тем или иным литературным персонажам или киногероям, к популярным личностям или руководителям, размещая их в семантическом пространстве человеческих добродетелей или пороков.

Проведенная раздельная факторизация как для сказочных персонажей (20 х 53), так и для результатов оценок преподавателей (17 х 53) выявила практическую идентичность факторных структур этих двух матриц как по размерности семантических пространств, так и по содержанию входящих в факторы личностных качеств (шкал). Этот результат говорит в пользу того, что закономерности когнитивного стиля, характера категоризации межличностного восприятия, выделенные при описании сказочных персонажей, литературных и киногероев, образов фантазии и персонажей проективных методик, оказываются вполне «работающими» и в реальной жизни, и в

межличностном восприятии окружающих людей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Исследование структуры образной репрезентации методом невербального семантического дифференциала

Постановка задачи. В предыдущем эксперименте было построено «универсальное» семантическое пространство на базе оценок лексики из разных семантических классов. Выделенные факторные структуры можно рассматривать как структуры наиболее универсальных эмоционально-оценочных форм обобщения, соответствующих тому уровню «глубинной» репрезентации объекта субъекту, на котором личностные смыслы и значения еще слиты и отражение объективных признаков преломляется через «переживания» субъекта. Но, как предполагалось в теоретических главах работы, семантические системы, задающие значения и личностные смыслы, могут реализовываться не только в вербальном плане, но и в символическом, образном.

Возникает вопрос о том, тождественны ли структуры обобщений этих разных форм репрезентации, или возможно, что некоторые формы отношений, качеств, контрастов естественный язык дифференцирует более тонко, чем язык образов, или, наоборот, мы можем выделять некоторые содержательные нюансы при противопоставлении образов, которые не отражены в естественном языке. Интересным представляется построение самого набора образных оппозиций, рассмотрение параметров содержания, по которым могут контрастировать образы.

Одна из попыток анализа того, какие качества могут задаваться через оппозиции образов, была предпринята Осгудом (1962) в рамках сопоставительного исследования зрительно-вербальной синестезии индейцев племени навахо, мексиканцев испанского происхождения, японцев и американцев. Испытуемым предъявлялись пары визуальных форм (рис. 11) и какое-нибудь слово на родном языке, например слово «счастливый». Испытуемый должен был указать одно из изображений каждой пары, которое, по его мнению, более соответствовало данному слову. Например для слова «счастливый» испытуемые чаще указывали на изображения цветного, острого, четкого, светлого и т. п. Данную экспериментальную процедуру можно рассматривать как вынесение суждения по двухбалльной шкале, образованной парой антонимичных изображений.

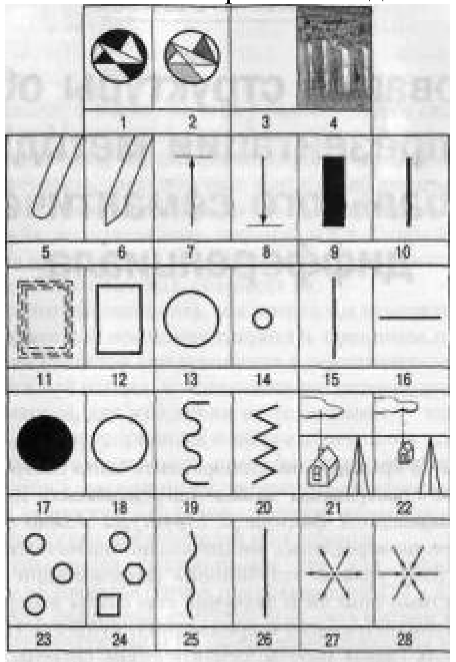

Рис. 11. Визуальные противоположности, использованные **в зрительно-вербальном синтетическом** эксперименте по сравнению различных культур

1 - черно-белый; 2 - многоцветный; 3 - бесцветный; 4 - цветной; 5 - тупой; 6 - острый; 7 - вверх; **8 - вниз;** 9 - толстый; 10 - тонкий; 11 - расплывчатый; 12 - четкий; 13 - большой; 14 - маленький; 15 - вертикальный; 16 - горизонтальный; 17 - темный; 18 - светлый; 19 - округлый; 20 - угловатый;

21 - близко; 22 - далеко; 23 - гомогенный; 24 - гетерогенный; 25 - ломаный; 26 - прямой; 27 - распыленный; 28 - концентрированный

Результаты эксперимента продемонстрировали высокую степень согласованности оценок испытуемых как внутри каждой языково-этнической группы, так и при сопоставлении групп различных культур. Так, например, испытуемые из племени навахо и американцы показали высокое согласие в 87% таких оценок, а соответствие всех остальных групповых сопоставлений превышало 90%, достигая 99% при сравнении американцев и японцев. Как полагает Осгуд, эти результаты доказывают высокую степень универсальности, с которой визуальные альтернативы воспринимаются как синестетически соответствующие транслированным эквивалентам значений слов и подтверждают гипотезу об универсальности факторных структур коннотативных значений.

Отметим, что в данной работе Осгуд не проводил процедуры факторизации, и сопоставление оценок по шкалам проходило, так сказать, в сыром виде. В более поздних работах Байеса (Bajas, 1967) и Якобовича (Jacobovits, 1969), также

посвященных проблеме изобразительных шкал, был построен ряд шкал, репрезентирующих в основном фактор «Оценка». Следующим шагом в этом направлении явилось построение американскими исследователями Бентлером и Лавойе (Bentler, La Voie, 1972) так называемого невербального семантического дифференциала (A Nonverbal Semantic Differential).

Невербальный семантический дифференциал был задуман как подобие вербального СД, где вместо вербальных антонимов, задающих при противопоставлении некоторое качество в роли полюсов оценочного континуума, использовались зрительные изображения. Ставилась задача сопоставления вербального и визуального семантических пространств.

С целью найти изобразительные стимулы, соответствующие словам-антонимам вербального СД, испытуемых просили зарисовать изображения, отражающие содержание этих слов. Так, испытуемых просили нарисовать нечто хорошее и нечто плохое; активное и пассивное; сильное и слабое; сложное и простое и т. д. После отбора самых четких и недвусмысленных изображений испытуемых просили оценить случайно отобранные понятия, относя их к одному из пары изображений, образующих как бы двухбалльную шкалу. На основе дифференцировки понятий по шкалам строилась матрица подобия шкал, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа. Удалось выделить факторы, легко интерпретируемые как «Оценка», «Сила», «Активность», «Плотность», «Упорядоченность». Факторы «Реальность» и «Обычность», по мнению авторов, слились в один фактор «Упорядоченность» из-за трудности выделения их с помощью изобразительных средств. Ниже приводятся изображения шкал невербального СД, упорядоченные по выделенным факторам (рис. 12).

Среднее значение корреляций между факторами оказалось равным 0,17, что позволяет говорить об их независимости (ортогональности), а среднее значение их внутренней согласованности, равное 0,81, — об их стабильности. Для определения того, в какой степени невербальные факторы измеряют то же пространство, что и вербальные, были определены коэффициенты корреляции между этими двумя типами факторов для каждого испытуемого. Среднее значение, равное 0,63, позволяет говорить о подобии этих семантических пространств. Это подобие позволяет авторам предложить возможное использование невербального СД для анализа визуального мышления, которое, как они полагают вслед за Пайвио (Paivio, 1971), соответствует ранним стадиям развития интеллекта, по Пиаже, и включает в себя минимальное понятийное мышление. Конкретное практическое применение невербального СД авторы видят также в использовании его в сопоставительных межкультурных исследованиях, где понимание визуальных изображений менее подвержено трансформации по сравнению с переводом образующих шкал антонимов с одного языка на другой.

Признавая ценность работы Бентлера и Лавойе, отметим некоторую разноплановость применявшегося визуального материала. Как видим, одни шкалы (например, выпуклая кривая линия по сравнению с вогнутой) образованы на основе противопоставления графических форм и за ними не стоит никакого явного предметного содержания; другие же изображения (рисунок змеи — рисунок кролика) предметны и легко вербализуемы. Графические особенности таких изображений менее значимы, их оценка определяется в основном предметным содержанием.

«Оценка»

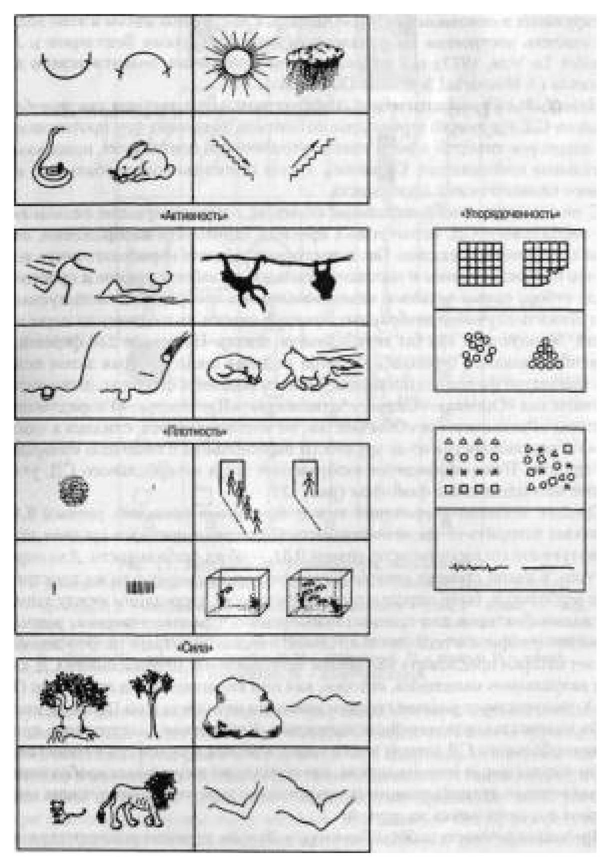

Рис. 12. Шкалы невербального семантического дифференциала Бентлера и Лавойе

Таким образом, при построении шкал произошло, на наш взгляд, смешение двух «ровней анализа визуального материала: уровня чувственной ткани и уровня предметного содержания.

4.1. Графический вариант невербального семантического дифференциала

Продолжая развивать эту линию исследования структуры невербальных семантических пространств, мы поставили целью экспериментальной работы построение и анализ семантического пространства, задаваемого на основе простейших геометрических форм и их композиций. Прежде всего нас интересовал вопрос о том, какие качества вообще могут быть заданы через оппозиции абстрактных образов, поскольку это определяет структуру и размерность семантического пространства.

Испытуемые: 20 человек в возрасте от 17 до 27 лет со средним и высшим образованием.

Материал: шкалы, представленные тридцатью образными оппозициями, заданными на основе простейших геометрических форм и их композиций (рис. 13). Каждая оппозиция была занесена на отдельную карточку. Отобранный материал удовлетворял существенному для нас условию: изображения были для нас достаточно абстрактны и не обладали явной предметной отнесенностью. Часть шкал (13) уже использовались в ранних исследованиях Осгуда, Бентлера и Лавойе. В качестве объектов шкалирования были отобраны 25 понятий. Понятия по возможности затрагивали факторы, выделенные в работах предыдущих исследователей (Бентлер, Лавойе, 1972), и отличались достаточной образностью.

Процедура: испытуемому предъявлялось понятие, а потом последовательно все 30 шкал. Давалась следующая инструкция: «Вам будут предъявляться понятие и пары изображений. Вы должны решить, какое из изображений больше соответствует данному понятию. Оценки даются по пятибалльной шкале от -2 до + 2 , где -2 соответствует левому полюсу, а +2 — правому. Если Вы затрудняетесь отнести данное понятие к правому или левому изображениям, то ставится "О"». После предъявления инструкции для ознакомления с процедурой проводилось несколько тренировочных проб, после чего начинался эксперимент.

Обработка результатов. В данном эксперименте шкалирование понятий выступает косвенным методом сходства шкал. На основе индивидуальных протоколов строилась общегрупповая матрица 30 * 25, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа.

Анализ результатов. Ниже приводится факторная матрица, полученная на основе усредненных

оценок испытуемых (табл. 4.1).

Всего было выделено три фактора, составляющих соответственно 55,5; 17,5 и 9,9% общей дисперсии. Из них 1-й и 2-й факторы оказались ортогональными, т- е. независимыми (коэффициент корреляции не выше 0,2); корреляции между 1-ми 3-м, 2-м и 3-м составили соответственно 0,47 и 0,43, что позволяет судить об их относительной взаимосвязи (неортогональности).

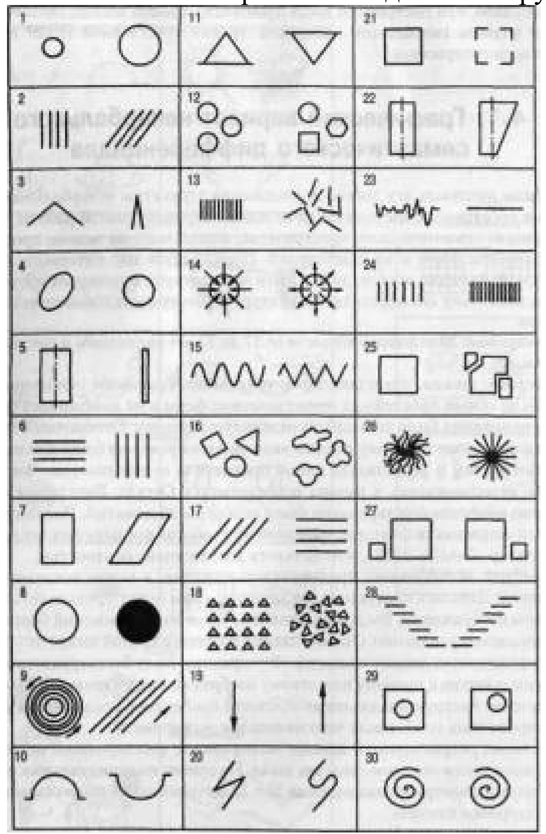

Рис. 13. Шкалы невербального графического семантического дифференциала Петренко, Пузанкова

Таблица 4.1 **Факторные нагрузки шкал невербального графического семантического дифференциала**

№ шкалы	**Ф, (550,5%)**	**Ф₂ (170,5%)**	**Ф₃ (90,9%)**
1	0,74	0,02	0,26
2	-0,94	0,01	0,18
3	-0,84	-0,31	**0,29**
4	0,95	-0,13	-0,05
5	-0,94	**-0,12**	0,04
6	-0,77	-0,42	0,36
7	-0,96	**-0,10**	0,17
8	0,02	0,84	0,43
9	-0,51	-0,50	**0,41**
10	-0,03	0,34	-0,66
11	-0,97	-0,03	0,16
12	-0,87	-0,19	0,26
13	-0,82	-0,12	0,15
14	-0,33	-0,83	0,25
15	-0,54	-0,17	0,57
16	-0,39	0,71	**-0,4**

17	0,92	0,19	-0,26
18	-0,95	0,01	0,01
19	-0,47	-0,81	0,18
20	0,47	0,36	-0,72
21	-0,95	**-0,19**	0,03
22	-0,95	0,04	0,13
23	0,86	-0,06	-0,28
24	-0,71	0,05	0,52
25	-0,95	0,13	0,16
26	0,68	**-0,61**	0,15
27	-0,60	0,56	0,20
28	-0,35	-0,84	0,25
29	-0,98	-0,10	0,02
30	0,16	-0,56	0,23

Интерпретация выделенных факторов проводилась следующим образом. Вначале проводили ранжирование изображений, т. е. упорядочивание их по оси фактора в зависимости от величины знака факторной нагрузки. Поскольку величины факторных нагрузок отражают характеристики не отдельно взятого изображения, а оппозиции изображений, ранжировались друг относительно друга сами шкалы.

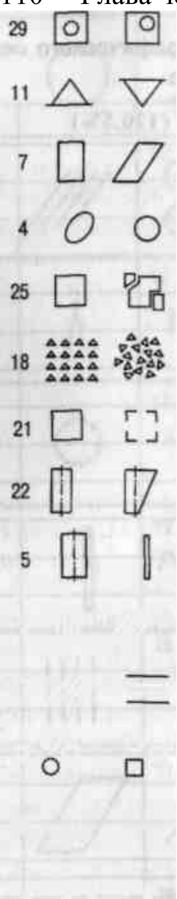

Рис. 14. Шкалы невербального графического СД, вошедшие в первый фактор

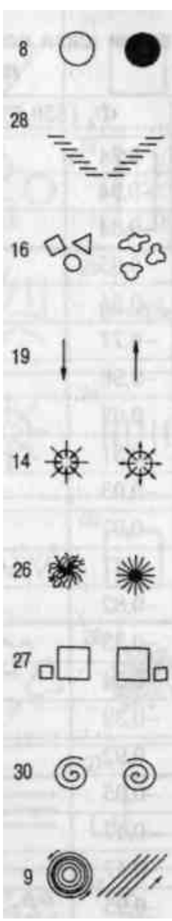

Рис. 15. Шкалы невербального графического СД, вошедшие во второй фактор

Первый фактор представлен 22 шкалами, из которых 17 имеют высокую нагрузку лишь по этому фактору. По оси первого фактора расположились в порядке убывания величины факторной нагрузки следующие шкалы (рис. 14).

В вербальной форме указанные графические оппозиции могут быть выражены следующими антонимичными парами: сбалансированный <-> несбалансированный, устойчивый <-> неустойчивый, цельный <-> разорванный, неупорядоченный <-» упорядоченный, завершенный <-> незавершенный, толстый <-> тонкий, вертикальный <-> горизонтальный, однообразный <-> разнообразный, тупой <-> острый, маленький <-> большой, разреженный <-» плотный и т. д.

При оценке понятий полярными по первому фактору оказались понятия: покой, устойчивость, равнодушие, упорядоченность, справедливость, безмолвие, тяжесть, строгость и т. д., с одной стороны, и активность, риск, азарт, тревога, сомнение, хитрость, восторг, юность, страх, ярость, развитие, свежесть, вдохновение и т. д. — с другой. Таким образом, на одном полюсе расположились понятия, отра-

жающие определенную пассивность, статичность, упорядоченность, уравновешенность, инертность, а на другом — активность, динамичность, несбалансированность, новизну. Все это позволяет предположить близость первого выделенного фактора невербального семантического пространства к вербальным факторам «Активность», «Дестабильность». «Активность» на языке геометрических форм задается через дестабилизацию, асимметричность, неуравновешенность изображения. При этом устойчивость графической формы оценивается относительно вертикальной и горизонтальной оси координат. Обращает на себя внимание тот факт, что в оппозиции 27 большая динамичность, субъективная неуравновешенность правого изображения в сравнении с левым задается непривычной «регрессирующей» последовательностью от большего к меньшему. Это выявляет, в частности, имплицитную установку на характерный способ «прочтения» изображений слева направо, свойственный представителям данной культуры.

Второй фактор представлен 9 шкалами, 6 из которых имеют высокую нагрузку только по этому фактору. На противоположных полюсах шкал разместились следующие изображения (рис. 15).

При оценке понятий полярными по второму фактору оказались: уныние, зависть, тяжесть, тошнота, безмолвие, равнодушие, страх, покой, сомнение, с одной стороны, и вдохновение,

восторг, юность, активность, развитие, свежесть, справедливость, риск, ярость и др. — с другой. Изображение темного, спускающегося вниз, вбирающего вовнутрь, аморфного, циклического движения и проч. противопоставляются светлому, стремящемуся вверх, излучающему вовне, правильным геометрическим фигурам, линейному движению. На одном полюсе намечается четкая тенденция к некой «интроверти-рованности» — это своеобразное «вбирание в себя», «спуск вниз», тайна невыяв-ленного, неизвестного, непривычного, на другом полюсе — «эксплицитность», «извлечение вовне», «призрачность», «путь вверх, который всегда светел». Примечательно, что древний китайский принцип инь—ян также относит в противоположные группы категории темного и светлого, низа и верха, внутреннего и внешнего, скрытого и явно выраженного, правого и левого и т. д.

Нетрудно заметить, что понятия по второму фактору сближает также общий эмоционально-оценочный статус: их условно можно классифицировать на «отрицательные» и «положительные». Это позволяет интерпретировать данный фактор невербального семантического пространства как аналогичный вербальному фактору «Оценка». В плане оценочной дифференциации несомненно релевантными являются шкалы «темный/светлый» (8), «низ/верх» (19). Среди всех пространственных параметров вертикальному измерению вообще принадлежит, по-видимому, особая роль в индикации глобальных оценочных альтернатив. Относительно высокую нагрузку имеют и шкалы 27 и 30. Более «приятными», «удовлетворительными», «естественными» представляются изображения 27 и 30 («прогрессирующий рост» и «правосторонняя спираль») в сравнении со своими зеркальными двойниками.

Отметим все же, что второй фактор помимо оценочного компонента включает также уже рассмотренный выше компонент «экстравертированности». Именно поэтому, например, понятие «ярость» оказалось на одном полюсе с «вдохновением», «восторгом», «свежестью» и т. д.

Размещение анализируемых понятий в рамках невербального графического семантического дифференциала дается на рис. 16 и 17.

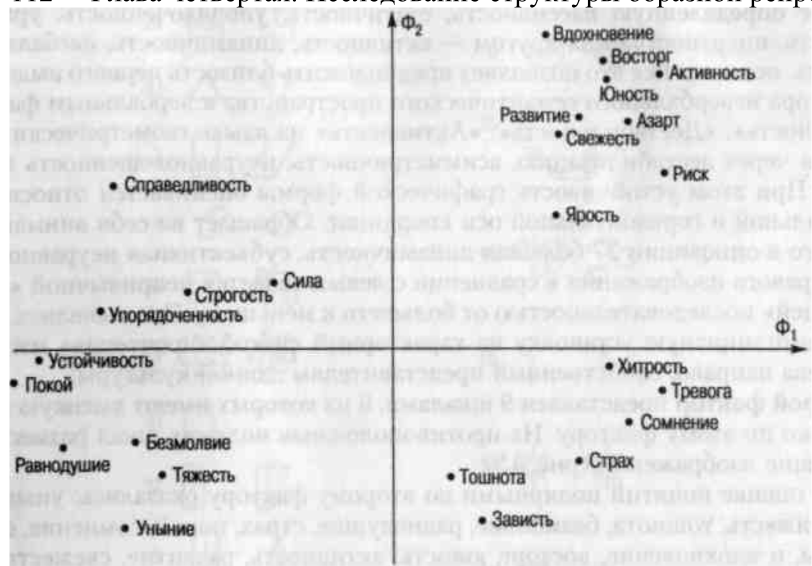

Рис. 16. Размещение понятий в пространстве графического невербального семантического дифференциала *($\Phi_и$* Φ_2)

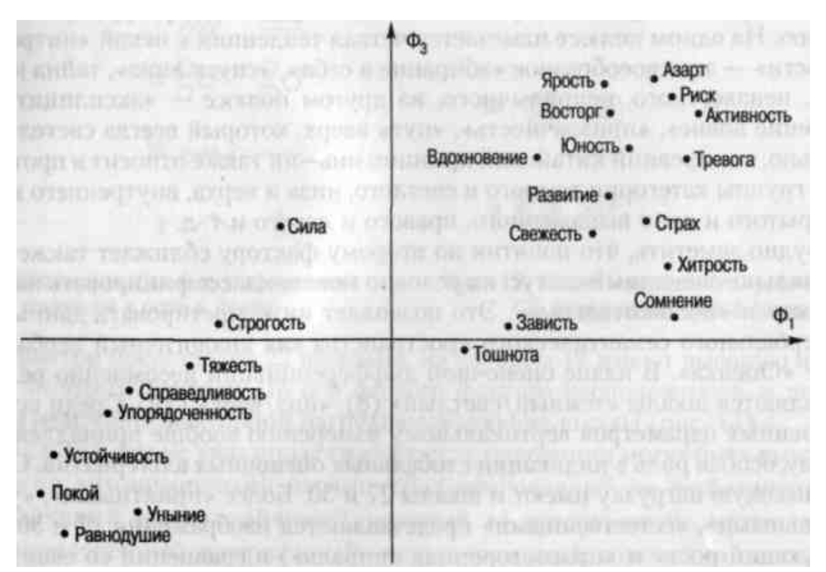

Рис. 17. Размещение понятий в пространстве графического невербального семантического дифференциала (Ф,, $Ф_3$)

Третий выделенный **фактор** представлен всего 4 шкалами (рис. 18).

При оценке понятий полярными по данному фактору оказались: азарт, ярость, риск, активность, восторг, вдохновение, юность, тревога, развитие и проч., с одной стороны, и равнодушие, уныние, покой, безмолвие, устойчивость — с другой.

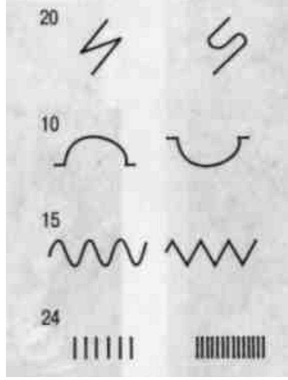

Рис. 18. Шкалы невербального графического СД, вошедшие в третий фактор

Учитывая то, что третий фактор не является строго ортогональным, можно интерпретировать его как «Активность», однако с меньшей долей компоненты «дестабильное™» (в отличие от первого фактора). Ломаная линия в отличие от плавного рисунка создает впечатление резкого изменения, большой концентрации и разряда силы, это словно моментальное освобождение накопленной энергии. Именно предельно динамичные понятия имеют наибольшие координаты по оси фактора. Таким образом, третий фактор интерпретируется как «экспрессивная и импульсивная динамичность».

Вывод: на основании проведенного анализа можно констатировать, что в отличие от классического вербального СД, где доминирующим является фактор «Оценка», в нашем НСД таким доминирующими фактором оказался фактор «Активность». Этот вывод полностью совпадает с результатами, полученными в исследовании на серии картин М. Чюрлениса. Таким образом, сама методика, характер НСД, задаваемого на базе абстрактного визуального материала, обладает наибольшей дифференцирующей силой в отношении динамичных параметров объектов. Проведенное исследование показало, что абстрактные визуальные образы могут образовывать устойчивую сетку отношений, формой репрезентации которой выступают факторные структуры.

4.2. Невербальный семантический дифференциал на базе рисунков М. Чюрлениса

В данном исследовании, отталкиваясь от работы Бентлера и Лавойе, мы пошли несколько другим путем, используя для построения шкал уже готовые изображения, выступающие при противопоставлении как своеобразные антонимы. Насколько правомочным является перенос этого термина из лингвистики на материал психологии образа — косвенно продемонстрировали указанные выше работы. Однако определить, что такое антонимы как противопоставление

образов, довольно затруднительно. При подборе материала для построения шкал мы исходили из следующих соображений. Согласно принципу минимального контраста Мак-Нейла (McNeil, 1970), ассоциация двух элементов будет наиболее высокой, когда

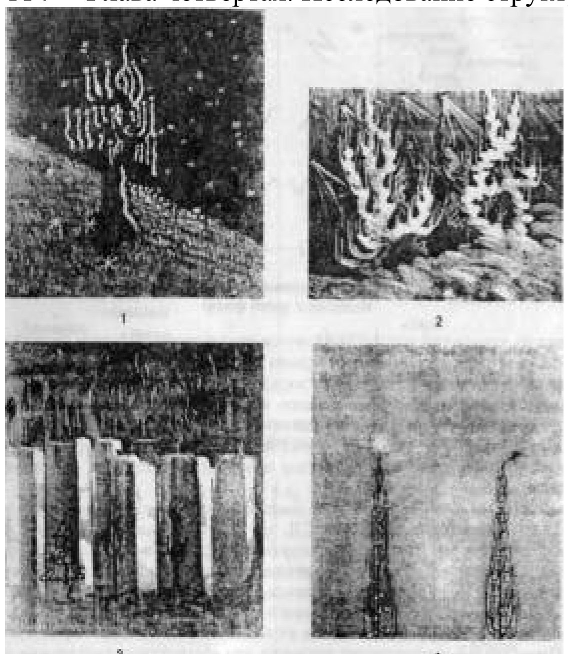

Рис. 19. Блок из восьми репродукций картин М. Чюрлениса из цикла «Времена года», серия «Зима»

эти элементы образуют минимально контрастирующую пару, т. е. контрастируют по одному признаку. Из того, что антонимы имеют высокий коэффициент ассоциативной связности (коэффициент Нобла), вытекает, что антонимы фактически гораздо ближе по содержанию друг к другу, чем случайно взятая пара слов. Исходя из вышесказанного, мы стремились подобрать изображения для составления антонимичных пар-шкал достаточно близкими по содержанию. Была взята серия репродукций рисунков М. Чюрлениса из цикла «Времена года» — 8 картин под названием «Зима» (рис. 19). Эти картины отвечали другому важному для нас требованию — они были достаточно абстрактны, так что вербальная категоризация их была затруднена. Этим снималась возможность подмены противопоставления изображений противопоставлением вербальных категорий, им соответствующих (что могло наблюдаться в экспериментах Бентлера и Лавойе).

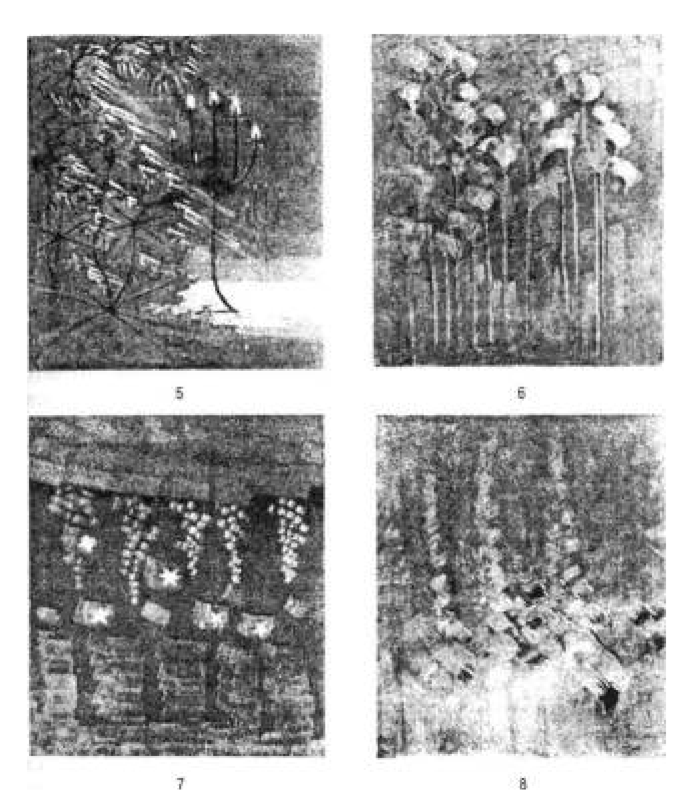

Рис. 19 (окончание)

Выбор картин Чюрлениса был неслучаен, поэтому, прежде чем перейти к изложению эксперимента, скажем несколько слов о характере творчества этого художника. Поэт и художник, музыкант и философ, он в своем стремлении создать целостный «Образ мира» пришел к своеобразному синтезу искусств. Его «музыкальная живопись» — это синтетическое единство звука и цвета, музыки и формы. Его циклы «Знаки зодиака», «Сонеты моря», «Весна» и другие удивительно сочетают реальное и воображаемое. «По отношению к восьми листам цикла "Зима" было бы неверно говорить об изображении природы. Речь должна идти скорее о ее претворении, о ее преломлении сквозь призму острейших переживаний автора. Осмыслить образы цикла — это прежде всего понять, что они не могут иметь однозначного прочтения: реалии внешнего мира здесь неразличимо связаны с внутренним миром автора. Это пейзаж его души» (Эткинд, 1970. С. 56).

Первая серия

Испытуемые: тридцать человек в возрасте от 18 до 25 лет со средним и высшим образованием.

Материал: отобранные нами 8 картин М. Чюрлениса, сочетаясь каждая с каждой, образовали 28 пар, которые и выступали как полюса шкал невербального СД.

лчестве объектов шкалирования были выбраны 10 понятий: «Покой», «Одино-1ество», «Таинство», «Тишина», «Возвышенное», «Красота», «Движение», «Динамика», «Тяжесть», «Свобода». При подборе понятий для оценки мы учитывали факторы, выделенные Бентлером и Лавойе, и стремились дать понятия, по возможности затрагивающие все эти факторы. Понятия были отобраны абстрактные, но в то же время достаточно образные (Paivio, Yuill, Madigan, 1968).

Дроцедг/ря.Испытуемому предъявлялось понятие, а затем в случайном порядке все 28 шкал. Инструкция испытуемому: «Вам будут предъявляться понятие и пары картин. Вы должны будете ответить, какая из картин больше соответствует данному понятию». После предъявления инструкции для ознакомления с процедурой проводилось несколько тренировочных проб, после чего начинался сам эксперимент. В отдельных случаях испытуемого просили ответить, на основании чего он делает свой выбор.

Обработка результатов. В данном эксперименте шкалирование понятий выступает косвенным методом сходства шкал. Чем более сходными являются оценки понятий по двум шкалам, тем больше парная корреляция между этими шкалами. На основе как индивидуальных, так и групповых данных строились матрицы парных расстояний шкал 28 x 28, которые затем подвергались процедуре факторного анализа. Факторный анализ проводился по программе центроидного метода и включал подпрограмму поворота факторных структур по принципу *varimax.*

Результаты и анализ. В результате обработки данных были выделены факторные структуры, найдены нагрузки шкал по факторам как по результатам отдельных испытуемых, так и по усредненным данным. В качестве меры подобия факторных структур нами был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Средняя его величина (0,85), полученная при попарном сопоставлении факторных матриц отдельных испытуемых с факторной матрицей «усредненного» испытуемого, позволяет говорить об идентичности факторных структур для разных испытуемых и открывает возможность рассматривать факторную структуру и отдельного и «среднегруппового» испытуемого как репрезентацию всей общности испытуемых.
Этот результат не является неожиданным. Универсальность факторных структур была показана как для вербального СД в приведенных выше работах, так и в исследовании Бентлера и Лавойе для невербальных СД. Это позволило последним не проводить процедуру оценки всех понятий всеми испытуемыми, а предъявлять каждое отдельное понятие только одному-двум испытуемым и полученные результаты оценок по всем понятиям объединять в единую матрицу. Напомним, что идентичность факторных структур для разных испытуемых, т. е. постоянная корреляция между шкалами, отражает фактически устойчивую внутреннюю организацию нашего инструмента исследования — невербального СД, а не идентичность оценок испытуемых, хотя и в этом отношении испытуемые иногда проявляли редкое единодушие.

Ниже приводится факторная матрица, полученная на основе усредненных оценок испытуемых — матрица «среднего» испытуемого (табл. 4.2).
Всего было выделено четыре фактора, составляющих соответственно 54, 23, 9 и *6%* общей дисперсии. Выделенные факторы оказались ортогональными, т. е. независимыми (коэффициент корреляции не выше 0,2).

Таблица 4.2 **Факторные нагрузки пар оппозиций картин М. Чюрлениса**

№ шкалы	**Пары картин, образующих шкалы**	**Фактор 1**	Фактор 2	**Фактор** 3	**Фактор** 4	Внутренняя согласованность
1	1-2	0,793	0,361	0,329	0,229	0,669
2	1-3	0,883	0,354	0,070	0,268	0,82
3	1-4	-0,905	0,426	-0,035	0,056	0,903
4	1-5	-0,151	0,619	-0,575	0,354	0,905
5	1-6	0,61	0,674	-0,115	0,055	0,329
6	1-7	0,066	0,809	0,265	-0,258	0,864
7	1-8	0,887	0,263	0,144	0,171	0,752
8	2-3	0,831	0,192	0,316	0,424	0,81
9	2-4	-0,941	0,225	0,102	0,185	0,980
10	2-5	-0,882	0,158	0,052	0,376	0,927
11	2-6	0,431	0,858	-0,243	0,064	0,734
12	2-7	-0,649	0,496	0,540	0,167	0,963
13	2-8	-0,362	-0,207	0,554	0,495	0,854
14	3-4	-0,991	0,019	-0,137	0,047	0,981
15	3-5	-0,973	-0,285	-0,076	0,109	0,937
16	3-6	-0,142	0,921	0,060	-0,205	0,796
17	3-7	-0,744	0,517	0,316	-0,103	0,913
18	3-8	0,77	-0,115	0,199	-0,178	0,903
19	4-5	0,756	-0,248	-0,510	0,192	0,582
20	4-6	0,948	0,232	0,016	-0,141	0,474
21	4-7	0,902	-0,095	0,288	-0,192	0,536
22	4-8	0,966	-0,15	0,101	0,153	0,513
23	5-6	0,89	0,413	-0,069	-0,174	0,513
24	5-7	0,354	0,285	-0,683	-0,423	0,764

25	5-8	0,811	-0,116	0,391	-0,281	0,645
26	6-7	0,324	-0,725	0,157	0,221	0,952
27	6-8	0,073	-0,935	0,217	-0,089	0,809
28	7-8	0,724	-0,592	-0,277	0,151	0,722

Интерпретация выделенных факторов проводилась следующим образом. Вначале проводили ранжирование изображений, т. е. упорядочивание их на оси фактора в зависимости от величины и знака факторной нагрузки. Хотя величины факторных нагрузок отражают характеристики не отдельно взятого изображения, а пары поставленных в оппозицию изображений, тем не менее мы в состоянии провести упорядочивание, ставя в крайнее правое положение изображение, которое в оппозиции со всеми дает положительную нагрузку по фактору, далее — изображение, которое дает положительную нагрузку со всеми, кроме первого, и т. д. Ниже приведено ранжирование картин по оси первого фактора, где цифры соответствуют номерам картин:

4 5 17 2 6 8 3

Фактор 1

Оценивая картины, располагающиеся на правом полюсе факторной оси, испытуемые характеризовали их как «активные», «подвижные», «шумные», «тяжелые». Эти изображения отличаются большей яркостью, цветовыми контрастами, большим количеством и загруженностью деталями, чем картины, лежащие на левом полюсе факторной оси, т. е. «спокойные», «тихие», «умиротворенные», «неподвижные». Так, сопоставляя картину 4 и картину 3, дающие в оппозиции наибольшую нагрузку по первому фактору и выступающие соответственно полюсами при ранжировании, испытуемый *X* отметил, что «если картина 4 композиционно цельная, завершенная, кажущаяся неподвижной, застывшей, это законченность и покой, то картина 3 как бы открыта для событий, действий, она незакончена и продолжается за рамками картины. Это сама активность, что выражается в буйстве красок и форм, в разнообразии цвета — синий, зеленый, коричневый. Цвет густой, насыщенный». Испытуемый Д, отнеся понятие «Тишина» ближе к картине 4, чем к картине 8, объяснил это так: «4-я картина голубоватого цвета, много пространства, горизонт уходит вдаль, а 8-я загружена мелкими деталями, в ней есть движение элементов, а раз есть движение — с ним связаны какие-то звуки...».

При оценке понятий полярными по первому фактору оказались понятия «Тишина», «Покой», «Одиночество», с одной стороны, и «Движение», «Динамика», «Тяжесть», «Возвышенное» — с другой.

Все это позволяет предположить близость выделенного первого фактора к вербальному фактору «Активность». Он представлен 20 шкалами, из которых 16 имеют высокую нагрузку лишь по этому фактору.

Второй выделенный фактор был представлен 10 шкалами, причем шкал, имеющих высокую нагрузку только по второму фактору, оказалось семь. Проведя аналогичную процедуру анализа, мы интерпретировали выделенный фактор 2 как фактор «Оценка». Ранжирование картин по этому фактору дало аналогичные результаты с распределением испытуемыми картин по принципу «нравится — не нравится», «приятные — неприятные». Хотя возможна некоторая вариативность в субъективной оценке испытуемыми данных изображений (на полюсе «приятные картины», но не на полюсе «неприятные», где испытуемые были единодушны), высокая корреляция между испытуемыми при оценке по шкалам, принадлежащим 2-му фактору, отражает высокую внутреннюю согласованность этого фактора и, следовательно, позволяет успешно дифференцировать шкалируемые объекты по уровню предпочтения. Попутно отметим, что заданность фактора

«Оценка» через шкалы невербального СД намечает возможность его использования для шкалирования «социальной установки», т. е. по сравнению с вербальными шкалами шкалы невербального СД менее подвержены рефлексии, и, следовательно, результаты оценки труднее фальсифицировать. Ниже приводится ранжирование по фактору «Оценка» используемых картин для «среднего испытуемого»:

18 2 5 3 7 4 6

фактор 2

Третий выделенный фактор представлен всего шестью шкалами, из которых доминирующую нагрузку по 3-му фактору имеют только две, поэтому интерпретация его затруднительна. Как

видно из табл. 4.2, третий фактор образован противопоставлением картин 2 и 5, с одной стороны, и 7, 8, 4, 1 — с другой. При сопоставлении этих картин испытуемые отмечают: «Мягкие, пастельные тона 7, 8, 4, 1-й картин, отсутствие насыщенных цветов, спокойный фон создают впечатление прозрачности, воздушности изображения. В картинах 2 и 5 доминируют холодные синие, коричневые, зеленые цвета, резкие контрастные линии, изображения материальные, предметные, земные». Сопоставляя эти группы изображений, испытуемые противопоставили их в следующих оппозициях:

Картины 2, 5 <->	Картины 7, 8, 4, 1
яркие	туманные
резкие	мягкие
тяжелые	легкие
материальные	воздушные
конкретные	эфемерные
определенные	неопределенные

Исходя из этого, мы условно назвали третий фактор фактором «Конкретность» или «Вещественность».

Подводя итоги, можно констатировать, что в отличие от классического вербального СД, где доминирующим считается фактор «Оценка», в нашем невербальном СД таким доминирующим фактором оказался фактор «Активность». Можно предположить, что сам характер невербального СД, заданного противопоставлением довольно абстрактного визуального материала, обусловливает сдвиг от оценочных описаний к отражению характеристик, более доступных визуализации. Однако, чтобы доказать это, необходимо снять возможный упрек в том, что наша подборка понятий включала малое количество эмоционально окрашенных понятий и в силу этого фактор «Оценка» слабо представлен. Чтобы снять это возможное возражение, был проведен 2-й эксперимент, где дополнительно были включены для шкалирования понятия, явно дифференцированные по оценке.

Вторая серия

Материал. Помимо первых десяти понятий («Покой», «Одиночество», «Тишина», «Таинство», «Возвышенное», «Красота», «Движение», «Динамика», «Тяжесть», «Свобода») шкалировались десять других, отражающих некоторые душевные состояния и отличающихся высокой образностью: «Удивление», «Радость», «Гнев», «Страх», «Ожидание», «Хитрость», «Смирение», «Равнодушие»,

«Вдохновение», «Тоска». Как и в эксперименте 1, использовалось 28 шкал, образованных с помощью 8 картин М. Чюрлениса.

Процедура. В ходе первого эксперимента было обнаружено, что при отнесении оцениваемого понятия к одному из пары изображений испытуемым легче работать с градуальной шкалой, предусматривающей нейтральную или нулевую оценку (т. е. в отличие от техники «вынужденного» выбора испытуемый может заключить, что понятие не соответствует ни одному из пары изображений или, наоборот, одинаково соответствует обоим) и различные степени соответствия. Поэтому и в последующих экспериментах использовалась семизначная шкала, так же как и в классической вербальной методике СД.

Результаты и анализ. Первоначально был проведен факторный анализ результатов, полученных при шкалировании первых десяти понятий, которые уже использовались в эксперименте 1. Было получено высокое подобие факторных матриц, отражающих результаты, данные испытуемым с помощью двухбалльной шкалы и семибалльной (р = 0,80). Интересно отметить, что близость факторной матрицы, полученной с использованием семибалльной шкалы, к результатам усредненного испытуемого даже выше (р = 0,85), чем близость к собственным результатам, полученным с помощью двухбалльной шкалы, т. е. при методике «вынужденного выбора». Это связано с тем, что процедура усреднения оценок испытуемых дает картину, эквивалентную работе с градуальной шкалой, так как число К, т. е. число испытуемых в выборке из *n* испытуемых, сделавших аналогичный выбор из пары изображений, операционально тождественно числу К, выражающему оценку по n-балльной шкале.

Факторная структура, полученная при оценке расширенного набора понятий (20 понятий), оказалась практически эквивалентной факторной структуре, полученной в первом эксперименте (р ** 0,85). И здесь наиболее сильным оказался фактор «Активность» (46% общей дисперсии),

представленный восемнадцатью шкалами, из которых четырнадцать имели доминирующую нагрузку по первому фактору. На втором месте оказался фактор «Оценка» (27% общей дисперсии), представленный одиннадцатью шкалами, из которых доминирующими по этому фактору оказалось восемь шкал. Слабый третий фактор (8%) оказался представленным только двумя шкалами. Ниже приводится графическое представление размещения в факторном пространстве некоторых понятий (рис. 20).

Итак, показав идентичность факторных структур первого и второго экспериментов, мы продемонстрировали, что такая особенность невербального СД, как доминирование фактора «Активность», является не артефактом эксперимента, получившимся вследствие малого количества объектов шкалирования, дифференцированных по оценке, а, по всей вероятности, отражает собственную характерную особенность невербального СД как инструмента анализа. Можно сделать вывод о том, что сама наша методика оказывается более чувствительной, и дифференцировка объектов, понятий по их динамическим, силовым показателям, яр-костным характеристикам отражает образные, доступные визуализации составляющие значения.

Проведенные эксперименты подтвердили способность визуальных изображений образовывать устойчивую сетку отношений, которую в условиях нашей методики репрезентируют факторные структуры. Однако при обсуждении того, чему соответствуют и от чего зависят эти факторные структуры, определяющие семан-

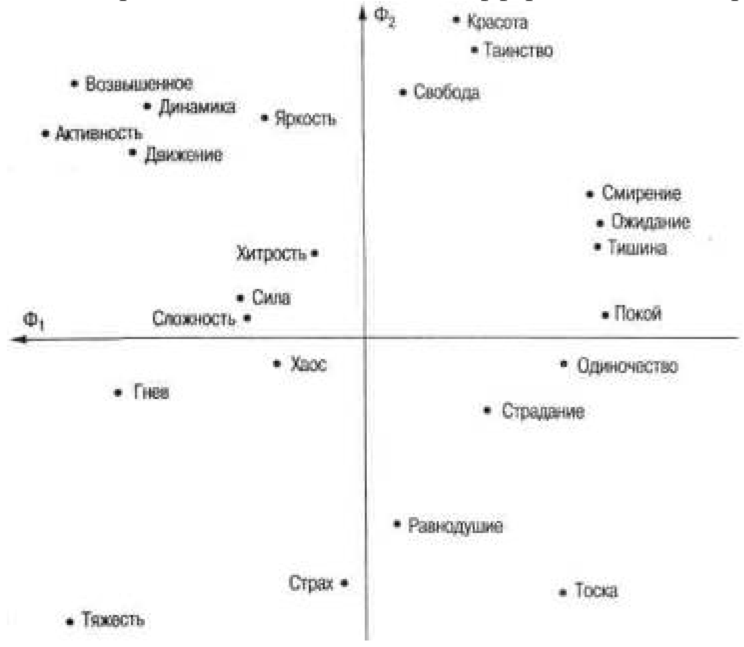

Рис. 20. Коннотативные значения двадцати понятий по двум факторам: Ф, - «Активность», $Ф_2$ - «Оценка»

тическое пространство, возникает некоторая неясность. С одной стороны, утверждается, что «факторный анализ значений из любой области является, вообще говоря, факторным анализом базисных измерений, характеризующим данный набор шкал, а не измерений, описывающих стимулы» (Carroll, 1969. С. ПО). С этой точки зрения полученные нами факторы характеризуют внутреннюю структуру нашего инструмента анализа — невербального СД — и в силу этого являются чисто перцептивными. С помощью этого инструмента можно выявить то содержание значений, которое способно войти в резонанс с мелодией, извлекаемой из этого инструмента, а именно чувственные компоненты, чувственную ткань нашего сознания. Но, с другой стороны, известно, что сама факторная структура зависит от круга шкалируемых понятий, от семантического класса объектов, с помощью которых она построена. И всегда остаются возможными вопросы, на каком основании мы говорим о выделенных факторах как о параметрах невербального семантического пространства, если для его построения использованы в качестве объектов шкалирования вербальные понятия; не навязало ли использование вербального материала свои связи и расчленения, обусловленные собственно языком? С целью снятия этих возможных возражений был проведен третий эксперимент.

Обоснование эксперимента. Как известно, исходной формой представлени ■ результатов

суждений испытуемых об исследуемом материале для последующе] I факторной обработки является построение матрицы сходства оцениваемых объектов. Причем есть несколько возможных техник ее построения. Так, при использовании ассоциативного эксперимента в качестве меры семантической близости Двух объектов выступает степень подобия их ассоциаций; при технике «сортиров-

ки» Миллера семантическая близость двух объектов считается пропорциональной количеству испытуемых, включивших эти объекты в один класс. В классической методике Осгуда мерой подобия шкал выступает сходство оценок, данных по этим шкалам при шкалировании объектов, понятий. Такая общепринятая и распространенная форма вынесения суждений о подобии шкал является косвенной и зависит, как уже говорилось, от характера шкалируемых понятий, что проявляется в некотором изменении корреляций между шкалами при оценке разных понятий. Зависимость факторной структуры семантического пространства от круга шкалируемых понятий Осгуд видит в том, что между понятиями и шкалами существует взаимодействие в процессе вынесения суждений. Например, если мы оцениваем такое понятие, как «мать», имеющее сильную эмоциональную окраску, то в той степени, в которой сама шкала имеет оценочную нагрузку, ее эмоциональное значение станет еще более оценочным, что в корреляционных терминах означает поворот в семантическом пространстве к оценочному фактору. Иными словами, каждое понятие или понятийный класс имеет тенденцию производить поворот шкал к своим собственным характеристическим свойствам в семантическом пространстве. Так, для понятий «атлет» шкала «хороший — плохой» должна стремиться к возрастающей корреляции со шкалой «добрый — злой».

Другой формой вынесения суждений относительно подобия шкал семантического дифференциала, снимающей взаимодействие шкал и понятий, является техника «параллельной полярности». Суть ее в следующем: испытуемым предъявляют пары шкал, например «острый — тупой», «расслабленный — напряженный», и просят отметить, какое из слов второй пары ближе по содержанию левому члену первой пары. Попарное сравнение каждой из шкал со всеми другими дает матрицу сходства, где мерой связности или близости шкал выступает процент испытуемых, одинаково сопоставивших шкалы, т. е. отнесших левый член первой пары антонимов к одному и тому же члену второй пары антонимов. В исследованиях Осгуда (1969) отмечается высокое подобие факторных структур, получаемых с помощью как косвенного, так и прямого метода «параллельной полярности», тем не менее чаще используется косвенный метод в силу трудоемкости прямого метода, требующего вынесения количества суждений, равного я-1. Целью нашего третьего эксперимента было выявление идентичности факторных структур, построенных на основе косвенных оценок подобия шкал через подобие оценок понятий, шкалируемых по этим шкалам, и факторных структур, полученных в результате обработки прямых суждений о подобии шкал («методика параллельной полярности»). Сопоставление шкал, построенных на абстрактном визуальном материале, исключающее вербальное опосредование, начисто снимает возможность интерферирующего влияния вербальной семантики и в этом смысле выступает как *experimentum crucis.*

Третья серия

Процедура. Как и в предыдущих экспериментах, испытуемые работали с 28 шкалами невербального СД, образованными противопоставлением 8 картин Чюрлениса. Была использована техника прямой оценки подобия шкал, близкая к методике «параллельной полярности». Испытуемым предъявляли пары шкал и просили ориентировать одну пару относительно другой так, чтобы направление контраста при противопоставлении первой пары сохранялось при противопоставлении второй пары. Это достигалось тем, что можно было менять левое и пра-

вое изображение второй пары. Испытуемые, интуитивно схватывая суть инструкции, успешно справлялись с задачей, хотя могли затрудняться объяснить причину, почему они сопоставили пары так, а не иначе. Если при сопоставлении пар не требовалось перестановки членов пары местами, то ориентация признавалась подобной, и в матрицу расстояния заносилась цифра 1; в случае же перестановки местами членов пары ориентация считалась противоположной, и в матрицу заносилась цифра 0. Полученная подобным образом матрица далее подвергалась процедуре факторного анализа.

Результаты и обсуждение. В результате факторного анализа было выделено четыре ортогональных фактора, объясняющих 41, 27, 5 и 3% общей дисперсии. Ниже мы приводим

факторную матрицу, полученную в эксперименте. И здесь ведущим фактором оказался фактор «Активность», а затем «Оценка». Высокий коэффициент подобия (0,72) факторных матриц, полученных прямым и косвенным методом, снимающим возможность вербальной интерференции, подтверждает нашу трактовку выделенных факторов как параметров невербального семантического пространства (табл. 4.3).

Таблица 4.3 Матрица нагрузки шкал по выделенным факторам

№ шкалы	Пары картин, образующих шкалы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 5
1	2	3	4	5	6
1	1-2	0,523	0,507	0,075	0,361
2	1-3	0,656	0,542	0,102	0,356
3	1-4	-0,808	0,246	0,064	0,073
4	1-5	-0,627	0,346	-0,122	0,306
5	1-6	-0,225	0,868	0,136	0,049
6	1-7	-0,307	0,815	0,257	0,013
7	1-8	0,332	0,701	0,281	0,076
8	2-3	0,736	0,529	0,139	-0,361
9	2-4	-0,884	-0,169	0,131	-0,146
10	2-5	-0,505	-0,670	0,161	-0,298
11	2-6	-0,698	0,399	-0,247	-0,136
12	2-7	-0,783	-0,149	0,463	0,22
13	2-8	-0,370	-0,368	0,347	0,182
14	3-4	-0,902	-0,1	-0,106	0,147
15	3-5	-0,604	-0,7	-0,042	0,047
16	3-6	-0,730	0,528	0,151	-0,048
17	3-7	-0,796	-0,284	0,376	0,076
18	3-8	0,717	-0,529	0,020	-0,119
19	4-5	0,330	-0,312	0,056	0,078
20	4-6	0,121	0,691	0,238	0,176

Окончание табл. 4.3

1	**2**	**3**	4	5	**6**
21	4-7	0,841	0,234	0,295	**-0,133**
22	4-8	0,892	-0,184	0,145	**0,072**
23	**5-6**	-0,583	0,646	0,118	**-0,129**
24	5-7	-0,244	0,679	0,387	0,147
25	5-8	0,452	0,391	0,701	-0,271
26	6-7	0,205	**-0,777**	0,308	0,035
27	6-8	0,614	-0,655	0,050	0,176
28	7-8	0,854	-0,111	0,190	-0,039

Сопоставление результатов дифференцировки объектов с помощью вербального и невербального СД выявило следующую картину (табл. 4.4).

Таблица 4.4 **Сопоставление результатов дифференцировки объектов с помощью вербального и невербального СД**

Понятия	**Фактор «Оценка»**		**Фактор «Активность»**	
	вербальный	**невербальный**	**вербальный**	**невербальный**
Покой	5,2	**4**	**2,8**	**2,2**
Одиночество	3,9	**3,6**	2,8	**2,4**

Тишина	5,0	4,4	3,3	**2,0**
Таинство	5,2	**6,4**	**3,3**	**2,0**
Возвышенное	5,9	**6,2**	4,9	**6,6**
Красота	6,0	**6,6**	**4,0**	**3,2**
Движение	4,6	**5,2**	5,5	5,2
Динамика	4,9	**5,8**	**6,3**	5,5
Тяжесть	2,8	2,4	3,1	**6,4**
Свобода	6,0	**6,2**	**5,7**	**3,4**
Удивление	5,3	4,4	**5,6**	**4,6**
Радость	6,2	5,4	**6,3**	**4,8**
Гнев	**2,7**	3,5	**5,7**	**5,6**
Страх	1,9	1,8	3,8	**3,7**
Ожидание	4,6	4,2	3,9	**2,0**
Хитрость	**3,1**	**4,7**	4,8	**5,0**
Смирение	**3,7**	5,5	2,9	**2,2**
Тоска	**3,7**	**2,0**	**2,7**	**2,1**
Равнодушие	**2,1**	**2,1**	**2,8**	**3,8**
Вдохновение	5,8	**6,2**	5,5	**4,9**

Высокое подобие (р = 0,82) результатов дифференцировки понятий в семантических пространствах вербального и невербального СД позволяет говорить не о глубоком подобии, а скорее о тождестве этих семантических пространств на уровне ведущих факторов, о принципиальном единстве — на уровне глубинной семантики — «языка» восприятия и естественного языка.

Четвертая серия

Итак, построение СД как на базе шкалирования понятий из разных семантических классов (косвенный метод), так и на основе непосредственных суждений о подобии шкал (прямой метод «параллельной полярности») позволяет выделить ведущие факторы универсального семантического пространства. Как уже обсуждалось выше, внутри понятий одного семантического класса можно выделить дополнительный набор факторов, дифференцирующих понятия внутри этой семантической области. Представляется интересным построить частный невербальный семантический дифференциал для узкого семантического класса, которым является дополнительный набор из десяти понятий во втором эксперименте («Удивление», «Радость», «Гнев», «Страх», «Ожидание», «Хитрость», «Смирение», «Равнодушие», «Вдохновение», «Тоска»), обозначающих некоторые душевные состояния. С этой целью результаты оценок этих понятий были подвергнуты самостоятельной процедуре факторного анализа.

Результаты и обсуждение. В результате обработки было выделено пять значимых факторов, объясняющих 36, 14, 13, 13, 9% общей дисперсии соответственно. Ниже, в табл. 4.5, приводятся шкалы, в которых выделенные факторы являются доминирующими. Интерпретация выделенных факторов была достаточно затруднительна в силу малого количества шкал, репрезентирующих тот или иной фактор. Мы использовали как процедуры интерпретации, аналогичные предыдущим экспериментам, так и опирались при выдвижении своих гипотез на корреляции выделенных факторов с уже интерпретированными факторами универсального набора (табл. 4.6). Предположительно это были следующие факторы: на первый план выступил уже знакомый нам фактор «Активность». Как видно из табл. 4.7, получена высокая корреляция фактора 1 с фактором «Активность» универсального СД. Однако имеется и некоторое отличие его от этого фактора. Если там «движение» было слито с «силой», «тяжестью», то здесь более четко семантически очерчено — это чистое движение без примеси «шума» и «тяжести». Так, при ранжировании изображений по этому фактору картина 6, в наибольшей мере соответствовавшая понятию «тяжесть», сместилась к полюсу, противоположному «Активности».

Фактор 2 задан противопоставлением картин 4, 5, 6, допускающих некоторую предметную интерпретацию («мертвый колос», «свеча и холодные порывы ветра», «грязные подтеки») и более абстрактных картин 8, 1,2, 3. Эти изображения, как отмечают испытуемые, «необычны, сказочны,

фантастичны», им трудно дать названия. Так, при противопоставлении картин 1 и 5 видно, что оба изображения напоминают свечу, однако «свеча 1-го изображения более иллюзорна, театральна», «это скорее сказочная фантасмагория, марсианское дерево, на ветвях которого горят огоньки блуждающих душ, иллюстрация к марсианским рассказам Рэя Брэдбери». Мы назвали этот фактор «Предметность», или «Реальность». Третий фактор оказался аналогичным третьему фактору универсального СД (р = 0,7), нечто типа конкретности, вещественности, а четвертый фактор «Оценка» (р = 0,8),

был интерпретирован сходным образом. Наконец, пятый фактор, образованный противопоставлением картин мягких, теплых тонов и картин тяжелого синего цвета, был условно назван фактором «Теплота» или «Мягкость».

Таблица 4.5 Факторные нагрузки шкал (оппозиции пар картин) по выделенным факторам

№ шкалы	**Шкала**	**Нагрузка**
Фактор 1		
3	1-4	0,814
5	**1-6**	0,755
6	1-7	0,689
9	**2-4**	0,915
11	**2-6**	0,936
14	**3-4**	0,763
16	**3-6**	0,919
19	4-5	-0,627
21	4-7	-0,714
22	**4-8**	-0,664
27	**6-8**	-0,706
Фактор 2		
4	1-5	-0,695
15	**3-5**	-0,471
20	4-6	0,510
25	**5-8**	0,512
26	**6-7**	0,632
28	**7-8**	0,522
Фактор 3		
2	**1-3**	-0,715
10	**2-5**	0,579
12	**2-7**	0,547
13	**2-8**	0,699
18	**3-8**	0,440
21	4-7	0,497
Фактор 4		
1	**1-2**	0,455
7	**1-8**	0,644
23	5-6	0,815
1	**1-2**	0,691
8	**2-3**	-0,430
13	**2-8**	-0,500
17	**3-7**	-0,574

***Таблица 4.6* Корреляция факторов**

		Факторы СД для понятий, обозначающих «душевное состояние»				
		Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5
факторы «универсального» набора	Ф1	0,77	0	0,2	0,47	0,2
	Ф2	0,5	-0,3	0,1	0,8 .	0,4
	Ф3	0,1	0,1	0,7	-0,1	0,1

Ниже в качестве иллюстрации приводятся результаты дифференцировки понятий внутри нашего частного невербального СД (табл. 4.7). Отметим, что приведенный пример — это не более чем иллюстрация, так как для серьезного исследования различных понятий по этим категориям требуется большой массив исследуемых объектов, а также или построение СД, включающего большее количество шкал для снятия веса случайных суждений, или массовое исследование, перекрывающее большой статистикой случайные ответы.

Таблица 4.7 **Оценки (координаты) понятий, обозначающих «душевное состояние» по выделенным факторам**

Понятие	**Фактор 1**	**Фактор 2**	**Фактор 3**	**Фактор 4**	**Фактор 5**
	«Активность»	**«Предметность»**	**«Конкретность», «Вещественность»**	**«Оценка»**	**«Теплота» или «Мягкость»**
Радость	**5,2**	**5,6**	**3,2**	**5,4**	**5,5**
Тоска	**1,6**	**2,4**	**3,0**	**2,5**	**4,0**
Страх	**4,5**	**3,5**	**4,2**	**2,6**	**4,2**
Вдохновение	**5,6**	**1,3**	**1,6**	**6,2**	**5,5**
Гнев	**4,0**	**5,0**	**5,0**	**3,2**	**3,2**
Хитрость	**5,3**	**5,0**	**4,5**	**3,8**	**3,5**
Равнодушие	**2,4**	**3,4**	**3,8**	**2,8**	**3,0**
Смирение	**1,3**	**2,1**	**3,0**	**2,6**	**4,8**
Ожидание	**2,5**	**2,4**	**3,2**	**5,2**	**5,0**
Удивление	**4,4**	**4,7**	**4,1**	**3,3**	**3,0**

Общее обсуждение. Исследование показало, что, действительно, визуальные образы могут образовывать устойчивую сетку отношений, своеобразную парадигму «языков образов», формой репрезентации которой в условиях нашего эксперимента выступали факторные структуры. При этом была выявлена универсальность выделенных факторных структур для разных испытуемых и продемонстрировано подобие вербальной и визуальной семантики опять же на уровне ведущих факторов. Выдвигая сильный тезис о подобии вербальной и визуальной семанти-

ки, мы отстаиваем его справедливость именно для ведущих факторов, оставляя этот вопрос открытым для дополнительных факторов. Остановимся на этом подробнее.

Получая идентичные факторные структуры для восприятия разной модальности (при работе с вербальными шкалами СД), первоначально Осгуд полагал, что «основные факторы семантического пространства определяют способ, которым наш сенсорный аппарат делит мир», что было бы аналогично, например, «измерениям сознания Боринга» (Osgood, 1962. P. 19). При таком понимании факторные структуры выступают категориальной сеткой сенсорного аппарата и отнесены на «вход» перерабатывающей информацию сенсорной системы. Однако истина, очевидно, лежит где-то посередине, и, подбирая соответствующие шкалы и ставя акценты на их прямом или метафорическом значении, мы в состоянии ориентировать метод СД на отражение или объектных признаков, или переживаний по поводу объекта (личностный смысл). Данная оппозиция закреплена в американской психологической литературе в понятиях денотативной и аффективной систем, и соответственно принято говорить об аффективном и денотативном семантическом пространстве. На наш взгляд, более адекватным было бы говорить о различных уровнях представления объекта субъекту, о глубинном уровне и глубинной семантике, формой отражения которой являются факторные структуры универсального СД (ведущие факторы). Этот уровень выступает, по всей видимости, генетически и функционально более ранним когнитивным

уровнем представления объекта, механизмом которого является синестезия. Сошлемся здесь на авторитет Вернера (Werner, 1934), который утверждал, что сенсорная стимуляция сначала вызывает общее синестетическое чувство, а лишь затем дифференцируется в специфическое модальное восприятие.

Термины же «аффекты», «аффективный» связаны в отечественной психологии с эмоциональными процессами и отражают характер только одного ведущего фактора — фактора «Оценка». Другие же факторы явно затрагивают работу перцептивной системы, и, на наш взгляд, термин «глубинная семантика» лучше отражает те когнитивные структуры, в которые вплетены и образные и оценочные компоненты, на языке которых «говорят» метафора, аналогия, поэзия.

Другой, более развитый уровень представления объекта субъекту связан с категоризацией и опосредован системой значений, отражающих совокупную общественную практику. Дж. Брунер (1977) называет этот уровень уровнем символической репрезентации в отличие от иконического уровня, связанного с синестезией. Мы полагаем, что частные семантические дифференциалы, построенные для узких семантических классов, приближены к этому уровню и отражают более развитые когнитивные структуры, формы классификации, опосредованные нашими знаниями об объекте. Естественно ожидать, что «универсальность» факторных структур не будет распространяться на эти дополнительные факторы и последние окажутся зависимыми от наличных знаний индивида, от форм репрезентации этих знаний в виде языковых значений или сенсорных эталонов. При этом вопрос о соответствии вербальной и визуальной семантики для более высоких уровней категоризации остается открытым.

Говоря о двух уровнях презентации объекта субъекту, мы не понимаем их морфологическими, функционально фиксированными и независимыми. Речь идет скорее об этапах порождения, перехода от единого глубинного отражения к

развитым формам классификации. Переход от одного уровня к другому не есть простой перевод информации из одной формы в другую, а он представляет последовательную развертку, включающую обогащение содержанием на каждом уровне. На языке факторного анализа этот процесс представляется как развертка универсальных факторов в пучки новых, отражающих более развитые когнитивные структуры, и суть нашей работы мы видим в возможности исследования процесса «опредмечивания» представления объекта субъекту, анализируя актуальные уровни этого представления.

5 Зак 96

ГЛАВА ПЯТАЯ

Исследование визуальной семантики

5.1. Анализ семантической структуры образной репрезентации с помощью кластер-анализа

Выше нами исследовалась семантическая структура образной репрезентации достаточно абстрактного материала. Выбор такого материала был обусловлен задачей вычленения форм отношений (а следовательно, и семантических компонентов) перцептивных образований, не обладающих явной предметной отнесенностью. Выделенные формы оппозиции образного материала, которые в рамках нашей модели репрезентировались факторами семантических пространств, выступают наиболее глобальными парадигматическими отношениями языка образов и, как было показано в предыдущем эксперименте, имеют когнитивный характер.

Тем не менее интересно отметить, что, несмотря на характер материала, затрудняющий однозначную предметную интерпретацию, при построении частного семантического пространства для эмоциональных понятий (глава четвертая, четвертая экспериментальная серия) одной из содержательных оппозиций (факторов) выступила степень опредмеченности изображения. Это говорит о том, что предметность изображения, являясь одной из ведущих характеристик образного отражения, обладает огромной когнитивной силой, позволяющей ей актуализироваться даже на предметно обедненном материале. Тем более это справедливо для более реалистических изображений, где значения, заданные в образном материале, переплетаясь с языковыми значениями, поднимают содержание изображения до уровня сюжетного текста.

В главе четвертой анализировались структуры обобщения, возможные на до-категориальном уровне образного отражения. Задача настоящей главы — анализ форм обобщения образного материала, обладающего более явной предметной отнесенностью. Это позволит оценить вклад «предметности» в семантическую организацию материала.

Таким материалом в эксперименте явились 1200 рисунков-эмблем, присланных в редакцию газеты «Комсомольская правда» на конкурс лучшей эмблемы «Общества охраны природы». Эти рисунки

можно рассматривать как графические ассоциации на заданную тему, а большое количество содержательно однородного материала позволяет применить классическую парадигму исследования вербальных ассоциаций (Deese, 1964, 1965) к образному материалу. Тем не менее

мы использовали новую методику классификации («сортировки» Миллера), достоинства которой уже обсуждались выше. Таким образом, исследование решало и методическую задачу — апробирование этого метода на качественно новом материале. Содержательный анализ материала, кроме того, выполнял и прикладную задачу — выделение структуры представлений о взаимоотношениях «человек—природа» в рамках проблем охраны природы. Результаты эксперимента были частично опубликованы (Петренко, Нистратов, Шмелев, 1978).

Материал. Среди присланных рисунков встречались как оригинальные по содержанию и манере, так и стереотипные решения. Например, около половины всех рисунков включало в качестве ключевого фрагмента изображение человеческих рук (чаще раскрытых ладоней), бережно держащих цветок или какое-либо животное.

Человеческие руки, таким образом, выступают устойчивым символом присутствия самого человека, наличия активного человеческого начала. В качестве фрагментов изображения часто встречались изображения животных — 57% от общего числа в 1200 проанализированных рисунков, пейзажно-видовые изображения (море, берег реки, опушка леса и т. д.) — 35%, изображения растений — 23%, изображения человеческой фигуры (в полный рост или бюст) — 14%, «стандартная символика» (земной шар, серп и молот, лавровые ветви, знак качества, использование стандартной формы армейских нагрудных знаков для силуэта эмблемы и т. п.) — 6%. Около 8% присланных рисунков были цветными изображениями. Показательно, какие виды животных чаще всего встречались. Здесь мы имеем неожиданный результат — в 30% всех рисунков встречаются олень или лось, что больше половины всех тех случаев, где вообще изображались животные. Видимо, для людей образ этих животных представляет сплав тех принципов, которые связаны с идеей «природы» и ее «охраны»: изящность в сочетании с жизнеутверждающей силой, травоядность в сочетании с гордой способностью к самообороне, естественность среды обитания (в противоположность зависимым от человека чисто домашним животным) одновременно со способностью быть полезным человеку и относительная редкость (олени истреблены в лесах средней полосы). Среди животных часто встречаются птицы — 22% от всех рисунков. Но, как правило, они изображены довольно неопределенно, так что их трудно отнести к тому или иному виду. Подобно образу оленя, птицы воплощают идею свободы, гармонии с природой. Показательно, что среди птиц чаще всего в форме видовой определенности изображались аисты (тут и идея плодородия) — 4%.

Характерно, что изображения чисто домашних или хищных животных встречаются редко. Чаще встречаются животные, занимающие промежуточное положение на шкале «домашние — дикие»: это такие легко вступающие в контакт с человеком животные, как дельфин — 2,5%, заяц — 2%, белка — 1,5%.

Данная зависимость хорошо согласуется с результатами исследований, в которых категория «животные» локализовалась в субъективном пространстве, построенном по оценкам сходства отдельных видов животных (Rips, Shoben, Smith, 1973). Из насекомых преобладают бабочки, встречались пчелы. Насекомые изображены всего на 3% рисунков.

Как видно, анализируемый материал, хотя и предстает чаще всего в изобразительно-конкретных образах, отражает в своем подборе определенные принципы, по которым подбор осуществляется, отражает характерное эмоционально смы-

еловое отношение людей к проблеме. Из общего объема рисунков нами было отобрано 50 образцов (рис. 21), представляющих, по нашему мнению, все встречавшиеся типы композиционных решений, все возможные точки зрения на проблему охраны природы в рамках нашего материала.

Испытуемые. Группу из 25 человек, привлекавшихся к эксперименту, только условно можно назвать испытуемыми. Состоявшая из профессиональных психологов и студентов старших курсов факультета психологии МГУ, она скорее являлась группой экспертов. При этом фактически в роли испытуемых выступили авторы рисунков — графических ассоциаций на тему «Охрана природы».

Процедура. Группе экспертов предлагалась следующая инструкция: «Ваша задача — распределить 50 лежащих перед вами рисунков в произвольное количество групп так, чтобы группа объединяла рисунки, сходные по содержанию, по той идее, которая была заложена в них авторами.

Количество рисунков в каждой группе может быть различным». Кроме того, экспертов по окончании классификации просили дать условные вербальные обозначения выделенным ими группам, хотя это не было обязательным и не требовалось по инструкции.

Обработка результатов. На основе полученных индивидуальных классификаций материала строилась матрица сходства рисунков. Это таблица 50 х 50, в каждую клетку которой, соответствующую определенной паре рисунков, заносилось целое число, выражающее то количество групп, внутри которых два данных рисунка встречались одновременно. Далее проводилась обработка матрицы сходства методом кластер-анализа. Алгоритм этой процедуры довольно прост, хотя и требует при больших размерностях матрицы применения ЭВМ. Вначале среди всех возможных пар объектов отыскивается пара с наибольшим индексом сходства (в нашем случае — 25). Эта пара объектов объединяется в кластер, который в дальнейшем рассматривается как единый элемент матрицы. Количество строк и столбцов сокращается на единицу, а сходство прежних элементов матрицы с новым определяется из их сходства с составляющими его словами. В использованном нами методе «связи» в качестве сходства с кластером используется максимальное сходство с одним из его элементов. По отношению к матрице порядка и-1 (в нашем случае 50-1) процедура повторяется: вновь отыскивается самая сходная пара, которая объединяется в кластер, а сходство с нею определяется через максимальное сходство с ее элементами. На каждом шаге порядок матрицы сокращается на 1. Через 49 шагов алгоритм дает единый кластер, объединяющий все элементы матрицы, на чем и заканчивает свою работу.

На основе процедуры кластер-анализа нами было построено дерево классификации, фиксирующее уровни объединения изображений во все более и более крупные классы. Обработка результатов осуществлялась с применением ЭВМ.

В дереве классификации (рис. 22) каждая эмблема индексируется номером.

Попытаемся дать содержательную интерпретацию полученной иерархической структуры. При этом мы будем двигаться «снизу вверх»: от интерпретации крупных классов, объединенных на низких уровнях сходства, к мелким дифференцированным классам, объединенным на более высоких уровнях сходства.

Прежде всего выделяются 4 больших, содержательно самостоятельных класса рисунков.

Рис. 21. Блок 50 рисунков - эмблем «Общества охраны природы»

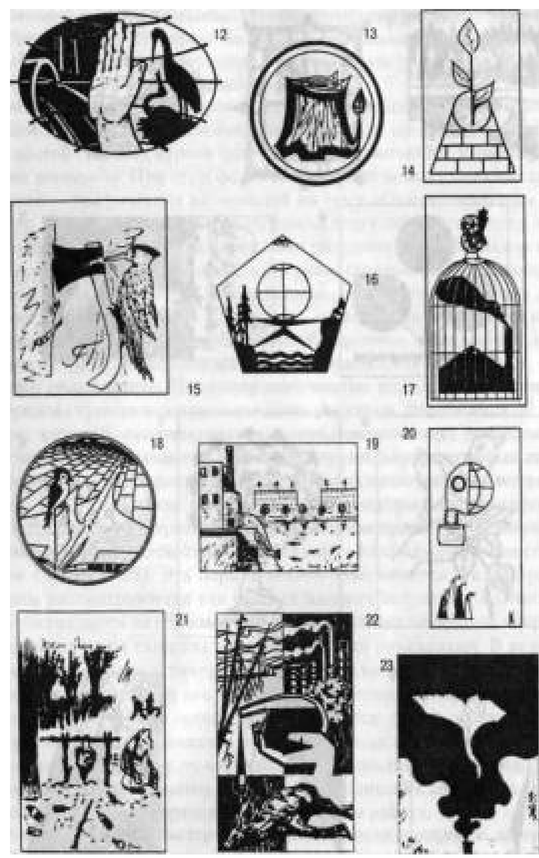

Рис. 21 (продолжение)

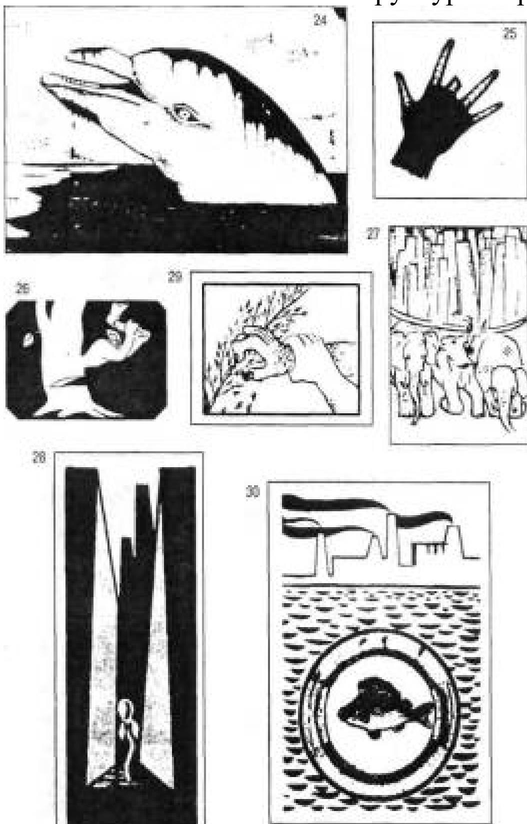

Рис. 21 (продолжение)

Рис. 21 (продолжение)

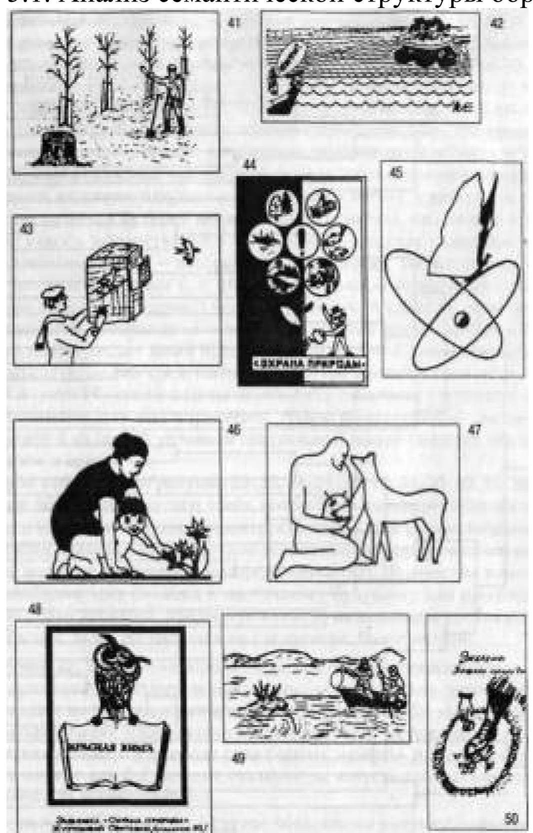

Рис. 21 (окончание)

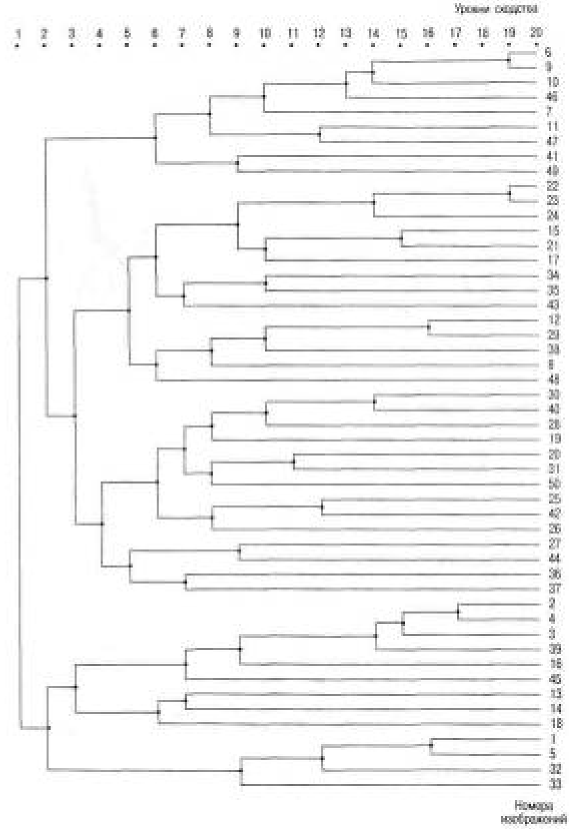

Рис. 22. Дерево классификации

В первый большой класс попали рисунки под номерами 6, 9, 10, 46, 7, 11, 47,41, 49. Во всех этих рисунках присутствует либо сам человек, либо человеческие руки, олицетворяющие активное созидательное начало в человеке. Во всех рисунках провозглашается гармония человека с природой, вера в достижимость такой гармонии на основе активно-бережного отношения человека (субъекта) к природе (объекту). Изображаются: «ребенок, обнимающий олененка», «человеческие руки, поддерживающие олененка», «космонавт, обнимающий собаку» и т. д. Здесь же рисунки, изображающие конкретные формы заботы человека о природе: посадка деревьев, спасение тонущих в разлившемся потоке животных и т. д. Затем этот класс распадается на более мелкие. Важно отметить, что расщепление на более мелкие классы осуществляется не только по сходству содержания, но и по сходству элементов формы — изобразительных средств. Так, например, в один узкий класс попадают рисунки 6, 9, 10, 46, 7, на каждом из которых присутствует изображение кистей или ладоней человеческих рук. А класс из пары рисунков — 11, 47 — содержит изображение человека «в полный рост» («ребенок», «космонавт»). Это подтверждает наши представления о тесной связи признаков содержания с выразительными средствами в структуре иконического знака.

Второй и третий большие классы отличаются сходством следующего содержательного признака: для них характерен тревожно-негативный эмоциональный тон. На уровне 4 на нашей условной градуальной шкале сходства оба эти класса объединяются в один.

Во второй класс попали рисунки 22, 23, 24, 21, 15, 17, 34, 35, 43, 12, 29, 38, 8, 48. Общая идея, объединяющая этот класс, может быть интерпретирована так: «Природе нанесен (наносится, будет наноситься) ущерб». Как видим, неоднозначность интерпретации связана с существенной особенностью «графического высказывания» — его модально-временной неопределенностью. Неизвестно точно, относит ли автор изображаемые события к настоящему, будущему или прошлому, имеем ли мы дело с констатацией, предостережением, пожеланием, требованием и т. д.

Второй класс далее распадается на следующие, более мелкие:

а) Рисунки 22, 23, 24 — «природа гибнет от отходов производства». В рис. 22 присутствует дополнительный нюанс -г изображена человеческая рука, держащая колбу с ядохимикатами. Если на рис. 23, 24 «агенты губительного воздействия» изображаются как некоторая отчужденная от человека, внешняя к нему и к природе сила («дым», «нефть» и т. д.), то изображение руки вносит как бы элемент указания на «персональную ответственность человека за происходящее».

б) Рисунки 15, 17, 21 — в этой группе объединены рисунки, связанные общим девизом; «Природа отомстит». Тут изображения «медведя, прогоняющего браконьеров», «дятла, долбящего топор», «птицы, сидящей на клетке, в которую заперта фабрика». Существенно, однако, то, что, с точки зрения наших экспертов, из двух выраженных в этих рисунках идей — идея губительного воздействия и идея способности природы к самообороне — более весомой оказывается первая. Поэтому эти рисунки попали именно во второй класс, вместе с рисунками группы «а».
в) Рисунки 34, 35, 43 связывает довольно расплывчатая идея нелепого, непоследовательного отношения к природе и ханжески прикрытого или непри-

крытого варварства; «пень от срубленного дерева, а на нем скворечник», «в расширенном зрачке оленя отражается браконьер, направляющий на него дуло ружья», «человек, выпускающий птицу из клетки». г) Рисунки 8, 12, 29, 38, 48. Здесь, кроме агента губительного воздействия и его объекта (природа), присутствует третья сила — человек, защищающий природу от воздействия, отчужденного от него. Человек в качестве «третьей силы» фигурирует прямо или косвенно: либо защищает природу, так сказать, «собственными руками» или с помощью государственно-правовых средств (изображения «герба СССР», «книги с законами об охране природы»).
Третий большой класс включает рисунки 19, 20, 25, 26, 31, 27, 28, 30, 36, 37, 40, 42, 44, 50. В этих рисунках тема губительного воздействия раскрывается с позиции более углубленного, критического отношения к роли человека в этом процессе. Если второй класс просто фиксирует место человека «по ту или иную сторону баррикад» в борьбе за сохранение живого, то здесь осуществляется фиксация явного противоречия в позиции человека, который подчас одновременно и губит природу, противопоставляясь ей, и является ее зависимой частью. Рисунок роде-новского «Мыслителя», сидящего в раздумье среди хаоса промышленных отходов, становится лейтмотивом этого класса. Далее этот класс распадается на два подкласса:
а) Рисунки 30, 19, 20, 28, 31, 40, 50 изображают «прогресс цивилизации и гибель всего живого»: «чахнущий цветок, среди обступивших его каменных джунглей», «земной шар в противогазе» и т. д.
б) Рисунки 25, 26, 27, 42, 44. Здесь противоречие изображается в явной, подчас гротесково-преувеличенной форме: «человек губит природу и тем самым губит себя». Это рисунки, на которых изображаются: «охота на китов, на которых покоится земля»; «пальцы человеческой руки, образованные зелеными елочками, одна из которых срублена и из срубленного пальца капает кровь»; «человек — ветвь дерева жизни, подрубающая ствол этого дерева», и т. д. Отметим, что с художественной точки зрения эта группа рисунков оказалась, пожалуй, наиболее интересной, так как воплощение в одном образе человека двойной функциональной нагрузки — субъекта и объекта губительного воздействия — потребовало и поиска оригинальных художественных форм решения.
В последний, четвертый большой класс вошли рисунки под номерами 1, 2,3,4, 5,13,14,16,18,32, 33, 39,45. При наличии в целом «утверждающей», эмоционально-позитивной интонации этот класс отличается от первого отсутствием активно-созидательного начала. Здесь мы имеем дело с как бы философско-эстетиче-ским утверждением ценности природы, идеи единства всего живого. Этот класс включает следующие подгруппы:
а) Рисунки 13, 14, 18 — изображение «мирного сосуществования природы и цивилизации», причем основой такого сосуществования провозглашается «живучесть» самой природы: «птица, беззаботно сидящая на хвосте сверхзвукового самолета»; «зеленый росток, бодро пробившийся сквозь кирпичную кладку»; «зеленый росток на пне срубленного дерева». Хотя

природе здесь отводится совсем немного места, оптимизм, основанный на вере в выживаемость природы, перевешивает тревожные нотки.
б) Рисунки 1, 5, 32, 33. В этих рисунках природа изображается «как ценность сама по себе»: «речной ландшафт»; «изящное, в духе японской миниатюры, изображение пляшущих журавлей»; «лес, отраженный в объективе фотоаппарата (идея фотоохоты)»; «аллегорическое изображение природы как «открытой книги». По мнению экспертов, здесь с позиции философского созерцания утверждается самостоятельная, непреходящая ценность природы.
в) Рисунки 2, 3, 4, 39, 16, 45. В этом классе опять же ярко проявляется связь функционального и изобразительного решений. Общим центральным композиционным элементом всех рисунков выступает изображение земного шара: «земной шар как яйцо в гнезде»; «земной шар — элемент живой клетки»; «земной шар как цветок на дереве природы». Общая идея этого класса: «Единство

живого на микро- и макроуровнях».
Итак, проведенный анализ показал, что на различных уровнях классификационного дерева выделяются различные компоненты иконического знака. На уровне старших, крупных классов рисунки объединялись испытуемыми-экспертами по коннотативно-аффективным компонентам, в целом соответствующим известным факторам Ч. Осгуда — факторам «Оценка» и «Активность». Оценка в нашем случае предстает как признак, по которому испытуемые отличают рисунки с радужно-оптимистическим содержанием от рисунков, в которых выражается чувство тревоги. Активность проявляется как наличие или отсутствие в композиции изображения некоторого активного начала-«агента», ответственного за изображаемые события.
В особой оговорке нуждается соотношение данных сортировки и результатов кластер-анализа. Ведь реально в нашем эксперименте испытуемые-эксперты сортировали материал на достаточно малочисленные классы, так что их численность колебалась от 7 до 2-3 рисунков, в то время как большие, «коннотативные» классы были построены нами дедуктивно — с помощью математической процедуры. Требовалось выяснить, действительно ли при более грубом разбиении материала испытуемые будут опираться именно на коннотативное содержание изображений — нерасчлененный личностный смысл и аффективную окраску. Для этого в дополнительном эксперименте мы просили испытуемых классифицировать изображения в 3-4 больших класса. Получаемые классы с достаточно очевидной степенью соответствия повторяли классы, выделенные нами дедуктивно. Таким образом, можно заключить, что полученные при кластеризации большие «коннотативные» классы являются действительной психологической реальностью.
Более частными дифференцирующими признаками в нашем эксперименте явились такие свойства изображений, которые связаны с функционально-композиционным соотношением элементов. Пользуясь терминологией К. Дункера, назовем эти компоненты иконического знака «функциональными решениями». «Функциональные решения» в нашем случае определяются как такие типы композиционной структуры рисунка, для которых характерно фиксированное количество элементов взаимодействия и определенное качество взаимодействия (тип отношения). Несколько огрубляя, можно сказать, что количество функциональных элементов изображения варьировалось на рисунках от одного («природа

сама по себе») до трех («природа»; «агент губительного воздействия»; «агент, предотвращающий губительное воздействие»). Возможные формы взаимодействия — тип отношения: «любовь», «помощь», «губительное воздействие», «защита», «самозащита» и т. д. В качество взаимодействия входит его направленность (кто является «агентом», а кто «объектом»), а также односторонность или взаимность.
Наконец, при объединении рисунков в еще более мелкие группы классификация осуществляется как на основе двух первых типов компонентов знака — кон-нотативных и функционально-композиционных, — так и на основе свойств самих графических элементов изображения, т. е. на основе «изобразительного решения». Элементы «графического сообщения» (высказывания) являются икониче-скими знаками. Это значит, что информация, которую они несут, раскрывается не только в связях и отношениях этих элементов с другими, но и через «тело», «субстрат» этих знаков. Их значение задается не только функциональным местом в структуре, но и собственными графическими особенностями, получающими символическое значение. Например, и на рис. 28 и на рис. 14 изображен цветок (росток), растущий сквозь камни. Но если на рис. 28, выполненном в черно-белом варианте, стебель цветка изображен искривленным, склоненным к земле, так что формируется впечатление «задавленности» слабого растения «каменными джунглями», то на рис. 14, наоборот, свежий зеленый стебель выпрямлен строго вертикально, будто бы наполнен жизненными соками. В результате, несмотря на сходство композиционной структуры, эти два рисунка попадают в различные по эмоциональному тону классы: один — в «оптимистический», другой — в «тревожный». С другой стороны, рис. 14 попадает в один узкий класс вместе с рис. 13, и для того и для другого характерно наличие как сходной содержательной идеи (утверждение живучести природы), так и общего изобразительного решения — и здесь и там изображен росток.
Примером такого единства «функционального» и «изобразительного решения» может быть класс рисунков под номерами 2, 39, 43. Как уже отмечалось, на них изображен земной шар и выражается общая идея единства планеты и природы. Таким образом, метод классификации оказывается чувствительным к установлению содержательных связей и на основе графических особенностей рисунков. Дальнейшее экспериментальное исследование этого вопроса, видимо, предусматривает

использование различных вариантов инструкции для классифицирования («группировка по форме» и «группировка по содержанию») при последующем сравнении двух независимых кластер-описаний на различных уровнях сходства. На этой основе возникает возможность раскрытия «синонимических» и «антонимических» рядов элементарных графем, т. е. раскрытие парадигматики икониче-ской знаковой системы, а следовательно, и моделирования ее грамматики.

Комбинированное представление коннотативных компонентов и признаков «функциональных решений» приводится на рис. 23.

Как видно, на основании данной схемы не приходится говорить о независимости как старших — коннотативных признаков, так и, тем более, младших — «функционально-композиционных». Например, «тревога» (отрицательный полюс фактора «Оценки») не встречается без «Активности», что говорит о корреляции этих двух осгудовских факторов на нашем материале.

Приведенное на рис. 23 дерево классификации представляет собой формализованную интерпретацию содержательной структуры наших рисунков. Конечно,

содержание каждого конкретного изображения богаче, оно содержит множество смысловых нюансов, обеспечивающих содержательную неповторимость почти каждого рисунка.

Как известно, иерархическая организация значения понимается как система дифференциальных признаков, занимающих различное положение в составе значения. Это представление закреплено в уже упоминавшихся понятиях архисемы

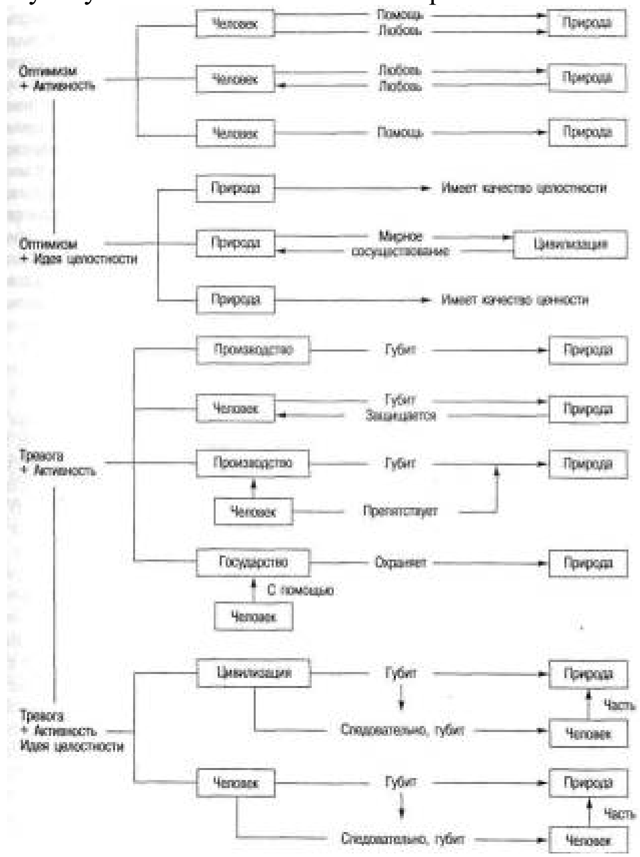

Рис. 23. Группировка изображений по коннотативным признакам и «функциональным решениям»

(общего родового признака), дифференциальных и ассоциативных сем. Предлагаемая трактовка образа как своеобразного «перцептивного высказывания о мире» (Петренко, 1975) позволяет проводить лингвистические аналогии и может оказаться эвристичной для семантического анализа образа. Так, выделяемая ведущая смысловая нагрузка изображений может интерпретироваться как некий семантический стержень (архисема), вокруг которого группируются дополнительные смысловые составляющие (дифференциальные семы), конкретизирующие содержание данного изображения в некоторую неповторимую единичность.

Дифференциальные признаки не являются морфологически фиксированными и как признаки, задающие сходство или различие, зависят от глубины проникновения субъекта (эксперта) в материал. В свою очередь, глубина анализа имплицитно задается рамками той системы, в которой задано содержание. Так, например, при свободном рассматривании плаката эта семантическая

система задается введением изображения в некий индивидуальный тезаурус системы образов и знаний конкретного индивида. В рамках же нашего эксперимента она ограничивалась набором в 50 рисунков, отобранных для эксперимента на классификацию.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что наличие многоплановой иерархической организации материала, выделенной методом классификации, говорит о существовании различных уровней в значении изобразительного сообщения (знака). Эти уровни выстраиваются последовательно, воспроизводя известную логику конкретизации содержания сообщения, глубину проникновения субъекта в материал.

5.2. О перцептивной категоризации

В отечественной психологии прочно утвердился взгляд на восприятие как на активную деятельность субъекта по отражению объективной действительности. Эта деятельность опосредована языковыми значениями, в которых представлена «опосредованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений» (Леонтьев А. Н., 1965). В наших работах проводится аналогия между порождением зрительного образа и порождением речевого высказывания (Петренко, 1975). Образ рассматривается как перцептивное высказывание о мире, имеющее компонентную семантическую структуру. В этой структуре всегда наличествуют два плана: план перцептивного содержания — то, что воспринимается, и план перцептивной формы — то, через что воспринимается. Эти два плана не являются морфологически фиксированными: то, что выступает в виде содержания при одной задаче восприятия, при другой играет роль перцептивной формы, в которой это содержание воспринимается (Столин, 1973). На определенном уровне перцептивный образ может быть представлен как состоящий из двух семантически оформленных планов. «Верхний» план представлен значениями целого, значениями, репрезентирующими интегральное, предметное содержание, выраженное в наименовании предмета. «Нижний» план составляет набор семантических признаков, определяющих и выражающих интегральное предметное содержание. Эти признаки непосредственно погружены в зримые черты предмета. Специальные вопросы относительно взаимоотношений этих планов возникают при попытке проанализировать процессуальную логику — логику порождения образа. Так, в частности, представляет

несомненный интерес вопрос о том, следует ли означение (категоризация) целого за категориальным восприятием признаков или последнее возникает вслед за гипотезой о целом в форме контроля правильности гипотезы, или, наконец, существуют более сложные динамические отношения. Настоящая работа посвящена экспериментальному анализу указанного вопроса. При построении методики мы исходили из следующих соображений. Процесс категоризации в нормальных условиях чрезвычайно скоротечен и с трудом поддается изучению. Для того чтобы развернуть этот процесс, прибегают либо к различного рода искажениям восприятия, созданию помех, либо к методике истощения стимуляции. В нашем эксперименте развертывание процесса во времени достигается за счет тахистоскопиче-ского предъявления двусмысленного материала, подобно тому как это делалось в работах Брунера и его сотрудников (Bruner, 1964; Поттер, 1971). Однако для решения поставленного вопроса одного только ограничения времени экспозиции недостаточно. Необходимо было репрезентировать семантику целого и признаков на различных временных срезах восприятия. Это достигалось тем, что помимо определения общей предметной категории от испытуемого требовалась оценка воспринимаемого по специально составленным семантическим шкалам, которые по принципу составления соответствовали осгудовским (Osgood, 1957). Как известно, методика семантического дифференциала (СД) состоит в оценке объекта с помощью шкал, образованных парами антонимов, задающих при противопоставлении некоторое качество. Степень наличия этого качества отмечается посредством 7-балльной системы оценок. Методика СД направлена на выделение так называемого коннотативного значения, отражающего личностный смысл и эмоциональные переживания испытуемого по поводу некоторого объекта, понятия, процесса. Однако, подбирая соответствующие прилагательные-антонимы и используя их прямое, а не метафорическое значение, можно направить методику на анализ денотативного значения, собственно параметров и свойств шкалируемого объекта.

Методика и процедура эксперимента[1]. Процедура эксперимента состояла из ряда тахистоскопических предъявлений одного и того же объекта. Время экспозиции в первом предъявлении было близко к пороговому (0,02 с). Для каждого последующего предъявления время экспозиции увеличивалось на 0,02 с по сравнению с предыдущим. После каждого предъявления испытуемому предлагалось дать оценку увиденному объекту путем шкалирования методом СД, а

затем высказать гипотезу относительно содержания изображения. После того как испытуемый правильно опознал объект, время экспозиции не ограничивалось и производилось последнее шкалирование объекта; опыт прекращался. В качестве объекта предъявления было выбрано изображение кожаного ремня с металлической пряжкой, нарисованного в таком виде, что он напоминал змею. Модификация методики СД касалась изменения в лексическом наполнении шкал. Применявшиеся нами шкалы можно разделить на три типа по характеру того, что эти шкалы призваны отражать: перцептивные признаки предъявляемого объекта, «поведенческие» реакции, уверенность испытуемого в правильности опознания.

/ *тип:* плоское — объемное; блестящее — тусклое; узкое — широкое; однотонное — узорное; однородное — разнородное; упругое — пластичное. Эти шкалы

В исследовании принимал участие С. В. Василенко.

отражают категоризацию нашего «нижнего» плана — набора перцептивных признаков. Условно назовем эти шкалы «перцептивными».

II тип: живое — неживое; опасное — безопасное; активное — пассивное; коварное — бесхитростное; искусственное — естественное. Оценка этим шкалам с необходимостью требует предварительного акта категоризации на уровне целостного образа и определяется этой категоризацией.

III тип: действительное — мнимое; естественное — противоестественное; реальное — фантастичное; точное — неопределенное; необычное — обычное; уверен в правильности опознания — не уверен в правильности опознания. Предполагалось, что оценка по шкалам этого типа отражает субъективную уверенность испытуемого в правильности опознания.

Испытуемыми были студенты первого-третьего курсов факультета психологии. Всего 20 человек.

Инструкция. Вам будет тахистоскопически предъявляться некоторое изображение. Ваша задача: после каждого предъявления оценить изображение с помощью шкал, назвать его и описать.

Результаты эксперимента. После первого предъявления большинство испытуемых категоризовали и описывали предъявленное изображение как змею. Этому способствовало необычное, «закрученное» положение ремня на рисунке. При этом они видели ряд деталей, свойственных змее, например узоры на теле, раздвоенный язык и пр., в действительности, конечно, отсутствовавшие в изображении. Оценки по шкалам СД также были характерны для признаков «змеи». Это дает основание предположить, что при начальном предъявлении испытуемые работали не с перцептивным материалом, а, категоризовав изображение, описывали фактически свое знание, работали с категорией. Для проверки этого предположения другим испытуемым, не участвовавшим в основном эксперименте, было предложено с помощью тех же шкал СД оценить вербально понятие «змея». При сравнении полученного профиля оценок «вербальной змеи» и профиля оценок, который испытуемые дали в эксперименте при первом предъявлении «перцептивной змеи», было выявлено отсутствие статистически значимого различия ($p = 0,05$; $t = 0,923$; t (гр) = 2,201). Таким образом, нет существенных оснований сомневаться в том, что испытуемые шкалировали вербальную категорию, а не изображение.

По мере увеличения времени экспозиции испытуемые вычерпывали все больше информации из собственно изображения и рано или поздно приходили к правильному опознанию объекта как ремня. Причем можно выделить две группы испытуемых, примерно равные по численности. Испытуемые 1-й группы непосредственно переходили после целого ряда неадекватных категоризации объекта как «змеи» к правильной категоризации. Испытуемые 2-й группы выдвигали целый ряд последовательных промежуточных гипотез, например: змея..., змея..., знак интеграла..., топографическая съемка русла реки..., кнут..., ремень. Дальнейший анализ будет посвящен результатам, полученным в 1 -й группе, а динамика преобразования при наличии промежуточных категоризации будет обсуждена особо.

В ходе эксперимента происходило как изменение категоризации объекта, его описания, так и изменение оценок предъявляемого изображения по шкалам СД. Проведенный по критерию Стъюдента статистический анализ показал,что шкалы первого и второго типов разводят оценки при правильной («ремень») и непра-

вольной («змея») категоризации и, следовательно, могут использоваться для анализа динамики переозначивания.

В качестве критерия, характеризующего изменение набора сознательно выделяемых признаков, нами использовалась величина *D,* показывающая близость отдельных семантических срезов.

Операциональным аналогом величины *D* выступало суммарное рассогласование оценок, полученных при сопоставлении двух рассматриваемых семантических профилей (срезов). Ниже приводятся протоколы отчетов и графики изменения *D* в ходе эксперимента. Профиль оценок при правильном опознании выступал системой отсчета и относительно него измерялось расстояние всех предыдущих срезов до уровня адекватного опознания.

Близость семантических срезов определялась по формуле:

$$D(j,k) = \sum \left| x_{ij} - y_{ik} \right|,$$

где x_{ij} — оценка объекта в j-предъявлении по i-шкале; y_{ik} — оценка объекта в последнем, k-предъявлении (т. е. когда после правильного опознания время экспозиции ставилось на максимум и испытуемый неограниченно долго рассматривал предъявляемый объект) по j-шкале.

Процесс переозначивания протекал по-разному у разных испытуемых, и вариативность индивидуальных данных была весьма велика. Так, число предъявлений изображения, необходимое для правильного опознания, колебалось от 9 до 26. Соответственно и полученные кривые *D* были индивидуальны для каждого испытуемого. В силу этого мы будем интерпретировать полученные закономерности на примере отдельных испытуемых, а доказывать выделенные закономерности на основе анализа результатов по всем испытуемым 1-й группы. *Протокол испытуемого Н. Г.*

1-е предъявление: «Воспринимается как движущийся живой объект. Остальное нечетко». 2-е предъявление: «Зигзагообразный рисунок. Изображение похоже на змею». 3-е предъявление: «Змея объемная, очень противная».

5-е предъявление: «Похоже на змею. Видела голову и изгибы тела. Нижняя часть напоминает хвост».

7-е предъявление: «Змея, немного уплощенная, узорная. Стойка на хвосте». 12-е предъявление: «Что это может быть, кроме змеи? Похоже на змею, на голове видны глаза».

14-е предъявление: «Видела змею, но голова почему-то тупая, хвост змеиный». 16-е предъявление: «Весь рисунок похож на змею, но голова не змеиная». 18-е предъявление: «То же самое. Голова очень тупая, не похожа на змеиную, это смущает меня».

20-е предъявление: «Это ремень». *Протокол испытуемого А. В.*

1-е предъявление: «Змея, причудливо сплетена, видел голову». 3-е предъявление: «Змея, около хвоста узоры на теле». 5-е предъявление: «Змея, на голове видны глаза». 8-е предъявление: «Что-то странная змея — голова угловатая». 9-е предъявление: «На теле потускнели узоры, голова осталась такой же». 12-е предъявление: «Голова плоская, на ней отверстия, по все же это змея». 13-е предъявление: «Что-то похожее на хлыст, в верхней части видны дыры».

15-е предъявление: «По-моему, это ремень с пряжкой, для брюк». 16-е предъявление: «Это ремень, все детали соответствуют ремню».

Рассмотрим изменение оценок по СД при увеличении времени экспозиции и соотнесем его с процессом изменения категоризации. При увеличении времени экспозиции первоначально гипотеза относительно содержания изображения не изменяется. Трансформации в основном подвергаются оценки по шкалам I типа, т. е. шкалам, оценивающим чувственно воспринимаемые свойства объекта. Из рис. 24 и 27 видно, что суммарное рассогласование оценок объекта, полученных в последующих срезах, и оценок при правильном опознании постоянно уменьшается. Так, последняя категоризация в ряду категоризации «змея» по оценкам шкал первого типа ближе к профилю, соответствующему правильному опознанию объекта как «ремня», чем к профилю, полученному при первом опознании объекта как «змеи» *(D* «змея» — «змея последняя» > *D* «змея последняя» — «ремень»). То есть, хотя испытуемый продолжает неправильно категоризовывать объект как целое, набор сознательно выделяемых признаков более соответствует правильному опознанию, чем набору перцептивных признаков неадекватной категории. Для проверки этого предположения для всех испытуемых 1-й группы, по критерию Стьюдента, было проведено попарное сравнение:

- оценок (по шкалам I типа) среза, соответствующего первому опознанию объекта как змеи;
- оценок среза, соответствующего последнему опознанию объекта как змеи, — с оценками среза, соответствующего правильному опознанию объекта как ремня.

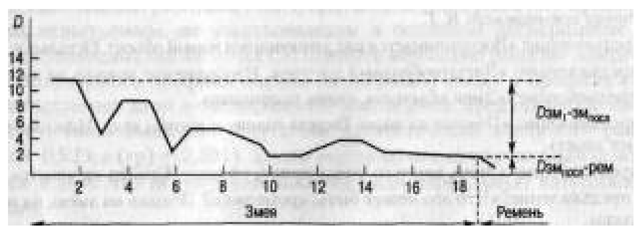

Рис. 24. График изменения величины D для шкал I типа (перцептивных). Исп. Н. Г.

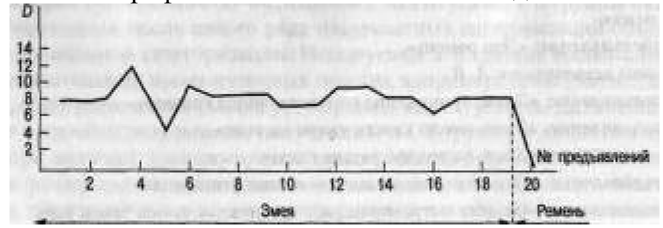

Рис. 25. График изменения величины D для шкал II типа. Исп. Н. Г.

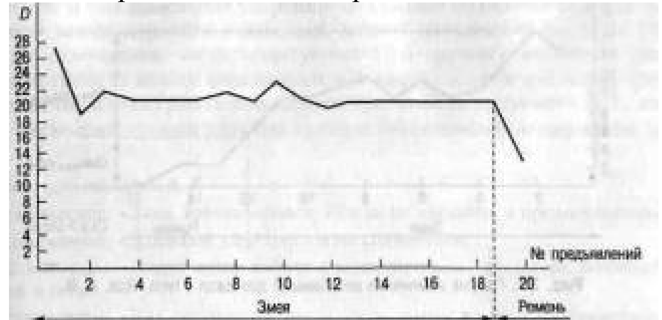

Рис. 26. График изменения суммарных оценок по шкалам III типа. Исп. Н. Г.

Для первой пары срезов было получено статистически значимое различие *(p* = 0,05; *t* = 2,375; *t* (гр) = 2,262). Для второй пары различие было статистически незначимо *(p* = 0,05; ^ = 0,81; t (гр) = 2,262). На основании этого можно сделать заключение о том, что процесс переозначивания целостного образа, вследствие появления установочного эффекта от первоначального неправильного означения, может отставать от процесса адекватного осознания и категоризации перцептивных признаков, т. е. коррекция в опознании образов может происходить на более низком уровне восприятия — осознания элементов образа, в то время как образ как целое соотнесен с неадекватной категорией.

С целью показать психологическую реальность применявшегося критерия величины рассогласования *D* была проведена процедура, обратная оценке объекта по методике СД. Новым испытуемым, т. е. испытуемым, не участвовавшим в эксперименте, предъявлялся ряд оценочных профилей по шкалам СД первого типа, полученных в эксперименте и соответствующих предъявлениям, в которых последний раз объект был категоризован как «змея». Испытуемых просили ответить, соответствует данный профиль категории «змея» или же категории «ремень». Последний профиль оценок испытуемого А. Б. в ряду категоризации «змея» 90% испытуемых отнесли к категории «ремень». Для испытуемого Н. Г. — соответственно 80% и т. п. Таким образом, результаты «обратного» эксперимента подтверждают ранее выдвинутое предположение.

Рассмотрим динамику оценок по шкалам СД II типа (рис. 25, 28). Хотя время экспозиции постоянно увеличивалось, оценки по шкалам II типа до момента изменения опознания малоизменчивы (на графике это выглядит как «плато» в изменении величины *D).* Оценки по этим шкалам определяются категоризацией объекта как целого, и прагматическое значение объекта остается неизменным — объект по-прежнему «живой», «опасный», «коварный», «активный», т. е. категория оставалась полновесной. При новой категоризации происходило резкое изменение «прагматических» оценок и новые качества приписывались объекту в соответствии с его означением и осознанием.

О шкалах III типа (рис. 26, 29) можно сказать, что действительно эти шкалы отражают субъективную уверенность истытуемого в правильности опознания. Так,

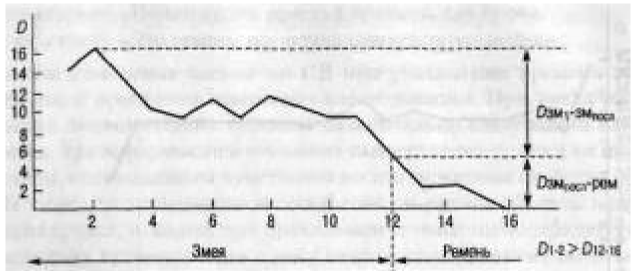

Рис. 27. График изменения величины *D* для шкал I типа. Исп. А. В.

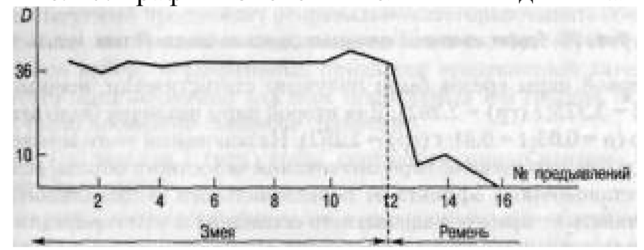

Рис. 28. График изменения величины D для шкал II типа. Исп. А. В.

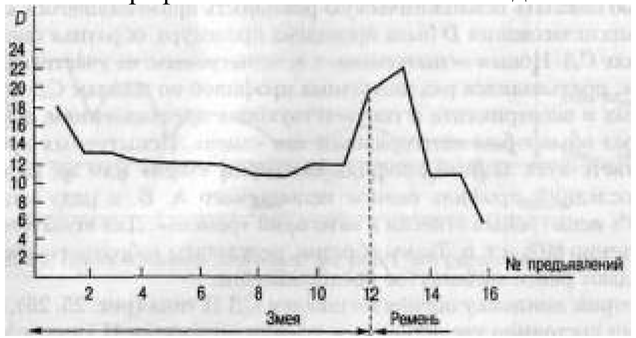

Рис. 29. График изменения суммарных оценок по шкалам III типа. Исп. А. В.

корреляция этих шкал с прямой шкалой-вопросом «уверен — не уверен в правильности опознания» была достаточно высокой: действительное — мнимое *г* = 0,81; естественное — противоестественное *г* = 0,85; реальное — фантастическое *г* = 0,82; точное — неопределенное *г* = 0,83; обычное — необычное *г* = 0,82.

Относительно связи шкал III типа с динамикой переозначивания с уверенностью можно сказать лишь то, что в конце эксперимента при правильном опознании испытуемый уверен в правильности опознания гораздо больше, чем в начале

эксперимента, и что изменение уверенности связано со сменой гипотез. Однако более тонкие закономерности с помощью данной методики выявить не удалось.

Как уже отмечалось, часть испытуемых (2-й группы) выдвигала ряд промежуточных гипотез между первоначальной «змея» и окончательной «ремень». Ниже в качестве иллюстрации приводится протокол испытуемого В. Г., который высказал несколько промежуточных гипотез относительно содержания изображения.

Протокол испытуемого В. Г.

1-е предъявление: «Змея, извивающаяся. Голова не овальная, а продолговатая».

2-е предъявление: «Длинный удав греется па солнышке».

3-е предъявление: «Видел кусок кабеля с металлическим штекером. Ближний конец включен в сеть».

4-е предъявление: «Вид скрученной кинопленки, видны кадры с изображением».

5-е предъявление: «Канал в степи, пересохший. В устье квадратная яма».

6-е предъявление: «Чертеж или топографическая проекция. В то же время это схема движения, вверху конечный пункт движения».

7-е предъявление: «Кожаный ремень с металлической пряжкой».

Было бы заманчиво показать, что при наличии промежуточных гипотез величина по шкалам I типа стабильно уменьшается, свидетельствуя тем самым о том, что в сознательном выделении перцептивных признаков испытуемый приближается к правильному опознанию и сам этот процесс носит транзитивный характер, т. е. каждая последовательная смена гипотез есть шаг к адекватной категоризации. Однако, как видно на рис. 30, вектор изменения рассогласования

дважды по мере увеличения времени экспозиции менял свое направление, т. е. налицо были возвраты на пути к правильному опознанию. Более того, в ряде индивидуальных графиков *D* для шкал I типа у испытуемых 2-й группы (испытуемых с наличием промежуточных гипотез) наблюдалась большая хаотичность в изменении Сине всегда прослеживалась тенденция приближения оценок перцептивных признаков к оценкам, характерным для правильного опознания. Можно предположить, что частая смена гипотез вызывала неуверенность испытуемого (или в силу неуверенности происходила частая смена гипотез), и это в свою очередь провоцировало

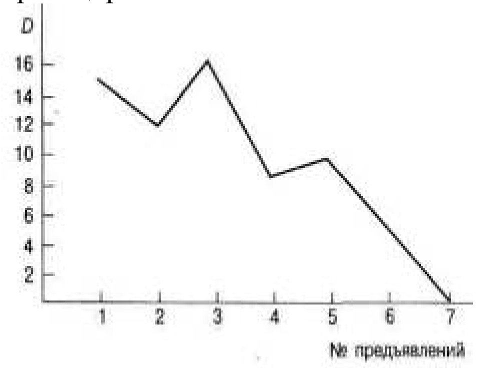

Рис. 30. График изменения величины D для шкал I типа (перцептивных)

испытуемого использовать вербальную стратегию при шкалировании, т. е. стратегию описания своего знания значения, содержания категории, с которой был соотнесен предъявляемый материал, а не перцептивные признаки собственно изображения. Однако данные замечания представляют собой не более чем предположение, и исследование динамики переозначивания при наличии промежуточных категоризации требует проведения самостоятельного эксперимента.

Полученные результаты проведенного эксперимента показывают, что процесс переозначивания целостного образа может отставать от процесса адекватного осознания его признаков, т. е. коррекция в опознании образа может происходить на более низком уровне восприятия — на уровне осознания элементов, в то же время образ как целое соотнесен с неадекватным значением. Иными словами, образуются своеобразные «ножницы» между тем, как субъект категоризует целостный образ, и тем, как он осознает элементы образа. Существование элемента «ножниц» между категоризацией и осознанием элементов чувственной ткани опровергает возможный упрек методике СД в том, что она оценивает непосредственно категорию, а не сам перцептивный материал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Влияние эмоций на процессы категоризации

6.1. Влияние аффекта на семантическую организацию значений

Исследование взаимосвязи когнитивной и аффективной сфер является ключевой проблемой как для понимания познавательных процессов, так и для изучения динамики развития личности. На важность изучения этой проблемы указывал Л. С. Выготский: «Первый вопрос, который возникает, когда мы говорим об отношении мышления и речи к остальным сторонам знания, это вопрос о связи между интеллектом и агентом» (1934. С. 14). Обращая внимание на то, что «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в данной идее», Л. С. Выготский указывает на существование «динамической смысловой системы, представляющей собой единство аффективных и интеллектуальных процессов» (1934. С. 14).

Эту же точку зрения поддерживает С. Л. Рубинштейн: «Психические процессы, взятые в их конкретной целостности, — это процессы не только познавательные, но и «аффективные», эмоционально-волевые. Они выражают не только знание о явлениях, но и отношение к ним; в них отражаются не только сами явления, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности. Подлинной конкретной «единицей» психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом». Это образование «...всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и аффективного... из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего» (1946. С. 264).

Более частным аспектом этой проблемы является исследование влияния аффективной окраски на

организацию и структурализацию значений в индивидуальном сознании или, переходя на язык модельных представлений, — влияние аффективной окраски на структуру семантического поля (пространства) значений.

О роли аффективной окраски в структурализации поля значений известно относительно мало. Ряд лингвистов отмечают в своих наблюдениях, что высокоэмоциональные или личностно значимые понятия имеют тенденцию порождать целые кусты синонимичных слоев, отличающихся смысловыми нюансами. Особенно это проявляется в разговорной речи, сленге (сравним: девушка, девка, герла, чувиха, кадр, баба, барышня и т. д.). В работе Пайвио (Paivio, Yuill, Madigan, 1968)

было показано, что более аффективные слова имеют и большую ассоциативную силу. Эмоции (эти своеобразные «мутации», по выражению П. В. Симонова) увеличивают вариативность значений. Размывание же смыслового содержания понятия требует, очевидно, и большего числа поверхностных форм (лексем) для обозначения вновь появившихся смысловых нюансов.

Открытие этого феномена — влияния аффективной окраски слов на процессы ассоциирования — приобретает особый вес, если вспомнить, что рядом психолингвистов (Брудный, 1971; Леонтьев А. А., 1971; Пиаже, Инельдер, 1963) под психологической структурой значения понимается его ассоциативная структура. Значения существуют только в системе отношений и раскрываются через эту систему. Поэтому изменение под влиянием аффективной окраски характера ассоциативных связей перестраивает и весь тезаурус (структуру) индивидуального сознания.

В работе А. Н. Леонтьева «Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов» (1928) исследовалось влияние аффективной окраски на характер протекания потока свободных ассоциаций. Эксперимент был построен по типу юнговско-го цепного ассоциативного эксперимента и включал регистрацию времени латентного периода дачи ассоциаций на каждое последующее слово. Эксперимент показал, что когда ассоциативный поток испытуемого попадает в область, чем-то для испытуемого аффективно окрашенную, то наблюдается феномен, названный А. Н. Леонтьевым «реакцией аффективной персеверации». Суть его в том, что процесс ассоциирования по цепному принципу прерывается, и испытуемый начинает давать ассоциации вокруг этого аффективно окрашенного содержания. Огрубляя, можно интерпретировать это как переход от цепного ассоциирования к ассоциациям на ключевой раздражитель. Ассоциации как бы циркулируют по кругу, и испытуемый может «выбраться» из данной семантической области, только дав большой латентный период времени ассоциативной реакции и порождая в качестве ассоциации слово, семантически совершенно не связанное с предыдущими, т. е. фактически прервав ход ассоциаций и начав его сначала с произвольного слова. Результаты этого эксперимента позволяют предположить, что наличие аффективной окраски искажает обычные ассоциативные связи, замыкая их вокруг аффективной области.

В нашей работе ставилась задача исследования влияния аффективной окраски значения слов на их семантическую организацию и описания этого феномена изменения структуры индивидуального сознания на языке модельного представления. Таким модельным представлением в нашем исследовании выступали субъективные семантические пространства.

Экспериментальная часть {проведена совместно с В. В. Кучеренко).

Целью данной экспериментальной работы является попытка выявить влияние эмоций, аффективной окраски на структуру семантического поля, анализ конно-тативных аспектов значения. Основная часть экспериментального исследования состоит из двух экспериментальных серий, проведенных по методике классификации Дж. Миллера (Miller, 1971). В первой (контрольной) серии исследовался характер классификации предъявленного лексического материала (группы существительных), а во второй («аффектированной») серии, проведенной по аналогичной процедуре, два слова из первоначального набора менялись на два других, семантически близких, но отличающихся достаточно выраженной негативной эмоциональной окраской. Результаты классификации обеих экспериментальных

серий подвергались процедуре кластерного и факторного анализа. Предполагалось, что сопоставительный анализ кластерных и факторных структур, выделенных по результатам контрольной и «аффектированной» серий, позволит выявить влияние аффективной окраски на процессы категоризации и структурирования лексического материала.

Материал. В качестве экспериментального материала использовались 50 существительных, отобранных таким образом, что они представляли собой 10 семантических групп, каждая из которых представлена 5 существительными, относящимися к какому-то одному семантическому

полю, одной категории (например, средства транспорта, виды профессий и т. д.).

Экспериментальный лексический набор

I. 1. Шкаф
2. Сундук
3. Чемодан
4. Погреб 5а. Ящик 56. Гроб
II. 6. Любовь
7. Страх
8. Равнодушие
9. Тоска
10. Нирвана
III. 11. Машина
12. Носилки
13. Самолет
14. Дилижанс
15. Парусник
IV. 16. Поэт
17. Врач
18. Прокурор
19. Офицер
20. Психолог
V. 21. Больница
22. Милиция
23. Суд
24. Институт
25. Школа
VI. 26. Манекен
27. Скелет
28. Чучело
29. Туша 30а. Тело 306. Труп
VII. 31. Лес
32. Озеро
33. Поле
34. Дорога
35. Парк
VIII. 36. Вечность
37. Жизнь
38. Судьба
39. Рок
40. Бытие
IX. 41. Гуманизм
42. Религия
43. Мораль
44. Этика
45. Эстетика
X. 46. Движение
47. Покой
48. Динамизм
49. Метаболизм
50. Равновесие

Отличие экспериментального материала первой и второй серий состояло в том, что в предъявляемом для классификации лексическом наборе заменялись два слова. Слово «тело» менялось на слово «труп», а слово «ящик» на слово «гроб». Предполагалось, что каждая из этих пар слов семантически близка, что находит свое подтверждение в таких выражениях, как «тело убитого», «вынос тела» (труп) или «сыграть в ящик» (гроб). Поскольку замена производилась словами из тех же семантических полей, представителями которых являются заменяемые слова, предполагалось, что денотативные различия слов не окажут принципиального влияния на

результаты классификации.

Испытуемыми были 50 человек в возрасте от 20 до 30 лет, студенты и аспиранты различных факультетов МГУ. В каждой экспериментальной серии, таким образом, участвовали 25 человек.

Экспериментальная процедура. Испытуемому предлагали в течение некоторого времени осматривать разложенные перед ним в случайном порядке карточки, чтобы ознакомиться с лексическим материалом, предлагаемым для классификации. Затем зачитывалась инструкция: «Перед Вами 50 карточек, на каждой из которых напечатано какое-либо слово. Ваша задача — разложить карточки на сколько угодно групп, включающих произвольное количество карточек. Раскладывайте карточки так, как считаете нужным, как Вам нравится». Основания классификации, таким образом, были произвольные. После окончания классификации испытуемого просили дать название каждой выделенной им группе и объяснить, на каком основании объединялись слова.

Обработка данных. По результатам классификации (сортировки), проведенной испытуемыми, строилась матрица сходства используемых в эксперименте слов, где мерой сходства пары слов выступало количество отнесений этих слов испытуемыми в один класс. Далее полученная матрица сходства подвергалась процедуре кластерного анализа (Johnson, 1967; Miller, 1971). Суть ее в следующем. Как уже отмечалось, мерой близости пары слов является количество отнесений их в один класс (коэффициенты сопряженности). Легко понять, что при количестве испытуемых в *n* человек эта величина может изменяться от 0 до и (или от 0 до 1, если проведено нормирование). Соответственно строится и-балль-ная градуальная шкала, на которой отмечается уровень вхождения (т. е. мера близости) объектов в одну группу (класс). Объединение групп в более крупный класс может осуществляться по нескольким критериям:

- группы объединяются в один класс на /С-уровне, когда один элемент одной группы связан на iC-уровне с одним из элементов другой группы (метод «ближнего соседа»);
- группы объединяются в один класс на L-уровне, когда все элементы одной группы связаны с элементами другой группы не ниже, чем на 1-уровне сходства (метод «дальнего соседа»);
- группы *i* и *j* объединяются в один класс на уровне сходства *Rij* по формуле

$$Rij = \frac{q}{p+q} Ri + \frac{p}{p+q} Rj,$$

где *q* — число классов в кластере *i; p* — число классов в кластере j'; *Ri* — уровень сходства класса i; *Rj* — уровень сходства класса j' (метод средневзвешенного группового сходства).

Нами применялся алгоритм, использующий средневзвешенные групповые оценки сходства, так как этот алгоритм наиболее устойчив на матрицах больших размерностей к элементам нетранзитивности (шумам), содержащимся в матрице сходства.

Результаты обработки данных с помощью кластерного анализа представлены в виде 2 структур (деревьев) классификации, соответствующих контрольной (рис. 31) и экспериментальной «аффектированной» (рис. 32) сериям. Попытаемся дать содержательную интерпретацию полученных кластеров.

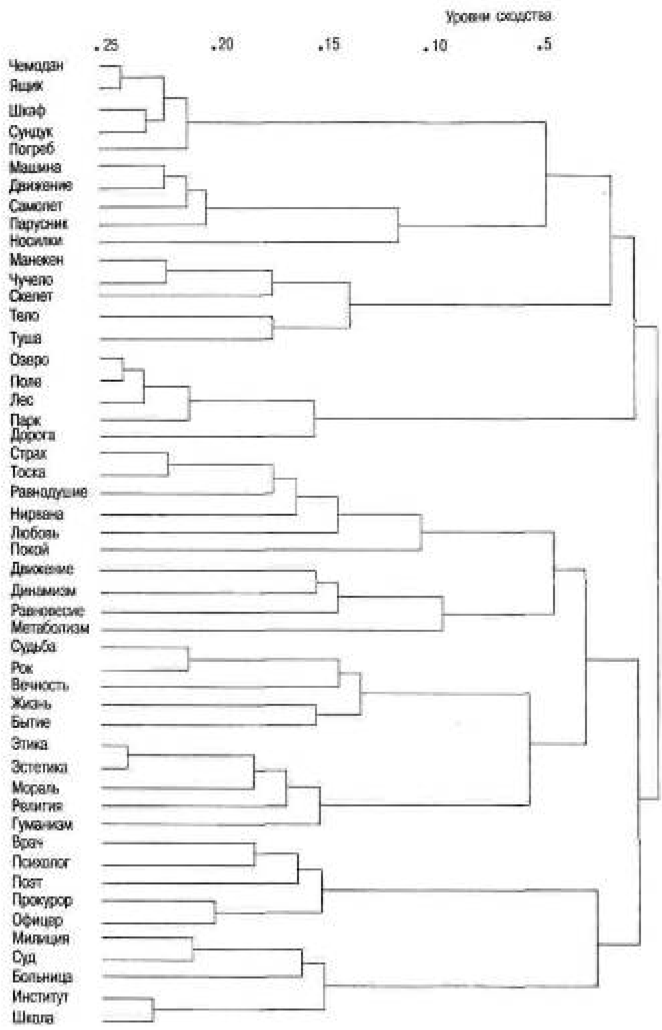

Рис. 31. Дерево классификации, построенное по результатам 1-й (контрольной) серии

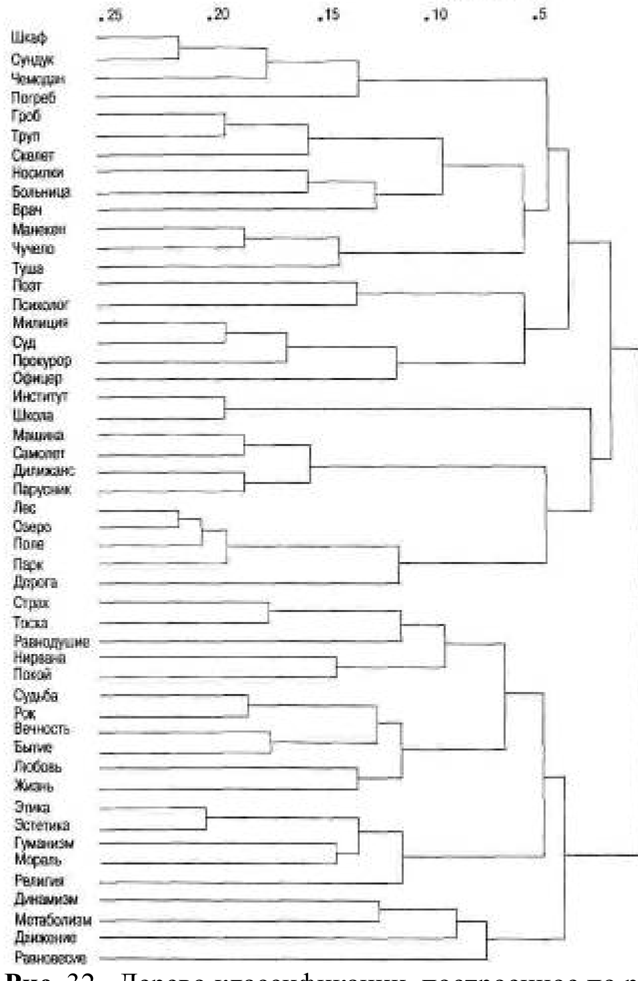

Рис. 32. Дерево классификации, построенное по результатам 2-й («аффектированной») серии

Результаты эксперимента 1-й серии. В результате кластеризации данных классификации первого («неаффектированного») варианта экспериментального лексического набора выделено десять кластеров, включающих в основном по 5 элементов, объединяемых на довольно высоких уровнях сходства. Выделенные кластеры соответствуют априорно взятой классификации экспериментатора, разбивке материала по семантическим полям, поэтому, не останавливаясь на детальном разборе полученных кластеров, перечислим выделенные группы, применяя для этого условные (взятые из протоколов) названия.

1. «Средства для хранения вещей» («Хранилища»).
2. «Средства транспортировки».
3. «Тело и его модели: (варианты "тела")».
4. «Природа» — «Элементы ландшафта».
5. «Психические состояния».
6. «Физические процессы».
7. «Жизнь. Категории бытия».
8. «Категории общественного сознания».
9. «Профессии». 10. «Учреждения».

Надо заметить, что группа «Процессы» состоит из четырех элементов. Слово «покой» включено в группу «Психические состояния», что говорит о том, что испытуемые рассматривают это слово как характеристику психического состояния человека.

Соответствие выделенных кластеров и априорно заданных экспериментатором группировок слов по денотативным признакам свидетельствует о том, что классификация экспериментального материала испытуемыми проходила по категориальным признакам с опорой на денотативные характеристики значений. Вершина дерева классификации, отражающая семантическую близость элементов на высоких уровнях сходства, позволяет получить представление о структурных связях внутри семантических полей.

Результаты эксперимента 2-й {«аффектированной») серии. Дерево классификации (2), отображающее результаты обработки данных второй серии эксперимента, заметно отличается от того, которое рассмотрено выше.

По сравнению с предыдущим вариантом классификации изменилось количество выделяемых семантических кластеров, произошло понижение уровней сходства, на которых происходит объединение лексических элементов. В одном из предыдущих экспериментов с использованием кластер-анализа (глава пятая) было показано, что объединение на высоких уровнях сходства задается в основном предметными (денотативными) характеристиками, а основаниями объединения в большие классы на низких уровнях сходства являются эмоционально-оценочные, коннотативные признаки. Исходя из этого, можно предположить, что общее понижение уровня сходства, при котором происходит объединение лексического материала во 2-й серии (при одном уровне компетенции испытуемых 1-й и 2-й серий), связано с некоторым переходом в классификации от опоры на предметные характеристики значений к коннотативным и функционально-ситуативным признакам.

Только три кластера совершенно не изменились по составу элементов. Это группы «Природа», «Физические процессы», «Формы общественного сознания». Слово «любовь» перешло из группы «Психические состояния» в группу «Категории бытия». Группа «Средства транспортировки» потеряла один элемент — «носилки», группа «Хранилища» также представлена только четырьмя элементами. Слова «институт» и «школа» образовали самостоятельную группу — «Учебные заведения».

Отщепленные от различных денотативных группировок, слова образовали два самостоятельных кластера. Это группировка: гроб, труп, скелет, носилки, больница, врач; и группировка: милиция, суд, прокурор, офицер. Обратим внимание на общий эмоциональный тон первой и второй группировок. По методике семантического дифференциала они дают близкие коннотативные значения. Можно предположить, что введение слов, имеющих явно выраженную аффективную окраску, увеличивает вес (значимость) соответствующих аффективных компонентов других слов. Происходит как бы генерализация соответствующей смысловой установки, которая в сочетании с рядом новых (по сравнению с 1-й группировкой) денотативных признаков и дает суммарное основание классификации, по которому объединены слова 2-й группы.

Сопоставление результатов двух серий эксперимента показывает, что произошла своеобразная «перетасовка» элементов семантических групп, изменение семантических связей между элементами, изменение количества кластеров и связей между ними. Изменение структуры семантической организации, состоящее в переходе от классификации по предметным (денотативным) признакам, обеспечивающим группировки по родовидовым отношениям, к классификации с использованием аффективных и функционально-ситуационных признаков, позволяет предположить образование «аффективного комплекса» элементов, объединенных на основе сходства коннотативных компонентов их значений.

Таким образом, сравнение деревьев классификации показывает, что произошло:

- понижение уровней сходства, на которых объединяются элементы;
- изменение количества выделяемых кластеров и изменение связей между ними;
- образование «аффектированного комплекса» понятий, объединяющего элементы из разных семантических групп;
- изменение состава и связей между элементами внутри некоторых кластеров.

Результаты эксперимента позволяют также предположить наличие феномена генерализации смысловой аффективной установки, состоящей в том, что аффективная окраска, выступая одним из оснований классификации в одной содержательной области, увеличивая значимость соответствующих ей по эмоциональному тону коннотативных компонентов значений другой содержательной области, распространяется в качестве основания классификации на эту содержательную область. Прибегая к метафорическому образу, можно представить себе следующую картину. Родовидовые связи значения действуют как центростремительные силы, удерживающие значения в категориальных структурах (кристаллизованных формах общественного сознания), а аффективная окраска действует как

центробежная сила, стремящаяся разорвать родовидовые связи и объединить значение по их аффективным (коннотативным) компонентам. Можно предположить, что большая аффективная сила (вызванная, например, провокацией актуального аффекта) введенных нами слов позволила

бы двум новым группам слиться в один класс.

Результаты обработки данных с помощью факторного анализа. В результате обработки исходных матриц сходства (1-й контрольной и 2-й экспериментальной, «аффектированной», серий) с помощью центроидного метода факторного анализа были выделены факторные структуры, найдены нагрузки по факторам для каждого слова из лексического набора.

По данным 1-й серии (контрольной) было выделено 12 факторов. Рассматривая группировки слов по факторам, мы обнаруживаем все те же 10 априорно заданных экспериментатором классов слов: «Средства для хранения вещей», «Средства транспортировки», «Тело и его модели», «Природа», «Психические состояния», «Физические процессы», «Жизнь. Категории бытия», «Категории общественного сознания», «Профессии», «Учреждения», объединенных по предметным (денотативным) признакам. Интересно отметить зарождение новых возможных группировок-объединений: слабых 11-го фактора (прокурор, милиция, суд) и 12-го фактора (носилки, врач, больница, тело).

Рассматривая содержание и интеркорреляции выделенных факторов, мы обнаруживаем некоторую тенденцию к взаимосвязи абстрактной лексики. Так, например, группировка слов «Жизнь. Категории бытия» (вечность, жизнь, судьба, бытие) коррелирует *(к* = 0,33) с группировкой слов «Формы общественного сознания» (гуманизм, религия, мораль, этика, эстетика), а группировка «Психические состояния» (любовь, страх, равнодушие, тоска) коррелирует *(к* = 0,23) с группировкой «Физические процессы» (движение, покой, динамизм, метаболизм, равновесие). Конкретная лексика в отличие от более абстрактной дает более замкнутые, не коррелирующие, не взаимосвязанные друг с другом группировки. По данным 2-й экспериментальной («аффектированной») серии, по результатам факторного анализа выделяются следующие группировки лексики: Ф(— гуманизм, религия, мораль, этика, эстетика; $Ф_2$ — прокурор, милиция, суд; $Ф_3$ — лес, озеро, поле, дорога, парк; $Ф_4$ — машина, самолет, дилижанс, парусник; $Ф_5$ — манекен, чучело, туша, труп, носилки, скелет; $Ф_6$ — страх, равнодушие, тоска, нирвана, покой; $Ф_7$ — шкаф, сундук, чемодан; $Ф_8$ — институт, школа; $Ф_9$ — любовь, вечность, жизнь, судьба, рок, бытие; $Ф_{10}$ — движение, динамика, метаболизм, равновесие; $Ф_и$ — поэт, психолог; Ф,$_2$ — гроб, носилки, врач, больница, труп, прокурор.

Сопоставляя результаты двух серий, можно зафиксировать определенную «перетасовку» лексического материала. Некоторые слова оказались отвлеченными от своих предметных, категориальных группировок и влились в группировки, содержащие «активные слова» (т. е. Ф, и Ф^). Мощность (вклад в общую дисперсию) аффективных группировок возросла и соответственно уменьшилась мощность других группировок. Так, группировки Ф,, (поэт, психолог) и $Ф_8$ (институт, Школа) включают только по два слова. Таким образом, налицо тенденция к уменьшению размерности пространства (числа независимых факторов). Об этом говорят и показатели интеркорреляций факторов. Если для первой (контрольной)

серии средний показатель интеркорреляции *к* = 0,03, то для «аффектированной» серии он составляет 0,09, достигая 0,5 для корреляции групп $Ф_5$ и Ф,$_2$, содержащих «аффективные слова».

Общее обсуждение. Рассмотрим полученные результаты в более широком контексте психологических исследований. В ряде наших работ с помощью построения семантических пространств исследовались различные уровни семантической организации значений. Предполагалось, что наиболее простым (глубинным) является уровень, образованный небольшим числом коннотативных, т. е. эмоционально-образных оснований категоризации. Официально этому уровню соответствуют коннотативные семантические пространства Ч. Осгуда (Osgood, Susi, 1969), Бентлера и Лавойе (Bentler, La Voie, 1972), содержащие такие категории-факторы, как «Оценка», «Активность», «Сила», «Плотность», «Упорядоченность», «Реальность» и т. д. Основания категоризации этого уровня задаются в форме эмоционально насыщенной и не жестко структурированной образности, не несущей в себе завершенной предметности, и реализуются механизмами синестезии, являвшейся наиболее простой формой категоризации (Marks, 1975). Как было показано в предыдущем эксперименте (глава четвертая), семантическая организация этого уровня идентична как для образной, так и для вербальной семантики, т. е. существует единый глубинный код, являющийся универсальным для восприятия различной модальности. Наличие любого синестетического (конно-тативного) хода позволяет понять, почему одни и те же коннотативные значения могут реализоваться в графических, вербальных, музыкальных, пластических формах, объясняет кроссмодальные переходы. В работах Осгуда и его коллег (1962)

была показана универсальность категориальных процедур этого глубинного уровня для представителей разных языковых культур, разного уровня образования, нормы и патологии[1].
В отличие от этого глубинного уровня более развитые формы категоризации опосредованы системой перцептивных эталонов, символов, языковых значений и т. д., т. е. социально выработанных в данной культуре форм обобщения заданных как в вербальной, так и образной форме значений. Категоризация этих предметных уровней опосредована как обобщениями, принятыми в данной культуре, так и уровнем усвоения субъектом этих социальных эталонов (присвоения им значений), его когнитивным уровнем сложности в данной содержательной области или, другими словами, его «имплицитной теорией» данной содержательной области, отражающей его индивидуальную систему значений. Характер выделяемых категорий-факторов индивидуального сознания данного субъекта данной содержательной области несет дифференциально-психологические признаки.
Имеется терминологическая нечеткость в названии уровней более развитых форм категоризации. Используемый нами термин «предметно-категориальные уровни» не совсем адекватен, так как на уровне коннотативной организации также выделяются семантически расплывчатые категории-факторы («Оценка», «Сила», «Активность», «Упорядоченность», «Реальность» и т. д.). Термин «понятийные формы организации» связан только с наиболее развитыми вербальными формами обобщения. Например, визуальный символ также имеет сложную семантическую организацию. В американской литературе принята оппозиция «аффективные-денотативные» семантические пространства. Понятию «денотативной организации» наиболее близок (в отечественной психологии) термин «предметные характеристики».

Предполагается генетическая взаимосвязь глубинных коннотативных форм категоризации и предметных (в том числе понятийных), опосредованных значениями форм категоризации и соответственно — в терминах модельного представления — взаимосвязь между коннотативными и предметно-категориальными (денотативными) семантическими пространствами. Операционально этому переходу соответствует расчленение коннотативных факторов в пучки более семантически очерченных (узких) факторов, отражающих предметные (денотативные) признаки. Актуальное порождение значения можно представить как последовательный переход от коннотативной нерасчлененности к предметно-категориальной организации, включающий обогащение содержанием на каждом уровне порождения. Основанием для выдвижения такого рода модели в нашем исследовании выступал факт корреляции факторов более простых и более сложных семантических структур (пространств) и их содержательная взаимосвязь. Семантические уровни при этом понимаются как функциональные, а не морфологические образования, определяемые характером признаков (коннотативных, предметно-функциональных), на основе которых происходит обобщение.
В рамках такого понимания тенденцию к уменьшению размерности семантического пространства и переходу к более емким «аффективным обобщениям» (выделенную в настоящей работе) можно рассматривать как своеобразный переход в семантической организации лексики к более глубинным коннотативным уровням организации. Аффект, таким образом, выступает как фактор, изменяющий характер категоризации. Аффект является своеобразным оператором перехода от более расчлененных (предметно-категориальных) форм категоризации к аффективно-ситуативным (коннотативным) формам категоризации. При этом, очевидно, аффект не следует рассматривать как простой «переключатель» категоризации. Он непосредственно вплетен в процесс категоризации и вызванное им увеличение веса аффективных компонентов значения приводит к образованию новых семантических структур. В калейдоскопе возможных семантических связей, на фоне измененного сознания образуются новые, более простые и емкие фигуры сознания. Аффект выступает оператором перехода от предметно-денотативных к аффективно-коннотативным формам отражения. Подчеркнем, что речь идет об аффекте в его узком понимании, как одной из простейших форм эмоционального проявления (Леонтьев А. Н., 1971). Эмоции же как таковые, актуально перестраивая семантическую организацию индивидуального сознания, могут и не приводить к уплощению его когнитивной сложности (размерности). Но это предмет будущих исследований.
В последующих экспериментах, проводимых совместно с В. В. Кучеренко, исследовалось влияние эмоций на структуру семантических связей, структуру семантического пространства. С помощью разработанной нами суггестивной техники, близкой к гипнозу, — метода «психосинтеза» — у

испытуемых вызывали те или иные эмоциональные состояния типа «радостное эйфорическое состояние», «обостренное чувство вины», «состояние страха» и т. д. Испытуемые, находясь в постгипнотическом заданном эмоциональном состоянии, оценивают методом субъективного шкалирования семантические связи ряда понятий. В эксперименте строилась матрица сходства понятий (50 x 50), однако в качестве иллюстрации

ниже приводится фрагмент матрицы сходства понятий (5 x 5) одного из испытуемых, находившегося в различных эмоциональных состояниях (рис. 33).

	Я	Счастье	Музыка	Опасность	Друзья
Я		0	0	4	0
Счастье	0		1	0	3
Музыка	2	4		0	2
Опасность	1	0	0		0
Друзья	2	2	2	0	

1 2

	Я	Счастье	Музыка	Опасность	Друзья
Я		0	0	0	0
Счастье	3		0	0	1
Музыка	4	3		0	0
Опасность	1	0	0		0
Друзья	3	4	4	0	

3

Рис. 33. Фрагменты протоколов исследования влияния эмоций на структуру семантических связей

Полуматрица 1 - нейтральное состояние сознания - контрольная серия (без внушения эмоциональных состояний); полуматрица 2 - чувство страха; полуматрица 3 - состояние эйфории; полуматрица 4 - состояние вины

Протокол наглядно демонстрирует, как изменение эмоционального состояния испытуемого перестраивает структуру семантических связей понятий, образуя калейдоскоп семантических фигур индивидуального сознания.

При математической обработке данных, полученных в эксперименте по исследованию эмоций и аффектов, исследователь сталкивается с необходимостью использовать неевклидовы метрики для построения матрицы семантических связей (расстояний) анализируемых объектов (понятий). Дело в том, что еще в 1928 г. А. Н. Леонтьевым было обнаружено, что наличие аффективной окраски искажает обычные ассоциативные связи некоей содержательной области, замыкая их вокруг аффективной области (1928). Прибегая к метафорической аналогии, аффективную область можно сравнить с мощной гравитационной массой, трансформирующей пространство вокруг себя и изменяющей кривизну этого пространства. Возникают сложные топологические проблемы описания разрывов семантических областей, инкапсуляции некоторого содержания. Для построения семантических пространств необходимо использование неевклидовых метрик, позволяющих отразить неоднородный, негомогенный характер таких пространств. Работы в этом плане только разворачиваются.

Демонстрация влияния эмоциональных состояний субъекта на процессы категоризации подтверждает «понимание значения как процесса» (Леонтьев А. А., 1971), как «пути мысли к слову» (Выготский, 1968). Функция эмоций в регуляции познавательной деятельности состоит, в частности, и в изменении форм категоризации. При таком понимании индивидуальное сознание, индивидуальная система значений не есть единичная неизменная самотождественная сущность, а представляют собой подвижную, пластичную функциональную систему, включающую вербальные и образные компоненты, воспроизводимую «заново» в зависимости от задачи, стоящей перед субъектом, от его цели, требующей той или иной глубины проникновения в содержание и осознания, от его эмоциональных

состояний, влияющих на характер категоризации, от материала, в котором реализуется речемыслительная деятельность, и т. д.

Приведенные рассуждения позволяют представить образ семантического пространства как «дышащего», «пульсирующего», размерность которого зависит от реализации задачи, стоящей перед субъектом и требующей различной глубины проникновения в объект и соответственно актуализации значений того или иного уровня категоризации.

6.2. Взаимосвязь осознания объекта и отношения к нему (на примере киновосприятия)

В предыдущей главе было показано, как влияние аффективной окраски слова способно перестраивать содержательные (семантические) связи значений, трансформировать семантическое

пространство. Аффективные процессы влияют на когнитивные, в частности на процессы классификации, составляющие основу категоризации. Очевидно, чем более эмоциональной, личностно значимой является область, подвергающаяся категоризации, осознанию, тем более категориальные структуры индивидуального сознания оказываются подверженными влиянию личностных смыслов, несущих в себе пристрастность субъекта. Такой субъективно значимой областью человеческой деятельности является, в частности, искусство. «Искусство как решение задачи на личностный смысл» (А. Н. Леонтьев) является сферой, позволяющей анализировать взаимосвязь отражения (системы значений, категориальные структуры) и отношения (личностные смыслы) в их единстве.

Восприятие произведения искусства является активным творческим процессом воссоздания зрителем идей, образов, видения мира и отношения к нему художника. Как процесс творческого воспроизведения, он опосредован личностью зрителя, его имплицитной теорией мира, себя и других и, следовательно, несет в себе дифференциально-психологические аспекты. Проективен не только творец, но и зритель. Но если видение мира художником уже отражено в самом произведении, то понимание и отношение к произведению зрителя можно эксплицировать, например, в форме анализа им произведения, оценок и суждений по поводу произведения и т. д.

Одной из наиболее массовых форм искусства, направленных на анализ и осмысление человеческих отношений в их динамике и становлении, является искусство кино. Режиссером, актерами, всеми создателями произведения игрового кино решается задача: передать аудитории свое отношение к жизни, общечеловеческим проблемам с помощью широкого диапазона вербальных и невербальных выразительных средств современного кинематографа. Универсальность языка кино, многоплановость его воздействия открывают широкие возможности художественного отображения проблем реальной жизни, требующих от зрителя их осмысления — «решения задачи на смысл» — не только в момент непосредственной встречи с кинопроизведением, но и после его просмотра.

Экспериментальной задачей данного исследования является попытка использования методики семантического дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, Susi, Tan-

nenbaum, 1957) и методики «личностных конструктов» Дж. Келли (Kelly, 1963) применительно к восприятию художественных фильмов. Предполагалось, что методика Келли затрагивает в большей степени когнитивные аспекты восприятия, характеризует степень когнитивной расчлененности восприятия фильма, дифференциации его героев, в то время как методика Осгуда отражает скорее отношение зрителя к фильму, раскрывает общую коннотацию художественного произведения. Восприятие фильма, таким образом, исследовалось в единстве когнитивных и аффективных аспектов, а конвергенция двух методик являлась самостоятельной операциональной задачей. В практическую задачу исследования входило построение экономичных «полевых методик», позволяющих исследовать восприятие зрителем художественного кинофильма. Эксперимент проводила под нашим руководством Л. А. Алиева.

В качестве объекта эстетической оценки был выбран художественный фильм «Сталкер» режиссера А. Тарковского (Мосфильм, 1980). Этот фильм — яркий представитель категории «сложных, многоплановых фильмов», в которых не совпадают сюжетные и смысловые слои.

Эксперимент 1. Построение семантического дифференциала на базе оценок художественного фильма «Сталкер».

Испытуемые: пятнадцать студентов московских вузов в возрасте от 21 до 23 лет, случайно отобранных, обоего пола, самостоятельно посмотревших фильм.

Экспериментальный материал. Измерялось отношение к фильму «Сталкер» по 32 шкалам семантического дифференциала (СД), отобранным применительно к восприятию кино.

Процедура эксперимента. Испытуемые шкалировали фильм по семизначным шкалам СД. После заполнения шкал испытуемые должны были дать самоотчет. Время от просмотра фильма до проведения эксперимента составляло в среднем 23 дня.

Инструкция испытуемому: «Ваша задача оценить фильм "Сталкер" по предложенным семибалльным шкалам, образованным парой антонимичных терминов».

Процедура обработки. На основании матрицы данных 32 x 15 была построена матрица сходства шкал, где мерой сходства шкал являлось сходство оценок фильма, данных по этим шкалам испытуемыми. Полученная матрица 32 x 32 сходства шкал подвергалась процедуре факторного анализа; факторный анализ проводился по программе центроидного метода и включал подпрограмму поворота факторных структур по принципу *varimax.*

Результаты и обсуждение. В результате обработки данных было выделено 8 факторов и найдены нагрузки шкал по каждому выделенному фактору. Каждый фактор выступает одним из оснований суммарной эстетической оценки и группирует ряд шкал (имеющих доминирующую нагрузку по этому фактору) в категорию, характеризующую один из содержательных аспектов фильма. Интерпретация каждого фактора и соответственно приписывание ему названия осуществляются на основе смыслового инварианта, содержащегося в группе объединяемых им шкал. Название, как правило, дается по названию одного из полюсов шкалы, имеющей максимальную нагрузку по этому фактору. Знак факторной нагрузки указывает на принадлежность данной шкалы к отрицательному или положительному полюсу качества (фактора).

Первый фактор, интерпретированный нами как фактор «Оценка», включал следующие шкалы:
сильный — слабый захватывающий — неинтересный важный — неважный поэтический — прозаический светлый — темный неудачный — удачный плохой — хороший простая форма — сложная форма глупый — умный
0,89
0,78
0,81
0,76
0,56
-0,94
-0,9
-0,79
-0,64
Второй фактор, названный «Сила», или «Напряженность», включал шкалы:
тяжелый — легкий напряженный — легкий грустный — веселый будничный — исключительный
0,85
0,78
0,75
-0,63
Третий фактор — «Реальность», или «Жизненность» — представлен шкалами:
злободневный — незлободневный четкий — неопределенный близкий — далекий естественный — надуманный приключенческий — неприключенческий
0,59 0,50 0,48 0,45 -0,49
Четвертый фактор — «Эмоциональный тон» — имеет значимые нагрузки для шкал:
пессимистичный — оптимистичный грустный — веселый
0,84 0,75
Пятый фактор — «Абстрактность» — представлен шкалами:
фантастический — реальный конкретный — абстрактный
0,88 -0,76
Шестой фактор — «Глубина», «Психологичность» — включает:
психологический — непсихологический серьезный — развлекательный фильм-действие — фильм-размышление глупый — умный
0,85
0,65
-0,80
-0,47
Седьмой фактор — «Многоплановость» — представлен шкалами:
многоплановый — одноплановый 0,56
простой — сложный -0,48

Наконец, восьмой фактор — «Эстетичность» — включает шкалы:
красивый — некрасивый 0,77
человечный — бесчеловечный 0,68
Выделенные факторы не являлись полностью ортогональными (независимыми), а давали следующую структуру интеркорреляции (табл. 6.1).
Таблица 6.1 Матрица интеркорреляции выделенных факторов

ф1	ф$_2$	Фз	Ф4	Ф$_5$	Ф$_6$	Ф$_7$	Ф$_8$

ф1	од	0,4	-0,4	-0,2	0,4	0,4	0,1
ф2		0	0	0	0	0	-0,1
Ф3			0	0	0,4	0,3	0
ф4				0,2	-0,2	0	0,2
ф5					-0,2	-0,1	-0,2
Ф6						0,2	0,1
ф7							0
ф8							

Как видно из таблицы, фактор Ф, — «Оценка» — имеет положительную корреляцию с фактором $Ф_3$ — «Реальность, жизненность», с фактором $Ф_6$ — «Глубина, психологичность» и фактором $Ф_7$ — «Многоплановость». Положительная корреляция между факторами Ф, и $Ф_3$ («Оценка» и «Реальность») означает, что оценка фильма как удачного, хорошего и прочее находится в прямой зависимости от степени его жизненности, близости испытуемому. Фильм «Сталкер» получил у многих испытуемых высокий индекс по фактору «Реальность». Очевидно, под реальностью, жизненностью понимается реальность психологических характеров героев фильма, реальность их переживаний. В пользу такой трактовки фактора $Ф_3$ («Реальность») говорит и его положительная корреляция (0,4) с фактором $Ф_6$ — «Глубина, психологичность». Интерес представляет взаимосвязь факторов Ф, («Оценка») и $Ф_7$ («Многоплановость»), Очевидно, это согласуется с данными, говорящими о предпочтении более сложных эстетических объектов людьми с известной эрудицией в этой области. Особенности нашей выборки испытуемых (студенты) обусловили эту зависимость оценки фильма от его многоплановости — последнее, в сущности, означает его сложность и неоднозначность. Отрицательная корреляция факторов $Ф_1$ («Оценка») и $Ф_4$ («Пессимистичность») вскрывает ориентацию аудитории на позитивное, жизнеутверждающее начало кинопроизведения. Связь фактора $Ф_3$ («Реальность») и фактора $Ф_7$ («Многоплановость») выявляет осознание зрителями такой характерной черты окружающей действительности, как ее сложность и многогранность, представленной в художественном отражении.

В результате первого эксперимента построено семантическое пространство, координатные оси которого отражают различные аспекты восприятия фильма, а оценки фильма испытуемыми задаются как координаты внутри этого семантического пространства (табл. 6.2). Операционально это соответствует усредненным оценкам фильма по шкалам, сгруппированным по выделенным факторам.

Таблица 6.2 **Коннотативные оценки фильма «Сталкер» и количество конструктов, использованных испытуемыми при анализе персонажей фильма**

№ исп.	Оценка	Сил. напр.	Реал, жизн.	Эмоц. тон	Абст. фант.	Глуб. псих.	Мног оплан.	Эсте-тичн.	Кол-во личн. конструктов
	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5	**Ф6**	Ф7	Ф8	Кол-во
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. В. С.	1,7	6	2,25	5,6	6	3,4	4,5	6	4
2. Ф. Д.	6	6,7	3	3,3	6,5	6,8	4	6,5	15
3. Ч. М.	4,2	4,2	4	4	4,3	6	4,8	2	4
4. Р. Т.	3,4	6,25	3	6	6,5	3,4	3	4	2
5. Т. А.	4	5	4,2	5,3	6,5	5,4	5,5	3	9
6. В. К.	5,6	5	3,25	5	4,5	6,8	4,5	5,5	13
7. В. Ю.	4,5	4,25	4,5	3	5	5,8	4	4	10
8. Т. Д.	6,5	6	4	4	4	6,4	7	5	14
9. А. Л.	6,6	6,25	6,25	5,3	2,5	6,4	7	5,5	17
10. М. Р.	5,6	6	6	4,6	5	5,6	7	5	15
И. Л. Б.	4,3	4,75	4,75	5	4	5	5	4	16
12. Ш. Р.	6,6	7	7	3,3	6,5	6,2	7	6	18

13. Г. Б.	6,4	5,75	5,25	4	5	5,6	6,5	7	18
14. А. А.	5,6	6,25	2,75	3,9	6,5	5	5	3	15
15. В. Л.	4,8	6,5	3,75	3	2,5	6,6	5	2,5	13

Вторая часть экспериментального исследования включала исследование восприятия испытуемыми персонажей фильма с помощью методики Келли.

В основе метода лежит теория личностных конструктов, выдвинутая Келли в 1955 г. Келли была развита мысль Брунера и Тагиури об индивидуально-личностных эталонах восприятия окружающего мира и предложен метод операционального изучения «имплицитных теорий личности». По Келли, «личностные процессы направляются по руслам конструктов, которые служат средствами предвидения событий» (1963. С. 46). Под личностными конструктами понимается система бинарных оппозиций, используемых объектом для категоризации себя или других людей. Содержание противопоставления при этом определяется не языковыми нормами, а представлениями самого индивида, его «имплицитной теорией личности». Например, дифференциация окружающих по признаку «люди цели» х «люди эмоции» отражает представление испытуемого об антагонизме целенаправленности и эмоциональности и определяется спецификой его индивидуального опыта. Близким к понятию личностных конструктов является, на наш взгляд, понятие категориальной структуры индивидуального сознания. Личностные конструкты и определяют ту систему субъективных категорий, через призму которых осуществляется межиндивидуальное восприятие. Чем шире набор личностных конструктов у субъекта, тем более многомерным, дифференцированным

является образ мира, себя, других, т. е. тем выше когнитивная сложность субъекта. По аналогии с определением уровня развития значения через анализ типов отношений, в которые оно входит с другим значением, уровень развития социальной перцепции субъекта — значений образа другого — можно охарактеризовать через анализ противопоставлений, которыми пользуется субъект в дифференциации других людей. Методика Келли позволяет выразить меру когнитивной сложности количественно как число независимых (несинонимичных) конструктов, используемых субъектом для дифференциации некоторой содержательной области.

Эксперимент 2. Определение когнитивной дифференцированности восприятия испытуемыми персонажей фильма «Сталкер» с помощью упрощенного варианта метода личностных конструктов Келли.

Экспериментальный материал: триады, составленные из персонажей фильма «Сталкер»: Сталкер, Ученый, Писатель, Жена и Дочь. С целью большего выявления личной позиции испытуемого в качестве персонажа триадического сравнения вводилось понятие «Я».

Испытуемыми были те же студенты-зрители, участвовавшие в предыдущем эксперименте. Временной интервал между проведением первого и второго экспериментов составлял в среднем три дня.

Процедура эксперимента. Испытуемый производит 20 (наибольшее количество комбинаций из 6 элементов) «триадических решений» в порядке, записанном в протоколе. Испытуемому зрительно предъявляют номера трех персонажей для сравнения. Тройки в протоколе должны быть составлены так, чтобы минимизировать позиционный артефактный эффект, состоящий в тенденции выделять персонаж в соответствии с его местоположением в тройке.

Инструкция: «Выберите из 3 персонажей такого, который больше отличается по личным качествам от других двух. Назовите личное качество, которое объединяет двух выделенных вами людей, и противоположное личное качество, которое отличает третьего, не похожего на 2 других».

Процедура обработки. Подсчитывалось общее количество независимых анто-нимичных пар (личностных конструктов), использованных каждым испытуемым для дифференциации персонажей (табл. 6.2), и проводился их качественный анализ. Для иллюстрации применения методики приводится один из протоколов.

Протокол № 9 (Исп. А. Л.)

1. Писатель, Сталкер — интуитивность в отношении к окружающему; Ученый — рационализм.
2. Дочь, Ученый — обращенность вовнутрь, в себя; Жена — страдание, жертвенность.
3. Писатель, Я — чрезмерная чувствительность к окружающему, откликаемость; Дочь — отрешенность, погруженность в себя.
4. Сталкер, Я — духовно-чувственное начало; Ученый — разумное начало.

5. Сталкер, Писатель — конкретная устремленность; Дочь — изначально заложенная власть над окружающими.
6. Жена, Я — страдание от недостатка сил; Сталкер — отсутствие реалистического взгляда на жизнь.
7. Жена, Я — открытость; Ученый — скрытность.
8. Жена, Я — мудрость жизненная, мудрость испытаний; Дочь — первозданная мудрость.

9. Дочь, Ученый — вещь в себе; Писатель — искренность.
10. Писатель, Жена — приземленность в своих устремлениях; Сталкер — общечеловеческие страдания.
11. Я, Сталкер — саморазрушение; Дочь — спокойствие.
12. Писатель, Я — иррационализм; Ученый — рационализм.
13. Писатель, Жена — надломленность; Дочь — спокойствие неискушенной.
14. Сталкер, Жена — непосредственность восприятия; Ученый — опосредованность восприятия научными познаниями.
15. Ученый, Дочь — сила духовная; Я — беспомощность.
16. Я, Сталкер — безрезультатность, альтруизм; Писатель — творческая безысходность.
17. Дочь, Ученый — уравновешенность; Сталкер — одержимость.
18. Писатель, Я — чувствительность к окружающему; Жена — жертвенность.
19. Сталкер, Жена — активный альтруизм; Дочь — спокойная неискушенность.
20. Жена, Я — чувствительность; Ученый — уравновешенность.

Результаты и обсуждение. Качественный анализ результатов данного эксперимента позволил выявить некоторые характерные особенности и специфику ответов у различных испытуемых. В частности, оказалось возможным выделение трех групп ответов.

Для первой группы ответов, куда вошли ответы испытуемых Ч. М., Р. Т. и В. С, характерно выделение крайне поверхностных и формальных признаков, по которым проводились триадические решения. Например, у испытуемого Р. Т. все количество конструктов сводилось к двум: «родственные связи» и «образованность». У других испытуемых в качестве личностных черт выступали психическая полноценность — неполноценность или социальное положение (испытуемый В. С. — «нормальный — ненормальный»; испытуемый Ч. М. — конструкт «бедный — богатый»). Характеристики таких героев, как Сталкер, Дочь, Жена и иногда Писатель, носят негативный характер. Объединения себя с героями фильма почти нет; исключение составляет объединение испытуемым Р. Т. себя с Писателем и Ученым по признаку «образованность»; испытуемый Ч. М. сделал попытку объединения себя с Писателем по признаку «растерянные», но в последующих триадах исключил себя в качестве «зрителя». Сталкер определяется как «не от мира сего», «неполноценный», «невменяемый», «ненормальный». Объединения себя со Сталкером ни в одном случае не происходило. Количество выделенных конструктов в данной группе ответов крайне мало: от 2 до 6. Особые затруднения у испытуемых вызывала необходимость решения триад, включающих позицию «Я», и определение качеств киноперсонажа с малой внешней динамикой (Дочь). В последнем случае имели место высказывания типа «невозможно определить», «она мало действует», «она же ни одного слова не сказала в течение всего фильма» и пр.

Таким образом, в ответах испытуемых 1-й группы были зафиксированы следующие особенности: формальный характер выделяемых конструктов, их ограниченное количество (от 2 до 6), преимущественно негативное отношение к героям фильма, особенно к главному герою — Сталкеру, почти полное отсутствие объединения себя с героями фильма, особенно со Сталкером, или же объединение по формальным признакам.

Вторая группа ответов характеризуется гораздо большим разнообразием и глубиной выделенных конструктов, их число достигает 15. Наряду с характери-

стиками темперамента (спокойный — раздражительный; эмоциональный — сухой; чувствительный — хладнокровный; темпераментный — нетемпераментный) выделяются конструкты, отражающие личностные черты персонажей, такие как оптимизм, твердость, последовательность, мечтательность. Выделенные черты, таким образом, носят явно не формальный характер, а отражают особенности личности, лежащие за ними и проявляющиеся в поступках героев. В этом смысле интересны характеристики, данные Дочери, — она определяется как «спокойная», «аморфная» в большинстве случаев. Очевидно, в этой группе ответов еще не

достигнута наибольшая глубина проникновения в образ, которая позволила бы дать более содержательную характеристику герою с «малой динамикой». Характеристики героев носят преимущественно нейтральный или положительный оттенок. Редки случаи выделения Сталкера по признаку «психической неполноценности». Объединений себя с героями фильма гораздо больше, наблюдаются случаи и объединения Сталкера с собой. С большей легкостью испытуемые выполняли триа-дические решения, включая решение триад с «Я». Наряду с качественными изменениями личностных конструктов в ответах второй группы по сравнению с ответами первой группы обращает на себя внимание довольно большое количество выделяемых черт по темпераменту, при этом количество более сущностных черт не преобладает над ними.

Отличительными чертами третьей группы ответов являются высокое (до 18) количество личностных конструктов; их неординарный характер; объединение в группы не по одному, а нескольким признакам (например, испытуемая Ш. Р., выделяя Ученого, пишет: «Он — сундук с тайнами, холодность, трезвость ума»). Черты носят более глубокий, конкретный, специфичный характер, т. е. выполняют дифференцирующую функцию, отражающую специфику именно данного героя фильма. Это является показателем большей степени проникновения в образы героев. Испытуемые не могут ограничиться одним прилагательным, определяя полюс антонимичной шкалы. Их определения носят и стилистически сложный, составной характер и содержательно герой включается в систему более глобальных отношений: отношение к миру, познанию, человечеству и т. д. Например, испытуемая Ш. Р. объединяет Писателя и себя по признаку «стремление сохранить и передать радость и тайну жизни», выделяет Жену по качеству «продолжение и победа жизни, вечный образ». Испытуемый Г. Б. в качестве общей для него самого и для Сталкера черты выдвигает «тщетность усилий, направляемых на человечество», противопоставляя ей «результативность и философский взгляд на жизнь» Ученого.

Таким образом, ответы третьей группы характеризуются гораздо более высоким уровнем когнитивной расчлененности по сравнению с 1-й и 2-й группами как по количеству (до 18 конструктов), так и по качественным характеристикам выделяемых черт. Черты носят неординарный, специфичный характер, часты объединения себя со Сталкером и другими героями, за ответами чувствуется положительный оттенок отношения к героям.

Как можно видеть из проведенного анализа, методика Келли выявила разные уровни проникновения в образы героев.

Сопоставление результатов методик семантического дифференциала и личностных конструктов. Представлялось интересным провести конвергенцию результатов двух методик — СД и ЛК — для выделения взаимосвязи когнитивной

расчлененности восприятия фильма и его оценки. С этой целью вычислялись коэффициенты ранговой корреляции оценок фильма испытуемыми по каждому из выделенных факторов СД с количеством личностных конструктов *(N),* использованных испытуемыми при анализе персонажей фильма (триадический выбор по методике Келли). Данные приведены в табл. 6.3.

Таблица 6.3 **Коэффициенты корреляции между оценками фильма по факторам СД и количеством личностных конструктов**

ф1	Ф2	Ф3	Ф4	**ф5**	Ф6	**ф7**	Ф8
0,82	0,38	0,65	-0,03	-0,15	0,36	0,62	0,27

Высокий коэффициент корреляции между фактором Ф, «Оценка» и количеством личностных конструктов говорит о том, что существует прямая зависимость между оценкой фильма и степенью когнитивной расчлененности восприятия испытуемым героев фильма. Оценка фильма тем выше, чем более глубоко проникновение в образы киногероев.

Высокая корреляция между фактором $Ф_3$ («Реальность, жизненность»), $Ф_7$ («Многоплановость») и количеством конструктов также свидетельствует о том, что чем глубже проникновение в образы героев, тем более жизненным, актуальным и близким кажется фильм. Следует полагать, что корреляция между факторами эстетичности и многоплановости и количеством конструктов означает, что оценка фильма по таким параметрам, как эстетичность и многоплановость, зависит от степени проникновения в образы героев.

Интересно, что фактор $Ф_5$ («Абстрактность, фантастичность») имел небольшую отрицательную корреляцию со степенью когнитивной расчлененности. Можно полагать, что чем глубже проникновение в образы героев, тем менее абстрактным и фантастичным казался испытуемым фильм. Действительно, для воспринимающего, проникнувшего в смысловые слои фильма, он

наполняется конкретным содержанием, являющимся воплощением личностных смыслов. И наоборот, зрителям, оставшимся на уровне восприятия сюжета, такой сложный и метафоричный фильм, как «Сталкер», кажется крайне абстрактным.

Таким образом, наблюдается прямая связь между когнитивной и эмоционально-оценочной организацией восприятия фильма. Глубина понимания фильма определяет и отношение к нему, а позитивное отношение, очевидно, поддерживает эмоциональную фиксацию на фильме, желание осмыслить, разобраться в нем. Тем не менее наличие статистической связи между когнитивной расчлененностью восприятия персонажей и оценкой фильма не является гарантией наличия такой зависимости в каждом единичном случае. Так, у испытуемого Л. Б., как можно видеть из табл. 6.3, наблюдается следующая картина: нагрузка на фактор «Оценка» является относительно невысокой, несмотря на высокий показатель когнитивной расчлененности при оценке героев фильма. При дополнительном опросе выяснилось, что испытуемому не понравился пессимистический оттенок фильма. При этом его оценка фильма имела большую нагрузку по фактору «Грусть, пессимистичность». Этот факт говорит о своеобразной задаче на личностный смысл, решаемой зрителем при восприятии фильма и определяемой его

системой ценностей, особенностями личности и т. д. Очевидно, отношение к фильму определяется не одним или несколькими параметрами, взятыми сами по себе, а их общей структурой. Фильм как произведение искусства «присваивается» зрителем, выступающим активным «соавтором» создателей, осмысляется и оценивается через призму личности зрителя.

6.3. Взаимосвязь эмоций и цвета Цветовой символизм: практика и теория

В экспериментально-психологических исследованиях, а также в практике психодиагностики и психокоррекции часто возникает необходимость оценить актуальное эмоциональное состояние испытуемого или пациента, проследить взаимосвязь тех или иных эмоциональных состояний с продуктивностью его внешней и внутренней деятельности и динамикой ряда личностных проявлений: самооценки, межличностного восприятия, способности к эмпатии и т. п. Для достижения этой цели одной из наиболее эффективных полевых экспресс-методик является тест цветовых предпочтений Люшера (1955, 1971, 1996), который заключается в ранжировании по предпочтению набора лишенных текстуры цветовых поверхностей (в простейшем варианте — 8 квадратиков из цветной бумаги). За каждым цветом закреплено символическое значение, поэтому экспериментатор (или психотерапевт) расшифровывает и прочитывает полученную от испытуемого цветовую последовательность (раскладку) как некий текст о его эмоциональном состоянии. Большим достоинством теста Люшера является то, что он позволяет выявить дорефлексивные, довербализуемые переживания и отношения (Эткинд, 1980. С. 111), а также простота и компактность процедуры (несколько минут в полном варианте и порядка минуты в упрощенном 8-цветовом наборе).

В отечественной психологии методика Люшера начала использоваться относительно недавно, но уже имеется успешный опыт ее применения в психодиагностике неврозов, в практике исследования внутрисемейных отношений, в психологии спорта (Бажин, Корнева, Эткинд, 1979; Бажин, Эткинд, 1980; Эткинд, 1980; Татевян, 1984; Марищук и др., 1984). В то же время этот тест слабо теоретически осмыслен и является фактически эмпирической процедурой, опирающейся на вековой опыт художников и натурфилософов.

Ниже приведем краткий конспект той части обзорной работы Г. Клара (1975. С. 5-30), где автор, опираясь на образные высказывания выдающихся мыслителей и художников, а также на разнообразный опыт применения методики Люшера, характеризует символические нагрузки (коннотативные значения) восьми основных используемых в ней цветов.

Синий (1) — цвет покоя, расслабления, погружения в медитацию. *Вспомним известные стихи Н. Бараташвили {перевод Б. Пастернака): «Цвет небесный, синий цвет Полюбил я с малых лет, В детстве он мне означал Синеву иных начал... Это легкий переход В неизвестность от забот...».* Выбор синего цвета в качестве наиболее предпочитаемого отражает физиологическую и психологическую потребность человека в покое. Чтобы повысить основное значение синего цвета, в тесте Люшера используют темно-синий. Отрицание темно-синего означает, что человек избегает расслабляющего покоя. При заболевании или переутомлении потребность в синем цвете увеличивается.

Зеленый (2) содержит в себе скрытую потенциальную энергию, отражает степень волевого напряжения. Люди, предпочитающие зеленый цвет, стремятся к самоуверенности и уверенности

вообще. Люди экстравагантные и эксцентричные, добивающиеся поставленных задач не целенаправленной волевой активностью, а неожиданными эмоциональными выбросами, отвергают зеленый цвет как несимпатичный. Наряду с ними зеленый цвет отвергают люди, находящиеся на грани физического или психического истощения.

Красный (3) — цвет крови, символизирует возбуждение, энергетизм. Кандинский описывает красный цвет как очень живой, полный воодушевления, беспокойный. Этот цвет также является символом эротизма. В африканских любовных посланиях, представляющих собой широкие цепочки цветных жемчужин, красные шарики означают: «Я страстно люблю тебя; я очень тоскую по тебе». Красным, как правило, бывает и интимный свет ночного кафе. Рембо полагает, что женщину, одевающуюся в красное, легко соблазнить.

Отвращение, игнорирование красного цвета отражает органическую слабость, физическое или психическое истощение. Военнопленные, годами вынужденные жить за колючей проволокой в угрожающих жизни условиях, особенно часто отвергали его. Наиболее предпочитаем красный цвет подростками. *Связь энерге-тичности с молодостью {ее красотой и здоровьем) отражена в русских словосочетаниях: красный молодец, красна девица («В красной рубашоночке, хорошенький такой*). Вспомним также картину «Купание красного копя» Петрова-Водкина.*

Желтый (4) получается от смешения зеленого и красного. Это оптическое объединение соответствует и психологическому началу желтого цвета. Красный как возбуждение и зеленый как напряжение создают в результате возбужденное напряжение, требующее разрядки, результат которой может быть как благополучным, так и трагическим. Возможность разрешения напряжения в сторону небытия символизирует сочетание желтого с черным. Выбор этого сочетания характерен для человека, который зачастую так же, как и Ван Гог, в последней картине которого черные вороны кружат над черно-синими грозовыми тучами, над волнующимся желтым пшеничным полем, стоит на грани самоуничтожения (С. 23). Наибольшее предпочтение желтому отдают беременные женщины, ожидающие благополучного исхода родов, а также люди, склонные к перемене мест, гонимые ветром странствий.

Желтый — так же, как и красный, — цвет энергетизма. Этот цвет наиболее близок к дневному свету. В своей высшей чистоте он всегда несет с собой природу светлого, радость, бодрость, нежное возбуждение (Гёте). Желтый цвет беспокоит человека, возбуждает его и отражает характер выраженной в этом цвете силы, которая становится дерзкой и навязчивой. В этом случае он звучит как все более громко и резко поющая труба или высокий звук фанфар (Кандинский). Желтый также трактуется как цвет озарения (ореол Христа и Будды).

Фиолетовый (5) образован слиянием активного красного и успокаивающего синего. Н. Кузанский называл его гармонией противоречий. В Америке и Европе фиолетовый цвет отвергается как неприятный, особенно интеллектуально развитыми людьми и людьми искусства. Этнологи, проводившие исследования нетронутых культурным влиянием жителей Центральной Бразилии и Африки, установили, что фиолетовый цвет является у них самым любимым. Он же предпочитаем детьми до наступления половой зрелости. *По-видимому, фиолетовый цвет симво-*

лизирует присущую человеку инфантильность и внушаемость, потребность в поддержке, опоре. В этом смысле выбор или отрицание фиолетового цвета выступает своеобразным индикатором психической и половой зрелости.

Коричневый (6) получается из оранжевого, к которому примешивается черный. Импульсивная жизненная сила красного благодаря затемнению тускнеет, сдерживается, или, как говорят художники, замирает. Коричневый теряет экспансивный активный импульс и жизненную ударную силу красного. У коричневого остается только жизненное состояние. Эта жизненность в коричневом, теряя активность, становится пассивной (С. 25). Предпочтение коричневого отражает стремление к простым инстинктивным переживаниям, примитивным чувственным радостям. Имеются данные о предпочтении коричневого цвета курильщиками опиума. Выбор его в качестве наиболее предпочитаемого говорит также о физическом истощении. В норме наряду с черным коричневый цвет отвергается наиболее часто.

Черный (7). Если выбор хроматических цветов отражает отношение субъекта к различным эмоциональным сферам, то предпочтение ахроматических (белого, серого, черного) показывает скорее вегетативный тонус и общий психоэнергетический уровень, на котором находится человек. Выбор черного свидетельствует о наличии некоего кризисного состояния и характеризует агрессивное неприятие мира или себя (вспомним черные знамена анархистов или черные паруса пиратских кораблей). Черный цвет выражает идею ничто, ничто как абсолютный отказ, как смерть

или как «нет» в боевом протесте (С. 29). В европейской культуре это цвет траура. *В «Слове о полку Игореве» затмение солнца приобретает образ трагической метафоры. В народных сказках и мифах тьма — прибежище злых сил. Дети, остро переживающие отсутствие заботы и любви, часто используют черную штриховку в рисунке. В норме черный цвет, как правило, отвергается.*

Серый (8) свободен от каких-либо психологических тенденций — это нейтралитет, граница, отделяющая человека от каких-либо переживаний. Часто серый цвет оказывается предпочитаемым при сильных переутомлениях как барьер, отгораживающий от раздражителей внешнего мира, или в ситуациях тестирования как средство защиты от проникновения другого во внутренний мир испытуемого. Исследование около двух тысяч молодых мужчин в ситуации конкурсных экзаменов на замещение вакантных должностей показало, что серый цвет ставили на первое место 27% испытуемых вместо обычных 5% в нейтральной ситуации.

Традиция упорядочивания объектов и событий окружающего мира в их символической окраске восходит к глубоко архаическому мышлению (Тернер, 1972). Как в физической действительности наряду с электромагнитными и гравитационными существуют так называемые слабые взаимодействия, в десятки тысяч раз более слабые, чем гравитационные, но тем не менее обеспечивающие единство атомного ядра, так и в человеческом сознании наряду с мощными понятийными основаниями классификации и категоризации имеют место и слабые взаимодействия плана выражения и плана содержания. Остро нуждающееся в упорядочивании и осмыслении мира, но еще не вооруженное понятийными формами мышление архаического человека улавливало и закрепляло эти слабые взаимодействия в цветосимволических классификациях. Как для маленького ребенка звуковой символизм, опирающийся на соответствие эмоционального тона звукового образа

слова и эмоционального тона собственно содержания слова, дает дополнительное подспорье в овладении последним (Журавлев, 1981; Шахнарович, 1978), так и цветовой символизм, объединяя объекты, имеющие для субъекта сходный эмоциональный тон, помогает упорядочить их, построить простые обобщения и выделить некие закономерности, позволяющие ориентироваться в этом мире.

Механизмами, реализующими соответствие цвета и эмоционального состояния, являются, по всей видимости, механизмы синестезии. Феномен синестезии заключается в том, что ощущение одной модальности оценивается и описывается в категориях другой сенсорной системы (бархатный голос, кислая физиономия, скука зеленая и т. п.). Физиологическими механизмами синестезии являются кросс-модальные переходы, когда возбуждение, вызванное в одной сенсорной системе, транслируется не только в собственные проекционные зоны мозга, но по колатералям аксонов попадает в проекционные зоны других сенсорных систем и вызывает сопутствующее первому ощущение. Очевидно, имеются определенные взаимосвязи физиологических систем, ответственных за цветовое зрение (Соколов, Вучетич, Измайлов, 1984; Николаенко, 1985), и эмоционального мозга, включающего зоны гиппокамна, лимбической системы, областей гипоталамуса, образующих круг Папеца.

Посредством механизмов синестезии на основе восприятия одной модальности происходит воссоздание, реконструкция целостного интермодального образа. Американский исследователь Лоуренс Маркс (1975) рассматривает синестезию как универсальную форму доязыковой категоризации, предшествующую категоризации в понятиях. В наших исследованиях по построению семантического пространства, проведенных на материале рисунков Чюрлениса и вербальных понятий, было показано, что семантические структуры образной и вербальной форм репрезентации тождественны на уровне глубинной семантики, т. е. естественный язык и язык образов, символов может быть редуцирован к некоему единому более простому и, очевидно, генетически первичному коду, характеризующемуся эмоциональной насыщенностью и малоструктурированной образностью (Петренко, Нистратов, Хайруллаева, 1980). Последующее исследование Н. А. Русиной (1981) показало сводимость к этому коду также тактильной и вкусовой чувствительности. Проведенное под нашим руководством исследование К. Черсу (1977) продемонстрировало наличие синестетических обобщений у слепоглухих. Многочисленные исследования семантических пространств на базе различных национальных языков показали универсальность этого глубинного синестетического кода для представителей различных культур (Osgood, 1964).

К этому же универсальному коду сводятся, очевидно, и цветовые ощущения. Так, в исследованиях А. М. Эткинда (1985) кодирование голосов дикторов, находящихся в различных эмоциональных

состояниях, с помощью цветовых карточек Лютера (ранжирование их в порядке соответствия голосу) выявило как интер-субъектное сходство 200 русских испытуемых, так и транскультурную инвариантность цветовых описаний этих голосов при сравнении с 80 испытуемыми из Германии. Транскультурная инвариантность цветоэмоциональных связей, выявленная у носителей русского и немецкого языков, позволяет не только использовать интерпретацию символического значения каждого цвета, данную Люшером и его немецкоязычными последователями применительно к русской культуре, но

и является веским аргументом в пользу межкультурной универсальности цветовой символики.
В рамках теоретического анализа цветового символизма представляется необходимым кратко охарактеризовать проблему его межкультурной универсальности или, наоборот, национально-культурной специфичности. Подчеркнем, что из определения универсальности синестетического кода для всего человечества еще не следует утверждение об универсальности цветового символизма для представителей разных культур, хотя, на наш взгляд, и предполагается в значительной мере. Для пояснения нашей позиции по этому вопросу обратимся вначале к семиотической организации вербального знака — знака естественного языка. Хотя для естественного языка соотношение плана выражения и плана содержания конвенционально и условно, и некий предмет (фрагмент окружающей действительности) может иметь в разных языках различное наименование, тем не менее феномен звукового символизма (Узнадзе, 1966; Журавлев, 1981) демонстрирует, что имеется взаимосвязь между коннотацией звукового образа слова, выражающего некоторое содержание, и коннотацией самого этого содержания. Например, в звуковых образах-наименованиях хищных птиц преобладают твердые, раскатистые звуки «т», «р» (ястреб, коршун, орел), в то время как в названиях маленьких, певчих птичек (пеночка, ласточка, иволга, малиновка) прежде всего слышатся плавные, тягучие гласные. В ряде работ с использованием семантического дифференциала Ч. Осгуда доказывалось наличие этого соответствия между планом выражения и планом содержания при шкалировании содержания слова и его звукового образа.
Конечно, в языке существуют многочисленные исключения из этого правила, особенно для слов, заимствованных из другого языка и подвергшихся фонетической трансформации, и связь плана выражения и плана содержания слаба (не случайно мы сравнили ее со слабым взаимодействием в физике), но как маленький ручеек проторяет путь для могучего селевого потока, так и слабые взаимодействия в форме звукового символизма направляют становление речи в фи-ло- и онтогенезе. Коннотация содержания слова в значительной мере подвержена изменениям в зависимости от историко-социального контекста, процессов, происходящих в обществе; меняются ассоциации, семантические связи и отношения, связующие одно слово с другим, и может образовываться значительный разрыв между его звуковой формой и содержанием. Аналогичные процессы характерны и для иконической семиотики (Петренко, 1983) в рамках графического и цветового символизма. Так, некий цвет, будучи цветом знамени некоего государства или символом некоего социального явления (например, черный цвет одежды романтиков эпохи байронизма), получает дополнительные смысловые ассоциации, определяющие возможный разрыв между его синестетическим и символическим кодами, и тем самым обретает национально-культурную специфичность своего символического содержания. Но поскольку для иконической семиотики связь между планом выражения и планом содержания гораздо более тесная, чем для естественного языка (преодоление материальности материи за счет предметного содержания лежит уже в сфере искусства — см. Выготский, 1968), то и вариативность символического значения иконической семиотики ниже, и она ближе к сво-

ей чувственной ткани — синестетическому коду, а следовательно, и более культурологически универсальна.
Национально-специфично скорее отношение к содержанию, кодируемому цветом. Например, когда в качестве доказательства того, что цветовая символика национально-специфична, а не универсальна, приводят обычно пример того, что в европейской культуре цвет траура — черный, а у японцев — белый, то забывают, что символика белого цвета (чистой белой доски) означает девственное начало, рождение нового и одновременно растворение, исчезновение старого. В рамках буддийской традиции, где жизнь мыслится как цепь взаимопереходов бытия и небытия, начало и конец не столь антонимичные полюса, как для европейского мироощущения, и образы жизни и смерти, символика черного и белого мыслятся в диалектическом единстве. Налицо не

различие цветовой символики, а различие в переживании и трактовке бытия.

Экспериментальное исследование цветовых предпочтений в зависимости от эмоционального состояния человека[1]

В задачу данного исследования входили психологическая валидизация теста Лю-шера и уточнение символических (коннотативных) значений цветов путем выяснения их предпочтения в различных эмоциональных состояниях, которые вызывались у испытуемых с помощью специально разработанной нами суггестивной методики психосинтеза, представляющей собой серию психотехнических приемов последовательного построения иллюзорной реальности в сознании испытуемых. В психосинтезе максимально полно реализуется принцип опоры при внушении на элементы чувственной данности, уже имеющиеся или ранее вызванные у испытуемого. Иллюзорная реальность строится как бы на фундаменте исходных переживаний и ощущений, вызванных реальной ситуацией.

Если ставится задача сформировать у испытуемого иллюзорный образ какого-либо предмета, например журнала, то первоначально у него вызывают ощущение тяжести (за счет естественного напряжения лишенных внешней опоры рук, которые держат поданный журнал). Затем его просят погладить глянцевую поверхность дорогого тяжелого журнала, стремясь вызвать тактильные ощущения. Далее предлагают перелистывать гладкие, блестящие, тяжелые страницы, подключая моторику, вводя ее в формируемую иллюзорную реальность. Как правило, при перелистывании страниц иллюзорного журнала на них спонтанно возникают образы иллюстраций. С опорой на построенные фрагменты иллюзорной реальности можно переходить к формированию образов более сложных ситуаций, например посещения библиотеки и т. п. На более поздних стадиях внушения создается диалог между испытуемыми, обмен репликами и т. п., что облегчает построение иллюзорной социальной ситуации за счет эффекта достоверности присутствия Других участников взаимодействия. Таким образом, мы не столько непосредственно внушаем испытуемым требуемое эмоциональное состояние, сколько строим соответствующую ему иллюзорную реальность в их сознании.

Как полагает ряд исследователей (Овчинникова, 1983; Райков, 1982), гипноз и близкие ему техники суггестивного воздействия, являясь методами, вызывающи-

Исследование проводилось совместно с В. В. Кучеренко.

ми измененные состояния сознания, сами по себе (без соответствующего внушения) не ведут к изменению наличных социальных установок и оценочных суждений испытуемых, что и позволяет применять их для исследования последних.

Различия цветовых предпочтений каждого испытуемого в разных внушенных эмоциональных состояниях и групповое сходство их цветовых предпочтений в каждом конкретном внушенном эмоциональном состоянии явились бы для нас как критерием валидности теста Люшера, так и показателем эффективности разработанной нами методики погружения испытуемого в заданное эмоциональное состояние.

В *пяти экспериментальных сериях* исследовались цветовые предпочтения испытуемых в следующих ситуациях: доэкспериментальной (фоновой) и при внушаемых состояниях радости (веселья), вины (подавленности), опасности и алкогольного опьянения. Первые три состояния выбраны для внушения в силу их принадлежности к базовым психическим состояниям, их контрастности, психологической, психиатрической и психотерапевтической значимости при изучении неврозов, пограничных и экстремальных состояний психики. Выбор состояния алкогольного опьянения был обусловлен как необходимостью изучения этого негативного явления для успешной психокоррекционной борьбы с ним, так и тем, что алкогольное опьянение является одним из частных случаев измененного состояния сознания.

Испытуемыми были 5 мужчин и 5 женщин. Выбор именно этих лиц для участия в эксперименте диктовался их высокой гипнабельностью.

Процедура ранжирования производилась испытуемым в каждом эмоциональном состоянии. Поскольку после каждого сеанса испытуемым внушалась амнезия, результаты предыдущих ранжирований не влияли на последующие.

Обработка данных осуществлялась посредством приписывания каждому цвету ранга (от 1 до 8) в зависимости от его места в создаваемой испытуемым последовательности карточек и суммирования рангов каждого цвета по всем испытуемым для каждого эмоционального состояния. Подсчитывался также коэффициент конкордации *W,* называемый иногда коэффициентом множественной ранговой корреляции (Рабочая книга социолога, 1977), который

является мерой согласованности оценок для процедуры ранжирования в рамках непараметрической статистики и вычисляется по формуле

$$W = \frac{12\sum_{j=1}^{n} d_j^2}{m^2(n^3 - n)},$$

где W — коэффициент конкордации; m — число испытуемых; n — число объектов ранжирования; $d_j = S_j - \frac{m(n+1)}{2}$, S_j — сумма рангов каждого /-го объекта.

Значимость коэффициента конкордации определялась по критерию x^2, вычисляемому по формуле $x^2 = m(n - 1)$. *Wc* числом степеней свободы *n* - 1 (Проблемы педагогической квалиметрии, 1974).

Рассмотрим результаты ранжирования цветовых предпочтений в тесте Люшера при различных эмоциональных состояниях.

Серия «Фон». Замер проводился до какой-либо специальной работы с испытуемым, таким образом, можно полагать, что результаты ранжирования отражают то наличное эмоциональное состояние, с которым он пришел на эксперимент. Групповые результаты ранжирования и степень согласованности зафиксированы Б табл. 6.4.

Таблица 6.4 **Групповые данные о цветовых предпочтениях в различных эмоциональных состояниях (приводится ∑ — суммы рангов каждого цвета для каждой серии; *W* — коэффициент конкордации)**

Серия													
«Фон»		**«Радость» (веселье)**		**«Вина» (подавленность)**		**«Опасность»**						**«Алкогольное опьянение»**	
						группа		**мужчины (5 чел.)**		**женщины (5 чел.)**			
Цвет	**∑**	**Цвет**	**∑**	**Цвет**	**∑**	**Цвет**	**∑**	**Цвет**	**∑**	**Цвет**	**∑**	**Цвет**	**∑**
серый	**31**	желтый	19	серый	27	зеленый	25	желтый	**10**	зеленый	**12**	желтый	19
желтый	**37**	красный	25	синий	28	желтый	36	зеленый	**13**	серый	**14**	красный	22
зеленый	38	зеленый	34	зеленый	33	серый	42	красный	**15**	коричневый	16	зеленый	33
синий	39	фиолетовый	35	черный	42	синий	47	фиолетовый	**21**	черный	21	фиолетовый	34
фиолетовый	46	серый	50	фиолетовый	54	красный	47	синий	**23**	синий	24	серый	**56**
красный	**51**	синий	57	коричневый	55	коричневый	53	серый	**28**	желтый	26	синий	62
черный	**55**	коричневый	67	красный	60	черный	**52**	черный	**33**	красный	32	коричневый	65
коричневый	**63**	черный	73	желтый	61	фиолетовый	57	коричневый	**37**	фиолетовый	35	черный	69
№=0,19		W=0,65*		W=0,32*		W=0,16		W=0,41*		W=0,43*		W=0,63*	

Примечание. * -р ≤ 0,01.

Индивидуальные результаты ранжирования в серии «Фон» характеризовались значительной вариативностью. Низкий коэффициент конкордации говорит о довольно широком спектре эмоциональных состояний наших испытуемых перед проведением эксперимента. Однако наличие наибольшего предпочтения серого цвета дает основание полагать, что все испытуемые переживали некоторое предстартовое напряжение, вызванное присутствием в лабораторной комнате и ожиданием предстоящего эксперимента. Этот результат совпадает с данными Клара о том, что в ситуациях конкурсного экзамена (в нашем случае лабораторно-

го эксперимента) наиболее предпочитаем серый цвет (как барьер, отгораживающий внутренний мир человека).

Серия «Радость» {веселье). Формула внушения: Все темнеет перед глазами. Вы находитесь в темном зрительном зале, вокруг много людей. Сейчас начнется смешная, веселая кинокомедия. Самый веселый фильм из тех, которые Вы когда-либо видели! Вот вспыхивает экран! (Некоторые испытуемые вздрагивают и начинают щуриться.) Чувствуете себя хорошо, бодро, у Вас прекрасное настроение. Вам очень весело! Вот сейчас очень смешной момент! В зале хохот. Фильм цветной, яркий, красочный. Вам очень весело! Вы испытываете состояние сильной радости! Смеетесь! Невозможно удержаться от смеха! (Испытуемый хохочет, с удовольствием отвечает на вопросы о том, что видит на экране.) А сейчас в этом настроении Вы выходите на улицу. Чудесная погода! Вы чувствуете радость! Веселье... Вы чувствуете себя легко и свободно. Великолепное настроение! Возникает состояние сильной радости. Вам весело, очень весело. Вы смеетесь (испытуемый смеется). Это состояние радости, веселья сохранится у Вас, когда Вы будете выполнять экспериментальное задание.

Эмоциональное состояние испытуемых после внушения.

Исп. К.: «Было весело и как-то очень радостно. Было очень доброжелательное отношение к Владимиру (Кучеренко)». Исп. М. в ответ на вопрос: «Как себя чувствуешь?» смеется: «Странный какой-то вопрос: как себя чувствуешь? Хорошо». Во время выполнения экспериментальных заданий часто смеется, улыбается.

Групповые результаты ранжирования и степень согласованности предпочтений см. в табл. 6.4.

Экспериментальные данные свидетельствуют о наличии закономерности в последовательности выбора цветов в серии «Радость» (веселье): особое предпочтение вызывают энергонасыщенные (желтый и красный), одновременно отрицаются цвета покоя и расслабленности (синий и коричневый), а также цвет небытия (черный).

Серия «Вина» {подавленность). Чувство вины — чрезвычайно индивидуализированное состояние. В некотором смысле по тому, что вызывает у человека чувство вины, можно охарактеризовать его личность. Построение иллюзорной реальности, априорно вызывающей это эмоциональное состояние, затруднительно. Поэтому мы пытались погрузить испытуемого в прошлое, адресуя его к происходившим с ним конкретным коллизиям, а затем, уточняя в диалоге образные детали ситуации, переводили ее в актуальный план.

Формула внушения. Сейчас у вас возникает такое чувство, будто вы совершили нехороший поступок. Вы испытываете сильное чувство вины. Вы уже испытывали такое чувство? (Исп.: «Да».) Вот сейчас вы испытываете такое же сильное чувство вины! Оно сохранится у вас и будет устойчивым в течение всего времени исполнения экспериментального задания.

Эмоциональное состояние испытуемых после внушения.

Исп. С. при внушении сутулится, руки сцеплены перед собой, голова опущена. После эксперимента спрашивает, не заходил ли кто в лабораторию. «Ощущение, что кто-то заходил, и я дал ему по шее, чтобы не мешал».

Исп. О. на просьбу описать настроение: «Состояние, что живем как-то не так, что надо перестраиваться на другой лад, что ли. Довольно часто бывает такое на-

строение, особенно когда разные мысли лезут в голову. Особенно последнее время... Годы летят».

Исп. М. на вопрос о самочувствии отвечает: «Чувствую себя нормально». При этом в позе и поведении чувствуется настороженность, тревожность, держится неуверенно. Часто вздыхает. Спрашивает, есть ли в лаборатории телефон. Через некоторое время повторяет вопрос и говорит, что ему надо позвонить. Время от времени спрашивает, долго ли еще будет длиться эксперимент и который сейчас час. Снова задает вопрос о телефоне. Выглядит озабоченным и несколько растерянным. На повторный вопрос о самочувствии отвечает, что оно какое-то «странное», но объяснить не может... На вопросы отвечает неуверенно, растерянно пожимает плечами. Говорит, что ему необходимо позвонить. После снятия чувства вины о телефоне уже не вспоминает.

В ходе внушения возможны рационализация и трансформация внушаемого, а также вытеснение и сопротивление ему.

Исп. К.: «Я сопротивляюсь этому чувству. Была мысль — вина? Но перед кем? Владимиру (Кучеренко) удалось сломить мое сопротивление, но это было не острое чувство вины перед кем-то. Это было чувство вины, вызванное более общими причинами. Это чувство, которое возникает, когда сталкиваешься с несправедливостью не по отношению к тебе, но оно глубоко возмущает тебя, и вдруг возникает мысль, что и ты частично виновата в несправедливости этого мира, т. е. вспоминаются ошибки, которые ты когда-то совершила и была виновата в этом. Оно сходно с чувством ответственности. Во всяком случае я воспринимаю это так, я так понимаю его...»

Групповые результаты ранжирования и степень согласованности предпочтений даны в табл. 6.4.
Как показывают результаты ранжирования, для чувства вины характерно отрицание энергонасыщенных красного и желтого и предпочтение серого и синего цветов. Синий, таким образом, отражает не только безмятежный покой, отдых и нирвану, но в сочетании с серым соответствует состоянию пассивной подавленности.

Серия «Опасность». Формула внушения: Теплый солнечный день. Вы находитесь в лесу. Посмотрите вокруг (испытуемый оглядывается). На поляне множество цветов: одуванчики, ромашки, колокольчики... легкий ветерок колышет высокую траву, освежает лоб, виски, приносит запах леса. Дышать легко и приятно... Вы идете по лесу (испытуемый передвигается по лаборатории). Солнечные лучи пробиваются сквозь крону деревьев, мягкая трава под ногами. Вы любуетесь красотой природы. Посмотрите, как красиво вокруг! Ветерок шевелит траву. Посмотрите вниз. Под ногами змея! Ядовитая змея. Вы вспугнули ее, она нападает на вас. Страх! Страх охватывает вас. Вы испытываете очень сильное чувство страха. Это чувство сохранится до конца эксперимента.

Эмоциональное состояние испытуемых после внушения.

Исп. К. на вопрос: «Как себя чувствуете?» — «Хорошо» (поеживается). — «Помните, что с вами было?» — «Что-то в памяти есть, но это не всплывает на поверхность, ускользает» (замедленность в ответах, движениях). «Холодно что-то (озноб), было что-то агрессивное». — «Как вы себя чувствуете (после выполнения задания)?» — «Тяжесть какая-то. Настроение не очень хорошее».

Исп. И. На вопрос о самочувствии при выполнении экспериментального задания: «Мне что-то неприятно... Цвета какие-то неприятные. Не по себе немножко». — «Почему?» — «Помещение какое-то неуютное. Тревога какая-то».

Исп. С. на вопрос о самочувствии: «Напряжение какое-то, будто ожидаю чего-то. Нехорошее такое предчувствие». — «Что с вами было?» — «Опасность какая-то. Очень сильная опасность. Точно не помню».

Групповые результаты ранжирования и степень согласованности предпочтений см. в табл. 6.4.

Для цветового ранжирования в серии «Опасность» характерно предпочтение зеленого цвета, связанного с волевым напряжением, и желтого как цвета энергонасыщенного, связанного с потребностью в быстрой разрядке напряжения. Однако низкий коэффициент конкордации показывает, что состояние, в которое вводились испытуемые, оказалось феноменологически размытым. Дело, очевидно, в том, что выборка испытуемых была неоднородна, и в нее входили как мужчины-спортсмены, члены команды ЦСКА по бобслею, так и девушки-студентки. Если для первых в ответ на опасную ситуацию было характерно активное, агрессивное поведение (испытуемые хватались за воображаемую палку, стремились нанести удар по змее), то у вторых наступало оцепенение, страх, пассивная оборона или вытеснение опасности (одна из девушек, демонстрируя классический феномен перцептивной защиты, в страхе кричала: «Я же в резиновых сапогах, она не сможет их прокусить!»).

Раздельный анализ результатов цветового ранжирования для двух подгрупп наших испытуемых («сильный» и «слабый» пол) выявил коэффициенты конкордации W = 0,41 (мужчины) и W'' 0,43 (женщины), значимые на 1%-ном уровне (табл. 6.4). Реакция на опасность по типу льва или кролика, конечно, не определяется однозначно полом испытуемого, и если бы мы имели возможность развести группу на подгруппы по характеру эмоционального реагирования, коэффициенты конкордации, очевидно, были бы еще выше. Тем не менее их значимость свидетельствует, что при суггестивном внушении опасности было фактически вызвано два различных эмоциональных состояния. Если для страха характерно преобладание зеленого и серого цветов при отрицании желтого, красного и фиолетового, то для агрессивного возбуждения в ответ на опасность характерно сочетание желтого (как потребности в скорой разрядке) с мобилизующим волевое напряжение зеленым при отрицании черного и коричневого. Отметим при этом, что малые величины наших выборок позволяют оценивать эти результаты как сугубо предварительные и нуждающиеся в уточнении на большем контингенте.

Серия «Алкогольное опьянение». Формула внушения: Чувствуете себя бодро, хорошо и свободно. Вы находитесь в приятном для себя окружении знакомых. Вечеринка. Что вы пьете? — «Монастырскую избу» (исп. подносит к губам бокал, пьет). Кружится голова. Наступает состояние приятного алкогольного опьянения. Играет музыка. Хочется танцевать. Танцуйте! (Исп. встает, покачивается, танцует, положив руку кому-то на плечо.) Вы находитесь в состоянии приятного алкогольного опьянения. Это состояние сохранится у Вас, когда Вы будете выполнять

экспериментальное задание.

Эмоциональное состояние испытуемых после внушения.

Исп. К.: «Хочется курить». — «Разве вы курите?» — «Курю в редких случаях. В компании, когда выпью». — «Помните, что с вами было?» — «Было что-то при-

ятное, это и сейчас продолжается. Самочувствие хорошее, но настроение не соответствует обстановке. Обстановка серьезная. А настроение такое, что хочется выкинуть хулиганское что-нибудь. Кокетливое настроение».

Исп. С: «Помню, что где-то была, по-моему, в кафе. А зачем я там была? Что-то голова кружится» (во время выполнения экспериментального задания то ли смеется, то ли всхлипывает. После выполнения улыбается, настроение хорошее).

Групповые результаты ранжирования и степень согласованности предпочтений см. в табл. 6.4.

Результаты серии «Алкогольное опьянение» показывают, что для возникающего эмоционального состояния характерно предпочтение энергонасыщенных желтого и красного цветов и неприятие коричневого и черного. Синий (цвет покоя), находящийся на шестой позиции в ряду предпочтений, также скорее не принимается. В целом цветовые предпочтения в данной серии оказались очень близки цветовым предпочтениям в серии «Радость» (веселье).

Высокий коэффициент конкордации, отражающий единодушие в цветовых предпочтениях, и феноменологическое сходство эмоциональных проявлений испытуемых косвенно свидетельствуют и об имеющемся у них определенном опыте погружения в это измененное состояние сознания.

Полученные результаты подтверждают мнение Б. С. Братуся (1984) о том, что психологическая составляющая этого состояния детерминирована не только физиологическими процессами, вызванными непосредственно введением алкоголя в организм человека, но и тем питейным ожиданием, настроем, к которому окружающая среда и сам человек готовит себя. Так, Б. С. Братусь описывает эксперименты с подростками-правонарушителями, которым сообщалось, что им внутривенно введен алкоголь, а в действительности же вводился физиологический раствор. Поведение обманутых подростков полностью соответствовало поведению выпившего человека, и они, если так можно выразиться, демонстрировали выученную роль. Аналогично наши эксперименты показали возможность вызывать феноменально сходное алкогольному измененное состояние сознания без непосредственного введения алкоголя. Полученные таким образом данные цветовых предпочтений, маркирующие состояние легкого алкогольного опьянения, могут оказаться полезными для тестирования результатов успешности внушенного отвращения к алкоголю при лечении алкогольной болезни.

Выводы. Исследование взаимосвязи эмоционального состояния человека, вызванного суггестивной техникой психосинтеза, и его цветовых предпочтений, определенных с помощью теста Люшера, выявило конвергентную валидность этих двух методик. Полученный результат различия цветовых предпочтений испытуемых в различных эмоциональных состояниях, вызванных суггестивным внушением, и групповое единство в цветовых предпочтениях в каждом конкретном состоянии свидетельствуют как об эффективности суггестивной техники погружения их в заданное эмоциональное состояние, так и о том, что тест Люшера работает и значимо дифференцирует различные эмоциональные состояния испытуемых, и различным эмоциональным состояниям соответствует различный характер цветовых предпочтений, выделенный в процедурах ранжирования.

Заключение. Наши результаты не только подтверждают правомочность использования теста Люшера как психодиагностической процедуры, но и позволя-

ют по-новому взглянуть на проблему цветового символизма, в частности на практику описания человека через цветовые ассоциации, вызываемые его образом. Так, в буддийски ориентированной литературе приводятся многочисленные примеры описания личности, характера человека по цвету его ауры (свечения, исходящего от человека). По-видимому, если отбросить элементы мистической трактовки, речь здесь идет о своеобразном перекодировании в цветовую гамму тех бессознательных переживаний, которые испытывает человек, находящийся в состоянии медитации или измененного состояния сознания, вызванного самогипнозом, по поводу другого человека. Если это так, то возможно направленное обучение и развитие этого синестетического чувства, присущего, например, Чюрленису, Скрябину, Кандинскому. Соответствие цвета и доминирующего эмоционального состояния открывает возможность культурологического анализа

«пассионарное™» нации (термин Л. Н. Гумилева, 1970) или общества по характерной для нее цветовой гамме в искусстве или бытовой среде. В этом плане определенный интерес представляют работы немецкого философа Освальда Шпенглера, несущие в себе в рамках неоромантизма элементы культурно-исторического подхода (Тавризян, 1984). В этих работах переживания пространства и времени, присущие той или иной культуре, выступают как базовые основания, определяющие мироощущение, философию и искусство этой культуры. Цвет же при этом трактуется как важнейшая характеристика пространства, работающая на его ограничение в замкнутой телесности предметных форм или, наоборот, подчеркивающая его безграничность и беспредельность. Так, например, античную культуру, культуру полисов, ориентированную в своей идеологии на мир человека — человек является мерой всех вещей (Протагор), — Шпенглер трактует как ориентированную на замкнутые пространства, на материальную телесность. Античная живопись ограничила свою палитру желтой, красной, белой и черной красками. Без сомнения, в этом ограничении выражается прасимвол евклидовой души... Желтый и красный цвета — цвета евклидово-аполлоновские — суть цвета переднего плана, также в духовном смысле, цвета шумной общественности, рынка, народных празднеств, наивной, слепой беспечности, античного фатума и слепого случая, точкообразность существования (Шпенглер, 1923. С. 247).
Голубой и зеленый цвета — краски неба, моря, плодоносной ризницы, теней южного полдня, вечера и отдаленных гор. По существу, они — краски атмосферы, а не предметов. Они холодны, они уничтожают телесность и вызывают впечатления шири, дали и безграничности... Голубой и зеленый — фаустовские цвета — цвета уединения, заботливости, связанности настоящего момента с прошедшим и будущим, заботы как имманентного предопределения Вселенной (там же. С. 246).
Все глубоко трансцендентальные культуры, прасимвол которых требует преодоления очевидности, требует жизни как борьбы, а не как принятия данного, имеют общую им всем метафизическую склонность к пространству, а также к голубому и черному цветам (там же. С. 248). В символическом словаре Шпенглера находит свое место и золотой фон византийских икон, и темно-зеленый цвет (цвет судьбы) Рембрандта и Грюнвальда, и коричневые тона у Ватто, и чистые цвета у импрессионистов. Язык такого анализа скорее язык поэтических образов, цвето-пространственных метафор, и для своего сциентистского воплощения нуждается

в точных колориметрических оценках и описаниях в единстве с предметными характеристиками изображения.
Развитие современных ЭВМ, включающих высокого качества цветовые дисплеи, делает возможным создание цветовых банков каждой эпохи, каждого мастера и позволяет проведение своеобразного цветового контент-анализа духа эпохи, ее доминирующего эмоционального тонуса и мироощущения, выражаемого в цвете. Такого типа цветовой контент-анализ нуждается в разработке способов выделения значимости различных цветов, представленных в отличие от теста Люшера не сукцессивно, а симультанно в плоскости картины или в пространстве интерьера. Такому цветоэмоциональному прочтению картины могут, очевидно, способствовать техники записи движения глаз по картине, когда построение композиции задает направление такому движению, а цветовой язык вносит дополнительные коннотации в движение человеческих эмоций при восприятии произведения искусства.
Можно ожидать, что для современного человека, погруженного в искусственную, им самим же созданную среду, осознанное применение символики цвета, например в архитектуре, дизайне и интерьере, будет способствовать не угашению, а дальнейшему развитию чувства цветового символизма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Психосемантический подход к исследованию мотивации

По меткому замечанию В. К. Вилюнаса, терминологическая неоднозначность в психологии мотивации напоминает ситуацию поиска адреса в городе, где несколько улиц и переулков носят одно название. В различных теоретических подходах термином «мотив» или другим понятием, занимающим его функциональное место причины поведения, называют: осознанную субъектом цель действия, неосознаваемые влечения, обусловливающие наблюдаемые проявления в поведении (психоанализ), общую активацию организма, связанную с актуализацией потребности (теория драйва), внешний по отношению к организму, субъекту стимул, ключевой раздражитель, запускающий ту или иную программу поведения (бихевиоризм, этология), и т. д. Одной из ведущих линий дифференциации в подходах к мотивации является, по мнению В. К. Вилюнаса (1976, 1986), фиксация акцента на энергетических аспектах мотивации или на предметном

содержании.
Акцент на предметном содержании мотивации, понимание мотива как предмета потребности даются в теории А. Н. Леонтьева (1971). Мотив определяется как материальный или идеальный объект, в котором опредмечивается, конкретизируется, находит свое выражение та или иная потребность. Именно внешний по отношению к субъекту объект является, по А. Н. Леонтьеву, мотивом — причиной деятельности, выступающим в побудительной функции и задающим направленность этой деятельности. Смыслообразующая же функция мотива задается тем личностным смыслом, который приобретает этот мотив в сознании субъекта.
Такое понимание мотивации как предмета у А. Н. Леонтьева раскрывается в общем контексте его трактовки предметности как исторически фиксированной функции. Предметная область, в которой живет и действует человек, рассматривается не как совокупность физических объектов, существующих безотносительно к субъекту (как они рассматриваются в физике), а как мир предметов человеческой деятельности, выступающих носителями определенных значений, личностных смыслов, т. е. через призму восприятия их субъектом. Фиксируя эту мысль, А. Н. Леонтьев вводит «понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это «смысловое поле», система значений» (1979. С. 5). Представление А. Н. Леонтьева об «означенности» окружающего мира. [в] котором мы живем и действуем, близко, на наш взгляд, понятию жизненного пространства Курта Левина (Levin, 1936). Последнему принадлежит концепция психологической причинности, содержание которой имеет прямое отношение к проблеме мотивации как причины человеческих поступков.

Рассматривая категорию причинности применительно к психической жизни, К Левин выделяет две ее основные формы, которые часто смешиваются в традиционной психологии, историческую причинность, подразумевающую обусловленность настоящего событиями прошлого, и системную причинность как зависимость события от множества одновременных ситуаций.
Для раскрытия содержания этих понятий можно провести аналогию с лингвистическими понятиями синхронии и диахронии, введенными Ф. де Соссюром С1977). Термин «диахрония» обозначает исследование знаковой системы в ее историческом развитии, становлении, т. е. исследование того, что составляет традиционный предмет классической филологии. Синхрония связана с исследованием функционирования системы как сложившейся целостности в данный временной срез, ее исследованием занимается структурная лингвистика. Например, в проведенном Л. С. Выготским (1934) анализе генезиса слова «сутки» его производ-ность от слова «стык» — время, когда стыкуются день и ночь, и генетическая родственность его по комплексному мышлению со словом «стык» бревен в рубленой избе связаны с диахроническим аспектом развития системы языка. Функционирование же слова «сутки» в сложившейся на данный момент языковой системе, его значение определяются парадигматическими отношениями с семантически близкими словами: день, неделя, год, время, временнуе измерение, т. е. наличным семантическим полем значений.
Подобная аналогия между понятиями теории К. Левина и лингвистическими понятиями нам кажется продуктивной, поскольку введение Левиным системной причинности связано с разработкой им психологической теории поля; последнее же понятие активно разрабатывалось в лингвистике — науке, исследующей взаимосвязи целостной языковой системы.
Историческая (диахроническая) причинность в психологии связана с объяснением настоящего через события прошлого. К такого рода причинности прибегают генетическая психология, бихевиоризм, психоанализ. К объяснению настоящего через призму представлений субъекта о будущем, реализуемом в его жизненных целях, в дальних мотивациях — к телеологической причинности — прибегают представители холистской, или так называемой гуманистической психологии — А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс. Как отмечает К. Роджерс, человек есть не только то, что он есть, но и то, кем он хочет быть.
К. Левин вводит еще один вид причинности — систематическую, или, как мы будем ее называть, синхроническую причинность, понимаемую как системная взаимосвязь всех одновременных событий в их опосредованиях. Не случайно Древние греки говорили: «Убери песчинку из мира, и рухнет Вселенная».
Будущее и прошлое содержатся, по мысли К. Левина, в структурах настояще-[го]. и целостная реконструкция исследуемой системы по принципу «здесь и сейчас» призвана отразить синхроническую причину как взаимосвязанность.
Отметим, что традиции переживания причинности как синхронической характерны для таких

мировоззренческих систем, которые делают акцент в переживании бытия на настоящем. Например, время в синтоистском представлении всегда есть «теперь» — «нако-има», время между прошлым и будущим. Характеризуя специфику такого сознания, Юнг отмечает: «...то, что мы превозносим как причинность (каузальную. — *В.* 77.), не имеет почти никакого значения... Их, видимо, интересует сама конфигурация случайных событий в момент наблюдения,

а вовсе не гипотетические причины, которые якобы обусловили случайность» (цит. по: Григорьева, 1979. С. 159). Традиции переживания синхронической причинности как сопричастности всему происходящему свойственны, очевидно и экзистенционалистски ориентированному сознанию. Так, например, переживанием сопричастности человека миру людей пронизано все творчество Сент-Эк-зюпери. Б религиозной форме идея синхронической причинности содержится в рассуждениях Н. Бердяева о первородном грехе, понимаемом им не как персональная, «унаследованная» ответственность за содеянное в прошлом, а как переживание сопричастности всему доброму и злому в мире, поскольку человек — часть этого мира и его производное.

Исследования исторической и системной (синхронической) причинности, по мысли Левина, не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Путь к исследованию системной причинности как реконструкции временного среза жизненного пространства Левин видит в детальном описании жизненной ситуации человека во всех его представлениях о мире. Наиболее завершенным и конкретным опытом такого синхронического описания причинности, по мнению Левина, являются описания писателями, подобными Достоевскому, «показывающими, как различные факторы в индивидуальном окружении связаны между собой и самим индивидом» (Levin, 1934. С. 208). При этом важно, что факторы, задающие ситуацию, представлены в жизненном пространстве в своем социокультурном, а не объективном содержании: ребенок радуется Санта-Клаусу, а не мужчине с приклеенной бородой; принимая присягу, солдат преклоняется перед знаменем, а не перед куском материи.

Задача описания синхронической причинности как реконструкции целостной картины жизненного пространства, в которое погружен субъект, близка задачам экспериментальной психосемантики, целью которой является реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которых происходит восприятие субъектом мира, себя, других. Методологическим основанием психосемантического подхода к исследованию личности человека, его мотиваций через исследование категориальной структуры индивидуального сознания является положение А. Н. Леонтьева о пристрастном характере психического отражения и индивидуального сознания.

Рассмотрим реализацию психосемантического подхода к исследованию моти-вационной сферы личности на примере экспериментального исследования категориальных структур индивидуального сознания, опосредующих восприятие поступка (Петренко, 1983). В исследовании принимала участие Э. Тодорова (Петренко, Тодорова, 1985).

Испытуемым — 14 студентам в возрасте от 20 до 25 лет (7 мужчин и 7 женщин) — предъявлялся ряд предложений, описывающих то или иное событие, поступок, типичные для студенческого быта, например: студент вступил в НСО (научное студенческое общество); студент поехал на «картошку» (сельскохозяйственные работы), хотя был освобожден медицинской комиссией; студент отказался дать свой конспект другому студенту; студент переехал жить на частную квартиру; студент перед дипломной работой сменил специализацию; студент прочел на вечере самодеятельности свои стихи; студент вступил в оперотряд; студент просил преподавателя не ставить ему «4» на экзамене, а разрешить прийти в следующий раз и т. д. — всего 42 предложения.

В экспериментальной процедуре прямого шкалирования испытуемых просили оценить степень сходства каждого поступка с каждым другим по пятибалльной шкале.

В экспериментальной процедуре косвенного шкалирования испытуемым предъявлялся данный набор поступков и их просили оценить по пятибалльной щкале возможность того, насколько каждый из предложенных мотивов может быть основанием того или иного поступка. Список мотивов включал 29 суждений типа: стремление к знаниям; потребность в самоутверждении; материальная заинтересованность; желание вызвать восхищение; потребность в общении; боязнь административных санкций; подражание — делать так, как делают все; желание удивить и т. д.

Таким образом, каждый поступок получил 29 оценок по мотивационным категориям. Мерой сходства поступков в процедуре косвенного шкалирования выступало сходство в приписывании

им мотивов.

Любой человеческий поступок является полимотивированным и поэтому получал в нашем эксперименте у каждого испытуемого разные веса по разным мотивам. При этом испытуемые неизбежно проецировали свои собственные позиции и представления, приписывая их этому воображаемому студенту.

Полученные в результате как прямого, так и косвенного шкалирования индивидуальные и среднегрупповые матрицы сходства поступков (42 * 42) подвергались процедуре факторного анализа. Факторный анализ проводился по программе центроидного метода и включал подпрограмму поворота факторных структур по принципу *varimax* (Харман, 1972).

В результате обработки среднегрупповых матриц сходства поступков были выделены факторные структуры, найдены нагрузки по факторам для каждого поступка по результатам как прямого, так и косвенного шкалирования. Было выделено 7 значимых, независимых (ортогональных) факторов, имеющих сходную интерпретацию для обеих матриц. Содержание этих факторов будет рассмотрено ниже.

Коэффициент ранговой корреляции двух факторных структур составил р - 0,8, что позволяет говорить о сходстве результатов, полученных с помощью различных процедур, Сходство структур оценок поступков, полученных прямым и косвенным методами, демонстрирует, что артефакты, обусловленные спецификой операциональных процедур, сведены к минимуму. Различными средствами мы получаем один и тот же искомый объект исследования, а именно категориальную структуру восприятия и осознания человеческого поступка применительно к той содержательной области, которую мы исследуем, — студенческому быту.

Сходство полученных факторных матриц продемонстрировало также пропорциональную представленность и полноту предложенного нами списка мотивов как возможных причин поступков. Эти данные свидетельствуют нам о том, что основания категоризации, имплицитно содержащиеся в интегральной оценке сходства поступков при прямом шкалировании, в значительной мере соответствуют списку мотивов как причин поступков, использованному в процедуре косвенного шкалирования. Это в свою очередь дает нам право утверждать, что в основе суждений о сходстве поступков лежит их мотивационный аспект. Таким образом, утверждение А. А. Бодалева (1970) и И. С. Кона (1978) о том, что этическая оценка поступка в ходе онтогенеза последовательно смещается от оценки пове-

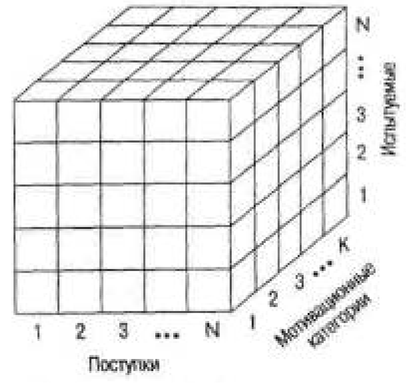

Рис. 34. Исходный куб (параллелепипед)
данных психосемантического
эксперимента

денческой фактуры поступка, его последствий к оценке причин, мотивов, импульсов, побудивших человека к действиям, можно считать экспериментально доказанным.

Представляется интересным провести предложенную методическую процедуру прямого и косвенного шкалирования поступков на контингенте испытуемых различного детского возраста и на детях с отклоняющимся — делин-квентным — поведением. Коэффициент сходства, конгруэнтности двух матриц может выступать показателем уровня социального развития ребенка.

Исходным материалом анализа данных в процедуре косвенного шкалирования являются результаты оценки *п* поступков (в нашем случае — 42) N испытуемыми (в нашем случае — 14) по К мотивационным категориям (в нашем случае — по 29). В результате такой процедуры образуется куб (параллелепипед) данных: объекты (поступки) х шкалы (мотивационные категории) х испытуемые (рис. 34). Обработка данных с помощью факторного анализа —

нахождение внутренней структуры переменной — возможна только при оперировании с двумя переменными. Порождаемый куб (параллелепипед) данных содержит три независимых источника вариации: поступки, мотивационные категории, испытуемые, — анализ которых позволяет ставить задачи исследования. Так, для одного испытуемого или усредненной группы испытуемых можно выделить данные (одну из секущих плоскостей), связывающие поступки и мотивационные категории. По этим данным можно построить матрицу сходства поступков (42 x 42), где мерой их сходства является сходство в приписывании им мотивационных категорий — коэффициенты корреляции строк матрицы «поступки x мотивы», или построить матрицу сходства мотивов (29 *x* 29), где мерой их сходства будет выступать сходство в отнесении их к поступкам — коэффициенты корреляции столбцов в матрице «поступки x мотивы». Математическая обработка этих матриц позволяет построить семантическое пространство поступков или семантическое пространство мотивов. Эти пространства и являются операциональным аналогом категориальных структур сознания в сфере восприятия поступков и в мотивационной сфере.
Взяв единственный поступок в качестве объекта, можно рассмотреть взаимосвязь «испытуемые * мотивы», где факторизация по испытуемым позволит выявить их дифференциацию в приписывании мотивов данному поступку, а факторизация по мотивам — их внутреннюю структуру применительно именно к данному поступку. Аналогично при фиксации в качестве константы единичного мотива можно подвергнуть исследованию взаимосвязь «испытуемые x поступки» и рассмотреть единодушие испытуемых в оценке множества поступков по данному мотиву или выявить организацию поступков применительно именно к данному мотиву. Фиксированная в виде частного семантического пространства поступков их внутренняя структура будет специфицирована применительно именно к данному мотиву.

Рассмотрим решение первой задачи применительно к построению семантического пространства мотивов. В результате факторной обработки данных по мотивам было выделено 7 значимых факторов, объясняющих соответственно 10,2; 9,1; 7 8; 7,1; 6; 5,6; 5,4% общей дисперсии. Интерпретация факторов осуществляется на основе поиска содержательного инварианта, объединяющего пункты (мотивы), имеющие значимые нагрузки по этим факторам. Поскольку в большинстве случаев факторы являются двухполюсными, т. е. включающими пункты как с положительной, так и с отрицательной нагрузкой по фактору, содержание фактора раскрывается именно через содержательный контраст пунктов, образующих полюса факторов. Эта оппозиция — антонимия мотивационных категорий — отражает специфику категориальной организации сознания испытуемого, его трактовки совместимости (несовместимости) мотивов и близка понятию личностных конструктов Дж. Келли. По первому фактору наибольшую нагрузку имели следующие мотивы: желание показать себя, желание удивить, совершить поступок, не обдумав, желание вызвать восхищение в оппозиции к эгоизму — мотиву, имеющему большую нагрузку с противоположным знаком.
Как видим, мотивы, сгруппированные на одном полюсе **первого фактора,** связаны с желанием утвердиться в глазах других, с потребностью внимания к себе, имеющей сиюминутное и спонтанное проявление, в оппозиции к эгоизму, выступающему здесь как безразличие к мнению других. Интересную группировку дали мотивы, имеющие максимальную нагрузку по **второму фактору:** «обычай — делать как принято», «подражание — делать как все», «зависеть» — в оппозиции к ревности — мотиву, имеющему большую нагрузку по этому фактору с противоположным знаком.
Обычай и подражание, очевидно, связаны с желанием «быть как все»; «зависть» подразумевает внутренний силлогизм: «Я как все, я не хуже, а потому я должен иметь...», «ревность» же предусматривает сомнение в собственной силе, значимости. Поэтому оппозиция рассмотренных мотивов задает, по нашему мнению, конструкт «я как все — я хуже других».
Третий фактор включал мотивы «желание самоутвердиться», «стремление лидировать (командовать)», «материальная заинтересованность» — в оппозиции к «альтруизму», «сопереживанию», «любви к другому».
Интересно попадание в одну группу мотивов самоутверждения и материальной заинтересованности. Очевидно, их объединение оказалось возможным в оппозиции к совершенно «бескорыстным» формам мотивации, связанным с заботой о благе другого. Данный фактор был интерпретирован нами как отражающий личностный конструкт: «Я как ценность» — «ценность других Я».
Четвертый фактор включал следующие мотивы: «потребность в общении», «желание поделиться

опытом», «желание вызвать ответную симпатию», «стремление лидировать» — и в оппозиции к «желанию вызвать ответное сочувствие», «боязни административных санкций», «боязни быть непонятым». Содержание этого фактора отражает мотивацию, связанную с разными стилями общения: активное стремление к контактам, к открытому общению «на равных» в оппозиции к избеганию контактов, подчинению, общению «с приставкой снизу». Характерно, что два близких по содержанию высказывания: «желание вызвать ответную симпатию» и «желание вызвать сочувствие» — оказались полярными по этому фактору. Содержание этого фактора задано, таким образом, конструктом «откры-

тое общение — защитная установка в общении». Относительно высокая (г = 0,3) корреляция этого фактора с первым (максимальная в матрице интеркорреляций) взаимно подтверждает их «общенческий» характер.

Пятый фактор выявил оппозицию мотивов, связанных с самосовершенствованием («стремление к знаниям» и «желание самосовершенствования») и контрастирующих по этому фактору мотивам индивидуального достижения («стремление лидировать», «честолюбие»). Содержание этого фактора, очевидно, отражает конструкт «стремление к внутреннему самосовершенствованию — стремление к социальным достижениям». Отметим, что этот конструкт выделен по среднегрупповой матрице данных, отражающей общие тенденции в структурировании мотивации; в ряде индивидуальных матриц мотив «честолюбие» оказывался положительно коррелирующим с мотивом «стремление к знаниям».

Наконец, **шестой однополюсный фактор** выявил группировку социально неприемлемых мотивов «подхалимство» и «карьеризм», а седьмой однополюсный фактор объединял диаметрально противоположные мотивы альтруистического поведения: «самопожертвование», «сопереживание», «любовь к другому».

Подводя итог проведенного анализа, отметим, что выделенные факторные структуры отражают категориальную организацию мотивационной сферы, присущей именно нашей выборке испытуемых, а рассмотрение среднегрупповых данных отражает структуру сознания некоторого условного «среднегруппового студента». В концепции А. Н. Леонтьева (1971) личность человека характеризуется через иерархию мотивов деятельности, и каждый субъект обладает своей индивидуальной организацией мотивационной сферы. Рассмотрение индивидуальных факторных матриц каждого отдельного испытуемого позволяет выявить индивидуальную структуру мотивации. Операциональной моделью мотивационной структуры субъекта будет являться субъективное семантическое пространство, координатными осями которого выступают выделенные в результате индивидуального факторного анализа категории-факторы, а размещение мотивов внутри такого пространства осуществляется на основе факторных нагрузок мотивов по выделенным факторам. Эти факторные нагрузки соответствуют проекциям значений мотивов на оси семантического пространства.

Проведем анализ матриц «поступки х мотивы» применительно к построению семантических пространств поступков. Индивидуальные семантические пространства, координатными осями которых являются выделенные в факторном анализе ортогональные факторы, рассматриваются как операциональные аналоги категориальных структур восприятия поступков. При этом отдельные параметры семантического пространства, такие как содержание факторов, их число (размерность пространства), их мощность (вклад в общую дисперсию), интеркорреляции и т. п., отражают дифференциально-психологические особенности испытуемых. Размещение в индивидуальном семантическом пространстве отдельных поступков по их факторным нагрузкам позволяет реконструировать «видение», понимание поступка каждым отдельным испытуемым.

Переходя к рассмотрению полученных результатов, остановимся на важном методологическом тезисе, обусловливающем психосемантический подход к исследованию личности. Применение метода построения субъективных семантических пространств к исследованию личности связано со спецификой интерпретации выделяемых факторных структур при анализе индивидуальных различий-

Если в ранних работах в области экспериментальной семантики объектом семантического анализа, как правило, выступали среднегрупповые данные, то в настоящее время появляется все больше работ, посвященных индивидуальным различиям, выделяемым с помощью аппарата семантических пространств. При этом возникают дополнительные сложности в звене

интерпретации, которые мы и рассмотрим.
Согласно справедливой оценке А. А. Бодалева, «внешняя сторона отдельно взятых поступков, как правило, не определяет однозначно их внутреннего психологического содержания» (Бодалев, 1970. С. 9). Получая в эксперименте «склейку» в виде фактора таких непохожих поступков, как «студент на семинаре всегда садился один», «студент самостоятельно изучал древнегреческий язык», «студент переехал жить на частную квартиру» и т. д., исследователь оказывается в затруднении при попытке выделить содержательный инвариант, объединяющий столь разнородные поступки, и тем самым интерпретировать этот фактор. Понимание того, что стоит за тем или иным поступком для самого испытуемого, требует эм-патии, активного диалога с ним экспериментатора, который может привести, например, к тому, что факт переезда студента на частную квартиру будет интерпретироваться как возможность работать в более спокойной обстановке, в то время как для другого испытуемого этот поступок входит в фактор «веселая жизнь» и интерпретируется как возможность более бесконтрольного времяпрепровождения. Аналогично факт вступления студента в НСО может входить в индивидуальных матрицах наших испытуемых в фактор «стремление к знаниям» у одних, в фактор «потребность в общении» — у других или в фактор «карьеризм» — у третьих, т. е. осмысливаться по-разному. Отметим, что один и тот же поступок может иметь значимые нагрузки по нескольким факторам, т. е. быть для испытуемого полимотивированным. Интерпретация выделенных факторов, являющихся образующими семантического пространства, выступает как нечто большее, чем самостоятельный поиск экспериментатором содержательного инварианта, объединяющего пункты, входящие в фактор. Такой подход был правомочен при интерпретации семантических пространств, универсальных для различных испытуемых, например семантического трехфакторного пространства Ч. Осгуда (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957), где организация шкал в факторы была обусловлена механизмами синестезии, универсальными для человеческого рода, и общность синестетического (коннотативного) кода исследователя и испытуемых позволяла ему домыслить содержание фактора за испытуемого. В какой-то степени это было оправдано и в нашей интерпретации среднегрупповой матрицы мотивов, где содержание мотивов, заданное единичными словами, допускает их более или менее однозначное прочтение. В исследовании дифференциальных различий, обусловленных личностью испытуемых, в частности понимания причин поступка, мы сталкиваемся с принципиально новым классом задач по интерпретации, обусловленных «полупроницаемостью» человеческого сознания и требующих активной эмпатии, сопереживания исследователя испытуемому. Психолог, работающий в области экспериментальной психосемантики личности, оказывается в ситуации, близкой к работе исследователя старинных текстов или исследователя других культур (Гуревич, 1984), требующих от него вхождения «изнутри» в культуру людей, мыслящих в другом коде. Рассмотрим в качестве примера фрагмент инди-

видуального семантического пространства восприятия поступков одного из испытуемых.
Испытуемая Л. М. — студентка факультета психологии, не замужем, общительна, тактична. Имеет разносторонние интересы, увлекается искусством. В результате обработки матрицы сходства поступков были выделены следующие факторы.
По **первому фактору** доминирующие факторные нагрузки имели следующие поступки: «студент не поехал отдыхать на летние каникулы, а остался работать в лаборатории»; «выпускник вуза — москвич — уехал работать на периферию, хотя мог остаться работать в Москве»; «студент предложил себя в старосты курса»; «студент самостоятельно изучал древнегреческий язык»; «студент тратил большую часть времени на общественную работу»; «студент поехал на сельскохозяйственные работы, хотя был освобожден медицинской комиссией» и т. п. Эти поступки имели значимые факторные нагрузки одного знака, а оппозицию им составляли поступки, имеющие значимую, хотя и меньшую, нагрузку по этому фактору с противоположным знаком: «студент избегал разговоров о своей личной жизни»; «студент на семинарах всегда садился один»; «студент скрывал от своих товарищей, что он занимается карате».
Содержание этого фактора, очевидно, отражает личностный конструкт, фиксирующий различные жизненные стили: стиль активно предприимчивый, экстра-вертированный, ориентированный на достижения, и стиль человека замкнутого, скрытного. В пользу такой гипотезы говорит, например, разъяснение испытуемой поступка «студент-москвич уехал работать на периферию...». По мнению испытуемой, на периферии выпускник московского вуза может найти более широкие возможности для своего профессионального и административного роста.

Второй фактор представляли поступки: «студент носил портфель своего профессора»; «студент, пропустив семинар, извинился перед преподавателем»; «студент предложил малознакомой непривлекательной девушке вместе готовиться к экзамену» — в оппозиции к поступкам: «весь семинар студент задавал каверзные вопросы»; «за экзамен преподаватель хотел поставить студенту "четыре", а тот сказал, что все списал со шпаргалки». Личностный конструкт, отражающий содержание этого фактора, очевидно, задан оппозицией предупредительного и нонконформного поведения.

Слабый **третий фактор** включал «сциентистские» поступки типа «студент вступил в НСО», «студент половину стипендии тратил на книги», дающие неожиданный контраст с поступком «студентка пришла на занятия в вечернем бархатном платье». По-видимому, при проекции мотивов на вымышленного студента он превратился в студентку и создавшаяся оппозиция отражает противопоставление образа «синего чулка» в оппозиции к образу «светской дамы». Интересно отметить, что большинство наших испытуемых-девушек воспринимали поступок «появление на занятиях в вечернем платье» как весьма неуместный при нейтральном, безразличном отношении к нему испытуемых мужского пола.

Четвертый фактор задан поступками: «студент рассказал товарищам о том, что ему очень понравился концерт классической музыки, который он посетил на днях»; «студент часто рассказывал о своем друге-кинорежиссере»; «студент на 8 марта подарил цветы всем девушкам своей группы»; «студент был на "ты" с молодым преподавателем»; «студент принес статью, неизвестную преподавателю,

по курсу, который читал преподаватель» — в оппозиции к поступкам: «студент отказался дать конспект другому студенту»; «студент неохотно встречался со своими друзьями детства». Содержание этого фактора, очевидно, задано противопоставлением раскрепощенного стиля общения и избегания общения.

Пятый однополюсный фактор включал поступки: «студент посещал лекции в другом вузе»; «студент всегда отказывается от приглашения однокурсников на вечеринку»; «студент накануне дипломной работы сменил специализацию»; «студент переехал из общежития на частную квартиру». Объединение-столь разнородных поступков в одном факторе у нашей испытуемой объясняется, очевидно, ее повышенной сензитивностью к проблеме общения. Изменение научных интересов — «смена специализации» и «посещение лекций в другом вузе» — оказывается взаимосвязанным с «отказом от приглашений на вечеринку», «переездом на частную квартиру» и т. п. Содержание фактора позволяет предположить, что учебные интересы испытуемой тесно связаны с возможностью полноценного общения и неудача в одной сфере ведет к потере интереса к другой.

Шестой однополюсный фактор объединял альтруистические поступки: «студент по собственной инициативе принял участие в Дне донора и сдал кровь»; «студент записался в оперотряд». Отметим, что у всех других испытуемых последний поступок попадал или в фактор «самоутверждение», не имеющий явного выражения у нашей испытуемой, или в фактор «общение». Для нашей испытуемой он выступает в первую очередь через призму социальной активности.

Подводя итог проведенного анализа, отметим повышенную сензитивность испытуемой к характеру общения. Большинство выделенных факторов и соответствующих им личностных конструктов затрагивает «стилистику» общения. Для сравнения приведем результаты факторной обработки данных испытуемой О. В., где наиболее мощным фактором оказался фактор, объединяющий сциентистски трактуемые поступки: «студент вступил в НСО»; «студент не поехал на летние каникулы, а остался работать в лаборатории»; «студент весь семинар задавал каверзные вопросы»; «студент самостоятельно изучал древнегреческий язык»; «студент посещал лекции в другом вузе»; «студент половину стипендии тратил на книги»; «студент просил преподавателя не ставить ему "четыре", а разрешить прийти в следующий раз», и т. п. У испытуемой же Л. М., чьи результаты мы анализировали выше, «сциентистские» поступки оказались разведенными по факторам, связанным со стилями общения.

Отметим, что предложенная методика позволяет наметить зоны повышенной сензитивности испытуемых и без проведения факторизации, по «сырым» протокольным данным. Так, если одни испытуемые щедро приписывали отрицательные мотивы поступкам «студента», то другим была свойственна оптимистичность в оценке его поступков и им приписывались положительные мотивы. Приписывая разным поступкам разные веса (баллы) по мотивационным категориям,

испытуемые тем самым ставят разные акценты и на внимании к тем или иным поступкам и к тем или иным мотивационным категориям. Например, у ряда испытуемых поступок «студент выступил на собрании, резко критикуя товарища», получил большие нагрузки по мотивационным категориям и выступил эмоциональным стержнем, вокруг которого сгруппировалось содержание фактора. У испытуемой же Л. М. данный поступок не имел рельефных оценок и оказался распределенным по целому ряду факторов.

В целом выделяемые факторные структуры восприятия поступков не отражают однозначно мотивационные тенденции. Например, личностный конструкт дифференциации людей на верующих и неверующих проявится, очевидно, и у религиозного фанатика, и у воинствующего атеиста. Однако содержание личностных конструктов говорит о значимости некоторой проблематики для субъекта. Так, проверка на конвергентную валидность нашей методики, осуществлявшаяся в сопоставлении мощности факторов, выделенных по всем нашим испытуемым и интерпретированных как достиженческие устремления, с оценками наших испытуемых по тесту «достижения» (Орлов Л., Шкуркин, Орлов Ю., 1977) выявила корреляцию данных двух методик, равную 0,4. Это говорит о некоторой прогностической ценности обеих методик. Игровой характер психосемантических методик, их относительно низкая рефлексивность и выделение категориальных структур в «режиме употребления», а не самонаблюдения, как в большинстве тестов, позволяют надеяться на распространение их в области исследования мотивации.

В заключение хотелось бы предупредить возражения возможного оппонента относительно того, что формализованные методы анализа могут «засушивать» живую ткань образа человеческой личности. Возражая против определенного предубеждения психологов относительно математических методов исследования в области психологии личности, и в частности факторного анализа, один из основателей этого метода, Терстоун, отмечает, что факторный анализ не более чем средство для выдвижения и проверки содержательных гипотез. Это замечание делается «в надежде опровергнуть довольно распространенное мнение, что весь факторный анализ связан с алгеброй и статистикой. Он призван быть нашим помощником в исследовании психологических идей. Если же таковых идей у нас нет, мы, вероятно, не откроем ничего интересного, поскольку даже при полной ясности и определенности результатов факторного анализа их интерпретация должна быть такой же субъективной, как и в любой другой научной работе» (Thurstone, 1948. P. 402). Действительно, факторный анализ не порождает нового содержания, а позволяет представить исходные данные, полученные в ходе эксперимента с испытуемыми, в компактном, хорошо структурированном виде, и от теоретических предпочтений исследователя, его знания данной содержательной области зависит возможность содержательно интерпретировать выделенные структуры.

Психосемантический подход к исследованию мотивационных образований личности оказывается, на наш взгляд, близким к экспериментальной парадигме проективных методов. Заполнение матрицы данных нашими испытуемыми за некоего абстрактного студента (в основном эксперименте) и за самого себя выявило практическую идентичность этих матриц, что говорит о проективном характере нашей методики. Так, уже первые попытки сопоставительного анализа проективных и психосемантических методов продемонстрировали их конвергентную валидность (Столин, Кальвиньо, 1982). Действительно, использование многозначного материала, допускающего то или иное его понимание испытуемыми, обеспечивает определенные степени свободы в его структурировании. Факторный анализ, основанный на выделении корреляционных связей, не позволяя провести причинно-следственный анализ, оказывается тем не менее удобным средством построения своеобразных «смысловых полей», объединяющих разного рода события, поступки, суждения на основе близости их личностных смыслов в сознании испытуемого. Описание структуры этого смыслового поля субъекта, на наш

взгляд, близко к представлениям топологической психологии К. Левина и отражает его понимание системной (синхронической) причинности. Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого (Хараш, 1980). Содержательная интерпретация выделяемых структур необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способы осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатийного процесса, дает смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где

личность испытуемого рассматривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

Предложенный нами метод приписывания испытуемыми мотивов поступкам с позиции того или иного персонажа оказался перспективным и в области психологии восприятия искусства. Специфика психосемантического подхода в этой области заключается в том, что исследователь обращается к произведению искусства через посредника-реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращенной форме — форме события, опыта духовной жизни другого человека. Реконструкция субъективного инобытия произведения искусства осуществляется через построение субъективных семантических пространств, где в качестве дескрипторов (шкал описания) используются фрагменты поведения, поступков персонажей, взятые непосредственно из сюжета произведения, а испытуемые оценивают вероятность того, что тот или иной мотив служит причиной поступка того или иного персонажа.

Так, например, в проведенном по нашей методике исследовании зрительского восприятия персонажей художественного фильма «Жестокий романс» режиссера Э. Рязанова было показано, что спектр приписываемых испытуемыми мотивов поступкам персонажей фильма тем шире, чем выше приятие зрителями этих персонажей, и наоборот, чем больше психологическая дистанция, разделяющая зрителя и героя фильма, тем более описание персонажа зрителем смещается от описания мотивационной сферы героя фильма к его объектному описанию через набор личностных качеств и черт. Группировка мотивов, приписываемых персонажу, посредством факторного анализа позволяет реконструировать структуру мотивации персонажа так, как она представляется зрителю, а выделение биполярных (двухполюсных) факторов — выявить зоны внутренних противоречий персонажа, выступающих как антонимия мотивов в рамках анализируемых поступков (Петренко, Собкин, Нистратов, Грачева, 1988).

Методика исследования восприятия мотивационной структуры киноперсонажа зрителем

Исследования, направленные на выявление закономерностей восприятия художественного произведения, занимают особое место в контексте исследований по психологии искусства. По существу, они являются базовыми для перцептивной эстетики, поскольку именно методы психологического исследования позволяют экспериментально оценить функциональную эффективность организации худо-

жественного произведения в плане .тех содержательно-смысловых воздействий, которые оно оказывает на читателя или зрителя.

В этом отношении достаточно продуктивным может быть психосемантический подход, который ставит акцент на анализе структуры «зрительских реакций» (Л. С. Выготский) и заключается в реконструкции категориальной структуры восприятия и осознания зрителем тех или иных произведений искусства, операциональным аналогом коих выступают субъективные семантические пространства.

В психосемантическом эксперименте исследователь обращается к произведению исскуства через посредника — зрителя (читателя) и пытается увидеть, услышать, понять и пережить произведение его глазами и душой.

В рамках психосемантического подхода сложился ряд методических приемов исследования особенностей художественного восприятия. К ним следует отнести: многомерную оценку методом семантического дифференциала зрительского отношения к художественному произведению; процедуру выявления когнитивной сложности восприятия методом личностных конструктов Келли; построение матрицы сходства персонажей на основе субъективного шкалирования; метод «множественной идентификации», связанный с оценкой вероятности принятия той или иной ролевой позиции. То есть возможно описание персонажей через их личностные качества, через свойственные им действия или поступки, наконец через их желания, цели, мотивы. Подчеркнем при этом, что процедура описания личности человека или литературного персонажа по спискам личностных качеств является по своему духу объектной. Приписывание человеку некоего, пусть положительного, качества, имеющего вневременную характеристику, делает его как бы константным, равным самому себе, лишает его возможности внутреннего развития, свободы.

Иная линия развития и совершенствования языка описания литературных и киноперсонажей связана с раскрытием их внутреннего мира мотивации, того, к чему стремятся, что хотят, во что верят. Экспериментальное исследование показывает, что чем ближе нам человек, тем более мы

способны ему сопереживать, сострадать, тем более, характеризуя его, мы переходим от описания его личностных качеств к описанию его мотивов, желаний, его «потребного будущего».

В настоящем исследовании мы продолжаем эту линию применительно к описанию персонажа через приписывание ему возможных мотивов поведения. Методической новизной данной работы является то, что поступки и ситуации, в которые поставлен персонаж, выделены непосредственно из ткани художественного произведения. Такое ограничение поступков набором предлагаемых обстоятельств, в которые поставлен персонаж сюжетом самого произведения, с одной стороны, облегчает экспериментатору формирование списка анализируемых поступков героев, сохраняя аутентичность «ментального пространства» художественного произведения, а с другой стороны, дает дополнительный материал, отражающий понимание испытуемыми фрагментов сюжетной канвы произведения. Так, наряду с семантическим пространством мотивов, приписанных данному персонажу по поводу тех или иных поступков, можно (на той же матрице данных) выделить пространство поступков, имеющих различную поведенческую фактуру, но сходных по мотивационной направленности.

В качестве объекта исследования нами был выбран художественный фильм «Жестокий романс» режиссера Э. Рязанова.

Процедура эксперимента. Группа испытуемых различного пола, возраста и социального положения оценивала по 6-балльной шкале (от 0 до 5) то, насколько каждый из 40 предложенных мотивов может служить причиной для каждого из поступков, совершенных тем или иным персонажем. Список поступков персонажей (Паратов, Лариса, Карандышев, Вожеватов, Кнуров, Харита, Робинзон) вычленялся из ткани художественного произведения. Например, Паратов: вытаскивает из грязи коляску, предлагает себя в качестве мишени, подбирает Робинзона, высаженного за буйство на «необитаемый остров», просит Робинзона напоить Карандышева, пьет с Карандышевым «на брудершафт», увозит Ларису за Волгу, собирается жениться на богатой невесте и т. д.; Лариса: просит Карандышева уехать с ней в деревню, отказывается петь, когда все ее об этом просят, соглашается петь, когда Карандышев ей это запрещает, уезжает с Паратовым на Волгу, благодарит Карандышева за то, что он стреляет в нее, и т. д. Соответствующие наборы поступков были выделены для каждого из указанных персонажей фильма.

Набор мотивов, приписываемых поступкам персонажей, был частично взят из предыдущего исследования по атрибуции мотивов и дополнен. Полнота списка мотивов отчасти гарантировалась проведенной в указанном выше исследовании факториальной группировкой по мотивационным блокам. В список мотивов вошли: потребность в острых ощущениях, потребность покровительствовать, желание быть честным перед другими, желание оказать помощь, сексуальное влечение, потребность самоутверждения, желание получить удовольствие, желание унизить, желание повысить свое социальное положение (статус), желание быть честным перед самим собой и др.

Инструкция испытуемым. «Оцените по 6-балльной шкале (от 0 до 5), насколько каждый из предложенных Вам в списке мотивов может являться причиной соответствующего поступка у данного персонажа».

Процедура обработки данных. Индивидуальные протоколы испытуемых (поступки, их мотивы) для каждого из персонажей фильма суммировались в общегрупповые матрицы данных, которые затем подвергались процедуре факторного анализа.

Рассмотрение исходных групповых матриц данных по каждому персонажу дает интересный материал для анализа. Так, ряд мотивов, «работающих» для одного персонажа, может не иметь нагрузок для другого. Например, для такого персонажа, как Паратов, практически ненагруженными оказались такие мотивы, как «желание оказать помощь», «боязнь юридической ответственности», «боязнь одиночества» и ряд других, хотя указанные мотивы могут иметь высокие нагрузки для поступков других персонажей (например, Ларисы и Карандышева).

Для наглядного представления значимости того или иного мотива у соответствующего персонажа использовался ряд гистограмм «мотивационной включенности». Под мотивационной включенностью мы понимаем некую условную величину *M,* вычисленную как сумму всех нагрузок данного мотива для поступков данного персонажа, деленную на количество поступков и количество испытуемых.

Исходные матрицы данных могут быть рассмотрены и с другой позиции (анализ по вертикали), где степень нагруженности поступка по множеству мотивов

отражает его полимотивированность или, наоборот, свидетельствует о мотиваци-онном монодетерминизме.

Для элиминации «неработающих» мотивов (для данного персонажа) был предложен алгоритм «обнуления строки». При этом выявилась интересная закономерность, состоящая в том, что главным героям фильма приписывается и более сложная структура мотивации поведения. С нашей точки зрения, этот результат имеет существенное общепсихологическое значение для исследования психологии общения, поскольку показывает, что происходит обеднение каузальной атрибуции по мере отстранения, отдаления от партнера по общению. Это приводит к редукции внутреннего мира партнера до уровня личностной черты и превращению его самого из субъекта — «значимого другого» — в объект оценивания.

Предложенный анализ исходных данных в форме «мотивационных гистограмм» позволяет выделить наиболее значимые мотивы для каждого персонажа, однако они выступают как рядоположный набор, список возможных причин поведения. Для того чтобы выявить их взаимосвязи, выделить основные мотиваци-онные блоки, определяющие мотивационную структуру личности персонажей, требуется обработка исходных матриц, основанная на факторной группировке.

Рассмотрим в качестве примера группировку мотивов в факторные структуры для персонажа Паратов.

В **первый мотивационный блок** (фактор) с наибольшими нагрузками вошли мотивы: сексуальное влечение, любовь, любопытство, желание получить удовольствие, потребность в острых ощущениях, жажда власти, потребность самоутверждения. Этот униполярный фактор может быть интерпретирован как «чувственность» с характерным в рамках этой тенденции стремлением к доминированию и острым ощущениям.

Второй мотивационный блок включал следующие мотивы: желание повысить свое социальное положение, стремление к обогащению, боязнь показаться смешным, следование нормам данной социальной группы, традиция, обычай (так принято делать). По своему содержанию они характеризуют стремление личности к социальной интеграции, сохранению социально-статусных связей. Таким образом, данный фактор определяется как «социально-статусная нормативность».

В третий биполярный фактор вошли мотивы: желание продемонстрировать свое превосходство, стремление вызвать восхищение в глазах окружающих — на одном полюсе и желание быть честным перед другими, ссылка на обстоятельства, безволие — на другом. Биполярность этого фактора, то есть наличие в нем двух полюсов, свидетельствует о своеобразной амбивалентности мотивационной направленности Паратова, о внутреннем противоречии между стремлением **к** самоутверждению, превосходству, демонстративности и желанием быть честным перед другими (в первую очередь Ларисой) или же, (в рамках защитных механизмов личности) хотя бы списать отвественность (в собственных глазах) на внешние обстоятельства.

В **четвертый фактор** вошли мотивы: желание отомстить, желание унизить, чувство ревности. Данный мотивационный блок определяет «тенденцию к агрессивности». Характерно, что действия, размещенные с наибольшими нагрузками по оси этого фактора, семантически связаны и ориентированы лишь на одного персонажа как на объект агрессии — Карандышева. Этот момент выявляет особенности драматического построения и режиссерской организации роли, при

которых определенный аспект мотивационной структуры личности данного персонажа раскрывается лишь во взаимоотношении с каким-то одним определенным персонажем. В этой связи в общепсихологическом плане, по-видимому, можно говорить не только о полимотивированности действий, но и о полимотивированности или одномотивированности ролевых взаимоотношений.

Пятый фактор, объединяющий мотивы, — боязнь одиночества, желание оказать помощь, потребность покровительствовать, а также **шестой фактор,** включающий спонтанное поведение, веру в Бога, — имеют общую особенность. Их мотивы имеют по сходным матрицам данных наиболее низкие значения, что говорит об их малой значимости в структуре личности Паратова.

Седьмой, мало нагруженный фактор включает мотивы, которые имеют также довольно низкие значения по исходным матрицам данных (желание продемонстрировать свое богатство, традиция, обычай). Эта «традиционность поведения», таким образом, не является значимой детерминантой поведения, хотя и определяет отдельные, частные поступки персонажа.

Полученные результаты интересно соотнести с оценкой личности Паратова в искусствоведческой литературе, вскрывающей конфликтную структуру построения его характера, где за внешним

«очарованием», «общительностью» скрывается «барское и мужское самолюбое», «цинизм» и при этом отмечается «сила характера», «склонность к риску». Искусствоведческие оценки оказались соотносимы с описанными выше мотивационными блоками, что позволяет говорить о содержательной валидности данной методики.

В заключение отметим, что проведенный эксперимент позволил выявить содержательно интерпретированные в контексте произведения личностные мотива-ционные структуры остальных основных персонажей фильма. Это свидетельствует о хорошей дифференцирующей силе предложенной методики для выявления особенностей понимания мотивации различных персонажей зрителями.

Проективность психосемантических методов используется, таким образом, не только для исследования личности самого испытуемого, но и для реконструкции понимания им личности другого человека, в том числе персонажа художественного произведения, а через это — и взаимоотношений персонажей, разворачивающихся в рамках сюжета. Полагаем, что предложенный метод описания личности человека через его поступки и мотивы найдет применение как в области психологии восприятия искусства, так и в исследованиях межличностного восприятия (в частности, его онтогенеза), где мерность семантического пространства отражает уровень развития межличностного восприятия и степень эмпатии, приятия одним человеком личности другого человека.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Стереотипы обыденного сознания

8.1. Семантический анализ профессиональных стереотипов

Целью данного исследования являлась реконструкция одной из форм социальных стереотипов — образов-типажей. Здесь в первую очередь была важна методическая направленность, связанная с апробацией психосемантических методик для исследования стереотипов обыденного сознания применительно к сфере восприятия профессий. Схема построения эксперимента может служить хорошей иллюстрацией психосемантического подхода к исследованию стереотипов обыденного сознания, легко переносимого на область сходных задач по реконструкции образов-стереотипов представителей различных массовых профессий, например типичного врача, учителя, инженера и т. п., какими они выступают для различного контингента населения.

Необходимость подобных исследований в связи с производственной деятельностью, формированием профессиональных навыков общения и педагогическими задачами и их методологическое обоснование заданы работами А. А. Бодалева (1970, 1982, 1983), выдвигающего проблему построения типологии личности в рамках обыденного, житейского сознания. Отдельные аспекты такой типологии представлены в ряде исследований (Агеев, 1986; Еремеев, 1979; Жуков, 1978; Кукосян, 1979; Парфенов, 1982; Русина, 1981; Шихирев, 1971; Абульханова, Воло-викова, Елисеев, 1991; Анциферова, 1993; Василюк, 1995, и др.). В некоторых работах рассматривается регуляторная роль образа-стереотипа как носителя социальных установок, представляющих некий «стандартизированный вариант личностного смысла» группы (Шихирев, 1976), в том числе и профессиональной.

Одну из форм социального стереотипа, являющуюся схематизированным представлением о типе личности, характерным для некоторой человеческой общности, мы будем называть типажом-стереотипом. Профессиональным типажом-стереотипом мы называем персонифицированный образ самой профессии, или, другими словами, обобщенный образ типичного профессионала. Если социальная роль — это обобщенный нормативный способ поведения, поведенческий эталон, приписываемый человеку и ожидаемый от него как от представителя некоторой социальной группы, то типаж — это скорее схематизированное представление о личности, характере и способах поведения человека в неформальном личностном общении.

Яркие иллюстрации профессионального типажа-стереотипа, вернее вписыва-емости в него образа актера, дает киноискусство. В конце 50-х гг. актер А. Баталов снялся в фильме «Большая семья» в роли молодого рабочего. Критика отметила, в частности, несоответствие актера ролевому типажу: «Где распрямленные плечи, орлиный взгляд? Разве такой человек лихо спляшет, сыграет на баяне?» (Кузнецова, 1978. С. 84). Прошло 30 лет, и интеллектуальный облик Баталова оказался вполне соответствующим образу современного высококвалифицированного рабочего (фильм «Москва слезам не верит»). Эту культурологическую обусловленность и историчность социального стереотипа отмечает П. Н. Шихирев: «...он действует сейчас, в данном обществе и в

относительно узких исторических рамках, пока он живет в человеческих эмоциях» (Шихирев, 1976. С. 28).

Являясь средством категоризации другого человека, социальный стереотип может выступать и эталоном, меркой самосознания. В социальной психологии широко практикуют минитест: «Кто ты?» (психолог, мужчина, турист...). Предполагается, что ответ на этот вопрос позволяет выстроить ряд субъективно значимых, доминирующих категоризации в осознании человеком своего «Я». При этом профессиональная принадлежность оказывается, как правило, той визитной карточкой, которую человек предъявляет, чтобы охарактеризовать себя другому или самому себе.

Если предложить человеку, для которого профессиональная деятельность является ведущей, задающей смысл его жизни, оценить образ своего «Я» (например, с помощью шкал семантического дифференциала) и образ человека его профессии, то эти два описания будут близки, т. е. будут иметь сходные коннотатив-ные значения. Это демонстрирует включенность образа нашего «Я» в образ нашей профессии. Образ «Я» распространяется, генерализуется на области, личностно значимые для субъекта, в том числе и на его профессию, иначе говоря, образ профессии предполагает частицу характера, способностей, интересов человека. Возможность идентификации предполагает наличие психологической близости. И хотя этот процесс встречный и профессия шлифует характер человека, оттачивая те или иные грани, сам человек обладает свободой выбора тех профессий, которые отвечают его психологическим склонностям. Этот выбор, очевидно, обусловлен как знаниями об объективной специфике профессии (Каверина, 1978; Климов, 1974, 1983, 1988), так и специфическим «ореолом», связанным с престижностью профессии, ее субъективным образом, навеянным литературой, кино, театром (Кудрявцев, Шегурова, 1983; Овсянникова, 1981; Климов, 1995). В эту «ориентировочную основу» выбора профессии включены, очевидно, представления о типичных личностных чертах профессионала, т. е. о профессиональном типаже-стереотипе.

В задачу нашего исследования входили как реконструкция представлений об образе «типичного студента», профессия которого отлична от будущей профессии самих испытуемых, так и оценка «типичного студента собственной профессии», профессионального автостереотипа. Таким образом, предполагалось проследить, в чем будет выражаться «эффект центрации», пристрастности испытуемых к типажу-стереотипу, под который попадают они сами. Наконец, предполагалось проверить, влияет ли профессиональная принадлежность испытуемых-студентов

на степень когнитивной сложности используемых ими стереотипов в восприятии профессий.

В качестве методического инструментария использовалось построение субъективных семантических пространств, являющихся операциональными аналогами категориальных структур индивидуального сознания (Петренко, 1982, 1983; Шмелев, 1983).

Испытуемые, которыми были студенты четырех факультетов МГУ (биологи, психологи, физики и журналисты, по 10 представителей от каждого факультета, обоего пола, всего 40 человек), шкалировали образы «типичного студента» ряда факультетов МГУ, а именно факультетов вычислительной математики и кибернетики, психологии, журналистики, философского, физического, биологического, механико-математического, исторического, экономического, геологического.

Особенностью настоящего исследования являлось использование в качестве инструмента шкалирования униполярных (однополюсных) шкал. Использование однополюсных шкал дает дополнительную «степень свободы» в проекции когнитивных структур испытуемых на экспериментальный материал, так как позволяет выделить субъективную синонимию и антонимию описываемых признаков, не обязательно совпадающую с нормативно-языковой.

Для определения размерности семантических пространств (и соответственно определения когнитивной сложности) испытуемых различных профессиональных групп нами использовался критерий Хэмфри. Согласно этому критерию фактор считается значимым, если абсолютная величина произведения двух максимальных факторных весов вдвое больше единицы, деленной на корень квадратный из числа наблюдений:

$$\left| r_{\max 1} \times r_{\max 2} \right| > \frac{2}{\sqrt{N}}.$$

Этот критерий удобен при интерпретации еще и потому, что отсекает факторы, содержащие менее чем две значимые шкалы.

По результатам факторизации групповых матриц студентов различных специальностей, согласно

критерию Хэмфри, были определены размерности семантических пространств, и тем самым было найдено количество конструктов, используемых представителями этих факультетов для описания профессиональных типажей-стереотипов: психологи — 5; журналисты — 6; физики — 4; биологи — 5. Наибольшую когнитивную сложность, по критерию Хэмфри, в описании типажей-стереотипов проявили студенты-журналисты.

Рассмотрим содержание факторов (личностные конструкты), выделенных в группе психологов.

Первый фактор: доброжелательный, дружелюбный, обаятельный, наивный, новатор, энтузиаст, спортивный, мужественный, веселый, трудолюбивый — в оппозиции к качествам: самодовольный, рациональный, элитарный, практичный, элегантный, эрудированный.

В целом содержание первого фактора у студентов-психологов практически идентично содержанию первого фактора общегрупповой матрицы «настоящий парень» в оппозиции к «студенту-снобу». Эти результаты подтверждают данные,

полученные на другом материале, о том, что при дифференциации стилей общения студенты-психологи оказываются наиболее чувствительными к психологической дистанции (теплоте — холодности) общения (см.: Carroll, Wish, 1974). Наиболее «контактными» для психологов оказались студенты биологи, геологи и физики, а наиболее «дистантными» — экономисты и журналисты.

Второй фактор был задан противопоставлением качеств: веселый, общительный, активный, остроумный, привлекательный и счастливый, с одной стороны, и трудолюбивый, скованный, моральный — с другой. Этот фактор также в целом соответствует второму фактору общегрупповой матрицы и напоминает фактор *F* в методике Кеттелла.

Третий фактор — спортивный, мужественный, перспективный, деловой, закаленный, целеустремленный — в целом соответствует третьему фактору общегрупповой матрицы, но с заменой качества «практичный» на качества «мужественный» и «целеустремленный» и приобретает оценочно более благоприятный характер. Наиболее положительными по этому фактору у психологов оказались физики, геологи и биологи. Здесь, очевидно, сказывается романтический ореол этих профессий, навеянный литературой и киноискусством. Интересно, что типичному представителю своей профессии психологи отказывают в этих качествах.

Четвертый фактор, заданный качествами: сложный, интересный, умный, оригинальный, гордый, принципиальный и остроумный — в оппозиции к качествам: счастливый, организованный, — психологи наконец относят к себе и наряду с философами занимают полюс, заданный качествами: умный, сложный, оригинальный и гордый, приписывая противоположный полюс — организованный и счастливый — журналистам.

Пятый фактор, заданный качествами: общественник, подстриженный и элегантный, очевидно, отражает оппозицию «нормативность — асоциальность».

Содержание выделенных факторов и стоящих за ними личностных конструктов для группы студентов-журналистов состояло в следующем.

Первый выделенный фактор включает следующие шкалы-качества: моральный, мужественный, дружелюбный, внешне привлекательный, обаятельный, гордый, энтузиаст, счастливый, закаленный, целеустремленный — в оппозиции к качествам: эрудированный, элегантный, подстриженный и рациональный. Если содержание положительного полюса в целом совпадает с содержанием общегрупповой матрицы и рисует образ «настоящего парня», то противоположный образ-типаж включает меньшее число качеств и раскрывается слабее. В отличие от общегрупповой матрицы в нем отсутствуют качества «самодовольный» и «элитарный», что делает первый фактор менее оценочным. Наиболее полярными по этому фактору для студентов факультета журналистики оказались геологи, журналисты, психологи, с одной стороны, и философы — с другой.

Второй выделенный фактор включал качества: претенциозный, самодовольный, зрелый, общественник, активный, интересный, веселый — в противоположность качествам: скованный, организованный. В силу того, что первый полюс этого фактора наиболее характеризует самих журналистов, а наибольшую нагрузку на противоположном полюсе имеют студенты мехмата, можно полагать, что несколько агрессивная, самоуверенная активность, напористость воспринимаются

и рассматриваются как ценные профессиональные черты, необходимые при интенсивных контактах.

Третий однополюсный фактор включал качества: спортивный, перспективный, новатор, оригинальный, целеустремленный — и характеризовал, по мнению журналистов, самих журналистов, причем со значительным (в полтора балла) отрывом от следующих за ними экономистов и с опережением на три балла замыкающих по этому фактору историков.
Четвертый фактор включал качества: остроумный, деловой, доброжелательный, счастливый — в оппозиции к качествам: организованный, скованный. Этот фактор также характеризует «стилистику» общения. Так, сочетание «деловой, доброжелательный, остроумный», очевидно, необходимый набор качеств профессионального журналиста. По этому фактору наибольшую нагрузку, как и следовало ожидать, имели сами журналисты в противоположность студентам мехмата.
Пятый фактор включал качества: практичный, общительный, закаленный, элитарный, веселый — в оппозиции к качествам: умный, трудолюбивый, скованный, наивный. Наиболее полярными по этому фактору оказались историки и философы, с одной стороны, и студенты мехмата и биологи — с другой.
Шестой фактор, представленный качествами: сложный, трудолюбивый, умный — в оппозиции к качеству «принципиальный», в силу малого количества шкал трудно интерпретируем. По-видимому, принципиальность в отрыве от конкретной ситуации интерпретировалась испытуемыми как излишняя прямолинейность и в силу этого оказалась антонимичной качеству «сложность». В другом плане принципиальность как склонность занимать крайний полюс биполярного конструкта противостоит по чисто формальным критериям когнитивной сложности и демонстрирует, что высокая когнитивная сложность, выделяющая в действительности множество альтернатив, не всегда адекватна в ситуации с жесткой альтернативой, требующей однозначного выбора. Журналисты, обладающие хорошим чувством языка, очевидно, интуитивно «схватывают» эти смысловые нюансы.
Охарактеризуем кратко содержание факторов и стоящих за ними личностных конструктов, присущих студентам-биологам и физикам. Отметим большее количество униполярных, однополюсных факторов, присущих этим группам испытуемых, и то, что по большинству этих униполярных факторов собственные автостереотипы при ранжировании образов «типичных студентов» занимали первые места. Ниже, при обсуждении полученных данных, мы попытаемся объяснить эти результаты.
В содержательном плане в группе студентов-физиков выявилась экстремальность, полярность в оценочных суждениях. Так, например, содержание первого фактора студентов-физиков в целом соответствует содержанию общегруппового фактора, описываемого конструктом «настоящий парень — студент-сноб». Однако этот фактор (по сравнению с общегрупповым) у физиков оказался более мощным, вносящим больший вклад в общую дисперсию и оценочно более контрастным. На положительном полюсе фактора по сравнению с общегрупповыми данными оказалось качество «наивный», а на отрицательном полюсе — качества «зрелый», «практичный», «непьющий». Экстремальность поляризации приводит

К некоторому упрощению образа «настоящего парня», а подчеркивание «простоты» положительного полюса — к тому, что в общем одобряемые качества «зрелость» и «практичность» как не присущие этому типажу оказались на отрицательном полюсе конструкта.
Интересно отметить также наличие тенденции неприятия или, говоря более мягко, чуть более негативного отношения к представителям близких наук. Это выразилось в том, что по ряду факторов журналисты занимали последние места у психологов, психологи — у биологов, а студенты ВМК — у физиков. Возможно, это артефакт эксперимента, связанный с небольшими выборками испытуемых каждой профессии и обусловленный спецификой расселения студентов в общежитии, их контактами и наличием пересекающихся зон интересов, но, возможно, за этим стоит и некая содержательная закономерность. Остановимся на этом подробнее.
На уровне обыденного сознания науки, далекие от собственной профессии человека, воспринимаются как малопонятные, имеющие собственные критерии научности и в силу этого — как сложные, но интересные. Представления же о близких по содержанию науках ассимилируются, попадают под стереотип «настоящей науки», сформированный в рамках собственной профессии, и в силу этого близкие науки воспринимаются подчас как не соответствующие «классическим» критериям и стандартам научности. Особенно это должно проявляться у студентов как у еще не сформировавшихся специалистов, усвоивших парадигмы собственной науки, но еще не овладевших в полной мере системным диалектическим научным

мышлением. Так, журналисты для психологов могут выступать не вполне образованными, «житейскими» психологами, не знакомыми со строгим экспериментом и научной психодиагностикой личности; психологи для биологов — как представители не совсем «научной» биологии, использующей субъективные данные, а не строго объективные критерии физиологического исследования, и т. д. Некоторые предубеждения к содержанию деятельности, реализуемой в той или иной профессии, могут переноситься на отношения к образам «типичного профессионала», «типичного студента», овладевающего данной профессией.

Данная интерпретация результатов подтверждается спонтанными высказываниями испытуемых и их пояснениями в ходе эксперимента. Представляется интересным провести более детальный анализ предполагаемого эффекта ассимилятивного поглощения автостереотипом близлежащей содержательной области и ее переинтерпретации как «не совсем правильного своего». Подобные эффекты, очевидно, могут возникать при функционировании профессиональных, национальных и иных стереотипов.

Исследование продемонстрировало наличие как общих, так и специфических категорий-факторов, опосредствующих восприятие других и самих себя представителями различных профессиональных групп студентов, а также различную когнитивную сложность стереотипов. Так, представители факультетов журналистики и психологии, чья профессиональная деятельность более связана с человеческими отношениями, чем материальными объектами, проявили большую когнитивную сложность в описании других людей, чем, например, студенты-физики. Отметим, что эти результаты никоим образом не говорят о сложности личности самих испытуемых — представителей различных профессиональных групп.

Сознание человека гетерогенно, и высокая когнитивная сложность в одной содержательной области может соседствовать с низкой когнитивной сложностью в другой. Индекс когнитивной сложности (число независимых факторов) является не константной, диспозициональной чертой личности, а скорее характеризует степень категориальной расчлененности индивидуального сознания при решении той или иной задачи. В данном случае большая способность к дифференцированному восприятию и описанию другого человека — характеристика, обусловленная, очевидно, как формирующимися профессиональными навыками студентов-гуманитариев, так и их большим интересом к гуманитарным аспектам человековедения, предопределившим их профессиональный выбор. Кроме того, мера когнитивной сложности субъекта в некоторой содержательной области — характеристика не абсолютная: как легко убедиться, число независимых факторов обусловлено мощностью использованного критерия значимости числа факторов. Эта мера позволяет только построить шкалу порядка, ранжировав отдельных испытуемых или целые группы относительно их когнитивной сложности применительно к решению данной экспериментальной задачи, а затем генерализовать полученные результаты на класс сходных задач, обобщить их относительно всей исследуемой содержательной области.

Особый интерес представляют сами выделенные личностные конструкты и стоящие за ними типажи-стереотипы, присущие различным профессиональным группам студентов. Важно подчеркнуть, что за содержанием тех или иных «склеек» шкал (качеств) в факторы, которые и образуют личностные конструкты, стоят целостные образы — своеобразные типажи-эталоны оценивания. Характер «склеек» качеств в факторы обусловлен не группировкой шкал по их коннотатив-ным (оценочным) характеристикам, а логикой целостного образа-типажа. Например, второй фактор у студентов-журналистов задан «склейкой» качеств: активный, претенциозный, самодовольный, зрелый, общественник, интересный, веселый. Среди положительных качеств, таких как интересный, общественник, зрелый, находятся и такие, как претенциозный и самодовольный, которые сами журналисты вряд ли оценивают как положительные. Но имеющиеся в сознании испытуемых целостные образы-типажи обусловливают корреляцию этих качеств, подчиненную логике целостного образа, и в конечном счете вызывают наличие этого специфического фактора.

Другой пример внутренне противоречивого, но целостного образа, вызвавшего у автора глубокое чувство узнавания, дает четвертый фактор у студентов-психологов. Этот фактор образует специфический личностный конструкт автостереотипа психолога: сложный, умный, интересный, гордый, принципиальный, остроумный — в оппозиции к качествам: счастливый, организованный. Противопоставление качества «счастливый» целому набору весьма положительных качеств раскрывает наличие специфической «профессиональной вредности» профессии психолога,

связанной с профессиональной невротизацией. Необходимость анализа других людей ведет к обостренному самоанализу, снимающему формы психологической защиты личности и делающему ее более чувствительной к фрустри-рующим факторам.

Подчиненность группировки шкал-признаков логике целостного образа, или, вернее, логике блоков этого целостного образа (характер, внешность, особенности поведения и т. п.) обусловливает особенности интерпретации выделяемых в экс-

перименте факторов. Так, для классического семантического дифференциала, построенного на базе понятий из различных семантических областей, содержание интерпретируемых факторов выделяется как смысловой инвариант шкал-признаков, входящих в фактор. В силу этого содержание выделяемых факторов беднее не только суммарного содержания шкал-признаков, входящих в фактор, но и содержания каждой единичной шкалы. Содержание, скажем, фактора «активность», заданного шкалами: подвижный — неподвижный, напряженный — расслабленный, жаркий — холодный, быстрый — медленный и т. п., раскрывается как некоторое недифференцированное переживание, образ, скорее даже «ощущение» активности, единое для вербальных и образных форм репрезентации (Петренко, Нистратов, Хайруллаева, 1980) и представляющее форму глубинного эмоционально-образного, доязыкового уровня категоризации. В этом смысле содержание фактора беднее даже содержания слова «активность», обозначающего этот фактор, так как выражение переживания в житейском понятии обогащает последнее за счет системных связей языка.

С принципиально другим случаем обогащения исходного содержания, заданного «склейкой» нескольких шкал, мы сталкиваемся при интерпретации факторов, описывающих шкалы-признаки, объединение которых подчинено логике целостного образа. Интерпретация таких факторных структур, содержание, которое приписывается фактору, богаче, чем суммарное содержание всех признаков-шкал, входящих в эти факторы. «Склейка» нескольких шкал в структуру задает целостный образ. Как в жизни мелькнувшее в конце коридора пальто приятеля или его характерная походка позволяет нам опознать его по этим деталям, так и фрагмент целостного образа, заданного в виде «склейки» структуры признаков, позволяет восстановить, домыслить, опознать целостный образ. Специфика интерпретации факторов частного семантического дифференциала, описывающего однородную семантическую область (в нашем случае область типажей-стереотипов), оказывается более близкой к проективным методикам, чем к стандартизованным тестам.

Интересная картина складывается при рассмотрении оценок профессионального автостереотипа, т. е. образа «типичного студента» собственной профессии. Рассмотрим места, которые занимают оценки автостереотипов в ряду других профессий по выделенным в эксперименте факторам (у каждой группы по своим) У представителей четырех исследуемых групп студентов — психологов, журналистов, биологов и физиков (табл. 8.1).

Наиболее высокие оценки по выделенным в их профессиональной группе факторам имеют физики и биологи: почти по всем факторам они занимают первые места. В отличие от них психологи по большинству выделенных на их популяции факторов занимают места, близкие к середине. Другой особенностью, отличающей данные студентов-психологов по сравнению с другими профессиональными группами, является биполярность большинства выделенных на их популяции факторов, а следовательно, и личностных конструктов. Можно предположить наличие некоторой содержательной связи между местом автостереотипа при ранжировании по оси фактора и признаком биполярности этого фактора (личностного конструкта). Можно высказать гипотезу, что двухполюсность выделенного фактора (биполярность личностного конструкта) связана с тем, что за содержанием двухполюсного фактора стоят два противоположных образа-типажа. Например, для среднегрупповой матрицы содержание первого двухполюс-

ного фактора раскрывается как противопоставление «студента-работяги», «своего парня» и «студента-сноба» — претенциозного и элитарного. За содержанием же однополюсного фактора стоит единственный стереотип-эталон, по близости к которому оценивают измеряемые образы-типажи. Тот факт, что однополюсным факторам студенты — биологи, физики и журналисты, как правило, ставят на первое место свой профессиональный автостереотип, говорит, очевидно, не об их особой «нескромности», а о том, что таким эталоном, системой отсчета, по отношению к которому оцениваются другие, является именно собственный автостереотип, а фактически образ собственного «Я»,

Таблица 8.1 Оценки автостереотипов по выделенным в эксперименте факторам у представителей исследуемых групп студентов

Факторы	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5	Ф6
Группы						
Психологи	4	6	5	1	4	4
Журналисты	3	2	1	1	5	3
Биологи	1	2	2	3	1	1
Физики	1	1	1	2	3	2

Примечание. В таблице приводятся места, в том числе и по выделенным при обработке, но незначимым по критерию Хэмфри факторам: шестому фактору для психологов и биологов и пятому и шестому — для физиков.

С целью проверки этой гипотезы мы оценивали по критерию Хэмфри значимость каждого из полюсов двухполюсного фактора. В случае, если значимыми оказывались оба полюса, мы рассматривали фактор как носитель двух самостоятельных, но антонимичных образов. При оценке когнитивной сложности такой двухполюсный фактор получал два балла, а однополюсный — один балл.

Подсчет когнитивной сложности профессиональных стереотипов у студентов различных профессиональных групп с учетом биполярности — униполярности выделенных факторов (личностных конструктов) выявил следующую картину: психологи — 7; журналисты — 6; физики — 5; биологи — 5.

С учетом биполярности факторов наиболее когнитивно сложными в построении профессиональных стереотипов оказались студенты-психологи, а физики поднялись по этому параметру на один уровень с биологами. Эти новые данные о когнитивной сложности исследуемых профессиональных групп сопоставлялись с другой формой оценки когнитивной сложности (Шмелев, 1983), основанной на анализе исходных корреляционных матриц. Показатель «когнитивной простоты» *(С)* испытуемых как величины, обратно пропорциональной когнитивной сложности, вычисляется как среднее арифметическое модулей коэффициентов корреляции треугольной корреляционной полуматрицы:

$$C = \frac{d\sum r_{ij}}{n(n-1)}.$$

Ранжирование студенческих групп по когнитивной сложности на основе указанного выше критерия выявило, что *г* (среднее) для психологов равно 0,31; для журналистов — 0,32; для биологов — 0,33; для физиков — 0,37. Эти результаты совпадают с нашими результатами, полученными с поправкой на биполярность факторов.

Таким образом, результаты, полученные разными путями, свидетельствуют о влиянии профессиональной принадлежности испытуемых на их когнитивную сложность в построении профессиональных типажей-стереотипов.

Проведенный анализ когнитивной сложности социальных стереотипов с учетом биполярности (двухполюсности) в выделяемых факторах если и не доказывает, то по крайней мере иллюстрирует взаимосвязь категориальной дифференцированное™ индивидуального сознания и феномена децентрации — отхода при категоризации от пристрастной позиции, в которой системой отсчета при оценке других людей выступает собственное «Я», собственный автостереотип. Это проявляется в том, что человек не рассматривает других как отличных в той или иной степени от собственного «Я», от эталона своей группы или микросреды, а, обладая в рамках собственной «имплицитной теории личности» множеством образов-типажей, строит многочисленные континуумы, заданные оппозицией полярных образов. Чем больше таких системных связей, в которые входит этот стереотип, тем выше его осознанность.

Полученные результаты, хотя и нуждаются в более детальной и систематической проверке, позволяют тем не менее выдвинуть ряд положений, имеющих важные теоретические следствия и задающих направление дальнейшего исследования.

1. Профессиональная принадлежность испытуемых и их профессиональная деятельность, очевидно в силу ее субъект-субъектной или субъект-объектной направленности, определяют как когнитивную сложность межличностного восприятия испытуемых, так и специфику их категоризации (характер личностных конструктов) при восприятии, оценке и классификации

представителей тех или иных социальных и профессиональных групп.

2. Личностные признаки и качества, приписываемые человеку как представителю той или иной социальной или профессиональной группы, не рядопо-ложены, а создают целостные структуры, образование которых подчинено логике целостного образа (типажа). Возможные линии противопоставлений — личностные конструкты, в рамках которых происходят восприятие и оценка других людей и себя, являются следствием противопоставлений целостных образов. Если говорить на языке психосемантических моделей, то изначальными являются не субъективные семантические пространства (и стоящие за каждой осью-фактором личностные конструкты, в пространстве которых человек или типаж получает описание и оценку), а содержание исходных образов (типажей), которые субъект извлекает из своего опыта. Их субъективная противопоставленность определяет структуру и характер семантического пространства межличностного восприятия. По аналогии с физикой можно сказать, что характер пространства определяет-

ся и порождается размещенными в нем объектами, хотя, конечно, между образным наполнением и категориальными структурами межличностного восприятия существует отношение взаимозависимости и взаимовлияния на разных уровнях; уже сформированная категориальная структура (в ходе онтогенеза или актуагенеза), обладая определенной инерционностью и устойчивостью (феномен категориальной установки), «подгоняет под себя» ассимилирует вновь поступающую информацию. 3. Проведенное исследование продемонстрировало особую привилегированную роль автостереотипа как системы отсчета в описании и оценке других людей. В рамках построения семантических пространств этот эффект цен-трации проявляется в доминирующем использовании униполярных факторов, где полюсом фактора — точкой отсчета представляемой им шкалы (конструкта) — является собственный автостереотип. Умение встать на позицию другого человека, децентрировать пристрастность собственной позиции приводит, по-видимому, к появлению большего количества биполярных факторов. Стереотипы как одна из образных, эмоционально насыщенных форм значений, очевидно, развиваются в ходе обучения и развития индивида и от отдельных изолированных эталонов-типажей поднимаются до уровня системно организованной «имплицитной теории личности», приближающейся к понятийному мышлению, но существующей как в вербальной, так и образной форме.

8.2. Исследование этнических стереотипов психосемантическим методом «множественных идентификаций»

Развитие городской цивилизации ведет к определенной унификации человеческого жилища, транспорта, предметов потребления. Телевизор и холодильник, телефон и автомобиль становятся привычными для жителей как Европы, так и Северной и Латинской Америки, Австралии и Азии. Житель Костромы может носить сорочку, сшитую из материи, сотканной в Индии, и скроенную по европейской моде, покупать продукты, например марокканские апельсины, в универсаме, спланированном по типу американских супермаркетов, свободно говорить, скажем, по-английски и оставаться при этом типичным представителем русского этноса. Национальная специфика интериоризируется, ментализируется, акцент в ее изучении смещается с анализа внешних материальных носителей культуры в план изучения внутренних (ментальных) форм представлений человека о мире и о своем месте в нем. Наряду с классическим образом этнографа-путешественника, отправляющегося с рюкзаком в далекие края, появляется образ его коллеги, вооруженного опросниками и анкетами, исследующего этнический состав большого города. Возможен и образ этнопсихолога с персональным компьютером, заменяющим привычный диктофон, на дисплее которого перед испытуемым разыгрываются различные бытовые стереотипные ситуации, а его ответы (оценка ситуации,

прогноз ее развития и т. п.) записываются в памяти компьютера, структурируются и обрабатываются по заданной программе.

Развитие и усложнение человеческого общества, взаимопроникновение культур и стилей жизни, задачи воспитания человека-интернационалиста и одновременно патриота своей страны, своей национальной культуры ставят вопросы, решение которых требует дальнейшей интеграции и кооперации наук о человеке. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дискуссии о предмете этнопсихологии, развернутой на страницах журнала «Советская этнография» (Дашдамиров, Арутюнов, Бромлей, Кон, Дробижева, Старовойтова и др.). В ходе дискуссии подчеркивалась необходимость совместных усилий этнографов, психологов, историков,

фольклористов для разработки проблем идентификации человека в рамках того или иного этноса, для выделения психологического профиля представителей этноса, в частности определения понятия «национальный характер».
При наличии дискуссионных моментов, связанных, в частности, с влиянием биологического фактора (общность генофонда в рамках этноса), определяющего доминирующие психофизиологические типы нервной системы (Старовойтова, 1983), участники обсуждения были достаточно единодушны в том, что «...сферу национальной психологии образуют чувства, переживания, привычки, обычаи, традиции, вкусы, установки и т. д., в которых отражены особенности национального бытия, национальной истории, интернациональные связи и взаимодействия» (Дашдамиров, 1983. С. 66), а также в том, что «...в центре внимания оказываются этнические установки, стереотипы самосознания» (Кон, 1983. С. 77), т. е. в отнесении к предмету этнопсихологии того, что традиционно относится к проблематике обыденного сознания. «Проще вопрос о наличии этнической специфики в содержании общественного сознания. Это прежде всего относится к так называемым "значениям" — стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса "понятия", "знания", "умения", "нормы поведения". Представляя "пограничную" зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств... Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей нас действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира» (Бромлей, 1983. С. 71).
Представление о модели мира, присущей обыденному сознанию людей, принадлежащих к тому или иному этносу, и вытекающая отсюда возможность типо-логизации этносов по их имплицитной картине мира сближают позиции Ю. В. Бромлея с методологическими построениями А. Н. Леонтьева об образе мира, понимаемом как наиболее общая концептуальная структура, в рамках которой интегрируются отдельные процессы восприятия, памяти и мышления, и обусловленной этим представлением возможностью проведения индивидуальной психодиагностики личности по ее образу мира, реализуемой психосемантикой.
Картина мира субъекта как представителя того или иного этноса, включающего не только когнитивные, но и аксиологические компоненты, и является, на наш взгляд, тем общим объектом анализа этнографии и психологии, который определяет возможность методологической «стыковки» двух наук и связывает их инте-

ресы. Оговорим при этом, что человеческое сознание гетерогенно (Леви-Брнэль 1930; Тульвисте, 1978, 1988), и наряду с национальной принадлежностью системообразующими факторами сознания является и половая, и возрастная, и профессиональная принадлежность человека. Значимость этих факторов различна в различных содержательных пластах обыденного сознания и дифференцировать их влияние можно только на основе специально организованного многофакторного исследования.
В конце 1980-х гг. в отечественной психологической науке возрождается интерес к этнической проблематике, заложенный работами А. Р. Лурии (1974), Б. Ф. Поршнева (1966), И. С. Кона (1966). Вернее сказать, что со становлением горбачевской гласности появляется возможность психологам заниматься этой темой, находившейся дотоле под негласным запретом в силу декларации официальной идеологией стирания национальных различий и появления «новой социальной общности — советский народ». Свидетельством либерализации в этой области в ходе горбачевской перестройки является появление ряда публикаций по этнопсихологии (Асмолов, 1986; Душков, 1981; Кцоева, 1986; Левкович, Панкова, 1985; Муканов, 1979, 1980; Мухина, 1988; Петренко, 1987). Тем не менее необходимо отметить, что культурно-сопоставительные исследования, выявляющие национальную специфику каждой из сопоставляемых общностей, проводились в нашей стране в основном в области речевого и невербального этикета (Бгажно-ков, 1983), в рамках исследования форм рефлексивного мышления (Муканов, 1979; 1980) и влияния школьного обучения на познавательную сферу (Тульвисте, 1978, 1988). Исследования этнических стереотипов относительно малочисленны и представлены в основном работами этнографов и этносоциологов (Байбурин, 1985; Дробижева, 1980; Старовойтова, 1986; Гачев, 1995).
В начале 1990-х гг. появляется ряд психологических работ, посвященных описанию этнических стереотипов (Крысько, Дергач, 1992; Левкович, Андрущак, 1995; Соснин, 1993).
Емкой сферой приложения этнопсихологических знаний является и обучение иностранным языкам. Полноценное овладение иностранным языком как средством общения не только включает

усвоение определенной суммы лексики и грамматических правил, но и предусматривает знание невербального этикета, специфической мимики, жестов, манеры держаться и даже того, как следует одеваться по случаю того или иного события. Эти навыки перенимаются в живом человеческом общении путем погружения в языковую культуру. Отдавая должное определенным достоинствам обучения иностранным языкам в старой гимназии, М. Ша-гинян пишет: «Дело не только в том, что наши "классные дамы" и преподавательницы иностранных языков давали нам язык в его чистом произношении, давали его со всеми особенностями национальной разговорной речи. Этого может достичь и советская преподавательница, несколько лет сидящая "на фонетике". Но чего она не может достичь, не будучи иностранкой, это передачи "самой себя" как иностранки в таком объеме, чтобы вместе с языком мы бессознательно откладывали в памяти национальный образ, национальные черты характера, страну, город, любовь к ним, к своему языку и своей литературе, стремление рассказать и поделиться этим. Каждая из них вместе с языком отложила в нашей памяти образ своей страны. От каждой, изучая язык, я узнавала попутно массу конкрет-

„ух признаков, составляющих „атмосферу", музыкальный мотив чужой страны, словно я сама побывала в ней» (Шагинян, 1982. С. 126).
Конечно, эту специфику элитарного образования, связанную с приглашением иностранных учителей для обучения языкам, невозможно возродить в массовой школе, да и развитие средств массовой коммуникации приблизило к нам быт (I обычаи других народов и стран, делая это отчасти излишним. Но в словах Pvl. Шагинян содержится ценная мысль о том, что полноценное обучение языкам немыслимо без некоторого погружения в данную культуру, что необходима некоторая степень идентификации с представителями этой культуры. В более широком контексте эту мысль выразил М. М. Бахтин, говоря о специфике гуманитарного познания как преодолении «чуждости чужого без превращения его в чисто свое» (1979. С. 371). Теория речевой деятельности уже вышла за рамки исследования навыков устной и письменной речи и породила такие области экстралингвистического анализа, как лингвострановедение (Верещагин, Костомаров, 1976), социо- и этнолингвистику (Коул, Скрибнер 1977; Швейцер, Никольский, 1978; Сорокин, Маркова, 1985), исследования невербальной коммуникации (Горелов, 1976; Миккин, 1974).
Понимание поступка и высказывания человека другой культуры требует выхода за рамки чисто вербального или даже «поведенческого» текста и требует рассмотрения в широком контексте представлений, ценностей и стереотипов обыденного житейского сознания, присущих человеку этой культуры. В задачу настоящего исследования входили разработка психосемантической методики, позволяющей выделить этнические стереотипы путем построения субъективных семантических пространств, и апробация этой методики с целью выделения национальных стереотипов в семейно-бытовой сфере на материале двух национальных культур — русской и азербайджанской.
Психосемантический подход опирается на методический принцип исследования личности человека через исследование «пристрастности» человеческого сознания. Человеческое сознание полифонично в смысле множественности «Я» и диалогично (Бахтин, 1979; Бодалев, 1983; Кон, 1978; Столин, 1983, 1978). Человеческий поступок, как собственный, так и чужой, оценивается с позиции множества значимых других, которые в психоаналитической традиции обозначаются как «интроекты», в теории личностных конструктов Дж. Келли — как ролевые позиции, в теории персонализации А. В. Петровского и В. А. Петровского — как идеальные другие, и действие осознается как поступок по меркам и эталонам ценного и должного этого множества ролевых позиций.
Образ отца и матери, с которыми в значительной степени может отождествляться человек, позиция обобщенного другого: «коллеги», «товарища по учебе», «толпы» и т. п., смутный образ «идеала», образ «идеального Я» — все это пристрастные системы отсчета и оценки поступка, «мировоззренческие миры», обладающие каждый своей системой интерпретации.
Отметим, что человеческое сознание, конечно, не интериоризированная «боярская дума», где царственное «Я» ведет развернутый диалог со своими советчиками и оппонентами. Экспертная оценка позиции значимых других содержится скорее не в развернутых рефлексивных актах, а в форме «переживания»: в форме чувства вины или чувства выполненного долга по отношению к «значимым

другим», в форме самоуважения или самоуничижения — по отношению к идеальному «Я», в форме ощущения собственной ненужности и заброшенности или сопричастности и любви — по

отношению к человечеству. Тем не менее причина того или иного недовольства собой и стоящее за ним рассогласование требований тех или иных интроектов могут быть, по крайней мере частично, осознаны и выделены, пользуясь словами А. Н. Леонтьева, как «задача на личностный смысл». Отношения образа «Я» в системе интериоризированных образов значимых других и их ценностных ориентации определяют не только представление человека о своем месте в жизни, но и соответствие или несоответствие его бытия ценностным меркам, диктуемым различными ролевыми позициями, задают его доминирующие эмоциональные состояния. Например, в широко практикуемой методике Q-сортировки степень невротичности определяется путем сопоставления качеств, приписываемых испытуемым с позиции «Я» и с позиции «мой идеал». Считается, что чем ниже коэффициент ранговой корреляции качеств, приписываемых себе и «идеалу», тем более неудовлетворен своим «Я» субъект и, следовательно, более невротичен. Степень совпадения ролевых позиций «Я» и «мой отец» или «моя мать» может косвенно отражать степень приятия опыта родительской семьи, родительских ценностных ориентации и установок.

Подобного типа методики, основанные на сопоставлении качеств, приписываемых себе и своему идеалу, нашли широкое применение в социальной психологии и патопсихологии для выяснения специфики идентификации и для оценки самоприятия и самоуважения. Но недостатком этих методик является то, что личностные качества, выражаемые посредством прилагательных, несут слишком явную оценочную компоненту, и социально детерминированная желательность или нежелательность этих качеств, осознаваемая испытуемыми, влияет на характер приписывания их ролевым позициям, т. е. возможна осознанная или неосознанная фальсификация результатов. Кроме того, сама процедура описания человека через приписывание ему набора качеств является по своей сути объектной (Ха-раш, 1980), так как человек в качестве объекта описания на языке дискретных признаков выступает как самотождественный и тем самым неизменный во времени, не обладающий внутренними противоречиями и внутренней потенцией развития. Такая объектная парадигма описания более или менее правомочна для описания далеких нам людей, социальных типажей, стереотипов и т. п., которые мы не столько описываем, сколько оцениваем по меркам социальных эталонов. Применительно же к близким, хорошо знакомым людям и к описанию самого старого знакомого — самого себя — объектная парадигма оказывается плохо работающей. Все согласятся, как трудно оценить самого себя как смелого или трусливого, жестокого или великодушного, необычного или посредственного. Дело в том, что в межличностном восприятии, как и в восприятии вообще, по мере ознакомления с объектом восприятия при соответствующем научении происходят изменение перцептивных единиц восприятия, их укрупнение, образование целостных гештальтов, а в конечном счете соотнесение объекта с целостными образами-эталонами. Расчленяюще-аналитический стиль описания объекта становится вторичной и в силу этого искусственной процедурой. Чем глубже мы познаем другого человека, тем больше переходим от квазиперцептивных характеристик личности — «добрый», «умный», «уверенный» — к описанию мотивационной направ-

ленности этого человека. При описании близких людей и самого себя характерно указание на жизненные планы, мечты, увлечения человека, т. е. на описание его «потребного будущего», или, наоборот, на факты его биографии, прошлого, т. е. описание его неповторимого жизненного пути, обусловливающего уникальность, неповторимость человеческой личности. Другое дело, что построение стандартизированных методик, характеризующих человека по имеющейся у него имплицитной картине мира и образа самого себя, — задача несравненно более трудная и менее разработанная, чем описание человека списком качеств.

Другой формой описания человека, в отличие от описания с помощью перечня его качеств, является описание его поступков, возможного поведения в предлагаемых обстоятельствах, т. е. описание через действие. Словосочетания типа «я бы пошел с ним в разведку», «этот парень своего не упустит» или «этот человек горит на работе», прибаутки и поговорки или даже формулировки «пользуется уважением в коллективе», «принимает активное участие в общественной жизни» характеризуют человека через обобщенные формы поведения.

Описание другого человека через вероятность совершения им ряда воображаемых, предположенных экспериментатором поступков успешно апробировалось нами в ряде работ по межличностному восприятию (Петренко, 1983). Такие семантические дифференциалы обладают большей степенью проективности, так как каждый человек домысливает возможные мотивы поступков, исходя из собственных установок и ценностей. Нами использовалась психосемантическая методика «множественной идентификации» применительно к выделению

национальных стереотипов. В этой методике сопоставление ролевых позиций («Я», «моя мать», «мой идеал женщины» и т. д.) и выявление стоящих за ними идентификаций проводились через описание характерных поступков. Испытуемым предъявлялся список поступков, и они должны были определить вероятность того или иного поступка для каждой из анализируемых ролевых позиций.

Исходный набор поступков должен удовлетворять ряду требований.

1. Поступки должны быть достаточно типичными для сопоставляемых культур и естественными для тех социальных групп или популяций, на базе которых проводится культурно-сопоставительное исследование. При выборе списка поступков экспериментатор должен быть достаточно «погружен» в исследуемую культуру, чтобы не подменять реальные проблемы испытуемых собственными «проекциями».
2. Описание ситуаций и поступков должно задаваться на разговорном языке, присущем исследуемым социальным группам.
3. Набор поступков должен по возможности пропорционально представлять различные сферы исследуемой реальности, так как большая представленность некоего аспекта в предлагаемых поведенческих ситуациях непропорционально увеличит его вклад в выделяемое сходство и различие ролевых позиций.

Исходя из этого, выбор поступков для проведения культурно-сопоставительного исследования (на материале русской и азербайджанской выборок) осуществлялся совместно со стажером-исследователем Л. А. Алиевой, выступавшей в роли «культурального билингва». Выпускница факультета психологии Москов-

ского университета, азербайджанка по национальности, она достаточно близка представительницам обеих национальных культур, и круг волнующих ее проблем, который неизбежно затрагивался при отборе поступков, очевидно, достаточно резонансен проблемам ее сверстниц-испытуемых.

Эксперимент 1. Кросс-культурное исследование этнических стереотипов в области семейно-бытового поведения психосемантическим методом «множественных идентификаций».

Испытуемые — 80 девушек в возрасте от 20 до 23 лет, незамужние, из них *40* человек — студентки филологического факультета Азербайджанского педагогического института, родом из различных районов Азербайджана; 40 человек — студентки филологического факультета МГУ, родом из различных городов РСФСР.

Процедура эксперимента. Испытуемые оценивали вероятность каждого из 90 поступков по шестибалльной шкале (от 0 до 5) со следующих ролевых позиций:

- я сама;
- моя мать;
- идеал женщины с моей точки зрения;
- идеал женщины, принятый в обществе;
- типичная женщина;
- женщина 40 лет назад;
- женщина через 20 лет;
- женщина с неудавшейся личной жизнью;
- презираемая мною женщина;
- русская (для испытуемых азербайджанок) и азербайджанка (для испытуемых русских);
- грузинка;
- эстонка.

После проведения процедуры шкалирования испытуемых просили дать самоотчет и ответить на анонимную анкету, включающую следующие данные: возраст, национальность, семейное положение и место жительства. По результатам ответов комплектовались группы испытуемых для дальнейшей обработки материала. Эксперимент проводился групповым образом и занимал 2 дня по 2 часа каждый день.

Процедура обработки данных. Результаты отдельных испытуемых суммировались в 2 общегрупповые матрицы данных раздельно для азербайджанской и русской групп испытуемых (табл. 8.2). Таким образом, в каждой соответствующей графе на пересечении ролевой позиции и поступка могли бы стоять числа от О (если ни один испытуемый не приписал ни одного балла данной ролевой позиции по данному поступку) до 200 — максимально возможной суммарной оценки для 40 испытуемых. Но для удобства чтения матрицы даются полусуммы суммарных

данных, т. е. числа от 0 до 100. Первые числа в табл. 8.2 характеризуют азербайджанских испытуемых, а числа, записанные через косую черту, — русских испытуемых.

Таблица 8.2

Фрагменты общегрупповых матриц по данным азербайджанской и русской выборок

Поступок	**Ролевые позиции**								
	Я	**Моя мать**	**Идеал женщины с моей точки зрения**	**Идеал женщины с точки зрения общества**	**Типичная женщина нашего общества**	**Женщина 40** лет **назад**	**Женщина через 20 лет**	**Женщина с неудавшейся личной жизнью**	**Женщина, которую я презираю**
Познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор	18/71	0/52	18/56	**2/67**	30/67	0/32	72/76	60/72	80/52
Послать брачное объявление в газету	0/20	0/5	8/13	0/33	15/28	0/6	67/59	64/72	60/64
Испытывать постоянную потребность в новых людях	82/67	71/32	81/68	70/74	58/79	50/48	90/75	76/56	44/60
Стремиться к высшему образованию	88/87	45/55	76/95	61/95	65/65	25/42	100/86	28/78	24/42
Изменить мужу в ответ на его измену	8/38	1/14	12/30	16/43	32/56	0/29	55/55	48/55	72/83
Рассказать сослуживцам о конфликте с мужем	4/5	12/11	8/0	15/10	40/52	16/21	52/30	61/64	71/82
Шить и вязать для семьи	63/80	80/91	91/92	80/96	67/80	84/72	83/72	48/64	28/32
В присутствии друзей мужа сделать ему замечание	0/44	8/46	0/33	13/31	31/48	0/34	54/55	56/72	88/69
Скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку	11/16	8/19	6/4	17/15	34/54	10/32	28/40	60/64	81/82
Скорее терпеть претензии свекрови, чем пойти с ней на конфликт	72/33	88/56	55/44	88/52	67/51	99/65	28/38	43/56	36/82
Курить сигареты	0/32	0/5	8/5	0/54	26/68	0/8	56/55	58/72	64/84
Активно участвовать в общественной жизни	48/60	43/68	64/74	44/70	55/63	16/45	84/78	52/71	24/64
Прожить жизнь, не вступая в брак	11/27	0/27	0/24	0/32	11/46	0/33	36/44	26/56	40/51
Ходить на танцы или дискотеку	60/90	7/57	60/81	16/98	46/83	4/76	60/95	54/63	76/76
Считать, что лучше развестись с нелюбимым мужем, чем терпеть его ради детей, к которым он внимателен и заботлив	31/59	0/56	47/51	9/66	36/64	4/36	64/72	43/52	80/64
Переживать бессмысленность своей жизни	44/75	43/60	6/50	4/44	44/41	50/30	48/64	68/88	44/16
Посплетничать с соседями	16/52	12/36	10/26	20/46	48/79	44/68	76/64	62/64	78/84
Быть гостеприимной и приветливой с друзьями мужа, которые тебе не нравятся	38/64	50/83	41/84	68/72	50/60	64/72	98/56	50/48	20/21

Распоряжаться семейным бюджетом	38/79	30/78	32/66	32/76	51/88	16/61	80/84	52/77	60/66
Примечание. Первые числа характеризуют азербайджанок	вторые	(через к	осую черт	/) " русских испытуемых.					

сгаам. ^изрешипы ооыденного сознания

Наиболее простой формой обработки исходной матрицы данных является сопоставление ролевых позиций путем подсчета парных коэффициентов корреляций оценок поступков, приписанных этим позициям, т. е. вычисления коэффициентов парной корреляции вертикальных столбцов исходной матрицы данных (табл. 8.3).

Сопоставляя корреляционные матрицы азербайджанской и русской выборок можно зафиксировать, что и у азербайджанских и у русских девушек высокая степень совпадения образа «Я» и идеала (0,9/0,8). У азербайджанок наблюдается более высокая идентификация с образом матери (0,8) по сравнению с русскими девушками (0,6). Индивидуальные идеалы в интимно-личностной сфере обоих групп испытуемых значительно близки к общественным (0,9/0,9). Однако образы «идеала с точки зрения общества» существенно расходятся для русской и азербайджанской выборок. Так, если для русских «идеал с точки зрения общества» высоко коррелирует с «женщиной через 20 лет» и дает нулевую корреляцию с «женщиной 40 лет назад», то для азербайджанских девушек картина обратная. По их мнению, «идеал с точки зрения общества» больше похож на женщину прошлого (0,8), чем на женщину будущего (0,2). Это отношение противоположной «временной ориентации» русских и азербайджанок сохраняется, но в меньшей степени и для «индивидуального идеала». Так, «индивидуальный идеал» русских больше коррелирует с «женщиной через 20 лет» (0,6), чем с «женщиной 40 лет назад» (0,2), «индивидуальный идеал» азербайджанок больше похож на «женщину 40 лет назад» (0,5), чем на «женщину через 20 лет» (0,4).

Интересно тем не менее отметить, что, несмотря на противоположную «временную ориентацию» индивидуальных идеалов двух выборок, по сравнению с «идеалом с точки зрения общества» индивидуальный идеал русских девушек несколько сдвинут в сторону традиционного образа женщины, а индивидуальный идеал азербайджанок — в сторону женщины будущего. Таким образом, в своих индивидуальных идеалах русские и азербайджанские девушки дают более сходные позиции по сравнению с позициями, задаваемыми их культурно-национальной средой. Налицо сближение стереотипов в семейно-бытовой сфере молодых представительниц разных национальностей. Так, коэффициент корреляции ролевых позиций «мой идеал» у русских и азербайджанок составил *г* = 0,5. Образ «типичной женщины» для русской выборки также ближе к образу женщины будущего (0,7), а образ типичной азербайджанки в сознании азербайджанок ближе к образу «женщины 40 лет назад» (0,7). Интересно наличие значимой корреляции образа «типичной женщины» и образа «женщины с неудавшейся личной жизнью» (0,5), полученной по результатам русских испытуемых. Ниже мы еще вернемся к обсуждению этой зависимости.

В плане сопоставления образа женщины собственной национальности «типичная женщина нашего общества» — и представительниц других национальностей проявился эффект центрации (Пиаже, 1969), вызванный большей диффе-ренцированностью сознания в зоне собственного национального автостереотипа и меньшей различающей способностью на периферии своей культурологической области. Так, образ «типичной женщины» своей культуры для обеих выборок испытуемых мало на кого похож из представительниц других национальностей. Но в сознании русских испытуемых высоко совпадают образы азербайджанок и грузинок (0,9), а для азербайджанских девушек похожими оказываются русские

Таблица 8.3

Матрицы интеркорреляций ролевых позиций для азербайджанской i 1 русской выборок

Ролевые позиции	я	Моя мать	Мой идеал	Общественный идеал	Типичная женщина	Женщина 40 лет назад	Женщина через 20 лет	Женщина с неудавшейся личной жизнью	Русская / азербайджанка	Грузинка	Эстонка	Женщина, которую я презираю
1-Я		0,8/0	0,9/0,	0,8/0,9	0,8/0,6	0,6/0,2	0,3/0,	0/0,3	-од/о	0,3/0	0/0,4	-0,6/-0,4

		,6	8				7					
2. Моя мать			0,8/0,6	0,9/0,6	0,8/0,3	0,9/0,6	-0,1/0,1	0/0,2	-0,4/0,1	0,1/0,2	-0,3/0,1	-0.6/-0.5
3. Мой идеал				0,9/0,9	0,8/0,3	0,5/0,2	0,4/0,6	-0,1/0,2	0/0	0,3/0	0/0,5	-0.6/-0.5
4. Общественный идеал					0,9/0,6	0,8/0,2	0/0,7	0/0,3	-0,3/0	од/о	-0,3/0,6	-0,7/0,4
5. Типичная женщина						0,7/0	0,1/0,7	0/0,5	-0,2/0,2	0,2/0,1	0,2/0,4	-0,5/-0,2
6. Женщина 40 лет назад							-0,3/0,3	0/-0,1	-0,5/0,4	0/0,5	-0,5/0,1	-0,5/-0,2
7. Женщина через 20 лет								0,4/0,4	0,4/-0,1	0,3/-0,1	0,4/0,6	-0,1/0
8. Женщина с неудавшейся личной жизнью									0,2/0,1	0,4/0,1	0,2/0,4	0,4/0
9. Русская/азербайджанка*										0,6/0,9	0,8/0	0,4/0,2
10. Грузинка											0,6/0	0/0,1
11. Эстонка												0,3/0

* Девятая ролевая позиция: «русская» — для азербайджанок и «азербайджанка» — для русских испытуемых. В этом столбце первая цифра показывает корреляции образа русской женщины с другими ролевыми позициями в представлении азербайджанок, а цифра через косую черту — соответствует корреляции образа азербайджанки другими ролевыми позициями в представлении русских женщин.

о й

о

и эстонки (0,8). Этот интересный эффект большей дифференцирующей силы сознания в зонах, примыкающих к личностной сфере человека (моя национальность, моя профессия, мой индивидуальный жизненный ареал, круг моих интересов и т. п.), очевидно, универсален применительно к любой содержательной области, которая становится объектом осознания человека. Так, например, в исследовании Б. М. Величковского, проведенном на совсем другом материале, был описан сходный эффект центрации, вызванный «пристрастной позицией наблюдателя»: при построении карты-схемы местности расстояния между пунктами, хорошо освоенными человеком, переоценивались, а расстояния между пунктами, в которых человек редко бывая, — недооценивались (Величковский, Блинникова, Лапин, 1986). В сфере, примыкающей к

системе отсчета «Я», сознание более дифференцированно и семантическое пространство имеет как бы больший масштаб. Перефразировав известное изречение «Знание — сила», можно сказать: «Знание порождает семантическое пространство».

Более сложной формой обработки данных и одновременно их представления является построение субъективных семантических пространств, являющихся операциональным аналогом категориальных структур индивидуального сознания. Построение семантических пространств основано на использовании факторного анализа, позволяющего уменьшить исходное пространство поступков (в нашем случае 90), по которым дифференцируются ролевые позиции, и свести множество взаимосвязанных (высококоррелирующих) поступков к неким обобщенным «по-ступочным» факторам, объединяющим сходные поступки в одно измерение. Мерой сходства отдельных поступков является сходство оценок, приписываемых им испытуемыми с различных ролевых позиций. Выделяемые факторы отражают основания классификаций, которыми сознательно или неосознанно пользуются испытуемые при сопоставлении этих поступков. При геометрическом представлении данных выделяемые факторы представляются как оси некоторого я-мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом независимых, не коррелирующих друг с другом факторов. Ролевые позиции при этом можно представить как точки или векторы внутри этого семантического пространства. Размещение ролевых позиций («Я», «моя мать», «идеал женщины с моей точки зрения», «типичная женщина» и т. д.) достигается путем суммирования оценок каждой ролевой позиции по всем поступкам, входящим в тот или иной фактор (группировку поступков), и рассмотрением полученной усредненной оценки как проекции ролевой позиции на ось этого фактора. Выделение проекции ролевой позиции на все выделенные факторы позволяет восстановить ролевую позицию, представив ее как соответствующую точку внутри и-мерного семантического пространства. Сходство и различие анализируемых ролевых позиций (степень идентификации) будут соответствовать расстоянию между соответствующими ролевым позициям точками внутри семантического пространства и определяться по формуле

$$D_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^{k=n} (X_{ik} - X_{jk})^2},$$

где *D* — расстояние между ролевыми позициями *i* и *j; Xik* — нагрузка (проекция) ролевой позиции i по фактору *k; Xjk* — нагрузка ролевой позиции *j* по фактору *k; n* — количество выделенных независимых факторов.

Обработка данных с помощью факторного анализа проводилась методом главных компонент (Харман, 1972).

На азербайджанской выборке было выделено 2 значимых по критерию Хэмфри фактора, объясняющих соответственно 69 и 18% общей дисперсии. Размещение ролевых позиций в пространстве выделенных факторов для азербайджанской выборки представлено на рис. 35.

Рис. 35. Ролевые позиции в семантическом пространстве поступков (Фь Фг) для азербайджанской выборки

Первый мощный биполярный фактор включал на одном из полюсов поступки:

познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор	0,98
пойти на конфликт с мужем, так как приходится много времени уделять его родным	0,98
терпеть нелюбимого мужа ради детей, к которым он внимателен и заботлив	0,97
выйти замуж и жить вдали от родителей	0,97
принять у себя в доме бывшую подругу мужа	0,97

распоряжаться семейным бюджетом 0,96
поехать на отдых с любимым молодым человеком, хотя вы не расписаны 0,96
осуждать родителей за то, что вмешиваются в воспитание ребенка 0,95
послать брачное объявление в газету 0,93
вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы 0,93
курить сигареты 0,93
прожить жизнь, не вступая в брак 0,92
дать мужу пощечину за неуважительное обращение 0,92
ходить в турпоходы 0,91
активно участвовать в общественной жизни 0,91
стремиться к высшему образованию 0,87
заниматься спортом 0,83
употреблять жаргонные словечки 0,81
держать дома собаку и т. д. 0,81

Величины факторных нагрузок поступков соответствуют проекции вектора поступка на ось фактора и отражают то, насколько смысл, заданный данным фак-

тором, выражен в данном поступке. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а показывает отнесенность поступка к левому или правому полюсу фактора.

Противоположный полюс первого фактора включает поступки:

бросить учебу ради семьи, если возникнет такой выбор -0,98
не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели родители -0,97
скорее терпеть придирки свекрови, чем «поставить ее на место» -0,95
считать неприличным вмешиваться в разговор между мужем и его друзьями -0,94
считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа и т. д. -0,89

Исходя из того, что наиболее полярными при ранжировании по этому фактору оказались ролевые позиции «женщина через 20 лет» и «женщина 40 лет назад», мы можем назвать этот фактор по содержанию одного из его полюсов фактором «эмансипированность» или «современность», или же — по содержанию обоих полюсов — фактором «изменение нравов во времени», или просто фактором времени.

Отметим, что любой поступок может быть рассмотрен с разных позиций и оценен как хороший и как плохой. Например, стремление к высшему образованию имеет высокую корреляцию с фактором «современность» и положительную оценку, а такой поступок, как «изменить мужу в ответ на его измену», также имеет высокую корреляцию с фактором «современность» и отрицательную оценку (по данным наших испытуемых). Техника факторного анализа позволяет выделить за каждым фактором только какой-либо один аспект, одну «чистую линию». Поэтому необходимо подчеркнуть, что группировку поступков по первому фактору следует рассматривать, отвлекаясь от их оценочных компонентов, которые (отметим, забегая вперед) выступили основанием категоризации по второму фактору. Группировка по первому фактору столь разнородных поступков, как «уметь водить машину», «послать брачное объявление в газету», «курить сигареты», «поехать на отдых с любимым, хотя вы не расписаны», «заниматься общественной работой» и т. п., обусловлена тем, что помимо своего предметного и этического содержания они несут (для наших испытуемых) еще некоторую знаковую функцию: являются признаками, символами определенного стиля жизни — традиционного или современного.

Рассмотрим, например, такой поступок, как «держать дома собаку», вошедший в первый фактор на полюсе «современность». Сам по себе он может характеризовать и то, что человек любит животных, и то, что считает ее надежным сторожем, и то, что испытывает определенную потребность в близком, но молчаливом существе, и т. п. Но в контексте, который задает отнесение этого поступка к ролевым позициям («Я», «моя мать», «женщина 40 лет назад», «женщина через 20 лет», «мой идеал женщины» и т. д.), он выступает как дескриптор, дифференцирующий эти ролевые позиции по фактору «современный — традиционный стиль жизни». И здесь есть свое объяснение в рамках национальной культуры. В Азербайджане, в отличие от Российской Федерации, в меньшей степени принято держать дома домашних животных (в частности, собак). Это веяние, присущее скорее европейской культуре, может выступать как ориентирующий признак, знак определенного стиля жизни.

Второй фактор азербайджанской выборки, объясняющий 17,5% общей дисперсии, был интерпретирован как фактор «оценка». Основанием такой интерпретации послужил тот факт, что наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», с одной стороны, и «женщина, которую я презираю» — с другой.

Одобряемыми поступками оказались:

ежедневно читать газету -0,79
уехать в другой город учиться, несмотря на запрет родителей -0,71
регулярно смотреть программу «Время» -0,68
посещать театр, кино, выставки -0,69
выращивать дома цветы -0,79
вступить в брак с парнем «не своего социального круга» -0,69
испытывать постоянную потребность в новых людях -0,61
водить машину и т. д. -0,58

Неодобряемыми поступками оказались:

побить ребенка за непослушание 0,97
опаздывать на работу или учебу 0,81
покупать дорогие украшения, чем больше — тем лучше 0,80
страдать от чувства одиночества 0,79
посплетничать с соседями и т. д. 0,72

Подчеркнем еще раз, что нагрузку по фактору «оценка» имеют и многие поступки, вошедшие в первый фактор «эмансипированность — традиционность», но их содержание, связанное с «временной перспективой», нивелирует чисто оценочную компоненту. Ряд поступков типа «водить машину» имеет примерно равные нагрузки и по второму и по первому факторам. Поскольку наиболее контрастными по фактору «оценка» являются ролевые позиции «мой идеал женщины» и «презираемая мной женщина», представляется интересным рассмотреть поступки, приписываемые той и другой роли. Так, если «презираемая» может «рассказывать вольные анекдоты подругам», «проявлять свои чувства в транспорте», «принять приглашение зайти к малознакомому мужчине домой», «первой завязать разговор с понравившимся парнем», «послать брачное объявление в газету» и даже «прожить жизнь, не вступая в брак», то такие формы поведения маловероятны или совсем исключены для «идеала женщины», в арсенале которой есть поступки типа «писать стихи» и «стремиться к высшему образованию», несвойственные «презираемой». Выявлено только несколько поступков, имеющих сходные оценки по ролевым позициям «идеал» и «презираемая». Так, и «идеал» и «презираемая» одинаково часто «делятся с родителями по поводу семейных ссор» и мало дифференцированы относительно поступка «не пустить домой приятелей мужа, которых он привел из ресторана после 12 часов ночи».

На материале русских испытуемых выделено 3 значимых фактора, объясняющих соответственно 55, 24 и 9% общей дисперсии.

Содержание **первого фактора** русской выборки в целом совпадает с содержанием первого фактора азербайджанской выборки. Наиболее полярными по этому фактору также оказались ролевые позиции «женщина 40 лет назад» и «женщина

через 20 лет» (рис. 36), и первый фактор русской выборки получил сходное наименование как фактор «эмансипированность—традиционность».

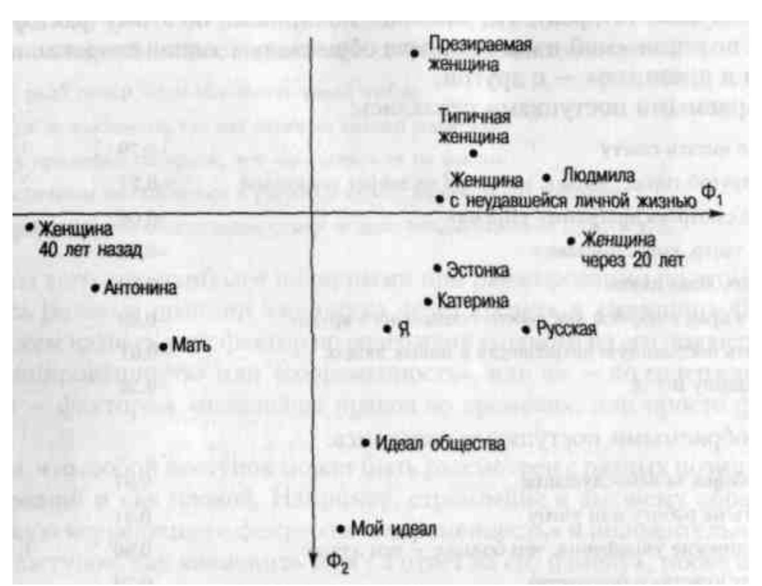

Рис. 36. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Москва слезам не верит» в семантическом пространстве поступков (Ф,, $Ф_2$) для русской выборки

Группировка шкал по первому фактору русской выборки также соответствовала с небольшим различием группировке шкал по первому фактору азербайджанской выборки. Так, на одном полюсе оказались поступки типа:

познакомиться с парнем па улице, поддержав завязанный им разговор	0,89
послать брачное объявление в газету	0,89
вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы	0,93
распоряжаться семейным бюджетом	0,78
пойти на конфликт с мужем, так как приходится много времени уделять его родным	0,73
курить сигареты	0,73
ходить в турпоходы	0,76
активно участвовать в общественной жизни и т. д.	0,72

Противоположный полюс этого фактора объединял поступки типа:

бросить учебу ради семьи, если возникнет такой выбор	-0,89
считать неприличным вмешиваться в разговор между мужем и его друзьями	-0,93
скорее терпеть придирки свекрови, чем «поставить ее на место»	-0,87
считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно *мужа* и *т.* д.	-0,82

Сопоставим данные азербайджанской и русской выборок по первому фактору Сходная картина группировки поступков по фактору «эмансипированность» говорит о том, что интерпретация этих поступков как выражающих современный

и традиционный стиль жизни в целом совпадает в азербайджанской и русской культуре. Налицо лишь незначительные отличия. Так, поступки «делиться с матерью по поводу отношений с любимым» и «не впустить в дом друзей мужа, которых он привел из ресторана после 12 часов ночи» попали на полюс «эмансипированность» в азербайджанской выборке и на полюс «традиционность» (патриархальность) в русской выборке. Наряду со сходной интерпретацией поступков, характеризующих «стиль жизни», по результатам оценок двух групп имеется и ряд различий. Первое, что бросается в глаза, — это то, что нагрузки поступков, входящих в первый фактор, для русской выборки ниже, чем для азербайджанской. Величина факторной нагрузки поступка (т. е. корреляция фактора с вектором, описывающим поступок) показывает, насколько значим тот смысл (соответствующий содержанию фактора), в котором выступает этот поступок в сознании испытуемых. Чем выше факторная нагрузка поступка, тем рельефнее в данном случае качество эмансипированности или традиционности (если знак факторной нагрузки противоположный) приписывается данному поведению. Например, «курить сигареты» имеет *г* = 0,93 для азербайджанской выборки и *г* = 0,7 для русской; «ходить в турпоходы» имеет соответственно *г* = 0,91 и 0,76.

Ряд поступков, имевших в азербайджанской выборке доминирующие нагрузки по первому фактору «современность—традиционность», выпали из этого фактора в выборке русских

испытуемых и вошли в другие факторы, описывающие другие аспекты поведения. Это такие поступки, как «прожить жизнь, не вступая в брак», «не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели родители», «пойти на конфликт с мужем, так как много времени приходится уделять его родным», «регулярно смотреть программу "Время"» и т. п. Например, поступок «сделать мужу замечание в присутствии его друзей» для русской выборки является не столь значимым с точки зрения эмансипированности или традиционности, а как показатель плохого отношения между супругами вошел в фактор «оценка». Еще раз подчеркнем, что и для азербайджанской выборки этот поступок оценивается негативно, но его символическое значение как показателя эмансипированности или традиционности для азербайджанок выступает более рельефно, чем для русских испытуемых. Для русской выборки набор поступков, объединенных по фактору «эмансипированность—традиционность», дополнился только одной формой поведения — «выращивать дома цветы», которая в азербайджанской выборке попала в фактор «оценка» (положительная), а в русской выборке вошла в первый фактор на полюс «традиционность».

Меньшее количество поступков, попадающих в русской выборке в первый фактор, и несколько меньшие величины факторных нагрузок этих поступков приводят к тому, что мощность первого фактора (вклада фактора в общую дисперсию) в русской выборке несколько ниже, чем в азербайджанской (55% для русской выборки против 69% для азербайджанской).

Известно, что мощность фактора отражает субъективную значимость основания категоризации, соответствующего этому фактору. Субъективная значимость признака «эмансипированность—традиционность», высокая для обеих выборок, оказалась тем не менее выше для азербайджанок. Большее количество поступков и с большим весом (большей значимостью) рассматривалось ими под таким углом зрения. Эти результаты не являются неожиданными. В силу ряда социально-исторических причин у народов Закавказья, и особенно у исторически связанных

с мусульманством, существовала резкая полярность половых ролей, культивирующая доминантность мужчин и пассивность женщин. В проведенном нами ассоциативном эксперименте на ключевой стимул «идеальная девушка» наиболее высокочастотными ассоциациями в выборке азербайджанских девушек оказались качества «гордая», «недоступная», в то время как у русских девушек — качества «мягкая» и «добрая».

Большая чувствительность азербайджанских испытуемых к фактору «эманси-пированность—традиционность» (а качества «гордая» и «недоступная», подразумевая некоторое «охранительное» поведение, очевидно, также затрагивают этот фактор) еще не говорит о том, что любая азербайджанка выбирает в своем поведении полюс «традиционность». Остановимся на этом подробнее.

Любое поведение является поступком тогда, когда есть ряд альтернативных интерпретаций и оценок этого поведения с позиции различных нравственных эталонов и систем ценностей. Например, сидеть в метро не является поступком в указанном смысле, но сидеть в том же вагоне метро, когда рядом стоит пожилая женщина, — это уже поступок, так как это поведение может быть оценено по нравственным меркам. Открыть лицо, сбросив паранджу, для женщины в 1920-е гг. на мусульманском Востоке или, если брать более близкий пример, появиться в брюках в 1950-е гг. в большом городе означало поступок, так как допускало различную интерпретацию и оценку и несло символическую, знаковую функцию. В настоящее время эти формы поведения, став привычными, не вызывают ни одобрения, ни порицания и поступком не являются. Поведение может быть поступком для лица, совершающего его, и не являться таковым для окружающих, и наоборот, человек может совершать в рамках незнакомой ему культуры поступок и не осознавать этого. Например, турист, забредший по незнанию в криминальный квартал, совершает легкомысленный поступок с позиции жителя этого города.

Возвращаясь к нашему эксперименту, отметим, что наличие фактора, отражающего некоторый значимый аспект поведения (в нашем случае качества «современность — традиционность»), не говорит о том, что во всех случаях жизни человек автоматически выбирает поведение, соответствующее одному из полюсов этого фактора, но показывает, что среди многочисленных аспектов, по которым оценивается тот или иной поступок, данный аспект является весьма существенным и вносящим свой вклад в проблему выбора. Выбор же остается за самим человеком.

Второй фактор русской выборки, объясняющий 24% общей дисперсии, был интерпретирован как фактор «оценка». Основанием такой интерпретации послужил тот факт, что наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», с одной стороны, и

«женщина, которую я презираю» — с другой.

Одобряемыми поступками оказались:

стремиться к высшему образованию -0,73
ходить в турпоходы -0,61
быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся -0,73
ежедневно читать газеты -0,76
считать, что проявление эмоций допустимо только наедине с собой -0,72
развестись с любимым мужем, узнав, что у него есть любовница -0,81

регулярно заниматься спортом -0,75
посещать театры, кино, выставки и т. д. -0,64

Неодобряемыми поступками оказались:

вскрыть и прочесть письмо, пришедшее твоему мужу от незнакомой тебе женщины 0,98
побить своего ребенка за непослушание 0,92
делиться с родителями по поводу семейных ссор 0,83
скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку - 0,92
считать, что материальное обеспечение семьи — дело исключительно мужа 0,71
пойти на конфликт с мужем, так как приходится слишком много времени уделять его родственникам 0,68
прожить жизнь, не вступая в брак 0,76
рассказывать коллегам по работе о конфликте с мужем 0,86
страдать от чувства одиночества и т. д. 0,67

Такая дифференциация поступков по принципу «что такое хорошо и что такое плохо» в сознании наших испытуемых отражает нормативные знания и, конечно, может не всегда совпадать с их реальным поведением. Например, полагая, что вскрыть и прочесть письмо, пришедшее мужу от незнакомой женщины, является неэтичным, в реально возникшей ситуации наша испытуемая может совершить этот поступок, оправдав его серией возможных рационализации типа «здесь особый случай... так как очень страшно... письмо от незнакомого человека», либо «мы ничего не скрываем друг от друга», либо «по отношению к такому негодяю нельзя вести себя иначе» и т. п. Возможно также, что, импульсивно проявив любопытство, она вскроет письмо, а потом забудет об этом действии, вытеснив его из памяти, либо расплатится за нарушение этической нормы, которая значима для нее, снижением самооценки и самоуважения. В реальной ситуации совершения негативного поступка все эти моменты, как правило, присутствуют в комплексе, и редко какой защитный механизм полностью предохраняет от отрицательных переживаний или, наоборот, вслед за самообвинением и уколами совести не включаются защитные механизмы самооправдания.

Сопоставление поступков, приписываемых двум полярным по фактору «оценка» ролевым позициям — «идеал женщины с моей точки зрения» и «презираемая мной женщина», показало, что для целого ряда поступков эти ролевые позиции оказались для русской выборки не столь контрастными, как для азербайджанской. Так, сходные оценки для «идеала» и «презираемой» получили поступки: «вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы»; «выйти замуж и жить вдали от родителей»; «встретив старого знакомого, пригласить его домой, хотя муж в отъезде» и т. п.

Наиболее контрастными для ролевых позиций «идеала» и «презираемой» оказались поступки: «перепродавать вещи с целью заработать»; «рассказывать сослуживцам о ссорах с мужем»; «стараться не терять выгодных знакомств»; «скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку»; «не выйти замуж за любимого, так как родители были против».

Таким образом, при общей сходной картине того, «что такое хорошо и что такое плохо», у азербайджанских и русских девушек первые делают больший

акцент на осуждении нарушений правил в интимно-личностной сфере, в то время как вторые — на осуждении социально неприемлемых форм поведения.

Слабый третий фактор, объясняющий 9,1% вклада в общую дисперсию, включает в себя следующий ряд поступков на одном из полюсов:

держать дома животных 0,76
быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся 0,63
иметь домработницу 0,61

делиться с матерью по поводу отношений с парнем 0,53
ходить на танцы или дискотеку 0,52
испытывать постоянную потребность в новых людях 0,51
Противоположный полюс этого фактора представлен следующими поступками:
переживать бессмысленность своей жизни -0,61
уходить из дома, когда дети устраивают вечеринку, и т. д. -0,58
Небольшое количество шкал, вошедших в слабый, но тем не менее статистически значимый третий фактор, затрудняет его интерпретацию. Можно полагать, что он связан с контактностью, общительностью, потребностью в наличии рядом живого существа в противоположность некоторой замкнутости, аутизации. Назовем этот фактор по его наиболее выраженному полюсу фактором «общительность».
Отметим, что большинство поступков, вошедших в третий фактор, имеет также значимые нагрузки и по предыдущим факторам. Например, поступок «быть гостеприимной с друзьями мужа, которые тебе не нравятся» имеет положительную оценку по фактору «оценка» и примерно равную нагрузку по фактору «общительность», а поступок «иметь домработницу» имеет положительную нагрузку по фактору «общительность» и отрицательную нагрузку по фактору «оценка». Тем не менее наличие третьего фактора «общительность» наряду с первым фактором «эмансипированность—традиционность», в целом не зависимых от фактора «оценка», вобравшего поступки с наиболее яркой оценочной компонентой, позволяет построить двухмерное пространство поступков на базе этих двух скорее описывающих, чем оценивающих факторов и разместить в нем интересующие нас ролевые позиции.
Наличие такого семантического пространства, из которого элиминированы наиболее оценочные поступки (фактор 2), позволяет проанализировать ценностные ролевые позиции «мой идеал», «идеал общества», «женщина с неудавшейся личной жизнью» и «презираемая женщина» не по их оценочным компонентам, где результат заведомо ясен (идеал — хорошо, презираемая — плохо), а описать эти образы через различия в поступках, так сказать, на уровне «стилистики» поведения. Неожиданным оказалась близость ролевых позиций «типичная женщина» **и** «женщина с неудавшейся личной жизнью» для русской выборки. Возможно, здесь сказалась профессиональная принадлежность наших испытуемых — студенток-филологов. Для русской классической литературы достаточно характерен «образ страдающей героини» (вспомним героинь Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова).
Выделенные в эксперименте факторные нагрузки поступков внутри социокультурных матриц поведения, или, другими словами, построенные субъектив-

ные, «поведенческие» семантические пространства, позволяют, не проводя дополнительной факторизации, размещать в них (по данным оценок) наряду с ролевыми позициями и образы литературных героев, персонажей кино- и телефильмов. Так, для русских испытуемых было проведено (на базе нашего набора поступков) шкалирование персонажей популярного художественного кинофильма «Москва слезам не верит» режиссера В. Меньшова. Три судьбы простых рабочих девушек даны в этом фильме как притча о трех путях достижения личного счастья. Героини этого фильма — Катерина, Людмила и Антонина — попадают в три различных квадранта нашего двухмерного семантического пространства. Скромная штукатур-маляр Антонина (артистка Рязанова), избравшая путь надежного семейного счастья, выйдя замуж за парня из своей рабочей бригады, оказалась в семантическом пространстве рядом с ролевыми позициями «моя мать» и «женщина 40 лет назад». Сверхобщительная, современная, эмансипированная Людмила (артистка Муравьева), всю жизнь гонявшаяся за призрачным «журавлем в небе», оказалась рядом с ролевыми позициями «женщина с неудавшейся личной жизнью» и «типичная женщина». Главная героиня фильма Катерина (артистка Алентова), скромная, волевая девушка, добившаяся счастья в жизни трудом и упорством, наиболее близка к ролевым позициям «я сама», «мой идеал женщины». Такая возможность идентификации героини фильма с образом идеала делает понятным успех фильма у широкого круга зрителей.
Подводя итог, подчеркнем, что результаты кросс-культурного сопоставления характеризуют только определенные социальные группы (студенток, а уже — студенток-филологов). Данные о представлениях мужчин в семейно-бытовой сфере, полученные нами по методике «множественных идентификаций», не вошли в рамки настоящей публикации.Отметим только, что представления о нормах поведения, диктуемых половой принадлежностью, о желаемом и должном в значительной мере совпадают у представителей различного пола одной национальной

культуры, и в этом плане можно говорить об этнических стереотипах обыденного сознания (в данном случае в семейно-бытовой сфере), присущих этносу в целом. Тем не менее столь широкое обобщение требует проведения исследования на более представительных выборках.

Предложенное вниманию читателя исследование является скорее иллюстрацией психосемантического подхода к выделению национальных стереотипов, понимание которых — необходимый компонент межличностного понимания и общения. Исследование проводилось на материале двух хорошо знакомых отечественному читателю национальных культур, и то, что в нем получены интуитивно очевидные результаты, соответствующие этнографическим и демографическим данным, образам художественной литературы и кино, свидетельствует, очевидно, о релевантности предложенной методики применительно к менее знакомым нам этническим общностям. Понятно, что методика может содержать шкалы-дескрипторы не только в форме поступков в семейно-бытовой сфере, но и базироваться на суждениях, затрагивающих различные ценностные аспекты действительности, например проблемы разоружения, экологические проблемы, вопросы труда и досуга, национальные отношения, место образования и религии в обществе, отношение к тем или иным видам искусства и культуре.

Построение субъективных семантических пространств на базе поступков открывает, в частности, возможность построения «толковых словарей» не только лексических единиц, но и мимики, жестов, поступков, которые можно задавать не

через их вербальное описание, а посредством видео- и кинозаписи. Размещение в семантических пространствах, построенных на материале различных национальных культур, фольклорных и литературных персонажей, конкретных исторических и современных политических деятелей и т. п. позволяет выявить отношение к ним, реконструировать миропонимание и мироощущение, систему национальных стереотипов в различных содержательных областях представителей различных национальных культур и социальных групп. Задачи обучения иностранному языку, понимаемому в широком контексте как обучение общению в рамках другой национальной культуры, широкие международные контакты, осуществляемые нашей страной, делают изучение национальных стереотипов и категориальных структур межличностного восприятия различных национальных общностей и этносов весьма актуальным и перспективным.

Эксперимент 2. Сопоставительный анализ этнических стереотипов в области семейно-бытового поведения по половому признаку.

Ранее был проведен сопоставительный анализ стереотипов семейно-бытового поведения, где переменной выступала национальная принадлежность испытуемых, а исследовалось их отношение к тем или иным поступкам или стилям поведения в области семейно-бытовых отношений, а также отношение к обобщенным образам значимых других (интроектам или ролевым позициям), описанных через поведение в предлагаемых обстоятельствах. Сопоставлялись стереотипы женского поведения двух национальных общностей: русской и азербайджанской. В исследовании были выделены как общие, инвариантные основания категоризации поступков, выступающие системообразующими факторами, отражающими «стилистику поведения», так и выделен ряд характерных отличий в представлениях об идеальном и должном поведении, в характере идентификации с образами значимых других.

Возникает вопрос: имеются ли некие различия в интерпретации поступков и специфические различия в отношении к образам значимых других, обусловленные половой принадлежностью испытуемых или же стереотипы поведения (в нашем случае женского поведения) разделяются всеми представителями некоего этноса независимо от пола? Другими словами, являются ли стереотипы требования к исполнению «женской роли» едиными у мужчин и женщин некой национальной культуры, и тем самым налицо единые общекультурные стереотипы, присущие этносу как целому, или же имеются значительные половые различия в представлениях о желаемом и должном, допустимом и отвергаемом, и стереотипы распадаются как бы на две субкультуры: мужскую и женскую.

В отечественной психологии, являющейся по меткому замечанию И. С. Кона, долгое время «бесполой», в последнее время появился ряд интересных работ по половому деморфизму (Дубровина, 1980; Кон, 1985; Агеев, 1987; Репина, 1987), однако в описанном выше аспекте вопрос остается открытым.

Для ответа на этот вопрос было проведено дополнительное исследование на новом контингенте испытуемых как мужского, так и женского пола, представителей русской и азербайджанской национальности. Всего в эксперименте приняло участие 180 человек, из них 60 испытуемых

девушек-азербайджанок, 30 юношей-азербайджанцев и соответственно 60 девушек и 30 юношей русской национальности.

Процедура эксперимента осталась неизменной. Испытуемые оценивали «вероятность», возможность совершения поступка по отношению к ролевым пози-

циям (я, моя мать, мой идеал женщины и т. п.) по шестибалльной градуальной шкале (от 5 до 0 баллов). Для юношей ролевая позиция «Я» заменялась на позицию «моя сестра». Кроме ролевых позиций испытуемые-азербайджанцы оценивали образы героинь индийского фильма «Зита и Гита», а испытуемые русской национальности — три женских персонажа фильма Меньшова «Москва слезам не верит».

Процедура обработки данных. Индивидуальные протоколы испытуемых суммировались в 4 общегрупповые матрицы данных, варьирующихся по национальному признаку и половой принадлежности (азербайджанские женщины, азербайджанские мужчины, русские женщины, русские мужчины), и подвергались процедуре факторного анализа методом главных компонент, включавшей подпрограмму поворота факторных структур с целью поиска оптимального решения.

Экспериментальный материал. Поскольку в экспериментальном наборе первого эксперимента доминировали поступки, затрагивающие интимно-личностные отношения с противоположным полом, с целью затронуть более широкий диапазон аспектов семейно-бытового поведения был введен ряд новых вопросов на смену 12 пунктам из первого эксперимента. Это, в частности, суждения, затрагивающие межнациональные отношения[1]:

выйти замуж за представителя другой национальности 21/67
выйти замуж за иностранца и уехать с ним жить за границу 14/31

Суждения относительно художественного вкуса и пристрастий:

любить классическую музыку 69/76
любить народные песни 81/59
увлекаться рок-музыкой 82/55
увлекаться искусством 79/81

Ряд новых пунктов, затрагивающих ценностные ориентации, был задан в форме выбора супруга:

предпочесть в качестве мужа человека спокойного, надежного, хорошего хозяина, способного обеспечить семье хороший материальный уровень, но «без полета», интересы которого ограничены вполне земными проблемами 72/32

выйти замуж за человека искусства, импульсивного, богемного, ведущего творческую, но беспорядочную и сумбурную жизнь 27/37

выйти замуж за красивого, удачливого, обеспеченного человека, но самодовольного и самоуверенного, избалованного вниманием и холодного к людям 31/27

выйти замуж за молодого руководящего работника, серьезного и перспективного 85/71

Сопоставление оценок, данных азербайджанскими женщинами и азербайджанскими мужчинами[2], при наличии в целом сходной картины интерпретации поступков, выявило смещение образов идеальной женщины для мужчин в сторону еще большего традиционализма в сравнении с оценками самих женщин. На уровне отдельных поступков можно отметить некоторую недооценку мужчинами возможности женщин совершать малоприемлемые с точки зрения мужчин по-

Через косую черту: азербайджанские женщины/русские женщины. [2] Через косую черту: азербайджанские женщины/азербайджанские мужчины.

ступки. Так, для ряда поступков женщины допускали их большую возможность в сравнении с оценками мужчин. Это:

вступить в брак с парнем не своего социального круга 64/37
выйти замуж за представителя другой национальности 31/8
изменить мужу в ответ на его измену 33/8
устроить девичник с выпивкой 40/15
вскрыть и прочесть письмо, пришедшее мужу 57/8
перепродавать вещи с целью заработать 19/0
покупать драгоценности, чем больше — тем лучше 75/32

и ряд других поступков. В то же время азербайджанские мужчины недооценивали способность азербайджанских женщин к внутренним проблемам и коллизиям. Например:

страдать от чувства одиночества 72/37
переживать бессмысленность жизни 61/17

Сопоставление оценок, данных русскими женщинами и русскими мужчинами, выявило картину большего сходства внутри этноса, чем для азербайджанской выборки. Очевидно, это связано с тем, что русские испытуемые наряду с общностью национальности являлись представителями одной профессии — филологи, в то время как для азербайджанской выборки ввиду малого количества студентов-филологов мужская выборка была «разбавлена» студентами технических вузов. Некоторые различия оценок женщин и мужчин русской выборки[1] наблюдались для поступков:

считать, что один из признаков мужественности — уметь содержать семью 72/49
иметь отдельные *от* мужа денежные сбережения 46/21
скрыть от мужа, что сделала дорогую покупку 21/5
познакомиться с парнем на улице, поддержав завязанный им разговор 60/37
и ряда других.

Наиболее контрастные оценки женского поведения для мужчин-азербайджанцев и мужчин-русских дали поступки[2]:

поддерживать товарищеские отношения с мужем после развода 25/61
вступить в интимные отношения с любимым до женитьбы 9/55
выйти за представителя другой национальности 9/51
выйти замуж за человека искусства, импульсивного и богемного, ведущего творческую, но беспорядочную жизнь 16/41
не выйти замуж за любимого, так как этого не хотели родители 40/12

Обсуждение результатов обработки данных с помощью факторного анализа (рис. 37, 38,39,40). Для проверки устойчивости выделяемых факторных структур (структур категоризации) было проведено сопоставление результатов первого и второго экспериментов. Поскольку ряд шкал-дескриптов подвергся во втором эксперименте замене на новые (указанные выше), прямое сопоставление первич-

Через косую черту: русские женщины/русские мужчины.

Через косую черту: азербайджанские женщины/русские мужчины.

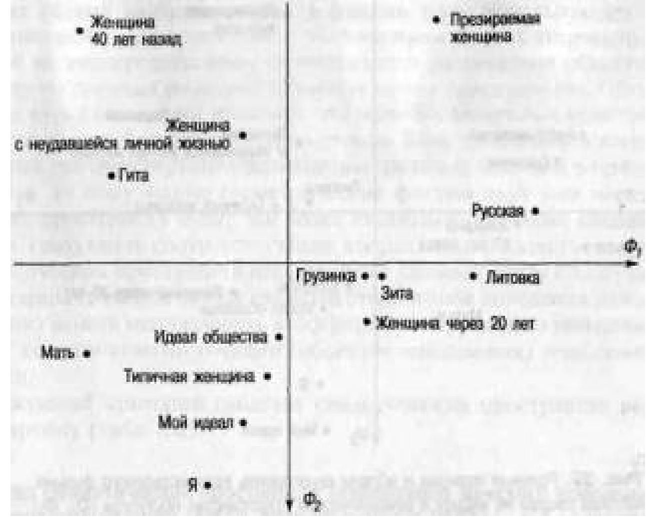

Рис. 37. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Зита и Гита» в семантическом пространстве поступков ($Ф_ь$ $Ф_2$) для испытуемых азербайджанок, женщин

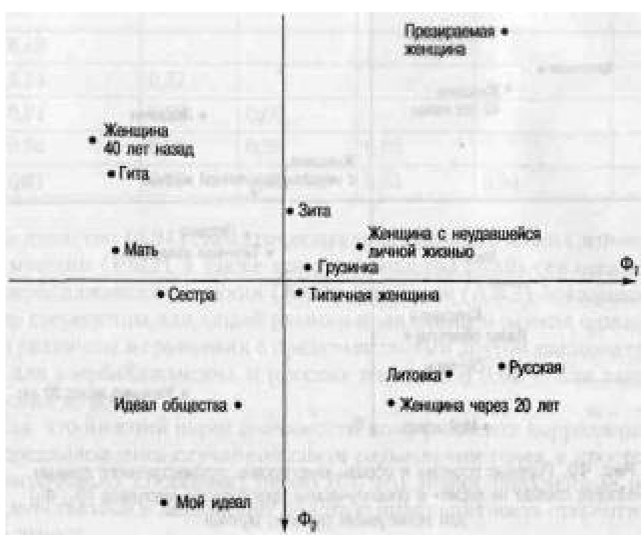

Рис. 38. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Зита и Гита» в семантическом пространстве поступков ($Ф_1$, $Ф_2$) для испытуемых азербайджанцев, мужчин

Рис. 39. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Москва слезам не верит» в семантическом пространстве поступков ($Ф_1$, $Ф_2$) для испытуемых русских, женщин

Рис. 40. Ролевые позиции и образы киногероинь художественного фильма «Москва слезам не

верит» в семантическом пространстве поступков ($Ф_ь$ $Ф_2$) для испытуемых русских, мужчин ных «сырых» данных двух экспериментов, или сопоставление корреляционных матриц, или же факторных матриц этих двух экспериментов, не представляется возможным. Поэтому для сопоставления сходства оценок испытуемых в первом и втором экспериментах, а также для сопоставления семантических пространств

.—

испытуемых разной национальности и разного пола использовался специально разработанный нами совместно с математиком Г. А. Сатаровым критерий, основанный на непосредственном сопоставлении размещения объектов анализа (в нашем случае ролевых позиций) в семантическом пространстве. Суть его в следующем: из курса геометрии известно, что подобие выпуклых многоугольников определяется из подобия отношения их сторон. Если соединить попарно координатные точки, соответствующие размещению ролевых позиций в семантическом пространстве, то полученные геометрические фигуры двух или нескольких семантических пространств будут тем более сходными, чем более сходными будут расстояния, связующие соответствующие координаты. В качестве меры сходства двух семантических пространств или, другими словами, меры сходства фрагмента картины мира (в нашем случае сходства стереотипов поведения для этно-поло-вых выборок) можно использовать коэффициент корреляции попарных расстояний между координатными точками (объектов оценивания) этих семантических пространств.

Предложенный критерий сходства семантических пространств выявил следующую картину (табл. 8.4).

Таблица 8.4

Сходство семантических пространств стереотипов женского поведения для азербайджанских женщин (АЖ1), русских женщин (РЖ1) - в 1-м эксперименте, а также азербайджанских женщин (АЖ2), азербайджанских мужчин (АМ2), русских женщин (РЖ2) и русских мужчин (РМ2) — во 2-м эксперименте

	АЖ1	РЖ1	АЖ2	АМ2	РЖ2	РМ2
АЖ1						
РЖ1	0,49					
АЖ2	0,74	0,37				
АМ2	0,81	0,58	0,60			
РЖ2	0,56	0,78	0,36	0,66		
РМ2	0,61	0,79	0,45	0,64	0,94	

Высокое сходство (0,94) семантических пространств русских женщин (РЖ2) и русских мужчин (РМ2), а также высокое сходство (0,80) семантических пространств азербайджанских мужчин (АМ2) и женщин (АЖ2) показывает, что поведенческие стереотипы для людей разного пола едины в рамках одного этноса и достаточно различны в сравнении с представителями другой национальной культуры: 0,36 для азербайджанских и русских женщин, и 0,64 — для азербайджанских и русских мужчин.

Учитывая, что нижний порог значимости коэффициента корреляции, подсчитанный в предположении случайной связи размещения точек в пространстве по методу Монте-Карло, составляет около 0,3, это делает полученные результаты весьма убедительными и доказывает половую инвариантность стереотипов в рамках одного этноса.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании этнических стереотипов межличностного восприятия и, более широко, о картине мира, присущей всему этносу в целом и отличающей его от других этносов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Исследование рефлексивных структур обыденного сознания (на материале семантического анализа фразеологизмов)

Интерес психологов к исследованию фразеологизмов обусловлен рядом причин как теоретического, так и эмпирико-прикладного характера, а также социальным заказом, который подчас имплицитно содержится в пожеланиях коллег из смежных с психологией областей науки.

Ведущиеся в последние годы интенсивные исследования проблемы диалога специалистами самых разных областей науки (лингвистами, психологами, кибернетиками и др.) обусловлены, в частности, разработкой информативно-поисковых систем, ориентированных на работу с ЭВМ неквалифицированных пользователей в режиме естественного языка, что вызывает в свою очередь повышенный интерес к проблеме формализации естественного языка.

В рамках перспективы создания ЭВМ пятого поколения, предполагающих общение с ЭВМ на естественном языке, возникают проблемы формализации метафор, образных сравнений, перекодировок изобразительного и понятийного языков. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы ряда междисциплинарных симпозиумов по проблеме диалога (Сангасте, 1985; Таллин, 1984, 1987; Переславль-Залесский 1990, 1996), проведенных Ассоциацией искусственного интеллекта РАН. Разработка этого направления представлена в публикациях Д. А. Поспелова (1981, 1986), Э. В. Попова (1982), А. Е. Кибрика и А. С. Нариньяни (1987), И. Я. Сильдмяэ (1987) и др.

Естественный язык постепенно из средства общения и коммуникаций, из средства производства идей превращается еще и в средство управления технологическими процессами, производства материальных ценностей. Семантические компоненты значения при использовании языка как средства производства материальных ценностей разворачиваются в операциях управления, классификации и контроля. Такой подход к естественному языку требует не только изучения его лингвистических закономерностей, но и разработки и построения многочисленных (семантических, ассоциативных, частотных, коннотативных и т. п.) словарей, формализующих и упорядочивающих лексику (Караулов, 1981). Наша работа по семантическому анализу фразеологизмов представляется очередным шагом

в этом направлении, связанным в первую очередь с разработкой и апробацией методических средств построения словаря фразеологизмов.

фразеологизмы интересны, на наш взгляд, тем, что, являясь разновидностью фольклора, несут в себе совокупный общественный опыт, отражают структуры обыденного, житейского сознания, национально-культурную специфику языка. «Каждая метафора, — полагает М. Блэк, — это верхушка затопленной модели» (Блэк, 1990. С. 163). Построение семантических фразеологических словарей может оказаться полезным для проведения культурно-сопоставительных исследований специфики мировосприятия и мироощущения представителей различных языковых культур, для преподавания и усвоения иностранного языка (Фелици-на, Прохоров, 1979). Кроме того, имеется и сугубо психологический интерес к изучению фразеологизмов, обусловленный развитием методического инструментария в рамках проблематики межличностного восприятия. В настоящее время в психологической науке появились и используются варианты личностных семантических дифференциалов, являющихся развитием методики семантического дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957) применительно к сфере личности, самосознания, межличностного восприятия (Бажин, Эткинд, 1983; Петренко, 1983; Шмелев, 1982; Kuusinen, 1970; Голдберг, Шмелев, 1993). В качестве уни- и биполярных шкал-дескрипторов в методике личностного семантического дифференциала используются «личностные» прилагательные, а также действия в предполагаемых обстоятельствах. Полагаем, что использование для описания человека образного, емкого и метафорического языка фразеологизмов также может расширить и углубить арсенал методических средств психосемантики в области психологии личности.

9.1. Фразеологизмы — особые языковые формы фиксации значений

Фразеология как самостоятельный раздел лексикологии впервые была выделена Ш. Балли. «Некоторые слова, — писал он, — обнаруживают тенденцию к большей спаянности между собой, чем другие, — потому ли, что само их сочетание как-то привлекает наше внимание, или же потому, что выражаемая этим сочетанием мысль производит на нас особенно сильное впечатление, в обоих случаях отношения между фактом мысли и фактом речи прочно запечатлеваются у нас в памяти и затем воспроизводятся в речи, когда же сочетание достигает наивысшей спаянности, оно окончательно входит в язык как единое целое» (Балли, 1961. С. 89).

Все многообразие словосочетаний Балли заключает между двумя крайними случаями: когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова обретают полную свободу вступать в другие комбинации, и когда слова, в силу того, что они постоянно употребляются в этом сочетании, полностью теряют свою независимость, оказываясь неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании. Замена компонента словосочетания другим (синонимичным) меняет, а зачастую просто разрушает смысл

сочетания (ср. «выносить сор из избы» и «выносить мусор из дома»)-Во фразеологических единствах наблюдается полная спаянность элементов,

«значение каждого слова невозможно выделить — они выражают вместе одну идею, одно понятие. Психологически это одно слово, одна лексическая единица, которую при желании можно назвать составной единицей» (Балли, 1961. С. 91). Балли образно сравнивает фразеологический оборот с химическим соединением. Сходную мысль высказывает и О. Есперсен, называя фразеологизмы языковыми формулами (Есперсен, 1958).

Итак, одной из особенностей фразеологизма является целостное, неаддитивное строение образующих его элементов, задающих в совокупности целостное значение. Другой особенностью фразеологизма является его метафорический, образный характер, закрепленный в понятии фразеологической идиоматичности, часто выделяемой в качестве основного признака фразеологизма. Передавая абстрактное через конкретное, отвлеченное через наглядное, осязаемое, фразеологизмы являются как бы формой рефлексии внеязыковой действительности. Они порождены потребностью в выразительных средствах коммуникаций вербального выражения чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, явлений, предметов. Уместно вспомнить известное положение А. А. Потебни о «сгущении мысли», при котором смысл целого текста находит выражение в одном изречении. «Передавая в сжатом виде сюжет басни, легенды, суть притчи, исторического события, фразеологизмы являются мощным средством компрессии информации, которая возможна благодаря емкости фразеологического значения» (цит. но: Берлизон, 1980. С. 17). Шутливость, каламбур, ирония, свойственные фразеологизму, служат для выражения самых разнообразных чувств и отношений: радости, удовольствия, пренебрежения — они выручают там, где невозможно найти точные определения, и короткий фразеологизм может дать гораздо более емкую характеристику человека и его действий, чем длинное расплывчатое описание.

В силу компрессии общественного опыта в фразеологизмах наиболее ярко проявляются национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, его историей, обычаями. Эти «обычные выражения», являющиеся, по мнению Ф. Н. Буслаева, своеобразными микромифами, содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» (1959. С. 204).

Обращение психологов к различным этнографическим и фольклорным материалам позволяет подойти к изучению особенностей человеческой психики не абстрактно, исследуя некоего внеисторического субъекта, а в контексте определенного своеобразного строя культуры, характерного для того или иного народа. Являясь результатом, продуктом деятельности людей, культура в то же время оказывает обратное влияние на формирование человеческого мышления и сознания, в ней закрепляются определенные формы регуляции человеческого поведения (Лотман, 1970). В традиционной культуре такие образования, как пословицы, поговорки, загадки, по мнению М. М. Муканова, выступают для обыденного сознания своеобразной формой рефлексии, понимаемой как процесс критического осмысления текущей деятельности и основание перехода к новой деятельности (Муканов, 1979, 1980). Мысль о рефлексивной функции фольклора, несущего в себе вековой опыт и систему ценностей народа, можно с полным правом отнести и к фразеологизмам.

«Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода "нишей" для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» (Телия, 1996. С. 215).

Какие же аспекты человеческого опыта и деятельности, предметного окружения и взаимодействия людей отражаются во фразеологизмах как в некоем метаязыке? На что направлена возможность рефлексии, заложенная во фразеологизмах? Работы В. Н. Губарева (1980), А. В. Жукова (1978) позволяют полагать, что одной из особенностей фразеологической семантики является ее преимущественно субъектная направленность — направленность на характеристику человека как субъекта деятельности. «Фразеологизмы оценивают человека с точки зрения физических, психических, морально-этических, интеллектуальных качеств, характеризуют его в отношении социальной принадлежности, рода занятий, возраста и жизненного опыта, родственных связей» (Жуков, 1978. С. 90). Существующая же объектная фразеология, направленная на характеристику

предметов и явлений действительности, составляет, по данным подсчета по «Фразеологическому словарю», 4—5% от общего числа фразеологизмов (см.: Фразеологический словарь русского языка. М., 1967). Причем из выделенных четырех типов объектной фразеологии два относятся к объектно-субъектным, т. е. могут быть отнесены и к объекту и к субъекту (например, «видать виды» — много испытать в жизни и быть сильно поношенным) (Жуков, 1978). Все это говорит о том, что большая часть фразеологического богатства языка может рассматриваться как некоторая форма рефлексии, отражения человеческих отношений, восприятия другого.

Анализ фразеологизмов проводился в рамках психосемантического подхода. В отличие от лингвистических методов анализа, ориентированных на структурный анализ объектов (лексики, текстов и т. д.) или использующих лингвистическую интроспекцию (Москович, 1971), опирающуюся на языковую компетенцию исследователя, его «чувство языка», психосемантические методы анализа ориентированы на моделирование реальной речевой деятельности субъекта-испытуемого и на исследование значений, так сказать, «в режиме употребления».

К таким формам искусственно построенной речевой деятельности по оперированию лексикой относятся различные варианты ассоциативного эксперимента, процедуры сортировки, классификации и шкалирования, тесты неоконченных предложений, искусственные диалоги с помощью поговорок, пословиц, кодирование лексическими единицами различных изобразительных сюжетов и т. п. Последующая математическая обработка полученных данных позволяет выделить структуры категоризации, лежащие в основе понимания и оперирования лексикой, которыми пользуется человек, подчас не осознавая их.

Основным методическим приемом выделения категориальных структур и формой их модельного представления является построение субъективных семантических пространств. Семантические пространства являются неким метаязыком исходного языка описания (в данном случае фразеологизмов), а их построение заключается в выделении обобщенных категорий-факторов, на языке которых, выступающем базисным алфавитом, записывается исходная лексика.

9.2. Семантическое пространство русских фразеологизмов

Эксперимент 1. В качестве экспериментального материала нами был отобран из «Фразеологического словаря русского языка» 71 фразеологизм, относящийся к разряду глагольных. В проведении эксперимента принимали участие А. А. Нистратов и Н. В. Романова.

Процедура эксперимента. Для построения матрицы сходства фразеологизмов (первый этап построения семантического пространства) степень их сходства оценивалась косвенным образом — через их отнесение к ролевым позициям (Kelly, 1971). Ролевыми позициями называются обобщенные образы людей, некоторые типажи. Нами использовался следующий набор ролевых позиций: 1 — «Я», 2 — «мой идеал человека», 3 — «мой отец», 4 — «человек через 20 лет», 5 — «образ идеального человека с точки зрения общества», 6 — «типичный человек», 7 — «человек 30 лет назад», 8 — «романтик», 9 — «обыватель», 10 — «мой друг», 11 — «мой враг», 12 — «безответственный человек», 13 — «неудачник», 14 — «прожигатель жизни», 15 — «лидер», 16 — «работяга», 17 — «зависимый человек», 18 — «проходимец», 19 — «деловой человек», 20 — «карьерист», 21 — «презираемый мной человек», 22 — «интеллигент».

Испытуемых просили оценивать по семибалльным шкалам (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3) верность утверждения, зафиксированного в образной форме в каждом фразеологизме, относительно каждой ролевой позиции. Таким образом, фразеологизмы выступали униполярными шкалами, а ролевые позиции являлись объектами, которые оценивались по этим шкалам, где оценка 3 означала полное отнесение качества, описываемого фразеологизмом, к ролевой позиции, а оценка -3 — полное отрицание этого качества для данной ролевой позиции. Таким образом, сходство каждого фразеологизма оценивалось косвенно, через сходство оценок ролевых позиций, полученных по этим шкалам, и вычислялось как коэффициент корреляции попарных оценок.

Выбор ролевых позиций в качестве объектов оценивания диктовался, как говорилось выше, теоретическими соображениями о преимущественно субъективной направленности фразеологизмов. При этом, подбирая ролевые позиции, мы стремились выбрать как можно более контрастные позиции («идеал» — «презираемый», «лидер» — «безответственный человек», «мой враг» — «мой друг», «романтик» — «обыватель»), чтобы затронуть как можно более широкий диапазон аспектов личности человека (волевой, ценностный аспекты, временная ориентация личности и т. п.), которые предположительно могут рефлексироваться во фразеологизмах. Поскольку выбранные фразеологизмы являются предикатами, описывающими некое действие, то

отнесение его к ролевой позиции представляет собой, по сути, построение суждения типа: «идеалу» свойственно «держать свое слово» — истинность этого суждения может быть оценена испытуемым в 3 балла; «идеалу» свойственно «втирать очки» — истинность этого суждения, очевидно, оценят в -3 балла, т. е. как неистинное суждение; «проходимцу» свойственно «втирать очки» — это суждение испытуемые оценят скорее как достоверное, а истинность суждения «не видеть дальше своего носа» применительно к «проходимцу», возможно, вызовет у испытуемых различные оценки, и в сумме они нейтрализуют друг друга, а для ролевой позиции «безответственный человек» —

последний фразеологизм, очевидно, истинен и т. п. В роли испытуемых-экспертов выступали 20 мужчин с высшим гуманитарным образованием в возрасте от 24 до 35 лет, родной язык которых русский.

Процедура обработки данных. Индивидуальные матрицы данных оценок испытуемых суммировались в одну общегрупповую матрицу (71 * 22), которая подвергалась корреляционному и факторному анализу. Матрица корреляции (71 x 71), отражающая связь каждого из 71 фразеологизмов с каждым, строится на основе оценки всех 22 ролевых позиций по этим фразеологизмам. Факторная обработка матрицы корреляций позволяет выделить пучки коррелируемых, взаимосвязанных фразеологизмов и описать содержание ролевых позиций через набор базисных категорий-факторов, где факторные нагрузки фразеологизмов соответствуют проекциям вектора, описывающего фразеологизм, на ось фактора. Содержательно величина факторной нагрузки показывает, насколько выражен некий смысл, стоящий за фактором в данном конкретном фразеологизме. При этом смысл фактора интерпретируется исходя из того, какие фразеологизмы имеют по данному фактору значимые нагрузки, т. е. содержание фактора выступает как смысловой инвариант входящих в него фразеологизмов. Фразеологизмы, имеющие положительную нагрузку по данному фактору, и фразеологизмы, имеющие отрицательную нагрузку по этому фактору, образуют содержательные полюса этого биполярного фактора: знак факторной нагрузки задает отнесение фразеологизма к тому или иному полюсу фактора (левому или правому) и содержательного, интерпретационного смысла не имеет. Однако мы будем называть положительным полюсом фактора группировку фразеологизмов, имеющих положительную по смыслу коннотацию (эмоциональную окраску), хотя они могут чисто формально иметь отрицательные значения факторных нагрузок.

В результате обработки данных было выделено три значимых фактора, объясняющих соответственно 32, 29 и 14% вклада в общую дисперсию.

По **первому фактору** доминирующие нагрузки имели следующие фразеологизмы, которые перечисляются в порядке убывания величины факторной нагрузки с указанием знака нагрузки:

сесть в лужу	0,91
витать между небом и землей	0,88
купить кота в мешке	0,88
влезать в долги	0,86
белены объесться	0,84
заглядывать в рюмку	0,83
гоняться за двумя зайцами	0,83
сидеть на бобах	0,83
делать как бог на душу положит	0,82
ломиться в открытую дверь	0,81
лезть в бутылку	0,81
валять дурака	0,77
строить воздушные замки	0,76
метать бисер перед свиньями	0,76
толочь воду в ступе	0,76
рубить сплеча	0,76
бить баклуши	0,74
дойти до ручки	0,74
выносить сор из избы	0,72

переливать из пустого в порожнее	0,70
играть с огнем	0,68

искушать судьбу 0,67
тянуть кота за хвост 0,60
не видеть дальше своего носа 0,58
делать из мухи слона 0,53 в оппозиции к:
держать себя в узде -0,86
знать свое место -0,83
брать быка за рога -0,73
заглядывать вперед -0,62
не оставаться в долгу -0,55

Полученная оппозиция характеризует, на наш взгляд, различные аспекты контроля и целенаправленности поведения субъекта. С одной стороны, это нецеленаправленная активность без прогноза будущего. Это как бы «тупиковая» активность, у нее нет позитивного выхода. С другой стороны, это активность, при которой субъект контролирует себя и ситуацию, избегая опрометчивости. Содержание фактора может быть раскрыто как оппозиция безответственности, неорганизованности, несдержанности и ответственности, организованности, сдержанности. Назовем этот фактор «Бесконтрольность <-» Самоконтроль поведения».

Наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции: «безответственный человек», «неудачник», «прожигатель жизни», с одной стороны, и «деловой человек», «идеал с точки зрения общества» — с другой (рис. 41), что подтверждает предложенную нами интерпретацию.

Интересно отметить, что среди отобранных нами достаточно случайным образом фразеологизмов большее количество представляет негативный полюс «бесконтрольного поведения». Это, очевидно, свидетельствует о том, что к фразеологизмам чаще прибегают для оценки неадекватного поведения, чем для одобрения позитивного.

Второй выделенный фактор представлен следующими фразеологизмами:

чужими руками жар загребать 0,96
снимать пенки 0,96
подложить свинью 0,96
ловить рыбу в мутной воде 0,92
втирать очки 0,91
плевать в душу 0,90
надевать маску 0,87
обводить вокруг пальца 0,87
рыться в грязном белье 0,86
пускать пыль в глаза 0,85
держать камень за пазухой 0,82
наставлять рога 0,80
и нашим и вашим 0,78
брать на пушку 0,80 идти по линии наименьшего сопротивления 0,76
напускать туману 0,76
наступать на любимую мозоль 0,76
валить с больной головы на здоровую 0,75
держать нос по ветру 0,75

как сыр в масле кататься 0,74
делать веселую мину при плохой игре 0,61 в оппозиции к:
держать свое слово -0,81
бороться с самим собой -0,62
не оставаться в долгу -0,57
уходить в себя -0,54

Рис. 41. Размещение ролевых позиций в семантическом пространстве фразеологизмов ($Ф_1$, $Ф_2$)

Оценочный характер **второго фактора** ярко проявляется в том, что на одном его полюсе оказались такие явно отрицательные ролевые позиции, как «проходимец», «карьерист», на другом полюсе — такие явно положительные ролевые позиции, как «идеал человека с точки зрения общества», «мой идеал человека» и т. д. (см. рис. 41).

Фразеологизмы, попавшие на один полюс («чужими руками жар загребать», «втирать очки», «надевать маску» и т. п.), описывают поведение, в котором другой человек оказывается средством, объектом манипуляции в достижении неким субъектом своей цели. Он не проявляет своего истинного лица и стремится извлечь выгоду любыми средствами. Немногочисленные фразеологизмы, попавшие на другой полюс фактора («держать свое слово», «бороться с самим собой», «не остаться в долгу» и т. д.), описывают поведение, в котором субъект в чем-то ограничивает себя, руководствуясь чувством долга.

Таким образом, второй фактор семантического пространства фразеологизмов можно назвать фактором «оценка» или, обозначая содержание полюсов этого фактора, фактором «Аморальность <-» Моральность». Интересна антипрагматическая направленность в оценке людей ролевых позиций, проявившаяся у наших испытуемых-экспертов. Так, наряду с «идеалом с точки зрения общества», «моим идеалом человека», «отцом», «романтиком» и «работягой» положительную оцен-

ку по этому фактору получила и ролевая позиция «неудачник», имеющая в семантическом пространстве близкие координаты к ролевой позиции «романтик», в то время как ролевая позиция «деловой человек» имеет несколько отрицательную коннотацию. Наличие смыслового аспекта манипулирования другим человеком во фразеологизмах на полюсе «аморальность» привело, очевидно, к тому, что и ролевая позиция «лидер» оказалась обладающей слабой негативной оценкой. Ведь лидер в каком-то смысле управляет, манипулирует другими людьми. Возможно, здесь сказалось и иноязычное происхождение этого слова, вызывающее ассоциации с «западным» образом жизни.

Дифференциация ролевых позиций даже в рамках двух первых выделенных факторов позволяет выявить достаточно тонкие семантические нюансы лексики. Так, близкие по смыслу слова «карьерист» и «проходимец» попали в разные квадранты построенного семантического пространства. Имея сходную негативную коннотацию по второму оценочному фактору, они имеют контрастные позиции по первому фактору «Бесконтрольность <-> Самоконтроль» (см. рис. 41). «Карьерист» отличается от «проходимца» тем, что действует выдержанно и целенаправленно, в то время как «проходимец» может действовать с известной долей риска, без достаточного прогнозирования будущего.

В третий фактор вошли следующие фразеологизмы:

не лезть за словом в карман	0,87
гнуть свою линию	0,75
много брать на себя	0,72
жить своим умом	0,63
держаться за бабью юбку	-0,69

плакать в жилетку	-0,72
смотреть как баран на новые ворота	-0,63
поджать хвост	-0,62
дрожать над копейкой	-0,59
ходить вокруг да около	-0,58

На одном полюсе третьего фактора сосредоточены фразеологизмы, отражающие позиции уверенного в себе, независимого субъекта («гнуть свою линию», «жить своим умом» и т. д.), в то время как противоположный полюс фактора описывает неуверенного, несамостоятельного человека, зависимого от других или от обстоятельств («держаться за бабью юбку», «дрожать над копейкой» и т. д.). Мы интерпретировали этот фактор как фактор «сила эго» или как фактор «Уверенность <-> Неуверенность». Третий фактор близок классическому осгудовскому фактору «сила», который на материале личностных качеств выступает как фактор «сила личности», «сила эго» или «сила Я».

Размещение ролевых позиций по оси третьего фактора подтверждает предложенную интерпретацию. Так, наиболее полярными по этому фактору оказались ролевые позиции «мой идеал», «идеал с точки зрения общества», «лидер» и «проходимец» (различные по фактору оценки, но близкие по параметру уверенности в себе), с одной стороны, и ролевые позиции «зависимый человек», «неудачник» как обладающие слабой силой личности — с другой (рис. 42).

Подводя итоги эксперимента, можно утверждать, что фразеологизмы отражают различные аспекты личности субъекта, параметры его деятельности, являясь тем самым рефлексивными структурами оценки и контроля этой деятельности.

Рис. 42. Размещение ролевых позиций в семантическом пространстве фразеологизмов ($Ф_2$, Фз)

Подтверждением этого тезиса является то, что, будучи использованы как шкалы-дескрипторы, фразеологизмы позволяют дифференцировать в семантическом пространстве ролевые позиции, контрастные по характеристикам субъекта деятельности. В качестве наиболее обобщенных оснований категоризации (классификации) фразеологизмов выступают факторы «Целенаправленность» (Бесконтрольность <-> Самоконтроль), «Оценка» (Аморальность <-» Мораль), «Сила личности» (Уверенность <-> Неуверенность).

Отметим, что выделенные факторы дифференциации фразеологизмов являются наиболее обобщенными параметрами, своего рода «архисемами» фразеологизмов, позволяющими проводить их наиболее общую классификацию. Более тонкий семантический анализ содержания фразеологизмов требует привлечения других средств, одним из которых является кластерный анализ (Дюран, Оделл, 1977).

В отличие от факторного анализа, выделяющего обобщенную структуру семантических связей на каком-либо одном (в зависимости от построения эксперимента) уровне, чаще всего на уровне обобщенных коннотативных факторов, кластерный анализ позволяет построить многоуровневое «дерево» категоризации, фиксирующее семантические связи на различных уровнях сходства. Это является несомненным преимуществом кластерного анализа. Но в отличие от факторного анализа, где для каждого объекта анализа (в нашем случае для фразеологизмов) выделяется несколько

оснований категоризации (несколько категорий семантических связей), объединение объектов в кластер осуществляется только по какому-либо одному, доминирующему признаку или качеству, но зато эти признаки или качества различны на разных уровнях сходства. Кроме того, при интерпретации выделенных факторов рассматривается как обобщенное содержание шкал-дескрипторов, так и характер размещения в семантическом пространстве объектов шкалирования (в данном случае ролевых позиций). Интерпретация же кла-

стерной структуры, опирающаяся только на выделение смыслового инварианта объектов, входящих в кластер, более произвольна. Структуру категоризации, выделенную с помощью кластерного анализа, часто называют деревом кластеризации или классификационным деревом.

9.3. Исследование категориальной структуры (семантический анализ) фразеологизмов методом кластерного анализа

Эксперимент 2. Экспериментальным материалом служили те же глагольные фразеологизмы, что и в первом эксперименте. Они были напечатаны каждый на отдельной карточке, которые и предъявлялись испытуемым.

Испытуемыми-экспертами были 24 человека обоего пола с высшим гуманитарным образованием, родным языком которых являлся русский.

Процедура эксперимента. В качестве процедуры установления семантических связей фразеологизмов и построения матрицы сходства (1-й этап психосемантического эксперимента) использовался метод сортировки Миллера (Miller, 1971). Испытуемым предлагалось расклассифицировать карточки с фразеологизмами в произвольное количество групп с произвольным количеством (фразеологизмов) в каждой группе. После классификации испытуемых просили дать условные названия выделенным группам и попытаться сформулировать принцип (основание) классификации.

Процедура обработки данных. Построение классификационного дерева осуществлялось с помощью кластер-анализа (Johnson, 1967), где мерой попарного сходства объектов (фразеологизмов) являлось количество их попаданий в одни классы. Легко видеть, что если в эксперименте участвовало n испытуемых, то мера сходства пары объектов может варьироваться от n, если все испытуемые отнесли эту пару фразеологизмов в один класс, до 0, если ни один из испытуемых не сгруппировал их вместе. Для того чтобы сделать меру сходства объектов независимой от числа испытуемых, ее нормируют, т. е. делят на число испытуемых, и, таким образом, она получает значение от 1 до 0.

Последовательное объединение объектов на разных уровнях сходства дает дерево классификации анализируемых объектов (рис. 43, 44). Построение дерева кластеризации (классификации) позволяет, наряду с обобщающими классами, объединяющими объекты на низких уровнях сходства, выделять более мелкие «гроздья» смысловых объединений и соответственно провести более детальный семантический анализ фразеологизмов.

При интерпретации выделенных кластеров будем двигаться по дереву кластеризации «снизу вверх»: от интерпретации больших семантических классов, выделенных на низких уровнях сходства, до рассмотрения объединения объектов в небольшие семантические классы (кластеры) на высоких уровнях сходства.

В работе (см. главу пятую) по кластер-анализу рисунков-эмблем было показано, что основаниями объединения объектов на низких уровнях сходства являются обобщающие коннотативные факторы, аналогичные выделяемым в экспериментах с использованием факторного анализа. Объединение объектов в классы на средних уровнях сходства — более мелкие кластеры, получаемые дифференциа-

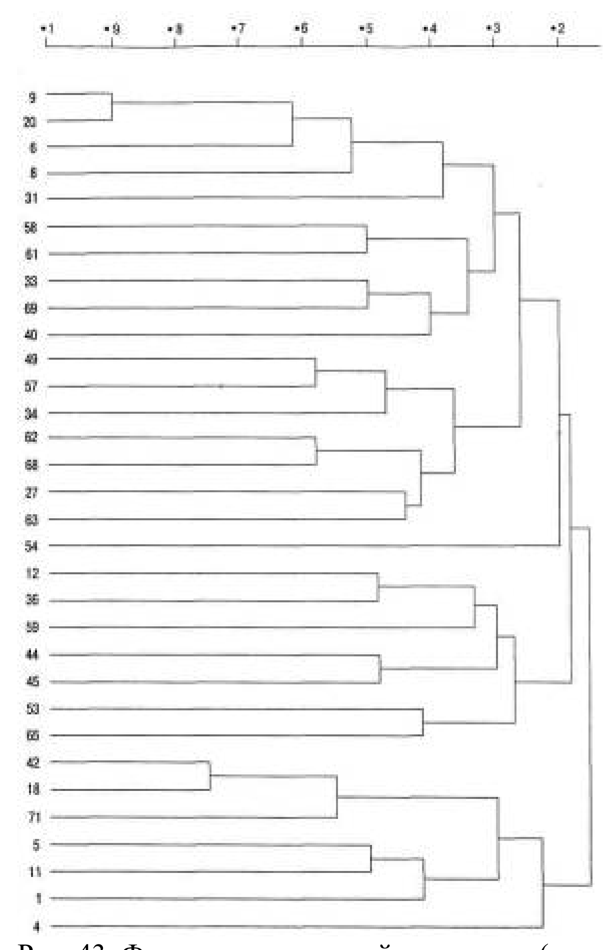

Рис. 43. Фрагмент кластерной структуры (дендограммы) фразеологизмов

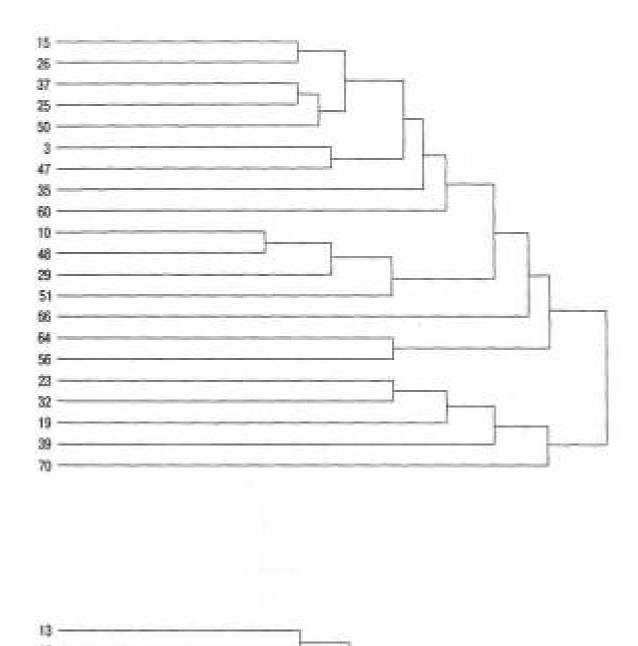

Рис. 44. Фрагмент кластерной структуры (дендограммы) фразеологизмов

цией, расчленением обобщающих коннотативных факторов, — происходит на основе сходства как коннотативных значений, так и функциональных решений. Последнее определялось количеством объектов, представленных в функциональной структуре рисунка, и типами их функциональных отношений, описанных через небольшой словарь предикатов. Наконец, объединение объектов в мелкие кластеры на высоких уровнях сходства происходило на основе общности как коннотативных значений и функциональных решений, так и сходства использования образных элементов в рисунке и графической манере рисунков.

Результаты настоящего эксперимента выявляют аналогичную структуру категоризации семантических признаков анализируемых объектов. Так, на низких уровнях сходства выделено три больших семантических класса (кластера), первые два из которых по входящим в них фразеологизмам полностью совпадают с содержанием двух первых факторов (контроля и оценки), выделенных с помощью факторно-аналитического решения (см. эксперимент 1). Однако в эти кластеры объединились фразеологизмы, стоящие на отрицательных полюсах этих факторов, т. е. на полюсах нецеленаправленности и аморальности. Содержание кластеров строится не на основе бинарных оппозиций, как чаще всего бывает в факторно-аналитическом эксперименте; полюса факторов задают содержание независимых больших кластеров, объединяющих объекты на низких уровнях сходства. Малочисленные фразеологизмы, находящиеся на положительных полюсах всех трех факторов (целенаправленность, моральность и сила личности), образуют единый кластер положительно-активного поведения («жить своим умом», «держать себя в узде», «не лезть за словом в карман», «бороться с самим собой», «заглядывать вперед» и т. д.).

Наибольший интерес в плане интерпретации представляют для нас кластеры, выделенные на средних уровнях сходства, так как группировка факторов на низких уровнях сходства воспроизводит в целом полученные результаты первого факторного эксперимента. Рассмотрим подкластеры **первого большого класса фразеологизмов** — нецеленаправленности поведения (рис. 43). Он разбивается на ряд подкластеров, отражающих ряд аспектов этой нецеленаправленности.

Первый подкластер включает следующие фразеологизмы: 9) строить воздушные замки; 20) витать между небом и землей; 6) вариться в собственном соку; 8) не видеть дальше своего носа; 31) вертеться как белка в колесе.

Общим содержанием, объединяющим эти фразеологизмы, является, очевидно, отсутствие у некоего субъекта (или субъектов) адекватного образа внешнего мира, действительности, т. е. общий смысл, присущий всему классу фразеологизмов, характеризующих нецеленаправленность поведения, конкретизируется в этом кластере как нецеленаправленность в силу неадекватности представлений о действительности.

Неадекватность представлений о мире может быть конкретизирована в каждом отдельном фразеологизме как бы добавлением к двум родовым архисемам — «нецеленаправленность поведения» и «неадекватность образа действительности» — дифференциальных признаков, превращающих фразеологизм в некоторую неповторимую идентичность. Например, фразеологизм «вариться в собственном соку» дает причину этой неадекватности образа мира в отсутствии контакта с ним, а «вертеться как белка в колесе» — в затруднении контактов с миром

__ _ ____,______..v^^uDonne рефлексивных структур обыденного сознания_____

в силу дефицита времени и т. п. Архисема, или формула, этого подкластера: образ мира субъекта *Ф* действительности, где *ф* — несоответствие.

Еще раз подчеркнем гораздо большую произвольность нашей интерпретации результатов кластерного анализа по сравнению с факторно-аналитическим экспериментом. В нашей интерпретации мы формализуем содержание образного фразеологизма, переводим его на язык деятельностных структур, опираясь на понятия теории деятельности, работаем с фразеологизмом как с лексемой, а не как с образом. Образное же содержание фразеологизма бесконечно богаче и несет в себе множество дополнительных смыслов и нюансов. Сходство образного наполнения фразеологизмов влияет и на их объединение, группировку на высоких уровнях сходства. Например, наиболее близкими в классификационном дереве оказались фразеологизмы «строить воздушные замки» и «витать между небом и землей».

Второй подкластер первого большого класса включает следующие фразеологизмы: 58) сесть в лужу; 33) поджать хвост; 69) сидеть на бобах; 40) плакать в жилетку. Формула подкластера: действительность » цель, где » — субъективная значимость.

Мы интерпретируем содержание этого кластера как снижение, затруднение собственной

активности, субъективности и целенаправленности деятельности в силу зависимости от внешних обстоятельств.

Третий подкластер включает фразеологизмы: 49) переливать из пустого в порожнее; 57) толочь воду в ступе; 34) ходить вокруг да около; 62) бить баклуши; 68) валять дурака; 27) делать как бог на душу положит; 63) тянуть кота за хвост.

Смысловым, содержательным инвариантом перечисленных фразеологизмов, определяющих интерпретацию этого кластера, на наш взгляд, выступает констатация отсутствия целенаправленной активности в силу подмены ее: а) несущественной активностью («переливать из пустого в порожнее», «толочь воду в ступе», «бить баклуши»); б) развлечением («валять дурака»); в) оттягиванием времени реализации этой деятельности («ходить вокруг да около», «тянуть кота за хвост» и т. п.). Формула подкластера: цель наличная *ф* цели деятельности.

На достаточно низком уровне сходства с первыми тремя подкластерами объединяется фразеологизм № 54 — «купить кота в мешке».

Следующий, **четвертый подкластер** объединяет фразеологизмы: 12) делать из мухи слона; 36) гоняться за двумя зайцами; 59) смотреть как баран на новые ворота; 44) ломиться в открытую дверь; 45) метать бисер перед свиньями; 53) лезть в бутылку; 65) белены объесться.

Фразеологизмы этого кластера, по-видимому, объединяет констатация нарушений целенаправленности деятельности в звене целеполагания. Это констатация невозможности реализации двух целей одновременно («гоняться за двумя зайцами»), неспособности идентификации цели («смотреть как баран на новые ворота»), неадекватности цели действия («ломиться в открытую дверь», «метать бисер перед свиньями»), подмены цели действия целью самоутверждения («лезть в бутылку») или неспособности субъекта к постановке цели («белены объесться»). Формула подкластера: цель > < действительности, где > < — неадекватность.

Последний, **пятый подкластер** включает фразеологизмы: 42) играть с огнем; 18) искушать судьбу; 71) рубить сплеча; 5) много брать на себя; 11) гнуть свою линию; 1) мерить на свой аршин; 4) брать быка за рога.

Фразеологизмы этой группы объединены описанием некоторой активности субъекта, не соотнесенной с наличной ситуацией. Негибкость, аутичность поведения человека характеризуются через эти фразеологизмы как отсутствие ориентировки в объектной и социальной действительности, несоотнесенность с ней цели действия. Формула подкластера: цель » действительность.

Перейдем к рассмотрению **второго большого класса фразеологизмов,** фиксирующих проявление «аморальности». Отметим, что все фразеологизмы этого оценочного класса подразумевают наряду с субъектом деятельности некоего другого субъекта (или субъектов), по отношению к которому, вернее во вред которому, и реализуется деятельность. Можно сказать, что все эти фразеологизмы реализуют субъект-субъектные отношения (Ломов, 1979) или субъект-объект-субъектные отношения (Петровский А. В., 1984). Можно высказать гипотезу, что оценочная компонента вообще возникает тогда, когда в описании индивидуальных особенностей человека имманентно присутствует характеристика его отношения к другому человеку или людям. Говоря, например, что этот человек тревожный или уверенный, мы только описываем его индивидуальные особенности, но, говоря, что этот человек гордый, мы имманентно и оцениваем его, так как гордость характеризует его поведение по отношению к другим.

Субъект-субъектные отношения, нашедшие отражение во фразеологизмах нашего второго большого оценочного класса (рис. 44), можно охарактеризовать с другой позиции анализа и как проявление диалогичное™.

Семантический кластер «аморальность» также распадается на ряд подкласте-ров. **Первый подкластер** этого большого класса представлен фразеологизмами: 15) чужими руками жар загребать; 26) рыться в грязном белье; 37) держать камень за пазухой; 25) плевать в душу; 50) подложить свинью; 3) валить с больной головы на здоровую; 47) наступить на любимую мозоль; 35) выносить сор из избы; 60) показать кузькину мать.

Последний из фразеологизмов этого подкластера («показать кузькину мать») присоединяется ко всей группе на достаточно низком уровне сходства и выражает, очевидно, общий неконкретизированный смысл всей группы фразеологизмов этого подкластера: некий субъект А (или группа субъектов) реализует предикат «делать плохо» некоему субъекту Б (или группе субъектов). Остальные фразеологизмы содержат также дополнительные признаки (семы): «делать плохо» в моральном плане и делать это недозволенными средствами. Предикат «делать плохо

другому» конкретизируется в единичных фразеологизмах и может быть раскрыт следующим образом: использовать другого человека не как субъекта деятельности, а как средство реализации собственных целей («чужими руками жар загребать»), как средство удовлетворения любопытства в социально неприемлемой форме («рыться в грязном белье») или дискредитировать другого человека в глазах третьих лиц («выносить сор из избы»). В последнем фразеологизме признак «сознательности» в нанесении вреда виртуальный, человек может «выносить сор» и из собственной «избы», имея целью вызвать, например, жалость или сочувствие другого человека, а в качестве побочного результата получать снижение ценности собственного образа в глазах других. Наконец, «вынося сор из чужой

избы», он может не иметь цели снизить ценность образа «хозяина избы» в глазах третьих лиц, а стремиться увеличить ценность собственного образа в глазах этих лиц за счет демонстрации своей информированности.

Таким образом, семантически фразеологизмы второго большого кластера описывающие взаимодействие в диаде, оказываются несравненно сложнее фразеологизмов первого кластера, описывающих нецеленаправленную активность единичного субъекта.

Второй подкластер кластера «аморальность» включает следующие фразеологизмы: 10) втирать очки; 48) обводить вокруг пальца; 29) брать на пушку; 51) пускать пыль в глаза.

Инвариативное содержание — семантический признак, объединяющий эти фразеологизмы, — очевидно, задано предикатом «обманывать», т. е. использовать другого человека как средство для достижения собственных целей, поставляя ему неверную информацию о собственных целях, социальной или предметной действительности.

К первым двум подкластерам примыкают на более низких уровнях сходства фразеологизмы: 66) ловить рыбу в мутной воде; 64) как сыр в масле кататься; 56) снимать пенки.

Общий смысл этих фразеологизмов включает признак нечестности — семантически очень многоплановый и сложный. Нечестность заключается в несоответствии индивидуальных ценностей субъекта и форм их реализации неким общественным ценностям и нормам при внешней демонстрации признания этих норм. Признак нечестности явно не содержится в последних двух фразеологизмах, но к нему ведет цепочка осознаваемых или неосознаваемых умозаключений: «жить очень хорошо» — значит в конечном счете жить за чей-то счет, так как материальные ресурсы в обществе ограничены, и, чрезмерно потребляя материальные ценности, субъект оставляет кого-то без необходимого. Признак обмана также явно не содержится во фразеологизме «как сыр в масле кататься», но коннотация комфортности, мягкости содержится во всех трех словах «сыр», «масло», «кататься», не позволяя актуализироваться признаку «насильственного отторжения» этих благ у других и оставляя возможной только форму обмана.

Третий подкластер семантического класса «аморальность» включает фразеологизмы: 23) и вашим и нашим; 32) держать нос по ветру; 19) идти по линии наименьшего сопротивления; 39) дрожать над копейкой; 70) себе на уме.

Фразеологизмы этой группы, по-видимому, описывают поведение субъекта, связанное с изменением ценностных ориентиров, целей и жизненных задач в зависимости от житейских обстоятельств, но с пользой для самого субъекта и в конечном счете во вред для других участников совместной деятельности, в которую этот субъект включен. Иными словами, некий субъект оказывается слабым звеном в совместной деятельности за счет неустойчивости ценностно-мотивацион-ной структуры его личности: на него нельзя положиться. Фразеологизмы этой группы подразумевают, очевидно, и отсутствие у субъекта, к которому приложи-мы эти высказывания, неких высших надындивидуальных, «трансцендентальных» ценностей, стоящих выше непосредственных прагматических ценностей и обусловливающих устойчивость поведения человека и его кооперацию с другими в ситуациях, когда совместная деятельность требует встать выше эгоистических и эгоцентрических интересов.

Наконец, третий самостоятельный семантический класс фразеологизмов, полученный группировкой оценочно-положительных полюсов всех трех факторов, интерпретируется как кластер «положительного, целенаправленного», активного поведения и включает следующие фразеологизмы: 13) держать свое слово, 16) жить своим умом; 38) держать себя в узде; 24) не оставаться в долгу; 43) не лезть за словом в карман; 28) бороться с самим собой; 41) заглядывать вперед; 52) уходить в себя; 17) знать свое место; 7) делать хорошую мину при плохой игре; 55) сглаживать острые углы.

В отличие от двух предыдущих больших подкластеров, включающих фразеологизмы, описывающие те или иные формы неадекватности поведения субъекта, и расположенных на негативных по содержанию полюсах факторов первого эксперимента, фразеологизмы немногочисленного третьего кластера объединили те из них, которые стояли на положительных полюсах всех трех факторов первого эксперимента, т. е. на полюсах «самоконтроля», «моральности» и «уверенности». Исходя из большого количества фразеологизмов «самоконтроля» и «моральности», назовем этот кластер «осмотрительность».

В первом эксперименте, используя фразеологизмы в «режиме употребления» для характеристики обобщенных образов других людей (ролевые позиции), мы показали, что такое употребление фразеологизмов позволяет дифференцировать их по некоторым базисным измерениям, специфицирующим характер индивидуальности и совместной деятельности людей. Другими словами, сам факт построения семантического пространства фразеологизмов на базе шкалирования обобщенных образов других людей свидетельствует о наличии внутренней структуры искусственных текстов, порождаемых испытуемыми при соотнесении фразеологизма и образа другого человека. К таким базисным измерениям, как показал эксперимент, относятся факторы «Бесконтрольность <-> Самоконтроль» (поведения), «Моральность <-> Аморальность», «Сила <-> Слабость» (личности субъекта деятельности). Являясь характеристиками субъекта деятельности, они характеризуют и деятельность, в рамках которой субъект получает эту характеристику. Действительно, ролевые позиции — обобщенные человеческие образы-типажи («деловой человек», «неудачник», «работяга», «лидер», «интеллигент» и т. п.) — являются, по сути, производными от неких обобщенных деятельностей и стилей жизни, которые они реализуют, аналогично тому как слова «сталевар» или «лесоруб» являются производными от фраз «варить сталь» или «рубить лес». За ролевыми позициями стоят обобщенные представления о стилях жизни, включающих специфику деятельности, характер ценностей, способы решения субъектом жизненных проблем. Очевидно, соотнесение деятельностных структур, имплицитно содержащихся во фразеологизме и в наличной житейской ситуации, и обусловливает рефлексию этой ситуации в обыденном житейском сознании. При этом рефлексия возможна на разных уровнях сознания, с разной степенью детализации опосредующих ее структур. Так, уже простая оценка «хорошо» («плохо») есть рефлексия ситуации в обобщенных, недифференцированных эмоциональных эталонах.

Второй эксперимент по классификации фразеологизмов с построением кластерной структуры выявил более детализированную систему категоризации и семантических признаков, имплицитно присущих фразеологизмам. Так, например, категория-фактор «нецеленаправленность—целенаправленность» (поведения)

дифференцируется на более дробные основания категоризации: неадекватность поведения в силу неадекватности «образа мира» субъекта самой действительности; неадекватность поведения в силу излишней зависимости от внешних условий; неадекватность поведения в силу отсутствия цели действия или подмены ее несущественной активностью; неадекватность поведения в силу несоответствия его внешним условиям; неадекватность поведения в силу игнорирования внешних условий при реализации цели.

Для описания выделяемых структур категоризации возникает необходимость в некотором метаязыке, репрезентирующем их не обыденному, а научному сознанию — сознанию исследователя, описывающего их в системе научных, семантически более однозначных понятий. Остановимся на этом подробнее. Являясь то предикатами, описывающими в образной форме некое действие, субъектные фразеологизмы, как и другие предикаты (например, глаголы), описывают отношения между субъектами (аргументами). Так, четырехместный предикат «покупать», отвечая на вопросы, «кто?», «у кого?», «что и за сколько?», описывает отношение между аргументами «продавец», «покупатель», «товар», «количество денег», а двухместный предикат «любит» описывает отношения двух аргументов.

Восстановление недостающих членов (аргументов) отношения осуществляется через анализ степени «местности» предиката, т. е. выяснения того, является ли предикат одно-, двух-, трехместным и т. д.

В лингвистике эта проблема фигурирует под рубрикой «Восстановление смысловой неполноты текста» (Леонтьева, 1968). Отметим, что при анализе глагольных форм лингвистика сталкивается с проблемой оценки количества мест, присущих тому или иному предикату. Например, полагают,

что предикат «ударить» двухместный: «кто и кого?», но могут быть заданы вопросы и о том, за что, как сильно, по какому месту и т. п. Формальные критерии для определения степени местности предиката нам неизвестны, и в реальной практике исследователь опирается на свое лингвистическое чутье, на контекст высказывания.

Аналогично для раскрытия содержания таких предикатных форм, как субъектные фразеологизмы, необходимо реконструировать аргументы — заполнить места отношения, задаваемого фразеологизмом. И здесь мы сталкиваемся с еще более сложным случаем по сравнению с анализом глагольных форм, так как за счет образного, метафорического содержания фразеологизмов номинация (обозначение) членов отношения задается не в конкретной предметной, а в конно-тативной форме. Например, фразеологизм «ловить рыбу в мутной воде» имеет, конечно, не прямой, а переносный смысл, и слово «рыба» по коннотации соответствует некоей ценности, некоему благу. Восстановление аргументов этого многоместного предиката подразумевает субъекта, совершающего действие по добыванию этого блага («рыбы») в месте, среде, которая обозначается как «мутная вода». Качество «мутная» подразумевает негативную коннотацию и тогда имплицитно входит в качество еще одного аргумента — неких нормативных, социально одобряемых мест, или сред, где действие дозволительно, и тем самым задает еще отношение между социально одобряемым и неодобряемым. В этом случае отрицательная коннотация слова «мутная» либо распространяется на всю характеристику действия как неодобряемого и требует введения аргумента социально одобряемого действия, чтобы раскрыть специфику того, что не одобряется, либо качество «мутная» выступает в более прямом своем значении, и тогда негативная коннота-

ция этого фразеологизма заключается в том, что в качестве аргумента этого сложного отношения подразумеваются еще некие субъекты, для которых «мутность» ситуации не позволяет совершить действия для получения блага, а описанный ранее субъект почему-либо обладает этой возможностью. Для этого случая трактовки фразеологизма требуется введение еще одного аргумента отношения — социальных норм, с позиции которых извлечение блага субъектом, когда другие не могут получить его, социально неодобряемо.

Для описания содержания фразеологизмов, таким образом, требуется построение некоего метаязыка, фиксирующего базисные аргументы (или глубинные роли, в терминах Филмора), через описание отношений которых раскрывается содержание фразеологизмов. Для более простого класса субъектных фразеологизмов, описывающих индивидуальную деятельность субъекта, мы попытались задать эти отношения, введя простые символы. Однако эта попытка — скорее иллюстрация необходимого движения по формализации содержания фразеологизма, и создание метаязыка, описывающего рефлексивные структуры, — насущная задача. Тем не менее существует определенный задел для решения этой задачи.

Имеющаяся система понятий в теории деятельности А. Н. Леонтьева: мотив, цель, деятельность, действие, операция, субъект, объект и т. д. (Леонтьев, 1975) — или в теории падежной грамматики Ч. Филмора: агент (одушевленный инициатор действия), контрагент (сила, противодействующая действию), пациент (субъект, испытывающий воздействие), объект (предмет, подвергающийся действию), результат (вещь или физическое состояние, возникающее в результате действия), инструмент (орудие или средство действия), место и время действия и т. д. (Филмор, 1981), семантические теории Ю. Д. Апресяна (1974), Шенка (1980) задают основу такого метаязыка деятельностных структур, хотя, очевидно, не описывают всего богатства глубинных семантических ролей (Петренко, 1981).

Хорошо описывая деятельность субъекта в предметном мире, понятийный аппарат этих теорий оказывается менее приспособленным для описания деятельности субъекта в ментальном психическом плане, в частности для описания рефлексии собственной деятельности. Требуется расширение исходного смысла семантических ролей для описания и совместной деятельности людей и их общения. Наряду с глубинными ролями субъекта (агента), мотива, цели, инструмента (средства) деятельности должны существовать и такие роли, как «образ Я субъекта», или «образ идеального Я», или «образ меня», который субъект приписывает (атрибутирует) другому участнику совместной деятельности или общения, или же «образа Я другого» (контрагента или соагента), который имеется у одного субъекта относительно другого, или других, или «образ Я», который приписывает один субъект самосознанию другого. Такие глубинные роли, как «идеалы», «нормативные ценности», «нормативные средства», время и место действия, в субъективных

пространствах взаимодействующих субъектов также, очевидно, войдут в базовый список глубинных семантических ролей.

Построение такого аппарата формализации семантических структур — насущная задача ближайшего будущего. При этом дальнейшая разработка теории деятельности и общения может продвигаться как путем восхождения от абстрактного к конкретному в рамках теоретического движения в психологии и лингвистике, так и путем восхождения от эмпирической данности и вековой мудрости естественного языка и фиксированных в нем структур обыденного житейского сознания, т. е. путем их экспликации и рефлексии.

9.4. Исследование стереотипов обыденного сознания грузинского этноса методами психосемантики[1]

Целью настоящей работы является исследование категориальной структуры обыденного, житейского сознания представителей грузинского этноса, описание эталонов межличностного восприятия, авто- и гетеростереотипов, присущих грузинам, описание их отношений к тем или иным социальным ролям и социальным типам.

Методом исследования и одновременно формой модельного представления категориальных структур сознания явилось построение семантических пространств (Петренко, 1983, 1988; Шмелев, 1983; Франселла, Баннистер, 1987) на базе фразеологизмов грузинского языка. Семантические пространства реализуют «пространственную метафору», отображая отношения семантического сходства и различия с помощью метрического расстояния в некоем и-мерном геометрическом пространстве (как правило, с евклидовой метрикой). Координатными осями этого пространства выступают основания категоризации, присущие субъекту (испытуемому), актуализируемые в рамках некоей искусственно построенной ре-чемыслительной деятельности (психосемантического эксперимента) в некоторой содержательной предметной области и выделяемые с помощью методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа или многомерного шкалирования). То есть испытуемые что-либо оценивают, шкалируют или сортируют, например образы политических лидеров, виды кушаний или архитектурные формы, а полученные матрицы данных подвергаются статистическому анализу, чтобы выделить лежащие в их основе базисные категории, которые и выступают осями семантических пространств, определяя их содержание и мерность. Размерность семантического пространства (число независимых, ортогональных факторов) отражает степень дифференцированности сознания в некой содержательной области — когнитивную сложность. Сознание человека гетерогенно, и он может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую в другой. Например, иметь множество признаков — оснований категоризации, по которым классифицирует футбольные команды, и в то же время не разбираться в стилях архитектуры, или прекрасно узнавать по вкусу марки вин, но плохо различать съедобные грибы. Аналогично некая национальная культура может иметь высокую когнитивную сложность (дифференцированность общественного сознания), например, в восприятии марок автомобилей или в выделении нюансов котировок биржевых акций, в то время как общественное сознание другой культуры заполнено именами тысяч богов или сложными магическими ритуалами.

Содержание выделяемых факторов — оснований категоризации отражает формы обобщений, используемых субъектом в той или иной предметной области, присущие ему (в терминах Дж. Келли, 1957) «личностные конструкты». Операционально под личностным конструктом понимается совокупность взаимосвязанных высококоррелирующих признаков, образующих некий индивидуальный (личностный) познавательный эталон. Например, утверждение маленького ре-

[1] В исследовании принимала участие Л. Д. Сурманидзе (см.: Петренко, Сурманидзе, 1994).

бенка о том, что «грязная рубашка теплее», отражает его специфический индивидуальный опыт, который может быть операционально представлен как высокая взаимосвязь признаков «теплоты» и «грязности», выражающаяся в том, что угол меЖДУ соответствующими векторами признаков достаточно мал.

На уровне общественного обыденного сознания специфические познавательные конструкты, присущие национальной культуре, можно выделить из анализа фольклора, пословиц, поговорок, притч: «В великой мудрости — великая печаль», «Бьет — значит любит», «Если парень фотку просит — значит парень скоро бросит».

Культуральные семантические конструкты могут претерпевать изменения. Так, если для

мировосприятия раннего христианства с его идеологией нестяжательства, равенства и стоицизма были характерны утверждения: «Блаженны нищие духом» (т. е. нищие по духу — добровольно отказавшиеся от благ) и «Легче верблюду (по одной из версий — канату) пройти через угольное ушко, чем богатому попасть в рай», — суть которых операционально можно представить как разнонаправленное» векторов «богоугодности» и «богатства», то для протестантской этики, заложившей идеологическое обоснование промышленной революции (Ве-бер, 1990), богатство, добытое трудом, — угодно Богу. То есть имеется обратное отношение, и вектор «богатства», совершив поворот на 180° по отношению к вектору «богоугодности», образовал конструкт «блаженны преуспевающие». Нищих же и бродяг в викторианской Англии ждали тюрьма и работный дом. При геометрическом представлении семантического пространства выделяемые с помощью факторного анализа личностные или познавательно-культуральные конструкты образуют координатные оси некоего я-мерного пространства, а анализируемые объекты задаются как координатные точки внутри этого пространства. При этом величина проекции объектов на семантические оси показывает степень выраженности в объекте (понятии, образе) смысла, заданного этим фактором (конструктом).

В качестве шкал для построения семантического пространства использовались фразеологизмы грузинского языка. Использование фразеологизмов в качестве шкал-дескрипторов успешно зарекомендовало себя при исследовании стереотипов обыденного сознания русского этноса (Петренко 1988; Петренко, Нистратов, Романова, 1989). Глагольные фразеологизмы описывают человека в метафорической обобщенной форме через действие, поведение, ему присущее. Сказать про человека, что он «отставной козы барабанщик» (именной фразеологизм), что он «звезд с неба не хватает» или «на ходу подметки рвет» (глагольные фразеологизмы) — значит дать ему емкую характеристику, по информативности соответствующую пространному описанию. Кроме того, метафорический характер фразеологизма уменьшает при шкалировании «эффект социальной желательности», неизбежно возникающий при оценивании социально значимых объектов.

В качестве шкал-дескрипторов в исследовании использовалось 90 глагольных фразеологизмов грузинского языка.

В качестве объектов оценки, выражающих архетипические обобщения и стереотипы, было взято 50 понятий (ролевых позиций в терминах Дж. Келли), представленных пятью смысловыми блоками.

Экзистенциальные понятия: «мой идеал человека», «мой друг», «мой враг», «типичный человек» и т. д. Социальные типажи: «деловой человек», «обыватель»,

«романтик», «карьерист», «патриот» и т. д. Национальности: «грузин», «армянин» «русский», «еврей», «азербайджанец», «турок» и т. д. Профессии: «рабочий» «крестьянин», «интеллигент», «руководитель предприятия», «военнослужащий» «студент» и т. д. Социальные (архетипические роли): «строитель», «философ» «духовный пастырь», «воин», «судья», «ремесленник» и т. д.

Испытуемые, в роли которых были 50 студентов обоего пола Тбилисского государственного университета, оценивали по семибалльным шкалам (от -3 до +3) степень того, насколько каждый данный фразеологизм соответствует или может служить характеристикой каждому оцениваемому объекту (ролевой позиции). Поскольку наряду с экзистенциальными понятиями и архетипическими ролями отношение к которым населения очевидно более устойчиво во времени, в набор объектов для оценки входили названия профессий и национальностей, отношение к которым очевидно более лабильно в силу социальной, экономической ситуации и состояния межнациональных отношений в обществе, то следует особо подчеркнуть время проведения исследования. Оно пришлось на 1990 г. — время, непосредственно предшествовавшее обретению Грузией государственной независимости, — и время повышенного внимания к национальной культуре и одновременно росту межнациональной напряженности. Обработка данных включала суммирование индивидуальных протоколов в общегрупповую матрицу данных (50 объектов * 90 шкал-фразеологизмов) с последующим применением факторного анализа методом главных компонент, включающим подпрограмму поворота факторных структур *varmax* (Иберла, 1980). Факторный анализ осуществлялся по программе из пакета прикладных статистических программ *SAS.*

В результате проведенного факторного анализа было выделено 9 значимых факторов. Ниже приводятся шкалы-фразеологизмы, сгруппированные по выделенным факторам с указанием величины факторной нагрузки, которая с математической точки зрения есть проекция вектора фразеологизма на ось фактора, а с содержательной точки зрения показывает, насколько данный

фразеологизм содержит в себе смысл, заданный данным базисным фактором. При этом следует отметить, что знак факторной нагрузки содержательного смысла не несет, а показывает, к какому из полюсов фактора (в случае, если фактор двухполюсный) относится каждый фразеологизм.

Полученные результаты. **Первый выделенный фактор** объяснял 52,5% общей дисперсии и включал следующие фразеологизмы[1].

Рыть могилу кому-нибудь	0,95
Снять руку с совести	0,94
Продать душу	0,93
Наступить на мозоль	0,91
Сломать рот (не сдержать слово)	0,91
Изливать яд (отравлять настроение)	0,91
Мутить воду	0,91
Взять грех на душу	0,90
Лизать ноги (угодничать)	0,90
Расстроить рот (не сдержать слово)	0,90

Дается дословный русский перевод фразеологизма, смысл которого может дополнительно поясняться в скобках.

Подливать масла в огонь	0,89
Подложить свинью	0,89
Печь вранье	0,89
Принести язык (сказать человеку то, что о нем сказал другой)	0,88
Ползать на животе (раболепствовать)	0,88
Пускать пыль в глаза	0,88
Повесить на ноги (на все наплевать)	0,87
Отрезать голову (опозориться)	0,86
Встать между челюстями (делать наперекор кому-либо)	0,86
Забыть хлеб-соль	0,86
Плести сплетни	0,86
Чужими руками жар загребать	0,85
Погреть руки (поживиться)	0,84
Насмехаться	0,84
Сесть на голову	0,84
Ободрать блоху (проявить жадность)	0,84
Распустить удила	0,83
Вверху пахать и внизу граблить	0,83
Деньги прикарманить	0,81
Ловить рыбу в мутной воде	0,80
Подбрасывать голову (халтурить)	0,80
Показать врагу спину	0,76
Набить живот	0,74
Снимать сливки	0,74
Растянуть хвост на черепице (важничать)	0,74
Шить с обеих сторон (позиция «и вашим и нашим»)	0,73
Смотреть свысока	0,72
Вынуть мозги (быть назойливым)	0,72
Обожествлять живот	0,72
Прыгать под чужую дудку	0,71
Совать свой нос	0,70
Смотреть в чужие руки	0,69
Есть дармовой хлеб	0,69
Обмаслить голову (умасливать)	0,69
Сесть на осла	0,69
Тарахтеть языком	0,66
Вынуть изо рта слово (оборвать на полуслове)	0,66
Умёдить (умаслить)	0,66
Выжать сок из камня и т. д.	0,65

Противоположный полюс первого фактора представлен фразеологизмами:

Встать рядом (оказать поддержку)	-0,88
Сохранить уважение	-0,87
Пролить бальзам на сердце	-0,83
Преданно тянуть общее ярмо (действовать совместно)	-0,77
Переложить голову (полностью отдаться чему-либо)	-0,69
Нести тяжелое ярмо	-0,63
Не сгибать колени (работать без отдыха) и т. д.	-0,61

Интерпретация выделенных факторов осуществлялась как через поиск смыслового инварианта фразеологизмов, объединенных в фактор, так и исходя из то-

го, какие по содержанию объекты, размещенные в семантическом пространстве занимают наиболее контрастные, полярные позиции. Так, оценочный характеп первого фактора определяется содержанием входящих в него фразеологизмов описывающих позитивное и негативное поведение человека, а также тем, что наиболее контрастные позиции по нему занимают такие явно оценочные ролевые позиции, как «Я», «проходимец» — на одном полюсе фактора — и «мой идеал» —. на другом. Назовем этот фактор фактором «Оценка».

Представляют интерес результаты размещения названий национальностей в семантическом пространстве (рис. 45). Хотя таковых в эксперименте было задействовано всего 10 наименований, большинство их занимают в семантическом пространстве наиболее контрастные, полярные позиции, что свидетельствует о высокой эмоциональной нагруженности межнациональных отношений. Так, наиболее контрастными по первому оценочному фактору оказались сами грузины, чей автостереотип соседствует с понятиями «мой идеал» и «идеал общества», и располагающиеся на противоположном полюсе «русские», «азербайджанцы» и в меньшей степени «армяне». При этом ролевая позиция «русские» оказалась наиболее близка к образам «военный» и «палач» (очевидно, следует вспомнить разгон советской армией демонстрантов в Тбилиси, повлекший человеческие жертвы), а позиция «армянин» — к образам «делец» и «обыватель».

Наиболее положительное отношение испытуемых грузинских студентов проявилось к «дальним» соседям: американцам, японцам, немцам, эстонцам, чьи координаты находятся в окружении ролевых позиций «человек через 20 лет», «преуспевающий человек», «интеллигент», «духовное лицо».

В рамках «архетипических» — вечных — профессий наибольший статус имеет деятельность «духовного пастыря» и «строителя», при высокой оценке также «крестьянина», «рабочего», «человека искусства» и в целом при негативной оценке — «менялы» и «дельца». По-видимому, в 1990 г. новые экономические веяния еще не затронули обыденного сознания грузинских учащихся.

Второй однополюсный фактор, т. е. представленный группой фразеологизмов, не имеющих антонимической оппозиции (в рамках грузинского языка или применительно только к нашему исходному списку фразеологизмов), объяснял 7,6% общей дисперсии и включал следующие фразеологизмы.

Лить мед изо рта	0,84
Ублажить чье-то сердце	0,74
Не сжечь ни шашлык ни шампур (и волки сыты, и овцы целы)	0,67
Кадить (угодничать)	0,57
Умёдить (умаслить)	0,55
Делать деньги	0,52

Второй фактор был интерпретирован нами как «Хитрость», или «Изворотливость», представленный с положительной коннотацией. Наиболее выражено это качество (по данным грузинских испытуемых) для таких объектов (ролевых позиций), как еврей, меняла, карьерист, кутила, грузин — как наиболее ловких и изворотливых — на одном полюсе фактора, и воин, военный, палач, русский — на другом. Следует отметить, что объекты, контрастные по одному фактору, могут быть близки по другому. Так, например (рис. 45), контрастные позиции понятий «мой идеал» и «мой враг» по фактору «Оценки» близки по фактору «Изворотли-

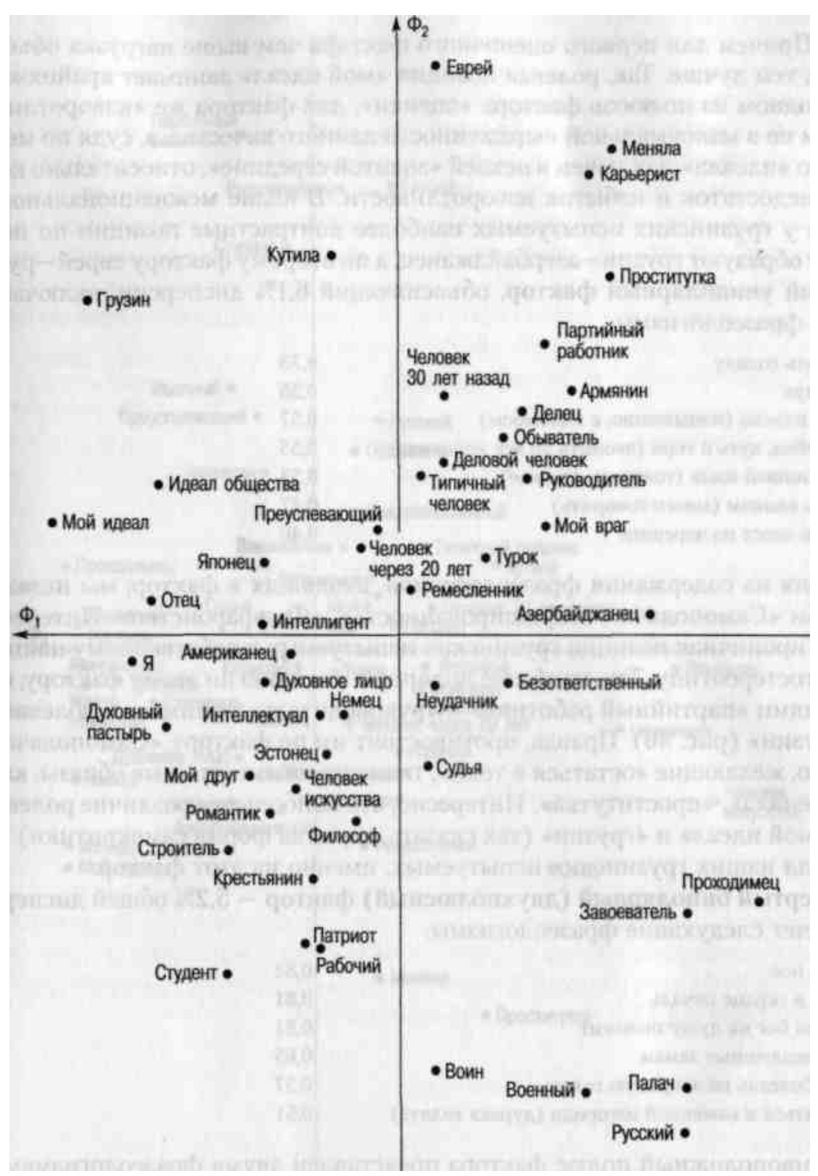

Рис. 45. Семантическое пространство грузинских стереотипов ($Ф_1$, $Ф_2$)

вость». Причем для первого оценочного фактора чем выше нагрузка объекта по фактору, тем лучше. Так, ролевая позиция «мой идеал» занимает крайнюю позицию на одном из полюсов фактора «оценки», для фактора же «изворотливость» оптимум не в максимальной выраженности данного качества, а, судя по местоположению «идеала», заключен в некоей «золотой середине», относительно которой плох и недостаток и избыток изворотливости. В плане межнационального восприятия у грузинских испытуемых наиболее контрастные позиции по первому фактору образуют грузин—азербайджанец, а по второму фактору еврей—русский. **Третий униполярный фактор,** объясняющий 6,1% дисперсии, включает следующие фразеологизмы.

Показывать голову	0,73
Глотать мух	0,58
Говорить плоско (напыщенно, с апломбом)	0,57
Бить в бубен, дуть в горн (звонить во все колокола)	0,55
Иметь длинный язык (говорить лишнее)	0,53
Тарахтеть языком (много говорить)	0,47
Растянуть хвост на черепице	0,46

Исходя из содержания фразеологизмов, входящих в фактор, мы назвали его фактором «Самоподача», «Афишированность», «Фанфаронство». Интересна несколько ироничная позиция грузинских испытуемых к собственному национальному автостереотипу. Так, наиболее полярную позицию по этому фактору, наряду с понятиями «партийный работник» и «руководитель», занимает и ролевая позиция «грузин» (рис. 46). Правда, противостоят им по фактору «Самоподача», как, очевидно, желающие «остаться в тени», такие малосимпатичные образы, как

«палач», «меняла», «проститутка». Интересно, что наибольшее различие ролевых позиций «мой идеал» и «грузин» (так сказать, скрытая форма самокритики) приходится, для наших грузинских испытуемых, именно на этот фактор.

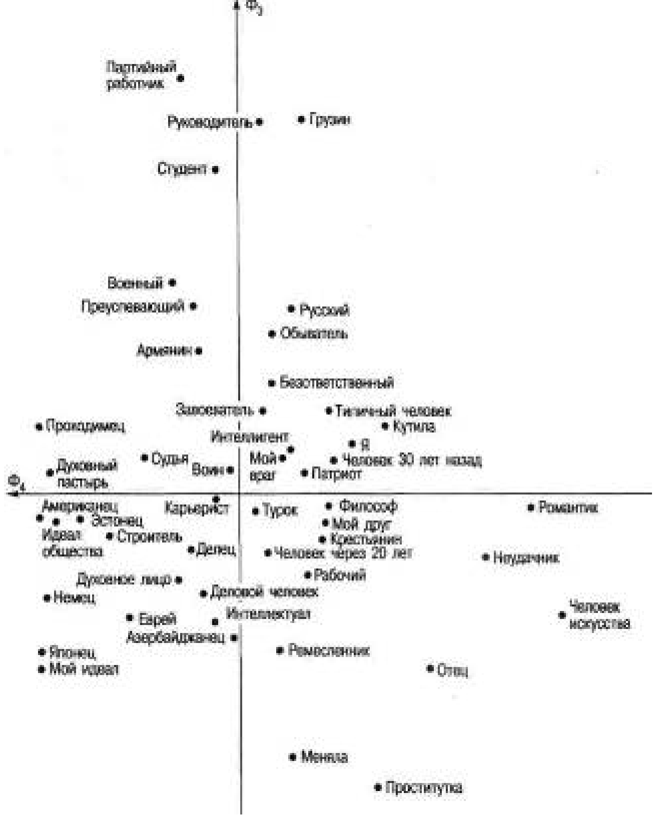
Четвертый биполярный (двухполюсный) фактор — 5,2% общей дисперсии — объединяет следующие фразеологизмы.

Повесить нос	0,84
Впустить в сердце печаль	0,81
Делать как бог на душу положит	0,81
Строить воздушные замки	0,65
Навлечь болезнь на здоровую голову	0,57
Прислоняться к каменной изгороди (дурака валять)	0,51

Противоположный полюс фактора представлен двумя фразеологизмами.

Обуздать свои чувства	0,58
Показывать косточку (быть расторопным)	0,56

Полярные позиции по этому фактору имеют ролевые позиции «человек искусства», «романтик», «неудачник», с одной стороны, и «проходимец», «идеал общества», «американец», «японец», «немец» — с другой. С некоторой натяжкой этот фактор можно описать оппозицией: «некая отрешенность + слабость эго» в противопоставленность «активной жизненной позиции». Если наша интерпретация фактора близка к истине, то интересно отметить, что образ «духовного пастыря» в грузинской культуре связан с активностью и силой личности. В истории Грузии

Палач • **Рис.** 46. Семантическое пространство грузинских стереотипов ($Ф_3$, $Ф_4$)

духовенство всегда занимало активную позицию в миру, просвещая людей и созидая храмы, создавая законы и осуществляя дипломатию. Эту гипотезу подтверждает и близость ролевых позиций «духовное лицо» и «строитель».

В контексте вышесказанного следует оговорить один нюанс, связанный с анализом семантического сходства и различия анализируемых объектов (ролевых позиций). Интерес для содержательной интерпретации представляет близость объектов, ролевых позиций, находящихся именно на полюсах факторов. Близость объектов, разместившихся около начала координат, интереса для содержательной интерпретации не представляет, ибо их близость обусловлена отсутствием некоего качества, выражаемого данным фактором. Эти объекты одинаково «никакие»

по данному измерению и не более того.

Пятый фактор (3,4%) включает фразеологизмы:

Уравнять день и ночь (много работать)	0,88
Поставить ноги на поясницу	0,57
Переложить голову (отдаться чему-либо полностью)	0,45
Не сгибать колени	0,44
Нести тяжелое ярмо	0,38

Исходя из того, что наибольшую нагрузку по этому фактору имеют такие ролевые позиции, как «ремесленник», «строитель», «воин», «делец», а противоположный полюс задан ролевыми позициями-образами «безответственного человека», «проходимца», мы интерпретировали этот фактор как фактор «Трудолюбие». Если наша интерпретация верна, то интересно отметить, что наибольшую нагрузку по фактору «Трудолюбие» имеет для грузинских испытуемых образ «человека искусства», что говорит о высоком уважении к этой профессии в грузинском этносе и о том, что труд понимается не только в вульгарно материальном плане как физическое действие, но и как духовное творчество. Наиболее трудолюбивыми, с точки зрения грузин, оцениваются: еврей, немец, японец, армянин. Неожидан результат, состоящий в том, что образ грузина и ролевые позиции «мой идеал» и «идеал общества» имеют минусовую нагрузку по этому фактору. Возможно, здесь сказывается специфика нашей студенческой выборки испытуемых, для которой позиция «я сам» близка ролевой позиции «безответственный человек» (рис. 47).

Шестой фактор (3,3%) включает фразеологизмы:

Крутиться юлой	0,88
Пролезть сквозь девять веревок (действовать хитро)	0,57
Не сгибать колени	0,56
Играть деньгами	0,38
Поставить ноги на поясницу	0,37
Показать косточку	0,31

Шестой однополюсной фактор (3,3%) как бы перекликается с пятым фактором — фактором «Трудолюбие», описывая аспекты активности человека. Так, два фразеологизма: 52 «Поставить ноги на поясницу» и 67 «Не сгибать колени» — входят в эти оба (пятый и шестой) факторы. Но если пятый фактор содержит некий семантический аспект «тяжести труда» («уравнять день и ночь», «нести тяжелое ярмо»), то шестой фактор описывает активность, связанную с предприимчивостью («крутиться юлой», «пролезть через девять веревок»). Аспект предпринимательской активности подчеркивает и факт вхождения в этот фактор (хо-

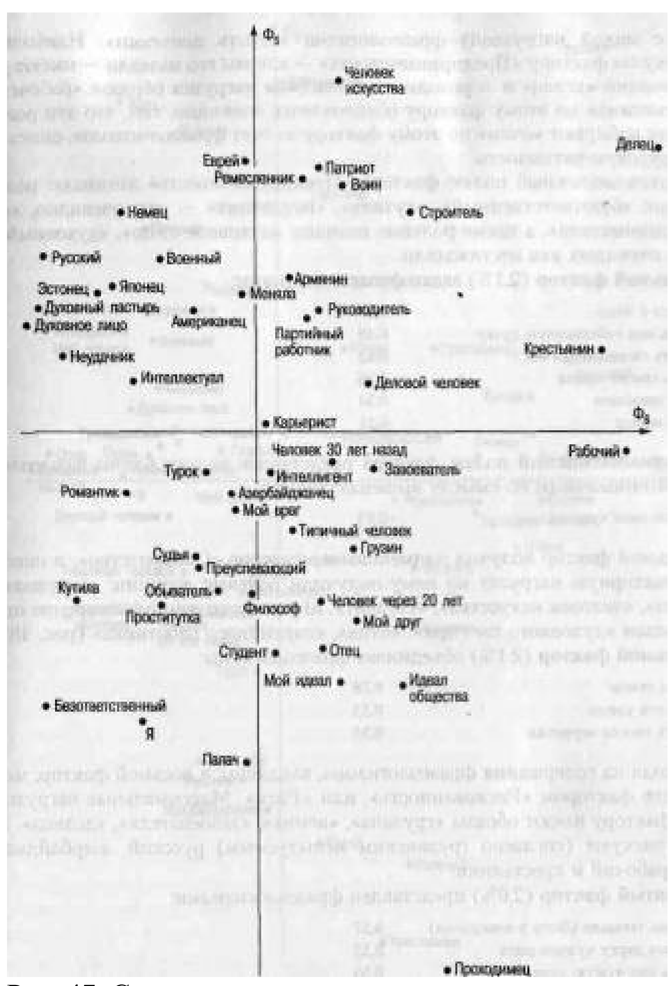

Рис. 47. Семантическое пространство грузинских стереотипов ($Ф_5$, $Ф_6$)

тя и с малой нагрузкой) фразеологизма «играть деньгами». Наибольшую, нагрузку по фактору «Предприимчивость» — как мы его назвали — имеют ролевые позиции «делец» и «проходимец». Высокие нагрузки образов «рабочего» и «крестьянина» по этому фактору обусловлены, очевидно, тем, что эти ролевые позиции набирают «очки» по этому фактору за счет фразеологизмов, описывающих трудовую активность.

Противоположный полюс фактора «Предприимчивость» занимают ролевые позиции: «безответственный», «кутила», «неудачник» — как, очевидно, «антипредприниматели», а также ролевые позиции «духовное лицо», «духовный пастырь», очевидно, как нестяжатели.

Седьмой фактор (2,1%) задан фразеологизмами:

Купаться в вине	0,51
Плясать под собственную дудку	0,49
Радовать своего червячка	0,42
Выжать сок из камня	0,36
Играть деньгами	0,34
Набить живот	0,31

Противоположный полюс фактора представлен только одним фразеологизмом, антонимичным по смыслу вышеназванным:

Обуздать свои чувства	-0,53

Седьмой фактор получил наименование фактора «Сибаритство», и наибольшую факторную нагрузку по нему получили ролевые позиции: «американец», «грузин», «человек искусства», «студент». Менее всего данное измерение присуще образам «духовного пастыря», «отца», «партийного работника» (рис. 48).

Восьмой фактор (2,1%) объединяет фразеологизмы:

Играть с огнем	0,78
Распустить удила	0,53
Радовать своего червячка	0,35

Исходя из содержания фразеологизмов, входящих в восьмой фактор, мы назвали его фактором «Рискованность», или «Риск». Максимальные нагрузки по этому фактору имеют образы «грузина», «воина», «завоевателя», «дельца». Наименее рискуют (согласно грузинским испытуемым) русский, азербайджанец, еврей, рабочий и крестьянин.

Девятый фактор (2,0%) представлен фразеологизмами:

Сидеть на ткемали (быть в неведении)	0,57
Следовать звуку чужого шага	0,55
Прыгать под чужую дудку	0,55

Слабый девятый фактор был интерпретирован нами как фактор «Зависимость». Наиболее «несвободными» в семантическом пространстве грузинских испытуемых оказались ролевые позиции «воина», «партийного работника», «рабочего» — как зависимых от людей или обстоятельств. Наиболее же свободны люди духовного творчества: «философ» и «человек искусства».

Подводя итог проведенному исследованию, можно зафиксировать выделенный набор наиболее общих, базисных категорий межличностного восприятия,

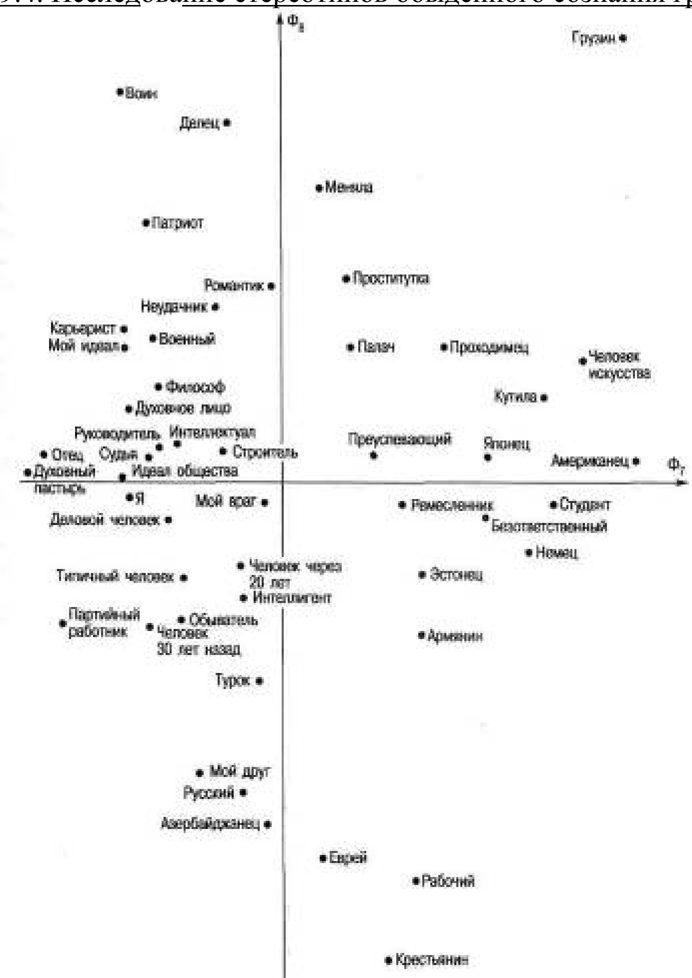

Рис. 48. Семантическое пространство грузинских стереотипов ($Ф_7$, $Ф_8$)

присущих грузинскому этносу, через призму которых происходит осознание *ц* оценка как других людей, так и самого себя. Это такие категории-факторы, как: «Моральность» (фактор оценки), «Хитрость», «Изворотливость», «Самоподача фанфаронство», «Сила <-> Слабость эго», «Трудолюбие», «Предприимчивость» «Сибаритство», «Зависимость <-> Независимость».

Размещение в семантическом пространстве ролевых позиций (см. рис. 45—48) позволяет описать эти образы на языке базисных категорий факторов. И уже в зависимости *от* направленности интереса исследователя — например, интереса к тому, как относятся в грузинском этносе к той или иной профессии, или национальности, или к тому или иному социальному типажу и т. п., — можно извлекать эту информацию, исходя из размещения объектов в семантическом пространстве. Например, образ-автостереотип «типичного грузина» (или фактически того, как

грузинские студенты воспринимают самих себя) можно описать как: высокоморальный, достаточно хитрый, с высоким уровнем самоподачи, со средней силой «эго», не склонный утруждать себя тяжелым трудом, средней предприимчивости, большой сибарит, склонный к рискованным предприятиям, весьма независимый. Внимательный читатель может отметить невысокий уровень трудолюбия при описании автостереотипа. Приходится напомнить о том, что нашими испытуемыми были молодые люди-студенты и речь, конечно, идет об их стиле жизни и их проекции самих себя на автостереотип «грузина».

Метафорический характер дескрипторов позволяет выявить и такие характеристики, с которыми вряд ли бы согласились участники опроса при прямом вопросе о наличии или отсутствии неких черт личности и характера. Следует отметить, что если содержание выделяемых факторов семантического пространства отражает систему категорий обыденного сознания, концептуальную рамку картины мира, присущей тому или иному этносу, и в этом плане представляет собой достаточно стабильное инерционное образование, то позиции объектов в семантическом пространстве, отражая отношение субъекта к данным объектам, ролевым позициям, выражают личностный смысл субъекта по поводу объекта, его эмоциональную окраску — коннотацию данных социальных ролей и стереотипов, присущих субъекту в данное время, в данном социально-политическом контексте, и в этом плане гораздо более подвижны и изменчивы. Так, межнациональные отношения, присущие грузинскому этносу (в лице его молодых столичных представителей), присущи именно социально-политической ситуации в Грузии на середину 1990 г., т. е. времени, когда проводилось настоящее исследование.

Помимо описания на языке базисных категорий-факторов неких единичных объектов (ролевых позиций) информацию о последних несет и их ближайшее окружение в семантическом пространстве. Так, весьма информативным для понимания менталитета грузин и их отношений к тем или иным национальностям является окружение последних в семантическом пространстве. Например, близость позиций грузина и руководителя, еврея и ремесленника, русского и военного, армянина и дельца и т. п. — «Имеющий глаза — да увидит».

В заключение хотелось бы отметить перспективы дальнейшей работы, связанные с возможностью описания близости тех ли иных национальных культур через оценку близости их семантических пространств, отражающих мировоззрение и миропонимание в той или иной содержательной области.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эффективность речевого коммуникативного воздействия

Проблематика речевого воздействия является областью, в которой пересекаются интересы психологии общения, массовой коммуникации и рекламы, теории и практики педагогики, психотерапии.

Термин «речевое воздействие» полисемантичен. За определением «речевое» может стоять устная и письменная речь и даже внутренняя речь, связанная с автокоммуникацией. При широкой трактовке языка (язык мимики, жестов, танца, киноязык) под речью может пониматься и видеоряд киномонтажа, и ритуальный обряд, и опера, и пантомима. Под эффектом речевого воздействия может подразумеваться непосредственное изменение поведения субъекта (реципиента) воздействия или его эмоционального состояния, или его знаний о мире, или его отношения к тем или иным событиям и реалиям этого мира, т. е. изменение его личностного смысла. Наконец, речевое воздействие может быть монологичным как форма воздействия на другого человека или других людей и диалогичным как форма побуждения к общению значимого другого — носителя знаний, ценностей, некоей уникальной картины (образа) мира и в силу этого включать возможность перестройки не только сознания другого человека, но и собственного сознания.

В широком смысле слова, речевое воздействие связано с изменениями индивидуального сознания или, что для нас синонимично, с изменениями имплицитной картины мира, или образа мира субъекта.

Текст может воздействовать на разные уровни человеческого сознания, осуществляя различные формы изменения образа мира человека. В рамках психосемантической модели сознания можно выделить три формы таких изменений, подразумевая, конечно, что в реальном процессе речевого воздействия они существуют в единстве, но различна степень их выраженности.

10.1. Первый тип коммуникативного воздействия

Возможно изменение отношения субъекта к объекту (изменение коннотативного значения этого объекта) без изменения категориальной структуры индивидуального сознания субъекта. К такого рода воздействиям можно отнести призыв, лозунг, рекламу. На языке семантических пространств

такого рода воздействие изменяет местоположение координатной точки, соответствующей коннотативному значению, без изменения координатных осей этого пространства. Как правило, речевое воздействие такого типа характеризуется образностью, метафорично-

■

стью. Его стилистика тяготеет к языку «улиц и площадей», где агитатор при дефиците времени, «бросая в толпу горящие слова», должен вызвать у слушателей мгновенный отклик.

Рассмотрим в качестве примера отрывок из статьи А. М. Горького «С кем вы, мастера культуры?», характерный для пропагандистской стилистики 1920-1930-х гг. «Нянька капиталистов — интеллигенция — в большинстве своем занималась тем, что усердно штопала белыми нитками давно изношенное, грязноватое, обильно испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии» (Горький, 1986. С. 19).

Содержательный пласт этого высказывания, очевидно, задан отношениями трех элементов: интеллигенция находится в отношении няньки к буржуазии, буржуазия находится в отношении «иметь» к «обильно испачканному кровью трудового народа философскому и церковному облачению», а интеллигенция находится в отношении «штопать белыми нитками» к «облачению буржуазии». Перевод этих отношений, заданных в метафорической форме, в концептуальную форму неизбежно ведет к конкретизации, сужению содержания. Например, слово «нянька» включает и отношение зависимости воспитуемого от воспитателя, и элемент превосходства воспитателя в опыте и знаниях над подопечным, и зависимость воспитателя от капризов воспитанника, а также подразумевает возможное отношение экономической зависимости няньки, нанимаемой в воспитатели, и т. д.

Метафоричность высказывания, создаваемая за счет использования житейских (в терминах Л. С. Выготского) понятий, имеющих большее число семантических признаков, семантических полей, чем конкретно-научные понятия, создает широкий простор для возможной конкретизации, раскрытия концептуального содержания. Основной эффект речевого воздействия данного отрывка текста заключается не в передаче некоторого концептуального знания, а в изменении отношения к буржуазной интеллигенции за счет ее ассоциации с яркими эмоционально отрицательными образами. При шкалировании по шкалам семантического дифференциала слова «интеллигенция» с последовательно разворачиваемыми негативными определениями, содержащимися в анализируемом отрывке, мы можем наблюдать флуктуацию коннотативного значения этого слова, состоящую в изменении оценки и некотором сдвиге по фактору силы и активности (рис. 49).

Подобный тип речевого воздействия, заключающийся в изменении коннотации единичного объекта (понятия, представления, образа, персонажа и т. д.) за счет «привязки» к нему ярких, эмоционально насыщенных образов, специфичен для формирования стереотипов, типажей, т. е. эмоционально ярких, малоструктурированных и обладающих низкой системной организацией форм обобщения.

Пример изменения стереотипов в ходе общения по каналам массовой коммуникации, включавшего как вербальный, так и визуальный текст, дает анализ передач

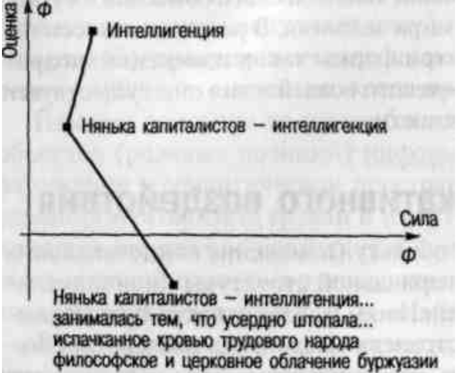

Рис. 49. Изменение коннотативного значения слова в зависимости от контекста

ЦТ, в частности «Телемоста Москва — Токио», проведенный по нашей методике совместно с С. К. Мельниковой в 1987 г.

Испытуемые, в роли которых выступали группы школьников и рабочих, оценивали до и после просмотра телепередачи следующие образы-типажи (ролевые позиции): образ типичного японца («мы о них»); образ типичного русского («мы о нас»); образ типичного русского глазами японца

(«они о нас»), т. е. то, как, по мнению испытуемых, японцы оценивают российских граждан. Оценка проводилась по множеству семибалльных (от 3 до -3) униполярных шкал, описывающих качества личности и характера, такие как трудолюбие, миролюбие, отношение к другим культурам и т. п. Таким образом, российские телезрители в качестве испытуемых заполняли матрицы данных (5 образов по 52 шкалам), включающие как прямые оценки «мы о них» и «мы о нас», так и оценки, данные в рефлексивной позиции, — «они о нас», т. е. что мы думаем об их отношении к нам и об изменении этого отношения в ходе телепередачи.

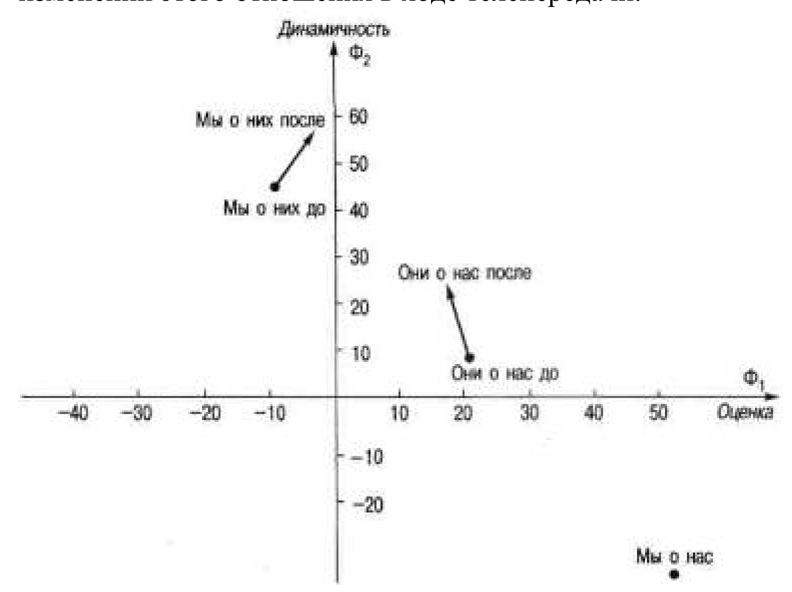

Рис. 50. Размещение в семантическом пространстве (Ф,, $Ф_2$) образов участников программы «Телемост Москва - Токио»

Полученная в ходе эксперимента групповая матрица данных подвергалась процедуре факторного анализа с целью построения семантического пространства, т. е. выделения оснований категоризации (координатных осей) и размещения в семантическом пространстве ролевых позиций (образов-типажей). Выделенные на основе анализа общегрупповой матрицы данных факторы были интерпретированы следующим образом:

Фактор 1 — «Оценка» объясняет 56% общей дисперсии и включает качества: миролюбивые, доброжелательные, контактные, настроенные на взаимопонимание, беспокоящиеся о будущем и т. д. — на одном полосе фактора и качества: лицемерные, жесткие, сухие, подверженные стереотипам своей пропаганды, все на одно лицо, каждый думает прежде всего о себе — на другом полюсе фактора.

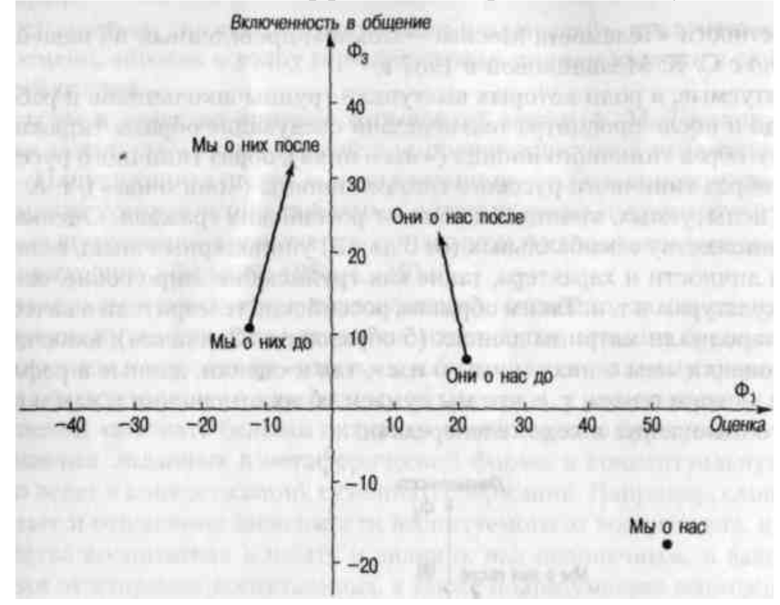

Рис. 51. Размещение в семантическом пространстве (Ф,, $Ф_3$) образов участников программы «Телемост Москва - Токио»

Фактор 2 — «Динамичность, активная жизненная позиция» объясняет 27% общей дисперсии и включает качества: энергичные, современно выглядят, свободно и непринужденно держатся, независимы в своих суждениях — в оппозиции к качествам: беззаботные, беспечные, склонны подчиняться авторитету, подозрительно единодушны в своих мнениях и т. п.
Фактор 3 — «Включенность в общение» (11% общей дисперсии) включает шкалы: мы им интересны, политически гибкие, пристрастные, открыто выражают свои чувства. На рисунках 50 и 51 дается размещение ролевых позиций (образов-типажей) в пространстве выделенных факторов.
Как видно из рисунков, в ходе телепередачи произошло изменение стереотипов в направлении более благожелательного отношения, а также увеличения интереса к противоположной стороне. Представляет интерес эффект своеобразного этноцентризма, проявляющийся в том, что противоположной стороне приписывается более положительный образ собеседника, чем собственная оценка его образа. Так, русские испытуемые приписывали японцам гораздо более позитивную оценку «типичного русского», чем сами оценивали образ «типичного японца». Испытуемые как бы совершали следующее неосознанное умозаключение: «Мыто знаем, что мы хорошие, значит, это должны знать и они». Возможно, наличие этого этноцентрического феномена связано с массовой советской пропагандой, не без успеха внушавшей советским гражданам, что первую страну социализма и соответственно ее граждан любят трудящиеся всех стран (независимо от того, как мы сами относимся к этим государствам). Можно полагать, что феномен этноцентризма у многих россиян, придерживающихся национально-патриотических позиций, жив и поныне и в новой форме выступает как особая, связанная с православием богоизбранность.

Раздельная факторизация групповых данных испытуемых по социальной принадлежности (и соответственно возрастной) выявила большую когнитивную сложность рабочих в сравнении со школьниками и большую структурированность присущих им этнических стереотипов. Если у школьников первыми двумя ведущими основаниями классификации ролевых позиций — типажей — выступали коннотативные осгудовские факторы «оценки» и «динамизма» с их четкой поляризацией качеств на «хорошие» и «плохие», то основания категоризации (координатные оси семантического пространства) рабочих были более многомерными и имели более денотативный характер, обусловленный стереотипизирован-ным знанием рассматриваемой содержательной области. Так, например, ведущий фактор категоризации у рабочих включал качества: миролюбивые, душевные, мягкие, открытые («душа нараспашку»), патриотичные, с чувством юмора, беспечные — в оппозиции к качествам: трудолюбивые, дисциплинированные, подвержены традициям, с патриархальным уклоном, энергичные, рациональные, практичные, с развитым эстетическим чувством. В содержании данной оппозиции качеств, на наш взгляд, без труда прочитывается противопоставление элементов образа-типажа русского и образа-типажа японца, как они представлены в рамках нашего обыденного сознания. Содержание последующих факторов семантического пространства рабочих: «динамизм личности»; «настроенность на взаимопонимание» в оппозиции к «представляющим опасность» и «доброжелательность (ситуативная) в ходе теледебатов — недоброжелательность» — также было подчинено логике житейских стереотипов. Группировка качеств в факторы осуществлялась не по их оценочному знаку (положительные качества на одном полюсе фактора, отрицательные — на другом, как это было у школьников), а на основе сложившихся стереотипов. В этом плане стереотипизация выступает промежуточным звеном между эмоционально-оценочными (коннотативными) формами категоризации и понятийно-концептуальным знанием.
Эксперимент показал незначительные изменения содержания стереотипов, образующих координатные оси семантического пространства, в ходе телепередачи, главный эффект которой проявился в изменении оценок ролевых позиций (отношения к образам-типажам) в рамках данных семантических пространств. Более глубокий анализ эффективности подобного типа передач (международных телемостов) требует, конечно, привлечения данных, характеризующих позицию и изменение стереотипов телезрителей другой стороны (в нашем случае японцев), что предполагает международную кооперацию исследователей.
10.2. Второй тип коммуникативного воздействия
Он заключается не в изменении коннотации единичного объекта в сознании субъекта, а в формировании общего эмоционального настроя, мироощущения реципиента воздействия. Примером такого воздействия может служить лирика. Рассмотрим пятистишье Исикаво Такубоку:
На песчаном белом берегу Островка

В Восточном океане Я, не отирая влажных глаз, С маленьким играю крабом. *Такубоку И., 1966. С. 5*

Мы как бы сверху видим одинокую фигуру человека на маленьком островке в бесконечном просторе Великого океана и одновременно являемся этим человеком. Ощущение чистой грусти, одиночества, выключенное™ из будничной суеты и одновременно некоторой беспомощности, возврата в детство. Переживание мимолетности человеческого бытия на фоне вечного океана не вызывает тем не менее тягостных мыслей о бренности всего живого, а дает скорее ощущение гармонии («с маленьким играю крабом»), причастности к этому вечному. Это ощущение сродни восприятию икебаны — увидеть и почувствовать в мимолетном и преходящем вечное и прекрасное.

Вот иная истина бытия, заданная другим мироощущением:

Так бей же по жилам, Кидайся в края, Бездомная молодость, Ярость моя!

Чтоб звездами сыпалась Кровь человечья, Чтоб выстрелом рваться Вселенной навстречу,

И петь, задыхаясь, На страшном просторе: — Ай, Черное море, Хорошее море!..

Багрицкий Э., 1956. С. 18

В этом стихотворении пространство и время как бы стянуты, сжаты в точку, и, как в момент первоначального вселенского взрыва, бесконечная, еще не структурированная человеческая энергия готова взорваться в творческом миросозида-нии. Эмоции выступают наиболее глубинными формами категоризации, определяющими общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира. В этом плане подобный тип речевого воздействия (лирическая поэзия, политическое воззвание, гипнотическое воздействие), вызывая изменение состояния сознания, определяет субъективные пространство и время, в которых выстраивается образ мира, определяет степень возможной активности и самореализации субъекта в рамках этой модели мира и имплицитно задает критерий истинности мироощущения, либо принимая за точку отсчета эмоциональный настрой, экзистенциальное «Я», либо воспринимая мир с позиции родового или коллективного «мы», либо описывая мир с некоторой отстраненной трансцендентальной позиции (природы, этических или эстетических ценностей, науки), выходящей за рамки конкретного исторического бытия. Задавая пристрастность отражения уже в самом базисе образа мира, эмоции определяют возможные формы поведения субъекта, определяют его направленность в принятии решения.

Даже такая форма речевого воздействия, как военная команда, однозначно детерминирующая поведение субъекта, при дозволяющих условиях может включать этап эмоционального настроя. Любопытный пример такого симбиоза поэтической формы и военного приказа дает пропагандистский текст времен Второй мировой войны, который зачитывался японским летчикам-камикадзе перед вылетом на боевое задание: «...Как цветы дикой вишни расцветают ненадолго,

а затем опадают на землю, так и вы умрете без сожаления за императорскую Японию. Вы уже боги, без земных помыслов...» (Млечкин, 1987. С. 25).

Эмоциональный настрой определяет избирательность в восприятии объектов, событий, реалий окружающего и воображаемого мира, которые, оказавшись по эмоциональному тону резонансными состоянию души, образуют узор ассоциативных связей, выступающий материалом для формирующегося концептуального образа мира.

Остаются открытыми вопросы о том, могут ли эмоциональные состояния непосредственно порождать новые категориальные структуры индивидуального сознания, новые конструкты (координатные оси семантического пространства) или же семантическое структурирование осуществляется по заданному руслу уже имеющихся и извлекаемых из памяти субъекта семантических категорий, а эмоциональные состояния выступают как бы ключом к тому или иному содержанию сознания. Мы склонны считать, что для порождения новообразований индивидуального сознания — новых семантических конструктов — требуется внутренняя творческая (мировоззренческая) работа самого субъекта по осмыслению мира или же эти конструкты индуцируются имплицитно содержащейся в некоем тексте системой категорий другого человека (писателя, собеседника) и их усвоение предполагает опять же интенсивную внутреннюю работу человека по пониманию и осмыслению текста.

10.3. Третий тип коммуникативного воздействия (Проблема биполярности)

Этот тип можно связать с изменением категориальной структуры индивидуального сознания, введением в нее новых категорий (конструктов), предъявляющихся в классификации, формах

упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности. В наиболее яркой форме этот аспект специфичен для научных и особенно для методологических текстов. Например, для психологической науки последние задают такие суперконструкты, как деятельностный подход в оппозиции к рефлекторному, принцип целостности (неаддитивности) психических процессов в противовес атомарному, сводящему целое к сумме элементов, принцип историчности, фиксирующий зависимость человеческой психики (как в мотивационном, так и в когнитивно-операциональном аспектах) от социокультурного базиса общества — в противовес представлениям о неизменности человеческой психики и т. д. Будучи усвоенными субъектом, ставшие категориями его индивидуального сознания, они задают смысловое (семантическое пространство), в рамках которого происходит восприятие и осознание действительности, и поднимают уровень осознания (в данной содержательной области) до научного. Так, например, введенный К. Юнгом научный конструкт «экстраверсия—интроверсия», операционализированный Айзенком в психодиагностической методике, может использоваться субъектом в его классификации, дифференциации окружающих людей или для оценки себя в рамках самосознания.

Обыденное сознание человека содержит сотни конструктов-шкал, заданных оппозицией прилагательных. На их основе построен, в частности, метод поляр-

ных профилей (см. Психологический словарь, 1985), позволяющий сопоставить семантическое сходство объектов (например, текстов) через сходство их оценок данных по этим шкалам, или сходство одного объекта по отношению к разным конкретным индивидам или социальным группам. Группировка шкал-измерений в более емкие категории-факторы осуществляется, в частности, в методике семантического дифференциала с помощью факторного анализа, или в методике классификации Миллера с помощью кластерного анализа. Выделяемые категории-факторы, являющиеся суперконструктами по отношению к исходным шкалам-конструктам, также, как правило, биполярны. Принцип бинарности является, по мнению большинства лингвистов, универсальным принципом организации языка и мышления. Однако генезис биполярных шкал может идти несколькими путями. Так, языковые антонимы имеют, как правило, общий генетический корень. В работе Гамильтона, Диза (1971) было показано, что понятия «больше — меньше», «вчера — завтра», «тяжелый — легкий» возникают в онтогенезе из общих родовых понятий — архисем, отражающих идею «количества», «времени», «веса» и т. п. Антонимичные полюса первоначально являются в сознании ребенка синонимичными. Понимая, что речь идет о некотором качестве, ребенок тем не менее путает эти слова, причем более ранний и активный запас слов относится к так называемым немаркированным понятиям: «больше», «красивый», «тяжелый», где идея некоего качества более выражена, а противоположный полюс антонима (маркированное понятие) возникает позднее как отрицание этого качества: «не большой, т. е. маленький», «не тяжелый, т. е. легкий». К шкалам такого типа относится большинство физических измерений. Эти шкалы фактически задают некое измерение, варьирующее от нуля до бесконечности или некоего гипотетического максимума. Например, очень легкая вещь — это вещь, не имеющая веса.

Большинство же личностных качеств, задающих измерения, варьирующее в обе стороны относительно нуля (умный — глупый, хитрый — простодушный, сильный — слабый), представляют собой, по нашему мнению, два относительно независимых измерения, противопоставленных и объединенных в одну шкалу нашим сознанием. По отношению именно к этим психологическим псевдобиполярным шкалам Келли ввел понятие «личностного конструкта». Так, например, за конструктом «умный — глупый» стоят в обыденном сознании два достаточно самостоятельных эталона-представления. Их относительная независимость проявляется в возможности перехода объекта оценивания с одного полюса шкалы на другой. Так, Иванушка-дурачок, в общем-то не меняя своего характера, оказался в сказке умнее своих «умных» братцев. Более серьезным свидетельством относительной независимости измерений, образующих шкалу личностной черты, симметричную относительно нуля, является факт наличия двугорбого распределения (наличия двух локальных максимумов распределения) объектов по шкалам оценивания (Круусвалл, 1974). Человек может оцениваться одновременно и «умным», и «глупым», «сильным» и «слабым» и т. п. Об этом свидетельствует и появление в языке таких конструктов-определений, как «плохой хороший человек».

Сведение генетически разнородных качеств в одну шкалу-измерение ведет к построению личностных конструктов, отражающих субъективную антонимию и синонимию, обусловленную

индивидуальным опытом. Например, для одного человека «вежливость» будет близка к «воспитанности» и противоположна «гру-

бости», а для другого будет близка к «слабости» и противоположна «силе характера».

Таким образом, можно полагать, что, хотя принцип бинарности является достаточно универсальной формой, к которой тяготеет человеческое сознание при категоризации мира, и находит свое законченное воплощение в языковой бинарной нормативности (антонимии), тем не менее измерения, образующие бинарную шкалу, могут иметь различную генетическую природу, и их противопоставление (антонимия) является специфичным для данной культуры, данной социальной, возрастной, половой группы или для данного конкретного индивида. Наряду с этим наши исследования межличностного восприятия (Петренко, 1986) позволяют полагать, что наряду с биполярными шкалами, образованными оппозицией стереотипов, в обыденном сознании существуют униполярные эгоцентрические измерения-конструкты, где системой отсчета, по отношению к которой выстраивается шкала субъективного сходства людей (неких персонажей), могут выступать собственные автостереотипы.

Возможность образования устойчивых личностных конструктов на основе противопоставления образов-типажей (которые могут иметь или не иметь специальную лексему для их обозначения) подталкивает к мысли о том, что материалом для образования личностных конструктов могут выступать и имена существительные. Факт существования в языке оказиональной антонимии (типа «Душой — дитя, судьбой — монах», М. Ю. Лермонтов) свидетельствует в пользу этого положения. В одной из наших работ по построению личностного семантического дифференциала исследовалась эта возможность. Испытуемые оценивали реально существующие личности по шкалам семантического дифференциала, заданным оппозицией существительных. После проведения соответствующей процедуры построения семантического пространства был выделен ряд факторов, содержание которых заведомо отличалось от содержания факторов семантических личностных пространств, построенных на базе прилагательных. Например, выделялись факторы, интерпретированные как:

- Ф((Активная независимость <-> Пассивная зависимость): мастер — клиент, преступник — жертва, Балда — Поп (из сказки А. С. Пушкина «О Попе и работнике его Балде»), врач — больной;
- $Ф_2$ (Законник <-> Нарушитель норм): филистер — флибустьер, трезвенник — пьяница, муж — любовник, монах — искуситель, отец — сын, консерватор — либерал, Пятачок — Винни-Пух;
- $Ф_3$ (Романтизм <-> Реализм): романтик — обыватель, Дон-Кихот — Санчо Панса, идеалист — реалист, мастер — ремесленник;
- $Ф_4$ (Лидер <-> Ведомый): талант — поклонник, рыцарь — оруженосец, учитель — ученик, писатель — читатель.

Предложенный эксперимент демонстрирует возможность образования устойчивых личностных конструктов за счет оппозиции, противопоставления понятий, выраженных через имена существительные, и позволяет предположить возможность образования новых семантических измерений за счет введения в тезаурус индивидуального или общественного сознания новых понятий, которые могут образовывать оппозиции с уже имеющимися.

Понятие, выражаемое именем существительным, представляет собой «сгусток» качеств и признаков. Оно может задаваться через остенсиональное, операциональное, функциональное определения, раскрываться через отношения данного понятия с другими, и его семантические компоненты выступают как система свернутых отношений понятия в рамках его концептуальной области. Понятия имеющие грамматический статус имени существительного, имеют более сложную семантическую структуру, чем одноместные (прилагательные) или многоместные (глаголы) предикаты, описывающие качества и отношения. Множественность семантических компонентов имени существительного делает его потенциально валентным для образования множества семантических шкал при его оппозиции другим именам существительным. Особый класс имен существительных — человеческие имена собственные, за которыми стоит конкретный единичный субъект с его пластами настоящего, прошлого и будущего, с миром его фантазий и желаний, — является, очевидно, бесконечно семантически богатым образованием.

Описать человеческую личность в силу ее бесконечного содержательного богатства на объектном языке качеств и признаков невозможно, и литература, которая использует семиотическую форму репрезентации личности — персонаж, как элемент своей конструктивной деятельности по

построению возможных художественных миров, оперирует им как целостной молярной единицей более высокого порядка, раскрывая его отношения с другими персонажами не через предикаты, а через поступки, поведение, стиль жизни, т. е. через формы отношения более высокого уровня.

Раскрытие грамматики языка персонажных образов, которыми активно пользуется художественная литература, требует реконструкции типологии личности в обыденном сознании для описания парадигматики этого языка и исследования атрибуции (приписывания) тем или иным личностным типам того или иного мировоззрения, поступков и мотивов, стоящих за ними (т. е. синтагматики). Рефлексия законов грамматики языка человеческих образов лежит уже в плоскости психологической науки.

Язык персонажных образов в силу его полисемантичности является наиболее гибким («мягким», в терминах В. В. Налимова, 1979) материалом для создания личностных конструктов, шкал, психологических измерений. Бахтин (1979, 1990) выделяет особый тип полифонического романа, где художественное и идеологическое содержание определяется главным образом через противопоставление, столкновение полноправных голосов каждого персонажа, несущих свою правду жизни, свое мировосприятие и миропонимание, основанное на собственной системе ценностей.

Сюжет в полифоническом романе несет второстепенную нагрузку и служит скорее поводом высказать, проявить персонажу свое жизненное кредо. Полифонический роман, по сути дела, является синхроническим и раскрывается как система отношений персонажей и стоящих за ними мировоззренческих моделей бытия. Оппозиция персонажей как носителей некоего мировоззрения образует авторскую систему личностных конструктов данного художественного произведения, которые назовем для краткости художественными конструктами. Полифонизм как форма организации художественного произведения, по нашему мне-

нию, наиболее присущ творчеству Ф. Достоевского, М. Булгакова, В. Тендрякова, Ч. Айтматова, но в той или иной степени его элементы содержатся в любом художественном произведении, в том числе и остросюжетном.

10.4. Художественные конструкты как форма семантической организации литературного текста

(Третий тип коммуникативного воздействия)

Проблема изменения категориальной структуры индивидуального сознания под влиянием литературного текста может быть рассмотрена с точки зрения анализа воздействия художественных конструктов литературного произведения на систему личностных конструктов читателя. Экспериментальному анализу этого вопроса было посвящено наше совместное с А. А. Прониным исследование, проведенное на материале рассказа Л. Бежина «Мастер дизайна», затрагивающего моральные проблемы социального тренинга. В рассказе задействовано два основных персонажа, что делает его удобным для анализа и апробации методики: Кирилл Евгеньевич — мастер психологического дизайна, как называет автор рассказа мастерство общения и умение манипулировать людьми с целью личного психологического комфорта, и его ученик Юра Васильев — неуверенный в себе, застенчивый юноша, проходящий стажировку у «маэстро» и успешно усвоивший ряд приемов своего учителя, но утративший при этом часть своей непосредственности и открытости людям. Почувствовав негативные изменения, происходящие с ним, Юра уходит из-под опеки своего учителя. На столкновении жизненных позиций этих двух персонажей, их внутреннем споре о смысле и стиле жизни и построен рассказ.

В начальной стадии эксперимента ставилась задача выделения художественного конструкта этого произведения. С этой целью экспериментатором составлялся список суждений о жизненных ценностях, стилях поведения, по возможности максимально приближенных к проблематике рассказа и частично взятых непосредственно из суждений героев этого рассказа; список включал 43 утверждения.

Надо стремиться разгадать тайну своего «Я».

Познать себя до конца невозможно.

Полная жизнь дается только энергичным людям.

Неудачник не способен на яркое восприятие жизни.

Любить себя — значит быть требовательным к себе.

Если мне хорошо, то и другим со мной хорошо.

Плохой человек может быть счастлив.

Уверенность и решительность в своих поступках — вот главные черты настоящего человека.

Надо принимать себя таким, какой ты есть.
Уверен, что существует одно-единственное правильное понимание смысла жизни.
Есть что-то унизительное, что молодой человек много времени посвящает самоанализу.
Человек является единственным автором своей судьбы.
Свобода моего «Я» — лишь иллюзия.
Моя жизнь подчиняется объективным законам природы и общества.

Группе испытуемых-читателей предлагалось оценить по семибалльным шкалам степени истинности этих суждений с позиции Кирилла Евгеньевича и с позиции Юры Васильева. Сопоставление групповых профилей оценок испытуемых данных с позиции двух ведущих персонажей, позволяет выделить содержательные пункты, по которым эти два персонажа максимально контрастируют, т. е. выделить то, что мы, по определению, назвали *художественным конструктом.*

Факторный анализ матрицы данных, отражающей художественный конструкт рассказа (полученной вычитанием матрицы оценок, данных с позиции Юры Васильева, из матрицы оценок с позиции Кирилла Евгеньевича), позволил выявить ряд содержательных блоков, в которые группируются и в рамках которых противопоставляются исходные суждения. Не приводя утверждений, входящих в фактор, ограничимся только перечислением самих выделенных факторов — содержательных блоков художественного конструкта. Одни из них являются биполярными, другие — униполярны.

- Ф,: Познать себя до конца невозможно <-> Надо стремиться разгадать тайну своего «Я».
- $Ф_2$: Счастье — имманентное состояние человека, данное ему от природы, а самоанализ или психотренинг — пустая трата времени.
- $Ф_3$: Полный самоконтроль невозможен <-» Самоконтроль возможен, если человек работает над своей волей.
- $Ф_4$: Достичь счастья можно через самоограничение <-> Счастье достигается в овладении своими способностями, в культивировании их.
- $Ф_5$: Энергичность — необходимая черта полноценного человека.
- $Ф_6$: Необходимо быть требовательным к себе.
- $Ф_7$: Человек — сам хозяин своей судьбы.
- $Ф_8$: Необходимо самосовершенствоваться <-» Надо принимать себя таким, какой ты есть.

Выделенный набор факторов отражает как бы круг проблем, около которых разворачивается диалог и конфликт жизненных стилей ведущих персонажей. При этом художественный конструкт, построенный автором на языке персонажных образов, их суждений о мире, имплицитно содержится в тексте рассказа и выступает как «вещь в себе», как результат осмысления мира автором. Текст, как средство передачи мыслей автора, должен быть прочитан, и художественный конструкт должен стать из «вещи в себе» «вещью для нас». Гипотеза заключалась в том, что категориальная структура индивидуального сознания читателя, содержание его личностных конструктов в ходе чтения литературного произведения трансформируются по направлению, задаваемому художественными конструктами, заложенными автором.

В операциональной форме эта гипотеза выражается в том, что факторная структура семантического пространства читателя после прочтения рассказа должна стать ближе факторной структуре художественного конструкта этого рассказа, чем до его прочтения. Для проверки этой гипотезы группу испытуемых, не участвовавших в предыдущей серии, просили оценить степень истинности суждений из описанного выше списка до и после чтения рассказа. По результатам

оценок испытуемых до и после прочтения рассказа проводился факторный анализ данных и строились два групповых семантических пространства, характеризующих отношение испытуемых к проблематике психотренинга до и после знакомства с рассказом. Выделенные факторные структуры семантических пространств (до и после) коррелировались соответственно с факторными структурами семантического пространства «Кирилла Евгеньевича» и «Юрия Васильева» и с факторной структурой художественного конструкта, образованного противопоставлением их жизненных позиций. Результаты корреляционного анализа показали довольно низкую взаимосвязь позиции читателей до прочтения рассказа с позицией Кирилла Евгеньевича или с позицией Юрия Васильева, а также и с содержанием художественного конструкта, заданного их противопоставлением. Отдельные значимые корреляции по ряду факторов могут объясняться сходством суждений испытуемых по тому или иному вопросу с тем

или иным персонажем аналогично тому, как в психологии межличностного восприятия точность оценки может быть завышена за счет того, что испытуемый случайно оказался психологически близким объекту восприятия. Проецируя на него свои личностные качества, он попадает «в точку», фактически описывая себя, а не его. Корреляционные связи позиции испытуемых с позицией Кирилла Евгеньевича, Юры Васильева и художественного конструкта существенно возросли после прочтения рассказа, причем главным образом с факторами художественного конструкта. Последнее говорит о том, что присвоение мыслей автора идет не просто через идентификацию читателя с тем или иным персонажем и принятием точки зрения персонажа, а через усвоение художественного конструкта, заложенного автором. Продуктом понимания является не представление о том, психотренинг — «это хорошо» или что «это плохо», а принятие нового измерения, новой точки зрения по этому вопросу и увеличение многомерности осознания этой проблематики.

Компактная форма представления художественного конструкта рассказа может быть получена с помощью вторичной факторизации его первичных содержательных факторов-измерений. Такой художественный суперконструкт содержит на одном полюсе утверждения о необходимости психотренинга каждому человеку для достижения личного счастья, которым могут обладать только энергичные люди, работающие над усвоением навыков общения, и в то же время этот полюс включает утверждения, что и плохие люди могут быть счастливы, и человеку следует принимать себя таким, каков он есть. На другом полюсе суперконструкта оказываются суждения, фиксирующие бесполезность психотренинга, ущербность людей, занимающихся самоанализом, сюда же включаются утверждения об иллюзорности свободы человека, жизнь которого определена биологическими и социальными законами, о наличии единственно правильного представления о смысле человеческой жизни и, одновременно, о невозможности понять себя.

Налицо, таким образом, некоторая ущербность суперконструкта как на одном, так и на другом полюсе, потенциальная возможность его развала, что в сюжетном плане реализуется как разрыв Юры Васильева с Кириллом Евгеньевичем и снос мастерской дизайна последнего. Увлечение тренингом общения как техникой воздействия на другого без внутренней духовной работы над собой оказывается «дорогой в никуда». Мало демонстрировать свою уверенность, играя, как марионетками, другими людьми, для истинно духовного общения требуется глубокое внутреннее искание истины. Рассказ ставит проблему, но не решает ее. Тем не

менее его достоинство — в описании социального феномена, заключающегося в том, что голая технология «без души» может отчуждаться от человека и в гуманитарных науках.

10.5. Психосемантический анализ воздействия газетной публицистики

Влияние печатного слова, газетной публицистики на сознание читателей, на их жизненные позиции и ценностные установки было предметом исследования, проведенного под нашим руководством Н. Н. Тепляковым (см. Петренко, Тепляков 1985). Ставилась задача выявить изменения как категориальной структуры индивидуального сознания читателей, так и их отношения к затронутым газетной публикацией лицам, воплощающим ту или иную жизненную позицию.

В середине 1980-х гг., в начале «перестройки» нас привлекла дискуссия, развернувшаяся на страницах «Комсомольской правды», начало которой положила публикация статьи Е. Лосото «Во что рядится чванство», посвященная материальному благосостоянию и связанным с ним нравственным проблемам. Содержание этой дискуссии, отражающее менталитет общества на заре перестройки, не утратило актуальности и в настоящее время, ибо проблема «экономической этики» по отношению к богатству, поднятая Максом Вебером (1990), продолжает будоражить умы и определять политические противостояния.

Поводом для этой публикации послужило письмо в редакцию шестнадцатилетней школьницы Алисы, которая пытается доказать, что материально более обеспеченные «дети своих родителей», образующие своеобразную школьную элиту, и в духовном плане более развиты, имеют более широкий круг интересов, пользуются большим признанием среди сверстников. В рассуждениях Алисы в перечень достоинств, которыми она обладает, попали и японский кассетный магнитофон, и кожаное пальто, и увлечение поэзией, музыкой, и общественная работа культорга класса, и успех ее и ее столь же избранных подруг у одноклассников противоположного пола. Фактором, объединяющим столь разнородные материальные и духовные ценности, выступает фактически некий ореол престижности, который переносится и на саму Алису и выделяет ее среди обычных школьниц, не имеющих обеспеченных родителей и поэтому обреченных на прозябание, которых

она называет «серыми мышами».
В комментариях к этому письму журналистка Е. Лосото рассматривает откровения Алисы через призму категории «интеллигентность», понимаемой как форма внутренней духовности, выражающейся в совестливости, чувстве сопричастности и ответственности за все происходящее в мире и даже в некотором чувстве личной вины при столкновении с несправедливостью и неравенством. «Исходя из этого понимания и ощущения, — пишет Е. Лосото, — интеллигентные родители никогда не предложат дочери-школьнице очень дорогую вещь, а хорошо воспитанная девочка и сама ее не наденет, чтобы не почувствовать неловкости перед не столь обеспеченными подругами, да и перед учительницами тоже».
В мировоззрении Алисы Е. Лосото справедливо видит отражение барско-ку-печеской психологии, измеряющей достоинство человека с позиции его материального достатка и преуспевания, и призывает читателей высказать отношение

К этому социальному и нравственному феномену. Письмо Алисы, комментарии к нему журналистки Е. Лосото, а также ряд писем-откликов на эту газетную публикацию послужили материалом нашего экспериментального исследования.
Испытуемым, которыми были школьники старших классов (около 100 человек), предлагалось оценить образ Алисы после прочтения ее письма, затем ее же образ после прочтения комментариев к письму, а также образы ряда читателей, приславших отклики на газетную публикацию, после ознакомления испытуемых с их письмами. Сопоставление оценок образа Алисы до и после прочтения комментариев позволяет выделить изменение системы личностных конструктов испытуемых, вызванное воздействием «печатного слова», а анализ оценок образов читателей, приславших свой отклик, — выявить отношение наших испытуемых к тому или иному мировоззрению, которое персонифицируют эти образы. Наряду с образами Алисы и образами читателей в качестве объектов шкалирования испытуемым предлагалось оценить образы «хорошего учителя», «плохого учителя», «отца», «матери» и, наконец, образ «самого себя». Наличие этих ролевых позиций позволяет как бы промаркировать семантическое пространство, задав эталоны «значимых других», и определить (через сопоставление их с ролевой позицией «я сам») характер идентификации испытуемых.
Оценки личности этих персонажей проводились испытуемыми по 65 семибалльным (от 3 до -3) однополюсным шкалам, описывающим ряд личностных качеств: добрый, выскочка, наивный, неуверенный в себе, элитарный, хорошо понимающий позицию другого человека, сильная личность, равнодушный, имеет свои идеалы, свою жизненную позицию, поет с чужого голоса, справедливый, независимый и т. д. В качестве одной из шкал было введено определение из лексики письма Алисы — «серая мышь».
Если сравнить образы Алисы до и после прочтения комментариев Е. Лосото непосредственно по «сырым» школьным оценкам, данным группой испытуемых, то образ Алисы претерпевает заметные изменения в сторону меньшей доброты, честности, открытости и обаятельности. Она стала восприниматься и менее сильной личностью, менее независимой в своих суждениях, с более узким кругозором. Однако степень легкомысленности Алисы заметно уменьшилась, а оценка расчетливости возросла. Очевидно, срабатывает эффект достойного противника (журналистки), оппозиция с которым увеличивает значимость оппонента. Обращение к письму Алисы и полемика с ним авторитетного взрослого как бы увеличивает значимость фигуры Алисы, переводя ее из позиции легкомысленной девочки в некий обобщенный символ иного мировоззрения.
Рассмотрим изменение личностных конструктов испытуемых при оценке образа Алисы, полученных до и после прочтения комментариев к письму. Напомним, что имеющийся по результатам эксперимента куб (вернее, параллелепипед) данных (шкалы x персонажи x испытуемые) для проведения факторно-аналитической обработки допускает три возможных сечения для получения двухмерных матриц: шкалы x испытуемые применительно к одному-единственному объекту анализа; шкалы x объекты для результатов одного испытуемого или суммарной, групповой матрицы испытуемых; и объекты x испытуемые применительно к одной шкале оценивания. Нас в данном случае интересует характер изменения личностных конструктов испытуемых при оценке образа Алисы, поэтому мы рассмотрим первоначально два семантических пространства «Алисы-1» (до прочте-

ния комментариев Е. Лосото) и «Алисы-2» (после прочтения), для построения которых делается срез данных (шкалы x испытуемые) относительно единичного объекта.

Анализ факторной структуры этих пространств позволяет выделить систему личностных конструктов испытуемых, их эталоны и мерки оценивания, оставляя пока в стороне оценки самого образа Алисы.

В результате построения семантического пространства «Алиса-1» было выделено 5 факторов, объясняющих соответственно 13,0; 11,9; 11,4; 8,5; 6,9% общей дисперсии.

Первый фактор был задан оппозицией качеств: честный, открытый, работящий, справедливый и т. п., с одной стороны, и лживый, равнодушный, нахальный маменькин сынок — с другой. Налицо фактор «оценка».

Второй фактор включал качества: гордый, расчетливый, самоуверенный, себе на уме, ненадежный товарищ на одном полюсе и качества: неуверенный в себе, нудный, «свой парень» — на другом полюсе. Этот конструкт можно интерпретировать как «уверенный в себе эгоизм» в оппозиции к «неуверенному в себе, скучному коллективизму».

Третий униполярный фактор включал качества: забитый, наивный, ябеда, имеет узкий кругозор, хорошо понимает позицию другого человека, «серая мышь».

Четвертый фактор, заданный оппозицией качеств: умный, тонкий, обаятельный, с одной стороны, и смелый, карьерист, решительный — с другой, описывает, очевидно, человека внутренней духовной активности и человека внешнего действия с несколько негативным оттенком.

Пятый фактор — карьерист, элитарный, хипповый, веселый, признает в жизни только материальную выгоду в оппозиции к качествам: альтруист, больше всего в жизни ценит человеческие отношения, озабочен судьбой человечества, самоотверженный — описывает эгоистическую и альтруистическую жизненную позиции и дает небольшую корреляцию с первым фактором «оценка».

Рассматривая содержание личностных конструктов испытуемых, можно отметить, что при наличии в целом негативного отношения к Алисе испытуемые в своей конструктивной системе оказались несколько индуцированными ее эталонами оценивания. Это проявилось, в частности, в наличии своеобразного конструкта «гордый, уверенный в себе эгоизм» в оппозиции к «неуверенному в себе, скучному коллективизму», а также в том, что качество «способность хорошо понимать другого человека» и образ «серой мыши», хотя с небольшими факторными нагрузками, попали в один блок с качествами «имеет узкий кругозор», «наивный», «забитый», «ябеда».

Факторная структура семантического пространства «Алиса-2» демонстрирует изменение системы личностных конструктов испытуемых под влиянием комментариев журналистки. Так, фактор «Альтруистическая <-> Эгоистическая жизненные позиции» переместился на передний план (13% вклада в общую дисперсию), что означает увеличение субъективной значимости этого измерения, несколько изменившись по содержанию. К качествам «альтруист», «озабочен судьбой человечества», «больше всего в жизни ценит человеческие отношения» добавились характеристики: «хорошо понимает позицию другого человека», «серая мышь», «живет интересной духовной жизнью», а антонимичный полюс включил, наряду

с «самоуверенностью» и признанием «материальной выгоды», «узость кругозора», «ненадежность как товарища». Иными словами, полюс альтруизма как бы более одухотворился, стал более интересным, а «серая мышь» попала в альтруисты.

Второй фактор (10% общей дисперсии) описывает устойчивость, силу личности в оппозиции к конформизму, неустойчивости. В него вошли качества: прямой, решительный, смелый, опытный, имеет свои жизненные позиции, деловой, умный, элитарный — в оппозиции к качествам: флюгер, легкомысленный, плывет в жизни по течению, рубаха-парень.

Третий фактор, описывающий 9% общей дисперсии, является аналогом фактора «оценка» семантического пространства «Алиса-1» и включает качества: честный, открытый, независимый, справедливый — в оппозиции к качествам: лживый, равнодушный, лицемерный, поет с чужого голоса.

Четвертый униполярный фактор (8% общей дисперсии) также повторяет один из факторов семантического пространства «Алиса-1» и включает качества: забитый, наивный, ябеда, нудный, но уже без определения «серая мышь».

Пятый фактор (7,5% общей дисперсии) включает качества: выскочка, трепач, расчетливый — в оппозиции к сильной личности, обаятельному, сильному и умному. Очевидно, это одно из отщеплений фактора «оценка» в контексте «сильный и добрый» в противопоставлении «слабому и

плохому

Сопоставление факторной структуры семантических пространств «Алиса-1» и «Алиса-2» показывает, что эффект воздействия комментариев журналистки на систему конструктов испытуемых-школьников выразился в увеличении значимости качеств, связанных со способностью стать на позицию другого человека, проявлять к нему альтруизм, быть озабоченным общечеловеческими проблемами, иметь устойчивую жизненную позицию. Ряд конструктов как бы кристаллизуется вокруг этих пунктов. Альтруистическая позиция стала больше ассоциироваться с богатством внутреннего мира и интересной событийной жизнью.

Рассмотрим теперь размещение в семантическом пространстве образов «Алиса-1» и «Алиса-2», отражающее отношение испытуемых к этим «имиджам» и ряду персонажей и ролевых позиций, описанных выше.

Недостатком семантических пространств, построенных для одного объекта (испытуемые х шкалы), является то, что оценки по ним нельзя непосредственно сопоставить, сведя их в едином пространстве, в силу того, что они имеют несовпадающие полностью по содержанию факторы или же вообще различные факторы, содержание которых зависит от восприятия испытуемыми данного объекта. Различные объекты могут провоцировать и различные эталоны, мерки оценивания. Это же является, в частности, недостатком методики Келли, позволяющей сопоставлять семантические пространства отдельных испытуемых только по параметру когнитивной сложности в силу того, что содержание выделяемых факторов варьируется. Поэтому для размещения в едином семантическом пространстве образов «Алиса-1» и «Алиса-2», образов отца, матери, хорошего и плохого учителей, образа самого себя, а также ряда образов читателей, приславших отклики на газетную статью, процедуре факторного анализа подвергалась групповая матрица оценок испытуемых (персонажи х шкалы). Перечислим персонажи-объекты шкалирования, сопровождая их краткими выдержками из писем-откликов, характеризующих позицию этих читателей.

1. «Алиса-1» — образ Алисы до прочтения испытуемыми комментариев Е. Ло-сото.
2. «Алиса-2» — образ Алисы после прочтения испытуемыми комментариев
3. Читатель Мошкин, директор сельской школы: «Я проработал в школе 39 лет, учителем, завучем, директором. И я категорически отрицаю мысль что успеваемость зависит от материальной обеспеченности. Эти девушки поставили себя вне коллектива, над коллективом, и это очень печально Глубокий эгоизм их ослепил».
4. Женя Маркова, студентка: «Класс наш был разбит на "элиту", "мышей" "флюгеров", т. е. тех, кто поворачивался туда, куда ветер дует. В "элите" были те, у кого родители могли правдами и неправдами зашибать деньгу. Мы "мышки", не имели японских магнитофонов, французских платьев и ослепительных перстней. Зато мы были настоящими друзьями и не прощали "элите" ни одного оскорбления нашего достоинства... Учеба, между прочим, в очень прямой зависимости от достатка семьи. Не каждый может себе позволить подарить учителю 8 марта флакон французских духов или среди зимы букетище роз. А во многих школах именно это играет большую роль при выставлении оценок».
5. Елена Попова, 16 лет, школьница: «Я расту в обеспеченной семье, мой папа — военнослужащий, мама — врач. Никогда в своей жизни мама ничего не позволяла дарить себе людям, которые ей действительно были благодарны, ведь многим она не только вернула здоровье, но и спасла жизнь. Зато в праздники у нас всегда почтовый ящик забит поздравительными открытками. Да, у меня тоже есть магнитофон, библиотека и джинсы. Но в школу я хожу в обычной форме, в скромных туфлях... По-моему, уверенность в себе Алисы и ей подобных идет от атмосферы школы, в которой она учится».
6. Икс, Игрек, 16 лет, школьники: «Мы не согласны как с позицией Алисы, так и с позицией автора статьи. По нашему мнению, смехотворны обе позиции. Как показывают наш опыт, наблюдение, интеллектуальное развитие личности в незначительной степени зависит от всех социальных влияний, а обусловлено генетическими факторами. Значительную часть свободного времени мы посвящаем изучению наиболее интеллектуально емких наук: физике и математике... Разговоры "Алис" о Большом театре, престижных дисках являются свидетельством интеллектуальной неразвитости. Не менее глупы разговоры "серењких мышек"... По нашему мнению, как одни, так и другие — одинаково неполноценные слои молодежи... Они стремятся обладать одеждой, обувью, хрусталем, мебелью и т. д. Но мы никогда не слышали, чтобы кто-то

из них стремился достать микрокалькулятор нового поколения. В заключение — пожелание автору: не писать об интеллигентности, а писать об интеллектуальности».
7. Читательница М., студентка: «Я понимаю Алису, нечего винить ее. Правильно, девочка, пользуйся всем, что у тебя есть. Если ты имеешь джинсы, модные вещи, импортную обувь — ты на коне. Ты независима, горда, неприступна, интересна для мальчиков (думаю, ты выбираешь их по себе?), даже не обладая умом и привлекательной мордашкой. Успех тебе обеспечен. По себе знаю: муж-красавчик с сундуками добра, родители пробивные, могут

что угодно достать, устроить, друзья — лапоньки, умницы, с машинами, подруги — милашки, с золотом и тряпками».
8. Татьяна Борисова, 16 лет: «Я сталкивалась в жизни с такими людьми, как Алиса, и научилась их ненавидеть. Позицию ее я поняла: раз ты не ешь каждый день черную икру, не имеешь набора фирменной обуви и остального фирменного барахла, то ты ничего не понимаешь в Моцарте и Бетховене, должна плохо учиться и лишь трепаться о том, где, кто чего достал, и о том, кто с кем гуляет, одним словом, эти "серые мыши" — ничто по сравнению с Алисой».
9. Елена Семенова, студентка: «В вашей полемической статье есть ссылка на то, что интеллигенция XIX века была совестью своего общества, стеснялась лучшей жизни, чем другие. Да, действительно, Л. Н. Толстой тяготился своим дворянским происхождением, старался жить скромно и одновременно страдал от того, что запрещал себе наслаждаться по вечерам музыкой, которая была недоступна простому народу. Итак, что я имею, впитав в себя лучшие традиции интеллигенции XIX века? Мне стыдно быть счастливой, довольной, лучшей. Мне в тягость благополучие, успех. Мы привыкли не обращать внимания на красивое и удобное, приучены вести скромный об-"" раз жизни, черпая примеры из литературы XIX века. Мы не научены распоряжаться личным богатством... Возникает вопрос: для кого же создаются новые модели одежды, обуви, красивые гарнитуры мебели? Ведь и для меня тоже... Вспоминается фильм, где женщина не в состоянии перенести зажиточную жизнь и сжигает машину своего мужа. Вот "достойный" пример для подражания? В другом фильме юная героиня, нежданно-негаданно ставшая богатой наследницей, от радости пляшет, когда воры подчистую уносят из ее квартиры все произведения искусства. Да, этак мы далеко не уедем...»
10. Ролевая позиция «я сам» или «я сама».
11. Ролевая позиция «моя мать».
12. Ролевая позиция «мой отец».
13. Ролевая позиция «хороший учитель».
14. Ролевая позиция «плохой учитель».

Оценки 14 персонажей по 65 шкалам подвергались процедуре факторного анализа с целью построения семантического пространства и размещения в его рамках этих образов. В результате обработки данных было выделено три значимых фактора: **первый оценочный фактор** (44%) был представлен шкалами: честный, справедливый, открытый, независимый, умный, добрый, прямой, трезвомыслящий, озабочен судьбой человечества, воспитанный, хорошо понимает другого человека — на одном полюсе фактора и качествами: подлый, себе на уме, имеет узкий кругозор, признает в жизни только материальную выгоду, нахальный, равнодушный, поет с чужого голоса — на другом полюсе.

Второй фактор (31%), интерпретированный как «сила личности», включает шкалы: гордый, деловой, самоотверженный, сильная личность, решительный, самоуверенный в оппозиции к качествам: ябеда, зануда, наивный, флюгер.

Размещение 14 персонажей в семантическом пространстве первых двух факторов (факторов оценки и силы личности) показано на рис. 52.

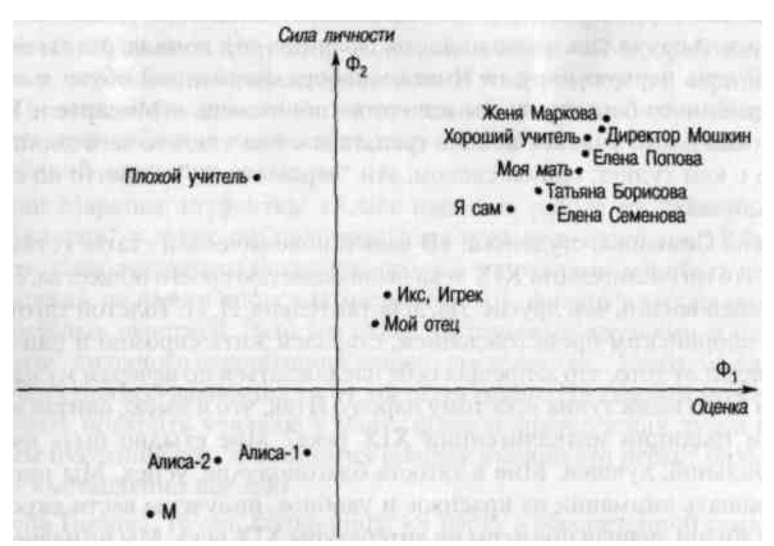

Рис. 52. Размещение в семантическом пространстве личностных качеств (Ф,, $Ф_2$) 14 персонажей экспериментального исследования газетной публикации «Во что рядится чванство»

Высокий коэффициент корреляции первого и второго факторов (0,7) приводит к почти линейной взаимосвязи этих параметров, и чем более положительным воспринимается персонаж, тем более ему приписывается качество «сильная личность», и наоборот, чем более сильной личностью воспринимается человек, тем более положительные оценки дают ему испытуемые. Из этой закономерности выпадает только образ «плохого учителя», оцененный испытуемыми как достаточно сильная личность, очевидно, в силу переноса на личностные качества авторитетности его социальной роли. Среди анализируемых персонажей наиболее сильными и положительными личностями воспринимались испытуемыми Женя Маркова, директор школы Мошкин и образ хорошего учителя. В качестве плохих и слабых людей наши испытуемые оценили читательницу М. и Алису.

Представляет интерес значительное различие по силе личности между образами матери и отца. Тот факт, что среднегрупповой образ матери сильнее по характеру образа отца, свидетельствует, что феминизация, утрата авторитетности мужчин и маскулинизация женщин, которые обычно приписывают молодежи, отнюдь не являются их особой привилегией, а присущи и более зрелому поколению. Небольшая выборка испытуемых не позволяет, конечно, генерализовать эти результаты на нашу культуру в целом, но факт утраты образа «сильного отца», с которым возможна идентификация подрастающего и мужающего юного поколения, настораживает и требует особого изучения.

Интересный парадокс дает размещение персонажей по оси третьего фактора (17%), названного нами фактором «серой мыши» и включающего, помимо этой характеристики (выраженной с максимальным весом), качества: неуверенный в себе, зануда, не способен понять позицию другого человека, данные в оппозиции

к характеристике «живет интересной насыщенной жизнью». Персонажами, получившими наибольшую нагрузку по этому фактору, оказались... сама Алиса и читательница М., поддерживающая ее позицию. Произошел своеобразный эффект бумеранга: Алисе, выступившей с высокомерной критикой образа «серых мышек», читатели приписали те самые качества, которые она отнесла к своему воображаемому оппоненту. Этот эффект является, очевидно, достаточно универсальным, проявляясь как в сфере межличностного восприятия, так и в области массовых коммуникаций, и может быть отнесен к закономерности, описанной А. П. Назаре-тяном как склонность стереотипов к «перевертышам»: «Если личности в целом присуща достаточно высокая когнитивная сложность, стереотип, включаясь в более интенсивный поток внутренней коммуникации и встраиваясь в насыщенное богатыми связями семантическое окружение, разрушается: в него проникают новые элементы, внутренние связи становятся многомернее, и человек начинает видеть объект более объемно, сложно, противоречиво. Иначе ведет себя стереотип в рамках когнитивно бедного образа мира: исчерпав прочие механизмы защиты, но оставаясь сверхпрочным образованием, стереотип в фокусе сознания не разрушается, а переворачивается, сохраняя за счет этого свою целостность. Иными словами, человек не перестает видеть объект стереотипно, уплощенно, а только меняет эмоционально-оценочную окраску образа

на противоположный знак» (Назаре-тян, 1969. С. 111).
В нашем случае для семантического пространства «Алиса-2» под влиянием комментариев журналистки произошли как частичное размывание стереотипа «серой мыши», используемого в качестве эталона в межличностном оценивании, так и главным образом смена его эмоционально-оценочного знака (характеристика «серая мышь» попала в окружение качеств: альтруист, хорошо понимает позицию другого человека, живет интересной жизнью). В то же время применительно к более общему семантическому пространству 14 персонажей данный стереотип оказался в целом неизменным, получив другую адресацию (образы Алисы и ее единомышленников).
Идеологический эффект речевого (коммуникативного) воздействия, по-видимому, имеет достаточно сложную динамику при генерализации от частного к общему. Сопоставляя семантическое пространство, построенное для 14 персонажей, с семантическими пространствами единичных объектов оценивания «Алиса-1» и «Алиса-2», можно отметить меньшую размерность «группового» пространства и более коннотативный, оценочно-нормативный характер его организации. Сцепление, группировка качеств в фактор обусловлены не логикой их объединения в рамках типажного образа (денотативной компонентой), а коннотативной, оценочной компонентой содержания шкал. Так, например, на отрицательный полюс первого оценочного фактора попали такие достаточно противоположные, но равно негативные качества, как расчетливый, легкомысленный, равнодушный, выскочка и т. п.
Дело, очевидно, в том, что при шкалировании, описании единичного объекта шкалы «склеиваются», объединяются в более емкие категории-факторы на основе структуры представления субъекта об этом объекте. Происходит взаимодействие содержания шкалы и содержания оцениваемого объекта. Как пишет Ч. Осгуд (1962), каждое понятие имеет тенденцию производить поворот шкал в семантическом пространстве по отношению к своим собственным характеристическим

свойствам. Например, для понятия «тяжелая атлетика» шкала «хорошее—плохое» будет стремиться к возрастающей корреляции со шкалой «сильный—слабый» и к уменьшающейся корреляции со шкалой «добрый—злой». Очевидно также, что шкалы «напряженный—расслабленный» и «быстрый—медленный», входящие в осгудовский коннотативный фактор «активность», образуют для данного понятия отрицательную корреляцию и могут привести вкупе с другими шкалами к «расщеплению» фактора «активность» на факторы динамической и статической напряженности. Таким образом, семантическое пространство, построенное для единичного объекта, имеет, как правило, более денотативный (предметный) характер, отражая знания субъекта об этом объекте, систему его личностных конструктов, образующих структуру представлений субъекта об объекте.
При построении семантического пространства для группы объектов взаимодействие шкалы и оцениваемых объектов может иметь разнонаправленный характер, и повороты вектора, соответствующего шкале-измерению, взаимно нивелируются (поэтому более тонкие когнитивные конструкты могут не проявиться, а в качестве оснований категоризации осей семантического пространства — выступают более обобщенные коннотативные факторы). На мерность семантического пространства влияет и когнитивная сложность испытуемых, которая у наших испытуемых применительно к данной задаче оказалась невысока.
Категориальные перестройки сознания реципиентов под влиянием журналистских комментариев оказались более значительными применительно к восприятию образа Алисы (семантическое пространство «Алиса-2») и ее антагониста «серой мыши». Например, характеристика «серая мышь», находившаяся в семантическом пространстве «Алиса-1» (до прочтения комментариев) в окружении качеств: наивный, забитый, ябеда, — вошла в одну группировку в семантическом пространстве «Алиса-2» (после прочтения комментариев) с качествами: альтруист, хорошо понимает другого человека, живет насыщенной внутренней жизнью. Здесь следует отметить, что в замысел журналистки, конечно, не входила задача, «развенчав» образ Алисы, поставить на пьедестал образ «серой мыши», что подтвердило проведенное шкалирование этих персонажей, на которое любезно согласилась сама Е. Лосото. В ее замысле образу «Алисы» был противопоставлен образ «духовного человека», «интеллигента». Однако, описав его нравственную позицию, автор не персонифицировала ее в каком-либо конкретном персонаже, и для многих молодых читателей не произошло развития нравственного сознания, введения его новых измерений, а случилась простая инверсия знака эмоционального отношения — «эффект перевертыша», описанный выше А. П. Назаретяном. В целях коммуникативного воздействия «образ идеала» должен быть

персонифицирован, воплощен в конкретном персонаже, с которым и возможна психологическая идентификация читателя.

В семантическом пространстве, построенном для 14 персонажей, характеристика «серая мышь» не попала в столь благоприятное окружение, а «отщепилась» совместно с качествами «неуверенный» и «зануда» в самостоятельный фактор. Иными словами, категориальные установки применительно к некоторому множеству объектов, событий, явлений, очевидно, более инерционны и устойчивы-

Можно полагать, что эффект идеологического воздействия в плане изменения категориальной структуры восприятия проявляется первоначально на единичных объектах, которые, входя в более широкий класс родственных объектов, не-

сколько перестраивают общую категоризацию, структуру восприятия этой содержательной области. Например, применительно к негативным этническим стереотипам благоприятное представление об одном из представителей этого этноса не разрушает сразу сложившуюся структуру категоризации этого этноса, а, проявляясь в «отщеплении» ряда личностных качеств, присущих этому представителю национальной культуры, от обобщенных факторов-измерений и тем самым увеличивая когнитивную сложность субъектов оценивания, подготавливает основание для такой перестройки.

В целом нам представляется перспективным исследование взаимосвязи и взаимопереходов от семантических пространств, построенных для единичных объектов, к семантическим пространствам неких содержательных классов; оно выступает как исследование диалектики единичного и общего и раскрывает как движение от осознания единичных событий в жизни к формированию мировоззрения. При этом мы, конечно, понимаем всю сложность этой проблематики и то, что только подходим к формированию научной парадигмы в рамках этого направления, требующей разработки более сложных и многомерных моделей.

10.6. Образ человека на телеэкране

Трактовка текста как связующего звена, посредника, обеспечивающего контакт личности коммуникатора с личностью реципиента, представлена в теоретических разработках М. М. Бахтина (1979,1990), А. А. Леонтьева (1974; 1975), А. П. Наза-ретяна (1979; 1978), А. У. Хараша (1977; 1978), показывающих влияние личности коммуникатора на эффективность речевого воздействия. Экспериментальное доказательство этого эффекта и его модельное представление на языке семантических пространств было задачей нашего экспериментального исследования, проведенного на материале телевизионного восприятия.

Кратко охарактеризуем специфику средств массовой коммуникации (СМК), к которым относится телевидение, их влияние на формирование особенностей психики и стиля жизни современного человека. Следует отметить, что наметившийся в конце 1970-х—начале 1980-х гг. интерес к проблемам общения и формирование научного подхода к этой проблематике в рамках субъект-субъектной парадигмы (Бодалев, 1979,1982; Ломов, 1979,1981) объясняются не только логикой развития исходных положений отечественной психологии (см.: Выготский, 1956, 1983) и смежных гуманитарных областей (Бахтин, 1979, 1990), но и требованиями практики, развитием «индустрии переработки информации», в том числе СМК. Широкое распространение технических средств коммуникации порождает специфическую психологическую проблематику, связанную с исследованием процессов мышления и социального взаимодействия в «техническую эру». Для современного человека, значительное число межличностных контактов которого опосредовано техническими средствами, СМК становятся реальным фактором социализации наряду с межличностным общением и даже оказывают обратное влияние на структуру и содержание общения (см.: Bogart, 1955; Davidson, Schad-son, 1978).

Телевидение явилось качественно новой ступенью развития СМК. Оно органически соединило достоинства технических средств коммуникации и традиционных форм социального взаимодействия: условность театра, реализм репортажа,

эстетику кино, эмоциональную напряженность массового действия, камерность общения и т. д., завоевав благодаря этому всеобщую популярность. По данным социологов, телевидение поглощает до 2/3 времени культурного досуга (см.: Гордон, Клопов, 1972). Оно интенсифицировало процессы массовой коммуникации усилило воздействие СМК на все стороны жизни и общественного сознания.

Своеобразный язык и выразительные средства телевидения — преобладание диалогических форм общения на экране (Муратов, 1983), принцип коллажа как способа организации информации,

мозаичность построения программ, сиюминутность переживания времени, ощущение предельной достоверности, почти документальности происходящего (см.: Дробашенко, 1972), особая реалистичность характеров и героев передач (см.: Михалкович, 1982; Langer, 1981) — явились в значительной степени результатом технического прогресса и глубоко проникли в современную культуру (см.: Копылова, 1982; Петренко, 1986). Возник своеобразный «телевизионный стиль» как особая форма экспликации общественного сознания, отражающая мировосприятие и мышление человека «технической эры». Телевидение не просто передает тексты культуры, но и внедряет способ их структурирования (см.: Копылова, 1982), определенный тип восприятия и мышления.

Важнейшей особенностью «ТВ-стиля», определяющим принципом телекоммуникации является открытая диалогическая форма контакта, воспроизводящая структуру межличностного общения. Огромное значение в этой связи приобретает фигура ведущего или героя передачи. Человек на телеэкране перестает быть просто личностью, носителем определенных индивидуальных черт. Его индивидуальные качества («приватная индивидуальность») становятся основой для построения обобщенного типического образа, воплощающего конкретные ценностные представления аудитории («публичной индивидуальности») (см.: Михалкович, 1982). Целостность образа позволяет ему функционировать в роли устойчивого эталона восприятия. Рассмотрим, по каким базисным факторам оценивается образ телеведущего.

10.7. Образ телеведущего

Ведущий телепередачи, телевизионный диктор являются ключевыми фигурами на телевизионном экране. Как показывают наши исследования (Петренко, 1987; Петренко, Пронина, 1987), отношение телезрителей к информации, передаваемой по телевидению, оказывается опосредованным отношением зрителей к личности диктора или ведущего — источников этой информации. Такие параметры оценки личности диктора, как его привлекательность, компетентность, искренность, положительно влияют на позитивное отношение телезрителя (реципиента) к тексту сообщения, а социальный статус ведущего или диктора придает большую значимость сообщению в практическом плане, в плане возможности его реализации. Причем стоит подчеркнуть, что эта взаимосвязь справедлива именно для образа личности диктора — как он сформировался у реципиента, а не определяется непосредственно личностным профилем коммуникатора. Коммуникатор создает, строит свой телевизионный образ, формирует, играет определенный «имидж». Человек на телеэкране перестает быть просто личностью, носителем определенных личностных черт. Его индивидуальные качества («приватная индивидуальность» —

в терминах Михалкович, 1982) становится основой для построения обобщенного типического образа, воплощающего конкретные ценностные представления аудитории («публичная индивидуальность»). Восприятие телевизионной информации оказывается опосредованным личным обаянием, неповторимой индивидуальностью ведущего, не случайно так трудно найти замену постоянному ведущему передачи или известному диктору.

То огромное значение, которое имеет образ человека на телеэкране для эффективности коммуникативного воздействия, диктует необходимость разработки психодиагностических методик, позволяющих описать то, как этот образ представлен в сознании телезрителя.

Целью исследования являлась разработка психосемантической методики, позволяющей описать образ личности коммуникатора (ведущего телепередачи, диктора или героя телефильма) с позиции его восприятия телезрителями.

В качестве объектов описания были образы популярных телеведущих середины восьмидесятых годов.

1. Сенкевич («Клуб кинопутешествий»).
2. Румянцева («Будильник»).
3. Белянчикова («Здоровье»).
4. Беляева («Музыкальный киоск»).
5. Николаев («Утренняя почта»).
6. Масляков («Клуб веселых и находчивых» — КВН).
7. Рязанов («Кинопанорама»).
8. Орлов («Кинопанорама»).
9. Дроздов («В мире животных»).
10. Зорин — политобозреватель.
11. Бовин — политобозреватель.

12. Кириллов («Время»).
13. Шатилова («Время»).
14. Ворошилов («Что? Где? Когда?»).
15. Сабитова («Ритмическая гимнастика»).
16. Леонтьева («От всей души», «В гостях у сказки»).
17. Озеров — спортивный комментатор.
18. Капица («Очевидное — невероятное»).
19. Я сам.

Последняя позиция («я сам») вводилась для того, чтобы определить характер идентификации телезрителя с телеведущими.

В качестве испытуемых, оценивающих образы ведущих, были 120 человек — студентов различных вузов Москвы.

Инструкция испытуемому. «Выскажите, пожалуйста, степень согласия с той или иной характеристикой людей применительно к предлагаемому Вам списку ведущих телепередач, обозревателей и дикторов. Шкала оценок в диапазоне 7 баллов (3; 2; 1; 0; -1; -2; -3), где оценка 3 соответствует максимальному согласию с утверждением о наличии данного качества у человека, -3, если человек обладает противоположным качеством тому, которое содержится в утверждении. Оценка 0 ставится, если не подходит ни то, ни противоположное утверждение

или если Вы просто не знаете. Работайте достаточно быстро. Важно ваше первое впечатление».

Набор шкал (список качеств).

1. Популярный.
2. Внушает доверие.
3. Неудачник.
4. Глубоко верит в то, что говорит.
5. Современный.
6. Претенциозный.
7. Хороший семьянин.
8. Без чувства юмора.
9. Интеллигентный.
10. Домашний.
11. Сильная личность.
12. Хорошо образован.
13. Честолюбив.
14. Ироничен.
15. Добрый.
16. Не уверен в себе.
17. Легкий в общении.
18. Независимый.
19. Себе на уме.
20. Увлечен своей работой.
21. Любит деньги.
22. Не прочь выпить.
23. Элитарный.
24. Молодой.
25. Любит противоположный пол.
26. Холодный.
27. Мне нравится.
28. Несколько старомоден.
29. Умница.
30. Сексуально привлекателен.
31. Имеет высокое социальное положение.
32. Осторожный в суждениях и оценках.
33. Рядом с этим человеком будешь чувствовать себя надежно.
34. Демагог.
35. Много работает.
36. Одинокий.

37. «Сделал сам себя» (своими успехами обязан собственной личности).
38. Скромный.
39. Имеет много друзей.
40. Любит и понимает искусство.

41. В своей жизни оторван от проблем обычного человека («живет как на Олимпе»).
42. В своей жизни приходится сталкиваться с теми же проблемами, что и обычному человеку.
43. Трудяга (много работает).
44. Самоуверен.
45. Говорит понятно и доходчиво.
46. Специалист высокого класса в своей области.
47. Находчивый.
48. Общается с собеседником на равных.
49. Трепач.
50. Хороший человек.
51. Имеет собственное мнение.
52. Прост в общении.
53. Несколько поверхностен.
54. Артистичный.
55. Внешне привлекателен.

Набор качеств подбирался таким образом, чтобы затронуть по возможности как личностные особенности ведущих, так и стиль их коммуникативного общения и их предполагаемые социальные характеристики.

Процедура обработки. Индивидуальные оценки испытуемых суммировались в одну общегрупповую матрицу данных (55 шкал на 19 объектов), которая подвергалась процедуре факторного анализа.

В результате обработки данных было выделено 5 независимых факторов — обобщенных измерений (категорий) сознания реципиентов-зрителей, через призму которых происходит восприятие и оценка личности ведущего телепередачи. Ниже перечисляются шкалы, входящие в фактор с указанием факторной нагрузки этих шкал. Напомним, что знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а указывает, к какому полюсу фактора принадлежит данная шкала.

Первый фактор (объясняющий 26% общей дисперсии) включал шкалы:

имет собственное мнение 0,90
интеллигентный 0,89
трудяга — много работает 0,89
хорошо образован 0,89 рядом с этим человеком чувствуешь себя надежно 0,88
глубоко верит в то, что говорит 0,87
сильная личность 0,84
специалист высокого уровня в своей области 0,83
осторожный в суждениях и оценках 0,83
внушает доверие 0,78
обязан успехом собственной личности 0,70
говорит понятно и доходчиво 0,61
увлечен своей работой 0,56
любит и понимает искусство 0,53
умница 0,53
мне нравится 0,52

Противоположный полюс фактора представлен качествами:
несколько поверхностен *-0,84*
трепач -0,73
неудачник -0,56
не уверен в себе -0,55

Исходя из содержания шкал, образующих антонимичные полюса, мы назвали этот фактор фактором «Интеллигентность». Для студенческой выборки испытуемых качество

«интеллигентность» высоко, взаимосвязано с наличием собственного мнения, трудолюбием, силой личности и в целом позитивно окрашено — внушает доверие, умница, мне нравится.

Максимально положительную оценку по этому фактору (рис. 53) получили телеведущие Бовин, Зорин, Рязанов, Дроздов. В целом все ведущие ЦТ получили по этому фактору достаточно высокие оценки.

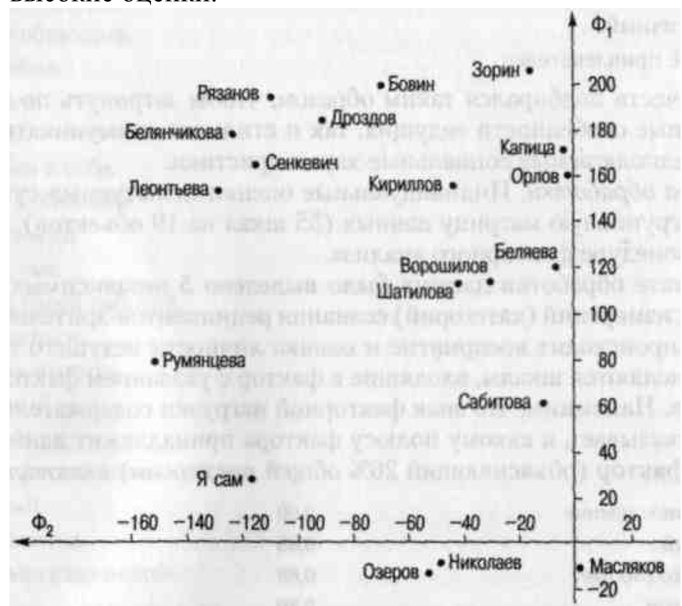

Рис. 53. Семантическое пространство образов телеведущих (Ф1, **Ф2) Второй фактор** описывал 18% общей дисперсии и включал шкалы:

честолюбивый 0,88
любит деньги 0,76
самоуверенный 0,76
претенциозный 0,74
в своей жизни оторван от проблем обычного человека 0,73
себе на уме 0,68
много зарабатывает 0,54
богемный 0,54 в оппозиции к качествам:
добрый -0,87

прост в обращении -0,80
хороший человек -0,67
домашний -0,64
обшается с собеседником на равных -0,63
в своей жизни сталкивается с проблемами обычного человека -0,61
мне нравится -0,52

Исходя из содержания шкал, фактор был назван фактором «Дистантность <-> Контактность», или «Холодность <-» Теплота в общении». По-видимому, высокие оценки по фактору «Контактность» подразумевают возможность сопереживания и идентификации с личностью телеведущих. Так, позиция «я сам» имеет высокую нагрузку по этому измерению наряду с образами телеведущих Румянцевой, Леонтьевой, Белянчиковой, Сенкевича, Рязанова, Дроздова (рис. 53).

Третий фактор (11% общей дисперсии) образован шкалами:

современный	0,88
любит противоположный пол	0,83
ироничен	0,73
молодой	0,70
в оппозиции к качествам:	
несколько старомоден	-0,83
без чувства юмора	-0,72
скромный	-0,67

Третий фактор был назван нами по имени шкалы, в которой он имеет наибольшую нагрузку, —

«Современный», и обозначен как фактор «Современность <-» Традиционализм». Если первые два фактора «Интеллигентность» и «Контактность» положительно коррелируют с оценкой «мне нравится», «хороший человек» и тому подобными положительными характеристиками, то фактор «Современность «-» Традиционализм» оценочно нейтрален, и популярный, любимый телеведущий в зависимости от его облика мог получить высокую оценку как на одном, так и на другом полюсе.

Наиболее традициональными оказались Озеров, Капица, Бовин, а наиболее современными — Сабитова, Николаев, Масляков, Ворошилов, а также, что естественно для студенческой выборки, позиция «я сам» (рис. 54).

Четвертый фактор (11% общей дисперсии) включает шкалы:

популярный	0,90
находчивый	0,79
•много зарабатывает	0,52
не прочь выпить	0,52
в оппозиции к качеству:	
одинокий	-0,66

Этот фактор можно назвать фактором «Преуспевание». Наиболее преуспевающими оказались мужчины: Масляков, Николаев, Ворошилов, а менее преуспевающими женщины: Белянчикова и Шатилова. Возможно, что результаты обусловлены не только собственным имиджем ведущих, но и частично обусловлены

характером телепередач, которые они представляют, музыкально-развлекательные у мужчин и информационно-просветительские у женщин (рис. 54).

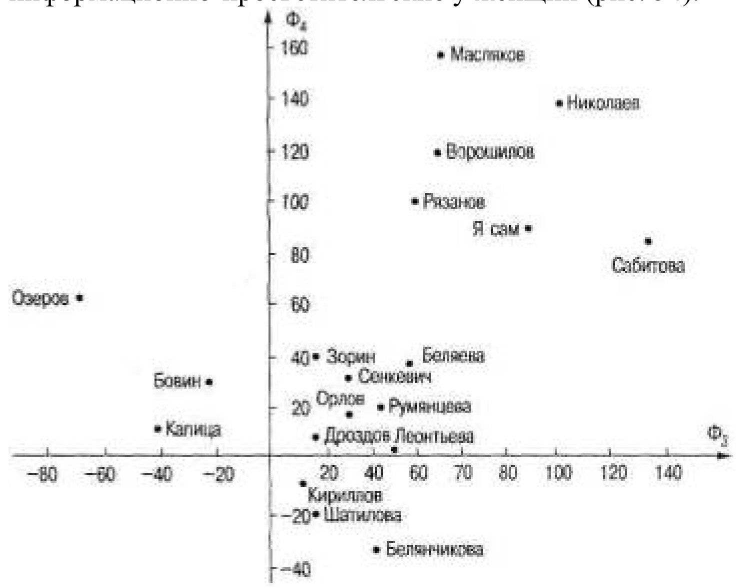

Рис. 54. Семантическое пространство образов телеведущих ($Ф_3$, $Ф_4$) **Пятый фактор** (10% общей дисперсии) образован шкалами:

внешне привлекателен	0,73
сексуально привлекателен	0,73
современный	0,67
молодой	0,64
любит противоположный пол	0,63
артистичный	0,58
в оппозиции к качествам:	
несколько старомоден	-0,71
скромный	-0,52

Этот фактор был назван фактором «Молодость», или «Сексуальная привлекательность». Полярными по этому фактору оказались позиции «я сам» (что легко объяснимо, если вспомнить то, что нашими испытуемыми были студенты), а также Сабитова, Николаев, Румянцева. Немолодыми и несколько старомодными (но отнюдь не непривлекательными) в глазах молодежной аудитории были Рязанов, Капица и Зорин (рис. 55).

Как видим из размещения персоналий телеведущих в семантическом пространстве,

«проигрывающие» по одному фактору ведущие компенсируют это с лихвой по другим факторам, и вряд ли можно выделить некий «идеальный» образ. Идеальным собеседником скорее является живой неповторимый человек, яркая индивидуальность которого транслируется средствами массовой коммуникации, обеспечивая «роскошь человеческого общения».

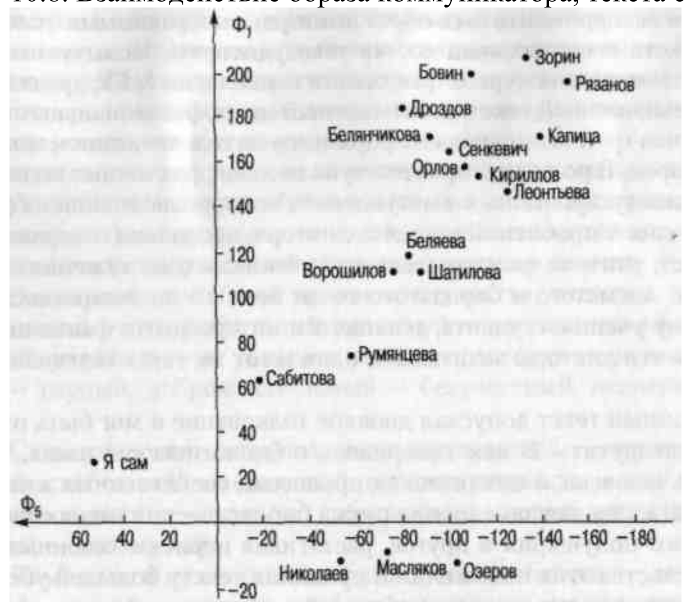

Рис. 55. Семантическое пространство образов телеведущих (Ф,, $Ф_5$)

10.8. Взаимодействие образа коммуникатора, текста сообщения и социально-психологических особенностей аудитории в процессе массовой коммуникации

Следует отметить, что восприятие коммуникатора довольно часто становилось предметом социологического и социально-психологического анализа. Так, ряд работ был посвящен исследованию проблем, связанных с изучением его отдельных особенностей и функций: престижности (Русс, 1976), роли (Семенова, 1971), статуса (Bettinghaus, 1968), компетентности (Berlo, Lemert, Mertz, 1966; Hovland, Janis, 1959), внешних данных (Sanders, Pritchett, 1971), пола (Whittanker, 1976) и т. п. Задача психологического изучения «ТВ-стиля» состоит в анализе целостного процесса восприятия человека на экране как особого типа межличностного восприятия (см.: Бодалев, 1983).

Методом построения субъективных семантических пространств нами совместно с аспиранткой Е. Е. Прониной исследовалось влияние образа личности диктора на отношение к тексту передачи в первом эксперименте, влияние содержания текста на отношение к личности диктора — во втором и в третьем — влияние социального состава аудитории на восприятие личности коммуникатора и текста сообщения, что в совокупности давало материал для осмысления проблемы восприятия человека на телеэкране.

Эксперимент 1. Исследовалось влияние образа личности коммуникатора, возникающего у телезрителей, на их отношение к тексту сообщения. Варьируемой

переменной в эксперименте был образ диктора, а постоянными условиями — содержание текста и социальный состав телеаудитории. Испытуемым, которыми были студенты младших курсов факультета психологии МГУ, предъявлялся один и тот же телевизионный текст, зачитываемый непрофессиональными дикторами. Каждая учебная группа получала информацию на телевизионном мониторе от одного из дикторов. В роли дикторов выступали люди, различные по возрасту, полу профессии, опыту публичных выступлений, воспроизводившие образы-типажи увлеченного своей проблемой ученого; диктора, несколько отстраненно зачитывающего текст; учителя, рассказывающего ученикам о достижениях науки; наивной девушки; лохматого и бородатого то ли йога, то ли экстрасенса, приоткрывающего тайну учения; студента, делящегося интересными фактами с товарищами, и т. д. Все эти дикторы зачитывали один и тот же текст телевизионного сообщения.

Телевизионный текст допускал двоякое толкование и мог быть отнесен к разделу «биологи

шутят». В нем говорилось о биологических часах, отмеряющих время жизни человека, о циклических процессах, свойственных живым организмам, и предлагалось для замедления ритма биологических часов совершать переезды из одного полушария в другое, растягивая периоды сезонных изменений. Для доказательства этих положений и придания тексту большей убедительности были приведены ссылки на опыт тибетской медицины и йоги.

Испытуемые просматривали «телевизионную» передачу, которая была выполнена в наиболее традиционном для телевидения жанре «выступления в кадре» и длилась несколько минут. После этого их просили оценить содержание телепередачи и личность коммуникатора с помощью двух специально подобранных наборов биполярных шкал семантического дифференциала.

Оценка отношения к тексту телевизионного сообщения включала шкалы: интересный — неинтересный, понятный — непонятный, имеет практическое значение — не имеет практического значения и т. д., позволявшие охарактеризовать увлекательность, убедительность, достоверность, практическую значимость сообщения.

Оценка личности коммуникатора включала шкалы: уверенный в себе — неуверенный, обаятельный — необаятельный, хорошо одет — плохо одет, вызывает к себе доверие — не вызывает доверия, эрудированный — неэрудированный, имеет высокий социальный статус — имеет низкий социальный статус и т. д., отражающие не только профессиональные качества коммуникатора, но и его социальный статус, внешнюю привлекательность, общительность.

По результатам оценок испытуемых были построены два семантических пространства, факторная структура которых отражает основания категоризации, использованные испытуемыми как при описании личности коммуникатора, так и при восприятии текста телевизионного сообщения.

Для семантического пространства, характеризующего восприятие текста, были выделены такие факторы-измерения, как занимательность, научность, достоверность, ясность, понятность изложения, степень специализации текста (рассчитан ли он на широкий круг интересующихся или ориентирован на узких специалистов), его практическая значимость.

Перечисленные измерения-факторы относительно независимы. Поэтому, исходя из полученных параметров восприятия текста, можно ожидать появления

оценок выступления как «увлекательного, понятного, но недостоверного» или «ясного и понятного», но «не имеющего практического значения». Интересным представляется выделение двух относительно самостоятельных измерений — научности и достоверности, показывающих принципиальную возможность оценки текста как «ненаучного, но достоверного» — и наоборот.

Для семантического пространства, характеризующего категориальную структуру восприятия личности диктора (коммуникатора), были выделены следующие измерения-факторы: фактор оценки, или общей привлекательности, силы личности, компетентности (в обсуждаемой области), эмоциональности.

Фактор «Оценка», или «Общая привлекательность», включал такие шкалы, как располагающий — отталкивающий, красивый — некрасивый, обаятельный — необаятельный, увлекает — не увлекает, вызывает доверие — не вызывает доверия, умный — глупый, доброжелательный — безучастный, искренний — неискренний.

Фактор «Сила личности» включал шкалы: уверенный — неуверенный, смелый — робкий, свободный — скованный, сильная личность — слабая личность, имеет собственное мнение — не имеет собственного мнения, активный — пассивный, открытый — замкнутый.

Фактор «Компетентность»: специалист в данной области — не специалист, компетентный — некомпетентный, глубоко верит в то, что говорит — не верит в то, что говорит, искренний — неискренний, убеждающий — неубеждающий, вызывает доверие — не вызывает доверия, творческий — нетворческий, заинтересованный — безразличный.

Фактор «Эмоциональность»: восторженный — сдержанный, патетичный — трезвый, эмоциональный — рациональный, суетливый — степенный, фамильярный — корректный, доброжелательный — безучастный.

Фактор «Социальный статус» включал шкалы: имеет высокий социальный статус — имеет низкий социальный статус, имеет широкий круг интересов — имеет узкий круг интересов, хорошо одет — плохо одет, хорошо зарабатывает — мало зарабатывает, сильная личность — слабая личность.

Фактор «Ироничность», выражающий, в частности, отношение диктора к тексту сообщения, имел шкалы: ироничный — прямой, с чувством юмора — без чувства юмора, фамильярный — корректный, верит в то, что говорит — не верит в то, что говорит.

Объединение на первый взгляд разнородных шкал в фактор не должно вызывать недоумения.

Например, в фактор, названный «Социальный статус», вошли такие качества, как разносторонний, эрудированный, хорошо одет, сильная личность и т. п. Подчеркнем, что и количество выделяемых измерений факторов и характер группировки шкал не задавались экспериментаторами, а определялись на основании статистических связей шкал по оценкам испытуемых. Поэтому «склейки» шкал в такие обобщенные измерения обусловлены тем чувством субъективного сходства и различия, которое присуще самим испытуемым. Относительная свобода экспериментатора в интерпретации полученных результатов выражается только в тех названиях, которые он присваивает выделенным факторам. Но и здесь имеются определенные правила: фактор получает название по смысловому инварианту содержания входящих в него шкал или по наименованию шкалы, дающей наибольший вклад в выделенный фактор. Ряд шкал входит сразу в два

фактора. Например, шкала «сильная личность — слабая личность» входит в фактор силы личности и в фактор социального статуса. Тем не менее за счет других шкал, входящих в группу, содержание факторов отражает достаточно независимые линии измерения, так что некий диктор может быть оценен как сильная личность с низким социальным статусом.

Размещение в семантическом пространстве образов различных дикторов, ведущих передач, комментаторов позволяет выяснить отношение к ним зрителей построить их типологию в рамках восприятия телезрителями. Можно отметить что среднегрупповые оценки дикторов различаются сильнее, чем оценки текста. Наибольшие различия оценок текста испытуемыми по группам относятся к факторам научности и достоверности. По параметрам «занимательность» и «ясность» испытуемые были наиболее единодушны, оценив телесообщение как достаточно интересное и понятное. Наибольший разброс оценок личности диктора связан с факторами «Ироничность» и «Сила личности». Можно предположить, что отношение диктора к тексту сообщения оказывало существенное влияние на формирование его образа в глазах аудитории.

Вычисление попарных коэффициентов корреляции каждого фактора оценки текста с каждым фактором оценки образа диктора позволяло проанализировать взаимосвязи отношений зрителя к тексту и к диктору. Оказалось, что оценка диктора как ироничного отрицательно коррелирует со степенью достоверности, научности и практической значимости текста (коэффициенты корреляции соответственно -0,52; -0,64; -0,71). Любопытно, что высокая оценка социального статуса диктора связана с оценкой текста как интересного (0,63), имеющего практическую значимость (0,33), но не коррелирует со степенью научности текста. Воспринимаемая компетентность диктора связывается с практической ценностью (0,48), увлекательностью (0,43), научностью (0,42) и специальностью (0,66) текста. Высокая эмоциональность диктора мешает восприятию текста, который начинает оцениваться как недостоверный (-0,56), малоинтересный (-0,47). Интересно отметить также, что оценка текста как научного и достоверного имеет отрицательную корреляцию с оценкой силы и уверенности личности диктора (-0,52 и -0,64 соответственно). Так, например, наиболее высокие оценки научности и достоверности текста получены в группе, где диктором была молодая девушка, которая впервые выступала в этой роли, очень волновалась и, как выяснилось, вполне верила в достоверность зачитываемого ею сообщения. Высокая оценка текста как научного была получена в группе, где в роли диктора выступал профессиональный педагог — преподаватель вуза, воспринимавшийся зрителями как компетентный специалист. Таким образом, уверенная и независимая манера держаться, как выяснилось, сама по себе не увеличивает авторитетность сообщения, если не связывается с такими качествами, как компетентность и искренность.

Как справедливо полагает ряд авторов, сообщение и его текст не равны друг ДРУгу (Попов, 1982; Хараш, 1980). Помимо чисто вербального текста, по каналам невербальной коммуникации посредством позы, мимики, жеста и общей манеры держаться диктор сознательно или неосознанно передает свое отношение к тексту сообщения, выражает свою заинтересованность, степень приятия его. Для получателя сообщения — телезрителя — отношение к тексту опосредовано отношением к источнику информации. Пропорционально степени приписываемого диктору авторства телезритель воспринимает сообщаемые ему факты с той или иной

поправкой на личность коммуникатора, его авторитетность, искренность, привлекательность. На содержание текста как бы распространяется ореол личности коммуникатора. В то же время можно предположить, что это влияние взаимно и, в зависимости от характера и содержания текста сообщения, меняется восприятие личности коммуникатора реципиентом. На проверку этой

гипотезы был направлен второй эксперимент.

Эксперимент 2'. Во втором эксперименте ставилась задача, в некотором смысле противоположная задаче первого эксперимента: исследовать влияние содержания текста сообщения на формирование образа личности коммуникатора у телезрителей. Эксперимент строился по схеме: один коммуникатор — разные по содержанию тексты — однородная по социальному составу и возрасту выборка испытуемых. В роли диктора выступала обаятельная женщина средних лет, архитектор по профессии. Ею было прочитано 5 различных текстов, относящихся к морской тематике: политический текст, освещающий международные события, связанные с морским правом; научный текст по океанологии; фрагмент лирической прозы о море В. Конецкого; стихотворение А. С. Пушкина; юмористический текст И. Ильфа и Е. Петрова. Выступления диктора длительностью в несколько минут записывались на видеомагнитофон «Кадр» и предъявлялись испытуемым по одному в каждой группе.

Испытуемыми, как и в первом эксперименте, являлись студенты младших курсов факультета психологии МГУ. Таким образом, выборки испытуемых в первом и втором экспериментах были однородными по социальному и возрастному составу.

Испытуемые просматривали телесюжет, а затем их просили выразить свое отношение к тексту и к личности коммуникатора с помощью двух наборов однополюсных шкал семантического дифференциала. Ниже предлагается описание семантического пространства, характеризующего категориальную структуру межличностного восприятия диктора. В результате математической обработки оценок испытуемыми образа личности диктора (5 объектов по 75 шкалам) было выделено четыре достаточно независимых фактора.

Первый фактор (41,8% вклада в общую дисперсию) включал шкалы: интеллигентный, имеет свое мнение, хорошо образован, увлечен своей работой, сильная личность, говорит понятно и доходчиво, любит и понимает искусство, специалист в своей области, внушает доверие, мне нравится — на одном полюсе фактора и шкалы: несколько поверхностен, демагог, неудачник, без чувства юмора, любит деньги, холодный — на другом полюсе. Налицо явный оценочный фактор, включающий «склейку» как личностных, так и коммуникативных качеств диктора.

Отметим, что в перечень качеств, имеющих максимальную положительную оценку для испытуемых-студентов, входят такие качества, как интеллигентность, наличие собственного мнения.

Второй фактор (23,6%), интерпретированный нами как контактность, включал качества: общается с собеседником на равных, прост в общении, хороший человек, внешне привлекателен, с одной стороны, и претенциозный, честолюбивый, не уверен в себе, скромный — с другой.

В проведении эксперимента принимали участие студенты А. В. Грачева и Л. Е. Мун.

Третий фактор (18%), интерпретированный как социальный статус диктора, включал шкалы: современный, имеет высокое социальное положение, много зарабатывает, несколько старомоден, элитарный, одинокий — на одном полюсе и шкалы: домашний, общительный, осторожный в суждениях и оценках — ца другом.

Представляют психологический интерес взаимосвязь высокого социального статуса и одиночества, а также сочетание на одном полюсе фактора таких качеств как современность и некоторая старомодность, у людей, имеющих высокий социальный статус. Последнее лишний раз подтверждает наши рассуждения о достаточной независимости измерений, образующих антонимичные пары, об окказиональном характере антонимии и синонимии личностных качеств, которые в свою очередь обусловлены и опытом испытуемых, и (для семантического пространства малой размерности по объектам описания) особенностями объектов описания.

Четвертый фактор (16%) включал качества: уверенный, рядом с этим человеком чувствуешь себя надежно, независимый, добрый, ничто человеческое ему не чуждо, себе на уме, хороший семьянин — на одном полюсе фактора и характеристики: слишком много говорит, ироничен — на другом полюсе. Интерпретация этого фактора в силу разнородности входящих в него качеств затруднительна, и мы условно определили его как фактор «Уверенность в себе, обстоятельность».

На рисунках 56 и 57 дается размещение в семантическом пространстве образов личности коммуникатора, формирующихся у телезрителей-испытуемых в зависимости от содержания текста, зачитываемого коммуникатором.

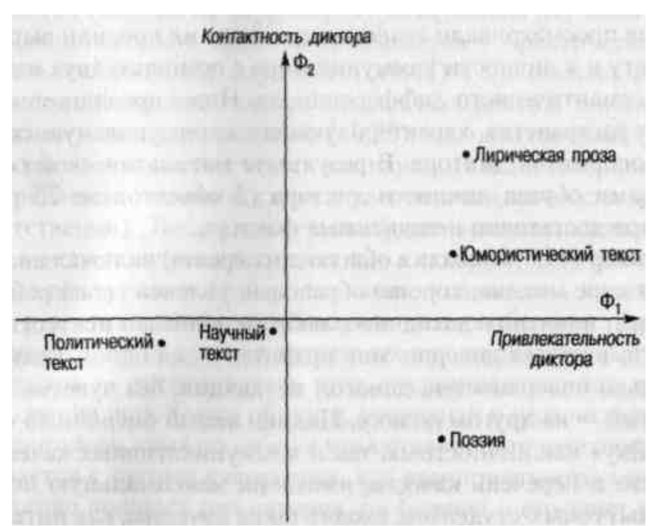

Рис. 56. Оценка образа диктора в зависимости от содержания зачитываемого им текста в семантическом пространстве личностных черт ($Ф_,$, $Ф_2$)

Как видно из рисунков, образ личности коммуникатора, возникающий у реципиентов, флуктуирует в зависимости от характера телевизионного сообщения. Так, наиболее привлекательный образ диктора сформировался у телезрителей при чтении им художественных текстов. Социальный статус диктора восприни-

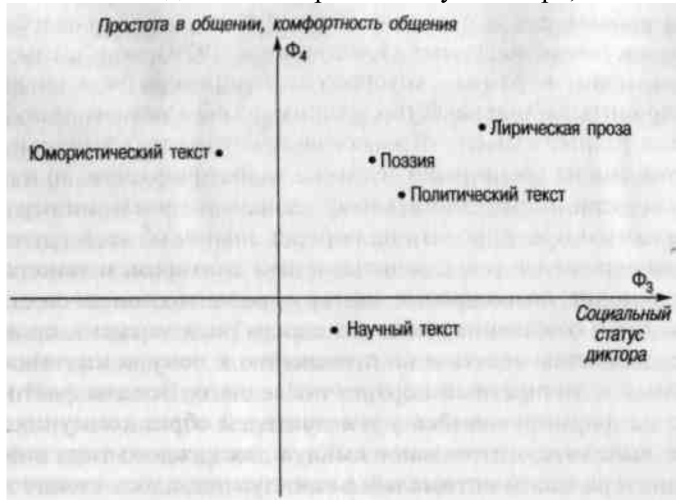

Рис. 57. Оценка образа диктора в зависимости от содержания зачитываемого им текста в семантическом пространстве личностных черт (Фз, $Ф_4$)

мается высоким при прочтении всех типов текстов, но падает при юмористическом. Очевидно, великий демократ-юмор делает облик рассказчика более доступным, более простым.

Диктор воспринималась уверенной в себе, обстоятельной при чтении художественных и политических текстов и менее уверенной при чтении научного текста.

Налицо, таким образом, явная зависимость формируемого у реципиентов образа личности диктора от характера и содержания сообщения. Но можно ли полагать, что содержание текста однозначно детерминирует отношение реципиентов к коммуникатору и выделенная зависимость будет выполняться и для образа политического обозревателя, читающего лирическое стихотворение и собственно политический текст? Отчасти, наверное, это так. Не случайно телевидение США, Франции для увеличения популярности своих телекомментаторов показывает их в домашнем кругу, занимающихся спортом и т. п. Доверительность к информации, исходящей от человека, «такого же, как и все», увеличивается. Но очевидно, что эти зависимости сложнее и «домашние зарисовки» только создают контекст для лучшего восприятия политического обозревателя в его собственно профессиональной роли. Его неловкость в роли футболиста или непосредственность в семейном кругу подчеркивают собранность и компетентность при выполнении основной работы.

На формирующийся образ человека влияет как его внешний облик, так и то, что он прямо или косвенно сообщает о себе (например, зачитывая тот или иной по содержанию текст), или то, что о нем сообщают другие. В работах А. А. Бодалева описывалось, как «вербальный ярлык», данный

экспериментатором фотографическому портрету пожилого мужчины, меняет его восприятие у испытуемых. При определении экспериментатором человека, запечатленного на фотопортрете, как «ученого», испытуемые отмечали доброту, проницательность взгляда, целеустремленность; при определении «вор-рецидивист» тот же взгляд описывается как жесткий и холодный. И дело, очевидно, не только во внушаемости испытуемых,

хотя имеются работы, доказывающие связь эффективности воздействия «ярлыка» с конформностью испытуемых (Кондратьева, 1979), но и в том, что «ярлык» определяет контекст, в рамках которого интерпретируются внешние данные и визуально прочитываемое качество, например *собранность,* приобретает в разных контекстах разный смысл. «Ярлык» не просто задает эмоциональную установку испытуемому на восприятие человека на фотопортрете, но и позволяет отнести его к тому или иному социальному слою, к тому или иному личностному типажу и тем самым проецировать на портрет знания об этой группе людей.

В нашем эксперименте текст, зачитываемый диктором, можно рассматривать не только как условие, позволяющее диктору проявить свои личностные качества и свое отношение к сообщению, но и как своего рода «ярлык», ориентир, позволяющий по содержанию текста и по отношению к нему коммуникатора определить социальный и личностный портрет последнего. Все эти факторы, по-видимому, влияют на формирующийся у телезрителей образ коммуникатора, и, очевидно, можно выделить оптимальное амплуа для каждого типа коммуникатора. Для нашего диктора таким оптимальным амплуа оказалось чтение художественных текстов. Однако один и тот же коммуникатор, читающий один и тот же текст, может восприниматься адекватно в одной социальной среде и вызывать антипатию в другой. Оптимальное амплуа коммуникатора является, по-видимому, функцией трех переменных (особенностей его личности, содержания текста и социального состава аудитории).

Восприятие человека на телеэкране, как и межличностное восприятие, опосредовано социальными эталонами и стереотипами. Воспринимая некоего человека, телезритель относит его к той или иной социальной группе, типу личности и затем приписывает ему качества и особенности, присущие, по его представлению, этой личности. Таким образом, исследование восприятия личности диктора или ведущего в качестве особого случая межличностного восприятия в процессе телекоммуникации оказывается частью глубокой проблемы психологической типажное™ и требует изучения структуры эталонов и устойчивых представлений в рамках обыденного, житейского сознания. Дело в том, что стереотипы и эталоны межличностного оценивания, присущие человеку как представителю той или иной социальной группы, в значительной степени определяют приятие или неприятие телезрителями тех или иных ведущих, возможность идентификации с ними, а следовательно, и отношение к передаваемой информации.

Эксперимент 3. В задачу входило выделение специфики категориальной структуры межличностного восприятия телезрителей, обусловленной их социальной (профессиональной) принадлежностью. Эксперимент строился по схеме: один текст — один коммуникатор — разные по социальному составу группы испытуемых. В качестве испытуемых привлекались представители следующих социальных групп: школьники старших классов, учащиеся ПТУ, учащиеся медучилища, студенты младшего курса одного из технических вузов, молодые рабочие (г. Москва).

В качестве телевизионного сообщения использовался фрагмент программы «Время», посвященный эпопее спасения челюскинцев. В роли ведущего выступал известный летчик-испытатель, Герой Советского Союза Г. Ф. Байдуков, рассказ которого сопровождался уникальными кадрами кинохроники.

По окончании просмотра телепередачи испытуемых просили выразить с помощью набора шкал свое отношение к телесюжету в целом и к личности ведущего.

Полученные матрицы оценок подвергались процедуре факторного анализа для всей выборки испытуемых (с целью сопоставления с результатами первого эксперимента) и для каждой профессиональной группы испытуемых раздельно (с целью выделения специфики межличностного восприятия, обусловленной социальной принадлежностью испытуемых).

Содержание факторов, выделенных в результате обработки общегрупповых матриц, в целом соответствует основаниям категоризации, полученным в первом эксперименте. Это свидетельствует о достаточной устойчивости факторной структуры межличностного восприятия, обнаруживаемой в процессе телекоммуникации. Однако есть некоторые различия, которые, по-

видимому, связаны с условиями экспериментальной ситуации. Так, фактор компетентности в структуре восприятия коммуникатора первого эксперимента, фактически эквивалентный фактору экспертности Ховланда и др. (см.: Hovland, Janis, Kelly, 1953) и относящийся к степени информированности ведущего, в третьем эксперименте за счет перераспределения факторных нагрузок и добавления некоторых специфических для профессии летчика шкал превращается в фактор профессионализма, характеризующий коммуникатора как профессионала в своей области.

Изменение значения фактора свидетельствует о смене модели восприятия, вследствие чего в центре внимания зрителей оказывается не предмет сообщения, как в первом случае, а личность коммуникатора. В рамках новой модели восприятия возникает дифференциация личностных качеств и коммуникативных навыков выступающего. Так, фактор уверенности, силы личности, выделенный в первом эксперименте, в третьем разделился на два относительно независимых фактора, один из которых характеризует стиль жизни личности — «свободный», «смелый», «яркий» и т. д., а другой — коммуникативный стиль поведения — «уверенный», «имеет собственное мнение», «убеждающий», и др. Такая дифференциация говорит о том, что в третьем эксперименте произошло значительное расширение рамок межличностного восприятия по сравнению с первым экспериментом, где коммуникатор оценивается только как посредник в передаче информации. Таким образом, особенности передачи, связанные с функциональной ролью человека на экране (дикторское или авторское сообщение), непосредственно влияют на структуру семантического пространства восприятия. Не менее важное значение в условиях восприятия одного коммуникатора имеют индивидуальные особенности выступающего. Так, было выделено новое измерение — солидность, респектабельность, отражающее то своеобразное отношение, которое возникает между молодежной аудиторией и героем-ветераном.

Сходство факторных структур первого и третьего экспериментов свидетельствует о наличии относительно устойчивых категорий, опосредующих восприятие телепередачи. Вместе с тем при соответствующей организации эксперимента появляется возможность исследовать типологические особенности передачи, а также индивидуально-специфические черты коммуникатора. Последующий сопоставительный анализ результатов факторизации каждой группы в отдельности был направлен на выделение стереотипов (эталонов) межличностного восприятия, выявляющихся в системе базовых категорий, свойственных различным типам аудитории. Наиболее удобным способом определения внутригрупповых особенностей восприятия оказалось сопоставление наборов субъективно значимых шкал для каждой группы. Показателем субъективной значимости шкалы по аналогии с субъективной значимостью фактора может служить ее дифференциру-

ющая сила, определяемая как вклад шкалы в суммарную дисперсию базисных факторов, или общность шкалы. Математически общность представляет собой сумму квадратов проекций данной шкалы на оси факторов и изменяется от 0 до \ (см.: Иберла, 1980). Чем выше общность шкалы, тем лучше она описывается базисными факторами. Таким образом, высокая общность шкалы свидетельствует о субъективной значимости стоящего за ней качества, так как показывает, что содержание этого качества достаточно полно описывается ведущими, базисными факторами.

По результатам факторного анализа матриц оценки текста и личности коммуникатора для каждой группы были определены наиболее значимые шкалы, которые рассматривались как отражение специфического паттерна восприятия группы и как система ожиданий по отношению к коммуникатору или тексту сообщения. Так, например, для группы школьников наиболее значимыми, имеющими большую общность оказались такие шкалы, как «заинтересованный — безразличный», «верит в то, что говорит — не верит в то, что говорит», «убеждающий — неубеждающий», «искренний — неискренний», «дружеский — высокомерный», «располагающий — отталкивающий», «умный — глупый», «компетентный — некомпетентный», «специалист в данной области — не специалист». Выделенные шкалы характеризуют коммуникативный стиль выступающего, его расположенность к аудитории. По-видимому, школьники усматривают в коммуникаторе прежде всего авторитетное лицо, перенося на него комплекс представлений о хорошем учителе как старшем, компетентном и искреннем человеке, которому можно доверять и который охотно делится своим богатым опытом. Среднегрупповые оценки по выделенным шкалам очень высоки, на основании чего можно заключить, что образ коммуникатора вполне соответствовал ожиданиям (категориальным установкам) школьников.

Для сравнения: в группе учащихся медучилища наиболее значимыми оказались шкалы: «дружественный—высокомерный», «хорошо одет—плохо одет», «умный—глупый», «красивый—

некрасивый», «вызывает доверие—не вызывает доверия», «современный—несовременный», «располагающий—отталкивающий». Насколько можно судить по значимым шкалам, оценка коммуникатора определялась в большей степени его внешней привлекательностью («красивый», «хорошо одет», «располагающий»), современностью и дружеским стилем общения, акцентировка которых объясняется, вероятно, тем, что группа учащихся медучилища состояла в основном из девушек. Эти качества формируют образ значимого другого, популярной личности, идеала. Поскольку оценки по этим шкалам невысоки, а по шкалам «современный», «хорошо одет», «дружеский» даже наиболее низкие, можно заключить, что коммуникатор не отвечал эталону.

Анализ значимых шкал позволил реконструировать для каждой группы эталонный образ предпочитаемого, «идеального» коммуникатора, в соответствии с которым воспринимается и оценивается конкретный герой, диктор или ведущий передачи. Вероятно, параллельно существует несколько эталонов в зависимости от жанра передачи (учебная, музыкальная, научно-популярная и т. д.) и от функциональной роли коммуникатора (диктор, комментатор, центральный герой или эпизодическое лицо и т. д.). В контексте нашего эксперимента и на той социальной модели аудитории, которой мы располагали, удалось выявить следующие типы ведущего, соответствующие ожиданиям различных групп зрителей: для школьников предпочитаемым коммуникатором является учитель, для учащихся

ПТУ — вожак, для студентов медучилища — идеал, для студентов вуза — профессионал, для молодых рабочих — командир. Для краткости и наглядности мы использовали несколько условные определения, основная функция которых — выделить наиболее характерные черты в структуре восприятия каждой группы.

Анализ восприятия текста сообщения, проведенный по той же схеме, позволил выяснить основные требования, выдвигаемые аудиторией по отношению к передаваемой информации. Так, для школьников определяющее значение при оценке текста имеет убедительность сообщения, для учащихся ПТУ — увлекательность, для студентов медучилища — практичность, для студентов вуза — информативность («рассчитан на специалистов»), для рабочих — проблемность.

Анализ среднегрупповых оценок текста показал, что удовлетворенность коммуникатором сопровождается и высокими оценками текста сообщения по значимым шкалам. При этом приятие или неприятие коммуникатора и отношение к передаваемой им информации зависят от того, насколько хорошо данный коммуникатор соответствует «идеальному» образу в представлении аудитории.

Наше исследование подтвердило гипотезу о взаимосвязи образа личности коммуникатора — того, как его воспринимает реципиент, и отношения реципиента к тексту сообщения. Причем эта связь оказалась многомерной.

Оно показало также, что телевизионное восприятие, опосредованное техническими средствами связи, по психологическому содержанию тяготеет к межличностному восприятию. М. М. Бахтин полагал, что восприятие художественного текста всегда диадично и за текстом читатель реконструирует личную позицию писателя, его духовный мир, его миропонимание и систему ценностей (Бахтин, 1979, 1990). Тем более это справедливо для телевизионной коммуникации, где визуальное присутствие коммуникатора, крупные и средние планы, позволяющие детально анализировать облик коммуникатора, допускающие общение «глаза в глаза», усиливают эту «личностную» образующую текста.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что психологическая структура телекоммуникации, в основе которой лежит открытый диалогический контакт телезрителя с телегероем, сохраняет субъект-субъектное отношение реципиента к коммуникатору, что выражается в стремлении отнести телевизионный персонаж к тому или иному типу реальных партнеров общения. Массовая коммуникация становится для современного человека продолжением естественных контактов, воспроизводя структуру межличностного общения. Отсюда вытекает важное практическое следствие, заключающееся в том, что успешность телевизионного воздействия требует создания условий, необходимых для раскрытия личностных качеств коммуникатора, преодоления его функциональной роли — рупора некоторых идей — и превращения в личностно значимого для нас собеседника, способного не только преподнести некую информацию, но и обогатить ее своим отношением. Эталонные образы коммуникаторов, выделенные в ходе психосемантического эксперимента, можно практически использовать при подборе обучении и повседневной работе ведущих телевизионных циклов, а также разра ботке способов изображения героев телепередач.

Данное исследование, основанное на выделении корреляционных связей, свидетельствует о влиянии образа личности коммуникатора, формирующегося у реципиента, на его отношение к передаваемому коммуникатором сообщению (верно и обратное отношение), однако не раскрывает психологические механизмы такого взаимодействия. Относительно этих механизмов можно высказать ряд ги-

1

потез, задающих «зону ближайшего развития» модельных представлений в этой области.

Получая определенную информацию, реципиент не воспринимает ее как некоторую безусловную достоверность, как набор фактов, которые необходимо принять к сведению и запомнить, а пытается осмыслить ее в контексте мотивов и целей, которые реализует говорящий, понять, что эти факты значат для самого говорящего, другими словами, оценить эту информацию в той модели миропонимания, которую он приписывает личности коммуникатора. В наиболее явном варианте это проявляется в общении с ребенком, с представителем иной культуры или, например, в общении психиатра и психотерапевта с пациентом. В данных примерах педагог, исследователь или врач реконструируют (сознательно или неосознанно) систему категорий индивидуального сознания коммуникатора и пытаются понять сообщение в системе миропонимания самого коммуникатора. Наряду с собственной «имплицитной теорией личности» и «имплицитной теорией миропонимания» исследователь, как, впрочем, и любой человек, вынужденный в общении выступать в роли житейского психолога, обладает набором «имплицитных теорий», «мировоззренческих картин», присущих, по его мнению, определенному кругу людей, объединяемых им в некоторые общности — типажи. Реципиент, относя другого человека к той или иной социальной общности, к тому или иному «личностному типажу» в рамках своей типологии обыденного сознания, приписывает (атрибутирует) этому человеку и определенную мировоззренческую картину. От количества этих мировоззренческих картин (атрибутируемых имплицитных картин мира) зависит когнитивная сложность межличностного восприятия и межличностного понимания, а от степени дифференцированности каждого отдельного образа-типажа и приписываемой ему имплицитной картины мира — когнитивная сложность атрибутированной типажности как мера проработанности атрибутируемой картины мира для данного человека — представителя некоторой социальной общности. Таким образом, наряду с собственной когнитивной сложностью человека в определенной содержательной области мы постулируем в качестве параметров его межличностного восприятия когнитивную широту в атрибутировании образов личностей и их миропонимания и когнитивную сложность атрибутированной типажности как степень понимания, овладения субъектом внутренним миром людей той или иной социальной общности, которая в рамках интимного общения может сужаться до одного конкретного человека.

Построение модели общения (в том числе и телевизионного) требует разработки типологии личности (типажности) обыденного сознания, в рамках которой происходит восприятие человека человеком, построения типологии «имплицитных теорий личности» и «моделей мира», которые атрибутируются тем или иным типажам представителями тех или иных социальных, национальных или профессиональных общностей или же представителями личностных типов (выделенных в рамках психологической науки). Наконец, необходимо исследование представлений о собственной личности, которые приписываются типажам, когда общение, в отличие от телевизионного, двустороннее.

Наряду с проблемами атрибутирования реципиентами коммуникаторам определенных «моделей мира» и отнесения их к тем или иным личностным типажам, для восприятия сообщаемой им информации весьма важными оказываются собственные смысловые установки реципиентов, опосредствованные их собственной «имплицитной теорией личности» и миропониманием. Так, наше исследование

особенностей восприятия личности коммуникатора и отношения к передаваемому им сообщению продемонстрировало различие акцентов в выделяемых характеристиках образа личности диктора и текста в зависимости от социальной и профессиональной принадлежности реципиентов.

Проблематика диалога, личностного общения в своей заостренной, экстерио-ризированной форме демонстрирует наличие множественности категориальных систем отсчета (семантических пространств), присущих субъекту как социальному существу и задействованных не только в ходе социального субъект-субъектного взаимодействия, но и в рамках диалогических форм сознания.

Субъект обладает не одним, пусть даже лабильным и порождаемым каждый раз заново в зависимости от стоящей перед ним задачи, семантическим пространством, а множеством взаимосвязанных и взаимопорождающих пространств, маркированных, помеченных «знаком собственности» не только личности субъекта — их носителя, но и множества более или менее значимых других. В теории персонализации А. В. Петровского и В. А. Петровского (1982) этот аспект выступает как исследование форм инобытия личности в других.
Эта проблематика «поворачивается» новой гранью в рамках психологии искусства при анализе воздействия художественного произведения. В одной из работ Ю. М. Лотман приводит пример воздействия художественного текста как кода, трансформирующего самосознание и мировоззрение личности: «Если читательнице Н. сообщают, что некая женщина по имени Анна Каренина в результате несчастной любви бросилась под поезд, и она вместо того, чтобы приобщить в своей памяти это сообщение к уже имеющимся, заключает: "Анна Каренина — это я" — и пересматривает свое понимание себя, свои отношения с некоторыми людьми, а иногда и свое поведение, то очевидно, что текст романа она использует не как сообщение, однотипное всем другим, а в качестве некоторого кода в процессе общения с самой собой» (1971. С. 238). Психологические феномены эмпатии и рефлексии как когнитивной эмпатии (М. М. Муканов) также имеют свою когнитивную представленность в форме взаимодействия семантических пространств.
Субъект может своими собственными психическими средствами (которые на операциональном языке описываются, в частности, в форме субъективных семантических пространств) моделировать мировосприятие и мировоззрение другого человека и при этом принимать или не принимать их. Более того, знакомое и понятное в деталях мировоззрение может быть ему глубоко чуждо и даже враждебно.
Возникают вопросы: почему одни знания остаются просто известными субъекту, а другие входят в плоть его «внутреннего Я»; как и какими средствами личной принадлежности «помечено» семантическое пространство моих знаний и убеждений, когда оно противостоит некой жизненной позиции, также мне известной и извлекаемой из моей же памяти, моего «банка данных»?
На наш взгляд, ответы на эти вопросы лежат в плоскости чрезвычайно интересной и совершенно неизученной психологией проблематики веры как особого психологического феномена, существующего не только в форме религиозного чувства, религиозной веры, но и пронизывающего всю систему убеждений и нравственных ценностей человека как духовного существа. Описание этого феномена на модельном языке психосемантики — актуальная, перспективная и чрезвычайно трудная задача, но «дорогу осилит идущий».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Психосемантический подход к восприятию искусства

Искусство является одной из ведущих форм «творческой эволюции» (А. Бергсон) человеческого духа. Вслед за понятием *ноосферы* (Э. Леруа, В. Вернадский) как фактора планетарной и космической эволюции, обусловливающей развитие человеческой цивилизации, Ю. Лотман вводит понятие *семиосферы,* где собственно возникают и формируются новые мысли, идеи, материализация которых направляет этот эволюционный процесс. Расширяющееся сознание человека находится на острие становящегося мира.
В. Налимов полагает, что познание мира, развитие идей осуществляется в движении от «мягких» (т. е. менее формализованных) языков, к которым относятся в первую очередь языки искусства, к «жестким» (более формализованным) языкам. Так, например, А. Эйнштейн отмечал, что «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (полифонический роман в терминах М. Бахтина) оказал огромное косвенное воздействие на становление принципа-идеи теории относительности. Напомним, что согласно идее полифонического произведения, ярким примером которого и является роман «Братья Карамазовы», каждый персонаж является полноправным голосом — выступает носителем своей жизненной правды, своей этической системы отсчета, т. е. своего, мы бы сказали, ментального пространства. От признания равноправности систем отсчета в мировосприятии и мировоззрении один шаг до принятия их относительности — как системы координат в описании психической (или физической реальности). Нильс Бор, увлекавшийся философией и искусством Востока, признавался, что принцип дополнительности был навеян ему серией картин «Сто.видов Фудзи» японского художника Кацусика Хокусая (1760-1849), на которых Фудзияма изображена с одной зрительной позиции, но при различном освещении: утреннем, дневном и вечернем.
Действительно, некая парадигмальная идея первоначально существует в форме эмоционального

образа той или иной, чаще зрительной, модальности, чувственной метафоры и лишь затем, конкретизуясь, структурируется в понятийную форму.

Глубинные, допонятийные формы категоризации обусловлены в первую очередь механизмами *синестезии.* Феномен синестезии заключается в том, что восприятие одной модальности осознается в категориях другой модальности. Например, в поэтических опытах В. Хлебникова предпринималась попытка описать цвет фонем, художник М. Чюрленис писал музыкальные сюиты и соответствующие им художественные композиции, которые также называл сюитами, А. Скря-

бин создавал цветомузыку, а картины П. Пикассо пронизаны графическим символизмом. В русском языке отражением феномена синестезии являются такие словосочетания, как «бархатный голос», «тоска зеленая», «кислая физиономия». Феномен символизма, как полагает крупнейший нейропсихолог А. Лурия, обусловлен такой функциональной организацией мозга, в которой информация одной модальности, например зрительная, поступает не только в соответствующие ей проекционные зоны мозга (17-ю и 18-ю зоны Бродмана), но по коллатера-$_{л}$ям аксонов распространяет эту стимуляцию в корреспондирующие ей зоны (слуховую, тактильную, зоны запаха и вкуса). Мозг стремится на основе восприятия одной модальности реконструировать целостный интермодальный мир, обеспечивая многомерность восприятия.

Американский психолог Лоуренс Маркс (Marks, 1975) рассматривает синестезию как допонятийную форму категоризации, на языке которой «говорит» метафора, аналогия, поэзия, сновидение и разнообразные формы искусства. Известный в психологии метод семантического дифференциала Ч. Осгуда возник как побочный продукт исследования кросс-модальных соответствий и взаимопереводов перцептивных качеств в рамках синестетических обобщений. Методическим инструментарием и одновременно формой репрезентации глубинных уровней категоризации (уровней синестетических обобщений) выступают субъективные семантические пространства, построенные с применением многомерной статистики (факторного, кластерного или латентного анализа).

Семантическое пространство — это система категорий, являющихся обобщением исходного языка описания (или, что то же самое в простейшем случае, — совокупности признаков описания). При геометрическом представлении семантических пространств категории-факторы выступают в роли координатных осей этого пространства, а анализируемые объекты фиксируются координатными точками или векторами в рамках этого пространства. Как показали исследования Ч. Осгуда и В. Петренко, сведение с помощью многомерной статистики множества признаков описания к обобщенным эмоционально насыщенным и имеющим, как правило, образный характер категориям, в психологическом плане соответствует переходу к глубинным уровням категоризации, которые обеспечивают установление смысловых связей объектов, относящихся на поверхностном уровне сознания к различным понятийным классам. Поясним эту мысль на примере. Что может быть общего между образом человека и скоплением водяных паров, на обыденном языке именуемых облаком? Вспомним стихотворение М. Ю. Лермонтова:

Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурного, цепью жемчужного Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники, С милого севера в сторону южную.

Проведенный анализ показал, что в рамках четырехфакторного семантического пространства «тучка небесная» и образ «странника» проецируются в одну точку семантического пространства, т. е. на уровне глубинных семантических структур, на языке которых «говорит» искусство (в нашем случае — поэзия), они выступают коннотативными синонимами, что и делает возможным метафорический перенос. Любой объект (в нашем случае — предмет искусства) может быть описан

на языке семантических пространств. Между произведениями различных фор$_{м}$ искусства может быть установлено синергетическое соответствие и метафорическая аналогия. В наших исследованиях (Петренко, 1982) было построено невербальное семантическое пространство, где методом «параллельной полярности» на материале рисунков М. Чюрлениса из серии «Времена года» выделялись смысловые оппозиции, а последующее применение факторного анализа позволило выделить глубинную семантическую структуру визуальных образов, которая на уровне глубинной семантики оказалась эквивалентной вербальной. Эти исследования позволяют говорить о синестезии как о некотором эмоционально и образно насыщенном и малоструктурированном глубинном языке смыслов, на который переводятся «поверхностные языки» различных искусств и

на котором, очевидно, зарождаются новые художественные идеи, которые впоследствии, при последовательной развертке (переводе) и обогащении на каждом уровне категоризации, отображаются в произведениях искусства того или иного вида (живописи, музыки, поэзии и т. д.).

Задача психосемантики (или теории личностных конструктов) как науки о формах и процессах категоризации — описание семантики и синтаксиса языка обобщений глубинного уровня категоризации, универсального языка искусства. Перифразируя известное изречение Гегеля «логика — деньги духа», в том смысле, что логика, как и деньги, выступает универсальным эквивалентом, можно было бы сказать, что «синестезия — деньги искусства».

Чем более эмоциональна, личностно значима область, подвергающаяся категоризации, осознанию, тем более категориальные структуры индивидуального сознания оказываются подверженными влиянию личностных смыслов, несущих в себе пристрастность субъекта. Такой субъективно значимой областью человеческой деятельности является, в частности, искусство. «Искусство как решение задачи на личностный смысл» (А. Н. Леонтьев) является сферой, позволяющей анализировать взаимосвязь отражения (систем значений, категориальных структур) и отношения (личностных смыслов) в их единстве.

В рамках искусствоведения вопрос о прогрессивной эволюции искусства часто воспринимается как неуместный. Принято считать, что скифская бронза или глиняная статуэтка культуры майя не могут рассматриваться как менее совершенный шедевр в сравнении со скульптурой Родена или картиной Матисса. Божественные звуки музыки Моцарта достигают вершин Олимпа, по крайней мере не в меньшей степени, чем музыка Шнитке. Однако смею предположить, что художественному гению Шнитке, как и нашим современникам, вполне понятна музыка Моцарта, но далеко не очевидно было бы обратное.

В эволюционной биологии А. С. Северцев (1987) ввел понятия «биологического прогресса», подразумевающего биологическое преуспевание вида (увеличение количества особей и ареала их расселения) и «морфофизиологического прогресса», связанного с прогрессирующим усложнением биологической организации вида.

Подобную мысль можно провести и относительно прогрессирующей эволюции искусства, где можно выделить творческую вершину шедевра (своеобразную амплитуду духа) и его расположение на временной оси «интерпретируемости» (аналог морфофизиологического прогресса), где «закон обратной силы не имеет», и движение искусства по оси времени увеличивает диапазон возможных интер-

претаций. В развитии художественной герменевтики, или герменевтики искусства, я вижу возможность введения вектора эволюции и прогресса в искусстве.

Как справедливо отмечает А. Долгий (Долгий, 2002), искусство направлено на «актуализацию личностного потенциала, обогащение экзистенциального опыта, увеличение накала посредством нового, волнующего и разнообразного». Искусство — ключ к иным «параллельным мирам». Один из ведущих теоретиков модальной логики Я. Хинтикка называет содержание, включающее пропозициональную установку, «возможными мирами». «Возможные миры» — это, по сути, состояния сознания субъекта, ориентированного на воспоминания или на представления будущего, погруженного в творческую фантазию или подверженного сомнениям.

На холмах Грузии лежит ночная мгла, Шумит Арагва предо мною, Мне грустно и легко, Печаль моя светла, Печаль моя полна тобою.

Стихи Пушкина, как «магический кристалл», трансформируют наше сознание: через ощущение мимолетности бытия ведут нас к переживанию вечности, трансцендентальное™; через единичное — любовь к земной женщине — к всеобщему, к единению с миром; через обостренное одиночество — к снятию субъект -ности, растворению «Я» в природе, в бытии.

Иное эмоциональное состояние, а соответственно иное чувство времени и пространства дают стихи В. Высоцкого:

Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам! Услышьте нас на суше — Наш SOS все глуше, глуше, — И ужас режет души Напополам...

В этом стихотворении Высоцкого, напротив, время свернуто в пульсирующую точку настоящего, предельно эмоционально насыщено и трагично предстоящей гибелью.

Каждое ментальное пространство задает собственный смысловой контекст, обладает уникальной эмоциональной окраской и диктует свои правила построения действий.

Проведенный нами вместе с К. Бердниковым (2000) анализ цветовых метафор в творчестве русских поэтов показал, что даже цветовая палитра романтического мира устойчиво иная, чем

цветовой спектр «обыденной действительности». Романтическая поэзия, создавая особый мир возвышенных чувств, активно использует красный, синий, черный, белый цвета и практически не употребляет, например, коричневый.

Искусство творит миры и создает новые реальности, но вход в эти миры доступен посвященному, знающему правила игры и способному понять замысел творца. Наша мысль сводится к тому, что анализ прагматики художественного произведения, его наличная «ценность» для современников обусловлена их возмож-

ностью и способностью понять эти произведения, что требует определенного развития художественных когниций, художественных конструктов, знания типовых сюжетов, обеспечивающих культурные реминисценции и аналогии. Художественный текст существует только как «текст в тексте» (Ю. Лотман, Вяч. Вс. Иванов) т. е. содержит в неявном виде множество заимствований, ассоциаций, скрытых цитат, перифраз, полилога его создателя с предшественниками. На «плечах гигантов» стоит не только наука, но и искусство. Степень же художественной грамотности населения варьируется не в меньшей степени, чем *IQ* (коэффициент интеллекта, характеризующий его логическую составляющую), да и врожденные особенности типа нервной системы влияют на восприимчивость или «толстокожесть» человека к восприятию искусства.

Совокупность творцов и «пользователей» искусства В. Кандинский метафорически описывает в виде равнобедренного треугольника, вершиною направленного вверх.. Параллельные основанию треугольника линии разбивают его на секции, в которых находятся люди одного уровня духовного развития. «Весь треугольник медленно, едва заметно движется вперед и вверх, и гам, где "сегодня" находился наивысший угол, "завтра" будет следующая часть, т. е. то, что сегодня понятно одной лишь вершине и что для всего остального треугольника является непонятным вздором, завтра станет для второй секции полным смысла и чувства содержанием жизни. На самой верхней секции иногда находится только один человек. Его радостное видение равнозначаще неизмеримой внутренней печали. И те, кто к нему ближе всего, его не понимают. Они возмущенно называют его мошенником или кандидатом в сумасшедший дом. Так, поруганный современниками, одиноко стоял на вершине Бетховен. Сколько понадобилось лет, прежде чем большая секция треугольника достигла вершины, где Бетховен когда-то стоял в одиночестве. И несмотря на все памятники, так ли уж много людей действительно поднялось на эту вершину?

Во всех частях треугольника можно найти представителей искусства. Каждый из них, кто может поднять взор за пределы своей секции, для своего окружения является пророком и помогает движению упрямой повозки. Но если он не обладает этим зорким глазом или пользуется им для низменных целей и поводов или закрывает глаза, он полностью понятен всем товарищам своей секции, и они чествуют его. Чем больше эта секция (т. е. чем ниже она находится), тем больше количество людей, которым понятна речь художника. Ясно, что каждая такая секция сознательно (или чаще несознательно) хочет соответствующего ему духовного хлеба. Этот хлеб дают ему художники, а завтра этого хлеба будет добиваться уже следующая секция» (Кандинский, 1992. С. 18).

Из этой визуальной модели движения искусства к вершинам духа следует, что когда «духовный хлеб» более низкого уровня становится пищей людей, пребывающих на более высоких уровнях развития, он становится для них ядом и ведет к падению, «сбрасывающим душу во все более и более низкие секции». Это предостережение В. Кандинского показывает пагубность потребления искусства «вообще», безотносительно к уровню духовного развития человека. Массовая культура, развлекая и обольщая человека, давая ему готовые штампы и стереотипы, пичкает его «духовной жвачкой», создающей иллюзию включенности в мир искусства, в мир высоких чувств. Одно из толкований известного библейского сюжета гласит: Адам и Ева были изгнаны из рая не потому, что попробовали запрет-

'. ный плод, а потому, что плод этот достался нашим прародителям без труда и усилий. Человек призван к сотворчеству в сотворении мира (яркий пример этому — искусство как поиск смысла бытия, как создание новых форм, новых альтернативных миров). Потребление без духовной работы («в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3, 19)) выступает формой «духовного онанизма»: получая гедонические «удовольствия», человек дезертирует от своего главного предназначения — созидания и развития своего духа, своего сознания, а через них — и осуществления своего вклада в «интегральное сознание».

11.1. Психосемантика искусства

Произведение искусства представляет собой задачу на личностный смысл, на понимание смысла бытия, выраженную языком образов и эмоций, поставленную перед собой творцом художественного произведения, решение которой рефлек-сируется самим автором посредством созданного им художественного текста и транслируется другим людям как продукт духовной работы по пониманию мироустройства, выполненной в рамках новой, отличной от стереотипной системы категоризации.

Согласно М. Бахтину (Бахтин, 1979а), художественное произведение (литературный, музыкальный или живописный текст) выступает посредником между сознанием (картиной мира) автора и сознанием (мировосприятием) реципиента (читателя, зрителя, слушателя произведения).

Эта трехкомпонентная структура подразумевает по крайней мере три возможных направления в психологии искусства, использующих различные методы психологической науки применительно к искусству как предмету исследования. Конечно, это деление крайне схематично и условно, так как психология искусства затрагивает множество проблем. Это и вопрос о художественных способностях, и психодиагностика творчества и исполнительного мастерства, и проблема воспитания художественного мировосприятия и обучения соответствующим творческим навыкам, и пограничная психофизиологическая проблематика эмпирической эстетики, связанная с восприятием плана выражения каждого из видов искусства, и психотерапия средствами искусства, и пограничные проблемы психологии и культурологии (отношение индивидуального творчества и этно- и социокультурной традиции, а также понимание инокультурного художественного текста), и социально-психологические аспекты создания произведения искусства, затрагивающие социальную атмосферу творческого процесса и жизни творца. Однако эти комплексные проблемы выходят на границы других наук, подразумевают использование междисциплинарных методов и подходов и являются, так сказать, неким контекстом стержневой проблемы: **творец — произведение — зритель.**

Первое направление психологии искусства связано с исследованием личности творца и процесса создания художественного произведения. Наиболее широко здесь представлено психоаналитическое направление (Фрейд, 1990; Юнг, 1998, 2000; Юнг, Нойман, 1996; Руссо, 2000; Доусон, 2000; Дикманн, 2002), где творчество рассматривается как своеобразная проекция (сублимация) личностных проблем автора на создаваемое им произведение. Как говорил Гойя по поводу своих фантасмагорических «капричос», они позволяли «связать демонов в душе»,

снять конфликты и психическое напряжение, выплеснув их вовне. Проблема «личностного знания» (Полани, 1985) наиболее выражена в искусстве, где при-страстность художника является гарантом уникальности и индивидуальности произведения, которое может рассматриваться как материализованная форад$_{а}$ проекции личности творца. Современные исследования искусства в психоанализе тяготеют к анализу творчества единичного автора и обычно представляют собой «case study» — исследование единичного случая (Simonton, 1997; Youmans 1994; Derks, 1994; Buck, Kardeman, Goldstein, 1985; Gabbard, 1999).

Психоанализ, как и биографический метод (Buhler, 1933; Томэ, 1978; Зедль-майр, 2000; Абульханова-Славская, 1999; Логинова, 2001), позволяет высветить личностную предысторию художественного поиска. Истоки этого направления в отечественной психологии содержатся в работах А. А. Потебни (1976), Д. Н. Ов-сянико-Куликовского (1957), О. Герасимова (1890), изучавших психологию личности известных писателей, опираясь в первую очередь на автобиографические произведения. К методам психологического исследования художественного творчества относится также анализ черновиков, предварительных вариантов и различных версий создаваемого произведения, дающий, по аналогии с исследованиями мышления, синхронические срезы процесса творческого поиска. Процесс творчества во многом инспирируется жизненными коллизиями автора, его влюбленностями, другими эмоциями и страстями. Однако предложенная психоанализом модель гомеостатична, в то время как художник часто решает более глобальные проблемы, чем осознание своего «Я», жизненного пути и снятие собственных неврозов, в пределе поднимаясь до трансцендентально-религиозных откровений. Вернее, для глубокого осознания, в том числе осознания собственных жизненных проблем, требуется «прорыв в трансцендентальное» (Гайденко, 1997). Введенное Юнгом понятие «архетип» отчасти позволяет рассмотреть и надындивидуальный аспект творчества. Например, по мнению живописцев Древнего Китая, «произведение выше творца», а он лишь средство трансляции божественного откровения. Но

методы психологической науки еще не способны подняться до этих высот человеческого духа, тем не менее доступных в художественном творчестве истинному художнику.
К первому направлению можно отнести и психодиагностические методики различных художественных способностей человека (Богоявленская, 2002; Бочка-рев, 1997). Под творцом художественного произведения мы понимаем не только индивидуального субъекта творчества, но и (в таких видах творчества, как театр, кино, телевидение и т. п.) коллективного субъекта (сценариста, режиссера, актера), чья совместная деятельность по смыслоконструированию также может быть предметом анализа психологии искусства.
Второе направление связано с анализом собственно текста художественного произведения (будь то литературные, музыкальные или живописные произведения, балет, художественные фильмы, театральные постановки, архитектурные или иные пластические формы). Это направление представлено прежде всего методами структурализма и семиотики (Бахтин, 1979а; Якобсон, 1987; Пропп, 1946; Лотман, 1999; Барт, 1994; Фуко, 1996; Kristeva, 1976; Eco, 1979).
По большому счету структурализм в западном варианте апсихологичен.
«Общим местом современного литературоведения стала идея "смерти автора", разработанная Р. Бартом вслед за теорией "смерти субъекта" как центра смыслополага-

ния М. Фуко» (Саморукова, 2001. С. 220). Принято различать субъекта создания художественного текста и автора как носителя различных культурных кодов, как сложной функции дискурса. В разграничении психологической личности творца и самореализующейся через человеческую личность многомерной культуры открывается тем не менее и возможность анализа личности автора как носителя совокупности знаемых текстов, обычаев, ритуалов, этнокультурных картин мира; при этом вынося за рамки структурного исследования экзистенциально-психологическое ядро личности, ее ценностно-мотивационные и смысловые образования.
Методы структурного анализа предусматривают выделение элементов художественного произведения и анализ системы их отношений. В пределе сукцес-сивный текст художественного произведения (литературный, музыкальный, театральной пьесы или художественного фильма) предстает в симультанной форме в наборе ролевых оппозиций, художественных и мифологических конструктов или музыкальных лейтмотивов. Поскольку любой текст существует в рамках системного целого культуры как «текст в тексте», то к этому направлению могут быть отнесены и исследования религиозного и философского контекста создания и бытия художественного произведения, исследования преемственности и скрытого цитирования мифологических, религиозных, литературных, музыкальных, живописных сюжетов, а также взаимовлияния различных видов искусств в синкретическом восприятии.
Третье направление связано с анализом восприятия и понимания произведения искусства реципиентом (слушателем, читателем, зрителем). Сюда же может быть отнесен и ряд отечественных работ, посвященных взамосвязи искусства и работы духа над самопостроением личности (Зинченко, 2002; Василюк, 2003). Для анализа зрительского восприятия и понимания используется широкий диапазон методик — от объективных методов регистрации эмоциональных реакций (Вяткин, Дорфман, 1980; Готсдинер, 1990) или регистрации движения глаз (Яр-бус, 1965) в процессе восприятия произведения искусства до анализа понимания смысла произведения (Алахвердов, 2001; Д. Леонтьев, 1998; Знаков, 2002), описываемого с помощью формализованных опросников или неформализованных свободных изложений и сочинений на тему произведения. К последним методам близок и психосемантический подход к анализу восприятия произведения. Остановимся на этом подробнее.
Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Специфика психосемантического подхода в этой области заключается в том, что исследователь обращается к произведению искусства через посредника — реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращенной форме — форме события, опыта духовной жизни другого человека. Реконструкция субъективного инобытия произведения искусства осуществляется через построение субъективных семантических пространств, являющихся операциональной моделью сознания (в нашем случае) зрителя.
В любой области мировосприятия имеются некие знания, необходимые субъекту в повседневной жизнедеятельности и социальных взаимодействиях, которые (если субъект не прошел специального образования в этой области), как пра-

вило, плохо структурированы и плохо осознаваемы. Дж. Келли (Kelly, 1955) полагает, что все люди в той или иной степени являются житейскими психологами (так как им необходимо как-то типологизировать, обобщать образы людей, встречающихся на жизненном пути, и прогнозировать их поведение); «житейскими этиками», так как человеку приходится руководствоваться в оценке своих и чужих деяний некими нравственными эталонами и нормами; «стихийными экономистами», так как, делая покупки, человек опирается на свою «теорию» эквивалентного обмена, и наконец, — «житейскими искусствоведами», принимая или отвергая некие образы искусства.

Такого рода знания житейского или обыденного сознания, слабоосознаваемые самим субъектом, Дж. Брунер и П. Тагиури (Bruner, Tagiuri, 1954) назвали имплицитными моделями личности. Категории сознания как наиболее общие значения (времени, пространства, причинности, ценности и т. п. (Гуревич, 1972; Степин, 2000)) образуют каркас этой имплицитной модели, опосредующей восприятие и осознание некой содержательной области. Являясь средствами осознания, категории, как правило, не осознаются самим субъектом как таковые и выделяются только в процессе философской рефлексии или — экспериментально-эмпирически — в психосемантическом исследовании. В последнем случае перед субъектом ставится задача не интроспекции и рефлексии этих категорий, а использования их в «режиме употребления» (деятельности). Субъект реализует какую-либо деятельность, сортирует объекты (например, произведения искусства), оценивая их по определенным шкалам, приписывает возможные мотивы поступкам персонажей, устанавливает соответствие произведений одного вида искусства произведениям другого и т. д., т. е. задействует свои системы категоризации, «имплицитные модели» в «режиме употребления». На «выходе» исследователь получает совокупность суждений испытуемого (респондента), организованную как матрица данных, из которой исследователь с помощью процедур математической статистики «вытаскивает на свет» те обобщения (категории), которыми неосознанно пользовался испытуемый, вынося эти частные суждения. Системы категорий при геометрическом представлении семантических пространств выступают как категориальные оси пространств, анализируемые объекты задаются как координатные точки внутри этих семантических пространств. Отдельные параметры семантических пространств (размерность — число независимых факторов-категорий, перцептуальный признак-вклад фактора в общую дисперсию, интеркорреляции факторов) являются операциональными аналогами различных параметров сознания испытуемого. Семантические пространства выступают ориентировочной основой эмпатии (своеобразной нотной партитурой) для встраивания в мировосприятие другого человека или используются для рефлексии собственного сознания или самосознания, когда исследователь и испытуемый совмещаются в одном лице.

В рамках психосемантического подхода к исследованию восприятия и понимания художественного произведения нами использовался, в частности, метод триадического выбора Дж. Келли (Kelly, 1955; Франселла, Баннистер, 1987): сопоставление персонажей художественного фильма «Сталкер» (Петренко, 1983) позволило выделить систему конструктов, в которой зритель воспринимал этих персонажей. Широко распространен также разработанный нами психосемантический метод «множественных идентификаций» (Петренко, 1988, 1997; Петренко,

1у[енчук, 2002; Петренко, Митина, 2000, 2001), где для построения семантических пространств используется прием описания литературных или кинематографических персонажей через их возможное поведение в предлагаемых обстоятельствах, размещение в семантическом пространстве поступков образов «значимых других», самого себя, образов современников, исторических или литературных персонажей позволяет встроиться в мировосприятие реципиента (зрителя, читателя), понять его систему ценностей, установок, личностных смыслов. В рамках метода множественных идентификаций мы широко используем прием, когда поступки, через которые характеризуется персонаж, берутся непосредственно из сюжета самого художественного произведения. Другой предложенный нами психосемантический метод — «атрибуция мотивов», приписывание зрителями мотивов поступкам, свершаемым персонажами (Петренко, 1988; Петренко, Тодорова, 1989; Петренко, Собкин, Нистратов, Грачева, 1988; Петренко, Сапсолева, 2002) — позволяет понять, как зрители представляют себе внутренний мир персонажей. Исследования показывают, что чем больше приятие, идентификация зрителя с персонажем, тем более многомерным и сложным оказывается приписываемая персонажу мотивационная палитра поведения, тем более субъектным, а не объектным оказывается восприятие персонажа зрителем.

Психосемантические методы позволяют оценить и силу воздействия произведения искусства на

зрителя через сопоставление семантических пространств зрителя до и после коммуникативного воздействия.

В общем виде результат воздействия произведения искусства на человека можно описать как трансформацию семантического пространства той области смысловой сферы, которая была затронута коммуникативным воздействием произведения; в зависимости от силы воздействия, можно операционально выделить возможные формы изменения этого пространства, представленные ниже по степени возрастания воздействия:

• изменение координат анализируемых объектов (их коннотативного значения или личностного смысла) при неизменных категориальных осях (категориях сознания) семантического пространства;

• изменение перцептуальной мощности (вклада в общую дисперсию) самих координатных осей, что выражает изменение субъективной значимости тех или иных оснований категоризации;

• изменение содержания самих категориальных осей, что отражает изменение системы конструктов, в рамках которых идет осознание некоей содержательной области;

• изменение размерности семантического пространства (увеличение числа факторов-категорий сознания), изменение когнитивной сложности сознания.

Все эти параметры по отдельности или в сочетании выступают операциональными критериями эффективности коммуникативного воздействия и позволяют количественно и качественно описать изменение картины мира субъекта под влиянием печатного слова, видеокадра или музыкального звучания или их синкретического единства в художественном произведении.

В рамках психосемантического подхода нами с А. Прониным (Петренко, Пронин, 1990) введено понятие художественного конструкта. Суть его в следующем.

, *„ааа* идиннадцатая. Психосемантический подход к восприятию искусства

В рамках идей Бахтина (Бахтин, 19796) полифонический роман рассматривается как полилог множества равноправных голосов персонажей, каждый из которых имеет собственную систему отсчета восприятия мира, исповедует свою правду жизни. В качестве реплик этого спора можно рассматривать и суждения, и поступки героев. В нашей логике, отталкиваясь от идей Бахтина, мы рассматривали художественный конструкт как противопоставление жизненных позиций персонажей. Используя язык персонажных образов (на оппозиции которых и возникает художественный конструкт), автор произведения выражает идею, для которой еще нет понятия в языке, или эта идея столь многогранна, что и не может быть выражена вербальным понятием, а требует противопоставления неких символов, на уровень которых могут подниматься персонажные образы. Например, противопоставления Базарова и Кирсанова в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», 06-ломова и Штольца в романе И. А. Гончарова «Обломов», Раневской и Лопахина в пьесе «Вишневый сад» А. П. Чехова создают разные трактовки вектора направления движения российской жизни, нюансы, которые читатель прекрасно ощущает, но выразить понятийно которые — довольно трудная задача. Полифонический роман содержит множество таких конструктов. Одно только семейство Карамазовых (в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского), не говоря уже о столь ярких образах (самостоятельных смысловых системах отсчета), как старец Зоси-ма, Великий Инквизитор, молчащий Христос, содержит столько духовных оппозиций, что позволяет в рамках ментального пространства романа обсуждать, пожалуй, все животрепещущие проблемы духовной жизни России, конца XIX в., а судя по тому глубокому интересу, который вызывает роман во всем мире и в настоящее время, — и вечные проблемы всего человечества.

Система персонажных оппозиций (система художественных конструктов) выступает как симультанная структура замысла, которая затем разворачивается в повествовательном тексте. В нашем экспериментальном исследовании было показано, что изменение картины мира читателя (представленной трансформацией его семантического пространства) осуществляется по линии художественных конструктов, проявляясь в увеличении их субъективной значимости (операционально выражаемой при построении семантического пространства как вклад фактора в общую дисперсию). В случае глубокого воздействия произведения искусства на духовный мир зрителя возможно также появление новых смысловых измерений (конструктов сознания) как присвоенных (интериоризированных) читателем художественных конструктов произведения.

11.2. Психосемантический анализ художественных конструктов художественного фильма «Сибирский цирюльник»[1]

Фильм Н. С. Михалкова «Сибирский цирюльник», безусловно, стал событием культурной жизни

России. Широкая рекламная кампания, высокие финансовые затраты на производство фильма, популярные актеры, тоска зрителей, соскучившихся за годы упадка отечественного кинематографа по российским фильмам,

Исследование проводилось совместно с О. Н. Сапсолевой.

само имя Михалкова как одного из самых интересных режиссеров отечественного кино и одновременно яркой публичной фигуры — все это создавало настрой общественного сознания на ожидание неординарного культурного события. Не случайно, конечно, его первая презентация была приурочена к Каннскому фестивалю.

Появление фильма на российских киноэкранах было встречено неоднозначно и вызвало широкую дискуссию в прессе, на телевидении и в Интернете — от восторженных отзывов о славном русском воинстве, ностальгии по «России, которую мы потеряли» до иронических оценок его откровенно лубочной эстетики: «матрешка, водка, балалайка» (М. Соколов, 2000) и определения кадетов как «кучки восторженных геев». В зарубежной публицистике голоса критиков также разделились: от положительного отзыва Ирины де Шикофф («Фигаро»), полагающей, что «Никите Михалкову удалось передать дух древних традиций и очарование русской жизни при Александре III, избежав при этом неумеренного патриотизма», до лаконичной оценки Дидье Перона («Либерасьон») «...об утомительной трехчасовой рекламе продукта под названием "Россия"». Мы полагаем, что столь широкий диапазон оценок фильма вызван не столько его художественными достоинствами (на наш взгляд, налицо прекрасная режиссерская работа, великолепная игра О. Меньшикова, Д. Ормонд, А. Петренко, В. Ильина; мастерство оператора П. Лебешева, создающего динамическую живопись сродни искусству Сурикова, Борисова-Мусатова, Сомова, Кустодиева), сколько некоторыми исто-рико-бытовыми неточностями, а главное, его идеологическим подтекстом. Сам Михалков в одном из интервью говорит, что это фильм о «внутреннем человеческом достоинстве», и наверное это так. Однако лейтмотивом фильма, на наш взгляд, является фраза: «Он русский. Это многое объясняет». Этот фильм, конечно, о русской идее, столь обсуждаемой на стыке веков, столь необходимой и столь дискуссионной. Именно неопределенность в системе ценностей и отсутствие направляющей идеологии, своеобразная точка бифуркации в цивилизационном движении России выступила побудительным мотивом создания этого фильма и направила в поисках духовной основы взгляд сценариста (Р. Ибрагимбеков) и режиссера в прошлое. Композиционная особенность фильма заключается в том, что восприятие России дается глазами иностранки (Джейн); инокультурность наблюдателя обусловливает некую отстраненность, возможность взглянуть на Россию свежим, несколько удивленным взглядом, что, в свою очередь, мотивирует правомочность закадрового голоса диктора (самого Михалкова), дающего поясняющие комментарии. Эти метавключения, фиксирующие ключевые идеи фильма, задают, на наш взгляд, авторские художественные конструкты, выступая своего рода подсказкой зрителю. Наш анализ фильма, имеющего, как всякое глубокое произведение искусства, множество чисто художественных аспектов и находок, будет касаться только его имплицитной идеологии, выраженной в форме художественных конструктов.

В отличие от кинокритиков, основывающихся в оценке на собственном эстетическом вкусе и собственных идеологических установках, мы ставили задачу выделения художественных конструктов фильма, опираясь на массовое восприятие зрителя, в котором идеологические пристрастия полярных позиций взаимно

уравновешиваются, и предметом анализа становятся инварианты, присущие всей зрительской аудитории.

Процедура эксперимента. Испытуемых, в роли которых выступали московские студенты (всего 100 человек), после коллективного просмотра фильма просили (с помощью метода триадического выбора Келли) сформулировать биполярные оппозиции (первичные конструкты), по которым противопоставляются персонажи фильма. Например, противопоставление пары

Эндрю + Толстой <-> Сержант: «Присутствие неких высших духовных ценностей <-» Погруженность в бытовую прозу жизни».

Всего респонденты сформулировали 1038 конструктов (в среднем 10 конструктов на одного испытуемого), хотя количество порожденных одним человеком конструктов варьировалось от 5 до 21.

В качестве объектов анализа рассматривались следующие персонажи: Толстой, Джейн-1 (по

приезде в Россию), Джейн-2 (после того как полюбила Толстого), Радлов, Мокин, мать Толстого, МакКрекен, Дуняша, Александр III, Великий князь, Полиевский, Террорист, Сержант, Эндрю.
Исходя из того, что действие фильма разворачивается как бы на границе русского и американского менталитетов, помимо сопоставления основных персонажей фильма, для более выпуклой фиксации этого ментального пограничья мы ввели две виртуальные ролевые позиции: «русского» и «американца».
Процедура обработки. Порожденные испытуемыми (респондентами) первичные конструкты (персонажные оппозиции) подвергались процедуре сортировки Миллера (Miller, 1971) с последующем кластер-анализом (Дюран, Оделл, 1977) с целью выделения групп сходных по смыслу конструктов. Таким образом, происходило сжатие, компоновка первоначального материала. Из сгруппированных в каждом кластере первичных конструктов отбирались наиболее удачные и понятные (для дальнейшей работы респондентов), совокупность которых образовывала набор полярных шкал (конструктов), по которым респонденты оценивали персонажей фильма. Таким образом, в качестве материала для дальнейшего исследования после группировки-сжатия было отобрано 275 первичных конструктов.
Испытуемых просили отнести каждого персонажа к левому или правому полюсу первичного конструкта, давая оценку близости персонажа к этим полюсам по градуальной семибалльной шкале. Полученные таким образом индивидуальные матрицы данных суммировались в общегрупповую, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа (Митина, Михайловская, 2001).
В результате факторного анализа, группирующего исходные персонажные оппозиции в обобщенные категории, нами были выделены и проинтерпретированы следующие факторы, или, если пользоваться введенной нами терминологией, — художественные конструкты.
Первый фактор (27,1% общей дисперсии) включал следующие конструкты:
191. Живет по чужой указке <-» Живет так, как хочет, без оглядки на других.
138. Ничем не проявляет себя как личность, как что-то уникальное; средний человек о Отличается от других людей своими взглядами, не боится продемонстрировать свою отличность.

259. Живет по правилам <-> Живет как хочет.
100. Смиряется с тем, что происходит, не пытается что-то изменить <-» Вмешивается в ход событий, использует методы давления и борьбы.
196. Нет цели в жизни, ничего не хочет <-> Есть четкая цель, которой надо добиться любыми способами.
102. В жизни больше наблюдатель, созерцатель, а не ее активный участник <-> Активист по жизни, ему все надо, во все вмешивается, ему нравится жить, а не просто наблюдать за жизнью.
121. Удовлетворен тем, что есть, ни к чему не стремится, ничего не меняет <-» Стремится иметь больше и лучше, чем есть.
28. Неспособность защитить свою точку зрения <-> Активная защита своей точки зрения.
76. Природный консерватизм, исключительное терпение, неагрессивная жизненная установка <-> Сильный инстинкт борьбы за права.
33. Боязнь выразить протест открыто <-> Способность к открытому протесту. 170. Традиционалист <-> Модернист.
151. Смиренно принимает свою долю <-> Борется за лучшее место в жизни, способен изменить свою судьбу. 186. Живет как на последнем издыхании, будто уже умирает <-> Живет полной жизнью.
34. Следование традициям, поддержка монархии <-> Желание изменить мир и его устройство.
111. Ожидает всегда наихудшего стечения обстоятельств <-> Верит в то, что может быть найден лучший выход из положения.
236. Он вполне счастлив и доволен собой <-> Стремится к переменам. 164. Живет в своем маленьком мирке <-> У него широкий круг интересов и общения. 248. Живет простой и понятной жизнью, знает наперед, как и что у него будет <-> Живет своей непонятной жизнью.
56. Общая инертность в жизни, живет, как сказали, проще подчиняться, чем подчинять себе обстоятельства <-> Стремление наверх, к новым должностям и возможностям, хотя и не очень-то красивыми методами. 200. Полон предрассудков <-> У него нет предрассудков. 168. Приверженец монархии <-» Демократ до мозга костей. 203. Больше рассуждает, чем делает <-> Человек дела.
180. Какой-то юродивый, блаженный <-> Над ним без серьезных последствий не поиздеваешься.

235. Ведомый, считает, что судьба его предопределена и ничего не изменишь <-> Его судьба в его руках.
128. Сразу сдается, пасует перед трудностями, боится не справиться о Вынослив, обладает огромной способностью к преодолению препятствий и неблагополучных обстоятельств в своей жизни.
272. Боится выделиться и открыто протестовать, если это повлечет непонимание у людей «-» Его не пугает перспектива оказаться одному против всех.
257. Пасует, если что-то не получается <-> Готов без устали бить в одну цель, пока не добьется своего.

40. Равнодушен к свободе, для него неинтересна абстрактная свобода как некий идеал «-> Основная философия — идеи личной свободы, независимости во всех сферах жизни, причем свобода несовместима с идеей монархии.
4. Ожидает помощи со стороны, покорен обстоятельствам, перекладывает ответственность за решение проблем на других людей <-> Активно противодействует несправедливости.
216. Устает от действий, ему бы на печь и лежать до скончания века <-> Вынослив в том плане, что если надо действовать, то заводится с полуоборота, прет на таран, все сметая со своего пути.
105. Тушуется перед трудностями, предпочитает, чтобы все как-нибудь само собой разрешилось, желательно с меньшими потерями <-> Уверенно чувствует себя перед лицом опасности, его поддерживает чувство уверенности в себе, стремление к победе.
5. Теряется в экстремальной ситуации <-> Умеет «собраться» в экстремальной ситуации. 132. Право решать для него не является ценностью <-> Сражается за право решать, делать что-то, быть авторитетом.
83. Пассивный в том смысле, что не верит, что можно что-то сделать, а предпочитает жить по принципу «все равно ничего не изменишь» <-> Активный борец за правду, не сидит сложа руки, а действует.
3. Тенденция к пассивности о Способность к действию протеста. 154. Нечего отстаивать, потому что нет своих взглядов <-» Смело отстаивает свои взгляды.
211. Чувствует себя неспособным делать, плывет по течению <-> Чувствует, что может многое сделать в жизни.
185. Полная заурядность <-> Человек незаурядных взглядов.
90. Живет с оглядкой на других, волнуется, что о нем подумают, боится, что разочарует всех и потеряет свое «лицо» <-> Общественное мнение не играет никакой роли.
52. Симбиотические отношения с людьми, надо прицепиться к кому-то, кто будет его опекать <-> Борется за свое место в жизни, всего добивается сам.
179. Среднестатистический человек, нет в нем каких-то неординарных черт <-> Яркая неординарная личность, способен перевернуть жизнь многих людей. 188. Не любит и боится перемен <-» Способен круто изменить свою жизнь, сделать серьезный шаг.
262. Такой, как все, нельзя сказать, что у него есть свой характер <-» Обладает яркими чертами характера, такой «характерный» персонаж.
53. Стремление к беспроблемное™, спокойствию, и на этом фоне просто игнорирование проблем («а никого нет» — нет человека, нет и проблемы) <-> Способность жить в меняющейся обстановке, менять жизнь, не оглядываться назад.
239. Если его обидят, не дает сдачи, терпит <-> Не боится противостоять злу.
Первый фактор интерпретирован как *«Пассивная покорность <-> Внутренняя независимость и способность к действию и борьбе».*
Наиболее полярными по этому фактору (рис. 58) на полюсе пассивности и покорности оказались Дуняша, Великий князь, мать Толстого, Мокин, Полиевскии, Толстой в оппозиции к Террористу, Джейн-1, к Американцу, Джейн-2, к Эндрю, МакКрекену, которые воспринимаются как способные бороться за справедливость или за свои интересы.

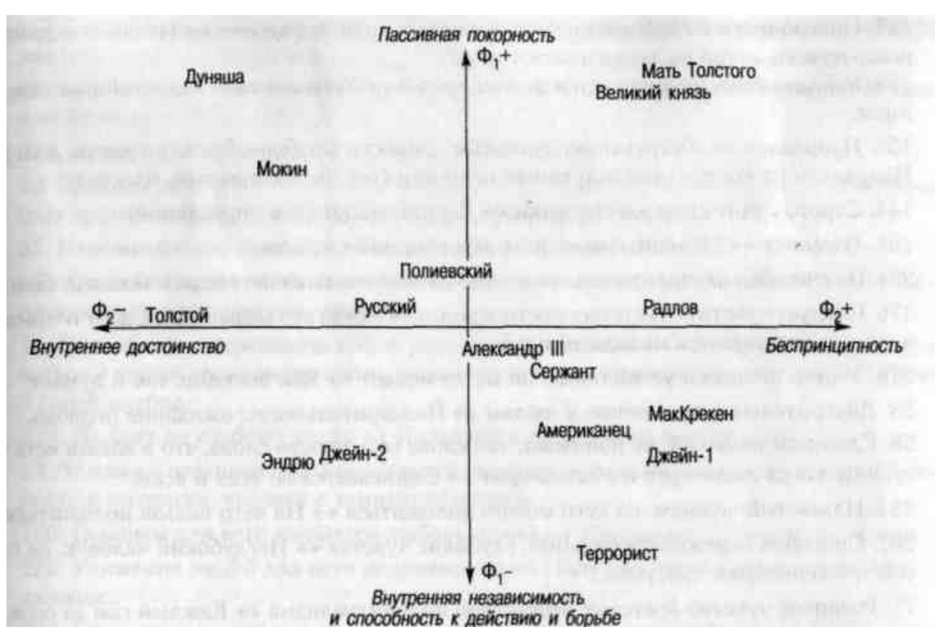

Рис. 58. Семантическое пространство персонажей художественного фильма «Сибирский цирюльник» ($Ф_ь$ $Ф_2$)

Ф, - «Пассивная покорность <-> Внутренняя независимость и способность к действию и борьбе»;

$Ф_2$ - «Внутреннее достоинство <-> Беспринципность»

Второй фактор (22,1% общей дисперсии) включал конструкты:

27. Неспособность использовать других для достижения своих целей, стремление поддерживать честные, открытые отношения <-> Использование других людей в корыстных целях.

256. Ценит в людях честность, порядочность <-> Ценит в людях то, что они могут ему дать (власть, богатство).

22. Обладание чувством внутреннего достоинства, нежелание сводить счеты с другими людьми <-» Мстительность, склонность сводить счеты, просчитывать возможные варианты мести.

269. Способен сопереживать <-> Не тратит чувств.

230. Искренний, не умеет врать <-> Если нужно, соврет, не задумываясь. 221. Романтик <-» Прагматик.

237. Хороший, верный друг <-> Такого друга и врагу не пожелаешь. 240. Может войти в положение другого человека <-> Ему все равно, что чувствуют и думают другие люди.

169. Растворяется в другом человеке, живет только им <-» Никогда не забывает о себе. 19. Способность испытывать чувство вины за случившееся <-> Вычеркивание человека из своей жизни, отказ от него как от ненужной помехи.

250. Ради любви может пожертвовать всем <-> Жертвенность для него нетипична. 226. Думает не только о себе, но и о других <-> Думает только о себе.

127. Способность к глубоким переживаниям и боли, и радости <-> Некая поверхности ность чувств, когда не затрагивается душа.

199. Уважает себя, не опускается до пошлостей <-> Унижает себя недостойным поведением.

158. Направлен на абстрактные, духовные ценности (любовь, братство, честь, долг) <_» Направлен на конкретные ощутимые ценности (богатство, престиж, власть). 144. Строго судит свои же поступки <-> Всегда найдет себе оправдание. 161. Гуманист <г> Не испытывает к людям гуманных чувств.

231. Неспособен людям причинить вред<-> Может сознательно сделать человеку больно 176. Следует чувству ответственности и долга о Когда это мешает делу, долг и ответственность задвигаются на задний план.

218. У него ценности устойчивые, он их не меняет <-> Как выгодно, так и думает. 23. Доверительное отношение к людям <-» Подозрительность, ожидание подвоха. 59. Слишком наивный, не понимает, что слова есть просто слова, что в жизни есть ситуации, когда люди врут и обманывают <-> Сомневается во всех и всем. 234. Надежный человек, на него можно положиться <-> На него нельзя положиться. 205. Способен переживать сильные, глубокие чувства <-> Неглубокий человек, не способен к серьезным чувствам.

77. Развитое чувство братства, отсутствие индивидуализма «-> Каждый сам за себя. 26. Жизнь

чувствами О Изображение эмоций, игра на публику, демонстрация чувств, которых на самом деле нет.
57. Не пользуется чувствами к себе других людей <-> Испытывает удовольствие от сознания своей власти над человеком, его жизнью, счастьем.
8. Неспособность оскорбить другого О Склонность ставить других людей на место. 137. Умеет прощать, быть великодушным <-> Не считает нужным прощать людей, лучше наказать и знать точно, что человек в другой раз испугается повторить то, что сделал не так.
21. Действует эмоционально, не прогнозирует последствий своих поступков, живет одним днем <-» Просчитывает последствия своего поведения и поведения другого человека, тем самым имеет возможность дать прогноз на будущее.
78. Действует прямо и открыто <-> Действует подло.
251. Мне хотелось бы быть на него похожим <-► Ни за что не хотел бы быть таким, как он.
30. Способность защитить другого человека, сочувствие к людям <-» Нежелание защитить другого.
44. Честный человек, сам не обманывает; даже мысль о том, что кто-то па такое способен, приводит к губительным последствиям <-> Идет по головам для достижения своей цели, даже любимый человек иногда может быть только средством, играет чувствами других людей, влюбляет в себя, чтобы потом что-то с этого получить. 86. Искренен к людям и открыт в своих намерениях, в принципе действует не подло <-> Относится к человеку как к средству, забывает или даже не думает о том, что у человека есть чувства.
209. Прямой, бесхитростный <-> Насквозь фальшивый человек, лживый. 47. Искренность чувств, какая-то честность в отношениях без далеких намерений и товарных отношений типа «я тебе любовь, а ты мне услугу» <-> Беспардонно пользуется другим человеком.

157. Средство достижения цели — честность <-» Средство достижения цели — изворотливость, предприимчивость.
49. Способен безоглядно служить любимому человеку, высокая самоотдача <-> За чувством никогда не забывает о деле. 270. Желает помогать другим <-» Занят только собой.
10. Неспособность действовать исподтишка <-> Склонность к интригам, к использованию других людей, даже близких, для достижения своих целей.
35. Невозможность солгать <-> Способность к сознательной лжи.
253. Способен принести свои интересы в жертву, если это нужно <-> Не способен чем-то поступиться ради другого человека.
14. Способность жертвовать собой ради другого человека <-» Тенденция руководствоваться в жизни трезвым расчетом, сознательно не идет на жертвы, никогда не забывает о своей выгоде.
249. Не бьет по слабому месту <-> Пользуется слабостями других людей. 13. Человек с незапятнанной репутацией, честные отношения между людьми <-> Склонность к интригам, человек с темным прошлым.
160. Главным для него являются любовь, семья <-> Направлен на богатство, статус. 220. Унижение людей для него неприемлемо <-» Получает удовольствие, издеваясь над людьми.
222. Стремится к высоким целям, а не только к бытовому комфорту <-> Хочет обеспечить себе безбедное существование.
178. Его не пугает аскетичность жизни <-» Сибарит, любит удовольствия. 41. Витает в облаках, все идеализирует, на все смотрит сквозь розовые очки <-> Умеет ловко обделывать свои дела, злоупотребляет доверием своих людей, везде ищет выгоду.
156. Материальное воспринимает как нечто низшее, духовное важнее <-> Сильно мотивирован на экономические ценности.
187. Интересуется вещами, которые могут и не принести ему личной выгоды <-> Интересы имеют сугубо деловой и практический характер.
112. Не ждет ничего плохого от людей и сам ничего плохого им не делает о Ждет от других негатива, каверзы, а потом оправдывает свои действия тем, что его заставили обстоятельства.
85. Счастье заключается в том, чтобы сделать что-то полезное для всех, а не только для себя <-> Счастье отождествляется с материальным благополучием. 243. Понятие «узы» для него святое <-> Легко обрывает отношения за ненадобностью.
232. Душа нараспашку <-> Выдает себя не за того, кто он есть на самом деле. 167. Изначально не считает мир угрожающим ему <-» Обороняется от всех.
233. Не скрывает свою душу <-> Скрытный, не делится тем, что у него на душе.

204. Умеет прощать, входить в положение другого о Никому ничего не прощает, ни малейшего промаха.
201. Ни перед кем не пресмыкается <-> Угодничает, выслуживается перед более значительными лицами.
165. Помогает человеку, если он того достоин, а не потому, что он чей-то сын <-> Поощряет семейственность, исповедует принцип «услуга за услугу», устраивает делишки по знакомству.
207. Человек, живущий но законам морали <-» Нет ничего святого, никакой нравственности, духовности.

70. Носитель культуры, где на первом месте стоят неформальные, душевные отношения, стремится именно к духовности <-> Погружение в материальный мир, материальные ценности доминируют над духовными жизненными целями к развитию, самосовершенствованию; ценностная система основана на «земных» ценностях (богатстве деньгах, власти), культура ориентирована на бизнес.
192. Каждый человек у него вне зависимости от чего бы то ни было имеет право на достойное существование и хорошее отношение <-» Люди для него ничто, так, тараканы. 163. Слово и дело совпадают <-> Противоречивость слов и действий. 215. Подозрительностью не страдает <-> Как-то насторожен, все ждет, что его подставят обидят.
142. Нерасчетливость и безоглядность своих действий <-> Воплощение авантюрности и рационализма.
Наиболее контрастные позиции по второму фактору занимают: Толстой, Эндрю, Джейн-2, Дуняша, Мокин, ролевая позиция «русский» — как «способный к сопереживанию, искренности чувств, бесхитростной прямоте». На противоположном полюсе находятся Радлов, Великий князь, мать Толстого, МакКрекен, Американец и Джейн-1, позиция которых характеризуется как «использование человека как средства в достижении своих корыстных целей».
Второй фактор был проинтерпретирован как *«Внутреннее достоинство* <-> *Беспринципность».*
Третий фактор (13% общей дисперсии) включал конструкты: 258. Безрассуден <-> Живет головой.
66. Совершенно не обдумывает свои поступки, импульсивен, а главное, и потом не думает <-> Думает о будущем, о последствиях того, что происходит сейчас, не живет иллюзиями, реалист. 120. Фантазер <-> Реалист.
54. Нет привычки к дисциплине, не может управлять эмоциями <-> Человек дисциплинированный в том плане, что четко соблюдает разделение «старший — младший».
113. Все его поведение, все его чувства характеризуются иррациональностью, он всегда делает выбор не в пользу сознания <-> Всегда и во всех обстоятельствах думает, а уже потом может дать волю эмоциям.
98. Вся полнота жизни, все ее разнообразие заключено только в эмоциях, такой весь чувствительный человек, бросается от смеха к слезам <-> Больше ориентируется на рацио, чем на эмоции, в принципе достаточно предсказуем в плане реакций, от него не ожидаешь истерик, эмоциональных взрывов.
140. Важнее выразить свои чувства, чем обдумать ситуацию и что-то сделать <-> Важно понять, как себя вести, что делать.
247. Живет в иллюзорном мире <-> Не строит иллюзий, живет реальностью. 119. Взял и подставил своих друзей, семью и любимую женщину ч-> Предпочитает сначала узнать всю информацию, а уже потом принять решение.
114. Полная утрата чувства реальности, живет в придуманном мире со своими правилами, и это несовпадение мечты с реальностью вводит его в ступор и как бы заглушает голос разума <-> Хорошо ориентируется в реальном положении дел, в его жизни нет места для пустых мечтаний; может быть, он излишне рационален, но зато у него нет «утраченных иллюзий».
246. Любой пустяк, неожиданность, неприятность выбивают из колеи <-> Его нелегко вывести из равновесия.

68. Нет контакта с реальностью, живет в придуманном мире <-> Думает о будущем, о последствиях того, что происходит сейчас, не живет иллюзиями, реалист. 166. Нет стержня, нестабильный <-> Человек со стержнем.
266. В душе ребенок, о котором еще надо заботиться <-> Самостоятельный взрослый человек.
67. Максималист, совершенно не склонен к компромиссу «-> Думает о будущем, о последствиях

того, что происходит сейчас, не живет иллюзиями, реалист. 275. Если любит, то не молчит об этом, готов кричать о своей любви <-> Любит молча, страдает тайком.
162. Игнорирует факты, видит то, что хочет, а не то, что есть на самом деле <-» Прежде чем что-то сделать, собирает факты, анализирует.
271. Неблагоразумен и нерассудителен <-> Никогда не теряет рассудительности и благоразумия.
245. Не может держать себя в руках <-> Уравновешенный человек. 202. Не умеет владеть собой, эмоции захлестывают <-> Владеет собой всегда и везде. 223. Нет жизненной мудрости <-» Имеет здравый смысл.
264. Непрактичный человек, витает в облаках <-> Очень практичен, твердо стоит на ногах.
228. Не всегда действует с умом <-> В любой ситуации может найти рациональное решение.
183. Реальность у него хаотична и не отделена от фантазии <-> Серьезен, реалистичен, хорошо понимает время, в котором живет.
46. Не чувствует своей ответственносхи за будущее своей семьи <-> Чувствует ответственность за других людей, которые на него надеются, в нем нуждаются.
267. Создает свою собственную реальность <-» Реалист.
65. Ждет бережного отношения к себе, как какая-то стеклянная ваза — чуть тронь, разобьется <-> Сильный человек, не ждет снисхождения от других. 260. Не контролирует себя <-» Старается сдержаться, не выливать эмоции. 107. В новых условиях чувствует себя потерянным, оторванным от привычного хода событий и сразу перестает нормально соображать, начинает хаотично искать выход, перестает что-либо понимать <-> Быстро адаптируется к любой ситуации и воспринимает действительность реалистически и спокойно.
131. Любая неожиданность вызывает неадекватное поведение, беспомощность, он долго не может сообразить, что делать <-> Толерантен к неожиданностям. 123. Сразу уходит в эмоции <-> Не теряет самообладания, всегда спокоен. 9. Все чувства и мысли наружу <-> Нежелание прямо говорить о своих чувствах и мыслях. 93. Даже не может представить, что есть несколько решений у одной и той же ситуа -ции <-> Умеет выбирать, знает, что нет безвыходных ситуаций.
117. Абсолютно не аналитик, ведь анализ подразумевает логику, а он нелогичен в своих поступках и мыслях <-> Стремится все разложить по полочкам, хотя далеко не все в жизни подвергается анализу.
Наиболее полярными по третьему фактору оказались: Толстой с большим отрывом от прочих персонажей, а также мать Толстого, Террорист, Великий князь как не умеющие держать себя в руках и погруженные в иллюзорный мир в оппозиции к уравновешенной практичности и здравому смыслу, которые представлены Мокиным, Дуняшей, Джейн-1, Джейн-2, Эндрю (рис. 59).

Третий фактор получил название *«Неуравновешенная импульсивность <-> Здравый смысл».*

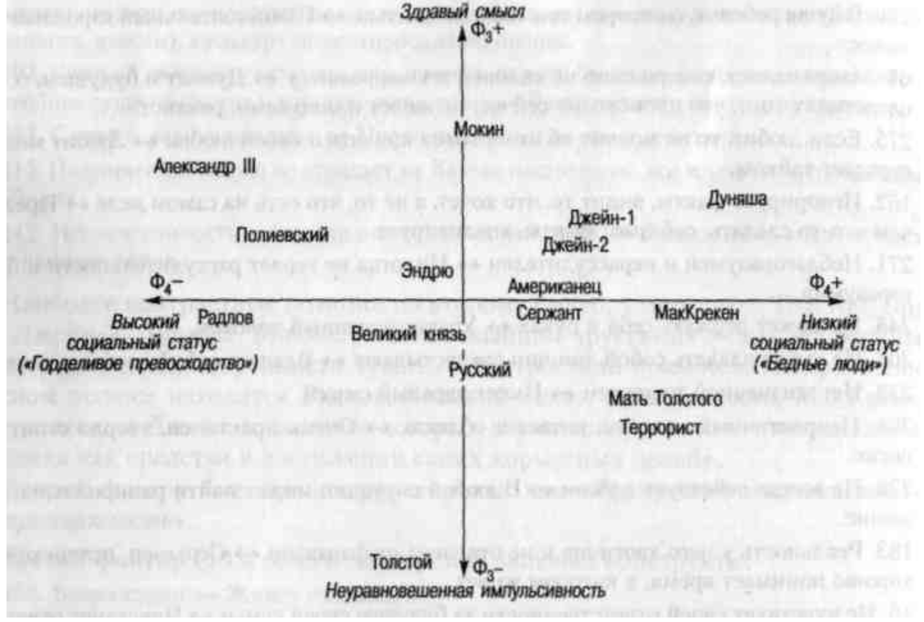

Рис. 59. Семантическое пространство персонажей художественного фильма «Сибирский цирюльник» ($Ф_3$, $Ф_4$)
$Ф_3$ - «Неуравновешенная импульсивность <-> Здравый смысл»; $Ф_4$ - Высокий социальный статус

(«Горделивое превосходство») <-> «Низкий социальный статус («Бедные люди»)
Четвертый фактор (9,1% общей дисперсии) включал конструкты: 147. Нет ни роду, ни племени, человек без корней, ничто не держит, родители оставлены в далеком прошлом <-> Он знает, кто был его отец, и может им гордиться.
43. С детства заботится о себе сам, никто ничего на блюдечке не приносит <-> Есть поддержка со стороны семьи, в принципе живет на всем готовом.
64. Пренебрежение традициями, никак не показывает свои национальные традиции, хотя и интересуется чужими **о** Чувство национальной гордости, воспитание в духе патриотизма, «любовь к отеческим гробам», инстинктивное почитание царя, Бога, все традиции впитаны с материнским молоком.
198. Может переступить через свою гордость <-> Не спускает, если задели его гордость.
32. Ожидание материальной поддержки <-> Способность оказать материальную поддержку.
143. Просительность и зависимость <-> Российская гордыня, непонятно на чем основанная. 175. Семья, родители оставлены давно в прошлом <-> Гордится своей семьей, родиной. 189. Несветский человек, несколько теряется в обществе <-> Светский лев. 244. Его никто ни в грош не ставит **о** Его мнение имеет определенный вес в обществе. 268. Чувствует себя никем, для других он мебель <-> Чувствует свое превосходство и активно его демонстрирует.
224. Неуважаемый человек <-> Пользуется уважением, авторитет для людей.

31. Чувство собственной незначительности <-> Ощущение себя влиятельным человеком, желание покровительствовать, быть значительным. 168. Демократ до мозга костей <-> Приверженец монархии.
95. Заметят его успехи другие или нет, для него не важно; главное, что он знает, какой он <-> Важно, чтобы другие заметили его достижения. 219. Ему все равно, лучше он, хуже кого-то <-> Очень хочет стать лучше других.
Наиболее полярные позиции по четвертому фактору занимают Дуняша, мать Толстого, МакКрекен, Террорист как имеющие низкий социальный статус в оппозиции к Александру III, Радлову, Полиевскому, Великому князю — как власть предержащим и чувствующим свое превосходство над другими.
Четвертый фактор был проинтерпретирован как *«Высокий социальный статус («Горделивое превосходство») <-» Низкий социальный статус («Бедные люди»)».* **Пятый фактор** (6% общей дисперсии) включал конструкты: 42. Легко адаптируется в чужеродной среде <-> Не понимает чужую культуру, не видит культурных различий.
210. Вокруг него приятная атмосфера <-> Создает вокруг себя напряжение. 148. Его социальное положение было таким, что его воспитали и смогли дать неплохое образование <-> Тупой солдат, который ничего, кроме команд, не знает. 206. Принимает жизнь во всем ее разнообразии <-> Очень многое ему чуждо, и он это не принимает и даже понять не пытается.
192. Каждый человек у него, вне зависимости от чего бы то ни было, имеет право на достойное существование и хорошее отношение <-> Люди для него ничто, так, тараканы. 136. В жизни выполняет много разнообразных ролей, не ограничиваясь одной <-» Ограничен одной ролью в жизни.
Наиболее полярными по оси пятого фактора оказались Джейн-1, Джейн-2 (со значительным отрывом от других персонажей), Толстой, Эндрю, Полиевский, МакКрекен как принимающие жизнь во всем ее разнообразии в оппозиции к персонажам, не обладающим способностью понять другого человека, встать на его позицию — Террористу, Сержанту, Радлову (рис. 60).
Пятый фактор интерпретирован как *«Открытостьразнообразию <-» Внутренняя ограниченность».*
Шестой фактор (4,6% общей дисперсии) включал конструкты:
159. Занят интеллектуальным трудом <-» Солдафон.
122. Человек больше теоретический, чем практический <-> Понимает только факты,
а все идеи, теории, абстракции — не для него.
267. Создает свою собственную реальность <-> Приземленный реалист.
171. Фанатик своего дела <-> Равнодушен к своей работе.
45. Жизнь воспринимает как нечто сложное, как цепь препятствий <-> Сводит все сложное в жизни к простому.
261. Лидер в отношениях и начинаниях <-» Ему проще пойти за кем-то, чем повести за собой.

153. Заботы о семье его не касаются, у него дальние и глобальные цели <-> Испытывает тревогу за себя и свою семью.

Наиболее контрастные позиции по этому фактору занимают МакКрекен (со значительным отрывом от других персонажей), Александр III, Террорист как

люди, преданные какой-то идее, — и остальные, которые погружены в текущую реальную жизнь.

Шестой фактор был проинтерпретирован как -*«Преданность идее <-> Погруженность в бытовую жизнь».*

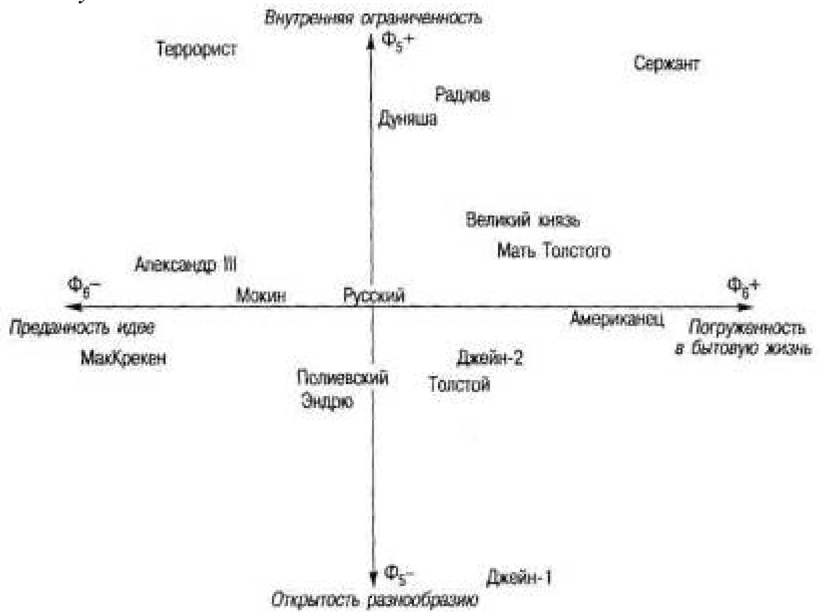

Рис. 60. Семантическое пространство персонажей художественного фильма «Сибирский цирюльник» ($Ф_5$, Фе)

$Ф_5$ - «Открытость разнообразию <-> Внутренняя ограниченность»;

$Ф_6$ - «Преданность идее -о Погруженность в бытовую жизнь»

Выделив систему факторов, по которым контрастируют персонажи, мы тем самым выделили художественные конструкты фильма. Напомним, что согласно нашим теоретическим представлениям, опирающимся на идеи Бахтина о полифоническом романе, создатель художественного произведения (индивид или коллективный автор) оперирует языком персонажных образов, используя для выражения своих идей противопоставление жизненных позиций («правд», в терминах Достоевского) героев художественного произведения. За динамикой поведения героев стоит некая синхроническая структура-идеологема, художественный конструкт или, пользуясь более традиционным языком — «художественный смысл» произведения, который и разворачивается с помощью актеров в сценическом действии. Выделив ведущие линии оппозиции персонажей, мы тем самым сформулировали и систему конструктов фильма, по руслам которых движется повествование. Поскольку при таком подходе для понимания идеи фильма весьма высока значимость интерпретации личности персонажа зрителями, для уточнения их понимания была использована дополнительная психосемантическая методика «атрибуции мотивов».

11.3. Зрительская атрибуция мотивов поступкам персонажей

В качестве поведенческого материала для атрибуции мотивов исследователями были отобраны поступки, совершенные героями фильма и взятые непосредственно из ткани самого художественного произведения. Для каждого персонажа отбирались поступки значимые, характеризующие именно его. Например, анализировались такие поступки Толстого, как: «Дурачась с друзьями, врывается в купе Джейн», «Вызывает Полиевского на дуэль», «После неудавшегося сватовства Радлова и обвинения с его стороны по поводу неблаговидного поступка Толстого в отношении к даме собирается стреляться», «Сечет смычком Радлова», «Признает себя виновным в покушении на Великого князя», «Женится на горничной Ду-няше» и т. п.

Испытуемым (студентам вузов Москвы) после коллективного просмотра фильма предъявлялся **список мотивов,** таких как «чувство любви», «желание вызвать одобрение, восхищение в глазах

окружающих», «материальная заинтересованность», «боязнь административных санкций, угрозы наказания», «потребность в риске, острых ощущениях», «из чувства любопытства», «подражание, желание быть как все, конформизм», «из чувства долга, чести», «исходя из высших духовных, религиозных требований», «спонтанный поступок — сделал не подумав», «страх неодобрения окружающих» (утратить лицо, показаться смешным и т. п.), «потребность в творческой самореализации» и т. д. Всего 54 мотива. Испытуемых просили оценить по шестибалльной шкале (от 0 до 5), насколько каждый мотив из предложенного списка может быть причиной того или иного поступка.

Поскольку любой поступок является полимотивированным и может быть объяснен целым веером различных мотивов с разной степенью значимости, то испытуемый, выставляя оценки, заполнял целую матрицу данных атрибуции мотивов поступкам.

Полученные матрицы данных для каждого персонажа подвергались процедуре факторного анализа с целью сгруппировать отдельные мотивы в мотивационные блоки. Мощность каждого блока мотивов отражает представленность с точки зрения испытуемых той или иной группы мотивов в поведении персонажей. Некоторые мотивы могут «не работать» применительно к данному персонажу. Например, такие мотивы, как «материальная заинтересованность», «карьерные устремления» или «жажда познания», не характеризуют Толстого.

Размеры главы не позволяют развернуто представить факторные структуры атрибуции зрителями мотивов персонажей фильма, и мы ограничимся только анализом гистограмм мотивов ведущих персонажей, обсудив те результаты исследования, которые важны для реконструкции понимания зрителями персонажей фильма.

Так, изучение зрительской атрибуции мотивов персонажам фильма выявило значительное расхождение интерпретации личности персонажей кинокритиками и студенческой аудиторией. Наше исследование проводилось в 2002-2003 гг., тогда как фильм «Сибирский цирюльник» вышел на экраны в 1997 г. С тех пор о нем было написано очень много, и велика была вероятность того, что зрители

спроецируют интерпретации кинокритиков на свою трактовку персонажей, однако этого не произошло. Так, например, Джейн описывается кинокритиками и искусствоведами как «изощренно реалистическая американская авантюристка» (Соколов, 2000), «распутная девица» (Москвина, 1999), «выписанная из-за границы проститутка для обольщения русских властей» (Степнина, 2001), манипулирующая людьми для достижения своей корысти, чрезмерно реалистическая и неспособная понять тайну загадочной русской души. В глазах же зрителей, участвовавших в данном исследовании, Джейн воспринимается как человек, которому прежде всего присуща способность не только возмутиться обрушившейся на Толстого несправедливостью, но и осознать свою вину за случившееся. В отличие от других героев фильма, она пытается активно действовать в поисках справедливости: после ареста Толстого приходит к Радлову и просит рассказать правду о поступке Толстого суду; просит мать Толстого написать прошение царю; просит Радлова быть снисходительным к Толстому.

«Полностью свободной от моральных пут и привязанностей» (Степнина, 2001) Джейн, в восприятии зрителей, присущи и такие мотивы поведения, как любовь, сострадание, альтруизм, чувство вины. Приоритетные для критиков «ма-нипулятивные» намерения Джейн в глазах зрителей не являются доминирующими. Инокультурность Джейн, обеспечивающая возможность рефлексивной отстраненности, для зрителей выступила не только в плане противопоставления «их прагматики» о «нашей духовности», но и в противопоставлении «рабской покорности» <-> «чувству свободного человека, способного возмутиться явной несправедливостью ».

Толстой описывается в критике как «беззащитный перед ударами судьбы» (Степнина, 2001), чувствующий «роковую тягу к сломам судьбы, тяжесть неумолимого фатума, нетерпимость к оскорблению чести, онтологическую несчастли-вость» (Иратов, 2001), «психопатическая натура» (Соколов, 2000). Зрители же выделяют прежде всего искренность чувств Толстого, его честность перед собой и людьми, его эмоциональность. Толстого можно рассматривать как «рыцаря конечной черты» — в данном случае восторженности. В своей юношеской чистоте он противопоставлен миру прагматики, корысти. Но экзальтированная восторженность чревата эмоциональными срывами. Роковая тяга к сломам судьбы проявляется в том, что в восприятии зрителей отчетливо выделился приоритет импульсивности поступков Толстого («сделал не подумав»), мотив ревности, соперничества, желания отомстить — над возможностью разумного разрешения конфликта. Толстой совершает поступки, в результате которых он оказывается на

каторге. «Детские реакции уже почти офицера» (Соколов, 2001), противоречивость натуры героя являются доминирующими в восприятии его зрителями — неоднозначность, а подчас и противоречивость желаний проявляются почти в каждом его поступке. Например, давление внешних обстоятельств, боязнь наказания, чувство противоречия, с одной стороны, и желание наказать себя, с другой, побуждают Толстого после дуэли с Полиевским написать прошение об уходе из училища, пытаться застрелиться после обвинения Радловым в вымогательстве.

Неоднократно отмеченное в критике «отсутствие стержня», «необузданность страстей» Толстого воспринимаются зрителями скорее как «мальчишество» персонажа. Да, Толстой — без пяти минут офицер, но ему еще только восемнадцать лет. «Он — просто влюбленный мальчик», — говорит о нем Джейн. Мальчишество

его натуры еще не побеждено ответственностью офицера русской армии. Он может позволить себе, дурачась с друзьями, ворваться в чужое купе, предложить зашедшему за ним Мокину шампанское, реализуя потребность в риске, развлечениях, а также из желания вызвать восхищение в глазах других людей, поднять самооценку.

В восприятии зрителей существенна в поведении Толстого и «конформистская» тенденция — поступать, как того требуют традиции, общество, коллектив... И это не просто слепое подчинение — делать, как принято, — но и собственное желание соответствовать установленным нормам. Заданные обществом ориентиры побуждают Толстого скрыть истинную причину его дуэли с Полиевским; признать себя виновным в покушении на Великого князя.

Конформизм Толстого проявляется и в том, что даже после незаслуженной каторги, где он мог сполна лицезреть человеческие страдания и несправедливость, Толстой трогательно хранит в своем доме портрет императора. Эта черта Толстого, задуманная, очевидно, сценаристом и режиссером как свидетельство присущего ему патриотизма и верности присяге, зрителями трактуется скорее как проявление зависимости и конформизма.

Радлов, представленный в дискуссиях о «Сибирском цирюльнике» как «обаятельный пьяница и мелкий мерзавец» (Иратов, 2001), «самодур и запойный пьяница» (Степнина, 2001), видится зрителями в несколько ином ракурсе. Радловым движут не только присущие «самодуру» мотивы — ненависть, желание отомстить, ревность, зависть, соперничество, — но и возмущение обманом, желание оградить свой внутренний мир от постороннего вторжения, когда он обнаруживает, что им манипулируют.

Сильно выражено у Радлова стремление к «семейным» ценностям. Принимая кокетство Джейн за чистую монету, он начинает ухаживать за ней, пытаясь (по мнению респондентов) освободиться от чувства одиночества, упорядочить свою жизнь. Радлов готов сделать серьезный шаг — познакомить Джейн со своей матерью.

Образ «запойного пьяницы» при взгляде на Радлова возникает и у зрителей, однако причины его пьянства сложнее, чем просто алкоголизм. Радлов служака, любящий свое дело, службу, кадетский корпус, но его карьера включает в себя и элемент прислуживания власть имущим, причем обладающим властью и влиянием не благодаря каким-либо личным достижениям или личным качествам (вспомним безвольный образ Великого князя), а по сословному праву рождения. Широта натуры Радлова, в прошлом, возможно, и боевого офицера, и желание выслужиться и угодить неизбежно входят в глубинный конфликт мотивов личности. Соседство двух, казалось бы противоположных, тенденций — подчинения социальным нормам и стремления выйти за рамки социальной нормативности — характеризуют, по нашему мнению, то, что Фрейд называл влиянием «Оно» и «Супер-эго», которые сосуществуют вместе и часто вступают в конфликт. Не ставя перед собой задачи психоаналитической трактовки личности Радлова, заметим, что здесь очевидно доминирование социальных норм, которым герой вынужден подчиняться, и размах широкой русской натуры (прекрасно переданной актером Петренко) создает напряжение, которое затем разряжается в запое.

Мстительность и несправедливость Радлова, о которой говорили критики, для зрителей не являются ведущими, а проявляются в конкретной ситуации (Радлов

готов простить Толстого, но следующие за прощением события морально и физически ранят Радлова, вынуждая его защищаться как умеет).

Важными для Радлова оказались и такие мотивы, как желание поднять самооценку, самоутвердиться, повысить свой социальный статус, свою социальную роль

Присущи Радлову, в восприятии зрителей, и альтруизм, и желание покровительствовать.

Стремление повысить свою социальную роль проявляется также в карьерных устремлениях, материальной заинтересованности, в жажде власти.

Образ Радлова все-таки не слишком приятен зрителям, поскольку они отказывают ему в таких мотивах, как совершение чего-либо из чувства товарищества, дружбы, братства, из чувства жалости, сострадания, исходя из высших ценностей, подчиняясь требованиям морали и религии. Отсутствие в мотивационной структуре Радлова чувства товарищества, дружбы задано самими создателями фильма — мы не видим его друзей, не знаем, есть ли они. Радлов существует в системе координат «начальник — подчиненные». Радлов не стремится к самопознанию и познанию в широком смысле слова, ему чуждо желание наказать себя за что-то, самореализоваться в творчестве. Он не испытывает потребности в свободе, независимости.

Зрители видят в Радлове не только живущего по принципу «разделяй и властвуй» (Иратов, 2001), но и ранимого, неуверенного в себе человека, пытающегося своими бесчестными поступками не только добиться определенного веса в обществе, но и ответить на нанесенную ему обиду.

Носителями «злого начала» в «Сибирском цирюльнике» выступают не «мак-бетовские» по силе духа персонажи, а безвольные, слабые и ранимые, конформистски ориентированные люди (Радлов, Великий князь, мать Толстого). Отзвуки трагедии одного человека как бы глохнут в ватных стенах безразличия, конформистской самоуспокоенности и рабской покорности. На фоне гнили в «русском королевстве» не столь однозначным выступает и образ МакКрекена — воплощение западного прагматизма, которому респонденты, наряду с корыстолюбием и беспринципностью, единственному из персонажей фильма приписывают мотивы творчества и самореализации. Неоднозначен и в целом отрицательный образ Террориста, способного действием взорвать структуру сословной и социальной несправедливости, позволяющей безвольным людям вроде Великого князя находиться на вершине социальной пирамиды.

11.4. Общее обсуждение

О чем же этот фильм? Какова система его художественных конструктов? Ответить на эти вопросы, по крайней мере с позиции зрителей, мы можем, проведя семантический анализ оппозиций персонажей и выделив художественные конструкты фильма. Конечно, это фильм о человеческом достоинстве, о самоценности человеческих чувств — и в этом Михалков прав. Об этом свидетельствует и выделенный в исследовании художественный конструкт *«Искренность чувств <-> Использование другого человека как средства»* (фактор 2), по которому наиболее полярны персонажи, отмеченные «русским менталитетом» (Толстой, ролевая позиция «русский», Дуняша, Эндрю (как «генетически русский»), Джейн-2 (обрусевшая душой, в силу любви к Толстому), в оппозиции к иностранцам (Джейн-1, МакКрекен и ролевая позиция «американец»). Справедливости ради следует от-

метить, что крайнюю позицию среди «манипуляторов» занимает фон Радлов — обрусевший немец.

Создатели фильма явно заложили некий этнопсихологический, по сути, конструкт: оппозицию прямодушной, необузданной и искренней «русской души» и меркантильного, рассудочного Запада.

Об этом говорит и закадровый голос диктора — своеобразная подсказка зрителю: «Твоя мать пыталась разгадать тайну этой необъятной и не поддающейся здравому смыслу страны. В России могут обмануть, украсть, ограбить, но порою данное кем-то слово может цениться дороже любой официальной бумаги, а неосторожно сказанное — привести к кровопролитию». «Честь имею» — фраза, многократно повторяемая на протяжении всего фильма самыми разными персонажами. Если на конфуцианском Востоке крахом личности считается «потеря лица», т. е. утрата социального статуса и достоинства в глазах окружающих, то для русского человека (и, в первую очередь, для дворянина) таковым считается нарушение внутреннего кодекса чести, утрата уважения к собственной личности. Но только ли о внутреннем достоинстве этот фильм?

«В каждом историческом народе, — пишет Г. С. Померанц, — развитие подчеркивает разные крайности, уравновешивающие друг друга. Одна крайность, возникая, тащит за собой противоположную. Например, в индийской культуре очень форсирована духовность, до мироотрицания. Значит, надо искать форсированную чувственность и находить ее (в тантризме). Если в Китае почитание родителей доведено до высшего религиозного долга, то ищи противоположную крайность и найдешь ее (в буддизме чань).

Если в русском народе и в литературе бросается в глаза повышенная совестливость, то с чем она связана? Видимо, с повышенной способностью к преступлениям, с нестойкостью нравственных

образцов, с тяготением к безднам, которые можно проследить и в жизни и в литературе...»
«Помнится, Леонтьев писал, что в России легче встретить святого, чем просто честного человека». И далее: «Я даже думаю, что совестливость как-то прямо связана с деловой недобросовестностью. Иногда даже у одного и того же человека» (Померанц, 1994. С. 270-271).

Полагаем, что глубокое наблюдение Померанца о доминирующих конструктах, присущих тем или иным культурам или цивилизациям, — ключ к кросс-культурным, этнопсихологическим исследованиям; в частности, и к экспликации особенностей национального характера. Можно не согласиться только с последним суждением Григория Соломоновича о представленности обоих полюсов в одном человеке (хотя на стороне Померанца и герой Достоевского: «Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил»). Культура задает в своем своеобразии крайние точки маятнику нравственных колебаний, но, выбрав полюс духовности, человек, духовно трудясь, может поддерживать в себе человека , не скатываясь в пропасть. Некоторым это удается.

К проблеме русского характера относятся и другие, выделенные в исследовании художественные конструкты. О внутреннем достоинстве мы уже говорили. Одним из выделенных художественных конструктов фильма является противопоставление *«Трезвый прагматический расчет <-> Действие по эмоциональному порыву».* Последняя характеристика, по мнению как создателей фильма, так

и зрителей, — черта типично русская: «Похоже, что в России "слегка" ничего не бывает».

Сам факт того, что действие фильма протекает в двух географических пространствах: России и Америки, работает на эту оппозицию, противопоставляя «их» и «нас». Справедливости ради следует отметить, что исконным американцам, потомкам первопроходцев, эмоциональная раскрепощенность свойственна наверное, не меньше, чем русским, и масштабы двух гигантских стран сближают психологии их народов.

Повышенная эмоциональность, способность «бросить вожжи» — черта отнюдь не только положительных героев фильма. Генерал Радлов, буйствующий в запое, истово крестящийся и купающийся в проруби, — персонаж гротескный, но вызывающий своей «русскостью» умиление у русского зрителя. Мужики и посадские, молодой образованный аристократ — граф Полиевский и гармонист из народа — в едином порыве, стенка на стенку выплескивают эмоции в мордобитии.

«Вообще, в этой удивительной стране — все в крайностях: полуголые мужики на льду реки лупят друг друга до полусмерти, а потом просят друг у друга прощения, на войну — с песнями, под венец — в слезах, и все — всерьез, все — до конца».

Следующим конструктом выступает оппозиция *«Жертвенность <-> Корыстный расчет, преследование собственного интереса».* Этот конструкт, как уже упоминалось, образует противопоставления Толстого, Джейн-2, Дуняши — и Мак-Крекена, Радлова, отчасти матери Толстого. Жертвенность как черта русского национального характера, на наш взгляд, не очень выражена в фильме. Напомним мысль Померанца о биполярности национальных черт. Русскому порыву и широте, буйству чувств («не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный») противостоит тихая внутренняя святость, смиренная «нестеров-ская» Русь — жертвенная и богомольная. Эта линия слабо выражена в сюжете. В фильме много и истово крестятся: генерал Радлов у проруби после «пьяной горячки», напуганные кадеты после дуэли Толстого и Полиевского, воинство в присутствии императора, во время торжественного молебна по поводу присяги, кадеты во внутренней церкви кадетского корпуса, арестанты перед отправкой на этап. Но ни в одном кадре фильма мы не видим индивидуальной молитвы, личного обращения человека к Богу. Религиозность представлена церковным ритуалом, мало отличающимся от строевой муштры. Поэтому и жертвенность в фильме скорее светская («нельзя опорочить даму»), а не идущая из глубин сострадания. Отсюда и невыраженность православного начала, очевидно, весьма значимого для Михалкова (по крайней мере, эта тема многократно звучит в фильме). Кстати, и образ МакКрекена, задуманный как антипод русской духовности, не столь однозначен. В фильме это, пожалуй, единственный человек, увлеченный творческим делом. В рамках протестантской этики (Вебер, 1990) он может быть вполне религиозным и по-своему «жертвенным». Другое дело, что его творчество, индустриальный прогрессизм, экологически пагубны. Но это уже проблема XX и XXI вв.

Весьма важен для анализа понимания фильма зрителями наиболее мощный конструкт (фактор 1) *«Способность к активному сопротивлению несправедливости <-► Покорность судьбе».* Способность к активному сопротивлению, с точки зрения зрителей, присуща Джейн, Террористу и Эндрю. На противоположном полюсе или в нейтральной позиции по этому фактору находятся

практически все русские персонажи. Действительно, в случае явной несправедливости, постигшей

Толстого, выразить свое возмущение и попытаться что-то сделать решилась только Джейн. Возмущение кадетов, Мокина, выразившееся в разбрасывании газет с версией о покушении на Великого князя, вряд ли можно назвать активным протестом. Сцена прощания кадетов с Толстым; Мокин в гражданской одежде, отдающий честь арестанту; толпа родственников каторжников, грубо теснимая полицией, только подчеркивают бессилие и полное смирение перед властью. Вспоминаются строки Лермонтова:

Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ, И вы, мундиры голубые, И ты, им преданный народ.

Толстой, отбывший каторгу и наверняка столкнувшийся с народными бедами и страданиями, трогательно сохраняет любовь к императору, портретами которого увешана его деревенская изба (по зажиточности могущая вызвать зависть у современного университетского профессора). Кстати, образ императора, блестяще сыгранный Михалковым, с точки зрения зрителя, какой-либо идейной доминанты (кроме презентации самого себя) не несет. Он не попал ни на один полюс выделенных конструктов и тем самым не выступил полноценным (в духе Бахтина) голосом. В контексте всего вышесказанного неоднозначно трактуется и образ Террориста, вряд ли вызывающий симпатии у Михалкова, на роль которого он взял актера с явно не русской внешностью. Замысел Михалкова как политика, идеолога, и работа Михалкова как режиссера, художника здесь находятся в явном диссонансе. Воспетая им монархическая Россия явно больна. Больна авторитаризмом, отсутствием обратной связи народ — власть, где кадеты, барышни из института благородных девиц, царская семья пребывают в бутафорском мире идиллии моцартовского водевиля и где грозный гул приближающейся трагедии, ощутимый в предельно эмоционально снятой сцене прогона каторжников через патриархальную Москву, взорвет изнутри «Россию, которую мы потеряли».

Оценивая художественный фильм «Сибирский цирюльник», ряд критиков и коллег Михалкова по цеху снисходительно характеризуют его как хорошо сделанный водевиль, лубок. Не дискутируя о специфике жанра, напомним, что и «Преступление и наказание» Достоевского при желании можно отнести к детективному жанру. С нашей точки зрения, «Сибирский цирюльник» — сложное, высокохудожественное произведение, резонансное и дням сегодняшним. И как всякое художественное произведение, оно открыто для интерпретаций, определяемых мироощущением самих наблюдателей-зрителей.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Психосемантические исследования политического менталитета

12.1. Психосемантический анализ политических установок

В отличие от естественных наук моделирование в гуманитарной области знания не столь продвинуто, чтобы претендовать на реальные успехи в плане прагматики, успешного предсказания поведения такой сложной системы, как человеческое общество. Слишком велико количество степеней свободы этой системы, да к тому же ее элементы обладают такой загадочной и неформализуемой способностью, как «свобода воли». Как гротескно выразил эту дилемму Ж.-П. Сартр, «познание или свобода». Однако на материале гуманитарных наук (по сравнению с естественными) явственнее проступает иная функция познания — построение концептуального языка как строительного материала самого сознания познающего.

Категоризация мира есть одновременно его строительство, ибо если продолжить известную дефиницию «сознание — форма отражения действительности», то и окружающая нас действительность (особенно это очевидно для материальных форм человеческой культуры и социальных структур общества) есть «отражение» (порождение) сознания. Как отмечает Дж. Келли, «психологические процессы канализируются по тем руслам, в которых антиципируются события», и построение «потребного будущего» (термин Н. Берштейна) возможно только по тем конструктам, которые представлены в индивидуальном и общественном сознании. Многомерность сознания обусловливает и определяет многомерность путей развития общества. Экспликация тех или иных категориальных структур сознания или их более сложной организации в модельной форме ведет к феномену «самореализующегося прогноза». Отсюда вытекает особая функция социальных моделей, не только описывающих, но и порождающих социальную реальность.

Как единичный, так и коллективный субъект, будь то индивид, политическая партия или общество в целом, обладают определенной картиной мира, что делает возможным осознание мира, себя в

нем, планирование и принятие решений по реализации тех или иных действий. Теоретические основания, лежащие в основе антропоморфной метафоры общества как коллективного субъекта, наделенного общественным сознанием, содержатся в работах К. Маркса, в представлениях О. Шпенглера (1993) об отличиях в менталитете разных цивилизаций (египетской, греко-римской, иудейской, арабской, христианской и т. п.), в реконструкци-

ях картин мира различных исторических эпох А. П. Гуревича (1984), Л. Н. Гумилева (1990).

Понятие картины мира близко к понятиям общественного сознания или менталитета общества, используемым в философской литературе, но оппозиция «сознание <-> бессознательное», принятая в психологии, делает более эвристич-ным использование понятия картины мира как вбирающего и сознаваемые, и неосознаваемые пласты познания. Картина мира представляет собой сложное, многоуровневое образование, в которое, наряду с научным, понятийным знанием, входят и религиозный опыт, и виртуальные построения искусства, и идеология, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного в духе К. Г. Юнга (1991). Картина мира характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию. Например, в картину мира могут входить и неадекватные ценности и цели (антиутопии), и предрассудки и суеверия, и ложные стереотипы.

В психологии исследование картины мира, в том числе и ее политического аспекта, интенсивно развивается в рамках психосемантического подхода (Петренко, 1983; 1988, 1997; Шмелев, 1983, 2002; Франселла, Баннистер, 1987). В психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» (термин А. Н. Леонтьева) культурно-исторических (термин Л. С. Выготского, А. Р. Лурии) моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, плюрализма истины и, как следствие, множественности путей развития как отдельного индивида, так и общества, страны, всего человечества.

Дж. Келли (Kelly, 1955) ввел понятие личностного (персонального) конструкта как элемента этой конструктивной системы на уровне индивида — «имплицитной теории личности» (термин Bruner, Tagiuri, 1954; Kelly, 1955). Когда маленький ребенок говорит о том, что «грязная рубаха теплее» (К. Чуковский, «От двух до пяти»), то это специфический личностный конструкт, связующий две характеристики его опыта. Когда политик утверждает, что «наш народ может сохранить себя через общинность, соборность, коллективизм. В цивилизации, где действует принцип "каждый за себя", русскому народу места нет» (А. Невзоров. День. 1992. № 43), это его специфический личностный конструкт, отражающий его мировосприятие.

Этот термин[1] может быть расширен и использован применительно к общественному сознанию, впитавшему в себя личностные конструкты, ставшие достоя-

В наших примерах имплицитно содержится несколько отличная от Келли трактовка «конструкта». Согласно канонической теории Келли, личностный конструкт - биполярен, и некоему качеству всегда противостоит ему субъективно антонимичное. Например, для одного человека антонимом дружелюбия будет враждебность, для другого - одиночество. Однако сами конструкты, по Келли, принципиально биполярны, и некоторые комментаторы и последователи его теории связывают эту особенность человеческого познания с наличием двух полушарий мозга. С нашей точки зрения, в физическом мире нет биполярности, и противопоставление, например, качеств «тяжелый - легкий» вовсе не означает наличия некой антигравитационной силы, выражаемой прилагательным «легкий». Аналогично прилагательное «маленький» означат малую степень величины, где эталоном размера служит некий нормативный с точки зрения человеческой культуры размер объекта, т. е.

нием культуры: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания умножает скорбь» (Екклесиаст, 1; 18). Конструкт может входить и в виртуальную модель некоторой идеологемы как идеальной, не ставшей, но желаемой картины мира. «Кто не работает, тот не ест» (апостол Павел) — это конструкт, фиксирующий не наличное состояние дел, а описывающий фрагмент идеального мира или «потребного будущего» (в терминах Н. А. Берштейна).

Конструкты общественного сознания могут претерпевать изменения. Так, для мировосприятия раннего христианства с его идеологией нестяжательства, равенства и стоицизма были характерны утверждения: «Блаженны нищие духом» (т. е. нищие по духу — добровольно отказавшиеся от

благ) и «Легче верблюду (по другой версии перевода — канату) пройти через угольное ушко, чем богатому попасть в рай», суть которых операционально можно представить как разнонаправленность векторов «богоугодности» и «богатства». Для протестантской же этики, заложившей идеологическое обоснование промышленной революции (Вебер, 1990), «испытание своей избранности осуществляется посредством практической деятельности в миру» и «богатство, добытое трудом — угодно Богу!».

Таким образом, налицо иное отношение между богатством и богоугодностью, и вектор «богатства», совершив поворот на 180 градусов по отношению к вектору «богоугодности», образовал конструкт «блаженны преуспевающие». Нищих же и бродяг в викторианской Англии ждали тюрьма и работный дом.

Как полагает Дж. Келли, конструкты выступают не только формой, в которой происходит упорядочивание опыта, и но и структурой, задающей планирование и осуществление действия. Единичные конструкты, образуя взаимосвязи, создают категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание действительности. Выявить эти структуры — задача экспериментальной психосемантики. Методом психосемантики и одновременно формой репрезентации категориальных структур сознания (картины мира субъекта) выступает построение субъективных семантических пространств. Знание субъекта, его система значений, конструктов

физические параметры униполярны и биполярными их делают человеческое восприятие и культура. Применительно же к личностным характеристикам, то, как показывают наблюдения так называемых двугорбых распределений качеств, субъект может обладать одновременно неким качеством и другим, антонимичным ему. Например, быть и расчетливым, и безрассудным (в зависимости от ситуации). Кроме того, антонимические полюса конструкта могут иметь различный генезис как в культуре, так и применительно к единичному индивиду, их использующему. Дело в том, что описание отдельных качеств служит скорее для оценки персонажа, а единицами восприятия являются целостные образы. Мы не препарируем личность при восприятии на отдельные качества, а воспринимаем целостный образ, заключая, например, что в нем есть что-то от Печорина, или от Чонкина или от Иудушки Головлева. При этом описываемый человек может нести в себе что-то и от одного образа-полюса конструкта, и от другого, который наша культура или наш собственный опыт полагают противоположным. Мы, в отличие от позиции Келли, расширяем до понятия конструкта любой познавательный эталон, включая в понятие конструкта и этнический стереотип, и некий образ -типаж, и некое житейское обобщение, но отношению к которым респондент может выстраивать субъективные меры сходства, т. е. использовать их как униполярные шкаты. Субъективную же антонимию-синонимию респондента при использовании для описания объекта униполярных шкал-характеристик, исследователь получает уже «на выходе», после проведения статистической обработки (например, факторного анализа) и выявления того, какие характеристики оказались «в режиме употребления» антонимичными для респондента. Т. е. при использовании униполярных шкал для описания объекта появляется дополнительная свобода в оперировании характеристиками респондентом и соответственно дополнительные возможности для анализа личностных конструктов последнего интерпретатором.

в психосемантическом эксперименте задействованы в режиме употребления, а не интроспекции. Испытуемый (интервьюируемый) что-либо оценивает, шкалирует, классифицирует, выносит суждения о сходстве/различии анализируемых объектов, дает ассоциации и т. п. На основе его единичных суждений и оценок строится матрица данных, суммирующая опыт субъекта в некоторой конкретной содержательной области (в нашем случае политической), а затем к полученной матрице данных применяются методы многомерной статистики, факторный, кластерный анализ, методы многомерного шкалирования, латентный анализ, методы распознавания образа и проч. Выделенные структуры, лежащие в основе матрицы данных, интерпретируются как категориальные структуры сознания испытуемого. Являясь структурами осознания мира субъектом, «несущими конструкциями», каркасом его картины мира, они могут не осознаваться как таковые, т. е. быть недоступными самонаблюдению и интроспекции, аналогично тому, как маленький ребенок или неграмотный взрослый использует естественный язык, не осознавая его структуры (грамматики), но тем не менее правильно строит речь на основе имплицитных правил грамматики.

Так, например, факторный анализ позволяет выделить пучки взаимосвязанных признаков, конструктов и таким образом уменьшить исходный базис признаков описания, сведя их к неким

обобщенным категориям-факторам, которые выступают в качестве координатных осей семантического пространства. При геометрическом представлении семантического пространства выделяемые с помощью факторного анализа личностные или познавательно-культуральные конструкты образуют координатные оси некоего n-мерного пространства, а анализируемые объекты задаются как координатные точки внутри этого пространства. При этом величина проекции объектов на семантические оси показывает степень выраженности в объекте (понятии, образе) смысла, заданного определенным фактором (конструктом). Отдельные параметры выступают операциональными коррелятами когнитивных структур. Так, размерность семантического пространства (число независимых, не- или слабокоррелирующих между собой факторов) отражает когнитивную сложность индивидуального или группового сознания. Сознание человека гетерогенно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной области знания и низкую — в другой. Так, например, в построенном Ч. Осгудом семантическом пространстве восприятия политических реалий (или институтов) «средним американцем», «человеком с улицы» конца 1960-х гг., выделялся всего один фактор, интерпретированный как «доброжелательный динамизм <-» бессильное злобствование». Политические реалии размещались вдоль единственной оси такого «одномерного» сознания. Ситуация, напоминающая в целом черно-белое сознание уже цитированного нами тележурналиста А. Невзорова с его классификацией «наши — не наши». С другой стороны, на материале тех же «средних американцев» выделялось семь-девять независимых факторов в области восприятия «экзистенциальных понятий», обозначающих значимых других или интроектов (персонажей внутреннего диалога): «мой отец», «мое сокровенное я», «мой друг»», мой враг» и т. д. То есть когнитивная сложность сознания в этой области была существенно выше. Но, очевидно, если бы в роли испытуемых выступали, предположим, политологи Колумбийского университета Нью-Йорка, результаты по восприятию политических партий были бы иными.

Другим операциональным коррелятом семантических пространств выступает мощность выделяемых факторов (вклад фактора в общую дисперсию), отражающая субъективную значимость данного основания категоризации, представленного фактором, в сознании субъекта. Например, в нашем кросс-культурном исследовании восприятия девушками-студентками поступков из семейно-бытовой сферы фактор «Эмансипированность <-> Традиционализм» был гораздо мощнее у азербайджанских девушек, чем у русских.
Мощность фактора как показатель субъективной значимости данного основания категоризации сам по себе, конечно, не говорит о позиции испытуемых по этой проблеме (их координат по оси данного фактора). Так, например, фактор «религиозности» будет одинаково мощным и у религиозного фанатика, и у воинствующего атеиста. В нашем примере азербайджанское «я сама» и «мой идеал» лежали на полюсе традиционализма, в то время как у русских девушек — на полюсе эмансипированности. Но мощность фактора свидетельствует о том, что для азербайджанок проблема «эмансипированность <-* традиционализм» более значима, чем для русских. Для азербайджанок восприятие семейной сферы под этим углом зрения (как правило, на неосознанном уровне) было более важным, хотя они могли и не рефликсировать эту базисную ось категоризации, представленную фактором с мощным весом.
Наконец, размещение объектов восприятия и осознания (например, политических партий или известных политических деятелей) отражает восприятие их испытуемыми, и их имидж может быть описан на языке базисных факторов семантического пространства, исходя из проекций их координат на оси семантического пространства.
Близкие идеи, получившие независимое развитие, мы находим у французского исследователя П. Бурдье. Говоря о социальной топологии, он предлагает изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме. «Деление, объективированное в таком геометрическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура. Построенное социальное пространство одновременно задает определенную типологизацию: субъекты занимают определенные позиции, а различия между ними задаются геометрическим расстоянием. Социальное пространство есть не только реализация политико-смыслового различия, деления, понимаемого как совокупность позиций, но и пространство видения этого деления, а также не только занятие определенной позиции в пространстве, но и выработка определенной политической позиции» (Бурдье, 1993). Индивидов, способных действовать и быть носителями

практик определенного рода в политической жизни и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве, Бурдье называет «агентами» и определяет их по относительным позициям в этом пространстве.

Семантическое пространство есть не только место отношений смыслов, но и сил, направленных на трансформацию этих отношений, и, как следствие, это место непрерывного изменения.

Выработка категорий, по которым противопоставляются субъекты политической деятельности, по-разному относящиеся к реалиям политической жизни

общества и имеющие различные позиции по связанным с этими реалиями вопросам, ведется при помощи всевозможного рода публичных формул: хороших и плохих заявлений, благословений и проклятий, злословий и похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений и т. п. Не случайно слово *kategoresthai,* от которого происходят категории и категоремы, означает «обвинить публично».

Категориальная структура политического менталитета общественного сознания (семантическое пространство политических партий)

Вызванная перестройкой активизация общества привела к образованию многочисленных неформальных объединений, имеющих политический характер народных движений, политических клубов, экологических, национально-религиозных обществ и независимых профсоюзных объединений (стачкомов), выдвигающих различные требования, в том числе политического характера.

Это пробуждение политического сознания во многом способствовало отмене на III съезде народных депутатов СССР 6-й статьи Конституции СССР «О руководящей и направляющей роли КПСС» и привело первоначально *де-факто,* а после утверждения «Положения о партиях» *де-юре* к состоянию многопартийности в СССР.

Политические партии как организационно оформленные объединения людей, придерживающихся сходных идеологических установок, сходной системы ценностей, разделяющих выраженную в программе партии общую модель желаемого, «потребного будущего», выступают как общественные выразители интересов и потребностей различных социальных слоев общества, как материализованная форма их общественного сознания. Занимаясь профессионально или полупрофессионально переводом экономических и духовных интересов делегирующих их социальных групп на язык политических требований и программ, политические партии осуществляют тем самым своеобразный глубинный психоанализ, рефлексию смутных, но тем не менее болезненных проблем, переводя их в доступную рациональной проработке сознательную плоскость. В этом плане само существование политических партий неотделимо от диалога и парламентаризма как формы его воплощения. Само существование политической партии подразумевает множественность, возможность противопоставленности в задаче «найти свою правду» (Ф. Достоевский). Однопартийность исключает реализацию той самой задачи, ради которой возникают в ходе эволюции общества политические партии, — порождать новые идеи, реализовывать возможные степени свободы в потенциальных направлениях движения общества.

Конечно, представление о членах партии как о бескорыстных правдоискателях, «рыцарях конечной черты», ищущих путь человечества к «правде святой», есть некая идеализация. В реальной жизни все гораздо противоречивей, и одни занимаются самоутверждением или, хуже того, гиперкомпенсацией собственной неполноценности, канализируя агрессивную неудовлетворенность в социально допустимые формы политической борьбы, другие стремятся к «кормушке» и, дорвавшись до нее, занимают круговую оборону, образуя «внутреннюю партию» (Дж. Оруэлл), отстаивающую корпоративные интересы.

Тем не менее через политическую борьбу общество осознает множественность возможных альтернатив выбора пути своего развития, а затем, избрав один из них, реализует свою свободу и несет бремя выбора.

Отметим, что в отечественной официальной идеологии до недавнего времени господствовала идея эквифинализма истории, подразумевавшая наличие некоторого единого магистрального пути развития общества, где история каждой конкретной страны, ее своеобразие есть только вариация на заданную тему «мировой истории», обусловленной объективными законами развития и смены формаций. Выдававшаяся за марксизм, эта система взглядов, согласно Н. Бердяеву, на самом деле была заимствована из христианской теологии и представляет собой принявшее светский облик

эсхатологическое мессианство. Оно унаследовано от иудей-ско-христианских пророков и попросту переиначено. «Вместо провидения обожествлена сама история и на ее алтарь брошено все и вся, искупителем первородного греха сделан рабочий, а в грядущем обещано все то же второе пришествие Христа с мозолистыми руками и светлое царство духа, но только уже на земле. Свобода личности здесь растоптана железной поступью рационалистически истолкованной Истории, и жизнь сегодняшних поколений безжалостно принесена в жертву неведомому будущему "граду солнца"» (цит. по: Великовский, 1973. С. 21).

Чем более развитым является общество, тем большее количество степеней свободы оно имеет, и от сознательного выбора, активной работы по мироустройству самого человека как субъекта истории зависит дальнейшее движение общества.

В этом плане нельзя не согласиться с академиком А. Сахаровым в его споре с А. Солженицыным о необходимости политических партий как гарантов политических свобод. Мы рассматриваем политическую борьбу в первую очередь как борьбу идей, порождение новых смысловых конструктов (в терминах Дж. Келли), расширяющих пространство свободы осознанно выбирающему пути своей эволюции обществу. Плюрализм обеспечивает своего рода необходимый запас мутаций, обеспечивающих творческую эволюцию, приток «свежей крови», спасающий от застоя и вырождения.

В то же время, развивая «биологическую метафору» применительно к обществу как живому организму, следует вспомнить и о противоположном аспекте механизма наследственности — «консерватизме наследственности», обеспечивающем преемственность, связь поколений, спасающем от появления мутантов, манкуртов, «иванов, не помнящих родства». Поэтому, утверждая положение об объективной необходимости партий как гарантов политических свобод, а значит, факторов развития общества, необходимо отметить, что сама возможность существования свобод обусловлена соблюдением неких базисных норм — общечеловеческих ценностей, фиксированных, в частности, в христианстве и иудаизме в форме заповедей («Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлить дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе; Не убивай; Не кради; Не прелюбодействуй; Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего; Не желай дома ближнего твоего; Не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего; Не делай неправды на суде, и не угождай лицу великого; По правде суди ближнего твоего, не враждуй на брата твоего в сердце твоем, но люби ближнего твоего, как самого себя» (Библия); а в рационалистической философии выраженных в виде категорического императива Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как

к средству» (Кант, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 270). В современном варианте аналогом этических и правовых заповедей можно считать «Всеобщую декларацию прав человека», принятую ООН.

Право на свободу волеизъявлений имеют, на наш взгляд, только те политические образования, которые признают этот базовый уровень как уже пройденную ступеньку в эволюции, восхождении человечества к Человеку. В рамках Нюрнбергского процесса уже была проведена своеобразная этическая экспертиза на предмет нарушения общечеловеческих норм национал-социалистической партией Германии. Однако подобного рода экспертиза может проводиться и в рамках семантического анализа программных документов и высказываний политических лидеров.

Политические партии как объединения наиболее политически активных людей, преследующих сходные политические цели, исповедующих единую (или близкую) идеологию, имеющих сходные политические установки, выступают коллективными субъектами-носителями неких идеологем. Выделение базисных факторов семантического пространства сходства и различия этих партий позволяет реконструировать базовые категории и конструкты, в которых общество может осознать свои проблемы и рефлексировать возможные пути, заданные этими конструктами в своем развитии (т. е. реализации имеющихся «степеней свободы»).

Рассмотрим в качестве примера **исследование категориальных структур сознания российского общества, проведенное мной и О. В. Митиной в 1991 г.** (см.: Петренко, Митина, 1991).

Исследование проводилось в течение лета 1991 г., текст статьи был написан непосредственно перед августовскими событиями, связанными с попыткой вооруженного путча ГКЧП. Читатель с позиции временной отстраненности от тех событий может оценить предсказательную мощность и возможности предложенного метода анализа.

Участниками опроса были члены 30 политических партий и движений и двух социальных групп

(ветераны ВОВ и офицеры МВД), общим числом 299 человек.

Процедура опроса. Участникам (каждому индивидуально) предъявлялся опросный лист, включавший высказывания-утверждения политического характера без указания их источника. Интервьюируемый мог согласиться с утверждением, поставив в соответствующей графе «+1», не согласиться с утверждением, поставив «-1», выразить сомнение, поставив «0». В ситуации, если утверждение, с точки зрения интервьюируемого, было сформулировано некорректно и не позволяло ответить однозначно, он мог поставить прочерк. Опросный список включал отдельные положения политических деклараций партий и движений, касающиеся внешней политики, нового политического мышления, проблем сокращения вооружений и вывода советских войск из Восточной Европы, понимания многопартийности и роли КПСС в политической жизни страны, отношения к марксистско-ленинской идеологии, религии, поиска путей экономического развития страны, отношения к частной собственности, фермерству и колхозному землепользованию. Часть утверждений отражала проблемы государственного союзного устройства, аспекты суверенизации и взаимоотношения республик, затрагивала проблемы национального самосознания, развития языка и культуры, ряд пунктов «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН, утверждающих суверенность личности и права человека, фрагменты выступлений известных по-

литических деятелей в ходе съездов народных депутатов СССР и РСФСР и работы верховных советов за период с 1988 по февраль 1991 г. Список утверждений был подобран таким образом, чтобы они по возможности охватывали широкий спектр политических воззрений и содержали противоположные мнения.

Опрос проводился в конце весны — начале лета 1991 г.

Отношение интервьюируемых к опросу лежало в диапазоне от доброжелательно-заинтересованного (когда люди не только заполняли опросник, но и давали советы, комментарии, благодарили за возможность обдумать свои позиции по широкому спектру проблем, хотели получить текст опросника, чтобы провести опрос среди коллег и друзей, просили сообщить результаты исследований, предлагали содействие в публикации результатов и т. п.) до настороженно-неприязненного. Вот примеры типичных «уходов» от опроса: «Я должна поговорить с руководством партии. Если они разрешат, то мы разрешим вам опрашивать»; «Анкету будем заполнять только от лица всей партии после коллективного обсуждения, а индивидуальные мнения — это большевистские штучки»; «Анкету заполнил, но не отдам, так как вы ее неправильно истолкуете». Тем не менее большинство из тех, к кому мы обратились, проявили заинтересованность и заполнили опросный лист.

Таблица 12.1 Список политических партий, участвовавших в опросе

Название партии на момент 1991 г.	**Сокращенные обозначения**
Движение «Демократическая Россия»	ДР
Мемориал	Мем.
Партия Конституционных демократов Золотарева	Кад.
Республиканская партия Российской Федерации	РПР
Молодежный комитет «ЭХО»	ЭХО
Демократический союз (партия Новодворской)	**дс**
Российская партия «зеленых»	Зел.
Социалистическая партия	Соц.
Социал-демократическая партия России	СДПР
Товарищество социалистов-народников	Нар.
Анархисты	Анар.
Объединенный фронт трудящихся	ОФТ
Общественно-политический совет «Гражданское согласие»	ОПС
Общество охраны памятников истории и культуры	ВООПИК
Русская академия наук	РусАН
Компартия РСФСР	КП РСФСР

Коммунистическая инициатива	КПСС-иниц.
Марксистская платформа в КПСС	КПСС маркс.
КПСС в целом	КПСС
Автоматически выбывшие из КПСС после событий 1991 года	КПСС нейт.
Сторонники М. Горбачева в КПСС до событий 1991 года	КПСС центр.

Окончание табл. 12.1

Название партии на момент 1991 г.	**Сокращенные обозначения**
Либерально-демократическая партия (партия Жириновского)	лдп
Национально-патриотическое движение «Память» (партия Васильева)	**Пам.**
Союз «Христианское возрождение»	**Мои.**
Демократическая партия России (партия Травкина)	**ДПР**
Коммунисты за демократию (партия Руцкого)	**КПСС** дем.
Христианско-демократический союз России	хдс
Демократическая партия Советского Союза (партия Семенова)	**ДПСС**
Слушатели Академии Министерства внутренних дел	МВД
Кадровые военные — ветераны Великой Отечественной войны	ВОВ

Вопросы из анкеты 1991 года, ответы на которые использовались при составлении таблицы.

1. Необходимо законодательно закрепить право военнослужащих не выполнять приказы, противоречащие закону или международному праву (Хартия МНФ. Гражданский референдум. № 1. 1989). 5. Реальности создаются в мире такие, что продолжение разоружения в одностороннем порядке будет похоже на глупость или преступление (В. А. Макашов, генерал-полковник. Третий съезд народных депутатов. Известия. 1990. 16 марта.)

10. Служба в армии — почетный долг и священная обязанность каждого гражданина СССР (Конституция СССР, Основной закон).

13. Б. Ельцина вполне можно было бы причислить к правым, как и порожденный им «ельцинизм», или авантюрно-демократическое авторитарное политиканство (Н. Андреева. Московские новости. 1989. № 2).

18. Необходим роспуск политической полиции — КГБ (Партия «Демократический союз». Документы 2-го съезда. Программа социал-демократической ассоциации. Социал-демократ. № 2).

24. Некоторые советские издания переполнены ядом, направленным против самого СССР и социализма. Чувствуется, что за этим скрывается рука империализма, реакции и контрреволюции (Фидель Кастро. Социализм или смерть. Гавана, 1989).

36. Необходим контроль трудящихся за средствами массовой информации (Первый съезд Объединенного фронта трудящихся СССР. Документы и материалы).

38. Идеи Ленина, освобожденные от догматического толкования, обогащенные современной мыслью и опытом социалистического строительства, да и всего мирового строительства служат надежной основой перестройки (В. Крючков. Согласие. 1989. № 19).

39. Нас сегодня оглупляют средствами массовой информации. У нас сегодня начались массовые реабилитации, и под шумок гласности и реабилитации

реабилитируется сионизм (Д. Болашев, член ЦК КПСС. Московские новости. № 10).

42. Если наш вождь и основатель действительно заложил основу чего-то, так это возведение в принцип государственной политики массового насилия и террора (Ю. Н. Афанасьев. Третий съезд народных депутатов. Известия 1990. 14 марта).

65. Ряд отечественных псевдолидеров в своих зарубежных вояжах торгуют советской территорией, не полив ее ни потом, ни кровью. Все это происходит в условиях, когда страны НАТО не снижают, а наращивают военный потенциал, когда под одобрительные похвалы Запада у

нас проводится поспешная конверсия оборонной промышленности, когда в связи с демонтажом Вооруженных Сил наших союзников и ускоренным выводом советских войск из Европы меняется стратегическое равновесие в мире (И. Н. Кожедуб. Третий съезд народных депутатов СССР. Известия. 1990. 15 марта).

67. Давайте не будем отталкивать от себя добрые руки, которые протянуты к нам из-за океана — во многом благодаря тому, что через личность Горбачева многие там поняли, что мы никакая не «империя зла» (Ю. В. Друнина. Третий съезд народных депутатов СССР. Известия. 1990. 15 марта).

73. Пацифизм — путь к миру.

80. Авторитарный строй в условиях православия был не так уж плох (А. И. Солженицын. Советская молодежь. 1990. 9 января).

81. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития (А. Сахаров. Советская молодежь. 1990. 9 января).

97. Весь уклад человеческой жизни должен быть приспособлен к законам развития личности, организующейся в свободные ассоциации, государство должно быть уничтожено (КАС. Литературная газета. 1990. 7 февраля).

112. Следует предусмотреть добровольный порядок указания национальной принадлежности во всех обязательных к заполнению анкетах и документах (Гражданский референдум. 1989. № 1. Хартия МНФ).

122. Русский народ на протяжении семидесяти лет пережил геноцид, организатором которого явился Сион (Н. А. Ширяев, председатель Ленинградской городской организации «Память». Советская молодежь. 1990. 9 января).

126. Республики должны обладать полной экономической самостоятельностью (Проект конституции А. Сахарова).

128. Наилучшим решением межнациональных проблем является заключение нового Союзного договора, при котором СССР преобразуется в конфедерацию суверенных государств (Программа Социал-демократической ассоциации. Социал-демократ. № 2).

130. Необходимо защищать права коренных национальностей республик оставаться полноправной основной нацией на своей территории. Для этого следует остановить рост удельного веса населения других национальностей (Программа НФЭ).

134. Выступаю за единство и территориальную целостность СССР.

140. Считаю, что все культовые здания должны быть возвращены церкви и использоваться по назначению (Программа Социал-демократической ассоциации. Социал-демократ. № 2).

155. Поддерживаю принцип — никакого сокращения рабочих мест без гарантированной возможности трудоустройства (Хартия МНФ. Гражданский референдум. 1989. № 1).

161. Основой экономического регулирования должны стать принципы рынка и конкуренции (Проект конституции А. Сахарова).

168. Нельзя модернизировать социализм, лечить болевые точки нашей экономики методами капиталистического хозяйства (Е. К. Лигачев. Собеседник. 1990. № 1).

171. Нужно дать достойный отпор планам разделить Россию на экономические зоны (В. Белов. Литературная Россия. 1990. № 10).

172. Субъектом права на землю, природные ресурсы следует выступать не народам, а республике, как суверенному государственному образованию, выражающему волю всех своих граждан, независимо от национальностей, способному отстоять их интересы перед диктатом центральных ведомств (Н. А. Назарбаев. Третий съезд народных депутатов. Известия. 1990).

173. Провести денежную реформу, ввести экономически обоснованные цены, жестко контролировать выполнение производственных планов и, наверное, ввести государственную карточную систему на основные продовольственные товары. Там, где бессильны традиционные государственные меры, необходимо применять меры партийной и политической ответственности (Гидаспов. Огонек. 1990. 16 апреля).

174. Я требую разгосударствливания предприятий, их превращения в народные, коллективные, акционерные, кооперативные, с тем чтобы трудящиеся смогли сами управлять ими, неограниченно распоряжаться произведенной продукцией и доходами от ее реализации, самостоятельно формировать фонды заработной платы (Предвыборная платформа Союза кооператоров СССР. Коммерсант. 1990. 5 февраля).

191. Я за такой Союзный договор по которому республики передают центру права а не наоборот

(Е. Асанбаев, председатель ВС Казахстана. Правда. 1990. 17 ноября).
195. Определение границ, установление дипломатических отношений, своя экономика, своя денежная система, своя дипломатия и т. д. — ненужное и неразумное стремление, не вижу в этом какого-то в историческом смысле плодоносящего явления (Н. Н. Губенко. Правда. 1990. 3 ноября).
199. Я против наемного труда: границы частного предприятия должны определяться возможностями личного труда или труда членов семьи (Основные направления деятельности КП РСФСР. Советская Россия. 1990. 8 декабря).
204. Обсуждение вопроса о Союзном договоре надо начинать с принятия закона о суверенитете личности и правах гражданина СССР (Р. Быков. Правда. 1990. 18 декабря).
205. Права нации — выше прав человека (ЛатвНФ. Известия. 1990. 21 декабря).
206. Суверенитет республик не должен строиться за счет интересов человека, его прав, какой бы национальности он ни был (А. П. Клауцен. Известия. 1990. 21 декабря).
212. Заключение нового союзного договора отвечает интересам всех республик и народов.
358

Фрагмент матрицы усредненных данных по партиям

Название движения (партии)	***ДР***	ДПР	Кад.	Мем.	РПР	СДПР	хдс	ЭХО	ДС	Анар.	Зел.	Нар.	Соц.	КПСС в цел.	***КПСС I*** дем I
Кол-во анкетируемых	**95**	**19**	**13**	**14**	**15**	**10**	**12**	**13**	**13**	**13**	**9**	**5**	**12**	**63**	**12**
Мера единодушия	**1,6**	**2,0**	**2,1**	**1,7**	**2,0**	**2,6**	**1,8**	**2,6**	**1,7**	**1,4**	**1,7**	**2,0**	**1,8**	**1,3**	**1,4**
1	**0,7**	**1,0**	**0,8**	**0,7**	**0,4**	**0,6**	**0,4**	**0,7**	**0,5**	**0,7**	**0,7**	**1,0**	**0,6**	**0,0**	**0,4**
5	**-0,5**	**-0,5**	**-0,6**	**-0,4**	**-0,6**	**-0,9**	**0,0**	**-0,5**	**-0,7**	**-0,3**	**-0,8**	**-0,8**	**-0,1**	**0,5**	**0,0**
10	**-0,6**	**-0,5**	**-0,8**	**-0,5**	**-0,2**	**-0,9**	**-0,7**	**-0,8**	**-1,0**	**-0,5**	**-0,8**	**-0,6**	**-0,5**	**0,5**	**0,2**
13	**-0,7**	**-0,7**	**-0,7**	**-0,5**	**-0,9**	**-0,9**	**-0,5**	**-1,0**	**0,3**	**0,6**	**0,5**	**0,4**	**0,0**	**0,4**	**-0,2**
18	**0,6**	**0,6**	**0,7**	**0,7**	**0,2**	**0,4**	**0,6**	**0,9**	**0,5**	**0,6**	**0,3**	**1,0**	**0,0**	**-0,4**	**0,0**
24	**-0,8**	**-0,8**	**-1,0**	**-0,8**	**-0,7**	**-1,0**	**-0,6**	**-0,8**	**-0,2**	**-0,2**	**-0,7**	**-0,4**	**-0,6**	**0,3**	**0,0**
36	**-0,5**	**-0,2**	**-0,3**	**-0,6**	**-0,7**	**-0,8**	**-0,4**	**-0,8**	**-0,5**	**0,6**	**-0,1**	**-0,2**	**-0,6**	**0,4**	**0,0**
38	**-0,8**	**-0,6**	**-0,9**	**-0,8**	**-0,7**	**-0,9**	**-0,7**	**-0,8**	**-0,4**	**-0,1**	**-0,2**	**-1,0**	**0,0**	**0,2**	**0,0**
39	**-0,6**	**-0,3**	**-0,6**	**-0,9**	**-0,6**	**-0,6**	**-0,5**	**-0,8**	**-0,6**	**-0,4**	**-0,7**	**-0,4**	**-0,5**	**0,0**	**-0,4**
42	**0,8**	**0,8**	**0,8**	**0,7**	**0,8**	**0,9**	**0,9**	**1,0**	**0,9**	**0,2**	**0,0**	**1,0**	**0,0**	**-0,5**	**- •0,1**
65	**-0,7**	**-0,7**	**-0,6**	**-0,7**	**-0,8**	**-1,0**	**-0,3**	**-0,8**	**-0,6**	**0,1**	**0,1**	**-0,6**	**-0,6**	**0,3**	**-0,1**
76	**0,3**	**0,1**	**0,4**	**0,6**	**0,7**	**0,7**	**0,3**	**-0,2**	**-0,1**	**-0,2**	**0,4**	**0,2**	**0,4**	**0,3**	**0,3**
73	**0,4**	**0,4**	**0,4**	**0,7**	**0,3**	**0,6**	**0,3**	**0,3**	**0,3**	**0,5**	**0,6**	**1,0**	**0,3**	**-0,1**	**-0,1**
80	**-0,5**	**-0,4**	**-0,4**	**-0,7**	**-0,4**	**-0,8**	**-0,1**	**-0,6**	**0,0**	**-0,5**	**-0,7**	**-0,8**	**-0,5**	**-0,5**	**-0,9**
81	**0,8**	**0,9**	**0,6**	**0,5**	**1,0**	**1,0**	**0,5**	**0,8**	**0,3**	**0,0**	**0,6**	**0,8**	**0,6**	**0,7**	**0,8**
97	**-0,1**	**0,0**	**0,0**	**0,2**	**-0,2**	**-0,3**	**-0,2**	**-0,3**	**0,0**	**0,7**	**0,6**	**0,8**	**0,4**	**-0,1**	**0,0**
112	**0,7**	**1,0**	**0,6**	**0,6**	**0,8**	**0,9**	**0,5**	**0,8**	**0,6**	**0,4**	**1,0**	**1,0**	**0,8**	**0,5**	**1,0**
122	**-0,7**	**-0,6**	**-0,7**	**-0,6**	**-0,7**	**-0,9**	**-0,2**	**-0,9**	**-0,5**	**-0,6**	**-0,8**	**-0,4**	**-1,0**	**-0,5**	**-0,7**
126	**0,8**	**1,0**	**0,9**	**0,8**	**0,8**	**1,0**	**0,5**	**1,0**	**0,9**	**0,3**	**0,7**	**1,0**	**0,5**	**0,0**	**0,2**
128	**0,6**	**0,6**	**0,8**	**0,7**	**0,6**	**0,8**	**0,0**	**0,4**	**-0,1**	**0,0**	**0,2**	**0,4**	**-0,1**	**-0,1**	**0,1**
130	**-0,3**	**-0,5**	**-0,3**	**-0,1**	**-0,4**	**-0,5**	**-0,2**	**-0,3**	**0,0**	**-0,5**	**-0,5**	**-0,6**	**-0,8**	**-0,4**	**-0,8**
134	**-0,7**	**-0,8**	**-0,8**	**-0,6**	**-0,3**	**-0,9**	**-0,4**	**-1,0**	**-0,8**	**-0,4**	**-0,5**	**-1,0**	**-0,2**	**0,8**	**0,6**
140	**0,9**	**0,9**	**0,8**	**0,8**	**0,7**	**1,0**	**1,0**	**1,0**	**0,6**	**0,0**	**0,2**	**0,6**	**0,8**	**0,3**	**0,5**
155	**-0,2**	**0,0**	**-0,8**	**-0,4**	**-0,4**	**0,1**	**0,0**	**-0,1**	**-0,2**	**0,6**	**0,3**	**0,4**	**0,6**	**0,6**	**0,5**
161	**0,9**	**1,0**	**1,0**	**0,8**	**1,0**	**1,0**	**0,9**	**0,9**	**0,8**	**0,0**	**0,4**	**0,8**	**0,3**	**0,0**	**0,5**
168	**-0,2**	**-0,4**	**-0,3**	**0,0**	**-0,2**	**-0,1**	**-0,1**	**-0,6**	**-0,5**	**0,2**	**0,1**	**0,0**	**-0,3**	**0,3**	**0,1**
171	**-0,5**	**-0,4**	**-0,5**	**-0,4**	**-0,2**	**-0,8**	**-0,4**	**-0,8**	**-0,3**	**-0,4**	**-0,7**	**0,0**	**0,0**	**0,3**	**0,0**
172	**0,5**	**0,5**	**0,6**	**0,5**	**0,8**	**0,9**	**0,0**	**0,5**	**0,2**	**-0,4**	**-0,5**	**-0,6**	**-0,2**	**0,0**	**-0,4**
173	**-0,7**	**-0,5**	**-0,8**	**-0,7**	**-0,8**	**-0,9**	**-0,6**	**-0,9**	**-0,2**	**-0,5**	**-0,5**	**-1,0**	**-1,0**	**0,0**	**-0,5**

174	**0,6**	**0,8**	**0,4**	**0,7**	**0,8**	**1,0**	**0,5**	**0,0**	**0,2**	**0,2**	**0,6**	**1,0**	**0,8**	**0,1**	**0,4**
191	**0,7**	**0,9**	**1,0**	**0,6**	**0,9**	**0,9**	**-0,2**	**0,6**	**0,0**	**0,3**	**0,4**	**0,6**	**0,6**	**0,5**	**0,7**
195	**-0,4**	**-0,4**	**-0,6**	**-0,2**	**-0,2**	**-0,7**	**0,0**	**-0,7**	**-0,6**	**-0,1**	**-0,3**	**-0,4**	**0,0**	**0,4**	**0,3**
199	**-0,8**	**-0,8**	**-1,0**	**-0,7**	**-0,9**	**-0,8**	**-0,7**	**-0,9**	**-0,9**	**-0,5**	**0,0**	**-0,4**	**-0,4**	**0,1**	**0,0**
204	**0,7**	**0,6**	**0,9**	**0,6**	**0,7**	**1,0**	**0,9**	**0,2**	**0,5**	**0,2**	**0,7**	**0,4**	**0,5**	**0,2**	**0,5**
205	**-0,8**	**-0,8**	**-1,0**	**-0,7**	**-0,8**	**-1,0**	**-0,6**	**-0,8**	**-0,6**	**-0,6**	**-0,7**	**-1,0**	**-1,0**	**-0,6**	**-0,9**
206	**0,8**	**0,7**	**1,0**	**.0,9**	**1,0**	**0,8**	**0,8**	**0,9**	**0,4**	**0,6**	**1,0**	**1,0**	**1,0**	**0,6**	**0,5**
212	**0,0**	**0,1**	**-0,1**	**-0,2**	**0,2**	**0,3**	**0,2**	**-0,5**	**-0,6**	**-0,3**	**-0,4**	**-0,4**	**-0,1**	**0,4**	**0,4**

359

Таблица 12.2 **по результатам опроса 1991 г.**

Нзваиие движения (партии)	КПСС иниц.	КПСС маркс	КПСС нейтр.	кп РСФСР	КПСС центр.	ЛДП	опс	**ВООПИК**	Рус АН	ОФТ	Мон.	Пам.	МВД	ввов	Дисперсия
Кол-во анкетируемых	13	12	10	9	7	13	13	6	3	11	8	6	26	10	
Мера единодушия	1,7	1,7	1,4	1,3	1,5	1,7	1,5	1,7	1,7	1,6	1,8	2,3	1,2	1,5	
1	-0,3	-0,4	0,4	-0,3	0,2	0,5	-0,1	-0,1	-0,3	-0,4	-0,5	-0,3	0,3	-1,0	0,61
5	0,6	0,7	0,1	1,0	0,7	0,1	1,0	1,0	1,0	0,9	1,0	1,0	1,0	0,8	0,71
10	0,7	0,9	0,0	0,7	0,4	-0,4	1,0	1,0	1,0	0,8	0,5	0,6	0,6	1,0	0,74
13	0,9	1,0	-0,4	0,8	0,2	-0,3	0,6	0,8	-0,3	0,7	0,5	0,0	0,0	0,8	0,69
18	-0,8	-0,7	-0,2	-0,4	-0,2	-0,2	-0,6	-0,5	-0,3	-0,6	-0,6	-1,0	-1,0	-0,6	0,64
24	0,5	0,7	-0,1	0,6	0,1	-0,5	0,9	1,0	0,6	0,8	0,5	0,3	0,3	1,0	0,72
36	0,7	0,6	-0,3	0,5	0,7	-0,3	0,7	0,8	1,0	0,7	0,3	0,3	0,3	0,5	0,66
38	0,3	0,9	-0,7	0,2	0,7	-0,6	-0,5	-0,5	-0,3	0,7	-0,6	-1,0	0,0	0,8	0,58
39	0,3	0,4	0,5	0,3	-0,2	-0,3	0,8	0,7	1,0	0,8	1,0	1,0	-0,3	0,6	0,69
42	-0,9	-0,8	-0,1	-0,3	-0,5	0,6	0,5	0,2	0,6	-0,7	1,0	1,0	-0,2	-1,0	0,68
65	0,6	0,8	-0,4	0,6	0,1	0,0	1,0	1,0	1,0	0,9	1,0	1,0	-0,1	0,9	0,74
76	-0,2	0,0	1,0	0,4	1,0	0,4	0,0	0,1	0,0	0,0	-1,0	-1,0	0,3	0,3	0,51
73	-0,3	-0,3	0,2	-0,3	0,0	0,3	-0,5	-0,5	-0,3	0,0	-1,0	-1,0	-0,2	0,0	0,54
80	-0,6	-0,8	-0,2	-0,1	-0,5	-0,3	0,4	0,7	0,0	0,3	1,0	0,6	-0,6	0,0	0,61
81	0,4	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9	0,1	0,2	0,0	0,5	-1,0	-1,0	0,8	1,0	0,57
97	0,1	-0,2	-0,1	-0,2	-0,7	-0,5	-0,9	-1,0	-1,0	-0,1	-1,0	-1,0	-0,5	-0,6	0,50
112	0,3	0,3	0,7	0,2	0,4	0,6	-0,3	-0,1	-0,3	0,0	-0,2	-1,0	0,3	-0,7	0,65
122	-0,4	-0,6	-0,2	-0,1	-1,0	-0,6	0,9	1,0	0,6	0,2	0,7	1,0	-0,4	-1,0	0,72
126	-0,6	-0,1	0,7	-0,1	0,1	0,4	-0,2	0,1	-1,0	-0,5	-0,7	-1,0	0,7	-0,5	0,70
128	-0,5	-0,8	0,6	-0,3	0,5	0,6	-0,6	-0,7	-0,3	-0,7	-0,8	-1,0	0,5	-0,8	0,64
130	-0,7	-0,5	-0,4	0,0	0,0	0,0	-0,3	-0,4	0,0	-0,2	-0,2	-0,3	-0,3	0,5	0,40
134	1,0	0,9	0,3	1,0	1,0	0,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,6	1,0	0,81
140	-0,3	-0,2	0,9	0,4	1,0	0,8	0,8	1,0	0,3	0,2	1,0	1,0	0,8	0,2	0,38
155	1,0	0,7	0,3	0,6	0,7	0,0	0,6	0,7	0,3	0,7	0,7	1,0	0,3	0,8	0,48
161	-0,9	-0,8	0,6	0,1	1,0	0,9	-0,3	-0,5	-0,6	-0,8	0,2	0,6	0,5	0,4	0,67
168	0,8	0,7	0,0	0,3	-0,8	-0,4	0,7	0,5	1,0	0,7	0,0	-0,3	-0,4	0,4	0,56
171	0,6	0,5	0,2	0,5	0,1	0,0	0,8	0,8	0,6	0,8	1,0	1,0	-0,1	0,8	0,62
172	-0,0	-0,3	0,5	-0,1	0,5	0,3	0,0	0,0	-0,3	0,0	-0,7	-1,0	0,3	0,4	0,53
173	0,6	0,1	-0,5	0,3	0,2	-0,4	0,4	0,1	0,6	0,6	-0,5	-1,0	0,0	0,7	0,66
174	-0,4	0,2	0,6	-0,1	0,2	0,8	-0,2	-0,4	-0,6	-0,2	-0,5	1,0	0,2	-0,7	0,54
191	0,2	0,4	0,9	0,2	1,0	0,7	0,3	0,4	0,6	-0,1	0,0	-0,3	0,6	0,9	0,51
195	0,5	0,7	0,5	0,2	0,4	0,2	0,7	0,7	0,6	0,7	0,5	0,3	0,2	0,4	0,57
199	0,6	0,4	-0,2	0,0	-0,1	-1,0	0,5	0,7	0,6	0,9	-0,5	-1,0	-0,1	0,8	0,66
204	-0,3	0,1	0,6	0,5	0,2	0,6	0,2	0,0	0,3	0,0	-0,2	-0,3	0,3	0,1	0,36
205	-0,6	-0,4	-1,0	-0,3	-0,5	-0,8	0,1	0,2	0,3	-0,2	0,8	1,0	-0,8	-0,8	0,54

206	0,6	0,9	0,6	0,6	0,4	0,6	0,7	0,8	0,3	0,9	0,1	1,0	0,1	0,8	0,25
212	0,1	0,5	0,5	0,7	0,7	0,2	0,7	1,0	0,6	0,0	-0,5	-0,3	0,2	0,9	0,53

Первичная обработка данных состояла в группировке протоколов участников опроса по их партийной принадлежности и суммировании индивидуальных протоколов в групповые (см. табл. 12.2).

То есть по каждому пункту опросника подсчитывалось среднее значение оценок для каждой политической партии. Кроме того, вычислялась средняя дисперсия по всем пунктам опросника (по столбцам) в рамках каждой политической партии. Во второй строке таблицы соответственно приводятся величины, обратные ей, названные нами «мерой единодушия», характеризующие степень согласованности политических установок членов партий.

Как следует из таблицы, наиболее единодушными в своих оценках были социал-демократы, кадеты, члены Демократической и Республиканской партий России, наибольший разброс мнений наблюдался у членов КПСС, анархистов, членов Объединенного фронта трудящихся и слушателей Академии МВД и ветеранов ВОВ.

Результаты факторного анализа

Факторно-аналитическая обработка данных с целью построения семантического пространства проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей методом *varimax* (Иберла, 1980). Устойчивость факторных структур определялась путем рассечения протоколов опрошенных на две равные выборки с последующей их самостоятельной факторизацией. Парные корреляции соответствующих факторов дали высокие (не ниже 0,9) значения, что свидетельствует об устойчивости выделенной факторной структуры всей выборки в целом.

В результате обработки данных было выделено 4 содержательно интерпретируемых базисных фактора, объясняющих соответственно: 37, 18, 12 и 7% общей дисперсии. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что в основе политических установок людей лежат базисные обобщенные категории.

Ниже приводятся пункты опросника, сгруппированные по выделенным факторам, и даются веса факторных нагрузок пунктов (суждений), отражающие величину проекции вектора-суждения на ось фактора, что в содержательном плане отражает степень выраженности в данном пункте-суждении некоторого общего, представленного в факторе смысла. Факторные нагрузки отражают смысловое наполнение пунктов опросника и характеризуют сам этот пункт-суждение, а не ответы по нему, как это представлено в таблице. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а показывает отнесенность каждого пункта опросника к одному из противоположных полюсов выделенного фактора. Содержательный анализ полученных факторов позволяет очертить феноменологию политических установок, т. е. выполнить третью задачу нашего исследования.

Первый фактор включал на одном полюсе такие суждения, как:

116. Поддерживаю идею роспуска СССР и создание заново конфедерации независимых на- 0,91
циональных государств с установлением верховенства республиканского законодательства над союзным

18. Необходим роспуск политической полиции — КГБ 0,91

125. Республика может иметь республиканскую денежную систему наряду с союзной валютой 0,91

190. Под разговоры о суверенитете республик центр пытается максимально сконцентриро- 0,90
вать власть в своих руках

93. Возвращение граждан на родину не должно ограничиваться 0,88

176. Национальным республикам как независимым государствам — собственную армию 0,85

6. Считаю важным возродить национальные офицерские кадры, добиваться для призывников 0,84
возможности проходить срочную службу в своей республике

94. Выступаю за приоритет прав личности перед интересами государства как основной прин- 0,83 цип правовой системы

129. Следует предусмотреть приоритет законодательства союзного государства (республики) 0,82 над общесоюзным законодательством

108. Выступаю за общество, в котором главный приоритет — интересы личности, а не госу-
0,80 дарства, а вот ограничиваются в первую очередь права государства, а не личности 92. Заграничные паспорта должны выдаваться гражданам по первому требованию без выяс- 0,79 нения причин, целей, сроков и направления выезда

4. Необходимо сократить численность Вооруженных Сил 0,79

131. Гарантией прав коренной нации республики является конституционное признание ее 0,77

языка государственным, узаконивапис республиканского гражданства, защита национальной символики

128. Наилучшим решением межнациональных проблем является заключение нового Союзно-
0,76 го договора, при котором СССР преобразуется в конфедерацию суверенных государств 164. Необходимо разрешение на создание негосударственных банковских структур, имеющих 0,73 право на валютные операции с зарубежными банками и фирмами

126. Республики должны обладать полной экономической самостоятельностью 0,71

32. Необходимо разрешить деятельность негосударственного телевидения и радио и предос-
0,71 тавить независимым политическим объединениям и представителям общественности право пользоваться государственными средствами массовой информации для свободного изложения своих взглядов

97. Весь уклад человеческой жизни должен быть приспособлен к законам развития личности,
0,66 организующейся в свободные ассоциации, государство должно быть уничтожено

И Т. Д.

Противоположный полюс первого фактора образовали высказывания:

134. Выступаю за единство и территориальную целостность СССР -0,91

189. Главный вопрос сегодняшней жизни — укрепление власти, дисциплины, правопорядка -0,91 171. Нужно дать достойный отпор планам разделения России на экономические зоны -0,90

133. Поддерживаю интернациональные движения Прибалтики и Молдавии в их борьбе за -0,90 единство Советского Союза, против реставрации буржуазного строя, разжигания межнациональной вражды, развала республиканских организаций КПСС

10. Служба в армии — почетный долг и священная обязанность каждого гражданина СССР -0,90

11. Требуем укрепления армии — оплота нашей безопасности и категорически возражаем -0,90 против ее сокращения и превращения народной армии в наемную армию профессиональных убийц

7. Необходимо укрепление кровной связи Вооруженных Сил с трудящимися, отпор напад- -0,89 кам на всеобщую воинскую обязанность и воспитание советских людей в духе готовности встать на защиту единой социалистической Родины

83. В условиях всеобщей разболтанности и расхлябанности в стране необходимо навести по- -0,89 рядок железной рукой

24. Некоторые советские издания переполнены ядом, направленным против самого СССР и -0,89 социализма. Чувствуется, что за этим скрывается рука империализма, реакции и контрреволюции

113. Интересам и чаяниям всех советских людей будет отвечать конкретная и действенная -0,89 программа укрепления советской федерации, преодоления в ней центробежных тенденций, опасных для государственного строя

188. Парад суверенитетов от союзных республик до сельсоветов, война законов породили -0,89

в стране невиданное ранее беззаконие

72. Полагаю, что новое мышление в сфере международных отношений, политические изме- -0,89 Нения в странах Восточной Европы, уменьшение численности Вооруженных Сил фактически ослабляют СССР и делают его более уязвимым в военном отношении

194. Выступаю за свободу передвижения граждан по территории страны, существование еди- -0,89 ных Вооруженных Сил, участие в международных делах в качестве целостного государственного образования 163. Государство должно осуществлять контроль за частной собственностью -0,86

127. Считаю целесообразным оставить на территории республик предприятия центрального -

0,86 подчинения
65. Ряд отечественных псевдолидеров в своих зарубежных вояжах торгует советской терри- -
0,85 торией, не полив ее ни потом, пи кровью. Все это происходит в условиях, когда страны НАТО не снижают, а наращивают военный потенциал, когда под одобрительные похвалы Запада у нас проводится поспешная конверсия оборонной промышленности, когда в связи с демонтажом Вооруженных Сил наших союзников и ускоренным выводом советских войск из Европы меняется стратегическое равновесие в мире
17. Необходимо запретить использование принадлежащих государству средств массовой ин- -
0,83 формации для ведения подрывной пропаганды, направленной на ликвидацию существующего в нашей стране конституционного строя, развал КПСС
173. Провести денежную реформу, ввести экономически обоснованные цены, жестко контро- -
0,78 лировать выполнение производственных планов и, наверное, ввести государственную карточную систему на основные продовольственные товары. Там, где бессильны традиционные государственные меры, необходимо применять меры партийной и политической ответственности
47. Необходимо при совер1иеноствовании форм и методов партийной работы в сторону -
0,77
большей гибкости и разнообразия, сохранить и, более того, укрепить принцип демократического централизма
96. Считаю эмиграцию для себя нравственно неприемлемой -0,77
201. Выступаю за содействие развитию народнохозяйственного комплекса страны, формиро- -
0,76 вание единого союзного рынка
162. В возможностях планового регулирования экономики много преимуществ -0,74
188. Считаем, что СССР — это многонациональное государство и поддерживаем установле- -
0,71 ние на всей территории Союза ССР единого общесоюзного гражданства
И т. д.

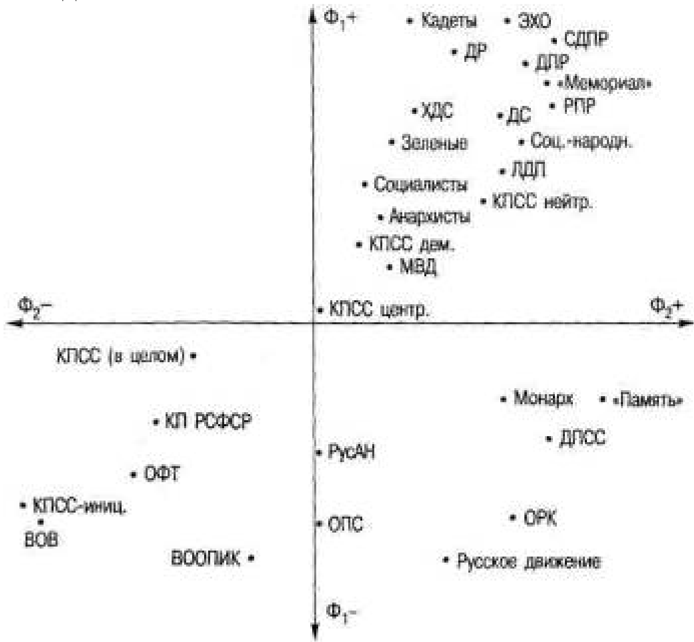

Рис. 61. Семантическое пространство политических партий (Ф,, $Ф_2$). Ф) - сторонники унитарной государственности (-); сторонники децентрализации политической власти, конфедерации или союза
суверенных государств (+); $Ф_2$ - принимающие коммунистическую идеологию (-); отвергающие коммунистическую идеологию (+)

Исходя из содержания пунктов опросника, образующих антонимичные полюса первого фактора, мы интерпретировали его как фактор «Унитарная государственность» (на отрицательном полюсе фактора) в оппозиции к «Конфедерация или союз суверенных государств». Отметим, что время проведения исследования совпало с подготовкой и проведением референдума о сохранении СССР. Актуальность круга вопросов, связанных с этой тематикой, стала причиной ясного осознания и выражения на целевом уровне, т. е. здесь мы имеем дело с явно выраженной социальной установкой и как следствие — первое место по значимости фактора, связанного с темой

структурной организации государственности (вклад фактора в общую дисперсию отражает субъективную значимость основания категоризации, выражаемую фактором). Наиболее полярные позиции по этому фактору (рис. 61) занимают офицеры в отставке — ветераны Великой Отечественной войны, сторонники марксистской платформы в КПСС и движения Коммунистической инициативы, КП РСФСР, члены Объединенного фронта трудящихся, ОПС «Гражданское согласие», сторонники Национально-патриотического движения («Русское движение», Русская академия, члены Общества охраны памятников, Христианское возрождение, «Память») — как сторонники сильной государственности, называемой Союзом или Российской империей (последнее уже в зависимости от идеологических предпочтений, выразившихся операционально в размещении этих политических сил по оси второго фактора, связанного с идеологией). Тем не менее идея мощной государственности объединяет коммунистов-традиционалистов и национал-патриотов. Противопоставлены же им в первую очередь демократы, входящие в ДемРоссию, социалисты, анархисты, зеленые и коммунисты — сторонники платформы «Коммунисты за демократию», выступающие и за большую открытость миру, децентрализацию власти.

Сторонники Либерально-демократической партии также вошли в круг партий, выступающих за децентрализацию власти, хотя, судя по речам их лидера В. Жириновского, можно было ожидать иной позиции. Можно полагать либо некоторое несоответствие позиций лидера и рядовых членов партии, либо изменение партийных установок самой ЛДП. На этом примере мы сталкиваемся с феноменом маленьких партий, политическое кредо которых может значительно флуктуировать в зависимости от позиций лидеров. Так впоследствии произошло значительное изменение состава ЛДП: большинство из опрошенных нами в 1991 г. впоследствии вышли из ее рядов, и на их место пришли люди, придерживающихся иных взглядов.

Дифференциация партий по первому фактору, на наш взгляд, близка позиции членов партий при голосовании о будущем Союза ССР на референдуме.

Второй фактор включал на одном из полюсов следующие суждения.

41. С моей точки зрения, поглядеть правде в глаза — значит прежде всего отказаться от изжившей себя коммунистической идеи 0,92

42. Если наш вождь и основатель действительно заложил основу чего-то, так это возведение в принцип государственной политики массового насилия и террора 0,92

33. Обязательное изучение марксистско-ленинских дисциплин должно быть отменено 0,91

19. Сталинизм и ленинизм — фундамент идеологии тоталитарного строя 0,90

157. Необходима отмена законодательных актов, преследующих за частную предпринимательскую деятельность 0,90

141. Предоставить церкви право издавать религиозную литературу, а также регулярно выделять церкви время в теле- и радиопрограммах 0,84

140. Считаю, что все культовые здания должны быть возвращены церкви и использоваться по назначению 0,83

110. Разрешить создание кооперативных и частных средних и высших учебных заведений (в том числе религиозной направленности) 0,83

167. Являюсь приверженцем развития сельского хозяйства на основе разных видов собственности 0,83

175. Крестьянину должно быть предоставлено право индивидуального владения землей независимо от того, работает он в колхозе, совхозе, кооперативе или хозяйствует самостоятельно 0,82

152. Ликвидировать монополизм в экономике на основе многообразных форм собственности 0,80

31. Необходимо предать широкой гласности деятельность КГБ времен Брежнева-Андропова 0,80

68. Необходимо кардинальное сокращение финансовой помощи другим странам, ввиду нерешенное™ многочисленных внутренних проблем 0,75

139. Родители, желающие дать детям религиозное образование, должны получить такую возможность **0,74**

52. Коммунистическая партия по-прежнему неотделима от стремления всеми силами, любой ценой захватить и удержать в одних руках все функции власти 0,68

29. Мы имеем тоталитарный государственно-бюрократический эксплуататорский строй, 0,67 основанный на монополии компартии на власть и на эксплуатацию классом бюрократии всех

слоев общества 20. Путь к демократии лежит через деидеологизацию государства 0,67

Как видим, содержание пунктов опросника, объединенных на полюсе второго фактора, образует довольно синкретическое обобщение, где отрицание коммунистической идеологии корреспондирует с утверждением религиозной и где из отрицания первой следуют такие, казалось бы, чисто экономические требования, как многоукладность в экономике, право индивидуального землепользования и даже сокращение экономической помощи другим странам. Объединение в один фактор идеологических и экономических аспектов, очевидно, связано со спецификой социалистической государственности, где экономические аспекты жизни страны во многом обусловливаются и определяются идеологическими.

Противоположный полюс второго фактора включает следующие утверждения.

135. Полагаю, что классовые различия важнее национальных -0,95

144. Религия — опиум для народа -0,88

137. Упразднение религии как призрачного счастья народа есть требование его действительного счастья -0,87

123. Победа Октября навсегда покончила с национальным гнетом и неравноправием наций -0,85

182. Возрождение религии в нашей стране — фактор, тормозящий прогресс и развитие науки -0,85

38. Идеи Ленина, освобожденные от догматического толкования, обогащенные современной мыслью и опытом социалистического строительства, да и всего мирового строительства, служат надежной основой перестройки -0,80

43. Наша цель на современном этапе — революционное обновление социализма, а не отказ от выбора, сделанного Лениным, большевиками, народом в октябре 1917 г. -0,79

37. Необходимо всемерное содействие освоению марксистско-ленинского учения подрастающим поколением, трудовое и военно-патриотическое воспитание в системе народного образования -0,79

138. Религия — это искусство одурманивать людей с целью отвлечь их мысли от того зла, которое причиняют им в этом мире власть имущие -0,78

50. Всей своей деятельностью КПСС дает пример служения интересам народа, соблюдеиия принципов социалистического демократизма -0,77

70. Международная политика всегда имела и будет иметь классовый характер -0,77

143. Церковь не должна принимать участия в воспитании подрастающего поколения -0,73

166. Считаю неправильным передавать землю в индивидуальное пользование -0,68

158. Частная собственность порождает неравенство и потому неприемлема для нашего государства -0,68

23. Нельзя совершенствовать социализм, отказываясь от элементарных принципов марксизма-ленинизма -0,68

199. Я против наемного труда: границы частного предприятия должны определяться возможностями личного труда или членов семьи -0,62

82. У нас навсегда покончено с властью привилегированного меньшинства, с нищетой миллионов людей -0,61

51. Мы уверены, что в настоящее время, кроме КПСС, нет другой силы, способной объединить народ, поднять его на преодоление трудностей переходного периода, вывести страну из кризисной ситуации -0,61

И т. д.

Как видно из пунктов, образующих полюса второго фактора, он имеет явную идеологическую направленность и обусловлен приятием или неприятием коммунистической идеологии, а также непосредственно связанных с этим выбором следствий экономического и правового характера. Интересно, что в чисто идеологическом плане марксизму-ленинизму в нашем исследовании противостоит только религиозная направленность общественного сознания. Религия выступает антитезой коммунистической идеологии. На знаменах же демократов начертана свобода в политической, экономической, духовной сфере, но не задана некоторая идеальная модель «потребного будущего», не выдвинута собственная идеология. Ф. Искандер в статье «Человек идеологизированный» полагает, что априорно вредна любая идеология. Потому что «идеологизированный человек отдает идеологии тайну своей жизни, свою истинную ценность,

свою нравственную свободу, свою личность. За это в будущем ему обещан вход в земной рай, а в настоящем — пустотелая легкость безответственности».
Так нужна ли идеология?
Ницше писал, что «можно вынести любое как, если знаешь зачем». Нынешние неуспехи демократов, на наш взгляд, во многом объяснимы отсутствием позитивной идеологии.
Наиболее противоположными по второму (идеологическому) фактору оказались Коммунистическая инициатива, Марксистская платформа, ветераны ВОВ, Объединенный фронт трудящихся, Компартия РФ, с одной стороны, и противопоставленные им «Мемориал», Социал-демократическая и Республиканская партии России, члены РСМХД и социалисты-народники — с другой. Наряду с демократическим блоком, неприятие коммунистической идеологии проявили национал-патриоты из Христианского возрождения, НРК «Москва», «Памяти». Интересно, что сторонники движения «Коммунисты за демократию» и нейтрально настроенные члены КПСС (впоследствии автоматически прекратившие свое членство в ней после событий августа 1991 г.) проявили сдержанное неприятие коммунистической идеологии в ее традиционном обличье (в форме тех прокоммунистических суждений, высказанных коммунистами-традиционалистами, которые были включены в опросник).

Третий фактор объединяет суждения типа:
34. Все достижения культуры независимо от их идеологической направленности должны стать легкодоступными для любого гражданина СССР 0,89
16. Советские люди должны иметь реальную возможность получать информацию из любых источников, включая иностранные средства массовой информации 0,89
55. Существование демократической оппозиции — одно из необходимых условий возрожде- 0,79
ния страны
121. Я хочу, чтобы культура всех стран проникала в мой дом 0,79
69. Общим знаменателем сотрудничества государств должны быть универсальные правовые 0,75 ценности, лишенные какого-либо идеологического налета
78. Необходимо создание независимых общественных структур на противоположной тота- 0,74 литаризму демократической основе
67. Давайте не будем отталкивать от себя добрые руки, которые протянуты к нам из-за ру- 0,73 бежа во многом благодаря тому, что через личность Горбачева многие там поняли, что вовсе мы никакая не «империя зла»
109. Необходимо гарантировать и обеспечивать свободу собраний, демонстраций и уличных 0,73 шествий
99. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое 0,70 гражданство
88. Угроза экстремизма исходит прежде всего от националистических группировок 0,67
58. Уверен, что становление и стабильность политической демократии возможны только 0,66 в условиях многонартийной системы
146. Итогом общественно-политической деятельности Сахарова явился значительный вклад 0,66 в дело перестройки, утверждения достоинства и прав личности, демократизация общества
101. Родители имеют право приоритета в выборе образования для своих малолетних детей 0,66
81. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь раз- 0,63 вития
150. При решении экологических и производственных проблем с обеих сторон должна быть 0,63 готовность к компромиссу
151. Если мы откажемся от всех достижений цивилизации из-за возможностей экологиче- 0,61 ской опасности, то это приведет к регрессу в развитии общества
204. Обсуждение вопроса о Союзном договоре надо начинать с принятия закона о суверени- 0,60 тете личности и правах гражданина СССР
И Т. Д.
Противоположный полюс третьего фактора представлен суждениями: 186. Межнациональные браки ведут к духовному вырождению -0,76
205. Права нации выше прав личности -0,69
60. Демократия тормозит перестройку, так как приводит к созданию оппозиционных пар- -0,64 тий и отрицанию социализма

202. С людьми прямо противоположных взглядов и целей никакого гражданского согласия быть не может -0,60

80. Авторитарный строй в условиях православия был бы не так уж плох -0,59

145. Итогом общественно-политической деятельности Сахарова стало усиление дестабилизации в обществе -0,52

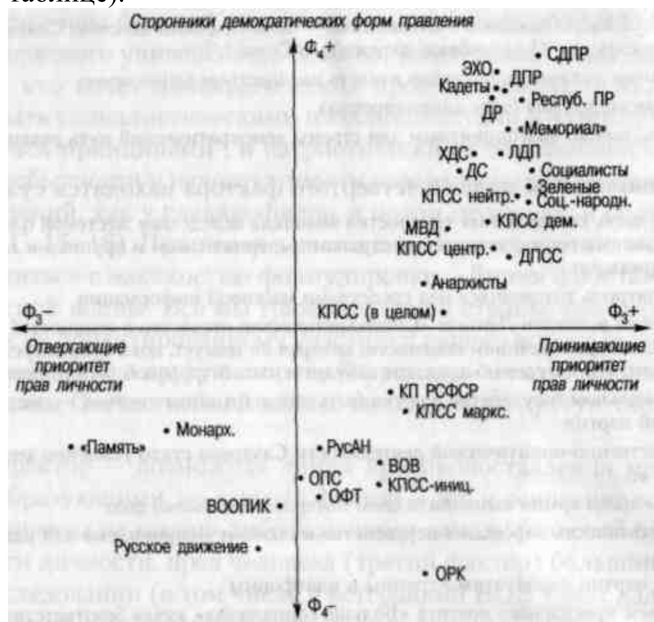
122. Русский народ на протяжении семидесяти лет пережил геноцид, организатором которого явился Сион -0,50

111. Должностные преступления должны караться смертной казнью -0,50

106. Все дети должны проходить обучение по единой школьной программе, определяемой государством -0,48

Третий фактор может быть назван фактором «Права человека», и его содержание, на наш взгляд, частично отражает содержание «Третьей корзины» Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ряд пунктов из «Декларации прав человека», принятой ООН, вошли именно в этот фактор на его

положительном полюсе. Большинство политических партий в той или иной степени разделяют положение о правах человека, по крайней мере в декларации своих воззрений (рис. 62). Так, положительную проекцию на ось третьего фактора имеют все «демократы» и все платформы КПСС, а также ветераны ВОВ и слушатели Академии МВД (речь идет, конечно, о среднестатистическом субъекте, или о математическом ожидании с дисперсией, указанной в таблице).

Противники демократических форм правления

Рис. 62. Семантическое пространство политических партий ($Ф_3$, $Ф_4$). Фз - признающие приоритет прав личности (+); отвергающие приоритет прав личности (-); $Ф_4$ - сторонники демократических форм правления (+); противники демократических форм правления (-)

При этом наибольшей правозащитной направленностью характеризуется позиция ПКД, Республиканской партии России, социалистов. КПСС-центр также лидирует по фактору «Права человека». Отрицательную позицию по этому фактору имеет группа национал-патриотических движений: Русское движение, Общество охраны памятников, Гражданское согласие, Христианское возрождение и особенно «Память». Неприятие прав человека, таким образом, в настоящих условиях проявляется прежде всего в националистических формах. Об этом свидетельствует и динамика развития национал-демократических движений Прибалтики, Украины, Молдовы, все больше делающих акцент на приоритете прав нации над правами человека: «Вначале отстоим права нации, а потом будем заниматься конкретными людьми».

Четвертый фактор на одном из своих полюсов представлен следующими суждениями.

30. Лишь в идеологическом плюрализме залог свободного, демократического развития государства 0,69

191. Я за такой Союзный договор, по которому республики передают центру права, а не наоборот 0,69

181. Языки национальных меньшинств, проживающих на территории национальной рее- 0,67 публики, наряду с языком коренной национальности должны быть признаны государственными
95. Необходимо безусловное признание приоритета прав личности перед интересами госу- 0,66 дарства как основной принцип правовой системы
153. Монопольная власть партаппарата привела страну к нынешнему критическому состоянию 0,66 21. Считаю своим прямым долгом решительно бороться против сил, которые стремятся пре- 0,62 градить путь плюрализму
192. Деление республик на союзные и автономные — политический нонсенс. Союзный дого- 0,61 вор должны подписать все 35 республик, входящие в Союз
100. Каждый человек должен иметь право владеть имуществом единолично 0,60
91. Система прописки должна быть ликвидирована 0,55
81. Я считаю единственно благоприятным для страны демократический путь развития 0,55
На противоположном полюсе четвертого фактора находятся суждения:
64. Значительная часть сегодняшних трудностей возникла вследствие жестокой блокады -0,65 и изоляции, навязанных социалистическим странам империализмом и крупными капиталистическими державами
36. Необходим контроль трудящихся над средствами массовой информации -0,65
66. Мы забыли слова великого Ленина: «Социалистическое отечество в опасности! Кто -0,62 забудет о постоянной грозящей нам опасности, которая не минует, пока существует мировой империализм, кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике» 59. В многонациональном государстве должна быть однопартийная система — система -0,58 коммунистической партии
145. Итогом общественно-политической деятельности Сахарова стало усиление дестаби- -0,56 лизации в обществе
75. В Афганистане наша армия выполняла свой интернациональный долг -0,56
158. Частная собственность порождает неравенство и поэтому неприемлема для нашего -0,56 государства
56. Считаю, что в партии недопустимы группы и платформы -0,53
77. Под прикрытием прекрасного лозунга «Больше социализма» кучка безответственных -0,51 лиц, представляющих интересы мировой и доморощенной буржуазии, ведет дело к реставрации капитализма
40. Социализм — историческое завоевание нашего народа, и от него нельзя отказываться -0,50
156. Требую решительно отвергнуть всякие попытки использования экономической ре- -0,50 формы для раздробления и ликвидации основы социалистической экономической системы — общенародной собственности, плановой системы хозяйствования, для насаждения частной собственности, наемного труда и эксплуатации, перевода народного хозяйства на рельсы слаборазвитой неуправляемой рыночной экономики
102. Поддерживаю существующую паспортную систему, направленную на поддержание -0,50 порядка в выборе местожительства и передвижения внутри страны
90. Институт президентской власти — угроза демократическим преобразованиям страны -0,49
79. Процесс исправления ошибок нельзя проводить, когда клевещут на социализм, разру- -0,49 шают его ценности, подрывают авторитет партии, деморализуют авангард, отказывают ему в руководящей роли, сводят на нет общественную дисциплину, сеют хаос и анархию повсюду
По всей видимости, содержание четвертого фактора задано перечнем неких общедемократических положений (на положительном полюсе фактора) и противостоящих им авторитарных, антирыночных суждений. Ряд пунктов четвертого фактора имеют значимые нагрузки и, соответственно, входят также в предыдущие факторы, задавая перекрестные ассоциации между репрезентируемыми факторами и базисными характеристиками. Трудность интерпретации связана с отсутствием явно выраженной актуализированной социальной установки, в которой этот фактор мог бы проявиться (ср., например, с первым фактором).

По фактору «Демократичность» наиболее контрастными оказались социал-демократы, ПКД, республиканцы, ДемРоссия, ДПР, РСМХД, «Мемориал» с одной стороны, и национал-патриоты, Объединенный фронт трудящихся, Христианское возрождение — с другой. КПСС раскололась по этому фактору на демократов («Коммунисты за демократию», КПСС-центр) и антидемократов (Компартия РФ, «Марксистская платформа» и «Коммунистическая инициатива»).

Как полагает наш бывший соотечественник, а ныне профессор политических наук Нью-Йоркского университета А. Янов, «настоящая линия фронта проходит между теми, кто хочет демократических преобразований, и изоляционистами. Они могут быть социалистическими изоляционистами и утверждать, что "не могут поступиться принципами", и патриотическими изоляционистами, рассуждающими о самобытности и недопустимости европеизации. Начинается с философских рассуждений, как у славянофилов, а потом переходит в область политики» (Янов, 1991. С. 15-16). Принимая в целом данное рассуждение, можно тем не менее не согласиться с жесткостью формулировки. «Линия фронта» — термин скорее гражданской войны. Все мы граждане одной страны, поэтому полагаем, что демократически ориентированному участнику нашего опроса было бы крайне болезненно оказаться «по другую сторону баррикады» по отношению к отцу или деду — участникам Отечественной войны, высказавшим другую позицию по этому фактору.

Каждый фактор — возможная линия противопоставления между партиями, людьми их образующими, но каждый фактор — это и основание возможного объединения, единения по какому-либо базисному смыслу базисной ценности. И приятие ценности личности, прав человека (третий фактор) большинством участвовавших в исследовании (в том числе и ветеранами ВОВ) дает надежду на достижение консенсуса и по другим аспектам политической жизни.

Результаты кластер-анализа данных. Иной формой представления результатов опроса является построение дерева сходства (кластер-структуры) анализируемых партий. Мерой этого сходства (в евклидовой метрике) выступает расстояние между партиями, подсчитанное на основе табл. 12.2, в первоначальном 212-мерном пространстве исходных суждений опросника. Использовался алгоритм объединения объектов (партий) в кластеры по методу «минимального контраста» (см.: Дюран, Одел, 1977; Классификация и кластер, 1980).

Полученные результаты по сходству политических установок (рис. 63) в значительной степени отвечают существовавшим в мире политических реалий раскладкам партнерства и соперничества среди политических партий в период проведения первого опроса. Так, наиболее близки по политическим установкам (положению на дендрограмме) оказались объединившиеся в ходе реальной политической деятельности партии, входящие в движение ДемРоссии. Компактность кластер-структуры, описывающей партии, свидетельствует о близости их политических платформ, разъединенных скорее организационно (на операциональном уровне), чем духовно (на смысловом). К демократам на некоторой дистанции примыкают анархисты, социалисты и зеленые. В основе близости позиций анархистов и зеленых также лежит реальная операциональная связь (наличие общих лидеров). Многие социалисты-народники начинали свою политическую деятельность как анархисты.

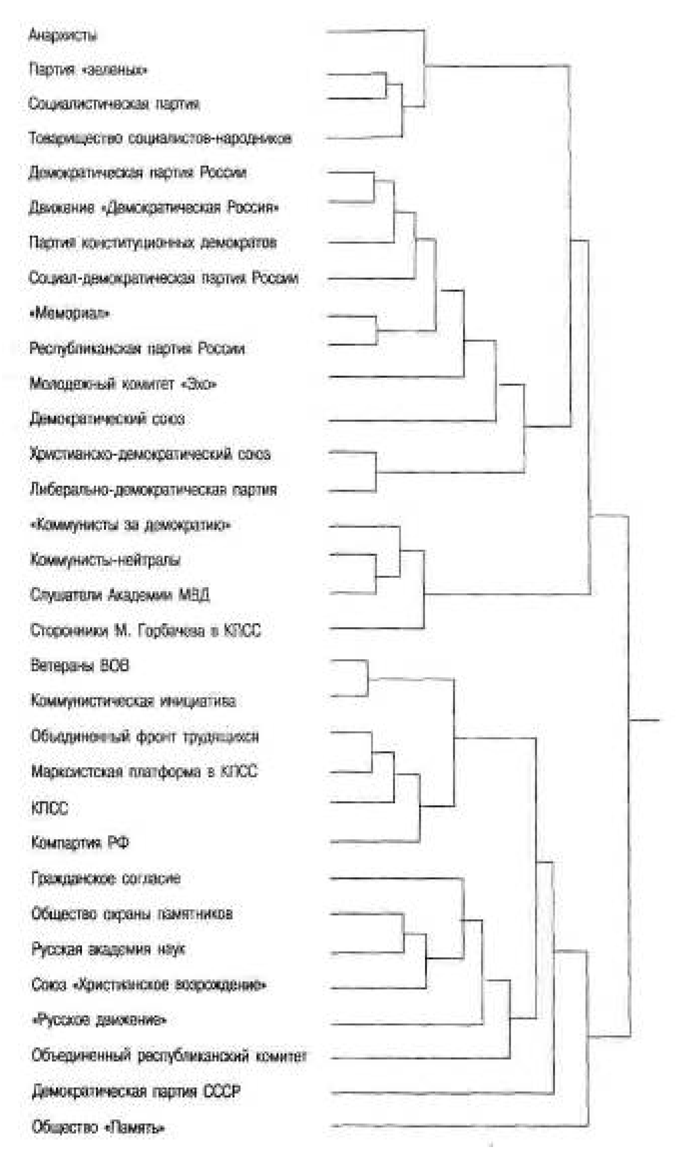

Рис. 63. Кластер-структура политических партий 1991 г.

Результаты, характеризующие КПСС, также иллюстрируют имевшиеся на момент опроса реалии: тяготение демократического крыла КПСС к ДемРоссии (А. Руцкого на выборах поддерживала ДемРоссия), а сторонников Коммунистической инициативы к Объединенному фронту трудящихся (общие лидеры В. Ам-пилов и А. Сергеев). «Коммунисты за демократию» по своим политическим установкам показали незначительные отличия по сравнению с коммунистами-центристами, сторонниками М. Горбачева, входя на нашем рисунке в один кластер. Все это, по всей видимости, и привело к распаду КПСС, а не к ее-реформированию.

Коммунисты-традиционалисты (Компартия РФ, Марксисткая платформа, Коммунистическая инициатива) образуют достаточно компактный по единодушию блок, включающий Объединенный фронт трудящихся. Довольно высокая степень единодушия как внутри партийных платформ, так и в рамках описываемого кластера свидетельствует об устойчивом политическом образовании, имеющем свое видение и свою трактовку событий.

Наконец, блок национал-патриотов (Гражданское согласие, Русская Академия, Союз «Христианское возрождение», Национальный республиканский комитет, «Память») характеризуется довольно размытой структурой, отражающей внутреннюю неоднородность движения и отсутствие общих ориентиров и лидеров.

Таким образом, категориальная структура политических установок (репрезентируемая кластер-структурой), будучи реалией чисто ментальной, когнитивной, характеризующей сходство воззрений представителей тех или иных политических партий, в значительной мере отражает наличные политические группировки и союзы политических партий, т. е. реалии деятельности, в том числе политической. Более того, общность мировоззрения — тот фундамент, на основе

которого эти объединения возникают, и рассмотрение семантических пространств и кластерструктуры политических партий (особенно при наличии ряда временных срезов общественного сознания) позволяет аналитику предсказывать динамику политических процессов и осуществлять прогноз развития общества.

В этом плане перегруппировка сил, произошедшая после первого опроса, вполне согласуется с полученными в ходе него результатами. Коммунисты за демократию образовали Партию свободной России, вошли на короткий период в блок ДемРоссии, затем высказали категорическое несогласие с попытками своего лидера А. Руцкого установить контакты с национал-патриотами и заняли центристскую позицию, образовав Гражданский союз. Сторонников Коммунистической инициативы и Марксистской платформы часто можно увидеть на антиправительственных митингах и демонстрациях Фронта национального спасения вместе с «Христианским возрождением», «Памятью» и другими «патриотическими» движениями.

Категориальная структура политического менталитета одной партии и ее политические установки. Семантическое пространство политической партии

Для построения семантического пространства общественного сознания использовались суждения самого разного политического толка, задающие спектр дискуссионных проблем для этого общества. Однако при этом возникает определенная

методологическая проблема, связанная, если говорить в терминологии Дж. Кел-ли, с «диапазоном применимости конструкта», т. е. тех шкал-дескрипторов, на базе которых строятся семантические пространства. В нашем случае это проблема выбора политических суждений для последующего опроса, т. е. дескрипторов, по которым «шкалируются» члены партий. Так, многие участники опроса высказывали недовольство формулировкой того или иного суждения, отмечая некорректность и подчас делая попытку его переформулировать. Приходилось напоминать, что авторство того или иного суждения принадлежит не нам. Эти суждения представляют собой фрагменты выступлений различных политических деятелей. Но корень проблемы заключается в том, что люди разных политических ориентации выражали недовольство формулировками разных суждений, и то, что было вполне корректно для одних, не устраивало других. Как известно, восприятие действительности и выражение своих мыслей человеком осуществляется через призму категориальных структур сознания, опосредуется языком. Политический же язык, системы понятий, приемы аргументации и способы доказательства различны в различных политических кругах. При установлении взаимопонимания возникает проблема, аналогичная проблеме «лингвистической относительности» Сэпира-Уорфа. Как выразил ее духовный предтеча В. Гумбольдт: «Различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» (1979. С. 9). Поэтому восприятие одного и того же факта или события может быть совершенно различно у людей разной политической ориентации, ибо нет факта вне его категоризации. Хотя мы живем в едином физическом пространстве, люди, имеющие различный менталитет, в частности и в сфере политики, живут как бы в различных мирах, с разной аксиоматикой и несовпадающими причинно-следственными законами. Так, например, для националиста, уверовавшего в особый путь России, не нужны прагматические обоснования агрессивной злокозненности «жидомасонов» или просто западников, которые как сила зла стремятся навредить России ввиду ее особой, связанной с православием богоизбранности. Законы логики, рационального мышления здесь не срабатывают, и для исследования политического сознания требуется привлекать структурную мифологию, клинику измененных состояний сознания, теорию фрейдовских защитных механизмов личности.

В нашем исследовании, чтобы иметь возможность сопоставить политические установки, построить единое семантическое пространство, были подобраны суждения широкого политического спектра из словаря различных политических движений, задающие таким образом своеобразное «политическое эсперанто» (правда, в рамках одной страны и в конкретный исторический момент). Но, вынуждая представителей тех или иных политических сил использовать при процедуре опроса несвойственные им формулировки, мы совершаем некоторое насилие, огрубление. Возникает проблема построения семантических пространств применительно к различным политическим партиям, которые автохтонно характеризовали бы менталитет именно этой конкретной партии, этого национального движения, этой религиозной конфессии. Размерность семантического пространства отобразит при этому когнитивную сложность сознания этих людей, содержание факторов-осей семантического пространства, выявит специфику

категоризации мира, а размещение объектов (например, партий) внутри пространства отражает

видение членами изучаемой партии политических позиций иных родственных, враждебных или конкурирующих партий.

Получить эти представления можно через заполнение испытуемыми так называемых «рефлексивных матриц», когда опрашиваемый заполняет ответы на опросник не только с собственной точки зрения, но и с позиций (как он себе ее представляет) той или иной партии.

Исследование политического сознания в рамках психосемантического подхода как реконструкция картины мира, присущей различным политическим партиям, блокам, движениям, при этом неизбежно переплетается с исследованием общественного сознания различных социальных, этнических и конфессиональных групп населения (см.: Петренко, Митина, 1997).

Категориальная структура политического менталитета
и политические установки единичного субъекта. Семантическое пространство политических установок
индивида

Можно выделить и индивидуально-психологические аспекты психосемантического подхода в области политологии. Исследование политической идентификации человека порождает новую область, которую можно было бы назвать «поли-тодиагностикой». При этом можно выделить по крайней мере два методических приема.

В первом с позиции «эксперта» испытуемый заполняет «рефлексивную матрицу», отвечая на пункты опросника не только за себя, но и за другие политические персоналии или партии, как они, по его мнению, на эти вопросы могли бы ответить. На основе факторного анализа полученной рефлексивной матрицы данных возможно построение семантического пространства и выделение категориальной структуры политического сознания, которые характеризуют именно данного испытуемого, а через размещение объектов в рамках пространства — описание его политических установок.

Другой прием подразумевает заполнение опросника только с собственной позиции. В рамках этого приема можно вписать собственную позицию в уже построенное ранее пространство политических партий, определив тем самым близость собственной позиции к тем или иным партиям. Компьютерная программа, позволяющая такую политическую самоидентификацию, была создана В. Петренко, М. Гамбаряном, О. Митиной.

Ниже показано, какое место занимали их собственные политические позиции в семантическом пространстве политических партий России на лето 1993 г. Но для этого вначале необходимо напомнить состав политических партий, существовавших на это время (рис. 64).

Проанализируем группировки партий в объединения — кластеры. Сначала идут сторонники президента Ельцина, составившие блок «Выбор России», ядром которого выступило движение «Демократическая Россия».

Далее идут партии, стоящие «в мягкой (конструктивной) оппозиции» по отношению к линии реформ. Эта группа достаточно разнородна. Одни партии выступают против экономических и социальных последствий резкого перехода к свободному рынку (Объединенная фракция СДПР, Гражданский союз, Демокра-

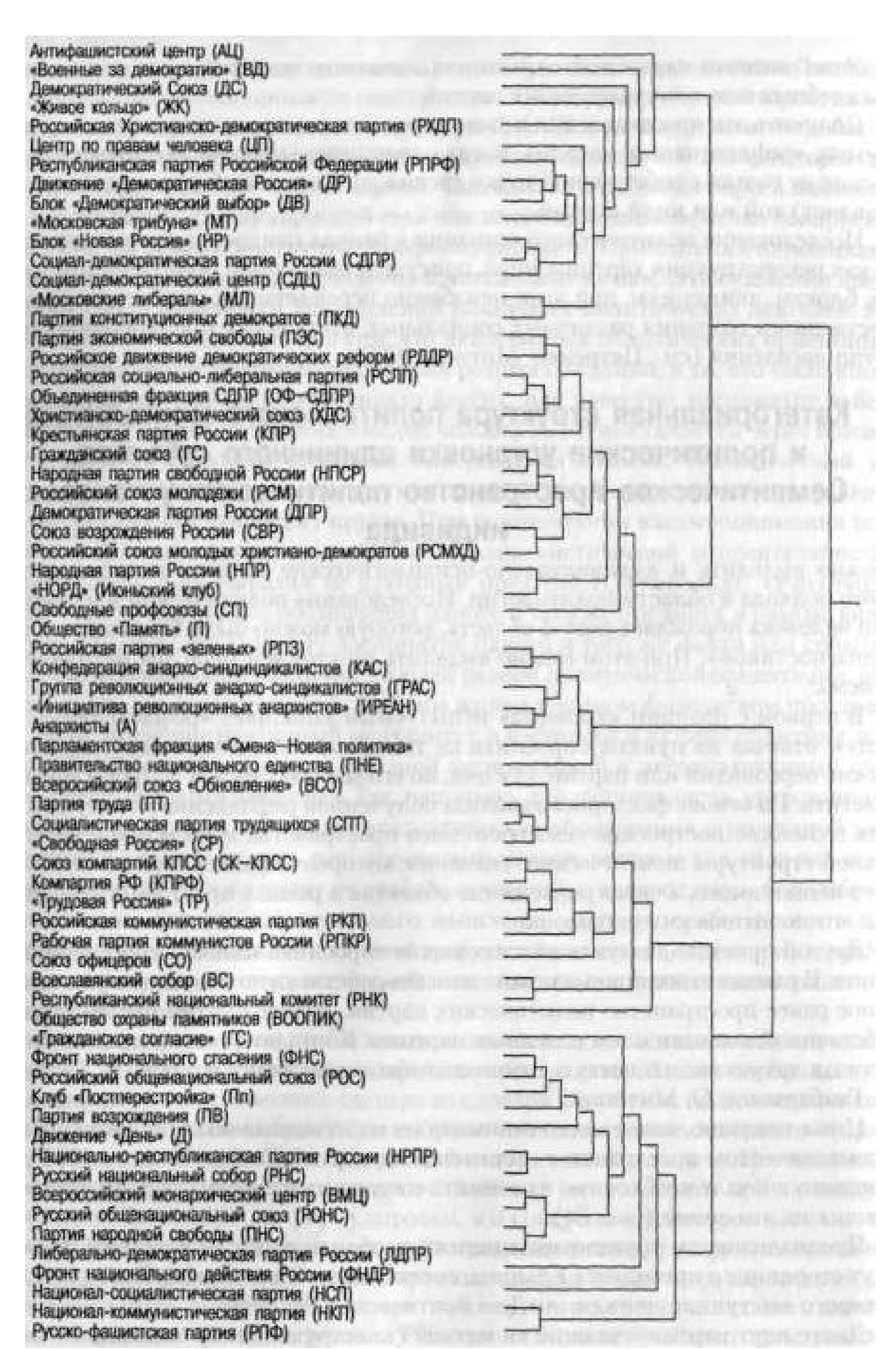

Рис. 64. Перечень политических партий и их кластер-структура на 1993 г.

тическая партия России), другие обвиняют президента в склонности к авторитаризму (Союз возрождения России, Молодые христиано-демократы), третьи (например, «Память»), наоборот, ратуют за усиление авторитарной власти и опасность видят в излишней демократизации общества.

Следующую группу образуют анархические и внесистемные организации, отрицающие государственную власть в любых ее формах (в том числе президентскую).

Далее следуют партии социалистической ориентации, выступающие против «чуждого нам президентства». Начинается эта группа с наиболее лояльной Партии труда, далее следуют организации, настроенные все более негативно к реформам, проводимым правительством и президентом. В этой «непримиримой оппозиции» коммунистические партии смыкаются с национал-патриотами, образуя красно-коричневый спектр Фронта национального спасения (вплоть до «черных» откровенно фашиствующих групп, расположенных в самом низу дерева).

Напомнив читателю список и названия российских политических партий на 1993 год, приведем в качестве примера политической диагностики позиции авторов методики в семантическом пространстве политических партий (рис. 65).

Рис. 65. Семантическое пространство политических партий России в 1993 г. по третьему и четвертому факторам и политические установки в рамках этого пространства авторов психосемантической методики политической диагностики В. Петренко, М. Гамбаряна и 0. Митиной

Определение электората партий. Применение этого приема проекции политической позиции индивида на семантическое пространство партий, повторенное многократно, позволяет получить «облако», а это, в свою очередь, позволяет определять электорат партий через анализ социально-демографических характеристик точек субъектов, попавших в ее окрестности.

Рис. 66. Семантическое пространство политических партий Казахстана по первым двум факторам ($Ф_ь$ $Ф_2$) и «облако» политических установок граждан **казахской** национальности

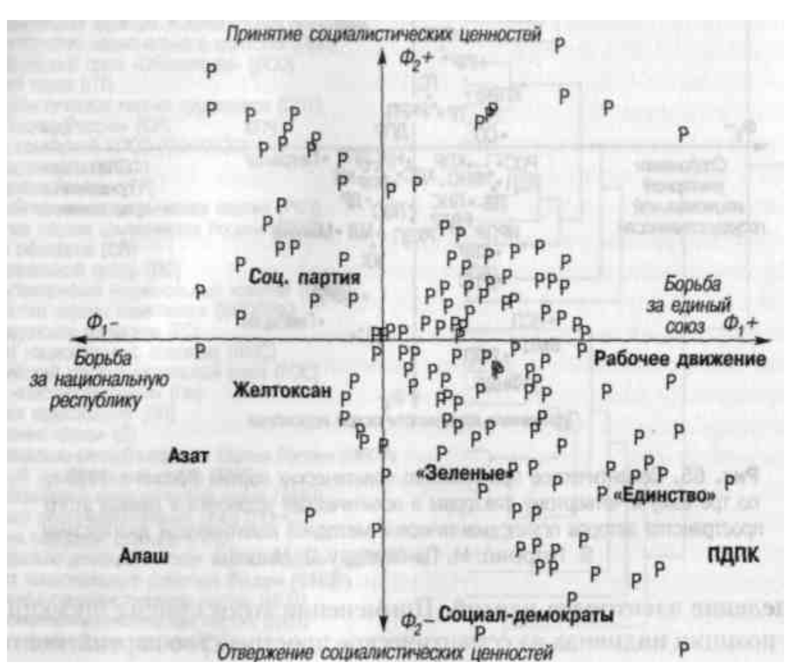

Рис. 67. Семантическое пространство политических партий Казахстана по первым двум факторам ($Ф_1$, $Ф_2$) и «облако» политических установок граждан **русской** национальности

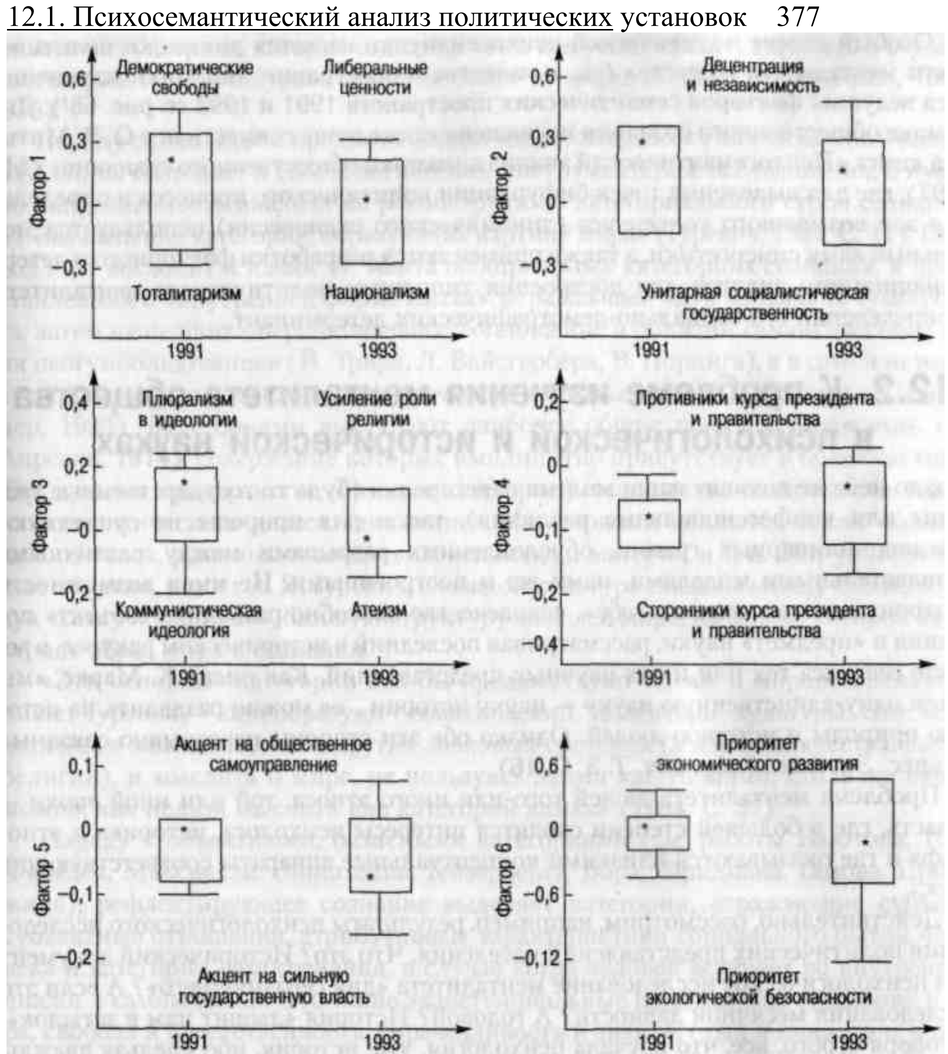

Рис. 68. Боксплоты факторов семантического пространства политического сознания российского общества (в сопоставлении 1991 и 1993 гг.)

В качестве примера мы даем размещение в виде «облака» распределения жителей Алма-Аты различных национальностей (казахи, русские) в семантическом пространстве политических

партий Казахстана (конец 1991 г., см. Петренко, Митина, Шевчук, 1993).

На рисунках 66 и 67 виден систематический сдвиг в позициях казахских и русских опрошенных по первому, связанному с национальной политикой фактору. Среди тех, чьи позиции оказались близки позициям националистических партий Казахстана, делающих в своей политике акцент на интересах коренной нации, казахов оказалось значительно больше, позиции русских и русскоязычных более приближены к партиям, отстаивающим политику интеграции с Россией в рамках СНГ.

Особый аспект политической психосемантики касается динамики политического менталитета общества (см. в качестве иллюстрации динамики изменения веса ведущих факторов семантических пространств 1991 и 1993 гг. рис. 68'). Динамике общественного сознания посвящена также наша совместная с О. В. Мити-ной книга «Психосемантический анализ динамики общественного сознания» (М., 1997), где для выделения точек бифуркации политического процесса и определения зон возможного консенсуса (динамического равновесия) используется модельный язык синергетики, а также применяются разработки факторного и детер-минационного анализа для построения типологии политического менталитета и определения его социально-демографических детерминант.

12.2. К проблеме изучения менталитета общества в психологической и исторической науках

Как до неба не доходят наши земные перегородки (будь то государственные границы или конфессиональные различия), так и для природы не существуют междисциплинарных границ, обусловленных разрывами между различными познавательными моделями, нами же и построенными. Не имея возможности «дотронуться» до «вещи в себе», человечество способно разводить «объект» познания и «предмет» науки, рассматривая последний в историческом ракурсе, в аспекте генезиса тех или иных научных представлений. Как писал К. Маркс, «мы знаем одну-единственную науку — науку истории... ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны» (Маркс, Энгельс. Собр. соч. Т. 3. С. 16).

Проблема менталитета людей того или иного этноса, той или иной эпохи — область, где в большей степени сходятся интересы психолога, историка и этнографа и где оказываются близкими концептуальные аппараты соответствующих наук.

Действительно, рассмотрим, например, результаты психологического исследования политических представлений населения. Что это? Исторический документ или психологическое исследование менталитета «дня сегодняшнего»? А если это исследования месячной давности? А годовой? История «дышит нам в затылок». И говоря строго, все, что изучала психология, уже история, ибо «нельзя дважды войти в одну реку», и человек и человечество непрерывно изменяются.

С другой стороны, исторические факты и события не могут быть интерпретированы и поняты вне контекста эпохи, ее духа, «вне не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентации и привычек сознания», «психологического инструментария», «духовной оснастки» людей... — того уровня интеллектуальной жизни общества, который современные историки обозначают расплывчатым термином «ментальность» (Гуревич, 1984. С. 9).

«Исследовательский пафос исторической антропологии, состоящий в раскрытии человеческого содержания истории» *(там же)* столь очевиден, что позволил историку А. И. Куприянову, говорящему о специфике ее парадигмы, провести хро-

Рисунок взят из статьи В. Петренко и О. Митиной «Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия: 1991 — 1993 гг.)» // Общественные науки и современность. 1994. № 6.

нологическую грань, которая отделила «тех, кто успел проштудировать в студенчестве работы А. Я. Гуревича, от их более старших коллег» (Куприянов, 1995. С. 3).

Наряду со сходством предмета исторической антропологии с психологической наукой, их сближает и гносеологический инструментарий исследования, а именно направленность анализа на реконструкцию категориального строя сознания, на «вычленение категорий, образующих картину мира» (Гуревич, 1984. С. 11). Подход этот восходит к идеям И. Канта об априорных категориях сознания, к представлениям о «внутренней форме языка», отражающей «дух народа» В. Гумбольдта, затем нашедших операциональное воплощение в понятии семантического поля неогумбольдтеанцев (И. Трира, Л. Вайсгербера, В. Порцига), а в самой исторической науке — в исследовании этнической картины мира О. Шпенглера (Шпенглер, 1993). Категориями выступают

наиболее общие понятия (архисемы, см.: Апресян, 1974), содержание которых имплицитно присутствует в более частных. Так, время и пространство (базовые категории) имплицитно содержатся в глаголах семантического класса «движение». Категориями являются также понятия целого числа, причины и следствия, вещества и материи и т. п. Эти универсальные понятия, пишет А. Я. Гуревич, в каждой культуре связаны между собой, образуя «сетку координат», базовую структуру моделей мира, на основе которой люди строят образ мира в сознании.
«Эти основные категории как бы предшествуют идеям и мировоззрению, — пишет Гуревич, — они образуют семантический "инвентарь" культуры. Они запечатлены в языке, а также в других знаковых системах (в языке искусства, науки, религии), и мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка» (1984. С. 31).
Наряду с объектными, базисными категориями (см. работы Ньютона, Гука, Фарадея, Максвелла, Эйнштейна, Гейзерберга, Бора, Фридмана, Гамова, Приго-жина), рефлектирующее сознание выделяет категории, отражающие субъект-субъектные отношения, атрибутивные характеристики социального бытия человека и категории самосознания, в случае когда человек вступает во внутренний диалог с самим собой. Это такие экзистенциальные понятия, как страдание и вера, свобода и ответственность, справедливость и знание, стыд и вина, долг и право, смысл и существование, любовь и сострадание (см. работы Кьеркегора, Достоевского, Сартра, Камю, Кафки, Сент-Экзюпери, Хайдеггера, Борхеса).
С нашей точки зрения, взаимопроникновение объектных и экзистенциональ-ных систем категорий или их раздельное (сепаратное) существование обусловливает магический, религиозно-мифологический или рациональный стиль мышления как отдельного человека, так и менталитет некой культурно-исторической общности. Грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями обыденного, житейского сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрастая системными связями и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм. Специфика категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их содержания, а не в формах их репрезентации (образной или знаковой). Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления.

В психологической науке исследования категориальной структуры человеческого сознания реализуются главным образом в рамках экспериментальной психосемантики (Петренко, 1983; Петренко, 1988), инструментальный аппарат которой был заложен работами Ч. Осгуда (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957) и Дж. Келли (Kelly, 1955). В рамках этого подхода операциональной моделью человеческого сознания и его картины мира выступают многомерные семантические пространства. С помощью методов экспериментальной психосемантики, включающих применение методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования), выделяются базисные категории сознания человека. При геометрическом модельном представлении они выступают координатными осями многомерного семантического пространства, а анализируемые объекты картины мира задаются в виде координатных точек внутри этого пространства. Ряд параметров семантического пространства выступает операциональными коррелятами когнитивных структур человеческого сознания.
Так размерность пространства (число независимых категорий факторов) отражает когнитивную сложность сознания, меру его категориальной расчлененности. Мощность выделенных категорий-факторов (вклад фактора в общую дисперсию) отражает субъективную значимость для человека данного основания категоризации. Размещение объектов анализа в семантическом пространстве позволяет зафиксировать представления исследуемого человека об анализируемом объекте и описать этот объект на метаязыке выделенных категорий-факторов. Анализ трансформации семантических пространств позволяет описывать динамику менталитета индивидуального и общественного сознания и т. д.
Отметим, что используемый аппарат может оказаться как методически полезным для историка человеческой ментальное™, так и для формализованной репрезентации результатов его исторического анализа.
Тем не менее следует подчеркнуть ряд принципиальных проблем, затрудняющих проникновение психосемантических методов в историческую науку. Главная из них заключается в том, что психолог обращается к сознанию его живых носителей, персонально участвующих в психосемантическом исследовании. Причем сознание респондентов задействовано в «режиме употребления», а не в акте рефлексии или самосознания.

Поясним это на примере. В лингвистике используются понятия *language competence* и *language perfomance* — знание языка и языковые умения. Так, маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке (т. е. обладать *language perfomance),* но не осознавать правила грамматики *(language competence).* Но ведь если ребенок порождает грамматически правильные конструкции, то, следовательно, правилами, по которым он строит речевое высказывание, он владеет, но не осознает их. Аналогично взрослый человек может не осознавать категориальный строй собственной картины мира.

Как писал Л. С. Выготский, являясь средством осознания, понятия (и соответственно категории как наиболее общие понятия) могут не осознаваться субъектом как таковые (Выготский, 1934). Поэтому в психосемантическом эксперименте перед испытуемым (респондентом) не ставится задача на осознание собственной категориальной сетки мировосприятия. Ему даются задачи, где его система значений задействована в режиме употребления. Человек в психосемантическом эксперименте что-либо классифицирует, оценивает, выносит конкретные единич-

ные суждения, а результаты этой деятельности накапливаются и фиксируются в форме матрицы данных, из которой с помощью многомерного статистического анализа исследователь затем выделяет некие базисные категории. Эти категории-факторы и задействованы в «режиме употребления» при вынесении единичных высказываний и суждений респондентом. Таким образом, по результатам конкретной деятельности испытуемого исследователь реконструирует эту категориальную систему, которая может и не осознаваться самим испытуемым, но образует категориальную структуру его собственной «картины мира».

В исторической антропологии историк основывается на собственных представлениях о той или иной эпохе и, будучи проникнутым ее духом и ее менталитетом (т. е. являясь ее гражданином «не по крови, а по духу»), стремится отрефлек-тировать ее категориальный строй, обращаясь к собственному историческому сознанию. Респондент и исследователь оказываются представлены в одном лице — своеобразном очевидце неувиденных, но воссозданных в воображении событий.

Как совместить достоинства обоих подходов к исследованию менталитета: большую отстраненность и отсюда, возможно, большую объективность психосемантического подхода, обращенного к сознанию массы обывателей, — и историческую компетентность и интерпретационную виртуозность историка, обращенного к собственным представлениям об изучаемой эпохе. Проблема, решение которой может обогатить и историческую и психологическую науку. Проблема пока (хотелось бы верить, что только пока) далека от решения.

В качестве гипотетических наметок можно было бы отметить только то, что и психолог, анализирующий семантическое пространство респондента (описывающее его менталитет), не свободен от интерпретационных проблем. И психология, и история, относясь к гуманитарным наукам, являются науками о понимании, т. е. герменевтическими науками (Гадамер, 1988). Однако многомерное семантическое пространство с его координатными точками восприятия множества объектов выступает ориентировочной основой для вчувствования, эмпатии исследователя в сознание, менталитет респондента. Оно выступает своеобразной синхронической партитурой (картиной, картой, схемой), которую породил респондент и которую должен прочесть исследователь.

Возможно, что разведение позиций исследователя и субъекта мировосприятия, совмещенных в одном лице, для историка может быть реализовано через создание тезаурусов исторических документов и огромного материала личных дневников, писем, литературного творчества людей изучаемой эпохи. Развитие компьютерной техники с ее огромными возможностями хранения информации может привести к созданию мощных баз данных, построенных на основе исторических документов — своеобразной формализованной и упорядоченной «исторической памяти», представленной в форме семантических пространств, семантических сетей или в иных формах репрезентации. В таком случае откроется перспектива исторической психосемантики или психосемантического анализа в исторической антропологии.

Ниже в качестве примера психосемантического исследования для коллег-историков приводится наше исследование[1], проведенное на «живых» носителях

Подробная версия исследования см.: *Петренко В. Ф., Митwia О. В.* Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян//Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 6.

менталитета и посвященное представлениям населения России об уровне жизни в различные периоды послеоктябрьской отечественной истории.

Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян с 1917 по 1995 г.

Цель настоящего исследования — реконструкция той системы категорий (супер-ординатных личностных конструктов в терминах Дж. Келли), через призму которых население воспринимает жизнь и оценивает правительства СССР и его правопреемницы — России в различные периоды новейшей истории послеоктябрьского периода (с 1917 по 1995 г.). Другой аспект исследования — оценка качества жизни россиян при том или ином правительстве в рамках указанного исторического периода.

Термин «качество жизни» впервые появился в книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия». Под этим понятием подразумевались все блага, которые могут быть представлены развитым индустриальным обществом. В конце 1960-х гг., когда технократический оптимизм стал угасать, наряду с развитой экономикой, наукой появилась угроза экологического, экономического, политического кризиса, наблюдался рост преступности, наркомании, самоубийств, понятие «качество жизни» как синоним прогресса также приобрело амбивалентное значение. Эта ситуация во многом аналогична той, которую психологи пытались решить относительно понятия «счастья» (Аргайл, 1990).

Сравнительные социологические и психологические исследования качества жизни делают возможным сопоставление уровня, стиля, образа и других аспектов жизнедеятельности в разных странах[1], для разных исторических этапов внутри одной страны (Zarf, 1980), различных этнических и социально-демографических групп населения[2].

Можно сказать, что первое экспериментальное исследование уровня качества жизни, основанное на анализе численных данных, провел в начале века Э. Дюрк-гейм, обосновав зависимость качества жизни и роста числа самоубийств в обществе (Дюркгейм, 1992).

М. Абраме выделяет следующие факторы, влияющие на качество жизни: работа, жилище, город, здоровье, район, досуг, уровень жизни, образование, демократические права, финансовое положение (1974).

Для определения качества жизни используются так называемые социальные индикаторы. При этом различают традиционные показатели, или объективные социальные индикаторы, отражающие объективно наблюдаемые факты и условия социальной жизни, не касающиеся оценок людьми этих условий, а также

Барышева А. Человеческий потенциал как основа национального экономического успеха // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 28-38; The Quality of Life. Comparavity Studies / Eds. A. Szalai, F. Andrews. London, 1980. [2] *Beishen B., Atkinson T.* Anglophone and Francophone Differences in Perceptions of The Quality of Life in Canada // The Quality of Life. Comparavity Studies. P. 25-39; *Hedey R. A., Dubin R., Taveggia T.* The Quality of Workong Life, Gender and Occupational Status: A Cross-National Comparison // The Quality of Life. Comparavity Studies. P. 57-72; *Minor M.J., Bradbum N. M., SchaefferN. C* The Structure of Life Satisfaction: A Comparative Analysis Across Social Groups // The Quality of Life. Comparavity Studies. P. 129-134.

субъективные индикаторы, базирующиеся на оценках самим людьми своей жизни по различным показателям. Это — «воспринимаемое качество жизни».

Ф. Эндрюс указывает, что «чувственные» показатели имеют не менее важное значение, чем использование объективных измерений дохода на душу населения, количество жилплощади и т. д. Необходимо учитывать показатели обоих типов, взаимодополняющих друг друга (Andrews, 1980).

Для изучения качества жизни Бидерман вводит комплексный индекс интегральной технологической оценки по системе социальных и экономических данных с учетом их взаимных противоречий (Biderman, 1970).

В большинстве современных зарубежных исследований как наиболее важные сферы человеческого бытия, определяющие качество жизни, удовлетворенности ею, и как следствие — степень ощущения счастья, выделяются социальные связи, работа и досуг. Исследуется связь глобального ощущения удовлетворенности жизнью с такими факторами, как отношения в семье, с представителями своего и противоположного пола, личностные характеристики, уровень развития интеллектуальных способностей, физическая привлекательность, честность, эмоциональная стабильность и т. д.[1]

Чтобы определить уровень качества жизни, широко используется опросник удовлетворенностью жизни (Satisfying with Life Scale), включающий прямые вопросы: например, испытывает ли респондент удовлетворение от того, как и в каких условиях он живет, хочет ли начать жизнь снова и как-то изменить ее (Pavot, Dierner, 1993).

В англоязычной литературе наряду с термином «качество жизни» *(quality of life — QOL)* широко

распространен близкий термин «Субъективное благополучие» *(subjective well-being — SWB).* Данное понятие включает аффективную компоненту (приятно — неприятно, нравится — не нравится) и когнитивную, сводимую к удовлетворению жизнью. Эти составляющие оказывают значительное влияние друг на друга (Keltner, Locke, Audrian, 1993). С 1973 г. *SWB* признан международным научным сообществом как социальный индикатор, имеющий психологическую и социальную нагрузку. Литература, посвященная *SWB,* рассматривает вопрос, как и почему люди ожидают, что их жизнь будет идти желаемым путем, и включает и когнитивные оценки, и эмоциональные[2]. В нашем собственном исследовании анализ качества жизни осуществлялся во временной развертке восприятия россиянами своей страны.

Методика

В качестве метода исследования применялась психосемантическая процедура построения субъективного семантического пространства, выступающего операцио-

Inkeles A., Diamond L. Personal Development: A Cross-National Perspective // The Quality of Life. Comparavity Studies. P. 73—109; *Klein H. A., Tatone C L., Lindsay N. B.* Correlates of Life Satisfaction Among Military Wives //Journal of Psychology. 1989. V. 123. P. 465-475; *White L., Edwards J. N.* Emptying The Nest And Parental Well-Being: An Analysis of National Panel Data // American Sociological Review. 1990. V. 55. P. 235-242.

В работе *Diener E., Griffin S.* Happiness And Life Satisfactions: Bibliography // Psychological Documents. 1984. V. 14 (1) содержится библиографический обзор по проблемам *SWB.* См. также библиографию в книге М. Аргайла.

нальной моделью общественного (политического) сознания (Петренко, 1983; Петренко, Митина, 1997).

С учетом описанной выше литературы в наш опросник в качестве шкал-дескрипторов вошли такие аспекты жизни общества, как материальное благополучие его граждан, гарантированность работы, возможность дополнительного приработка, правовая защищенность, личная безопасность, право выбора места жительства и возможность свободного выезда за границу, жилищные условия и социальная защищенность, возможность получения высшего образования, наличие свободного времени для отдыха и досуга, наличие необходимых бытовых товаров и возможность хорошо питаться, уверенность в завтрашнем дне и вера в Бога, дружелюбие между людьми и возможность получить квалифицированную медицинскую помощь, осмысленность собственного существования и экологическая безопасность. Всего 46 суждений, описывающих разные аспекты качества жизни.

По этим дескрипторам проводилось их шкалирование с целью сопоставить образы правительств РСФСР, СССР и России — как они представлены в ретроспективе общественного сознания.

В исследовании приняли участие 553 человека в возрасте от 17 до 70 лет. Респондентов просили указать их социально-демографические параметры (пол, возраст, образование), а также политическую ориентацию (партию или избирательный блок, за который они собираются голосовать на выборах). В дальнейшем общая выборка была разбита на пять возрастных групп — для анализа влияния возраста респондентов на их отношение к прошлому страны, в том числе к перестройке и реформам последних лет. Участников опроса просили оценить по шестибалльной шкале (от 0 до 5) различные аспекты качества жизни населения при различных правительствах.

Объектами оценки выступали правительства: Ленина, Сталина («Сталин-1» — 30-е годы, «Сталин-2» — 1940-е (военные) годы, «Сталин-3» — послевоенные годы, начало 1950-х), Маленкова, Хрущева, Брежнева («Брежнев-1» — конец 1960-х, «Брежнев-2» — 1970-е годы), Андропова, Черненко, Горбачева («Горбачев-1» — правительство Горбачева—Рыжкова, «Горбачев-2» — правительство Горбачева-Павлова), Ельцина («Ельцин-1» — правительство Ельцина-Силаева, «Ельцин-2» — правительство Ельцина-Гайдара, «Ельцин-3» — правительство Ельцина-Черномырдина 1994 г., «Ельцин-4» — правительство Ельцина-Черномырдина 1995 г.).

Обработка ответов респондентов включала построение групповой матрицы данных 46 ^{x} 16 (путем суммирования индивидуальных протоколов) с последующим проведением факторного анализа. Использовался оригинальный статистический пакет обработки данных, написанный сотрудником лаборатории М. Гам-баряном применительно к нашим задачам.

Результаты исследования и их обсуждение

Факторный анализ данных позволил выделить конструкты сознания, через призму которых происходит восприятие и оценка деятельности различных правительств страны на протяжении ее истории. Приводим пункты опросника с указанием их факторной нагрузки (т. е. величины

проекции вектора-пункта опросника на ось фактора), которая отражает то, насколько данный пункт содержит в себе некий базисный смысл (фактор). Знак факторной нагрузки имеет математиче-

ский, а не оценочный смысл и показывает, к какому полюсу фактора относится рассматриваемый пункт опросника.

Первый фактор (52,4% общей дисперсии) включал следующие пункты опросника.

Чувство личной свободы	0,98
Возможность открыто выражать свою точку зрения	0,98
Возможность влиять на жизнь своего предприятия, института	0,98
Свобода выезда за границу ,	0,98
Свобода перехода с одного места работы на другое	0,96
Свобода исповедовать любую религию	0,96
Быть хозяином собственной жизни	0,92
Социальная мобильность человека, возможность перехода с одной ступеньки социальной лестницы на другую	0,92
Возможность раскрыть свои творческие способности	0,91
Возможность жить, как тебе хочется	0,90
Возможность влиять на политику своей страны	0,88
Свобода передвижения по стране	0,75
Ощущение осмысленности собственной жизни	0,73

Содержание этого полюса первого фактора бесспорно связано с возможностями разного рода свобод. Но сюда же попадают такие коррелирующие со свободой (в сознании наших респондентов или и в самом социуме?) аспекты жизни общества, как:

уровень преступности	0,93
угроза локальных войн	0,81
разочарованность в жизни	0,81

Противоположный полюс первого фактора составили:

Вера в высокие идеалы	-0,95
Возможность вмешательства в частную жизнь со стороны административных органов (милиции, КГБ, парткома)	-0,95
Экологическая безопасность	-0,93
Чувство единства с обществом	-0,88
Угроза глобальной войны	-0,87
Радость от работы	-0,72
Уверенность в завтрашнем дне	-0,65

Очевидно, этому фактору можно дать название *«политические свободы».*

«Склейка» столь разнородных аспектов жизни общества по полюсам фактора показывает, что «ничто не дается даром» и *свобода* в различных ее аспектах коррелирует в общественном сознании с уровнем преступности, разочарованностью в жизни, с утратой чувства единения с обществом, ослаблением семьи. Одновременно с этим полюсу *«несвобода»* приписываются вера в высокие идеалы, экологическая безопасность и уверенность в завтрашнем дне. Возможность «влиять на политику страны» связана с полюсом *«свобода»,* а ощущение «быть хозяином страны» с полюсом *«несвобода».* (Возможно, это связано с внушенным стереотипом коммунистической пропаганды: «советский человек — хозяин своей страны».) Кроме того, ослабление чувства хозяина своей страны при расширении политических свобод, по-видимому, связано с некоторой утратой чувства идентичности

с обществом. Угроза глобальных войн коррелирует с полюсом «несвободы», тогда как фактор «свободы» включает и пункт об угрозе локальных войн. Можно сказать, что тоталитарность страны чревата угрозой глобальных войн, в то время как *свобода,* по крайней мере в специфических условиях нашего государства, коррелирует с опасностью локальных войн.

Динамика восприятия правительств во времени по фактору *«политические свободы»* (рис. 69) представляет собой кривую, «ползущую вверх», получавшую ускорение в годы «хрущевской оттепели», «горбачевской перестройки» и правления «раннего Ельцина». Динамика последних двух лет показывает стабилизацию по этому фактору и даже слабую (но тревожащую) тенденцию

падения оценки по данному измерению.

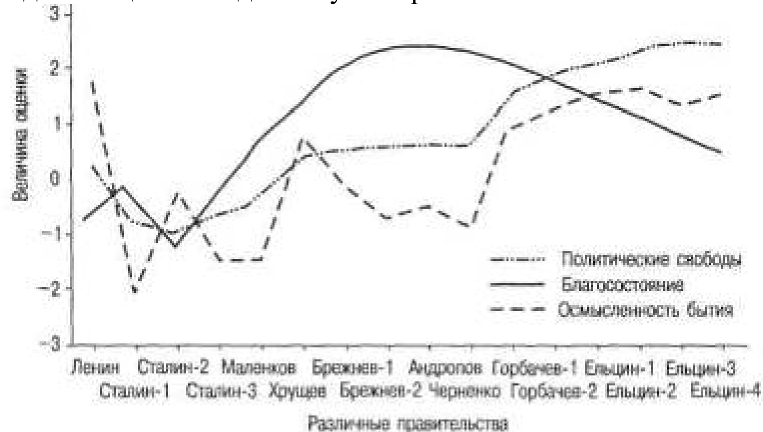

Рис. 69. Динамика восприятия правительств во времени по трем факторам: «политические свободы», «благосостояние», «осмысленность бытия»

Второй фактор (39,6%) включал следующие аспекты качества жизни.

Социальная защищенность	0,98
Возможность получить квалифицированную медицинскую помощь	0,98
Возможность удовлетворить свои духовные потребности (сходить в кино, театр, музей, купить интересные книги)	0,98
Хорошие жилищные условия	0,96
Возможность уделять достаточное время семье	0,96
Наличие необходимых бытовых товаров	0,95
Возможность хорошо питаться	0,95
Наличие свободного времени для отдыха	0,95
Возможность получить образование	0,93
Правовая защищенность	0,93
Гарантированность работы	0,93
Материальное благополучие	0,92
Возможность заниматься спортом	0,90

Содержание этого фактора можно интерпретировать как *«материальное благосостояние».* В этот фактор вошли также пункты, являющиеся, очевидно, следствием общего благополучия:

Степень дружелюбия между людьми	0,87
Чувство собственного достоинства	0,77
Уверенность в завтрашнем дне	0,72
Крепость семьи	0,69
Интерес к жизни	0,57

Исходя из весов факторных нагрузок пунктов опросника, выстраивается определенная иерархия ценностей, определяющая качество жизни. Так, наивысшими ценностями, превышающими материальную обеспеченность, оказались «социальная защищенность» и «возможность получить квалифицированную медицинскую помощь». Весьма высоко оцениваются «хорошие жилищные условия». Возможность удовлетворять духовные запросы (сходить в театр или кино, купить интересующую тебя книгу) имеет более высокую субъективную значимость, чем «наличие бытовых товаров». Конечно, данный результат обусловлен составом наших респондентов, в большинстве имеющих высшее или незаконченное высшее образование. Но одновременно эти результаты, полученные косвенно (по величине факторной нагрузки пункта опросника, а не по прямым оценкам испытуемых), напоминают о том, что необходимо учитывать духовные потребности населения, не говоря уже о культуре как об основе, не только обеспечивающей нормальное функционирование общества, но и задающей сам смысл его существования.

Согласно представлениям наших опрошенных, «дружелюбные отношения между людьми» напрямую связаны с уровнем жизни. Чувство собственного достоинства в большей степени связано с фактором *«материальное благосостояние»,* чем с фактором *«политические свободы».* Крепость семьи, отрицательно коррелирующая с фактором *«политические свободы»,* тем не менее положительно коррелирует с фактором *«материальное благосостояние».* Очевидно, для нормальной жизни семьи требуется какой-то минимум экономических благ

График динамики *«материального благосостояния»* приводится на рис. 69. Как видим из графика, пика благополучия, по мнению опрошенных, страна достигла во времена «застоя» при Брежневе. Далее по фактору благополучия при последующих правительствах шел спад.

Третий фактор (4,3%), названный нами «Осмысленность бытия», включал следующие пункты опросника.

Чувство собственного достоинства 0,60

Ощущение осмысленности собственной жизни 0,58

Противоположный полюс данного фактора представлен суждением разочарованность в жизни -0,48

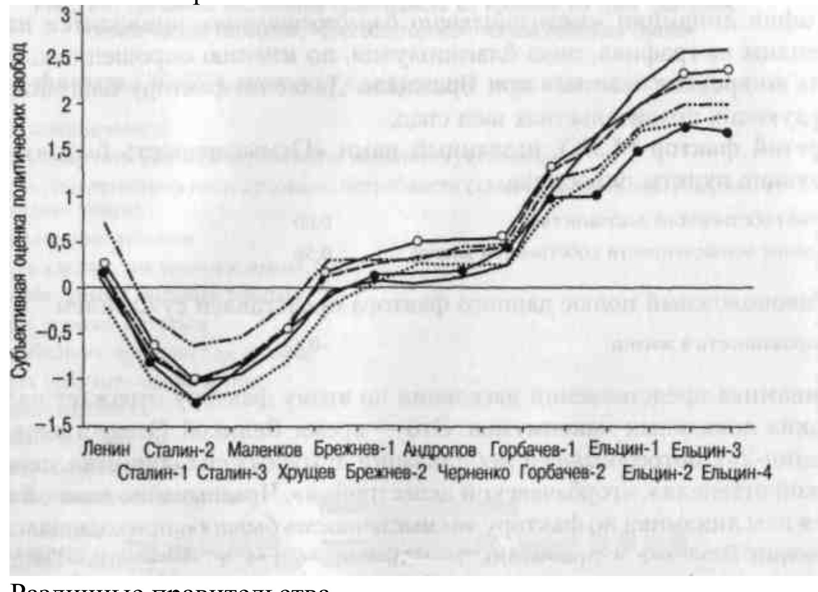
Динамика представлений населения по этому фактору отражает наличие нескольких локальных максимумов. Это — время Великой Отечественной войны («Сталин-2»), потребовавшей мобилизации духовных сил общества, период «хрущевской оттепели», «горбачевской перестройки». Чрезвычайно важной представляется нам динамика по фактору *«осмысленность бытия»,* приходящаяся на годы правления Ельцина и правительств Ельцина—Силаева, Ельцина—Гайдара, Ельцина—Черномырдина в 1994 и в 1995 гг. После падения оценки по фактору *«осмысленность бытия»,* пришедшегося на четыре предыдущих года, 1995 год

характеризуется некоторым подъемом по этому измерению. Можно полагать, что ощущения уныния и апатии, вызванные ломкой сложившегося уклада жизни и системы ценностей, постепенно сменяется адаптацией к условиям жизни и открытием новых возможностей для значительной части наших испытуемых (хочется верить — значительной части населения). Если эта тенденция верна, то возможен перелом (по крайней мере, психологический) в осмыслении людьми собственной жизни в постперестроечный период. А это, в свою очередь, может предвещать экономический подъем России.

Анализ возрастной детерминации восприятия социальной действительности

В нашем исследовании также проводился анализ влияния возраста респондентов на их восприятие социальной действительности. Группировка испытуемых по возрастному показателю выявила следующую картину.

Все пять возрастных групп (до 20, от 20 до 30, от 30 до 45, от 45 до 55 и старше 55 лет) выявили сходную динамику оценок качества жизни при различных правительствах на протяжении послеоктябрьского периода как по фактору *«политические свободы»* (рис. 70), так и по фактору *«материальное благополучие»* (рис. 71). То есть несмотря на возрастные различия и наличие или отсутствие «личного опыта проживания в те или иные исторические периоды», представления граждан России об этих временах достаточно близки. Саркастическое определение России как «страны с непредсказуемым прошлым», очевидно, справедливо только для официозной историографии. А «историческая память» общества с ее историческими оценками достаточно стабильна во времени.

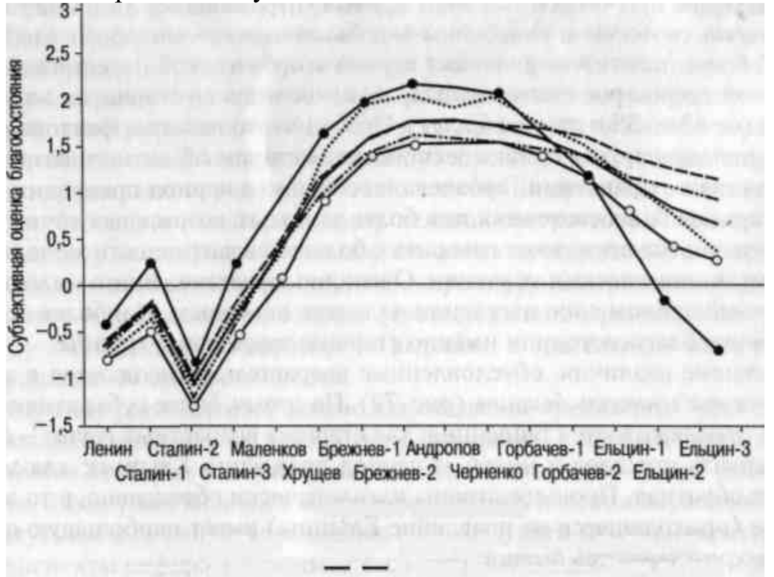

Различные правительства

.... До 20 лет ------------От 20 до 30 —o— От 30 до 45

------------От 45 до 55 ------------ Старше 55 —•— Общая выборка

Рис. 70. Динамика оценки политических свобод различными возрастными группами

Различные правительства

.... До 20 лет ------------От 20 до 30 —o— От 30 до 45

------------От 45 до 55 • Старше 55 ------------ Общая выборка

Рис. 71. Динамика оценки благосостояния различными возрастными группами

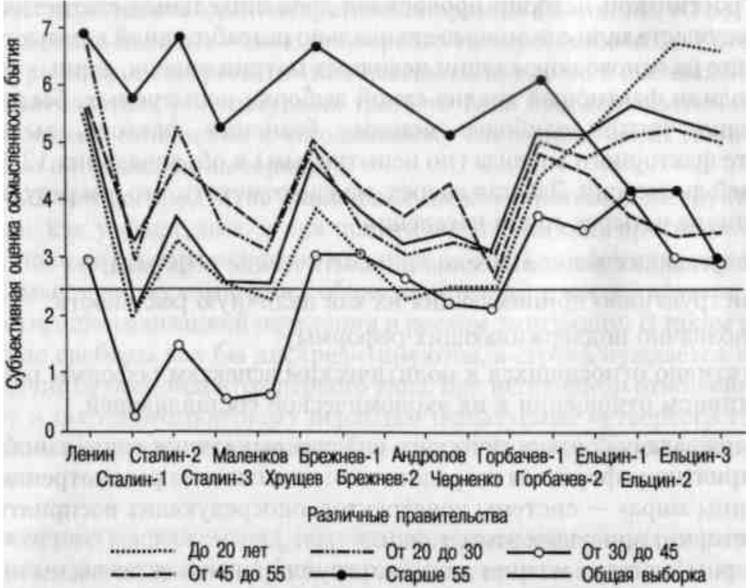

Рис. 72. Динамика оценки осмысленности бытия различными возрастными группами

Тем не менее при общем подобии кривых, отражающих динамику факторов *«политические свободы»* и *«материальное благополучие»,* молодежь (до 20 и от 20 до 30 лет) более позитивно оценивает период «горбачевской перестройки» и «ельцинского постперестроечного периода» по сравнению со старшими возрастными группами (от 45 до 55 и старше 55 лет). Особенно это касается фактора *«материальное благополучие»,* где кривая респондентов старше 55-летнего возраста резко падает, начиная с правления Горбачева и особенно в период правления Ельцина. Падение кривой благосостояния для более молодых возрастных групп незначительно. Эти данные позволяют говорить о большей адаптивности молодых россиян к новым экономическим условиям. Очевидно, представление о молодежи как о самом незащищенном слое населения является неверным. Наиболее остро ощущают падение благосостояния именно старшие возрастные группы. Наибольшие различия, обусловленные возрастом, наблюдаются в динамике фактора *«осмысленность бытия»* (рис. 72). По этому, более субъективному, фактору явно прослеживается

тенденция: для старших возрастных групп — более высоко оценивать прошлое и низко — период правления Ельцина; для молодежи тенденция обратная. Прошлое страны идеологически обесценено, в то время как настоящее (приходящееся на правление Ельцина) имеет наибольшую оценку по фактору *«осмысленность бытия»*.

Типология респондентов по их отношению к настоящему и прошлому России

В целях выделения типологии респондентов по их отношению к анализируемому периоду российской истории проводился дополнительный статистический анализ. Его осуществляли с помощью специально разработанной компьютерной программы, где на основе корреляции исходных матриц оценок, данных испытуемыми, проводили факторный анализ самой выборки испытуемых. Было проинтерпретировано четыре наиболее мощных базисных фактора, выделенных в результате факторного анализа (по испытуемым) и объясняющих 12,7; 11,5; 10,6; 6,8% общей дисперсии. Забегая вперед, можно отметить, что эти результаты отражают наличие четырех групп населения:

- отвергающих экономические и политические реформы;
- конструктивно принимающих их как наличную реальность;
- однозначно поддерживающих реформы;
- негативно относящихся к политическим аспектам реформы при более позитивном отношении к их экономической составляющей.

Не ставя задачу социологического анализа выявления социальной базы приятия/неприятия реформ, мы сосредоточили внимание на рассмотрении специфики «картины мира» — системы конструктов, опосредующих восприятие политической истории, присущих этим типам.

Факторный анализ матриц данных, сгруппированных по выделенным четырем типам, позволил выявить отличие как в системе конструктов, описывающих историю России (качество жизни при различных правительствах), так и в самой системе оценок.

Для **первого типа** — *«противников реформ»* — характерен синкретизм в группировке пунктов по фактору *«политические свободы»,* где на полюсе, антонимич-

ном политическим свободам, сосредоточены такие пункты опросника, как «чувство единения с обществом», «вера в высокие идеалы», «интерес к жизни», «степень дружелюбия между людьми», «крепость семьи» и т. п. То есть наличие господствующей коммунистической идеологии рассматривается ими как фактор, объединяющий, интегрирующий общество, в то время как политические свободы, имеющие оттенок «вседозволенности», ведут к усилению коррупции, преступности. Люди переживают определенную ностальгию по прошлому с ясными (и как декларация, бесспорно, благородными) целями построения «светлрго будущего»). По фактору *«материальное благосостояние»* прослеживается та же тенденция — более высокая оценка прошлого и неприятие настоящего положения. Третий же фактор *«осмысленность бытия»* (существующий в рамках общегрупповой выборки) у этого типа респондентов не выражен и «растворен» между первыми двумя, придавая им синкретичность.

Второму типу респондентов можно дать название *«реалисты»*. Для них характерна большая когнитивная сложность по сравнению с первым типом. Факторы *«политические свободы»* и *«материальное благосостояние»* более семантически однородны и содержат меньшее количество идеологических вкраплений. Сознание испытуемых 2-го типа по сравнению с предыдущим менее синкретично, и негативные аспекты реформ не связываются напрямую с демократией и ростом политических свобод.

Третий тип — *«cmopottuuKU реформ»* — так же, как и представители второго типа («реалисты»), характеризуется семантической однородностью выделяемых факторов. Так, политическим свободам противостоят пункты опросника о вмешательстве в частную жизнь административных органов (милиции, КГБ), а отнюдь не «вера в высокие идеалы» — как для первого типа респондентов. Категориальные структуры второго и третьего типов весьма близки, но в оценках жизни при разных правительствах у испытуемых третьего типа прослеживается тенденция более позитивного отношения к сегодняшнему состоянию общества по сравнению со всеми остальными выборками.

Четвертый тип респондентов оказался близок по системе конструктов к первому. Так же, как у последних, у них политические свободы противопоставлены множеству положительных аспектов жизни общества (духовности, вере в идеалы, крепости семьи, чувству единения с обществом и т. п.) и коррелируют с разгулом преступности, алкоголизацией населения и ростом эмиграции. В

таком контексте политические свободы как бы дискредитируются, а страна нуждается в сильной руке. В отличие от респондентов первого типа, при негативном отношении к перестроечному и постперестроечному периодам испытуемые четвертого типа более положительно оценивают состояние общества по фактору *«материальное благосостояние»*.

В заключение выскажем ряд положений методологического характера. Сопоставление по качеству жизни, будь то различные страны, социальные или этнические группы или отдельные индивиды, предполагает некую систему отсчета — систему фиксированных экономических, социологических и психологических параметров. Система эта, аналогично системе координат в классической физике, является «абсолютной» в том плане, что не зависит от объекта анализа, к которому прилагается. В рамках этой фиксированной системы координат мы и провели

кросс-временное сопоставление качества жизни в различные периоды нашей новейшей истории.

Но система значимых объективных и субъективных социальных индикаторов определяется мировосприятием самих объектов анализа (как субъектов социальной жизни), и они не рядоположны. Каждый социальный субъект имеет свой паттерн параметров качества жизни, свою систему координат, производную от его ментальности. Иссекающий душу страх перед возможными арестом, репрессиями в тридцатые годы не взвесишь на весах качества жизни, он тотален и трансформирует все семантическое пространство мировосприятия. Потребность в самореализации — ведущая компонента «качества жизни» развитой личности, ставшая массовой для информационного общества, вряд ли была особо актуальной в эпоху, когда труд рассматривался как проклятие Бога: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой». Природа как ценность — новое экологическое измерение общественного сознания, расширяющее его мерность. И кто знает, сколько новых векторов бытия породит человеческая эволюция и цивилизация. Путь развития нелинеен и представление о конце истории, выдвинутое Фукиямой (Фукияма, 1990), как неизбежной конвергенции всего человечества к либерально-демократической модели развития оспорен Хантингтоном (Хантингтон, 1995), выдвинувшим концепцию развития глобальной истории (big history) как борьбы и противостояния нескольких цивилизаций (в терминах О. Шпенглера (Шпенглер, 1993) и Тойнби (Тойнби, 1991) или «культурно-исторических типов» в терминах Данилевского (Данилевский, 1991); см. также: Назаретян, 2004). Стержнем этих цивилизаций выступает, по мысли Хантингтона, ментальность общественного сознания, базирующаяся на традиционной религии и как следствии этого (в контексте нашего обсуждения) — на специфическом паттерне потребного качества жизни. Общество потребления и утопическое общество «экологической гармонии» ставят заведомо разные веса субъективной значимости тех или иных параметров бытия. Не только разные культуры обладают различной теленомической направленностью, но и в рамках одного общества присутствуют люди, ориентированные диаметрально противоположным образом. Прагматизм новых русских и нестяжательство ушедших в монастырь — предельные позиции желаемого качества жизни. И хотя, наверное, прав был министр экономики Ясин, говоривший о сужении пространства возможного маневра российской экономики и, как следствие, предопределенности ее развития, все же не «хлебом единым жив человек», и психологические исследования представлений россиян относительно качества жизни, желаемого будущего, справедливого общества и прочих «социальных репрезентаций» могут оказаться полезными в рефлексии обществом «самого себя» и выборе путей становления.

12.3. Психосемантический анализ геополитических представлений граждан России

Геополитику можно охарактеризовать как совокупность неких представлений о влиянии географических факторов на политику, безопасность и процветание государства. Например, таких как близость/удаленность государства от центров мировой цивилизации и важнейших транспортных коммуникаций, характер до-

минирующего рельефа местности (преобладание степного, горного или пустынного ландшафта), климатический режим, наличие морских и речных коммуникаций, естественных природных преград и рубежей, богатство страны полезными ископаемыми, в целом обусловливающих как специфику экономической деятельности, так и уязвимость/защищенность страны от военной интервенции. Американский политолог К. Грей назвал геополитику наукой о «взаимосвязи между физической средой в том виде, как она воспринимается, изменяется и используется людьми, и мировой политикой» (цит. по: Гаджиев, 1997. С. 15).

Неоспорима роль географического фактора в становлении и развитии человеческой цивилизации.

Исторические центры мировой цивилизации возникали в климатически благоприятных зонах, в долинах крупнейших рек (Нил для Древнего Египта, Двуречье для Вавилона, Янцзы для Древнего Китая, Ганг для Индии), обеспечивающих водные ресурсы для поливного земледелия. Реки выступали и важнейшими, часто единственными, транспортными артериями. Применительно к России можно вспомнить о Великом пути «из варяг в греки» (по Волге, Москве-реке, Волхову), о том, что набеги татаро-монгольских орд на лесистые Центральную и Северно-Восточную Русь осуществлялись в основном в зимнее время, когда реки покрывались льдом и могли служить дорогами для прохождения конницы. С другой стороны, географическая изолированность или наличие естественных преград для вторжения завоевателей (например, Гималаи, разделяющие Китайскую и Индийскую цивилизации, или островное положение Японии) обеспечивали «прикрытие» по тем или иным направлениям. Развитие мореходства привело к тому, что Средиземноморье стало поистине колыбелью для европейской цивилизации, а само Средиземное море выступало транспортным звеном, обеспечивающим взаимообмен товарами и культурными новациями как прибрежных государств, так и через Великий шелковый путь с «Дальним восточным зарубежьем».

В результате великих географических открытий и колонизации Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии, открытия морских путей в Индию и Китай возрастает значение Атлантики. «Венеция и Генуя потеряли свои преобладающие позиции и уступили их сначала Лиссабону, затем Севильи, Антверпену и, наконец, Амстердаму, Гамбургу и Лондону. Несколько позже, в значительно меньших масштабах, "Золотой век" наступил для Нанси, Бордо, Кадиса и многих других городов, имеющих выход в Атлантический океан» (Гаджиев, 1998, с. 43).

Очевидны преимущества, которые дает выход страны к морю (не случайно захват Петром Первым у Швеции финского побережья Балтийского моря был означен Пушкиным как: «В Европу прорубил окно». Противопоставление морских держав и государств, расположенных в глубине материка, было отображено в одной из первых геополитических концепций, которые начали появляться в XIX в., — концепции МакКиндера (MacKinder, 1904; 1995), где выдвигались геополитические идеи конкуренции морских и сухопутных коммуникаций. Как полагал МакКиндер, на смену лидерству «владычицы морей» Англии с развитием железнодорожного транспорта придет лидерство стран Хартленда (дословно — сердцевинные земли) — великих сухопутных держав. Он сформулировал свою позицию в известном тезисе: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд; кто правит Сердцем земли, тот контролирует Мировой

остров (т. е. Евразию); кто контролирует Мировой остров, тот владеет всем миром». Уже в преклонном возрасте, в 1943 г., в статье «Круглый мир и завоевание мира» МакКиндер утверждал, что если Советский Союз выйдет из войны с Германией победителем, то превратится в величайшую сухопутную державу. Аналогично Н. Спайкмен, выражавший интересы Америки, полагал, что США, будучи океанической державой с мощным военно-морскими флотом, могут установить контроль над прибрежными водами европейского континента и, заблокировав Европу, контролировать мир.

Бесспорно, контроль за коммуникациями являлся важнейшей составляющей военной доктрины и безопасности ведущих государств. Так, начавшаяся на Балканах Первая мировая война во многом связана с попытками Германии провести в этом регионе железные дороги, чтобы выйти к Персидскому заливу и тем самым создать опасность немецкого вторжения в Индию, находившуюся под властью англичан. Вхождение Америки во Вторую мировую войну, непосредственно вызванное бомбардировкой японцами Пёрл-Харбора — военной базы США на Гавайских островах — связана с борьбой Америки и Японии за контроль над ведущими морскими коммуникациями в Тихом океане. Вторжение Советского Союза в Афганистан, хотя и вызванное желанием впадающего в маразм Брежнева наказать Амина за вероломное убийство Тараки, имеет более глубокое геополитическое обоснование внешней политики СССР, связанное с желанием контролировать выход к Персидскому заливу — богатейшему нефтедобывающему региону. (Свидетельством тому появившиеся в советской прессе упоминания о старых договорах с Ираном времен Второй мировой войны.) Нефть — это кровь экономики, и наряду с транспортными артериями размещение нефтяных трубопроводов стало важнейшим аспектом геополитического пространства. «Чеченская война» уже обновленной России во многом объясняется геополитическим положением мятежной республики, перекрывающей железнодорожные и автотранспортные дороги в Закавказье, а также экономически очень важного для российской

экономики нефтепровода Баку — Новороссийск.

Развитие авиатранспорта, а затем и ракетостроения внесло новые ракурсы как в систему мировых коммуникаций, так и в уязвимость обороноспособности государств, создав ощущение компактного и взаимозависимого мира. Мысль о том, что «все мы в одной лодке», попеременно высказывается политиками разных стран. А переход ведущих стран мира к постиндустриальной форме цивилизации привел к тому, что ведущим товаром наряду с нефтью и промышленными изделиями становится торговля информацией и технологиями. Интернет становится транспортной коммуникацией XXI в., коммуникативным каналом, вес которого будет только нарастать со временем.

Сближение стран благодаря современным средствам транспорта и информационным технологиям не отменяет, конечно, фактора чисто пространственной удаленности. Можно тут вспомнить почти курьезный случай из международной практики начала 1990-х гг., когда Австралия, озабоченная старением поголовья своих тонкорунных овец, предложила испытывающей трудности в связи с нехваткой продовольствия России несколько миллионов голов «на мясо». В нашей стране это предложение, вызвавшее первоначально волну энтузиазма в прессе, затем было отклонено. Подсчет экономистов показал, что разделка и транспортировка бесплатной баранины из Австралии обойдется дороже покупки мяса в географически близкой Германии. Конечно, оценка рентабельности зависит от использу-

емых экономических критериев и не является абсолютной, однако данный пример ярко иллюстрирует старую поговорку «За морем телушка — полушка, да алтын перевоз». Наряду с чисто экономической рентабельностью имеются и иные критерии оценки эффективности тех или иных экономических проектов. Например, удаленность регионов Дальнего Востока от «материковой России» и связанные с этим, как более рентабельные, закупки угля за рубежом могут иметь негативные последствия для экономической и политической целостности России.

С увеличением роли в мировой торговле промышленных и информационных технологий, расширением культурного взаимообмена и туризма на смену индустрии «угля и стали» приходит индустрия информации и массовой культуры. Нелишне напомнить, например, о великой империи информационных технологий Билла Гейтса, где торговля *software* (программным обеспечением) приносит прибыль, сопоставимую с прибылью нефтяных компаний.

На геополитическую карту мира с ее транспортными коммуникациями накладываются практически неограниченные компьютерные коммуникации, реализуемые через спутниковые связи. Единственным фактором, затрудняющим этот грандиозный информационный обмен между государствами, является языковой барьер и различия в менталитете. В геополитике возрастает роль проблемы взаимопонимания, возможности интенсивного диалога в области культуры и науки, которые определяют мощь, внутреннюю стабильность и позицию государства в мировом сообществе.

В этом плане важнейшим фактором геополитики наряду с чисто географической близостью становится близость культур, возможность их взаимопроникновения и ассимиляции. Последнее во многом зависит от близости национальных языков, общности культурных архетипов, религий. Восприятие тех или иных государств и населяющих их народов в значительной степени зависит от уже сложившихся представлений и стереотипов. В психологической науке проблеме этнических авто- и гетеростереотипов посвящено огромное количество исследований, включающих, в частности, анализ феноменов фаворитизма и этноцентризма (Дробижева, Аклаев, Солдатова, 1996; Лебедева, 1997; Berry, 1990; Berry, Poor-tinga, Segall, Dasen, 1992; Tajfel, Turner, 1986; Triandis, 1994).

Значительно менее представлены (по крайней мере, на материале российского менталитета) исследования стереотипов восприятия стран как субъектов международной политики, а также исследования той системы категорий, через призму которой осуществляется восприятие и оценка этих стран. С изменением геополитической реальности на смену хрестоматийному делению стран на социалистические, капиталистические и развивающиеся в массовом сознании российских граждан возникают иные структуры, малоэксплицируемые и плохо осознаваемые самими их носителями. Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность, свое место в содружестве государств (см. Солженицын, 1994; Сорос, 1998).

Настоящее исследование посвящено реконструкции именно таких опосредующих восприятие и осознание различных стран мира категориальных структур, эксплицируемых с помощью методов психосемантики, где многомерные семантические пространства выступают операциональными

моделями этих структур сознания (см. Петренко, 1988, 1997; Петренко, Митина, 1997; Petrenko, Mitina, 1997), а позиции государств в многомерном пространстве отражают имеющиеся

у респондентов геополитические стереотипы этих стран (см. например, Ингеле-харт, 1997; Ingelehart, Carballo, 1997).

Отметим, что в современной, в первую очередь англоязычной, психологической науке активно развивается географическая психология или поведенческая география (см. Голд, 1990). Типичными приемами исследования являются, например, построение (как правило, с помощью многомерного шкалирования) образа-представления некоей местности, района, города, страны с последующим сопоставлением ментальной карты субъекта с реальной географической, с целью выделения факторов, влияющих на искажение реальных масштабов (см. Briggs, 1973; Величковский, Блинникова, Лапин, 1986; Блинникова, 1998). Другим типовым приемом исследования является многомерная оценка (с последующей факторно-аналитической обработкой матрицы данных) определенной географической местности для очерчивания на этой местности зон с теми или иными субъективными характеристиками, например зон, комфортных для проживания (см. Gould, 1969; Gould, White, 1974).

В задачу настоящего исследования входит реконструкция той системы категорий, которыми пользуется российское общественное сознание при восприятии стран СНГ, Европы, мира. Иными словами, ставится задача реконструкции имплицитной модели геополитического пространства у россиян, включающая подзадачи:

- экспликация категориальных структур, опосредующих восприятие российскими респондентами стран СНГ, Европы, мира;
- анализ конкретных этнических стереотипов россиян относительно ряда стран СНГ, Европы, мира;
- наложение ментальных геополитических представлений россиян на географические карты, СНГ, Европы, мира;

Методом исследования и одновременно формой репрезентации выделенных когнитивных структур выступала психосемантика (см. Петренко, 1983; 1988; 1997; Шмелев. 1983), истоки которой восходят к методам семантического дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957) и «репертуарных решеток» теории личностных конструктов Дж. Келли (Kelly, 1955). Одной из типовых процедур использования инструментария психосемантики является оценка респондентами анализируемых объектов по градуальным шкалам с последующим уменьшением размерности исходного пространства описания с помощью факторного анализа, а затем представление выделенных структур в форме геометрического многомерного пространства. При этом количество выделенных факторов отражает когнитивную сложность респондентов в осознании данного смыслового поля (объектов анализа), а содержание и мощность выделяемых факторов (вклад фактора в общую дисперсию) — присущие субъекту (респонденту) формы категоризации и их субъективную значимость. Наконец, размещение объектов (в нашем случае имиджей-образов стран) в виде точек-координат в семантическом пространстве характеризует отношение субъекта (респондента) к этим объектам (странам) — его, в терминах А. Н. Леонтьева, «личностный смысл» (Леонтьев, 1975) по поводу этих стран, или, более конкретно, применительно к нашей задаче характеризует геополитические установки респондента или его стереотипы в отношении к этим странам.

Испытуемые. В роли испытуемых выступали жители Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ижевска, Ростова, Саранска, Сургута, Казани и Абакана. Всего 983 человека обоего пола, в возрасте от 18 до 70 лет. Выборку нельзя считать репрезентативной, так как большинство ее респондентов составили студенты университетов указанных выше городов и лица с высшим образованием. Перекос выборки в сторону более образованных респондентов связан со спецификой исследования, требовавшего от испытуемых как определенных географических и страноведческих знаний, так и общей политической культуры. К тому же трудоемкость процедуры заполнения матрицы данных (каждая матрица потребовала от респондента более полутора часов времени на заполнение) и отсутствие иных мо-тивационных факторов работы респондентов, помимо интереса к самой работе и личной просьбы экспериментатора, ограничивали круг респондентов «интересантами», студентами и их родителями.

Процедура опроса. Испытуемых просили оценить ряд стран СНГ, Европы, мира по 32 шкалам-дескрипторам, характеризующим состояние дел в этих странах по экономике, культуре,

образованию, внутренней и внешней политике и т. п. Шкалы имели семизначную градацию (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3), где число 3 означало максимальную оценку страны (данную респондентом) по предложенному признаку, а число -3 означало наличие противоположной по смыслу, антонимической характеристики. Бланки со странами СНГ имели три дополнительные шкалы-дескриптора по сравнению с бланками для стран Европы и мира, так как включали пункты, характеризующие внутреннюю политику правительства страны по отношению к ее русским и русскоязычным гражданам. Индивидуальные ответы респондентов суммировались в три общегрупповые матрицы данных по СНГ, Европе и миру и затем подвергались процедуре факторного анализа.

Обработка данных осуществлялась с помощью специально разработанного статистического пакета и исключала процедуру нормирования данных, обычно используемую для факторного анализа в стандартных программах (например, *SPSS).* Дело в том, что процедура нормирования ведет к тому, что при определении координат объектов в семантическом пространстве координатные оси исходят из «центра тяжести» «облака» этих точек. Из этого вытекает, что если даже все объекты имеют положительную нагрузку по какому-то глобальному качеству-фактору (например, все страны оценены как миролюбивые), то процедура нормирования, входящая в стандартный пакет обработки данных, автоматически и неизбежно разведет их по разные стороны нулевой системы отсчета, приписав воинственность имеющим более низкий индекс по фактору миролюбия. При отсутствии процедуры нормирования (для чего наш программист М. Гамбарян написал специальную подпрограмму, сделав процедуру нормирования факультативной) размещение объектов (стран) в семантическом пространстве осуществляется, исходя из абсолютных, а не нормированных оценок, данных респондентами, и тем самым отражает, на наш взгляд, более объективную картину ментальных установок.

Полученные результаты. Уже анализ исходной матрицы данных по миру в целом (без стран СНГ и Прибалтики) дает интересный материал для размышлений (табл. 12.3). Российские респонденты демонстрируют высокую когнитивную сложность, не отдавая приоритета какой-либо узкой группе стран, а выделяют по разным основаниям различные страны.

Таблица 12,3 Матрица первичных данных оценок стран **мира и Европы**

		Австралия	**Австрия**	**Албания**	**Афганистан**	**Бангладеш**	**Бельгия**	Бирма **(Мьянма)**	**Болгария**	**Бразилия**	**Великобритания**
1	Страна с глубокими историческими традициями	0,16	**1,97**	0,65	**1,52**	0,56	1,41	0,9	1,61	0,82	2,58
2	Политически стабильное государство	2,12	2,53	**-1,6**	**-2,3**	**-0,6**	2,43	-0,17	0,62	0,85	2,63
3	Государство *с* плановой экономикой	**-0,2**	-0,28	-0,07	**-1**	**-0,5**	0,13	-0,45	0,3	**-0,2**	0,7
4	Религиозное население	0,34	0,61	1,37	2,59	**1,32**	0,39	1,37	0,53	0,96	1,56
5	Высокий уровень духовной культуры	0,83	**1,9**	**-0,2**	**-0,6**	**0,02**	**1.4**	0,27	0,72	0,52	2,1
6	Великая держава	0,19	0,62	**-1,7**	**-1,6**	**-1,5**	-0,1	-1,51	-0,8	**-0,5**	2,39
7	Экономически независимое государство	**1,41**	1,99	**-1,4**	**-1,7**	**-1,2**	1,65	-1,18	-0,3	0,12	2.36
8	Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике	1,78	0,13	1,15	1,24	**1,28**	0,4	1,37	1,73	1,63	-0,2
9	Высокий уровень развития науки и техники	0,97	2,11	**-1,4**	**-1,9**	**-1.5**	1,72	-1,53	-0,2	**-0,1**	2,34
10	Проводит миролюбивую политику	2,05	1,98	**-1,3**	**-2,1**	0,86	1,95	0,99	1,66	1,66	1,24
11	Демократическое государство	1,83	2,19	**-1,3**	**-1,9**	**-0,3**	1,99	-0,3	0,82	0,91	1.7
12	В стране тоталитарный режим	**-2,2**	**-2,1**	0,96	1.35	**-0,3**	-2,1	-0,17	-1,2	**-1,3**	-1,48
13	Страна, дружественная США	**1,74**	1,54	**-0,8**	**-1,1**	0,14	1,54	-0,02	0,33	1,21	1,89
14	Государство с рыночной экономикой	2,05	2,35	**-0.7**	**-1**	0,53	2,32	0,33	0,96	1,49	2,52
15	В стране высокий уровень	**-0,8**	**-1,2**	1,54	2,07	0,55	-1	0,18	0,01	0,72	-0,22

	преступности										
16	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	1,5	2,08	**-1,3**	**-1,9**	0,04	2,02	0.1	1,06	0,72	1,26
17	Мощное в военном отношении государство	**-0,3**	0,34	**-0,9**	**-0,3**	**-1,3**	0	-1,43	-1.4	**-0,6**	1,89
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	1,24	1,1	**-0,2**	**-1,2**	0,36	1,04	0,33	1,77	0,96	1,31
19	Проводит агрессивную политику	**-1,8**	**-1,5**	0,29	1,49	**-1,1**	-1,5	-1,14	-1,5	**-1,5**	-0,77
20	В стране высокий уровень жизни	1,98	2,54	**-1,5**	**-2,2**	**-1,3**	2,38	-1,31	0,11	0,32	2,43
21	У страны высокий международный авторитет	1,34	1,91	**-1.7**	**-1,9**	**-1,3**	1,66	-1,3	-0,3	0,37	2,7
22	Националистическое государство	**-1,2**	**-0,8**	**1,43**	2,04	0.19	-0,9	-0,01	-0,6	**-0,6**	-0,42
23	Открытая страна	1,31	2,01	**-1**	**-1,6**	0.15	2,04	-0,1	0,73	1,03	0,69
24	Милитаризованная страна	**-1,1**	**-0,8**	1,06	1,96	**-0,6**	**-0,7**	-0,88	-1	**-1**	0,24
25	Проводит имперскую политику	**-1,3**	**-0,7**	**-0,4**	**0**	**-0,9**	-0,9	-1,01	-1,6	**-1,2**	0,61
26	Высокий уровень образования	1,38	2,24	**-1,4**	**-2**	**-1,2**	2,05	-1,37	0.54	**-0,2**	2,36
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	**-1.4**	**-1,5**	1,93	2,4	0,62	-1,4	0,27	-0,4	**-0,6**	-0,26
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	**-0,4**	0,62	**-1**	**-0.7**	**-1,1**	0,49	-1,05	1,54	**0,07**	0,37
29	В стране соблюдаются права человека	**1.77**	2,37	**-1.4**	**-1,9**	**-0,6**	2,29	-0,54	0,92	**0,5**	1,99
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	**-1,4**	**0**	**-1**	**-1,4**	**-1,8**	-0,5	-1.68	2	**-1,5**	-0,9
31	Я симпатизирую этой стране	**1,84**	1,74	**-1,1**	**-1,4**	**-0,9**	1,62	-0,85	1,12	0,48	1,76
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	0,65	0,93	**-2,2**	**-2,3**	**-1,9**	0,75	-1,74	***-0,4***	**-0,8**	**0,6**
	Средняя дисперсия опенок страны по всем шкалам	1,46	1,45	1,6	1,52	1,49	1,37	1,398	1,5	1,46	1,339

Продолжение табл. 12.3

		Венгрия	**Вьетнам**	**Гана**	**Германия**	**Голландия**	**Греция**	**Дания**	**Израиль**	**Индия**	**Ирак**
1	Страна с глубокими историческими традициями	1,49	1,19	0,39	2,01	1,93	2,51	1,79	1,52	2,82	1,56
2	Политически стабильное государство	0,79	**-0,5**	**-0,4**	2,23	2,55	1,6	2,49	**-0,1**	0,48	**-1,2**
3	Государство с плановой экономикой	0,21	0,31	**-0,4**	0,83	0,35	0,22	0,29	**0,4**	0,19	0,32
4	Религиозное население	0,67	0,84	0,71	1,18	0,38	1,24	0,36	2,33	2,63	2,51
5	Высокий уровень духовной культуры	0,88	0,35	**-0,2**	1,78	1,43	1,72	**1,61**	1,7	1,95	0.18
6	Великая держава	**-0,6**	**-1,2**	**-1,6**	2,1	0,17	0,21	0,09	0,4	0,5	**-0,5**
7	Экономически независимое государство	0,03	**-0,9**	**-1,1**	2,24	**1,9**	0,81	1,82	0,8	0,09	**-0,3**
8	Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике	1,53	1,93	1,14	**-0,3**	**1,1**	1,16	0,63	0.42	1,96	0,07
9	Высокий уровень развития науки и **техники**	**0**	**-1,4**	**-1,5**	2,61	1,71	0,36	1,71	1,49	**-0,4**	**-0,7**
10	Проводит миролюбивую политику	1,26	0,68	0,53	1,29	2,02	**1,5**	2,02	**-0,8**	1,47	**-2**
11	Демократическое государство	0,94	**-0,4**	**-0,3**	1,93	1,99	1,23	1,76	0,76	0,2	**-1,8**
12	В стране тоталитарный режим	**-1,2**	0,27	0,14	**-1,5**	**-2,1**	**-1,5**	**-2**	**-0,7**	**-0,7**	1,92
13	Страна, дружественная США	0,57	**-1,2**	**-0,1**	1,69	1,57	0,91	1,59	1,07	0,48	**-2,3**

14	Государство с рыночной экономикой	**-1,17**	**-0,1**	0,18	2,52	2,35	1,88	2,32	1,73	0,99	**-0.5**
15	В стране высокий уровень преступности	0,12	0,62	0,46	0,24	**-0,8**	**-0,1**	**-1,1**	0,24	0,52	0,75
16	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	0,98	0,18	**0**	1,17	2,23	1,11	2,05	**-0,8**	**0**	**-1,5**
17	Мощное в военном отношении государство	**-1**	**-0,5**	**-1,3**	2,14	**-0,1**	**-0,5**	**-0,1**	1,47	**-0,2**	1,18
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	1,17	1,11	0,39	1,42	1,14	1,27	1,05	0,87	**1,69**	0,76
19	Проводит агрессивную политику	**-1,2**	**-1**	**-0,8**	**-0,8**	**-1,6**	**-1,2**	**-1,5**	0,17	**-1,3**	1,07
20	В стране высокий уровень жизни	0,57	**-1,3**	**-1,2**	2,63	2,46	1,42	2,39	1,62	**-0,8**	**-1,3**
21	У страны высокий международный авторитет	**-0,1**	**-0,9**	**-1,3**	2,56	**1,72**	0,84	1,61	1,26	0,87	**-0,9**
22	Националистическое государство	**-0,4**	**-0,2**	**-0,1**	0,24	**-1,2**	**-0,5**	**-1**	1,74	0,13	1,85
23	Открытая страна	0,73	**-0,1**	**0**	0,84	2,18	0,84	2,02	1,02	0,63	**-1,6**
24	Милитаризованная страна	**-0,9**	**-0,2**	**-0,6**	0,46	**-0,9**	**-0,6**	**-0,8**	1,74	**-0,4**	2,12
25	Проводит имперскую политику	**-1,3**	**-1**	**-0,8**	**-0,2**	**-0,9**	**-1,1**	**-0,9**	0,4	**-0,5**	0,96
26	Высокий уровень образования	0,57	**-1**	**-1,2**	2,31	2,12	0,78	2,06	1,81	**-0,4**	**-1.3**
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	**-0,4**	0,45	0,38	**-0,4**	**-1,5**	**-0,5**	**-1,6**	**1,53**	0,66	**1,57**
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	1,08	0,61	**-1,1**	1,43	0,71	0,53	0,63	0,83	1,24	0,39
29	В стране соблюдаются права человека	0,94	**-0,5**	**-0,7**	1,97	2,34	1,44	2,27	0,88	**0**	**-1,6**
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	0,42	**-1,3**	**-1,7**	**-0,6**	**-0,2**	**-0,4**	**-0,3**	0,2	**-0,3**	**-1,3**
31	Я симпатизирую этой стране	0,81	**-0,6**	**-0,9**	1,24	1,85	1,46	1,79	0,24	1,03	**-1,2**
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	**-0,5**	**-1,9**	**-1,9**	0,26	1,1	0,11	0,92	**-1,2**	**-1**	**-2,2**
	Средняя дисперсия оценок страны по всем шкалам	1,54	1,55	1,36	1,34	1,35	1,43	1,37	1,64	**1,5**	**1,6**
		Иран	**Ирландия**	**Испания**	Италия	Канада	Китай	Колумбия	Куба	Кувейт	**Нигерия**
1	Страна с глубокими историческими традициями	1,81	1,96	2,33	2,29	0,22	2,74	0,21	0,12	0,49	0,28
2	Политически стабильное государство	-0,7	0,19	1,76	1,64	2,17	1,14	-0,2	0	-0,1	**-0,5**
3	Государство с плановой экономикой	0,07	-0,2	0,21	0,23	0,06	1,45	-0,6	1,47	-0,3	**-0,5**
4	Религиозное население	2,52	1,24	1,68	1,76	0,52	1,47	0,41	-0,5	1,81	0,91
5	Высокий уровень духовной культуры	0,32	1,09	1,78	1,82	1,19	1,59	0	-0,1	0,01	**-0,4**
6	Великая держава	-0,4	-0,3	0,81	0,96	1,09	1,56	-1	-0,9	-0,8	**-1.5**
7	Экономически независимое государство	-0,2	0,43	1,44	1,54	1,9	1,16	-0,5	-0,3	0,11	**-1,3**
8	Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике	0,19	0,98	1,03	0,83	0,6	1,31	1,27	1.41	-0,7	0,89
9	Высокий уровень развития науки и техники	-0,9	0,71	0,99	1,29	1,9	1,21	-1	-0.9	-0,5	**-1,5**
10	Проводит миролюбивую политику	-1,3	0,09	1.6	1,51	1,98	0,55	0,57	0,32	-0,03	0,31
11	Демократическое государство	-1,5	0,95	1.26	1,36	2,03	-0,2	-0,2	-1	-0,6	**-0,7**

12	В стране тоталитарный режим	1,45	-1	-1,3	-1,3	-1,8	0,38	-0,3	1,34	0,36	0,07
13	Страна, дружественная США	-1.5	0,57	1,1	1,5	2,35	0,13	0,69	**-1,4**	0,16	0,02
14	Государство с рыночной экономикой	-0,3	1,67	2,16	2,3	2,3	0,66	0,77	-1	0,74	0,05
15	В стране высокий уровень преступности	0,54	0,5	0.16	0,98	-0,4	0,15	1,16	0,18	0	0,52
16	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	-1,2	0,07	0,99	1,07	1.47	0,44	0,26	0,38	-0,4	**-0,2**
17	Мощное в военном отношении государство	0,88	0,02	0,28	0,54	0.85	1,6	-0.8	0,04	-0,3	**-1,2**
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	0,39	0,71	1,19	1,11	1.34	0,95	0,38	1,07	0,18	0,21
19	Проводит агрессивную политику	0,69	**- 0,3**	-1,3	-1,2	-1,6	-0,7	-1	-0,8	-0.5	**-0,9**
20	В стране высокий уровень жизни	-0,9	1,3	1,62	1,81	2,2	0,22	-0,7	-1,1	0,18	**-1,5**
21	У страны высокий международный авторитет	-0,6	0,26	1,46	1,77	1,86	1,41	-0,8	-0,6	-0,3	**-1,3**
22	Националистическое государство	1,68	0,7	-0,4	-0.3	-1	0,21	-0,4	-0,1	0,53	0,16
23	Открытая страна	-1,3	0,71	0,88	0,83	1,2	0.2	0.09	-0,3	-0,2	0.18
24	Милитаризованная страна	1,57	0,49	-0,3	-0,2	-0,4	0,9	-0,2	0,74	0,27	**-0,4**
25	Проводит имперскую политику	0,62	-0,4	-0,8	-0,9	-1.1	0,56	-0.9	-0,7	-0,4	**-1,1**
26	Высокий уровень образования	-1,1	1,18	1,03	-1,28	2,09	0,78	-0,8	-0,3	-0,3	**-1,5**
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	1,22	0,99	-0,7	-0,5	-0,7	0,28	0,32	0,8	0,2	0,41
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	0,12	-0,3	0,4	0,67	1,02	1,61	-0,9	0,35	-1	**-1,4**
29	В стране соблюдаются права человека	-1,3	0,85	1,37	1.36	2	0,06	-0,5	-0,4	-0,1	**-0,5**
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	-1,3	-0,9	-0,8	-0,7	-0,7	-0,7	-1,7	-0,8	-1,9	**-1,8**
31	Я симпатизирую этой стране	-0,9	0,91	1,43	1.58	1,77	0,12	-0,8	*-0,4*	-0,9	**-1,3**
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	-2,1	-0,2	0,41	0,51	0,66	-1,2	-1,6	-1,5	-1,7	**-2**
	Средняя дисперсия оценок страны по всем шкалам	1,59	1,55	1,38	1,37	1,42	1,52	1,47	1.7	1,72	1,45

Продолжение табл. 12.3

-		**Норвегия**	**Польша**	**Португалия**	**Россия**	**Румыния**	**Северная Корея**	**Словакия**	**Сомали**	**США**	**Турция**
1	Страна с глубокими историческими традициями	**1,51**	1.19	1,57	1,93	1,07	0,32	0,93	0,12	0,04	1.97
2	Политически стабильное государство	**2,18**	0,33	1,49	**-0,9**	**-0,1**	**-0,4**	**-0,2**	**-0,6**	2,43	1,17
3	Государство с плановой экономикой	0,1	0	0,04	**-0,2**	0,03	1,31	0,02	**-0,5**	**0**	0.02
4	Религиозное население	0,71	1,07	0,84	0,52	0,68	**-0,1**	0,67	0,65	**0.71**	2,01
5	Высокий уровень духовной культуры	1,32	0,83	1,02	1,15	0,51	-од	0,58	**-0,5**	0,69	0,83
6	Великая держава	**0**	**-0,6**	**-0,2**	1,77	**-0,7**	**-1.1**	**-0,8**	**-1,5**	2.56	0,24
7	Экономически независимое государство	**1,4**	**-0,1**	1,03	0,03	**-0,6**	**-0,4**	**-0,6**	**-1,4**	2,52	0,8
8	Страна с преобладанием	**-0,2**	1,17	0,77	0,64	1,38	0,78	0,84	0,85	**-0,4**	0,79

	сельского хозяйства в экономике										
9	Высокий уровень развития науки и техники	1,28	0,06	0,68	1,46	**-0,3**	**-0,1**	**-0,2**	**-1.4**	2,68	0.01
10	Проводит миролюбивую политику	1,86	1,34	1,42	1,36	0,91	**-0,7**	0,67	**0,2**	**0**	0,77
11	Демократическое государство	1,9	0,71	1,22	0,38	**0,42**	**-1.2**	**0,4**	**-0,6**	2,01	0,38
12	В стране тоталитарный режим	**-1,8**	**-1,2**	**-1,4**	**-1,1**	**-0,7**	1.39	**-0,8**	0,1	**-1.8**	-0,8
13	Страна, дружественная США	1,37	0,64	1,04	1,3	0,48	**-1,4**	0,22	0,02	**1,4**	0, 56
14	Государство с рыночной экономикой	**-1,97**	1,23	1,76	0,99	0,82	**-0,9**	0,77	0,01	2,59	1,7
15	В стране высокий уровень преступности	**-1**	0,72	**-0,3**	2,17	0,79	**0**	0,6	0,77	1.74	0,54
16	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	1,36	1,04	1,32	1,03	0,48	**-0,1**	0,61	**-0,2**	**1,44**	0,28
17	Мощное в военном отношении государство	**-0,1**	**-0.8**	**-0,2**	1,87	**-0,8**	0,32	**-1,1**	**-1.3**	L 2,69	0,08
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	1,21	1,04	**0,71**	1,25	0,82	0,68	**0,74**	**0**	0,62	0,96
19	Проводит агрессивную политику	**-1,5**	**-1,2**	**-1**	**-0,8**	**-0,8**	0,16	**-1**	**-0,6**	0,53	**-0,8**
20	В стране высокий уровень жизни	1,98	0,02	1.42	**-1,1**	**-0,4**	**-1**	**-0,1**	**-1,5**	**2,6**	0,51
21	У страны высокий международный авторитет	-1,28	**-0,2**	0,68	1.28	**-0,5**	**-0.9**	**-0,5**	**-1,5**	2,64	0,52
22	Националистическое государство	**-0,7**	**-0,1**	**-0,2**	**-0,4**	**-0,1**	0,73	**-0,1**	0.17	**-0,8**	0.24
23	Открытая страна	0,92	0,7	1,37	0,95	**0,41**	**-1**	0,38	**-0,1**	1,09	**0,7**
24	Милитаризованная страна	**-0,7**	**-0,7**	**-0,2**	0,75	**-0,5**	**1,43**	**-0,6**	**-0,6**	1.56	**-0,2**
25	Проводит имперскую политику	**-1,3**	**-1,3**	**-0,6**	0,19	**-0,9**	0,24	**-1**	**-0,8**	1,36	**-0,4**
26	Высокий уровень образования	1,56	**0,4**	1,07	1,75	**0**	**-0,3**	**0,14**	**-1,2**	2,1	0,08
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	**-1,4**	**-0,1**	**-0,8**	2,29	0,47	**0.76**	0,51	0,65	**-0,5**	**-0,1**
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	0,26	**1,41**	**-0.1**	1,33	0,48	0,58	0,24	**-1,2**	1,62	1,36
29	В стране соблюдаются права человека	1,84	**0,57**	**1,4**	**-0,4**	0,24	**-0,9**	0,37	**-0,8**	1,97	1.38
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	**-0,7**	**1,32**	**-0,9**	-1,28	0,56	**-1**	0,72	**-1,8**	**-0,8**	**-1,1**
31	Я симпатизирую этой стране	1,16	**0,04**	0,93	2,13	**-0,2**	**-1**	0,17	**-1,1**	**1,14**	0,07
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	0,36	**-0,9**	0.2	2,13	**-1,1**	**-2,1**	**-0,8**	**-1,9**	**1,72**	**-1,2**
	Средняя дисперсия оценок страны по всем шкалам	1,43	1,55	1,37	1,6	1,56	**1,7**	1,57	**1,47**	1,53	**1,51**

Продолжение табл. 12.3

		Финляндия	**Франция**	**Хорватия**	**Чехия**	**Швейцария**	**Швеция**	**ЮАР**	**Югославия**	**Южная Корея**	**Япония**
1	Страна с глубокими историческими традициями	1,49	**2,24**	**0,8**	1,21	1,9	**1,82**	**-0,2**	0,96	0,72	2,67
2	Политически стабильное государство	2,3	2.48	**-0,9**	0,62	2,77	2,5	0,03	**-1**	0,32	2,44
3	Государство с плановой экономикой	0,74	0,6	**-0,2**	0,13	0,52	0,86	**-0,4**	**-0,1**	0,18	0,53
4	Религиозное население	0,74	**1**	1,01	0,66	0,41	0,87	0,68	0,79	0,45	1,84
5	Высокий уровень духовной культуры	1,34	1,91	0,4	0,81	**1,8**	**1,77**	**-0,1**	**0,5**	0,46	2,18

6	Великая держава	0,34	1,99	**-0,9**	**-0,5**	0,64	0,87	**-0,3**	**-0,7**	**-0,4**	2,06
7	Экономически независимое государство	1,71	2,13	**-1**	0,01	2,04	1,83	0,41	**-0,7**	0,36	2.26
8	Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике	0,41	0,24	0,82	0,53	**0,2**	**-0,1**	0,02	0,68	0,25	**-1,1**
9	Высокий уровень развития науки и техники	**1,5**	2,16	**-0,6**	0,28	2,26	1,98	0,5	**-0,3**	1,37	236
10	Проводит миролюбивую политику	2,01	1,78	**-0,2**	1,11	2,54	2,07	**-0,1**	**-0,2**	0,38	0,84
11	Демократическое государство	1,99	2,04	**-0,4**	0,78	**2,3**	2,04	**-0,2**	**-0.2**	0,36	1,53
12	В стране тоталитарный режим	**-1,4**	**-1,5**	**-0,6**	**-1,2**	**-2**	**-1,6**	**-0,2**	**-0,4**	**-0,3**	**-1,4**
13	Страна, дружественная США	1,03	1,57	0,12	0,62	1,69	1,48	0,86	**-0,1**	0,82	1.41
14	Государство с рыночной экономикой	2,2	2,49	0,32	1,03	2,35	2,18	1,13	0,34	1,49	2,5
15	В стране высокий уровень преступности	**-0,8**	0,08	**1,18**	0,14	**-1,4**	**-0,9**	0,95	1,13	0.13	0,01
16	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	1,52	1,72	**-0,3**	0,83	2,3	1,68	**-0,6**	**-0,3**	0,27	1,12
17	Мощное в военном отношении государство	**-0,2**	1,38	**-0,7**	**-0,6**	**-0,2**	0,16	0,43	**-0,4**	0,43	1,89
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	1,57	1,77	0,44	**1,03**	1,32	0,51	**0,15**	0,51	0,67	0,4
19	Проводит агрессивную политику	**-1,4**	**-1,2**	**-0,3**	**-1**	**-1,7**	**-1,4**	**0**	**0**	**-0,5**	-0,4
20	В стране высокий уровень жизни	2,26	2,46	**-0,8**	0,47	2,81	2,51	0,59	- 0,7	0,81	2,64
21	У страны высокий международный авторитет	1,48	2,49	**-0,8**	**0**	2,38	2,02	0,51	**-0,6**	0.49	2,6
22	Националистическое государство	**-0,8**	**-0,5**	0,38	**-0,2**	**-1,1**	**-0,8**	0,47	0,53	0,32	0,33
23	Открытая страна	0,78	0,91	0,01	0,5	2,01	0,76	0,34	0,28	0,66	0,56
24	Милитаризованная страна	**-0,7**	0,12	0,08	**-0,6**	**-1**	**-0,6**	0,68	0,12	0,65	0,91
25	Проводит имперскую политику	**-1,3**	**-0,7**	**-0,8**	**-1,1**	**-1**	**-1,1**	0,09	**-0,7**	**-0,3**	0,76
26	Высокий уровень образования	1,73	2,08	**-0,2**	0,71	2,38	1.97	0,17	0,18	0,7	2,51
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	**-1,2**	**-0,7**	1,59	0,02	**-1,7**	**-1,3**	0,84	1,59	0,21	**-1,1**
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	1,43	1,24	**-0,3**	0,56	0,62	0,76	**-0,6**	0,13	1,18	1,26
29	В стране соблюдаются права человека	1,98	2,08	**-0,2**	0,88	2,49	2,13	**-0,1**	**-0,2**	0,49	1,86
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	0,13	0,16	**-0,2**	0,73	**-0,3**	**-0,7**	**-1,7**	0,4	**-1,1**	-1,1
31	Я симпатизирую этой стране	1,74	2,31	**-0,2**	**0,6**	2,24	1,97	**-0,6** - **0,1**		**-0,1** 1,4	
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	0,69	1,37	**-1,3**	**-0,5**	1,76 1,02		**-1,1** **-1,4**		**-1,1**	***-0,2***
	Средняя дисперсия оценок страны по всем шкалам	1,39	1,3	1,62	15,4	1,43 1,34	J	1,61 1,57	|	**1,64** |	1,43

Так, странами с наиболее глубокими историческими традициями признаны Индия, Китай, Япония, Великобритания, Греция, Франция.

В списке наиболее стабильных государств лидируют традиционно нейтральная Швейцария, Великобритания (очевидно, как родина классического парламентаризма), Франция, Австрия,

Голландия, Швеция, Бельгия, Дания, Япония, Финляндия, США, Германия, Австралия, Канада и ряд других стран.

Великими державами воспринимаются в первую очередь США, Великобритания, Германия, Япония, Франция, Индия, Россия, Китай. А странами, имеющими высокий международный авторитет, — Великобритания, США, Япония, Германия, Франция, Швейцария, Швеция.

Как наиболее миролюбивые страны респонденты оценили Швейцарию, Швецию, Австралию, Голландию, Данию, Финляндию, т. е. страны, большинство из которых придерживаются политики нейтралитета.

К странам с явно выраженным тоталитарным режимом респонденты относят Ирак, Иран, Северную Корею, Афганистан. Отметим также, что представление о демократии и тоталитаризме в сознании респондентов высоко коррелирует с представлением об открытости страны (р = 0,89 и -0,92 соответственно). Все демократические страны оцениваются как открытые (в первую очередь Голландия, Бельгия, Дания, Австрия, Швейцария), а тоталитарные — как закрытые (например, Ирак, Афганистан, Иран, Албания, Северная Корея). Другой вопрос, коррелирующий с вопросом о демократии, а значит, характеризующий представления респондентов о ней, — соблюдение прав человека. Как и следовало ожидать, соблюдение прав человека оценивается положительным баллом во всех странах, которые респонденты отнесли к демократическим, и наоборот. Единственное исключение — сама Россия! Демократическое государство — оценка 0,38. Соблюдение прав человека — оценка -0,39.

Два пункта опросника касаются дружественного отношения той или иной страны к США (пункт 13) и к России (пункт 18). Как наиболее дружественные по отношению к США были оценены Канада, Великобритания, Австралия, а как наиболее недружественные — Ирак, Иран, Куба, Северная Корея. Что касается отношения к России, то практически все страны получили по этой шкале положительные баллы, т. е. были оценены как дружественные (или по крайней мере нейтральные). Наиболее дружественную политику по отношению к России проводят правительства Франции, Болгарии, Индии, Финляндии, Швеции, Германии, Канады, Швейцарии, Великобритании, Греции.

Только три страны составили исключение, и политика их правительств по отношению к России была оценена как недружественная: Афганистан, Албания, Сомали. Причем отрицательные баллы, выставленные двум последним странам (-0,2 и -0,02) вообще можно считать близкими к нейтральной позиции в сравнении с Афганистаном (-1,2). Вообще стоит отметить, что Афганистан по всем шкалам, в той или иной степени имеющим оценочную коннотацию, оценивался негативно (видимо, здесь сказывается своеобразный постравматический невроз проигранной войны).

И наконец, лишь малое число стран получили положительный балл по шкале духовной близости к России. Как и следовало ожидать, это страны бывшего «социалистического лагеря», партнеры по СЭВ (Совету экономической взаимопомощи): Болгария, Польша, Чехия, Словакия, Румыния, Венгрия, Югославия, а также Франция, Финляндия, Израиль, где «на четверть бывший наш народ».

В наибольшей степени симпатизируют россияне Франции (как исторически притягательной для русского человека или, если употребить психоаналитический термин, «либидозно-влекущей»), Швейцарии, Швеции, Финляндии. Тем не менее по шкале «Я бы мог (хотел) жить в этой стране» — с большим отрывом лидирует Россия (2,13).

Анализ дисперсии выявил достаточно однородный разброс мнений по разным странам. Наиболее высокую дисперсию, а значит, более широкий разброс мнений по поводу этих стран в российском обществе имеют Румыния, Куба, Ирак, Иран, Израиль, Албания, Ирландия, Кувейт, Хорватия и Югославия. Отметим, что большинство стран из этого списка имело или имеет те или иные проблемы, связанные с военными конфликтами или внутренней нестабильностью. Повышенная эмоциональная коннотация по поводу событий, связанных с этими странами, и вызывает несколько больший разброс мнений. Эмоции работают как энтропийный фактор, размывая стабильность образа. Наряду с вышеупомянутыми странами высокую дисперсию имеют Россия и США — своеобразные эго и альтерэго в российском мировосприятии, связанные на протяжении новейшей истории в российской ментальное™ сложным комплексом влечения-отторжения. Интересно, что с точки зрения россиян, Россия — страна дружественная США, а США проводят дружественную по отношению к России политику (см. дескрипторы 13 и 18 в табл. 12.3). Однако, по мнению респондентов, Россия относится к США несколько более дружественно, нежели США к России (1,3 и 0,62).

Отметим однако, что опрос проводился до бомбардировок НАТО территории Югославии, вызвавших в целом негативную реакцию в российском обществе, и в настоящее время установки россиян по отношению к США (как, впрочем, и к другим странам альянса), возможно, нуждаются в коррекции.

Эта краткая импрессионистическая зарисовка по «сырым» данным нуждается в более системном анализе на основе построения семантических пространств, отражающих категориальные структуры восприятия стран и политические установки по поводу этих стран в общественном сознании россиян.

Семантическое пространство восприятия стран мира российскими гражданами

Первый выделенный фактор объясняет 49,7% общей дисперсии и включает следующие шкалы-дескрипторы.

14. Государство с рыночной экономикой 0,96
13. Страна, дружественная США 0,93
11. Демократическое государство 0,93
20. В стране высокий уровень жизни 0,92 29. В стране соблюдаются права человека 0,91
21. У страны высокий международный авторитет 0,90 7. Экономически независимое государство 0,90
32. Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране 0,84
31. Я симпатизирую этой стране 0,84
23. Открытое общество 0,83
16. Граждане всех национальностей пользуются равными правами 0,80

Противоположный полюс включает следующие признаки.

12. В стране тоталитарный режим -0,90
27. В государстве есть серьезные внутренние конфликты -0,71
22. Националистическое государство -0,64
8. Страна с преобладанием сельского хозяйства **-0,51**

Исходя из содержания шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, он был интерпретирован как фактор *«Демократическое государство <-> Тоталитарное государство».* Исходя из того, что суждения *«Я симпатизирую этой стране»* и *«Я мог бы жить в этой стране»* входят в первый фактор на полюсе демократии, можно говорить в целом о демократических политических установках наших респондентов. Противоположный тоталитарный полюс фактора включает суждение о неизбежных внутренних конфликтах, присущих такому государству. Интересно также наличие в сознании респондентов определенной взаимосвязи (корреляции) между преобладанием сельского хозяйства в экономике страны и присутствием тоталитарных установок в ее политике. Видимо, демократическое, открытое общество (в терминах К. Поппера) (Поппер, 1992) присуще в первую очередь экономически развитым государствам, с одной стороны, способствуя, а с другой — являясь следствием прогресса цивилизации.

Наиболее демократически продвинутыми в представлении наших респондентов выступают (рис. 73) США, Швейцария, Великобритания, Япония. На полюс тоталитаризма (из нашего списка) попали Афганистан, Ирак, Албания, Северная Корея, Иран, а также Куба и Вьетнам. Последние, с нашей точки зрения, отнюдь не самые тоталитарные государства, (в сравнении, например, с Сомали или Бирмой). По-видимому, наиболее правильной интерпретацией первого фактора будет констатация наличия в менталитете российских респондентов конструкта, заданного прототипическим (в духе Э. Роша) образом западной демократии и противостоящих ей антизападных стран (к которым российский менталитет относит Кубу и, по старой памяти, Вьетнам).

Рис. 73. Семантическое пространство восприятия стран мира ($Ф_1$, $Ф_2$]

Второй фактор, объясняющий 17,3% общей дисперсии, включает следующие признаки.

25. Проводит имперскую политику 0,93
24. Милитаризованная страна 0,93
17. Мощное в военном отношении государство 0,80 19. Проводит агрессивную политику 0,77

В оппозиции к суждению:

10. Проводит миролюбивую политику -0,61

Назовем второй фактор *«Военная мощь и милитаризация государства».* Военная мощь воспринимается в синкретической склейке со склонностью к проведению имперской политики. Наиболее мощной в военном отношении и склонной к имперской политике страной российские респонденты считают США, за ними Японию, Ирак, Израиль, Германию и только затем Россию. Видимо, за счет высокой оценки последней по шкале *«Проводит миролюбивую политику»* — априорно заданному конструкту, усвоенному, благодаря интенсивной пропаганде еще с советских времен.

Третий фактор, 10,9% общей дисперсии, включает следующие признаки.

30. Страна, духовно, культурно, исторически близкая России 0,85
28. Имеет тесные связи с Россией 0,71
18. Правительство государства проводит дружественную полити- 0,60 ку по отношению к России

Третий фактор был назван *«Дружественность и духовная близость России».* Наиболее дружескими и духовно близкими России воспринимаются Болгария, Индия (рис. 74). Относительно этих стран сходные результаты были получены и в нашем исследовании, проведенном в 1993 г. (см. Петренко, Митина, 1997). Далее идут страны, имеющие тесные связи с Россией: Польша, Китай. Югославия, Румыния, Венгрия, Словакия, Франция, Чехия. Следует также отметить практическое отсутствие для общественного сознания непосредственных противников России. Так, на противоположном полюсе фактора находятся государства, просто географически удаленные от нее, такие как Кувейт, Нигерия, Южная Африка, Бразилия, Колумбия, Бангладеш и Австралия.

Четвертый фактор, 8,5% общей дисперсии, включает следующие признаки.

3. Государство с плановой экономикой 0,87
2. Политически стабильное государство 0,43

На противоположном полюсе фактора содержатся следующие признаки.

15. В стране высокий уровень преступности -0,65
27. В государстве есть серьезные внутренние конфликты -0,45

Назовем этот фактор *«Государственное регулирование»,* с которым коррелирует низкая преступность. Страны с плановой экономикой представлены Северной Кореей, Кубой, Китаем (см. рис. 74). Из демократических европейских государств сюда относят скандинавские страны: Швецию, Норвегию, Финляндию, где у власти находятся социал-демократические правительства. «Шведский путь развития»

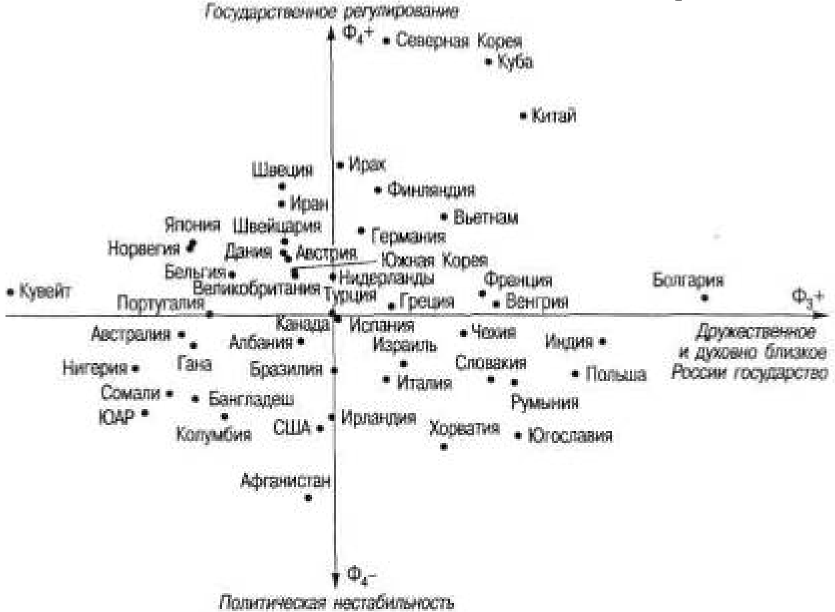

Рис. 74. Семантическое пространство восприятия стран мира ($Ф_3$, Фд)

как социально-ориентированная рыночная экономика, по-видимому, пользуется симпатией значительной части российских граждан в качестве альтернативы чисто рыночным, неолиберальным моделям развития. Что касается корреляции плановой экономики с низким уровнем преступности, то, по-видимому, этот действительно объективный феномен имеет две причины: тотальный контроль над обществом в государствах типа Северной Кореи и социально-ориентированную экономику, во многом снимающую сами причины преступности в странах, подобных Швеции.

На противоположном полюсе проблемных стран лидером выступает сама Россия, за ней следуют Афганистан, Югославия, Хорватия, Колумбия. Причем Россия лидирует на полюсе «криминальности» со значительным отрывом от других нестабильных стран. Возможно, это определяется своеобразным центризмом, пристрастностью включенного наблюдателя, собственные проблемы которого в сравнении с чужими кажутся более вопиющими. Возможно, на лидерстве России по этому фактору сказалось включение в него пункта о высокой преступности. В России она действительно высока, и теневая экономика в значительной мере контролируется организованной преступностью.

Наконец, **пятый фактор,** объясняющий 5,7% общей дисперсии, включает:

4. Религиозное население 0,87 1. Страна с глубокими историческими традициями 0,75
5. Высокий уровень духовной культуры 0,42

Пятый фактор можно назвать *«Религиозность»,* включающая компоненту высокой духовности, что говорит о достаточно высоком авторитете религии в совре-

менной России. Наиболее религиозными странами, с точки зрения российских респондентов, оказались Индия, Иран, Испания, Италия, Израиль, Ирак, Турция и Япония. Россия оценивалась как слаборелигиозная. Интересно отметить, что к нерелигиозным странам (из нашего списка) респонденты отнесли Кубу (возможно, как последний бастион революционного сознания) и США (вероятно, эта сфера американской жизни для россиян — «терра инкогнита»).

Семантическое пространство восприятия стран Европы российскими гражданами

Первый выделенный фактор объясняет 35,4% общей дисперсии и включает следующие качества.

29. В стране соблюдаются права человека -0,91
20. В стране высокий уровень жизни -0,89
2. Политически стабильное государство -0,85 11. Демократическое государство -0,83
3. Государство с плановой экономикой -0,81 7. Экономически независимое государство -0,74
14. Государство с рыночной экономикой -0,72

5. Высокий уровень духовной культуры -0,64
16. Граждане всех национальностей пользуются равными правами -0,64
9. Высокий уровень развития науки и техники -0,59
21. У страны высокий международный авторитет -0,59 26. Высокий уровень образования -0,58 10. Проводит миролюбивую политику -0,52
Противоположный полюс фактора представлен следующими качествами.
15. В стране высокий уровень преступности 0,91
27. В государстве есть серьезные внутренние проблемы 0,84
12. В стране тоталитарный режим 0,74
8. Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике 0,69
30. Страна, духовно, культурно, исторически близкая России 0,58
19. Проводит агрессивную политику 0,47
Группировка признаков в первом факторе семантического пространства стран Европы представляет собой малодифференцированный синкретический фактор общего *«Благополучия* <-» *Неблагополучия»,* где благополучие связывается с демократической формой правления, экономической независимостью, высоким уровнем развития науки и техники, уважением прав человека и т. д., а неблагополучие — с высоким уровнем преступности, наличием в стране тоталитарного режима и серьезных внутренних проблем. Интересно отметить попадание в один фактор на один полюс «благополучия» двух антонимичных суждений: государство с плановой экономикой и государство с рыночной экономикой. Это, по-видимому, отражает тот факт, что наши респонденты при оценке по этому пункту разделились примерно на две равные по численности группы и при совпадении представлений о том, «что такое хорошо, и что такое плохо», по другим суждениям

продемонстрировали полярные оценки по отношению к рыночной и плановой экономике. Достаточно большое количество респондентов связывает благополучие государства с рыночной экономикой и столь же большое — с плановой. Этим и обусловлен факт вхождения в один фактор противоположных по смыслу суждений. Интересно, что с неблагополучием связан и такой пункт опросника (хотя и с небольшой факторной нагрузкой), как *страна духовно, культурно, исторически близкая России.* Очевидно, в семантическом пространстве стран Европы наиболее неблагополучными оказались, наряду с Россией, сопредельные ей страны, входившие ранее в Варшавский блок.
Второй фактор объясняет 25,1% общей дисперсии и включает признаки:
18. Правительство государства проводит дружественную политику 0,85 по отношению к России
10. Проводит миролюбивую политику 0,83
23. Открытое общество 0,83
16. Граждане всех национальностей пользуются равными правами 0,73
28. Имеет тесные отношения с Россией 0,69
31. Я симпатизирую этой стране 0,68
32. Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране 0,66
Оппозиционный полюс фактора включает следующие пункты.
19. Проводит агрессивную политику -0,77 22. Националистическое государство -0,77 12. В стране тоталитарный режим -0,58
Второй фактор может быть интерпретирован как *«Дружественность по отношению к России»* по названию шкалы, имеющей максимальную факторную нагрузку по этому фактору. По мнению наших респондентов, дружественность по отношению к российскому государству связана с миролюбивой внешней политикой и интернациональной внутренней. Противоположный полюс включает такую характеристику государства, как националистическое.
Отметим, что наша выборка не является репрезентативной, и в ней явно преобладают люди с высшим образованием и студенчество. Тем не менее приятно осознавать, что такие характеристики, как тоталитаризм и национализм, воспринимаются антагонистически позициям *«Дружественность по отношению к России»* и *«Ямог бы {хотел бы) жить в этой стране».* Другое дело, что ранее государственная, а теперь национально-патриотическая пропаганда, используя вполне благородные слова и порождая такие понятия, как «воины-интернационалисты»

для обозначения войск вторжения в Афганистан или «патриоты» для откровенно националистических группировок, осуществляет мимикрию, подсовывая обществу диаметрально противоположное содержание в обертке принятых и разделяемых в обществе ценностей.

Наиболее дружественными к России, с точки зрения наших респондентов, в Европе воспринимаются Болгария, Франция, Финляндия, Польша. Приятно отметить, что ни одна из европейских стран не имеет отрицательного балла по этому фактору и соответственно не воспринимается недружественной России (рис. 75).

1 - Исландия
2 - Ирландия
3 - Великобритания
4 - Норвегия
5 - Португалия
6 - Бельгия
7 - Нидерланды
8 - Дания
9 - Германия
10 - Люксембург
11 - Андорра
12 - Швейцария
13 - Лихтенштейн
14 - Сан-Марино
15 - Мальта
16 - Австрия
17 - Чехия
18 - Словения
19 - Словакия
20 - Эстония
21 - Латвия
22 - Литва
23 - Калининградская область
24 - Белоруссия
25 - Венгрия
26 - Хорватия
27 - Румыния
28 - Молдавия
29 - Приднестровье
30 - Босния и Герцеговина

31 - Югославия
32 - Албания
33 - Македония
34 - Болгария
35 - Греция
36 - Чечня
37 - Абхазия
38 - Южная Осетия
39 - Грузия
40 - Азербайджан
41 - Армения
42 - Кипр

Рис. 75. Представление европейских стран по фактору «Дружественность по отношению к России» на географической карте

Третий фактор, объясняющий 23,7% общей дисперсии, включает признаки:
17. Мощное в военном отношении государство 0,95
24. Милитаризованная страна 0,91
25. Проводит имперскую политику 0,88 6. Великая страна 0,85 9. Высокий уровень развития науки и техники 0,71
26. Высокий уровень образования 0,67 21. У страны высокий международный авторитет 0,66 13. Страна, дружественная США 0,64

В оппозиции к:
8. Страна с преобладанием сельского хозяйства -0,61

Исходя из содержания пунктов опросника, вошедших в третий фактор, назовем его *«Военная мощь»,* с которой коррелируют уровень развития науки, техники и образования. Военная мощь государства, в представлении наших респондентов, коррелирует также со степенью дружественности по отношению к США. Как наиболее мощные в военном отношении государства воспринимаются Россия, Великобритания, Германия, Франция.

Четвертый фактор, объясняющий 8,8% общей дисперсии, включает признаки:
4. Религиозное население -0,94
1. Страна с глубокими историческими традициями -0,62

На противоположном полюсе фактора оказалось суждение: 30. Страна, духовно, культурно, исторически близкая России 0,62

Мы назвали четвертый фактор *«Религиозность».* То, что религиозность, позитивно воспринимаемая российскими респондентами, отрицательно коррелирует с исторической близостью к России, объясняется, очевидно, конфессиональными различиями большинства европейских стран и России. Наиболее религиозными, с точки зрения наших респондентов, в Европе являются Турция, Италия и Испания.

Отметим, что полученные оценки (коннотации стран) могут быть пространственно отображены путем их наложения (в виде тональной раскраски) на географическую карту, что мы сделали для всех выделенных в исследовании факторов. Однако размеры книги позволяют проиллюстрировать этот прием только для одного из факторов, а именно фактора *«Дружественность по отношению к России»* для стран Европы и европейских стран постсоветского пространства — СНГ и Прибалтики (см. рис. 75).

Семантическое пространство восприятия стран СНГ
и Прибалтики (постсоветского пространства бывшего СССР)
российскими гражданами

Первый фактор, объясняющий 41% общей дисперсии, включает следующие качества.

13. Страна, дружественная США	0,98
14. Государство с рыночной экономикой	0,98
34. Имеет широкие связи с дальним зарубежьем	0,95
20. В стране высокий уровень жизни	0,94
9. Высокий уровень развития науки и	0,93

техники
7. Экономически независимое государство 0,93
26. Высокий уровень образования 0,91
2. Политически стабильное государство 0,81
5. Высокий уровень духовной культуры 0,88
11. Демократическое государство 0,89
23. Открытое общество 0,57
29. В стране соблюдаются права человека 0,75
31. Я симпатизирую этой стране 0,55

***Таблица 12.4* Матрица первичных данных оценок стран СНГ, Прибалтики и самопровозглашенных непризнанных республик**

		Азербайджан	**Армения**	**Белоруссия**	**Грузия**	Казахстан	**Киргизия**	**Латвия**	**Литва**	**Молдавия**	**Россия**
1	Страна с глубокими историческими традициями	2,1	2,34	1,18	2,58	1,38	1,23	1,64	1,68	1,31	2,17
2	Политически стабильное государство	-0,49	-0,46	0,01	-0,51	0,61	0,43	0,89	0,88	0,09	-0,38
3	Государство с плановой экономикой	-0,28	-0,34	0,3	-0,34	0,11	**-0,14**	-0,17	**-0,12**	-0,32	**-0,07**
4	Религиозное население	1,84	1,66	0,11	1,33	1,01	**1,12**	0,86	0,87	0.31	0,74
5	Высокий уровень духовной культуры	0.38	1,03	0,51	**1,17**	0,31	**0,19**	1,26	1,27	0,43	1,23
6	Великая держава	-1,02	-0,98	-0,59	**-0,73**	-0,52	-1,04	**-0.6**	**-0,6**	**-1**	1,59
7	Экономически независимое государство	-0,7	-0,86	-0,72	-0,62	-0,38	**-0,8**	0,03	**0**	**-0,71**	0.79
8	Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике	1,12	1,08	1,62	1,17	1,89	1,47	0,86	0,8	1,87	0,96
9	Высокий уровень развития науки и техники	-0,74	-0.63	0,29	-0,36	-0,24	-0,92	0,7	0,81	-0,41	1.67
10	Проводит миролюбивую политику	0,16	0,33	1,04	0.22	1,46	1,3	0,4	0,53	0,7	1,46
11	Демократическое государство	-0,31	-0,11	-0,09	**-0,11**	-0,16	-0,22	0,37	0,44	-0,07	0,76
12	В стране тоталитарный режим	0,13	-0,52	0,44	-0,13	-0,21	-0,37	**-0,5**	-0,47	**-0,4**	-0,59
13	Страна, дружественная США	0	0,07	-0,04	0.11	0,12	0,12	0,17	1,22	0.24	1,62
14	Государство с рыночной экономикой	0,14	0,16	0,14	0,23	0,21	-0,07	1,39	1,44	0,46	1,32
15	В стране высокий уровень преступности	1.27	1,23	1,16	1,43	1,02	0,94	0,64	0,6	1,07	2,4
16	Граждане всех национальностей ПОЛЬЗУЮТСЯ равными правами	-0,67	-0,53	0,28	**-0,4**	-0,49	**-0,4**	-1,39	-1,34	-0,46	1,13
17	Мощное в военном отношении государство	-1,04	-1,07	-0,54	**-0,8**	-0,57	-1,16	-0,47	-0,58	-0,81	1,78
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	**0,71**	1,09	1.41	0,86	1,14	**1**	-0,49	-0,49	0,6	2,97
19	Проводит агрессивную политику	-0,09	-0,27	-0,71	-0,26	-0,82	-0,81	-0,01	-0,21	-0,44	-0,44
20	В стране высокий уровень жизни	-1,03	-0,94	-0,93	-0,79	-0,84	**-1,02**	0,53	0.59	-0,74	**-0,5**
21	У страны высокий международный авторитет	-1,03	**-1**	-0,57	-0,62	-0,41	-1,08	0,18	0,08	**-0,8**	1.38
22	Националистическое	1.16	**1**	0,18	0,93	0,77	0,72	1,84	1,77	0,71	-0.09

	государство										
23	Открытая страна	0,3	0,43	0,5	0,29	0,53	' 0.47	0,31	0,37	0,54	**1**
>\	Милитаризованная страна	-0,19	-0,31	-0,24	-0.17	-0,38	**-** 0.72	-0,34	-0,26	-0,29	0.64
25	Проводит имперскую ПОЛИТИКУ	-0,51	-0,48	-0,58	-0,41	-0,43	0,68	-0,07	-0,09	-0.54	0,3
26	Высокий уровень образования	-0,3	0,14	0,7	0,3	-0,23	-0,38	1,1	**1.14**	0,17	**1,72**
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	1,33	1,26	0,86	1,42	0,58	0,37	0,43	0,4	1,26	1,74
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	1,31	1,23	**2**	1,17	1,67	1,22	0,44	0,34	0,96	2,99
29	В стране соблюдаются права человека	-0,49	-0,24	**-0,31**	-0,34	-0,23	-0,22	-0,02	-0,04	-0,19	0,14
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	-0,51	0,12	2,34	0,34	0,02	**-0,4**	-0,36	-0,38	0,34	2,99
31	Я симпатизирую этой стране	-0,74	0,1	0,57	0,37	-0,13	-0,36	-0,29	-0,23	0,23	2,03
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	-1,86	**-1,47**	-0.77	-1,24	-1,48	-1,53	-0,78	**-0,8**	-1,04	2,22
33	В стране много русского и русскоязычного населения	0,06	0,18	1,53	0,08	0,73	0,27	0,21	0,16	0,59	2,31
34	Имеет широкие экономические связи с дальним зарубежьем	0,13	-0,02	0,41	0,31	0,48	0,1	1,38	1,36	0,49	1,84
35	Проводит политику вытеснения русских и русскоязычных граждан	0,66	0,51	-0,46	0,42	0,66	0,53	1,73	1,56	0,39	**- 1,96_ _,**
	Средняя дисперсия оценок страны по всем шкалам	1,5	1,51	1,65	1,48	1,55	1,51	1,48	1,46	1.47	**1,16**

		Таджикистан	**Туркмения**	**Узбекистан**	**Украина**	**Эстония**	**Приднестровье**	**Чечня**	**Южная Осетия**	**Абхазия**
1	Страна с глубокими историческими традициями	1,64	1,62	1,93	**1,64**	1,54	**0,26**	0,9	0,87	0,94
2	Политически стабильное государство	-0,78	-0,09	-0,04	0,12	0,89	**-1,24**	-2,23	-1,56	-1,49
3	Государство с плановой экономикой	-0,27	-0,26	**-0,11**	-0,24	-0,16	**-0,8**	-1,43	-1,02	**-1**
4	Религиозное население	1,56	1,47	**1,7**	0,52	0,9	**0,27**	1,86	1,22	1,2
5	Высокий уровень духовной культуры	0,09	0,14	0,42	0,83	1,26	-0,37	-0,89	-0,39	-0,3
6	Великая держава	**-1,01**	-1,1	-1	-0,16	-0,56	**-1,31**	-1,62	-1.42	-1,34
7	Экономически независимое государство	-0,92	-0,84	-0,74	-0,27	0	**-1,36**	**-1,77**	-1,42	-1,39
8	Страна с преобладанием сельского хозяйства в экономике	**1,71**	1,51	1,56	1,64	0.69	**0,74**	0,12	0,4	0,62
9	Высокий уровень развития науки и техники	-1,07	-0,99	-0,84	0,52	0,6	**-1,12**	-1,77	-1,57	-1,54
10	Проводит миролюбивую политику	0,03	0,78	0,9	0,86	0,52	-0,66	-2,34	-0,64	-0,83
11	Демократическое государство	-0.68	-0,52	-0,38	**0,1**	0,32	-0,97	**-1,7**	-1,07	-1,12
12	В стране тоталитарный режим	0,3	0,13	-0,09	-0,31	-0,44	**0,34**	1,33	0,43	0.44
13	Страна дружественная США	-0,11	-0,22	0,01	0,89	1,28	-0,53	-0,86	0,67	-0,71
14	Государство с рыночной экономикой	-0,12	-0,31	-0,11	0,51	1,33	**-0,6**	-1,18	-0,82	-0.89

15	В стране высокий уровень преступности	**1,71**	1,21	1,12	1,32	0,74	1,47	2,37	1,7	1,64
16	Граждане всех национальностей пользуются равными правами	-0,74	-0,68	-0,6	**-0,11**	-1,23	-0,88	-2,26	-1,3	-1.34
17	Мощное *а* военном отношении государство	-0,7	-1	-1,02	0,31	-0,69	-0,72	-0,16	-0,82	-0.72
18	Правительство государства проводит дружественную по отношению к России политику	0,29	0,43	**0,71**	0,92	-0,42	**0,29**	-2,24	-0,27	-0,24
19	Проводит агрессивную политику	-0,03	-0,7	-0,78	-0,39	-0,21	0,26	2,29	0,49	0,68
20	В стране высокий уровень жизни	-1,37	-1,33	-1,07	-0,66	0,49	**-1,28**	-1,89	-1,33	-1.32
21	У страны высокий международный авторитет	-1,23	**-1,11**	-0,87	0,14	0,01	**-1,51**	-1,9	-1,59	-1,48
22	Националистическое государство	1,02	0,88	1,02	1,07	**1,7**	0,82	**2,11**	1,44	1,44
23	Открытая страна	0,37	0,39	0,52	0,73	0,3	**-0,11**	-0,53	-0,2	-0,22
24	Милитаризованная страна	-0,06	-0,58	-0,43	0,06	-0,31	0,38	1,24	0,42	0,48
25	Проводит имперскую политику	-0,47	-0,67	-0,79	-0,23	-0,2	-0,43	0,37	-0.4	-0.32
26	Высокий уровень образования	-0,54	-0,59	-0,33	0,99	1,09	-0,38	-1,48	-1,18	**-1,1**
27	В государстве есть серьезные внутренние конфликты	1,52	0,61	0,59	0,9	0,34	**1,8**	2,18	**1,72**	1.67
28	Имеет тесные экономические связи с Россией	0,63	0,96	1,02	1,78	0,54	**0,4**	0,02	0,43	0,19
29	В стране соблюдаются права человека	-0,71	-0,47	-0,41	0,02	-0,2	-0,82	-1,87	-1,01	-0,99
30	Страна духовно, культурно, исторически близка России	-0,51	-0,52	-0,44	2,3	-0,43	-0,18	-1,21	-0,66	-0,78
31	Я симпатизирую этой стране	-0,67	-0,53	-0,19	0,71	-0,31	-0,54	-1,86	-0,8	-0,83
32	Я мог бы (хотел бы) жить в этой стране	-1,62	-1,68	**-1,51**	-0,38	-0,83	**-1,73**	-2,2	-1,99	-1,83
33	В стране много русского и русскоязычного населения	-0,09	-0,06	0,07	1,56	**0,2**	0,82	-0,34	-0,2	-0,18
34	Имеет широкие экономические связи с дальним зарубежьем	0,09	-0,06	0,2	0,94	**1,31**	-0,63	-0,96	-0,96	-0,91
35	Проводит политику вытеснения русских и русскоязычных граждан	0,74	0,53	0,6	0,11	1,66	0,28	1,92	0,71	0,71
	Средняя дисперсия оценок страны по всем шкалам	1,527	**1,511**	1,495	1,437	1.566	**1,591**	1,846	1,729	1,671

Противоположный полюс фактора представлен следующими признаками. 12. В стране тоталитарный режим -0,75

27. В государстве есть серьезные внутренние проблемы -0,53

Исходя из содержания пунктов опросника, входящих в первый фактор, он может быть назван *«Развитые демократические государства с рыночной экономикой <-> Политические и экономически нестабильные государства».* Наиболее полярными по этому фактору (по результатам обработки данных наших респондентов) оказались республики Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва) и Россия — на позитивном полюсе и все остальные республики — на полюсе нестабильности. Украина по этому фактору имеет слабоположительную оценку. Наиболее нестабильными оцениваются так называемые самопровозглашенные республики, т. е. не признанные мировым сообществом, — Приднестровье, Чечня, Южная Осетия, Абхазия.

Второй фактор, объясняющий 29,3% общей дисперсии, включает:

28. Имеет тесные экономические связи с Россией 0,91 16. Граждане всех национальностей пользуются равными правами 0,91 18. Правительство государства проводит

дружескую политику 0,90
по отношению к России

30. Страна, духовно, культурно, исторически близкая России 0,84 33. В стране много русского и русскоязычного населения 0,81

31. Я симпатизирую этой стране 0,80 23. Открытое общество 0,66 10. Проводит миролюбивую политику 0,55

Противоположный полюс фактора составили следующие суждения. 35. Проводит политику вытеснения русских и русскоязычных -0,97

22. Националистическое государство -0,93

Содержание признаков, входящих в этот фактор, позволяет однозначно интерпретировать его как *«Экономическая и политическая близость к России».* Наиболее позитивно по этому фактору оценена Белоруссия, Украина, Казахстан и самопровозглашенная республика Приднестровье. Негативную оценку получили республики Прибалтики: Эстония, Латвия и Литва, Узбекистан, а также самопровозглашенные республики Чечня, Южная Осетия и Абхазия (рис. 76). Факт попадания последней в позицию не очень дружественной может скорее говорить о недостаточных политологических знаниях наших респондентов и о том, что проблема горячих точек на Кавказе после неудачной военной кампании в Чечне вызывает реакцию отторжения у населения. Следует отметить также достаточно непредвзятую позицию наших респондентов, выразившуюся в том, что недружественные, по мнению респондентов, страны Прибалтики получили высокую оценку по первому фактору, характеризующему экономическую, политическую стабильность и демократическую ориентацию.

Третий фактор объясняет 19,1% общей дисперсии	и включает пункты:
24. Милитаризованная страна	0,94
25. Проводит имперскую политику	0,87
19. Проводит агрессивную политику	0,79
15. В стране высокий уровень преступности	0,78
27. В государстве есть серьезные внутренние проблемы	0,74
17. Мощное в военном отношении государство	0,66

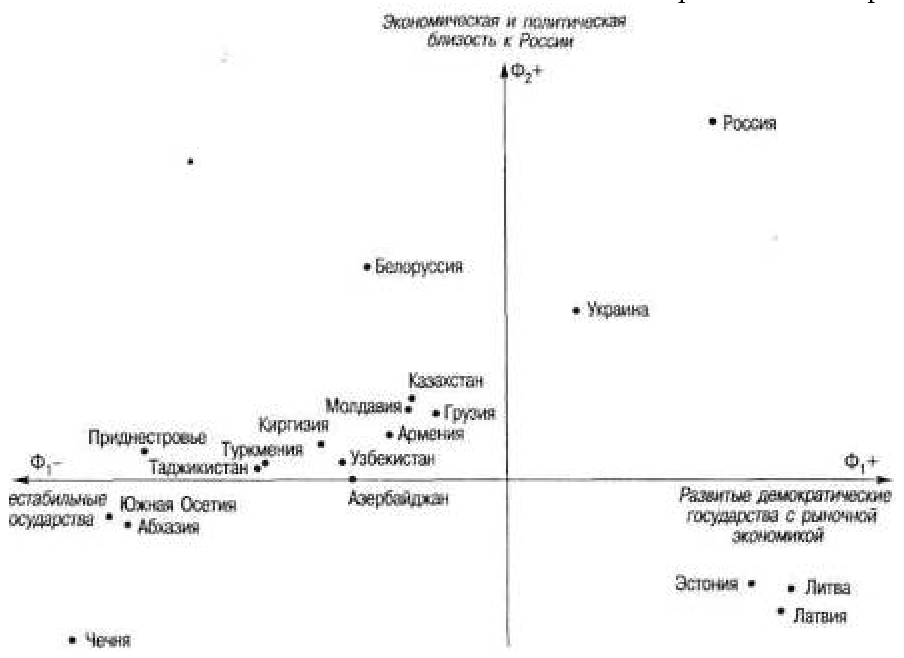

Рис. 76. Семантическое пространство восприятия стран СНГ и Прибалтики ($Ф_ь$ $Ф_2$)

Противоположный полюс фактора составило суждение: 10. Проводит миролюбивую политику -0,63

Третий фактор назван нами *«Милитаризированностъ государства».* Необходимо подчеркнуть, что в сознании наших респондентов милитаризованность государства коррелирует, входя в один фактор, с уровнем преступности и наличием серьезных внутренних проблем. Отметим при этом, что милитаризация отнюдь не синоним военной мощи. Так, последний дескриптор отнюдь не

доминирует по своей факторной нагрузке по этому фактору.

Отметим высокую критичность наших респондентов по отношению к собственному государству. Так, наибольшую оценку по этому фактору получили Россия и Чечня. Значительно отстают от них самопровозглашенные и непризнанные республики Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Примерно на том же уровне находится Украина, очевидно за счет своей объективно высокой, в сравнении с другими странами СНГ, военной мощи.

Четвертый фактор, 5% общей дисперсии, включает всего два дескриптора:

1. Страна с глубокими историческими традициями 0,79
4. Религиозное население 0,85

Назовем четвертый фактор *«Религиозность и духовность».*

Напомним, что для обработки данных мы не использовали традиционную при факторной обработке данных процедуру нормирования, стремясь получить позицию каждой страны в абсолютных, а не относительных (в сопоставлении с дру-

гими странами) величинах. При нормировании мы бы получили искусственное деление объектов (в нашем случае стран) на имеющих положительные и отрицательные факторные баллы по фактору, исходя из условно-нулевой средневзвешенной позиции. Наш способ обработки убедительно демонстрирует возможность того, что все объекты могут попадать на один полюс фактора. Всем странам СНГ и самопровозглашенным республикам наши респонденты приписали глубокие исторические традиции и религиозность, что и находит отражение в графической репрезентации результатов размещения объектов в семантическом пространстве, построенном без процедуры нормирования (рис. 77).

Рис. 77. Семантическое пространство восприятия стран СНГ и Прибалтики ($Ф_3$, $Ф_4$)

Обсуждение результатов. Сопоставляя семантические пространства восприятия стран мира, Европы и СНГ российскими респондентами, можно говорить как о значительном сходстве категориальной структуры геополитического восприятия этих реалий, так и о некотором различии. Например, везде присутствуют четыре базисные категории восприятия:

- демократические, преуспевающие государства, тоталитарные, неблагополучные;
- военная мощь государства;
- дружественность по отношению к России;
- религиозность, духовность общества.

Однако есть и определенные различия, обусловленные спецификой объектов восприятия (стран мира, Европы и СНГ). Напомним, что семантическое пространство не является «вместилищем», в котором размещаются объекты восприятия, а его структура (семантика, метрика и топология) производна от их (объектов восприятия) содержания. Так, размерность семантического пространства восприятия стран мира (как более неоднородных) оказалась более высокой, и соответст-

венно более высокой оказалась когнитивная сложность восприятия нашими респондентами мирового пространства.

Наряду с первым фактором, содержащим на одном полюсе прототипический образ преуспевающих западных демократических обществ в оппозиции к антизападным, существует и близкий ему (интеркорреляция факторов р = 0,6) четвертый фактор также благополучия и высокой культуры страны, но уже в сочетании с плановой, а не рыночной экономикой. Напомним, что наибольшую нагрузку по этому фактору получили скандинавские страны, и в первую очередь Швеция. То есть в сознании наших респондентов несомненно выделяются два фактора, отражающих два возможных пути экономического и культурного преуспевания: «западный», прототипически представленный США, Канадой, Японией и т. д., — и шведская модель социализма с элементами плановой экономики.

Что касается более однородного политического пространства Европы, то и когнитивная сложность его восприятия оказалась ниже. Так, первый фактор общемирового пространства, интерпретированный как *«Архетипические страны западной демократии*[1] <-> *Антизападные страны»,* и относительно независимый от первого фактора четвертый фактор общемирового пространства *«Политическая стабильность и преуспевание по шведскому образцу»* слились в единый фактор *«Общее благополучие* <-» *Неблагополучие стран».*

Один из самых серьезных выводов, который можно сделать из проведенного исследования, — это наличие в политическом менталитете российских респондентов взаимосвязи (см. набор признаков, входящих в первый фактор семантических пространств восприятия стран СНГ, Европы, мира) между демократическим устройством государства и его экономическим процветанием. То, что богатые общества как правило более демократичны, связано со спецификой трудовой активности населения в постиндустриальном обществе, требующей творческой самостоятельности в принятии решений субъекта-труженика. Оптимальные условия обучения, развития и функционирования дает именно демократически устроенное государство. С другой стороны, как показывают исследования Буркхарта и Левис-Бека (Burkhart, Lewis-Beck, 1994), экономическая депрессия и упадок способствуют становлению авторитарных и тоталитарных режимов. Как показывают наши исследования (правда, проведенные на недостаточно репрезентативной выборке), несмотря на депрессию в экономической сфере и перманентные кризисы в политической жизни, общественный менталитет большей части российского общества продолжает ориентироваться на демократические ценности и полагает, что путь к экономическому процветанию связан с развитием и упрочением демократии.

Одним из значимых факторов-категорий в структуре российской геополитической меитальности является фактор *«Дружественность стран по отношению к России».* Как уже отмечалось выше, вычисление при факторизации матриц первичных данных ненормированных факторных баллов позволяет реконструировать семантическое пространство и позиции в нем анализируемых стран, так сказать, в абсолютных, а не относительных величинах, априорно предполагающих, что «центр тяжести» находится в нуле. Наиболее дружественными в рамках СНГ российские респонденты считают Белоруссию, Украину, примыкающую к ней не-

куда попадают, например, и Япония с Австралией.

14 Зак. 96

признанную самопровозглашенную республику Приднестровье и Казахстан. Напомним, что и товарооборот между ними и Россией в рамках СНГ достигает 90% (см. Москвин, 1998). То есть реалии экономики и общественного политического менталитета совпадают с представлениями выдающегося российского писателя и пророка А. И. Солженицына, выраженных в его публицистическом манифесте «Как нам обустроить Россию». Таким образом, нобелевский лауреат и академик РАН действительно выступил выразителем народных чаяний. Другое дело, что это взгляд из России, и для определения мнения граждан вышеназванных стран требуется проведение референдума или хотя бы аналогичного исследования. Поистине верна поговорка: «От любви до ненависти один шаг», и среди наших бывших советских республик, а ныне независимых стран имеются негативно оцениваемые респондентами с точки зрения дружественности по отношению к России, в то время, как ни одно (!!!) государство Европы не получило по этому фактору негативной оценки.

Если говорить о наиболее дружественных странах в мировом пространстве, то помимо маленьких стран, таких как Болгария и Куба, исторически связанных с Россией на разных этапах ее истории, к дружественным странам респонденты относят великие Индию и Китай. В связи с этим стоит обратить внимание на сделанное в ходе визита в Индию заявление российского премьера Евгения Примакова о возможном тройственном союзе в рамках многополярного мира между Россией,

Китаем и Индией. Несмотря на кажущуюся малую вероятность такого союза в силу, например, нерешенных территориальных взаимных претензий Индии и Китая, а также зависимости всех трех стран от инвестиций западного сообщества и т. п., подобное заявление имеет определенные основания в геополитических представлениях российских граждан и отражает некоторое охлаждение энтузиазма по поводу ориентации России на Запад в силу как экономических, так и политических проблем и свидетельствует о заинтересованном взгляде-ориентации на Восток в поиске геополитических партнеров.

12.4. Психосемантический анализ имиджа политических лидеров[1]

Двадцатый век высветил дополнительный смысл высказывания епископа Беркли: «Быть — это значит быть наблюдаемым» применительно к политическому бытию. Если в Древнем Египте или Византии личность фараона или императора рассматривалась как воплощение или представительство божественного на земле, и сложные и обременительные ритуалы обеспечивали эту сакральную связь, то легитимность победившего в результате демократических выборов президента или губернатора каждодневно подпитывается освещением в средствах массовой коммуникации их деятельности на благо государства. Народ как бы контролирует лидера и подтверждает выданный ему «ярлык» на правление. В отличие от живого воплощения бога, богопомазанника, диктатора или тирана, демократический лидер еще со времен республиканского Рима выступает в сознании сограждан «первым среди равных». В отличие от подданного монархии, присягающего на верность государю, гражданин республики отдает (жертвует) свой голос, как бы

В исследовании принимал участие дипломник И. С. Макрушенко.

покупая, нанимая себе управляющего, и если даже демократические институты в действительности выступают только фасадом тоталитарного государства, то правила политического театра требуют чистоты жанра, имитации народовластия, хотя бы внешней, и «слуги народа» кутаются в солдатские шинели, изображая «солдат партии».

Тем более быть первым среди равных (или, по крайней мере, казаться таковым) — условие, необходимое для лидера собственно демократического, а не мимикрирующего под эту форму государства.

Принцип «первый среди равных», т. е. обладающий некими достоинствами, но не отличающийся принципиально от большинства, породил в древнегреческих городах (Афины, Сиракузы, Аргос) процедуру остракизма, когда гражданин, резко выделяющийся своими достоинствами или недостатками среди прочих граждан, мог быть изгнан за пределы полиса. Современная демократическая система неизбежно подвергает общественному остракизму политического лидера, резко отличающегося от большинства и играющего «не по правилам», понятным этому большинству. Он либо потеряет власть, либо, что возможно в слабых демократиях, изменит саму политическую систему, сохранив власть уже в режиме авторитарного правления.

О важности самопрезентации люди начали задумываться еще в Древнем Риме: «Для того чтобы нам было легче всего казаться такими, каковы мы в действительности, — хотя важнее всего, чтобы мы были такими, какими хотим считаться, — все-таки надо преподать кое-какие наставления» (Цицерон, 1975. С. 111).

Но никогда еще вопрос восприятия одних людей другими не стоял так остро, как сейчас. Имидж становится важной частью избирательной кампании, поскольку все партии избирают в качестве своей главной стратегии стратегию персонализации.

В переводе с английского слово *image* в буквальном смысле означает «образ; изображение; отражение». Следовательно, когда говорят о человеке: «У него имидж делового человека», «У него отрицательный имидж», то имеют в виду оценочный образ этого человека, который возник у других людей. Причем под «образом» имеется в виду не только визуальный, зрительный образ (облик) человека, но и образ его мышления, действий, поступков. Иначе говоря, в данном случае слово «образ» должно употребляться в широком смысле — как представление о человеке.

Как полагает С. И. Ожегов, в русском языке наиболее близким понятием «имиджу» является «мнение» — как «суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к чему-нибудь, взгляд на что-нибудь» (1991. С. 367).

Можно согласиться с Ожеговым в том, что существует несомненная связь между имиджем и мнением, тем не менее имидж принадлежит скорее его носителю, и недаром возможно высказывание «он сменил свой имидж», в то время как мнением обладает субъект восприятия — другой человек, мнение которого может изменяться и под воздействием новой информации о ком-

либо, не связанной непосредственно с имиджем.

Термин «имидж» впервые возник и начал использоваться в коммерческой рекламе для дифференциации однородных товаров. С разработкой новых методов организации избирательной компаний в начале 1960-х гг. в США понятие имидж стало широко применяться и для дифференциации общественных лидеров (По-чепцов, 2000).

«Имидж — целенаправленно формируемый образ какого-либо лица, явления, предмета, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п.» (Словарь иностранных слов и выражений, 2000. С. 229). Именно в этом значении и будет в данной работе использоваться термин «имидж».

Специалист по связям с общественностью Почепцов дает следующие определения термина «имидж»: «Имидж — знаковый заменитель, отражающий основные черты человека». «Имидж в концентрированной форме задает суть человека или организации» (Почепцов, 2000. С. 12).

Представим еще несколько определений имиджа: «Имидж — стереотипизиро-ванный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании» (Краткий психологический словарь, 1999. С. 126).

«Имидж — это образ, наделяющий человека характеристиками, лежащими за пределами его реального существования» (Мошкин, 1994).

«Имидж — сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо» (Психология и психоанализ власти, 1999).

«Это полная картинка вас, которую вы представляете другим. Она включает то, как вы выглядите, говорите, одеваетесь, действуете; ваши аксессуары, ваше окружение и компанию, которую вы поддерживаете» (Bird, 1994. P. 1).

«Ваш личный имидж является картинкой вас. У вас не может не быть имиджа! Хотите вы этого или нет, другие видят то, что вы сами избрали для показа им» (Sampson, 1994. P. 13).

Ряд определений имиджа подчеркивают его коммуникативный характер и целенаправленную заданность. Это — «наглядное проявление того или иного фрагмента реальности, воплощающее рекламную идею в выразительной, запоминающейся, нередко символической форме. Это звуковые, изобразительные и вербальные знаки, воплощающие субъективные задачи рекламного производителя — это образ-представление, целенаправленно создаваемый, наделяющий объект дополнительными ценностями, что, собственно, и способствует более эмоциональному его восприятию» (Ученова, Старых, 1992).

«Имидж политического лидера — это представление о политике, сложившееся у населения в результате длительного внешнего воздействия, обладающее высокой устойчивостью и сопротивляемостью к изменениям» (Цуладзе, 1999).

Можно выделить несколько характерных признаков имиджа (Почепцов, 2000).

1. Имидж упрощен по сравнению с объектом, но подчеркивает его уникальность и специфичность.
2. Имидж конкретен, но изменчив и подвижен. Он постоянно корректируется, адаптируется к требованиям конкретной ситуации.
3. Имидж в какой-то степени соответствует рекламируемому объекту и вместе с тем идеализирует его.
4. Имидж связан с прообразом, но живет по собственным законам в соответствии с духовной ориентацией обыденного сознания.

«В политике имидж лидера соединяет в общественном мнении восприятие его как личности, а также оценки его программных документов, заявлений, решений» (Блажнов, 1994). Личность лидера не может предстать в полноте человеческих

проявлений. Избиратель воспринимает образ-имидж, постоянно воспроизводимый и субъектом, и средствами коммуникации. Вот что говорит один из самых известных имиджмейкеров, Ж. Сегела: «...все качества чуть-чуть смещаются в противоположную, положительную сторону: его называют старым, а у нас он станет мудрым... Он миновал возраст личных амбиций. Он безмятежен, богат своим внутренним спокойствием» (Сегела, 1998. С. 24).

В связи с тем, что общение лидера опосредуется СМИ, большинство нежелательных черт лидера могут и не попасть на глаза общественности. Зато, напротив, внешность лидера приобретает большой вес. «Каждый из вас будет располагать лишь несколькими минутами телевизионного времени и двумя-тремя интервью, чтобы убедительно изложить свои взгляды. О вас будут судить

больше по внешности, чем по уму. Пусть главное — содержание, но преподносится оно только через форму» (Сегела, 1998. С. 26).

«Иными словами, формирование и распространение идеологий стало прерогативой особой профессиональной страты (группы людей), что привело к качественной перестройке политического пространства и превращению деятельности по производству нормативно-символических конструкций в самостоятельный политический процесс» (Соловьев, 2001).

Снижение функциональной нагрузки идеологий связано и с неоднозначностью использования информационных продуктов потребителями в условиях рынка. Говоря о складывающихся в эту эпоху тенденциях, нельзя не упомянуть и о том, что ослабление групповой идентификации и индивидуализация взаимосвязей человека и государства формируют новый тип представительства общественных интересов. Место партийных институтов начинают занимать технотеле-медиумы (прежде всего электронные СМИ), которые из простых трансляторов информации превращаются сегодня в связующие структуры между общественностью и властью.

В сложившихся условиях в лидеры выходят те инструменты формирования нормативно-символической сферы, которые позволяют сохранить коммуникацию в политике, обеспечить контакты власти с ускользающим из политики человеком.

Проблематика создания и функционирования «имиджей» тесно связана с лидирующей ролью в индустриальном, а затем постиндустриальном обществе средств массовой коммуникации, в первую очередь телевидения, а в настоящее время еще и Интернета.

На место громоздких идеологий с их программами и лозунгами приходят куда более подвижные маркетинговые конструкции, прежде всего политическая рек-ламистика. Под политической рекламистикой понимается система особых принципов, норм и стандартов обращения информации (Соловьев, 2001).

В связи с такой трансформацией нормативно-символической сферы главным системообразующим конструктом оказывается имидж. Чем же обусловлено возникновение имиджа? Его появление — следствие изменения взаимоотношений человека с политикой. В демократическом государстве требуются более тонкие механизмы привлечения человека к участию в политической жизни. Эту задачу призваны решать имиджевые стратегии и политическая реклама. На роль лидера нужен уже человек, который не только продвигает ту или иную идеологию, но может заинтересовать аудиторию собственной личностью. В результате структуры власти начинают активно задействовать средства массовой информации для осу-

ществления своих целей. Создается виртуальная политическая реальность. Туда закладывается некий элемент развлечения. Другими словами, происходит театрализация политики. Лидеры превращаются в настоящих звезд. И идеология уже не выдерживает конкуренции с этими новыми маркетинго-рекламными стратегиями. Основной отличительной чертой нового этапа является то, что уже не человек ищет контакта с властью, а власть сама ищет контакта с народом (Соловьев, 2001).

Политическое лидерство так или иначе приписывается одному человеку (президенту, премьер-министру), но в бюрократизированном обществе является продуктом «организованной активности». Государственный лидер в значительной мере становится символической фигурой, и его многочисленные функции выполняют другие люди, прежде всего его ближайший штаб. Другими словами, политическое лидерство, будучи индивидуальным, отличается в то же время более или менее корпоративным характером (Блондель, 1992).

Опосредствованный характер отношений лидера с последователями ведет к тому, что одним из главных и наиболее эффективных средств воздействия лидера на публику становится коммуникация (а не конкретная деятельность по выполнению задачи). Очень часто последователи имеют дело не со своими личными и непосредственными впечатлениями от лидера, его деятельности и его жизни, а каждый раз с рассказом о лидере, с сообщением, подготовленным специально для восприятия другими лицами, содержащим определенную точку зрения и составленным — явно или неявно, сознательно или бессознательно — с целью повлиять на получателя этого сообщения. Это сообщение может состоять из слов, демонстрации самого лидера или его поступков, политических символов и т. д. Главное в нем то, что этот материал уже обработан для определенных целей и рассчитан на менталитет аудитории. Как в евангельской притче, «зерна» должны упасть на определенную почву. Поэтому необходим ее анализ.

Среди широко используемых методов анализа общественного сознания, таких как социально-психологическое наблюдение, анкетирование, интервьюирование, беседа, метод фокус-групп,

контент-анализ и интент-анализ текстов (Беланов-ский, 1996; Богомолова, Фоломеева, 1997; Дмитриев, 1998; Ушакова и др., 1998), применяется психосемантический подход (Петренко, Митина, 1997; Петренко,

Усредненная матрица оценок

	Буш-младший (США)	Блэр (Англия)	Шредер (Германия)	Ким Чен Ир (Сев. Корея)	Хусейн (Ирак)	Кучма (Украина)	Путин (Россия)
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
Хорошо относится к России	**-1,6**	**-0,4**	**0,4**	**0,9**	**0,5**	**-1,3**	**2,0**
Яркая личность	**-0,6**	**0,4**	**0,8**	**0,3**	**1,7**	**-1,2**	**1,4**
Придерживается прогрессивных убеждений	**-0,4**	**0,8**	**0,9**	**-0,7**	**-0,6**	**-1,2**	**1,4**
Себе на уме	**1,4**	**1,3**	**1,3**	**1,6**	**2,1**	**1,6**	**1,6**
Обаятелен	**-0,9**	**0,6**	**0,5**	**-0,8**	**-0,3**	**-1,7**	**1,1**
^мел в принятии решений	**1,1**	**1,0**	**1,1**	**0,6**	**1,8**	**-0,8**	**1,2**

Митина, Бердников, 2000; Петренко, Митина, Бердников, Кравцова, Осипова, 2000), иллюстрацией которого является приводимое ниже исследование.

Экспериментальное исследование имиджей политических лидеров

Целями данной работы являются:

1) исследование категориальной структуры восприятия образа лидера;

2) выявление места (координат) политических лидеров в многомерном политико-семантическом пространстве и описание конкретных имиджей наиболее известных современных политиков;

3) сопоставление имиджей реальных политиков с образами («ролевыми позициями») «идеального политика» и «идеала человека».

Респонденты. Объем выборки: 239 человек (140 мужчин и 99 женщин); имеющие высшее образование (126 человек) и студенты старших курсов (113 человек), москвичи.

Время проведения исследования: зима 2002 г.

Процедура сбора данных. Испытуемым предлагалось заполнить матрицу, где по 45 шкалам-дескрипторам, характеризующим деловые и личностные качества, оценивались 16 политических лидеров. Испытуемым предлагалось оценить по семибалльной шкале (от 3 до -3), насколько, по их мнению, каждая характеристика соответствует образу политического лидера, представлению об идеальном политике и идеале человека.

Список шкал-дескрипторов формировался как исходя из предыдущих исследований образа лидера (Петренко, Митина, 1997), так и на основе предварительно проведенного по методу триадического выбора Келли (см. Франселла, Банни-стер, 1983) пилотного исследования.

Полученные результаты. По результатам суммирования индивидуальных протоколов была получена групповая матрица данных (табл. 12.5). Уже по этим данным, до применения более сложных методов многомерной статистики можно получить много интересной информации.

Таблица 12.5

политических лидеров

Лукашенко (Беларусь)	бен-Ладен	Шарон (Израиль)	Арафат (Палестина)	Папа Римский	Кастро (Куба)	Ширак (Франция)	Идеальный политик	Мой идеал человека
9	10	И	12	13	14	15	16	17
1,6	-1,5	-0,8	0,6	0,3	1,0	0,7	2,2	2,5
1,1	1,7	0,2	0,9	1,6	2,4	1,1	2,3	2,3
0,4	-1,2	-0,4	0,0	0,7	0,1	1,1	2,3	2,2
1,7	2,0	1,6	1,4	0,5	1,0	1,3	1,0	0,6
-од	-0,8	-0,9	-0,6	0,5	1,0	1,1	2,2	2,2

1,2	2,6	1,3	0,7	0,7	1,8	1,0	2,3	2,3

1	2	3	4	5	6	7	8
Проводит независимую политику	1,3	0,7	1,0	1,4	1,7	-0,7	0,8
Хорошо эрудирован	-0,3	1,6	1,6	0,3	0,6	-0,9	1,9
Его политика работает на благо человечества	-1,0	0,2	0,7	-0,4	-0,5	-1,1	0,9
Живет вчерашним днем	0,4	0,0	-0,4	1,5	1,2	1,2	-0,5
Демагог	0,8	0,4	0,2	0,6	0,6	1,8	-0,3
Сильная личность	0,0	0,6	1,0	0,8	2,0	-0,9	1,6
Хороший оратор	0,3	1,1	1,2	0,3	1,2	-0,8	1,2
Подвержен коррупции	0,2	-0,1	-0,1	0,1	0,3	1,8	-0,6
Популист	1,6	1,0	0,8	0,9	1,1	1,6	0,2
Солдафон, милитарист	1,1	-0,4	-0,2	1,3	2,0	0,3	-0,4
Чувствителен к нуждам простых людей	-0,4	0,1	0,6	-0,6	-0,6	-1,2	0,7
Избран демократическим путем	0,9	1,7	1,9	-1,1	-1,1	-0,3	1,4
Временщик	0,4	-0,2	-0,4	-0,5	-0,4	1,5	-1,2
Искусный политик	-0,5	1,0	1,1	0,2	0,3	-1,1	1,1
Придерживается левых убеждений	-1,5	-1,2	-0,5	1,0	0,2	-0,6	-0,1
Фанатик	0,1	-0,8	-0,8	1,6	1,8	-0,3	-0,8
Ничто человеческое ему не чуждо	1,3	1,5	1,8	1,0	1,2	1,1	1,7
Остроумный	-0,7	0,6	0,6	-0,6	-0,3	-1,2	1,2
Плохо предсказуем	0,8	0,0	-0,2	0,8	1,2	0,8	0,2
Неразборчив в средствах	1,1	-0,1	-0,4	0,3	1.0	1,2	-0,6
Долго продержится у власти	0,1	0,6	1,0	2,0	1,9	-0,5	1,8
Склонен к авантюрам	1,3	0,2	-0,2	0,2	1,4	1,0	-0,4
Хороший дипломат	-0,5	1,3	1,4	0,1	-0,3	-1,0	1,4
Коллегиален в принятии решений	0,7	1,4	1,4	-0,5	-1,0	-0,2	1,0
Диктатор	0,2	-0,6	-0,4	1,8	2,4	0,4	-0,1
Религиозный	0,9	0,8	0,6	0,1	1,8	0,0	-0,1
Для достижения цели готов идти на компромисс	0,0	1,1	1,1	-0,2	-0,6	0,6	1,4
Приведет страну к благосостоянию	0,4	1,1	1,2	-0,5	-0,6	-1,2	0,7
Гуманист	-0,8	0,3	0,6	-0,6	-1,0	-1,0	0,4
Националист	1,5	0,8	0,7	1,6	2,0	1,8	-0,3
Властный, авторитарный	0,7	0,4	0,4	1,8	2,3	0,7	1,0
Зажигает аудиторию, ведет за собой	0,2	0,4	0,6	0,9	1,5	-0,8	1,0
Любим в своей стране	1,4	1,3	1,4	2,0	2,0	-0,7	1,3
Лично у меня вызывает симпатию	-1,5	0,2	0,5	-0,7	-0,5	-1,8	1,0
Внешне привлекателен	-0,9	0,4	0,5	-0,8	-0,3	-1,6	0,7
Придерживается правых убеждений	1,4	1,4	0,8	-0,7	-0,6	0,3	0,2
Прагматик	1,4	1,5	1,5	1,6	0,8	0,6	1,4
Проводит миролюбивую	-1,3	0,0	0,4	-0,1	-0,9	-0,4	1,0

политику							
Демократ	0,5	1,0	1,2	-1,2	-1,3	-0,7	1,0

Окончание табл. 12.5

9	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**
0,8	**2,0**	**0,6**	**0,8**	**1,0**	**1,8**	**1,0**	**2,3**	**2,2**
0,4	**0,5**	**0,6**	**0,4**	**2,3**	**1,4**	**1,6**	**2,7**	**2,6**
0,3	**-1,9**	**-0,8**	**-0,4**	**1,3**	**0,4**	**0,8**	**2,4**	**2,2**
0,5	**0,4**	**0,3**	**0,3**	**-0,1**	**0,9**	**-0,6**	**-1,5**	**-1,4**
0,7	**-0,1**	**0,7**	**0,4**	**-0,2**	**0,6**	**0,1**	**-1,4'**	**-1,7**
1,1	**2,3**	**0,9**	**1,1**	**1,5**	**2,6**	**1,3**	**2,6**	**2,5**
1,8	**0,3**	**0,3**	**0,8**	**1,5**	**2,6**	**1,2**	**2,4**	**1,9**
-0,2	**0,1**	**0,5**	**0,2**	**-1,5**	**-0,5**	**0,0**	**-2,3**	**-2,1**
0,6	**0,8**	**1,1**	**0,9**	**0,2**	**1,1**	**0,7**	**-0,6**	**-0,9**
-0,2	**1,6**	**1,1**	**0,7**	**-1,7**	**1,3**	**-0,4**	**-1,4**	**-1,6**
0,3	**-1,6**	**-0,5**	**-0,1**	**1,4**	**0,6**	**0,7**	**2,2**	**2,3**
0,5	**-1,5**	**0,6**	**0,3**	**1,1**	**-0,3**	**1,8**	**2,3**	**2,0**
-0,5	**0,2**	**0,5**	**-0,4**	**-1,4**	**-1,4**	**-0,9**	**-1,9**	**-1,9**
0,4	**-0,7**	**-0,2**	**0,2**	**1,3**	**1,1**	**1,3**	**2,4**	**1,8**
1,0	**-0,3**	**-1,0**	**0,1**	**-0,7**	**1,5**	**-0,1**	**0,0**	**0,1**
0,5	**2,5**	**0,6**	**1,2**	**0,3**	**1,8**	**-0,3**	**-0,8**	**-0,9**
1,5	**0,4**	**1,0**	**1,4**	**1,2**	**1,7**	**1,9**	**2,0**	**2,0**
0,1	**-0,3**	**-0,1**	**-0,1**	**0,1**	**0,7**	**0,8**	**2,0**	**2,2**
0,5	**1,9**	**0,4**	**0,7**	**-1,0**	**0,4**	**0,0**	**-0,3**	**-0,5**
0,1	**1,8**	**0,8**	**0,6**	**-1,2**	**0,0**	**-0,8**	**-2,0**	**-2,0**
1,4	**0,6**	**0,1**	**0,5**	**1,2**	**1,6**	**1,1**	**1,9**	**1,5**
0,2	**2,3**	**1,1**	**0,7**	**-1,4**	**0,9**	**0,0**	**-0,5**	**-0,4**
0,2	**-1,0**	**-0,2**	**0,1**	**1,9**	**0,7**	**1,5**	**2,4**	**2,2**
0,1	**-1,9**	**0,1**	**0,2**	**1,2**	**-0,6**	**1,1**	**1,7**	**1,8**
0,9	**2,3**	**0,8**	**0,8**	**-0,8**	**1,9**	**-0,4**	**-0,8**	**-1,0**
-0,4	**2,0**	**1,8**	**1,9**	**2,6**	**-0,6**	**0,6**	**0,3**	**0,3**
0,4	**-1,6**	**0,0**	**0,3**	**1Д**	**-0,2**	**1,2**	**1,7**	**1,6**
0,3	**-1,7**	**-0,2**	**-0,4**	**0,7**	**-0,2**	**1,2**	**2,3**	**2,1**
-0,1	**-2,2**	**-0,8**	**-0,2**	**1,8**	**0,0**	**1,1**	**2,0**	**2,1**
0,7	**2,3**	**1,9**	**1,5**	**-0,6**	**0,9**	**0,4**	**-0,4**	**-0,6**
1,3	**2,2**	**1,3**	**1,0**	**0,1**	**2,1**	**0,6**	**0,3**	**0,0**
0,7	**1,5**	**0,4**	**0,9**	**1,5**	**2,3**	**0,7**	**2,1**	**1,8**
0,8	**0,9**	**0,8**	**1,3**	**2,1**	**2,0**	**1,5**	**2,3**	**2,1**
0,1	**-1,5**	**-0,8**	**-0,5**	**0,8**	**1,0**	**0,9**	**2,2**	**2,3**
0,0	**-0,9**	**-0,9**	**-0,8**	**0,1**	**1,1**	**0,8**	**1,8**	**1,9**
-0,6	**-0,6**	**1,0**	**-0,1**	**0,1**	**-0,9**	**0,5**	**0,0**	**-0,1**
1,0	**0,6**	**1,2**	**1,0**	**0,4**	**1,0**	**1,4**	**1,4**	**1,0**
0,9	**-2,1**	**-1,4**	**-0,3**	**1,6**	**0,6**	**1,0**	**2,1**	**2,0**
0,0	**-2,2**	**-0,7**	**-0,5**	**0,8**	**-0,6**	**1,3**	**1,8**	**1,7**

Так, по мнению респондентов как «Мой идеал человека» (2,5), так и «Идеальный политик» (2,2) должны, безусловно, хорошо относиться к России. Из персоналий лучше всего к России относятся Путин (2,0), и Лукашенко (1,6). То, что Лукашенко получил такие высокие баллы по этой шкале, можно отнести в первую очередь на счет создаваемого им имиджа. Практически во всех своих выступления он говорит о дружбе с Россией, чего нельзя сказать, например, о Кучме, и как

результат — низкий балл последнего (-1,3).

По шкале «Яркая личность» высокие оценки получили ролевые позиции «Мой идеал человека» (2,3) и «Идеальный политик» (2,3). Интересно, что Кастро получил даже более высокие оценки по этому фактору (2,4), чем, по мнению респондентов, должен обладать «идеальный политик». Он же наряду с Хусейном (2,0) и Ким Чен Иром (2,0) получил высокие оценки по шкале «Любим в своей стране», что говорит о том, что правителей, реализующих авторитарную власть, как правило, любят верноподданнические массы. По крайней мере, до тех пор пока диктаторы у власти.

«Искусными политиками» респонденты считают Папу Римского (1,3) и Ширака (1,3).

Самыми религиозными считаются Папа Римский (2,6) и бен-Ладен (2,0). «Мой идеал человека» (0,3) и «Идеальный политик» (0,3) получили низкие оценки по этому фактору, что, возможно, связано с характером выборки (государственные служащие, студенты выпускных курсов и т. д.). Самым нерелигиозным политиком считается Кастро (-0,6). Путина воспринимают индифферентным религии (-0,1). Очевидно, его участие в пасхальных и рождественских богослужениях, а также приглашение Патриарха на различные официальные мероприятия в Кремль воспринимаются респондентами скорее как дань традиции.

По шкале «Лично у меня вызывает симпатию» наиболее высокие баллы получили «Мой идеал человека» (2,3), а также Путин и Кастро, которым дали равные оценки (1). Близко к ним расположены Ширак (0,9) и Папа Римский (0,8). Низкие баллы по этим факторам получили Кучма (-1,8), Буш (-1,5) и бен-Ладен (-1,5).

Внешне привлекательным респонденты считают Кастро (1,1) — сказывается революционный романтизм, до сих пор связываемый с ним, — и Ширака (0,8). Самым непривлекательным — Кучму (-1,6), а также бен-Ладена (-0,9), Буша (-0,9), Шарона (-0,9), Арафата (-0,8) и Ким Чен Ира (-0,8). Речь здесь идет скорее не о внешней привлекательности, а о том, что испытуемые к оценке внешности примешивали и личное отношение к политикам.

Много информации о политическом менталитете наших респондентов дает анализ оценок «идеального политика». Доминирующими качествами являются: наличие хорошей эрудиции (2,7), силы (2,6) и яркости личности (2,6), способность быть искусным политиком (2,4) и хорошим дипломатом (2,4) Он гуманист (2) и приведет страну к благосостоянию (2,3) . «Идеальный политик», по мнению респондентов, избран демократическим путем (2,3), чувствителен к нуждам простых людей (2,2), придерживается демократических убеждений (1,8). Идеальный политик работает на благо всего человечества (2,4) и чужд национализму (-0,4). По политическим установкам он ни «левый» (0), ни «правый» (0). Самыми нежелательными качествами для «идеального политика» являются подверженность коррупции (-2,3) и неразборчивость в средствах (-2.).

Колонка оценок «Идеальный человек» почти полностью воспроизводит предыдущую колонку «Идеальный политик», разве что для идеального человека не так важно быть искусным политиком и хорошим оратором.

Для обработки данных, полученных в ходе эксперимента, использовался факторный анализ — статистическая процедура, используемая для выявления относительно небольшого количества глубинных (явно не наблюдаемых) конструктов, которые можно использовать для представления отношений между многочисленными наблюдаемыми переменными (Окунь, 1974; Митина, Михайловская, 2001).

Целью факторного анализа является «нахождение таких комплексов-факторов, которые как можно более плотно объясняют наблюдаемые связи между переменными, имеющимися в наличии» (Брююль, Цёффель, 2002. С. 369).

Обработка данных методами многомерной статистики позволяет реконструировать систему категорий сознания респондентов, сквозь которую происходит восприятие имиджа политических лидеров, а самих политиков представить в виде точек в многомерном семантическом пространстве.

Представленные после каждой шкалы-дескриптора величины факторных нагрузок (табл. 12.6) показывают проекцию данной шкалы на ось фактора, а в семантическом плане соответствуют тому, насколько в содержании данной шкалы присутствует содержание фактора. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а показывает, к какому полюсу фактора относится та или иная шкала.

В результате факторного анализа групповой матрицы первичных данных, после поворота *varimax* была получена следующая матрица факторных нагрузок (пятый фактор в исследовании не

рассматривался ввиду низких факторных нагрузок по нему).

Таблица 12.6 Матрица факторных нагрузок после поворота *varimax*

	Фактор 1	**Фактор** 2	**Фактор** 3	**Фактор 4**
Процент общей дисперсии	46,8%	30,7%	7,8%	7,6%
Хорошо относится к России	-0,5052	0,5305	0,6071	-0,0540
Яркая личность	-0,1406	0,9342	0,1737	-0,1339
Придерживается прогрессивных убеждений	-0,8038	0,4620	0,1753	0,2837
Себе на уме	0,8165	-0,2445	0,1260	0,1120
Обаятелен	-0,6319	0,6788	0,2228	0,2354
Смел в принятии решений	0,1680	0,9138	-0,1060	0,1896
Проводит независимую политику	0,0888	0,9318	-0,0329	0,0566
Хорошо эрудирован	-0,6769	0,6786	-0,0009	0,0916
Его политика работает на благо человечества	-0,8350	0,4672	0,2599	0,0676
Живет вчерашним днем	0,7154	-0,4514	0,1622	-0,3142
Демагог	0,5265	-0,7627	0,0932	-0,0237
Сильная личность	-0,0273	0,9732	0,1065	-0,0906

Окончание табл. 12.6

	Фактор 1	**Фактор** 2	Фактор 3	**Фактор 4**
Хороший оратор	-0,4089	0,7948	0,2196	0,1463
Подвержен коррупции	0,6003	-0,7621	-0,0009	0,0586
Популист	0,6215	-0,6546	-0,0849	0,1358
Солдафон, милитарист	0,9587	-0,1114	0,0125	0,0594
Чувствителен к нуждам простых людей	-0,8200	0,5079	0,1656	0,1000
Избран демократическим путем	-0,8508	0,0977	-0,0662	0,4910
Временщик	0,5217	-0,7950	-0,2431	0,0501
Искусный политик	-0,6970	0,6292	0,2199	0,1578
Придерживается левых убеждений	0,1923	0,3689	0,8089	-0,3249
Фанатик	0,8205	0,2149	-0,0402	-0,4450
Ничто человеческое ему не чуждо	-0,6576	0,2839	0,4336	0,4687
Остроумный	-0,5988	0,6581	0,2066	0,2850
Плохо предсказуем	0,9469	-0,1342	0,0197	-0,0419
Неразборчив в средствах	0,8737	-0,4347	-0,1811	-0,0321
Долго продержится у власти	-0,1544	0,7230	0,4920	-0,1385
Склонен к авантюрам	0,9252	-0,1211	-0,1597	0,1234
Хороший дипломат	-0,8485	0,4733	0,0989	0,1394
Коллегиален в принятии решений	-0,9214	0,0194	-0,0538	0,3648
Диктатор	0,9340	0,0922	0,1902	-0,2483
Религиозный	0,1320	0,0916	-0,8429	-0,2941
Для достижения цели готов идти на компромисс	-0,9444	-0,0208	0,1797	0,2253
Приведет страну к благосостоянию	-0,8206	0,3543	0,0534	0,4060
Гуманист	-0,9195	0,3509	0,1033	0,0491

Националист	0,8884	-0,3592	-0,1665	-0,0075
Властный, авторитарный	0,9114	0,1876	0,2430	-0,1877
Зажигает аудиторию, ведет за собой	-0,0489	0,9590	0,1245	-0,1720
Любим в своей стране	-0,2369	0,8075	-0,0126	0,0365
Лично у меня вызывает симпатию	-0,7033	0,6267	0,2825	0,1240
Внешне привлекателен	-0,5791	0,6829	0,2958	0,2716
Придерживается правых убеждений	-0,3358	-0,4564	-0,5212	0,6217
Прагматик	-0,2628	0,0270	. 0,0664	0,9384
Проводит миролюбивую политику	-0,8487	0,3202	0,3993	-0,0901
Демократ	-0,8889	0,1286	0,0306	0,4124

Таблица 12.7 Позиции объектов в факторном пространстве

	Фактор 1	**Фактор 2**	**Фактор 3**	**Фактор 4**
Буш-младший (США)	**1,13**	**0,41**	-1,35	2,61
Блэр (Англия)	0,09	0,69	**-0,70**	**2,41**
Шредер (Германия)	**0,01**	0,85	**-0,13**	2,18
Ким Чен Ир (Сев. Корея)	1,31	0,87	0,83	0,61
Хусейн (Ирак)	2,04	**1,85**	-0,14	1,38
Кучма (Украина)	**0,81**	**-1,20**	0,29	0,94
Путин (Россия)	0,02	**1,17**	0,87	1,66
Лукашенко (Беларусь)	0,66	0,72	1,38	1,07
бсн-Ладен	2,66	2,03	-1,44	-0,13
Шарон (Израиль)	**1,20**	0,72	**-1,20**	1,87
Арафат (Палестина)	**0,91**	0,91	-0,39	1,08
Папа Римский Иоанн Павел II	-0,87	**1,26**	-1,28	-0,18
Кастро (Куба)	**1,41**	**2,13**	1,26	**1,57**
Ширак (Франция)	**-0,05**	**1,02**	**0,17**	1,94
Идеальный политик	-0,64	**2,34**	0,28	**1,72**
Мой идеал человека	-0,78	**2,17**	0,27	1,29

Анализ результатов

В результате обработки данных было выделено 4 базисных фактора, объясняющих соответственно 46,8, 30,7, 7,8 и 7,6% процентов общей дисперсии. Ниже приводятся пункты опросника, сгруппированные по выделенным факторам, и даются веса факторных нагрузок дескрипторов на ось фактора, что в содержательном плане отражает степень выраженности в данном пункте некоторого общего, представленного в факторе смысла. Знак факторной нагрузки смыслового значения не имеет, а показывает отнесенность каждого пункта опросника к одному из противоположных полюсов выделенного фактора.

Фактор 1

Солдафон, милитарист	0,96	Для достижения цели готов идти на компромисс	-0,94
Плохо предсказуем	0,95	Коллегиален в принятии решений	-0,92
Диктатор	0,93	Гуманист	-0,92
Склоне/1 к авантюрам	0,93	Демократ	-0,89
Властный, авторитарный	0,91	Избран демократическим путем	-0,85
Националист	0,89	Проводит миролюбивую политику	-

			0,85
Неразборчив в средствах	0,87	Хороший дипломат	-0,85
Фанатик	0,82	Его политика работает на благо человечества	-0,84
Себе на уме	0,82	Приведет страну к благосостоянию	-0,82
Живет вчерашним днем	0,72	Чувствителен к нуждам простых людей	-0,82
Популист	0,62	Придерживается прогрессивных убеждений	-0,80
Подвержен коррупции	0,60	Лично у меня вызывает симпатию	-0,70
		Искусный политик	-0,70
		Хорошо эрудирован	-0,68
		Ничто человеческое ему не чуждо	-0,66
		Обаятелен	-0,63

Фактор 1 был проинтерпретирован как «Склонен к авторитарности <-> Демократ» (рис. 78). Так, наибольшие факторные нагрузки имеют такие характеристики, как: «солдафон, милитарист», «плохо предсказуем», «диктатор», в оппозиции к характеристикам: «для достижения цели готов идти на компромисс», «коллегиален в принятии решений», «гуманист», «демократ». То, что «идеальный политик» имеет высокую нагрузку по фактору «Демократ», говорит о том, что политические пристрастия испытуемых ориентированы на демократические ценности. Этим ценностям ближе образы Ширака, Шредера, Блэра и Путина. На противоположном полюсе расположены бен-Ладен, Хусейн, Кастро, Ким Чен Ир, Шарон, Буш, Арафат. Довольно интересно, что лидер США, страны западной демократии, Буш, попал в эту компанию. Это можно объяснить наступательной политикой США, проводимой в последнее время, которая в нашем общественном сознании воспринимается как агрессивная. По содержанию этот фактор близок фактору «Демократические свободы «-» Тоталитаризм», полученному в исследовании динамики политического менталитета (Петренко, Митина, 1997).

Фактор **2**

Сильная личность	0,97	Временщик	-0,79
Зажигает аудиторию, собой ведет за	0,96	Демагог	-0,76
Яркая личность	0,93	Подвержен коррупции	-0,76
Проводит независимую политику	0,93	Популист	-0,65
Смел в принятии решений	0,91		
Любим в своей стране	0,81		
Хороший оратор	0,79		
Долго продержится у власти	0,72		
Внешне привлекателен	0,68		
Обаятелен	0,68		
Хорошо эрудирован	0,68		
Остроумный	0,66		
Искусный политик	0,63		
Лично у меня вызывает симпатию	0,63		

Фактор 2 можно интерпретировать как «Харизматичная личность <-> Временщик». В этот фактор

вошли такие харизматические характеристики, как «сильная личность», «зажигает аудиторию, ведет за собой», «яркая личность» (рис. 78). Здесь проявляется привлекательность сильной личности. Кастро, бен-Ладен и Хусейн имеют большую нагрузку по харизме. Этот фактор близок к пятому фактору, выделенному Дубовым (Дубов, 1992) — «Личное обаяние (располагающий <-> отталкивающий)». На отрицательном полюсе расположен Кучма. Можно предположить, что отрицательный имидж Кучмы для российского респондента обусловлен последствиями «дела Георгадзе», «кассетного скандала» и попытки оппозиции вынести ему импичмент.

Фактор 3

Придерживается левых убеждений	0,81	Религиозный	-0,84
Хорошо относится к России	0,61	Придерживается правых убеждений	-0,52

Фактор 3 представлен «склейкой» качеств: «Левые убеждения + хорошее отношение к России <-» Правые убеждения + религиозность». То есть «Левые убежде-

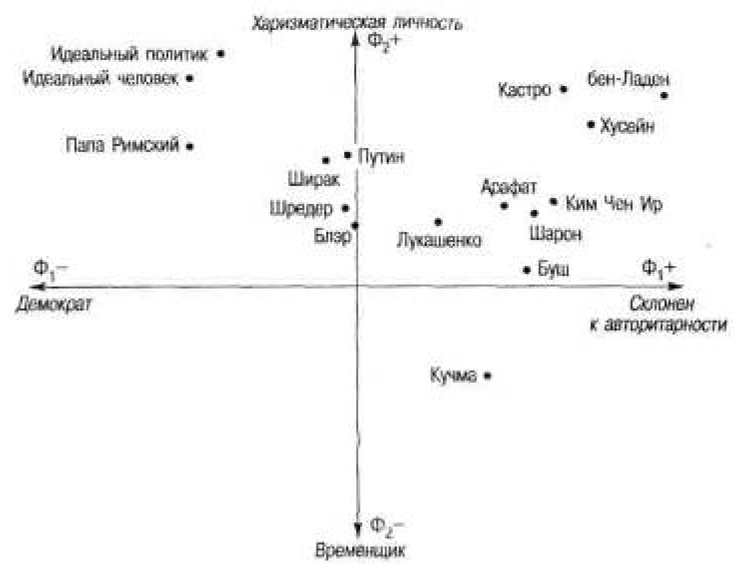

Рис. 78. Семантическое пространство имиджей политических лидеров: Ф, - «Склонен к авторитарности <-^ Демократ»; $Ф_2$ - «Харизматическая личность о Временщик»

ния», по мнению респондентов, коррелируют с «хорошим отношением к России». Очевидно, здесь присутствует инерционная установка менталитета респондентов, связанная с прошлой политикой Советского Союза, когда он поддерживал все «левые» режимы в борьбе против мирового империализма (Северная Корея, Куба), из-за чего они все воспринимались и продолжают восприниматься как дружественные. Также к влиянию остаточного советского менталитета можно отнести и то, что «левым» противопоставлена религиозность. Сходное противопоставление было выявлено нами и в исследовании семантического пространства политических партий России: «коммунистическая идеология — плюрализм в идеологии и усиление роли религии» (Петренко, Митина, 1997. С. 116). В этой работе отмечалось, что демократические силы не выработали (или не способны были выработать) собственной идеологической доктрины и место ведущей идеологии общества (и отчасти государства) начинает занимать религия. Тем не менее, хотя у нас религия сейчас активно насаждается на государственном уровне, менталитет «безбожности» еще достаточно силен. «Отношение к вере» также было выделено Матвеевой как значимый фактор для образа политического лидера (Матвеева, 2001).

Путин попадает на полюс фактора 3 вместе с Кастро и Ким Чен Иром не из-за левых убеждений, а из-за того, что в этот же фактор входит и дескриптор «хорошо относится к России», по которому у Путина высокий индекс. А попадание Лукашенко на положительный полюс обусловлено тем, что в его образе соединились и хорошее отношение к России, и «левые» взгляды.

Фактор 4

Прагматик	0,94	Фанатик	-0,44
Придерживается правых убеждений	0,62		

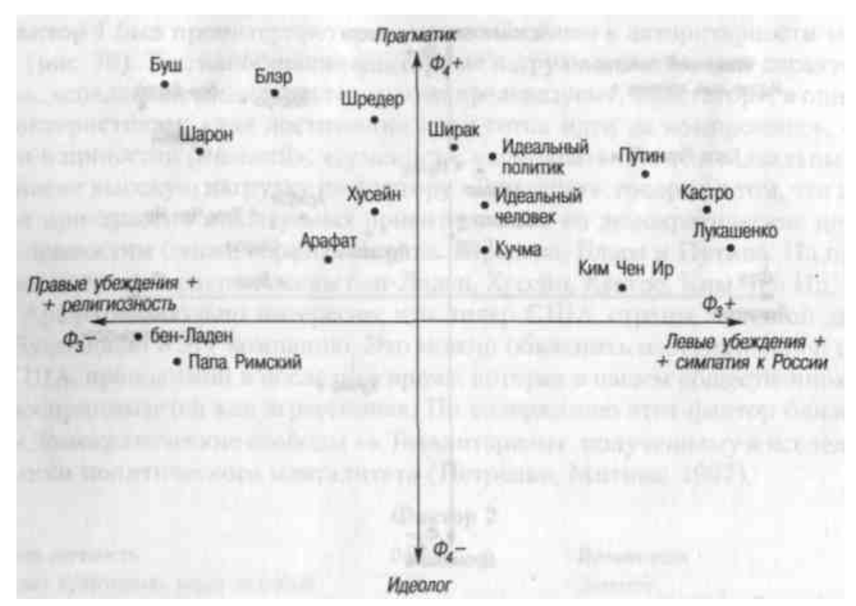

Рис. 79. Семантическое пространство имиджей политических лидеров. $Ф_3$ - «Левые убеждения + хорошее отношение к России» <-> «Правые убеждения + религиозность» и $Ф_4$ - «Прагматик <-» Идеолог»

Фактор 4 проинтерпретирован как «Прагматик <-> идеолог». В связи с небольшим количеством шкал, входящих в данный фактор, интерпретация его довольно затруднительна. В этом факторе прагматик, придерживающийся к тому же правых взглядов, противопоставляется фанатику (рис. 79). Наиболее далеки от прагматизма, очевидно в силу религиозной составляющей их взглядов, Папа Римский и бен-Ладен. К прагматикам относятся Буш, Блэр, Шредер, Ширак, Шарон и Путин. Сюда же относится и «идеальный политик». Это говорит о том, что «идеальный политик» стал ближе к прагматику, чем раньше (в Советском Союзе), когда ставился акцент на идеологию. Все политики, находящиеся у власти, воспринимаются респондентами в той или иной степени как прагматики. В эту категорию попал даже набравший самый низкий балл из политиков, находящихся у власти, — Ким Чен Ир.

Подсчет семантического расстояния между образом идеала и реальными политическими лидерами

Одной из мер сопоставления персонажей и идеала является подсчет расстояний в семантическом пространстве между этими ролевыми позициями. Расстояние от каждого политика до «идеального политика» и до «моего идеала человека» высчитываем по формуле

D = ^О, - x_2 У + (г/, - $y_2)^2$ + (г, - г$_2$ f + (ы, -u_2f ,

где $x_ь$ y_u z_t,u_f — координаты реального политика по каждому фактору, а x_2, y_2, z_2> *Щ* — координаты «идеального политика» и «моего идеала человека» соответственно.

12.4. Психосемантический анализ имиджа политических лидеров 433

Таблица 12.8 **Расстояние от каждого политика до «идеального политика» и до «моего идеала человека»**

	Идеальный политик	Мой идеал человека
Путин	1,47	1,46
Ширак	1,47	1,5-1
Шредер	1,75	1,82
Блэр	2,17	2,27
Кастро	2,29	2,42
Арафат	2,32	2,23
Лукашенко	2,45	2,34
Папа Римский	2,7	2,33
Ким Чен Ир	2,75	2,62
Хусейн	2,79	2,88
Шарон	2,89	2,93
Буш-младший	3,21	3,33

бен-Ладен	3,8	3,86
Кучма	3,92	3,76

Расстояние от «идеального политика» до «моего идеала человека» составляет 0,48, а коэффициент корреляции равен 0,98, что говорит об очень высокой степени сходства данных понятий в сознании респондентов. Респонденты плохо дифференцируют оценку политика как «политика» и как «человека», и личностные симпатии и антипатии проецируются на восприятие политика как профессионала. Как полагает Сидоренко, оценка политика напрямую зависит от субъективного отношения к нему (Сидоренко, 2002). На наш взгляд, речь идет о взаимосвязи личностных черт, атрибутируемых (приписываемых) политику, и оценка его деятельности как политического лидера должна идти не в терминах однонаправленной детерминации, а в рамках модели кольцевой каузальности. Анализируя матрицу расстояний, можно увидеть, что ближе всех к идеальному политику расположены Путин и Ширак, далее следуют Шредер и Блэр. Как видим, у российских респондентов (по крайней мере, для нашей выборки) прозападно-европейская ориентация. Дальше всех от «идеального политика» находятся Кучма и бен-Ладен. Последний наиболее далек и от «идеала человека». Если относительно «террориста номер один» все ясно и он к тому же не является политиком в традиционном понимании этого слова, то на негативную оценку Кучмы как политика, очевидно, оказали широко освещавшийся в российской прессе «кассетный скандал» и демонстрации протеста оппозиции.

Весьма далек от «идеального политика» и Буш-младший. Наиболее положительное отношение испытуемые проявили к Путину и Шираку как наиболее близким к «моему идеалу человека».

Папа Римский Иоанн Павел II ближе к «идеальному человеку», чем к «идеальному политику». А. Шарон оценивается как политик несколько выше, чем как человек.

Из того, что различия между понятиями «идеальный политик» и «мой идеал человека» незначимы, можно сделать вывод о том, что респонденты плохо дифференцируют профессиональные и личные качества политиков — возможно, в силу того, что оценивались политики, большинство которых не имеют прямого отношения к жизни респондентов. Не исключено, если бы это были отечественные политики, от профессионализма которых напрямую зависело бы благополучие опрашиваемых, то они в большей степени различали бы эти понятия. Атрибуция (приписывание) профессиональных и личностных качеств политиков, по-видимому, имеет кольцевую каузальность, когда исходя из оценки политической деятельности лидера (в первую очередь по отношению к России) ему приписываются положительные или негативные личностные качества, а личная симпатия или антипатия респондента влияют на оценку лидера как политика.

Заключение и выводы

Семантическое пространство имиджей международных политических лидеров (см. рис. 78, 79) включает следующие четыре фактора:

- Сторонник авторитарности <-> Демократ;
- Харизматичная личность <-> Временщик;
- Левые убеждения + хорошее отношение к России <-» Правые убеждения + религиозность;
- Прагматик <-> Фанатик.

Данные характеристики являются обобщенными инвариантами восприятия респондентами политических лидеров. Ряд полученных факторов воспроизводит результаты проведенных ранее исследований. Так, первый фактор «Сторонник авторитарности <-> Демократ» повторяет первый фактор «Демократические свободы <-» Тоталитаризм», выделенный Петренко и Митиной (Петренко, Митина, 1997) в исследовании динамики политического менталитета.

Второй выделенный фактор «Харизматичная личность <-> Временщик» близок по смыслу первому осгудовскому фактору «оценка», а также пятому фактору, выделенному Дубовым, «личное обаяние (располагающий <-> отталкивающий)» (Дубов, Пантелеев, 1992), и коррелирует с фактором «Сила эго», полученным Матвеевой и ее сотрудниками (Матвеева и др., 2001).

Третий фактор — «Левые убеждения + хорошее отношение к России <-> Правые убеждения + религиозность» — по содержанию близок третьему фактору, выявленному Петренко и Митиной, — «Коммунистическая идеология <-> плюрализм в идеологии и усиление роли религии» (Петренко, Митина, 1997). Показано, что исторический опыт опосредует восприятие политических лидеров в общественном сознании. Так, например, в третьем факторе получилась довольно интересная «склейка» признаков, где левые убеждения коррелируют с хорошим отношением к России. Видимо, это обусловлено инерционностью политических представлений, доставшихся от политики Советского Союза, поддерживавшего «левые» страны в борьбе против мирового

империализма (Куба, Северная Корея), из-за чего они воспринимались и продолжают восприниматься как дружественные. Также к влиянию исторического прошлого можно отнести и то, что «левым» противопоставлена религиозность.

Выявлена корреляция между восприятием политического лидера и отношением к России. Образ «идеального политика» связан в сознании респондентов с демократическими убеждениями.

Политическое сознание наших респондентов слабо дифференцирует личные и профессиональные характеристики политиков. Так, расстояния в семантическом пространстве от образов конкретных политиков до образа «идеального политика» и образа «идеального человека» практически совпадает. Коэффициент корреляции между ними составляет 0,98. При этом, с точки зрения наших респондентов, наиболее близок к позициям «идеального политика» и «идеального человека» нынешний президент России Путин. Высоко оцениваются также лидеры западных европейских демократий (Ширак, Шредер, Блэр). Вектор симпатии респондентов, таким образом, направлен в сторону западноевропейских демократий.

Позитивно оценивая факт симпатии россиян к своему президенту, оговорим при этом, что конечный вердикт значимости той или иной политической фигуры выносит история, которая полна прецедентов, когда восторженное отношение населения сменялось охлаждением даже к таким национальным лидерам демократических режимов, как генерал де Голль, не говоря уже о смене на диаметрально противоположное отношение граждан собственной страны по отношению к таким одиозным личностям, как Гитлер или Муссолини. Неоднозначность отношения россиян к образам Ленина и Сталина демонстрирует феномен значительного расхождения, дисперсии оценок российским населением их исторической роли. Среднегрупповая оценка (аналог «средней температуры пациентов в больнице»), упрощенно представленная в нашем исследовании (скорее с целью иллюстрации психосемантического анализа имиджа), явно не проходит к относительно политически неоднородной выборки респондентов. Последнее требует предварительной группировки (кластеризации или факторизации) респондентов по сходным политическим установкам (процедуры, детально описанной нами в книге «Психосемантический анализ динамики общественного сознания», в соавт. с О. В. Ми-тиной. М., 1997), и только после этого возможно проведение процедуры построения семантических пространств, отражающих политическую картину восприятия лидеров различно политически ориентированными слоями населения. То есть проведение анализа имиджей политических лидеров (продемонстрированное нами как иллюстрация психосемантического подхода) в более развернутом исследовании включает и ряд дополнительных построений, связанных с типологизаци-ей населения по политическому менталитету и проведением так называемого де-терминационного анализа для установления связи политического менталитета с социально-демографическими характеристиками населения. Эти аспекты также отражены в упомянутой книге (Петренко, Митина, 1997).

12.5. Язык метафоры в многомерном рейтинге лидеров (результаты психосемантического исследования)

Идея рейтинга политических лидеров принадлежит А. Брейну, который, как говорят, приходился племянником Зигмунду Фрейду. Так ли это — не знаю точно, но несомненно то, что на результаты рейтинга, помимо чисто политических пристра-

стий, персонификациями коих выступают политические лидеры, влияет множество психоаналитических аспектов их имиджей: возможность неосознанной проекции на лидера образа отца, мудрого и всезнающего; «старшего брата» в духе антиутопии Оруэлла, всегда готового покарать явных и скрытых врагов; представление лидера как героя-любовника (он такой милый, просто душка); возможность идентификации с лидером (он простой человек, он такой же, как я) и даже обожествление лидера («я себя под Лениным чищу»). Таким образом, на образ личности конкретного политического персонажа накладываются инфантильные, архетипические проекции самого респондента (избирателя), и, помимо его вполне осознанных политических убеждений, на принятие или отвержение той или иной персоналии влияет множество иных факторов, связанных с работой бессознательного. Роли психологического фактора в политике посвящены отечественные монографии Л. Гозмана, Е. Шестопал (1996), Д. Ольшанского (2001), В. Петренко, О. Митиной (1997), А. Юрьева (1992).

При этом, как показывают исследования А. Назаретяна (1986), в зависимости от политической зрелости личности и когнитивной сложности ее сознания, эти привходящие аспекты обладают

разной силой воздействия. Замечено, что субъект, обладающий высокой когнитивной сложностью, столкнувшись с диссонанс-ной информацией по поводу значимого для него события или личности, склонен к разрушению стереотипа и созданию объемного образа, тогда как у когнитивно простого субъекта в аналогичной ситуации стереотип не разрушается, а меняет модальность на противоположную: например, безусловно позитивное меняется на негативное «оказался тот отец не отцом, а сукою» (А. Галич).

В демократической процедуре выбора и в ее предварительном виртуальном варианте, рейтинге, присутствуют широкие возможности подмены свободного выражения, от жестких форм прямой фальсификации — «не важно, как голосуют, главное — кто подсчитывает» — изречение, приписываемое Сталину, до способов манипуляции общественным мнением, например введением в опросный лист двухслойного предложения, где к безусловно разделяемой респондентом первой части «пришивается» некое утверждение, на которое ангажированный исследователь хотел бы получить позитивный ответ. Например: «Хотели бы Вы жить в демократической стране (или в свободной демократической республике — возможны разные варианты), где...», а далее можно пристегнуть любое нужное утверждение. Этот прием широко используется в гипнозе, где, например, после утверждения: «чем более тяжелеют ваши руки» (что вызывается чисто физиологической причиной) — следует: «Тем более вы погружаетесь в сон»; «Вы смотрите мне в глаза, и у вас затуманивается сознание», «Чем выше поднимается, всплывает ваша рука, тем глубже вы погружаетесь в приятное гипнотическое состояние». Сходный прием использует и реклама: «Земля вертится — доказано Галилеем, надежная техника существует — доказано Занусси». Наш коллега гипнотерапевт В. Кучеренко называет этот прием, широко используемый суггестором в рамках «логики транса» М. Т. Орна, — приемом «ложной связки».

После этой преамбулы, посвященной проблемам манипулирования общественным мнением, обратимся к проблемам построения рейтинга в рамках исследования, проводимого неангажированным социологом. И здесь возможны различные варианты форм экспликации общественного мнения, благодаря которым са-

ма процедура проведения опроса влияет на полученный результат и, что более важно, через обратные связи «круговой каузальности» — на само общественное мнение. Социологам и психологам хорошо известен феномен «самореализующегося прогноза», когда предварительная гипотеза (прогноз, диагноз), будучи актуализированной, влияет на восприятие и осознание человека, а через них — на само его поведение (в том числе электоральное), определяя реализацию социального бытия.

Процедура оценки рейтинга того или иного лидера связана с прямым вопросом респонденту, за кого он собирается голосовать на выборах. Процент от общего числа репрезентативной выборки склоняющихся к выбору того или иного политического лидера считается рейтингом последнего. Этот социологический параметр, легко верифицируемый (проверяемый) результатами реальных выборов, считается также мерой политического веса, значимости того или иного политического лидера. Однако данный параметр учитывает только процент людей, поддерживающих данного кандидата, и не учитывает тех, кто активно отвергает этого кандидата. Нашей ближайшей истории известен случай, когда при иной процедуре голосования, как то было, например, на выборах в Верховный Совет РСФСР, когда учитывались голоса «против», известный российский лидер, наш бывший президент Борис Николаевич Ельцин, не набрал необходимого процента голосов, и только после того, как сибирский кандидат в депутаты Казанник добровольно снял свою кандидатуру в пользу Ельцина, последний прошел в депутаты, и вся наша новейшая история получила ту реализацию, которую она получила. Процедура голосования, описанная выше, явно давала преимущество малоизвестным фигурам, не имевшим ярко выраженного политического лица и соответственно политических противников. Этот пример свидетельствует о важности выбора самой процедуры голосования, а еще в большей мере о том, что политический вес того или иного лидера не исчерпывается только числом поданных за него голосов (реальных на выборах или виртуальных при процедуре построения рейтинга), но также процентом избирателей, активно не приемлющих этого лидера. Баланс голосов «за» и «против» характеризует меру консенсуса в обществе относительно лидера, и тонко чувствовавший его необходимость в обществе академик Д. С. Лихачев выразил это следующим образом: «Надо было изменить форму бюллетеней на предстоящих выборах президента России — против каждой фамилии кандидата ставить плюс и минус, "за" и "против", а потом из числа голосов, поданных "за", вычесть голоса, поданные "против"» (Коммерсант Daily. 1999. 1 окт.).

Я не призываю вслед за Дмитрием Сергеевичем менять процедуру голосования, ибо это требует взвешенного обсуждения политиков и политологов, а может быть, и специалистов в области математической статистики, но великий гуманитарий ощутил и сформулировал принцип иного построения рейтинга лидеров, который мы используем в рамках экспериментальной психосемантики.

В наших исследованиях респонденты оценивают имидж политического лидера по семибалльным шкалам (3; 2; 1; 0; -1; -2; -3), где наряду с оценками «я проголосовал бы за этого кандидата» присутствует возможность и негативной оценки.

Кроме того, помимо шкалы прямого предпочтения, присутствуют шкалы, оценивающие вероятность избрания того или иного лидера, — «рейтинг ожидания»,

а также шкалы, характеризующие компетентность этого лидера, его политические и экономические установки, его волевые и личностные качества, наличие в его команде квалифицированных специалистов, социально-демографические особенности его электората и т. п. Использование рейтинга ожидания в паре с «рейтингом выбора» позволяет дать более тонкую нюансировку имиджа лидеров, так как респондент может и не отдать свой голос самому предпочтительному для него кандидату, полагая низкой вероятность избрания последнего, и, желая, чтобы его голос не пропал, проголосовать за «меньшее зло».

Наличие множества шкал-характеристик дает возможность исследователю получить многомерный рейтинг политических лидеров, а учет не только голосов «за», но и «против», дает, на наш взгляд, более взвешенную оценку их авторитета в обществе, хотя и не верифицируемую непосредственными результатами голосования на выборах. Так, например, в нашем исследовании многомерного рейтинга в 1997 г., проведенном по указанной выше процедуре, на левом полюсе политического спектра лидировал Аман Тулеев (а отнюдь не имеющий более высокий социологический «рейтинг выбора» Геннадий Зюганов) как более приемлемая фигура не только для левого электората, но и для всего российского общества. Возможно, это связано, в частности, с интернациональной позицией Тулеева и национал-патриотическими установками Зюганова.

Проиллюстрируем принцип психосемантического построения многомерного рейтинга на шуточном примере оценки политических лидеров с помощью шкал-фразеологизмов русского языка. Использовались глагольные и именные фразеологизмы типа: «халиф на час», «ловит рыбу в мутной воде», «не из робкого десятка», «мастер на все руки», «светлая голова», «глас вопиющего в пустыне», «восходящая звезда» и т. п.

Особенностью фразеологизмов является их метафорический, образный характер, закрепленный во фразеологической идиоматичности. Метафоричность, лаконизм, эмоциональная образность и шутливый тон делают фразеологизм незаменимым средством описания и оценки человека, его внешности и поступков.

Как полагает исследователь фразеологизмов В. Н. Телия, «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет...» (Телия, 1996. С. 233).

Ниже приводятся результаты пилотажного исследования, проведенного с целью проиллюстрировать сам принцип построения многомерного рейтинга с помощью психосемантических методик (см. Kelly, 1955; Франселла, Баннистер, 1987; Петренко, 1983). Обратим ваше внимание на нерепрезентативность выборки, хотя с другой стороны — «сказка — ложь, да в ней намек».

Многомерный рейтинг-описание ряда российских политических лидеров с помощью метафор (2000-2001 гг.)

Процедура. Респонденты оценивали соответствие того или иного фразеологизма (как метафорической формы описания) образу того или иного политического ли-

дера, по градуальной семибалльной шкале (3; 2; 1; 0; -1; -2; -3), где «3» означает полное соответствие данной характеристики данному образу, «0» — отсутствие данного качества, а «-3» — наличие качества, полностью противоположного описываемому фразеологизмом.

Респонденты. Ниже мы приводим результаты двух «срезов» политического менталитета студентов-социологов (акцент на последнем слове позволяет рассматривать их отчасти как

экспертов), проведенных накануне президентских выборов 2000 г. (104 человека) и год спустя, т. е. в 2001 г. (100 человек).

В качестве объектов оценки выступали кандидаты в президенты на выборах 2000 г., а в 2001 г. — ряд российских лидеров различной политической ориентации (в том числе и те, кого оценивали ранее). Тем персоналиям политической жизни которые оценивались дважды, соответствуют две координатные точки в семантическом пространстве. Отрезок от первой до второй координатной точки образует вектор изменения имиджа политического лидера во времени.

Процедура обработки данных

Две среднегрупповые студенческие матрицы (2000 и 2001 гг.) объединялись в одну и подвергались процедуре факторного анализа с подпроцедурой поворота факторных структур по принципу *varimax* — использовался статистический пакет *SPSS.*

В результате факторного анализа было выделено 4 значимых фактора. Ниже даются факторные нагрузки фразеологизмов, входящих в выделенные факторы. Напомним, что они соответствуют проекции вектора-фразеологизма на ось выделенного фактора, что в содержательном плане показывает, насколько в данном фразеологизме присутствует смысл, содержащийся в факторе. Интерпретацию же фактор получает через выделение смыслового инварианта фразеологизмов, в него входящих. Знак факторной нагрузки содержательного смысла не имеет, а показывает, к какому полюсу (левому или правому) относится данный фразеологизм.

Первый фактор (34,1% общей дисперсии) включает на одном полюсе такие фразеологизмы, как:

За ним как за каменной стеной	-0,91
Рабочая лошадка	-0,90
Служит верой и правдой	-0,87
Большой корабль	-0,85
Восходящая звезда	-0,79
Светлая голова	-0,75
Бьется за правое дело	-0,73
Мастер на все руки	-0,68
Семь пядей во лбу	-0,63
Раз-два и в дамки	-0,62

Противоположный полюс фактора включает такие фразеологизмы, как: Строит воздушные замки 0,91

Шут гороховый	0,90
Лезет в волки, а хвост собачий	0,88

Вчерашний день
Бьет баклуши
Не ведает что творит
Витает в облаках
Не видит дальше своего носа
Халиф на час
Ловит рыбу в мутной воде
Иван Сусанин
Квасной патриот
Медный лоб
Колосс на глиняных ногах
Язык без костей
Змея подколодная
Голый король
Втирает очки
0,88 0,87 0,87 0,81 0,75 0,74 0,70 0,69 0,69 0,68 0,68 0,66 0,66 0,64 0,60

Содержание фразеологизмов, входящих в первый, самый мощный фактор, явно указывает на его оценочный характер, причем в положительных качествах явно преобладают деловые аспекты, в то время как отрицательный полюс вбирает в себя как низкие моральные качества, так и отсутствие целенаправленных действий. На положительном полюсе лидирует В. Путин, причем со значительным отрывом от других персоналий, увеличившимся за последний год. Положительно воспринимаются Касьянов, Лужков, Явлинский (несколько утративший свои позиции за последний год), а также Березовский (возможно, за счет чисто деловых качеств). Неделовыми

людьми или обладающими низкими моральными качествами студенты посчитали Жириновского, Баркашова и Зюганова.

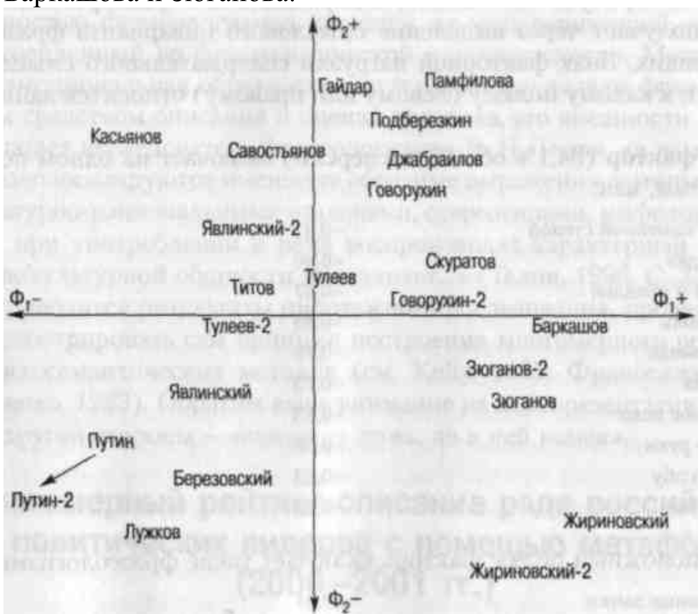

Рис. 80. Имиджи политических лидеров в семантическом пространстве фразеологизмов (ФьФг)

Второй фактор (27,1% общей дисперсии) содержит фразеологизмы:

Пальца в рот не клади	-0,92
Море по колено	-0,85
Не из робкого десятка	-0,85
Стреляный воробей	-0,83
Метает гром и молнии	-0,81
Тертый калач	-0,81
Берет быка за рога	-0,79
Гнет в дугу	-0,78
Упрям как баран	-0,74
Как сыр в масле катается	-0,69
Рубаха-парень	-0,67
Держит камень за пазухой	-0,67
Мастер на *все* руки	-0,66

Противоположный полюс фактора задан фразеологизмами:

Ни рыба ни мясо	0,85
Звезд с неба не хватает	0,65
Чист как ангел	0,64

Второй фактор, судя по содержанию фразеологизмов, отражает в метафорической форме «Силу эго» персоналий, их решительность, упрямство, опытность. Лидирует по этому фактору Жириновский. Но «крутыми» и опытными студенты считают Лужкова, Путина, Березовского и даже Явлинского и Зюганова, отказывая в этих качествах Памфиловой, Гайдару, Подберезкину, Касьянову.

Третий фактор (8,1 % общей дисперсии) включает фразеологизмы:

Волк в овечьей шкуре	-0,85
Держит камень за пазухой	-0,67
Змея подколодная	-0,65
Рыльце в пушку	-0,64

В оппозиции к:

Народный заступник	0,70
Душа нараспашку	0,70
Чист как ангел	0,43
Бьется за правое дело	0,43

Если первый фактор описывает в основном деловые характеристики лидеров, *то* третий фактор фиксирует в первую очередь их морально-нравственные качества.

Так, в роли «народных заступников» выступают в первую очередь Явлинский, Говорухин, Зюганов. Причем, позиции Зюганова за последний год, по оценкам наших респондентов, значительно сместились в положительном направлении. На негативном полюсе находятся Березовский, Джабраилов, Скуратов. Позиция Путина сместились за последний год с негативной на нейтральную.

Четвертый фактор (7,2 % общей дисперсии) включает фразеологизмы:

Медный лоб	0,60
Квасной патриот	0,60
Мечет громы и молнии	0,41

Рис. 81. Имиджи политических лидеров в семантическом пространстве фразеологизмов ($Ф_3$, $Ф_4$)

В оппозиции к:

Козел отпущения	-0,70
Семь пядей во лбу	-0,60
Светлая голова	-0,48

Содержание этого слабого фактора, очевидно, образует специфический конструкт, образованный противопоставлением «ура-патриотов» «козлам отпущения» — западникам. В роли последних выступают Е. Гайдар и Б. Березовский, а также, с меньшей нагрузкой, Г. Явлинский. В. Путин по этому измерению попадает в компанию с Г. Зюгановым. Однако, по сравнению с минувшим годом, имидж Путина значительно сдвинулся к центру. Да и замер проводился почти сразу после террористических событий 11 сентября в США, и последующий курс президента на сближение с Америкой еще не нашел отражения в общественном сознании.

Подводя итог проведенному исследованию, еще раз подчеркнем его поисковый, пилотный характер. Заведомо нерепрезентативная выборка не позволяет делать далеко идущих выводов о популярности тех или иных лидеров, но, полагаем, отражает некоторые тенденции.

Важно другое. Исследование явно продемонстрировало, что шутливая ирония, свойственная фразеологизму как малой форме фольклора, позволяет снять «социальную желательность», а его демократичность и понятность дает возможность использования метафорических характеристик при оценке политических лидеров для политически неискушенных слоев населения (например, молодежи или малообразованных сельских групп) или (при использовании национальных фразеологизмов) приблизить процедуру опроса к бытовому языку респондентов тех или иных этнических общин.

12.6. Кросс-конфессиональное исследование религиозной картины мира в контексте борьбы с терроризмом[1]

Настоящий текст представляет собой обсуждение проекта кросс-конфессионального исследования религиозных менталитетов и ценностных ориентации в контексте проблемы экстремизма и терроризма. События 11 сентября 2001 г. стали во многом переломным рубежом в истории человеческой цивилизации, обнаружив кризис системы ценностей и высветив проблему гуманитарной, культурной и религиозной идентичности. Известный, но опальный в советский

период историк Б. Ф. Поршнев как-то высказал парадоксальную мысль, что в истории человечества не существовало каннибализма (что, конечно же, противоречит известным фактам антропологической науки), так как те, кто пожирал, не воспринимали как людей тех, кого пожирали. Мысль Поршнева, очевидно, распространяется и на феномены геноцида и терроризма в силу того, что крайние националисты, сторонники классовых диктатур или религиозные фанатики, ответственные за экстремистские деяния, не рассматривают свои жертвы как рядоположных себе и своей культуре людей. Одним из аспектов, под которым может быть рассмотрена проблема геноцида и терроризма, является проблема самоидентичности личности террориста по национальным, клановым или религиозным основаниям, при отсутствии в его категоризации обобщений на основе общечеловеческих ценностей.

Терроризм и близкий к нему геноцид существовали и до XXI в., но ряд отличительных особенностей, которые будут рассмотрены ниже, позволяет рассматривать терроризм XXI в. именно как новообразование — своеобразную мутацию религиозного сознания и ценностных ориентации.

Большинство мировых религий формировались на базе преодоления родовых и клановых форм идентификации, и идея единого Бога подразумевала и единение человечества на основе религиозной веры. Христианский принцип «нет грека и нет иудея, а есть христианин» в иных формулировках присущ и буддизму, и исламу. Появление мировых религий было причиной и следствием образования огромных империй, государств, где сосуществование различных этнических групп осуществлялось (помимо принуждения силой) на основе общности религиозной веры и системы ценностей, диктуемых религиозной идеологией. Управление полиэтническими территориями, развитие экономики и торговли да и последовательная гуманизация человеческого духа вели к появлению «общечеловеческих ценностей», к осознанию человечеством себя как единого вида, имеющего «мировую историю», к появлению самого понятия «человечество», объединяющего людей вне зависимости от их расы, вероисповедания и национальности. Наконец, современная наука, развитие эволюционной биологии и генетики показывает наличие популяционного единства и общности генофонда, где болезни, активизировавшиеся на одном конце света, с легкостью переносятся современными транспортными средствами на другой.

Настоящий текст был представлен в форме доклада на конференции «Россия — НАТО» (Брюссель, 2002). В исследовании принимала участие А. И. Ярцева.

До 11 сентября акцент на безопасности в экономически развитых демократических странах делался на оборону страны от внешнего агрессора.

В XX в. символом военного могущества являлась атомная бомба, и обладание ядерным оружием казалось надежной гарантией военной безопасности страны. В России в шестидесятых годах прошлого века среди интеллигенции были популярны строчки поэта Б. Слуцкого: «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Современная энергоемкая цивилизация, иерархичность систем управления (когда малое воздействие может вызвать сбой всей системы, например электроснабжения или интернет-коммуникации), высокая плотность и мобильность населения (делающая особо опасным биотерроризм) и позволили «приватизировать» возможность масштабных разрушений малой группе (секте) людей или даже отдельному индивиду. Источником опасности становится больное сознание фанатика. Поэтому в плане обеспечения безопасности возрастает роль гуманитарных наук — от философии, психологии социологии, этнологии и этнографии, религиоведения, культурной антропологии до педагогики, этики и эстетики, призванных не только изучать сознание и культуру человека, но и формулировать и продвигать новые, в том числе футурологические, идеи бытия человека в усложняющемся мире.

Трагические события осени 2001 г., показавшие уязвимость для международного терроризма даже такого лидера западной цивилизации, как США, вызвали эмоциональный шок в мире не только в силу количества человеческих жертв и материальных разрушений. Был брошен вызов как ценностям демократии и открытого общества, так и ценностям религиозного сознания. Эти события отобразили цивилизационный разлом, предсказанный С. Хантингтоном (1995), и переструктурировали геополитическую карту мира. Шок от этих террористических актов был вызван и тем, что в новой и новейшей истории, по крайней мере большей части цивилизованного мира, вариативность системы ценностей и морали была ограничена достаточно широкими, но все же рамками так называемых общечеловеческих ценностей, представленных в эксплицитной форме, например декларацией прав человека. Согласно эволюционным моделям «большой истории» — «закон Седова» (см. Назаретян, 2002), сложно организованная система (коей

являются также и политические институты) может увеличивать «степени свободы» своего развития, только уменьшив их вариативность на низлежащих уровнях, проведя некую стандартизацию базовых форм организации. Развитие, например, биологического многообразия форм жизни связано с унификацией на клеточном уровне; развитие техники ведет к стандартизации требований к техническому продукту и т. д.

Стандартизация бытовых форм поведения в рамках человеческой культуры, появление политического и экономического права обеспечивают широту общения и свободу экономической деятельности. Некая стандартизация норм морали, общий базис явно или неявно заданных общечеловеческих ценностей позволял взаимодействовать различным цивилизациям в рамках единого мира. И этот базис был нарушен террористическими актами 11 сентября, продемонстрировав патогенную мутацию системы ценностей по крайней мере одной из культурно-религиозных составляющих мировой цивилизации.

Хотя терроризм как социальный и культурологический феномен имеет уже длительную историю (некоторые авторы рассматривают его уже на примере историй из Библии, хотя большинство датируют его появление XIX в.), террористические акты 11 сентября имеют ряд особенностей, в сумме позволяющих рассматривать их как некое новое образование, как некую патогенную мутацию культуры и религиозной идеологии. По моему мнению, это ряд следующих особенностей.

1. Акты направлены не на конкретную личность (как правило, политического лидера), а на мирное, непосредственно ни к чему не причастное население. Например, подрыв русскими народовольцами императора Александра II или подрыв индийского президента Ганди самоубийцей из организации «Тигры Тамил Илама» был направлен на конкретного человека, который, по мнению террористов, лично в чем-то виновен.

2. Акты анонимны, и никакая политическая организация не взяла на себя ответственность за их исполнение. Например, русские народовольцы или позднее эсеры, совершая террористический акт против конкретной персоны, не скрывались с места происшествия, стремясь превратить последующий суд в политический процесс.

3. Акты имели ярко выраженную окраску религиозного жертвоприношения, так как изначально включали и гибель самих террористов. Здесь явно отсутствовала личная родовая или кровная месть террористов жертвам. Террористы пользовались всеми правами гостеприимства подвергшегося атаке государства и даже обучались на его территории. Свершение террористического акта скорее диктовалось религиозными ветхозаветными мотивами в духе приношения Авраамом в жертву своего сына. Здесь же в роли «сына» выступали не многочисленные безвинные жертвы террора, а скорее сам террорист. Ислам, как большинство религий, отрицательно относится к самоубийству, однако «размен» собственной жизни на множество чужих может быть интерпретирован как «гибель в бою».

4. Впервые в качестве средства террористического акта использовались такие мирные, высокотехнологические и энергоемкие средства, как гражданская авиация. Сознательное использование сугубо мирных технологических достижений человечества для уничтожения себе подобных — своеобразное «ноу-хау» террористов.

5. Акты не были формой протеста против конкретного политического или военного события. По аналогии с институциональной рекламой, направленной на позиционирование не конкретного товара, а на позиционирование некоего стиля жизни, можно говорить об «институциональном терроризме», направленном против некоей системы ценностей, а именно — американского образа жизни (символом которого выступали башни-близнецы Всемирного торгового центра и Пентагон) или, шире, — европейско-американской цивилизации.

В наших посылках мы исходим из того, что террористические акты 11 сентября идеологически являются патогенной мутацией ислама, который как одна из мировых религий содержит в своей основе некие общечеловеческие ценности,

и что мутация может произойти и в рамках иного религиозного или квазирелигиозного сознания. Яркий пример такой мутации — религиозная секта «Аум Сен-рикё» (адепты которой свершили ряд террористических актов в токийском метро), базировавшаяся в своей идеологической основе (по крайней мере, декларативно) на вполне миролюбивом буддизме.

Для противодействия группам религиозных фанатиков и идеологических экстремистов с позиций свободного и открытого демократического общества важна реконструкция картины мира

экстремистов и, в частности, их системы ценностей. Внутри любой религии и идеологии есть полярные полюса, и поиск идейного «противоядия» религиозному экстремизму возможен внутри самой религиозной конфессии.

Обоснование программы исследования

В российской психологической науке активно разрабатывается экспериментальная психосемантика (Петренко, 1982, 1988, 1997), истоки которой восходят к теории личностных конструктов Дж. Келли и исследованиям семантических пространств Ч. Осгуда. Мы используем технику построения семантических пространств для анализа политического или этнического менталитета, описываем динамику изменения общественного сознания через анализ трансформации семантических пространств, строим типологию респондентов, политических партий или этнических культур через сходство их семантических пространств, и наконец, используя детерминационный анализ, разработанный российским математиком С. Чесноковым (1982), выделяем характеристики респондентов (или детерминанты), определяющие их принадлежность к тому или иному типу менталитета, к той или иной картине мира. В наших предыдущих исследованиях этнического и политического менталитета россиян (Петренко, Митина, 1997; Petren-ko, Mitina, 1985, 1997, 2001) предлагаются методы и техники анализа общественного сознания и экстраполяции его динамики. В этих работах хотя специально и не ставилась задача исследования религиозного сознания россиян и их отношения к религии, тем не менее был получен ряд интересных фактов относительно религиозной составляющей жизни общества. Так, при исследовании отношения россиян к экономической и политической реформе, при сопоставлении различных социальных институтов по их морально-нравственной позиции проявился (относительно слабый) фактор религиозного сознания, в частности влияния Русской православной церкви на российское политическое пространство. В исследовании геополитических представлений россиян (Petrenko, Mitina, Bertnikov, 2003) при восприятии зарубежных стран российскими гражданами также присутствует фактор религиозности населения этих стран. То есть анализ современного менталитета и политического сознания россиян неизбежно выводит на тематику религиозного сознания и конфессиональных установок.

Основная цель исследования — кросс-конфессиональное исследование системы ценностей, имплицитно присущих распространенным в России религиям, и определение духовной близости к ним россиян. Методами психосемантики, близкими к методу репертуарных решеток Дж. Келли, семантическому дифференциалу Ч. Осгуда и Q-сортировке, на материале нескольких сот фрагментов религиозных канонических текстов, содержащих некие ценностные установки (православие,

католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм, ислам, индуизм (в форме учения кришнаитов), а также текстов таких идеологий, как коммунизм и фашизм (претендовавших в XX в. на статус квазирелигий), основываясь на результатах оценок этих текстов представителями указанных выше религий, построить многомерное аксиологическое семантическое пространство, которое будет отражать ценностные установки этих религий. Базовое семантическое пространство предполагается построить на основе оценок этих текстовых фрагментов носителями культа (священниками, пасторами, ламами, раввинами, муфтиями, а также коммунистами и крайними националистами), где последующая факторизация базы данных позволит выделить категориальную структуру аксиологического пространства, а размещение конфессий и квазирелигий внутри этого многомерного пространства позволит выявить сходство и различие конфессий и идеологий по разнообразным ценностным аспектам бытия и веры. Проводя затем опрос населения по тем же дескрипторам, что и носителей культа, и проецируя позиции населения различных российских областей и национальных регионов на базовое семантическое пространство ценностей, предполагается определить «плотность» паствы (приверженцев) тех или иных религий и идеологий и определить духовное состояние российского общества и его отдельных регионов, а также проанализировать толерантность и веротерпимость различных слоев населения.

Это будущее исследование религиозного сознания предполагает использование уже апробированных при анализе этнического и политического сознания психосемантических методик применительно к представлению российских граждан (как верующих, так и неверующих, и как русских, так и представителей других национальных групп, являющихся гражданами Российской Федерации).

Мы полагаем, что по первым, ведущим факторам позиции религий в базовом аксиологическом семантическом пространстве будут сходны для различных конфессий и противопоставлены как

обыденному сознанию неверующих, так и тоталитарным идеологиям, что будет подтверждать духовную близость мировых религий.

Естественно также ожидать духовную близость православия, католицизма и протестантизма как христианских конфессий, а также их генетическую связь с иудаизмом в рамках иудейско-христианской культуры.

Можно предположить также уплощенность аксиологических семантических пространств для религиозных фанатиков и носителей тоталитарных идеологий (меньшую когнитивную сложность), их «черно-белое» (манихейское) сознание.

Задачи исследования включают:

1. Кросс-конфессиональное исследование ценностных установок, включающее построение базового аксиологического семантического пространства, на основе оценок служителями культа (православными, католическими священниками, протестантскими пасторами, мусульманскими муллами и муфтиями, буддийскими ламами, иудаистскими раввинами, индуистскими священнослужителями) фрагментов канонических текстов различных религий и ряда идеологий (коммунизма и фашизма — в роли носителей последнего выступают крайние националистические группировки). Матрицы данных будут подвергнуты процедуре факторного и кластерного анализа для выделения категориальной структуры мировосприятия каждой рели-

гии. Реконструкция позиций различных религий в базовом многомерном пространстве ценностей позволит сопоставить сходство и различие ценностных установок различных конфессий, что позволит выделить как общечеловеческие ценности (в форме инвариантов), так и специфику различных религий, понимание которой необходимо для ведения конструктивного межконфессионального диалога и взаимодействия различных культур.

2. Определение нравственно-ценностных установок населения России, различных регионов и национальных республик путем проекции позиций населения (в результате шкалирования респондентами тех же фрагментов канонических текстов, которые предлагались носителям культа) на базовое аксиологическое семантическое пространство. Скопление «облака» респондентов около той или иной конфессии или идеологии показывает плотность сторонников («паствы») религии или электората (в случае идеологии).

3. Определение социально-демографических детерминант принадлежности той или иной конфессии или идеологии. Применение разработанного российским математиком С. Чесноковым «детерминационного анализа» позволит определить возрастной, социальный и национальный состав представителей тех или иных конфессий и идеологий.

4. Исследование религиозных и идеологических корней фанатизма и экстремизма. Это факультативная задача, так как ее выполнение, в частности работа с представителями экстремистских групп и религиозных фанатиков, требует особого опыта и, конечно, работы с особым типом респондентов, носителей этого фанатического менталитета. И в нашем исследовании мы собираемся только наметить методические пути и подходы к исследованию тоталитарного сознания и религиозного экстремизма.

Пилотажное исследование представлений россиян о ценностных ориентациях мировых религий

В качестве примера и иллюстрации реализации психосемантического подхода к анализу ценностных установок можно привести наше пилотажное исследование, проведенное на 200 респондентах.

Все респонденты имели высшее образование и согласились принять участие в трудоемком исследовании, так как проявили интерес к религиозной проблематике. В этом пилотажном исследовании респонденты заполняли так называемые рефлексивные матрицы, т. е. отвечали, в терминологии Дж. Келли, с ролевой позиции «православного», «католика», «буддиста», «кришнаита», «иудаиста», «мусульманина», а также собственной позиции «я-сам» обычного человека (как говорят, «человека с улицы»), коммуниста и фашиста.

Пилотажное исследование, конечно же, не отражает «объективную» позицию религий по предложенным дескрипторам, а соответствует представлениям об этих религиях российских респондентов. Более объективную позицию религий по кругу анализируемых проблем мы получим, проведя (о чем писали выше) основное исследование, в котором в роли респондентов будут выступать непосред-

ственно носители религиозного менталитета (священники, муллы, раввины, ламы и т. д.)

Таким образом, речь идет о представлениях респондентов относительно этих ролевых позиций (или, в терминах С. Московичи (1998) — «социальных репрезентаций»). Пилотажное исследование, помимо задач апробации списка ценностных суждений, имеет для психолога и самостоятельную ценность — как исследование представлений населения о тех или иных религиозных конфессиях и идеологиях.

В качестве метода использовалось построение семантических пространств на материале фрагментов религиозных текстов, содержащих некоторые ценностные или нормативные суждения. Наряду с фрагментами религиозных текстов (Ветхого и Нового Заветов, Бхагават-Гиты, мусульманских Хадис, Корана, Исхода иу-даистов) использовались тексты коммунистической и фашистской идеологий, претендовавших в XX в. на роль квазирелигий.

Процедура опроса. Респондентам предъявлялись эти тексты или суждения, и их просили выразить свое согласие или несогласие с ними по градуальной семибалльной шкале (от +3 при полном согласии до -3 при полном несогласии).

Всего было 160 различных религиозных или идеологических суждений. Респондентам не сообщался источник данных суждений, хотя, конечно, некоторые суждения были им знакомы.

Обработка данных. Полученные индивидуальные матрицы данных размерностью 10 ролевых позиций на 160 суждений (или дескрипторов) суммировались в групповую матрицу, которая далее подвергалась процедуре факторного анализа. Использовался статистический пакет SPSS.

В результате факторного анализа было выделено 4 фактора, объясняющих 42; 27; 8; и 6 процентов общей дисперсии.

Первый фактор включал на одном полюсе такие суждения. Не убивай (Исход).

Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас (Евангелие от Матфея).

Никогда в мире ненависть не прекратится ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она (Джаммапада).

Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (Евангелие от Матфея). Войну нельзя вести ради захвата территории (мусульманские Хадисы) и т. д.

Противоположный полюс фактора образовывали суждения следующего типа. Недостойным нам представляется тот, кто лишен способности мстить (Ницше). Кто хочет жить, тот должен бороться, а кто не хочет участвовать в драке, тот не заслуживает права на жизнь (Гитлер).

Более сильный должен властвовать над более слабым (Гитлер). Каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление (Второзаконие). Душа за душу, и око за око, и ухо за ухо, и зуб за зуб, и раны — отмщение (Коран). Даже если человек совершает самые дурные поступки, но занят чистым преданным служением, следует считать его праведником, ибо он на верном пути (Бхагават-Гита) и т. д.

Интерпретируя содержание этого фактора, можно отметить, что на его первом полюсе сосредоточены суждения, фиксирующие запрет на причинение насилия даже из самых благих побуждений. Многие из этих суждений начинаются через отрицание «Не» как отрицание деяний, приносящих кому-то вред, или даже са-

мих мыслей о потенциальном вреде. В наиболее сильной форме отрицание ненависти и мести сменяется на требование любви даже к врагу.

Противоположный полюс фактора содержит суждения, принадлежащие в основном Ницше и Гитлеру, фиксирующие право сильного. Сюда же вошли суждения из Ветхого Завета и Корана о праве на равное воздаяние.

Рассмотрим размещение образов религий в семантическом пространстве (рис. 82). С точки зрения наших респондентов, христианство, буддизм, кришнаизм проповедуют всепрощение, терпимость, непричинение вреда даже ради благих целей.

Потакание своим желаниям Рис. 82. Аксиологическое семантическое пространство (Фь $Ф_2$)

Крайнюю позицию на противоположном полюсе заняли представления о фашизме. Известно, что фашисты стремились утвердить свое расовое превосходство любой ценой, включая геноцид. Близки по этому фактору и представления респондентов о коммунизме, практиковавшем геноцид не на расовых, а на классовых основаниях. Таким образом, вполне логична оппозиция представлений о «религиях» представлениям об «идеологиях». Исключение составляет представление об исламе, находящемся в аксиологическом пространстве в некоторой оппозиции к прочим религиям. Это может быть объяснено и более жесткой, нормативной позицией ислама и тем, что, по крайней мере, для части наших респондентов ислам ассоциируется с фундаментализмом и негативными переживаниями, связанными с войной в Чечне. На нейтральной позиции по этому фактору оказались представления об иудаизме, что может быть объяснено плохой информированностью об этой религии. Практически нейтральна по этому фактору и ролевая позиция «обычный человек», в то время как позиция «я сам» несколько сдвинута в сторону терпимости.

Итак, первый фактор был интерпретирован как *«Запрет на насилие* о *Насилие дозволительно ради благих намерений {или "цель оправдывает средства")»-*

Второй фактор включал суждения следующего типа.

Даров не принимай (Исход).

Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижается, тот возвысится (Евангелие от Матфея).

Нет мира тому, кто стремится удовлетворить свои желания (Бхагават-Гпта).

Корень всех зол есть сребролюбие (Первое послание к Тимофею). Богатство порождает неумеренные желания (Ислам Наджул Балагха). Вино и азартная игра — великий грех (Коран).

Хочешь жить спокойно и свободно — отлучай себя от того, без чего можешь обойтись (Л. Н. Толстой). Гибели предшествует гордость и падению — надменность (Книга притчей Соломоновых) и т. д.

Противоположный полюс фактора включает такие утверждения.

Следуй за своими страстными желаниями, будь они самыми хорошими или самыми плохими (Ницше).

Дурные инстинкты столь же целесообразны, сколь же полезны для сохранения вида (Ницше) и т. д.

Содержание второго фактора может быть выражено, как «Требование к ограничению своих страстей и желаний <-» Потакание своим желаниям». Практически все религии требуют самоограничения и смирения (см. рис. 82). На противоположном полюсе фактора находятся позиции «я сам» и «обычный человек». Религия задает некий идеал, то, к чему следует стремиться, обычный же человек подвержен страстям, гордыне, плотским желаниям и влечениям.

Коммунистическая идеология так же требует некоторого ограничения (принцип: «общественное выше личного»), фашизм же, в представлениях респондентов, нейтрален по этому фактору.

Третий фактор включал суждения, фиксирующие оппозицию «Жесткая нормативность поведения <-> Возможность выбора».

Жестко нормативным суждениям типа: Вору и воровке нужно отсекать руки в воздаяние за то, что они приобрели (Коран). За все грехи и прегрешения женщин отвечает мужчина (Ницше). Вино и

азартная игра — великий грех (Коран). Людям нельзя употреблять мясо животных (Бхагават-Гита) и т. д.
противостоят суждения, оставляющие право выбора за самим человеком:
Когда только пожелает душа твоя, можешь заколоть и есть мясо (Второзаконие). Церковная вера — есть рабство (Л. Н. Толстой) и т. п.
По третьему фактору иудаизм и мусульманство как строго нормативные религии оказались противопоставлены христианству (православию и католицизму) как допускающему большую свободу в выборе деяний, а также позиции коммунизма, проповедовавшего примат сознательного выбора (рис. 83).
Слабый четвертый фактор включал суждения, фиксирующие иллюзорность бытия и примат индивидуализма (своеобразный нравственный солипсизм): Кто смотрит на мир как на мираж, того не видит царь смерти (Дхаммапада). Жить — значит постоянно отталкивать от себя то, что должно умереть (Ницше).
Противоположный полюс фактора задан суждениями, подчеркивающими включенность человека в мир людей.
Счастье свое человек находит только в служении близким (Л. Н. Толстой). Вера без дел мертва (Библия) и т. п.
По четвертому фактору буддисты и кришнаиты (как индивидуалистические религии) наиболее противопоставлены христианству, также исламу и иудаизму, при нейтральных ролевых позициях «я сам», «обычный человек», «коммунист» (см. рис. 83). Понятно, что царство любой мировой религии «не от мира сего», но

Рис. 83. Аксиологическое семантическое пространство ($Ф_3$, $Ф_4$)
в то же время христианство, особенно в его протестантском крыле, полагает человека лично ответственным за благие или греховные поступки и, исповедуя тезис «вера без дел мертва», ориентирует человека на богоугодные дела в миру. Буддизму же с его медитативной практикой измененных состояний сознания и философией недеяния принадлежит идея Сансары — иллюзорности бытия.
Четвертый фактор может быть интерпретирован как «Иллюзорность бытия <-> Включенность в бытие, в мир людей».
Напомним, что эти результаты отражают ментальное пространство религиозных представлений именно наших респондентов и не претендуют на глубокий религиоведческий анализ. В настоящее время, как уже говорилось ранее, нами ставится задача анкетирования непосредственных, так сказать, профессиональных носителей той или иной религиозной картины мира: православных и католических священников, мулл, раввинов, лам, протестантских пасторов, а также убежденных носителей двух анализируемых идеологий (коммунизма и фашизма). Построение семантических пространств на базе оценок суждений, произведенных этими носителями религиозной культуры, даст более объективную позицию религиозных конфессий в многомерном аксиологическом пространстве религиозной мысли, а проекция в это пространство позиций населения (на основе опроса «людей с улицы») позволит определить ценностные ориентации населения, близость картины мира населения к тем или иным религиозным конфессиям и идеологиям.
Результаты исследования позволят более полно охватить картину религиозного самосознания россиян, при этом как бы «изнутри» самого этого сознания. Если при социологических опросах о

конфессиональной принадлежности фиксируется чисто осознанная реакция респондентов на вопросы, включающая и «социальную желательность», и демонстрацию своей национальной принадлежности, и конформистское следование чисто обрядовой составляющей, то психосемантический анализ отношения к каноническим текстам позволяет понять глубинные религиозно-нравственные установки личности, по духу, а не по форме, ориентированной на религиозные ценности. Таким образом, можно приблизительно опре-

делить процент людей, считающих себя верующими и являющихся таковыми, и процент людей, только провозглашающих себя оными, а также людей, близких той или иной конфессии по своим глубинным нравственным установкам.

Применительно же к факультативной задаче — *исследованию религиозных и идеологических корней фанатизма и экстремизма* — для выявления позиций экстремистов в аксиологическом пространстве (семантическом пространстве ценностей) необходимо проведение опроса самих экстремистов. Ценностные ориентации экстремистов и соответственно их позиции в аксиологическом цространстве позволят четче понять картину мира этих людей. Речь, конечно, не идет о психодиагностической методике, позволяющей выявить «террористическую менталь-ность» и дать спецслужбам средство контроля в духе «полиции мысли» Дж. Ору-элла. Рефлексирующий субъект, не желающий демонстрации своих установок, в состоянии имитировать социально желательные позиции. Но как для выработки вакцины против опасного вируса необходимо выделить в чистом виде сам этот возбудитель, так и для построения контрпропаганды и идеологического противостояния экстремизму необходимо реконструировать его идеологемы. Эту задачу и призвано решить психосемантическое исследование.

Наконец, данные относительно позиции различных религий в аксиологическом семантическом пространстве будут способствовать лучшему пониманию позиций этих религий в межконфессиональном диалоге.

Заключение

Позволим себе подвести некоторый итог и наметить дальнейшие перспективы. Немецкие романтики Шлегель, Навалис затронули некий архетипический образ познания, говоря о том, что человечество пишет одну-единственную книгу (подразумевается Библия. — *В. П.),* и эта книга еще не закончена. Так и автор сего опуса всю свою жизнь пишет фактически одну книгу (хотя физически уже вышло пять монографий), развивая психосемантический подход и расширяя область его приложения. Начав этот марафон на факультете психологии МГУ с курсовой первого года обучения на тему «Отличие понятия "понятия" от понятия "значения"», я искал и в психологии, и в лингвистике методы анализа значения, этого узла, связующего, по мысли Л. С. Выготского, общение и обобщение и выступающего, согласно А. Н. Леонтьеву, образующей сознания. Выйдя на методы анализа значения через построение семантических пространств — проблематику, идущую от работ Ч. Осгуда и Дж. Келли, — я последовательно развивал этот подход, назвав его, совместно с А. Г. Шмелевым, — психосемантическим. От проблемы «значения» как от главной почки разрасталось мое «древо познания» (еще один архетипический образ), где новые главы как новые ветви питали и укрепляли древо, а новое содержание образовывало новые годовые кольца. Выдвинув сильный тезис: «образ как перцептивное высказывание» о мире, я пытался использовать структурные методы и понятия лингвистики для описания актуал-генеза восприятия — тематика, которая в наибольшей мере была представлена в 1970-х гг. в *alma mater* — факультете психологии Московского государственного университета! Затем область моих интересов в рамках психосемантического подхода последовательно смещалась к психологии сознания и личности.

Экспансия психосемантики (в нашем исполнении) в новые области может вызвать у читателя впечатление чисто экстенсивного движения по рельсам наезженных методик, хотя такие методы, как психосемантический метод «множественной идентификации», метод «атрибуции мотивов», метод построения семантических пространств политических партий, являются моим «ноу хау», не сводимым ни к методике семантического дифференциала Осгуда, ни к репертуарным решеткам Келли. Общим для этих методик является переход от шкалирования понятий или «ролевых позиций» к оценке суждений или поступков, взятых непосредственно из социального, политического дискурса или ткани художественного произведения. В наших методиках испытуемые (респонденты) совершают иную и часто более сложную деятельность, чем оценка личностных качеств у тех или иных ролевых позиций. Так, в методе атрибуции мотивов респонденты выносят суждения о том, насколько каждый мотив из предложенного списка может

быть причиной того или иного поступка; в методе «множественных идентификаций» испытуемый оценивает то, насколько данной ролевой позиции свойственно то или иное поведение; в методике построения семантического пространства политических пар-

тий респонденты (члены тех или иных партий) соглашаются или не соглашаются с декларациями, фрагментами политических программ или выступлениями лидеров различных партий; в методе анализа политического менталитета путем построения атрибутивных матриц по принципу «если — то» описывают возможные последствия политических решений или уже произошедших событий. Наши методы подразумевают необходимость реконструкции чужого ментального пространства и собственного (если используются для анализа самосознания), хотя, конечно, реконструкция чужой ментальное™ в практике рациональнрй психотерапии присутствовала и у Келли в рамках теории личностных конструктов. Интересно отметить, что Дж. Келли был в 1966 г. на Международном психологическом конгрессе в Москве и соответственно выступал с докладом, но это не было замечено должным образом и, к сожалению, не стало событием в истории советской психологии. И дело тут не только в новизне (на то время) и сложности математического аппарата, им используемого (факторный анализ в конце шестидесятых уже успешно применялся в работах Небылицина по выделению типов нервной системы). Сама проблематика изучения личности и более узко — динамики менталитета (личностных конструктов) в ходе психотерапии пациента была нова для советской психологии, чье развитие в этой области было остановлено и ограничено внешними для логики развития науки воздействиями тоталитарной идеологии. Действительно, идеи конструктивизма и множественность возможных индивидуальных моделей мира плохо согласовывалось с «ленинской теорией отражения», подразумевающей одну-единственную истину.

Потребовались годы и даже десятилетия «догоняющего развития», чтобы проблематика психосемантики заняла должное место в отечественной науке. Лично для меня это было последовательное движение к все более социально и духовно значимым областям общественного сознания: этно- и кросс-культурной психологии, психологии искусства, политической психологии, наконец (новой для меня области), религиозной психологии, изучение которых становилось возможным по мере отступления идеологического ледника.

Дальнейшее развитие психосемантики, на мой взгляд, необходимым образом требует новых философско-методологических идей в области теории познания и эпистомологии «достаточно безумных, чтобы быть правильными», нового союза с возрожденной философией. В методическом плане психосемантика нуждается в дальнейшем развитии математического инструментария по построению семантических пространств. Некоторые новшества уже существуют и только нуждаются в адаптации к психологическим нуждам. Так, наряду с евклидовой метрикой, для эмоционально насыщенных и аффективно заряженных семантических областей разумно использовать и неевклидовые метрики. Эмоции, аффекты как мощные гравитационные массы искривляют пространство и в пределе разрывают ассоциативные связи, инкапсулируя аффективные области. Для описания негомогенной вселенной сознания, удивительным образом напоминающей космологию, необходимо «поженить» математические разделы топологии и многомерной статистики. Наряду с обычным (эксплораторным) факторным анализом используется конфирматорный факторный анализ, позволяющий статистическую верификацию априорно заданной структуры изучаемой семантической области. Появились статистические пакеты, содержащие, наряду с другими новшествами, программы конфирматорного анализа *(EQS, Lisrel, Amos).* Современная многомерная

статистика, имея дело с трехмерной базой данных (объекты — шкалы, или дескрипторы, — испытуемые, или респонденты), при математической обработке данных оперирует двухмерными матрицами, уплощая одну из трех переменных (степеней свободы), сводя ее к средним значениям по этой переменной. При этом естественно теряется часть информации. Необходима и уже ведется разработка математического аппарата для обработки куба данных. Под эту задачу возможна и некая модификация тензорного анализа.

Семантические пространства выступают операциональными моделями категориальных структур сознания, давая его синхронический срез. Анри Бергсон в «Творческой эволюции» сравнивал рациональное познание с серией мгновенных фотографий, не способных описать «живое движение». Яркий пример — описание динамики процесса через серию синхронических срезов — дают лонгитюды в исследовании генезиса интеллекта у Пиаже. В нашей с О. В. Митиной работе

(Петренко, Митина, 1997) делалась попытка описания динамики общественного сознания с помощью разностных дифференциальных уравнений, а также, используя модели, принятые в синергетике, определялись области динамического равновесия как зоны достижения возможного консенсуса в обществе. Эти первые шаги в описании динамики менталитета общества нуждаются как в поиске адекватного математического языка для описания, так и в разработке новых форм модельной репрезентации динамических процессов. Возможно, что одним из рабочих инструментов для решения этих задач станет, в частности, и аппарат временных рядов, уже используемый в исторической науке и экономике.

Психосемантика, как следует уже из ее названия, используя базовую пространственную метафору, дает различные методы анализа и формы представления (репрезентации) семантических связей и позволяет определить сходства/различие лексических единиц, фрагментов текста, касающихся описания различных форм психической жизни и деятельности, т. е., в терминах лингвистики, неких парадигматических отношений, через их метрические расстояния в семантических пространствах. Чтобы стать полноценным «искусственным языком» смысла для описания психических реалий и, в частности, для того, чтобы создать психосемантическую модель порождения речевого высказывания и выйти на тесно связанную с речью проблематику мышления, психосематический подход нуждается в разработке глубинного синтаксиса — форм отношений между коннотатив-ными значениями. Разработка этого глубинного синтаксиса уже велась в рамках теории падежной грамматики Дж. Филмора, лексической семантики Ю. Д. Апресяна, модели «Смысл—Текст» И. А. Мельчука. В рамках последней модели содержание (смысл) текста описывалось как связный ориентированный семантический граф, узлы которого помечены базисными понятиями, а ребра фиксируют базисные отношения (обобщенные предикаты), задающие глубинный синтаксис. Модель Мельчука как, на наш взгляд, наиболее перспективная модель описания смысла основана на лингвистической компетенции (своеобразной «лингвистической интроспекции») самого автора и могла бы быть дополнена методами выделения семантических связей «в режиме употребления», а не интроспекции, используемых в психосемантике, не требующих рефлексии от респондентов и работающих и на неосознанных уровнях картины мира субъекта. Или же психосемантика должна быть дополнена лексическими функциями модели «Смысл—Текст», описывающими формы отношений между значениями. В любом случае речь идет

о взаимодействии и взаимодополнении двух подходов. Но и здесь не все так просто. Модель «Смысл—Текст», другие модели структурной лингвистики хорошо отображают содержание текстов, описывающих действия субъекта в физическом мире, и мало разработаны относительно деятельности в ментальной плоскости, в области самосознания, рефлексии, описания общения людей и т. п., так как лингвистика не имеет (да это и не ее предмет науки) теории ментальных предикатов, описывающих умственные действия, умственную деятельность. И здесь мы вступаем в область психологической теории деятельности, остро нуждающуюся в дальнейшей разработке и детализации. Круг замкнулся, и дальнейшее развитие психосемантики обусловлено разработкой исконно психологических проблем психологии сознания, разработкой новых концептов субъекта бытия, моделей мира, психологической причинности, жизненного пути личности, проблемы судьбы и т. п. Требуется не просто собирание эмпирии в рамках сложившихся теорий, а создание принципиально новых парадигм (в терминах Куна), новых концептов (в терминах Дариды), не только описывающих, но и по принципу «кольцевой причинности» участвующих в создании (конструировании) все более усложняющегося мира. И да осилит дорогу идущий!

Литература

Абашкина Е. Б., Косолапова Ю. Н. О теориях лидерства в современной политической психологии // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 4.

Абульханова К. А., Воловикова М. И., Елисеев В. А. Проблемы исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. 1991. № 4.

Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М., 1999.

Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1.

Айвазян С. А., Бежаева 3. И., Староверов О. В. Классификация многомерных наблюдений. М., 1974.

Айтматов Ч. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981.

Аллахвердов В. М. Психология искусства. СПб., 2001.
Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001.
Андреева Г. М. Процессы каузальной атрибуции в межличностном восприятии // Вопросы психологии. 1979. № 6.
Андреева!. М. Социальная психология. М., 1998.
Анохин П. К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 7.
Анциферова Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. № 2.
Анциферова Л. И. Теория интеллектуальных операций О. Зельца // Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М, 1966
Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995.
Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М, 1967.
Аргайл М. Психология счастья/ Пер. с англ. М., 1990.
Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.
Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
Артемьева Е. Ю. Семантические измерения как модели // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. № 1. С. 61-72.
Артюхов С. М. Экспериментальное исследование экспрессивных факторов при восприятии человека человеком: Дипломная работа. М., 1980.
Арутюнова Н. Д. Глагол *видеть* в функции предиката пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом или лингвистическом аспекте. М., 1987.
Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М, 1979.
Асмолов А. Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 1986. № 1. *Асмолов А. Г.* Психология личности. М., 1990. *Ауэзов М.* Лихая година // Новый мир. 1972. № 6. *Багрицкий"Э. Г.* Стихи и поэмы. М, 1956. *Бажин Е. Ф., Эткинд А. М.* Личностный дифференциал. Методическая рекомендация. Л., 1983.

Байбурин А. Г. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2. *Баллы Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. *Баллы Ш.* Французская стилистика. М, 1961. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
Битов В. И., Жбанов В. И., Радын В. Я. Оценка дорожных знаков по семантическим признакам // Техническая эстетика. 1977. № 3.
Бахтын М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
Бахтын М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура. М., 1990.
Бахтын М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
Бахур В. Т. О нейрофизиологических механизмах собственного «я» // Вопросы психологии. 1980. №5.
Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
Белановскый С. А. Метод фокус-групп. М, 2001.
Бердныков К. В., Петренко В. Ф. Цвет в поэзии С. Есенина и А. Блока как проекция их жизненного пути и творчества // Творчество в искусстве — искусство творчества. М., 2000.
Берлызон С. Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении // Семантическая структура слова и фразеологизма. Рязань, 1980.
Бернштейи Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
Бернштеын Н. А. Пути и задачи физиологии активности // Вопросы философии. 1961. № 6.
Бжезынскый 3. Великая шахматная доска. М,, 1998.
Бжезынский 3. Я не считаю, что нынешняя Россия распадется на несколько государств (Интервью по поводу книги «Великая шахматная доска») // Независимая газета. 1998. 31 декабря.
Блажное Е. А. Имидж: секрет воздействия // Журналист. 1994. № 1.
Блынныкова И. В. Зрительный и пространственный опыт в мысленных репрезентациях // Психологический журнал. 1998. *№* 1.
Блондель Ж. Политическое лидерство. М, 1992.
Бовын А. Евразия: миф и реальность // Известия. 1998. 17 декабря.

Богомолова Н. Н., Фоломеева Т. В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М, 1997.
Богоявленская Д. Б. Пути исследования художественного творчества // Психология искусства. Самара, 2002. Т. 3, ч. 1.'
Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. Л., 1965.
Бодалев А. А. Исследование гностических характеристик общения в зарубежной психологии // Зарубежные исследования по психологии познания. М., 1977.
Бодалев А. А. Личность и общение // Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.
Бодалев А. А. Личность и общение. М., 1983.
Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как о личности. Л., 1970.
Бодалев А. А., Волков И. П. Некоторые проблемы межличностного познания в условиях современного производства // Вопросы психологии. 1981. № 6.
Болч Б., Хуань К. Дж. Многомерные статистические методы для экономики. М., 1979.
Большой толковый психологический словарь. М., 2000.
Бондаренко А. Ф. Социальная психотерапия личности. Киев, 1991.
Бочкарев Л. Л. Психология музыкальной деятельности. М., 1997.
Брошусь Б. С, Сидоров П. И. Психология, клиника *и* профилактика раннего алкоголизма. М., 1984.
Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 3.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Брудный А. А. Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова.
' М., 1971. *Брудный А. А.* К проблеме семантических состояний // Сознание и действительность. Фрунзе, 1964. *Брунер Дж.* Процесс обучения. М., 1962. *Брупер Дж.* Психология познания. М, 1977.
Брутян Г. А. О гипотезе Сэпира-Уорфа // Вопросы философии. 1969. *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
Брюэль А., Цёффель П. SPSS: искусство обработки информации. М.; СПб.; Киев, 2002. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. Рига, 1986. *Буслаев Ф. Н.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. *Васильев С. А.* Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.
Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: Типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. № 3.
Василюк Ф. Е. Молитва и переживание в контексте душелопечения // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 3.
Вацуро Э. Г. Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе). М., 1948.
Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы» ,// Семиотика. М., 1983.
Вежбицкая А. Язык, Культура, Познание. М., 1996
Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3.
Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. М., 1975.
Верещагин Е. Ч., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедепие в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976; 1983.
Викторов В. И. Исследование устойчивости канонической факторной структуры семантического дифференциала и ее теоретическая интерпретация: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1982.
Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
Виноградова О. С, Эйслер И. А. Выявление систем словесных связей при регистрации сосудистых реакций // Вопросы психологии. 1958. № 2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
Вудвортс Р., Шлосберг Г. Психофизика. Методы шкалирования // Проблемы и методы психофизики. М., 1974.
Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.

Выготский Л. С. Из неизданных материалов // Психология грамматики. М., 1968.
Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1983.
Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л., 1934.
Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. № 4.
Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1992-1994.
Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Влияние музыки на психомоторику в связи с особенностями нейрофизиологии// Вопросы психологии. 1980. № 1.
Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988.
Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 1998.
Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи // Докл. АПН РСФСР. 1957. № 4.
Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в психологии. М., 1966.
Гальперин П. Я. Умственное действие как основа формирования мысли и образа // Вопросы психологии. 1957. № 6.
Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4.
Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М„ 1977.
Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-психо-логос. М, 1995.
Гегель Г. Соч. Т. **III.** М, 1937.
Герасимов О. Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям // Вопросы философии и
психологии. 1890. № 3. С. 8-21. *Гибсон Дж.* Психологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. *Гинзбург Е. Л.* Проблема значения слова // Иностранные языки в школе. 1969. № 4. *Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б.* Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996. *Голд Дж.* Психология и география. Основы поведенческой географии. М., 1990.
Голдберг Л. Р., Шмелев А. Г. Межкультурное исследование лексики личностных черт: «большая пятерка» факторов в английском и русском языках // Психологический журнал. 1993. № 4.
Гордон Л. Л., Клопов Э. В. Человек после работы. М., 1972.
Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М, 1976.
Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
Горький А. М. С кем вы, мастера культуры? (Называть вещи своими именами) // Программные выступления мастеров западноевропейской культуры XX века. М., 1986.
Готсдинер А. Л. Музыкальная психология. М„ 1990.
Грегори Р. Глаз и мозг. М., 1970.
Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979.
Губарев В. Н. К проблеме семантики устойчивых словесных комплексов как словесных знаков и косвенной номинации // Семантическая структура слова и фразеологизма. Рязань, 1980.
Гулыга Е. В., Шельдельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М„ 1997.
Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
Гуревич И. И., Фейгенберг И. М. Какие вероятности «работают» в психологии // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977.
Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

Давыдов В. В. К проблеме соотношения конкретных и абстрактных знаний в обучении // Вопросы психологии. 1968. № 6.
Давыдов В. В. Проблемы обобщения в трудах Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 1966. № 6.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
Дашдамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. 1983. № 2.
Дикманн X. Юнгианский анализ волшебных сказок. М., 2002.
Дмитриев Е. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М., 1998.

Долгий А. Б. Прагматика культуры. М., 2002.
Доусон Т. Юнг, литература и литературная критика // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2000.
Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М, 1984.
Дробашенко С. В. Феномен достоверности. Очерки теории документального кино. М, 1972.
Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. М., 1981.
Дробижева Л. М. Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М, 1980.
Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской
Федерации 90-х годов. М., 1996. *Дункер К.* Психология продуктивного творческого мышления // Психология мышления. М, 1965. *Душков Б. Л.* Актуальные проблемы этнической психологии // Психологический журнал. 1981. № 6. *Дэйвисон М.* Многомерное шкалирование. М., 1988. *Дюран* Я., *Оделл П.* Кластерный анализ. М., 1977. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1992. *Егорова-Гантман Е., Минтусов И.* Имидж лидера. М., 1999. *Елъмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
Еремеев Б. А. Об отношениях между категориями свободной характеристики человека // Психология общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.
Ермолаев Б. А. Категориальная структура коннотативного значения // Вопросы математического моделирования и структурного исследования психической деятельности. Владимир, 1974.
Ермолаев Б. А. К вопросу об использовании психолингвистического эксперимента в обучении лексике // Проблемы обучения иностранным языкам. Т. 8. Владимир, 1973.
Ермолаев Б. А., Петренко В. Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир, 1976.
Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
Жамбю М. Иерархический кластер-анализ и соответствия. М., 1988.
Желвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
Жинкин Н. И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965.
Жуков А. В. Объективная фразеология в русском языке // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Л., 1978.
Жуков Ю. М. Проблема измерения точности межличностного восприятия // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1978. № 1.
Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981.
Залевская А. А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964.
Зедльмайр Г. Искусство и истина. СПб., 2000.
Зейгарник Б. В. Патология мышления. М., 1962.
Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М., 1981.
Зельц О. Законы продуктивной и репродуктивной духовной деятельности // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981. *Зенкин А. А.* Когнитивная компьютерная графика. М., 1991.
Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978. *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
Зинченко В. П. Размышления о духе и духовном развитии // Психология искусства. Самара, 2002. Т. 1, ч. 1.
Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.

Зинченко В. П., Мамардаишили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
Зинченко В. П., Мунипов В. М., Гордон В. М. Исследование визуального мышления // Вопросы психологии. 1973. № 2.
Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. № 2.
Иберла К. Факторный анализ. М, 1980.
Иванов В. В. Значение идеи М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту, 1973.
Иванов В. В. Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Вып. 14. Тарту, 1981.
Иванов В. В. Функции и категории языка кино // Труды по знаковым системам. Вып. 7. Тарту, 1975.
Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.
Ильясов И. И. Психологические и физиологические методы психолингвистического исследования // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
Инглхарт Р. Постмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. М., 1997.
Иратов А. А. Сказание о земле Сибирской 1/3/4.html
Ительсон Л. Б. Структура и уровни осознаваемых предметных и вербальных стимулов человека // Научные исследования в психологии и возрастной физиологии. Вып. 2. М., 1970.
Каверина Р. Д. Опыт психологической классификации некоторых профессий в целях профконсульти-рования // Вопросы психологии. 1978. № 4.
Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М., 1992. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
Караулов Ю. И. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка. М., 1981. ***Келли*** *Дж.* Психология личности: психология личностных конструктов. СПб., 2000. *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу. М., 1972. *Клар Г.* Тест Лютера / Пер. с англ. М., 1975.
Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970. *Клименко А. П.* К оценке результатов качественных синтагматических экспериментов // Семантическая структура слова. М., 1971. *Климов Е. А.* Введение в психологию труда. М., 1988. *Климов Е. А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.
Климов Е. А. Психология труда как область знания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия // Вопросы психологии. 1983. № 1.
Климов Е. А. Путь в профессию. Л., 1974.
Козлова И. Н. Личность как система конструктов: некоторые вопросы психологической теории Дж. Келли // Системные исследования. М, 1975.
Колосов В. А. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. 1996. № 3.
Кольцов М. Е. Юношеское стихотворение // Встречи с прошлым. М., 1976.
Комри Б. Синтаксис и семантика в трансформационной генеративной грамматике // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971.
Кон И. С. Нужна помощь психологов // Сов. этнография. 1983. № 3.
Кон И. С. Открытие «Я». М,, 1978.
Кон И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9.
Кандильяк Э. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1980.
Кондратьева А. С. Связь когнитивной компетенции с проявлениями внушаемости и ригидности в социальной перцепции // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.

Коняева А. П. Исследование категориальной структуры восприятия человеческого лица на материале портретных изображений: Дипломная работа. МГУ, 1980.
Копылова Р. Параллели (телевидение и художественное мышление «технической эры») // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. Вып. 2. М., 1982.
Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М, 1971.
Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
Краткий психологический словарь. М., 1985.
Крон Г. Исследование сложных систем по частям: диакоптика. М., 1972.

Круусвалл Ю. О. О надежности методики семантического дифференциала // Человек. Среда. Пространство. Тарту, 1974.
Крысько В. Г., Деркач А. А. Этнопсихология. Теория и методология. Ч. 1-2. М, 1992.
Кудрявцев Т. В., Шегурова В. Ю. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности // Вопросы психологии. 1983. № 2.
Кузнецова В. Кинофизиогномика. Типажно-пластичный образ актера на экране. Л., 1978.
Кукосян О. Г. Профессиональные особенности первого впечатления // Психология общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.
Куприянов А. И. Историческая антропология в России: Проблемы становления. М., 1995.
Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал.
1986. № 2. *Кэй А.* Программное обеспечение ЭВМ // В мире науки. 1984, №11.
Кюльпе О. Современная психология мышления // Новые идеи в философии. № 16. СПб., 1914. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
Лебедева Н. М. Роль культурной дистанции в формировании новой идентичности в постсоветском пространстве // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 64-82.
Левандовский Н. Г. О корректности применения факторного анализа // Вопросы психологии. 1980. №5.
Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
Леви-Стросс К. Культура как система // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
Левкович В. П., Андрущак И. Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен // Психологический журнал. 1995. № 2.
Левкович В. П., Панкова Н. Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. М., 1985.
Левкович В. П., Панкова Н. Г. Социально-психологический подход к структуре этнического сознания // Психологический журнал. 1983. № 4.
Лекомцев Ю. В. Принципы лингвистической синхронической семантики // Проблемы семантики. М., 1974.
Леонтьев А. А. Знак и деятельность // Вопросы философии. 1975. № 2.
Леонтьев А. А. Лекция как общение. М., 1974.
Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных
норм русского языка. М., 1977. *Леонтьев А. А.* Основы теории речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.,
1974.
Леонтьев А. А. Психолингвистика. Л., 1967.
Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М., 1971. *Леонтьев А. А.* Психологический портрет лектора. М., 1979. *Леонтьев А. А.* Психология общения. Тарту, 1974. *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М„ 1969.
Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М., 1983.
Леонтьев А. Н. Мышление // Вопросы философии. 1964. № 4.
Леонтьев А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов // Русско-немецкий медицинский журнал. 1928. № 1-2.
Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
Леонтьев А. Н. Психология образа// Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. №2.
Леонтьев А. Н. Философия психологии. М., 1994.
Леонтьев А. Н. Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения // Вопросы психологии. 1970. № 2.
Леонтьев Д. А. Введение в психологию искусства. М., 1998.

Леонтьев Д. А. Личностный смысл и трансформации психического образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1988. № 2.
Леонтьева Н. Н. Семантический анализ и смысловая полнота текста: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1968.
Ли Гун-цзо. Правитель Нанькэ // Танские новеллы. М., 1955.
Логвиненко А. Д. Зрительное восприятие пространства. М., 1981.
Логвиненко А. Д. Зрительный образ и инвертированное зрение // Вопросы психологии. 1974. № 5.
Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии зрительного образа // Восприятие и деятельность. М., 1976.
Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы, 2001.
Локк Д. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения Т. 1. М., 1960.
Ломов Б. Ф. Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы психологии. 1979. № 8.
Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии // Проблемы общения в психологии. М„ 1981.
Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст - семиосфера — история. М., 1999.
Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992.
Лотман Ю. М. Культура как информация // Статьи по типологии культуры. Вып. 1. Тарту, 1970.
Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 8. Тарту, 1977.
Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам.
Вып. 6. Тарту, 1971. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Вып. 14. Тарту, 1981. *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973. *Лурия А. Р.* Речь и мышление. М., 1975. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
Лурия А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971.
Лурия А. Р., Хомская Е. Д. Нарушение интеллектуальных операций при поражении задне-лобной области // Докл. АПН РСФСР. 1962. № 6.
Лурия А. Р., Цветкова Л. С. Нейропсихологический анализ решения задач. М., 1966.
Люшер М. Цвет вашего характера. М., 1996.
Ляпина Т. В. Политическая реклама. Киев, 2000.
Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1969. № 6.

Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
Мартемьянов Ю. С. Семантика в порождающей грамматике: проблемы и результаты // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
Мартине А. Нейтрализация и синкретизм // Восточные языки. 1969. № 2.
Мастеров Б. М., Перов В. А. Экспериментальное исследование семантических аспектов механизма «встречного порождения» при понимании речевого высказывания // Вопросы психологии познавательной деятельности. М., 1980.
Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации: Учеб. пособие. М., 2000.
Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл—Текст». М, 1974.
Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл—Текст». М., 1995.
Миккин Х. Х. Кинетика и язык // Ученые записки Тартуского университета: Труды но психологии. Вып. 4. Тарту, 1974.
Митина О. В., Михайловская И. Б. Факторный анализ для психологов. М., 2001.
Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросс-культурное исследование стереотипов женского поведения // Вопросы психологии. 2000. № 1.
Михалкович В. Облик видимого человека // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. Вып. 2. М., 1982.
Млечкин Л. Семь жизней за императора // Новое время. 1985. № 31.
Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
Москвин Л. Б. СНГ: Тенденции и итоги развития интеграции // Общественные науки и современность.
1997. № 2. С. 49-59.
Москвина Т. Не говори, что молодость сгубила 1999/6/4.html

Москович В. А. Информационные языки. М., 1971.
Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
Мошкин С. В. Политическая реклама. Екатеринбург, 1994.
Муканов М. М. Исследование когнитивной эмпатии и рефлексии у представителей традиционных культур // Исследование рече-мысли и рефлексии. Алма-Ата, 1979.
Муканов М. М. Психологическое исследование рассудка в историко-этническом аспекте: Дис. ... д-ра
психол. наук. М., 1980. *Муравьев В. Л.* О языковых лакунах // Иностранные языки в школе. 1971. № 1. *Муратов С. А.* Диалог: телевизионное общение в кадре и за кадром. М., 1983. *Мухина В. С.* Современное самосознание народностей Севера // Психологический журнал. 1988. № 4. *Назаретян А. П.* Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. №2. *Назаретян А. П.* Влияние психологического анализа пропаганды на становление целевого подхода
к теории коммуникации // Вопросы психологии. 1979. № 6. *Назаретян А. П.* Законы природы и инерция мышления // Общественные науки и современность.
1998. № 4.
Назаретян А. П. Кибернетика и интеграция наук. Ереван, 1986.
Назаретян А. П. К информационному анализу понимания текста // Научно-техническая информация. Сер. И. 1977. №2.
Назаретян А. П. Об одном способе информационно-кибернетического анализа психологических проблем общения // Вопросы психологии. 1978. № 4.
Назаретян А. П. О месте социально-психологических законов в системе законов материалистического обществоведения // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 6.
Назаретян А. П. Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности // Материалы Всесоюзного симпозиума «Актуальные проблемы социальной психологии». Ч. I. Кострома, 1986.
Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Синергетика, психология, прогнозирование. М., 2004.
Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М, 1974.

Нарский И. С. Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения. М., 1969. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М,, 1982. *Низовцев Б. Е.* Под флагом золотого соёмбо. М., 1980. *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Собрание сочинений. Т. 7. М., 1957.
Овсянникова В. В. Динамика «образа своей профессии» в зависимости от степени приобщения к ней // Вопросы психологии. 1981. № 5.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991.
Окунь Я. Факторный анализ. М, 1974.
ОлсонД. Р. О стратегии построения понятий // Исследование развития познавательной деятельности.
М., 1971. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
Орлов Л. П., Шкуркин В. И., Орлов Ю. М. Построение теста-вопроса для измерения достижения и общения // Методы социальной психологии. Л., 1977.
Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
Панферов В. Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопонимания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5.
Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
Петренко В. В. Психосемантика сознания. М., 1988
Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
Петренко В. Ф. Динамика семантического поиска // Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974.
Петренко В. Ф. Идеи Л. С. Выготского и теория глубинных семантических ролей // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология. М., 1981.
Петренко В. Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и

деятельность. М, 1976.
Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997
Петренко В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М, 1988.
Петренко В. Ф. Психосемантические исследования мотивации // Вопросы психологии. 1983. № 3.
Петренко В. Ф. Психосемантический подход к исследованию индивидуального и общественного сознания // Перспективы развития гуманитарных наук в Московском университете. М., 1996.
Петренко В. Ф. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // Советская этнография. 1987. № 3.
Петренко В. Ф. Семантический анализ профессиональных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. №3.
Петренко В. Ф. Телевидение и психология // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.
Петренко В. Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1982. № 5.
Петренко В. Ф., Алиева Л. А., Шейн С. А. Психосемантические методы исследования и понимания кинопроизведения // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1982. № 2.
Петренко В. Ф., Василенко С. В. О перцептивной категоризации // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1977. № 1.
Петренко В. Ф., Кучеренко В. В., Нистратов А. А. Влияние аффекта на семантическую организацию значений // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982.
Петренко В. Ф., Мастеров Б. М. К проблеме понимания речевого высказывания // Самосознание, речь и мышление. Алма-Ата, 1981.

Петренко В. Ф., Менчук Т. И. Поэтическая метафора как средство описания личности: психосемантическое исследование // Синергетическая парадигма. М, 2002.
Петренко В. Ф., *Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.
Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия: 1991-1993 гг.) // Общественные науки и современность. 1994. № 6.
Петренко В. Ф., Митина О. В. Россиянки и американки: стереотипы поведения (психосемантический аспект // Социологические исследования. 2001. № 8.
Петренко В. Ф., Митина О. В. Семантическое пространство политических партий России // Психологический журнал. 1991. № 6.
Петренко В. Ф., Митина О. В., Шевчук И. В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана и построение семантического пространства политических партий // Психологический журнал. 1993. № 1.
Петренко В. Ф., Нистратов А. А. Коэффициенты образности, конкретности и ассоциативной значимости для 84 русских существительных // Общение, текст, высказывание. М., 1981.
Петренко В. Ф., Нистратов А. А., Хайруллаева Л. М. Исследование семантической структуры образной репрезентации методом невербального семантического дифференциала // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1980. № 2.
Петренко В. Ф., Нистратов А. А. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики // Исследование проблем речевого общения. М., 1979.
Петренко В. Ф., Пронин А. А. Художественный конструкт как форма семантической организации литературного текста // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
Петренко В. Ф., Пронина Е. Е. Человек на телеэкране: опыт психосемантического исследования // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3.
Петренко В. Ф., Сапсолева О. Н. Психосемантический подход к восприятию искусства // Психология искусства. Самара, 2002. Т. 2, ч. 1.
Петренко В. Ф., Собкин В. С, Нистратов А. А., Грачева А. В. Психосемантический анализ зрительского восприятия персонажей фильма // Мотивационная регуляция поведения и деятельности личности. М, 1988.
Петренко В. Ф., Стенина И. И. Психосемантические методы и исследование социальной перцепции ребенка // Семья и формирование личности. М., 1981.
Петренко В. Ф., Сурманидзе Л. Д. Исследование стереотипов обыденного сознания // Этнографическое обозрение. 1994. № 3.

Петренко В. Ф., Сурманидзе Л. Д. Психосемантический анализ грузинских этнических стереотипов // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1993.

Петренко В. Ф., Тепляков Н. Н. Психосемантический анализ публицистического воздействия на читателя // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М„ 1985.

Петренко В. Ф., Тодорова Э. Изследоване на индивидеалното съзнание с методите на екснериметална-та семантика // Философска мисъл. 1985. Кн. 7.

Петренко В. Ф., Тодорова Э. Н. Методика исследования морального сознания студентов // Тез. докл. конф. «Морально-психологический климат в коллективе вуза». Алма-Ата, 1981.

Петренко В. Ф., Шмелев А. Г., Нистратов А. А. Метод классификации как экспериментальный подход к семантике изобразительного знака // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1978. № 4.

Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.

Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии // Избр. труды. М., 1984. *Петровский В. А.* Активность субъекта в условиях риска: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1977. *Петровский В. А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3. *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996. *Петровский А. В., Петровский В. А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3.

Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1984. № 4.

Петухов В. В. Природа и культура. М, 1996.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

Пиаже Ж. Как дети образуют математические понятия // Вопросы психологии. 1966. № 4.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М., 1963.

Платон. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М, 1968.

Полани М. Личностное знание. М., 1985.

Померанц Г. С. Жажда добра // Русское богатство, 1994. № 2.

Попов Э. В. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.

Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Поспелов Д. А. Логико-лингвистические модели в системах управления. М., 1981.

Поспелов Д. А. Представление знаний. Опыт системного анализа // Системные исследования. М., 1986.

Поспелов Д. А., Пушкин В. Н. Мышление и автоматы. М., 1972.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. М., 1953-1963.

Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976.

Похилько В. И., Федотова Е. О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3.

Почепцов Г. Г. Имиджеология. М., 2000.

Проблемы организации речевого общения. М„ 1981.

Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспектах. М., 1987.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Психоанализ и науки о человеке. По материалам российско-французской конференции (30 марта-3 апреля 1992). М., 1996.

Психологический словарь. М., 1983.

Психология и психоанализ власти: В 2 т. Самара, 1999.

Психология. Словарь. М., 1990.

Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию М., 1999.

Радунский П. 1995. Ведение избирательной кампании — форма политической коммуникации // Политические партии в условиях демократии. Санкт-Аугустин, 1995.

Рамишвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания: Предисловие // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М., 1984.

Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.

Рейзин Дж. Вэн. Классификация и кластер. М., 1980.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М., 1970.
Русина Н. А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопросы психологии. 1981. № 1.
Руссо Д. Юнгианскии анализ гомеровского Одиссея // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2000.
Руус Б. Значение престижности коммуникатора для эффективности речевого воздействия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
Саморукова И. В. Художественное высказывание и литературное произведение: несколько замечаний к проблеме автора // Смысл «и» выражение: контроверзы современного гуманитарного знания. М., 2001.

Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций // Хрестоматия по общей психологии. Психология эмоций. М., 1982. *Сахаров Л. С.* О методах исследования понятий // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 1. *Северцев А. С.* Основы теории эволюции. М., 1987. *Сегела Ж.* Особенности национальной охоты за голосами. М., 1998. *Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
Семенова Э. Ф. Влияние роли и статуса на процессы социальной перцепции и на восприятие информации // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 4. Л., 1971.
Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю. М. Лотмана. М., 1972. *Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. СПб., 2000. *Сильдмяэ И. Я.* Знание (когитология). Таллин, 1987.
Симмат В. В. Семантический дифференциал как инструмент искусствоведческого анализа // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
Слобин Д., Грин Д. Психолингвистика. М., 1976.
Словарь иностранных слов и выражений. М., 2000.
Словарь практического психолога. Минск, 1998.
Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1981. № 2.
Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
Смолян Г. Л., Шошпиков К. Б. Феномен персональной ЭВМ: философско-методологический аспект // Вопросы философии. 1986. № 6.
Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
Собкин В. С. К формированию представлений о механизмах процесса идентификации в общении // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975.
Собкин В. С, Белозеров С. М. Анализ использования перцептивной информации о партнере в ходе конфликтного взаимодействия // Самосознание, речь и мышление. Алма-Ата, 1981.
Собкин В. С, Шмелев А. Г. Психосемантическое исследование актуализации социально-ролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1.
Соколов А. И. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
Соколов Е. Я., *Вучечич Г. Г., Измайлов Ч. А.* К взаимосвязи эмоции и цвета // Эмоции и поведение: системный подход. М., 1984.
Соколов М. В России «слегка» ничего не бывает
Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. М., 1994.
Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2.
Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
Сорокин Ю. А., Маркова И. Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович Л. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
Сорос Дж. Будущее капиталистической системы зависит от упрочения глобального открытого общества// Известия. 1998. 12 янв.

Сорос Дж. Россия в опасности // Известия. 1998. 5 марта.
Соснин В. А. Переговоры по урегулированию этно-политического регионального конфликта // Психологический журнал. 1993. № 6. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М., 1990. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
Старовойтова Г. А. Этническая группа в современном советском городе. М., 1986.
Степанов Ю. С. В мире семиотики. Вступительная статья // Семиотика. М., 1983.
Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
Степин В. С. О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4.
Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.
Степнина Н. В. Идеалы и интересы
Столин В. В. Исследование порождения зрительного пространства образа // Восприятие и деятельность. М, 1976.
Столин В. В. Построение зрительного образа при псевдоскопичсском восприятии // Вопросы психологии. 1972. № 6.
Столин В. В. Проблема значения в акте восприятия и единицы чувственного образа // Эргономика. Труды ВНИИТЭ. М., 1973. № 6. *Столин В. В.* Самосознание личности. М, 1983.
Столин В. В., Калъвиньо М. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1982. № 3.
Столин В. В., Петренко В. Ф. О семантике визуального мышления // Материалы Всесоюз. симпозиума по пробл. мышления и общения. Алма-Ата, 1973.
Стоценко А. П. Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1987. № 3.
Супрун А. Е., Клименко А. П., Титова Л. Н. Тестовые реминисценции в ассоциативном эксперименте // Материалы V всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1975.
Суходольский Г. В. Понятийная система психологической теории деятельности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3.
Сухотин Б. В. Алгоритмы лингвистической дешифровки // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
Сухотин Б. В. Исследование структуры простого предложения // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М,, 1973.
Такубоку И. Лирика. М., 1966.
Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю. А. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
Тарба И. Солнце встает у нас. М,, 1972.
Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1996.
Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
Тернер В. У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах // Семиотика и искусство-метрия. М., 1979.
Тихомиров О. К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы
целеобразования. М., 1977. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
Тихомиров О. К., Виноградов О. Е. Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования. М., 1969.
Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1955.
Томэ Г. Теоретические и эмпирические основы психологического развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. М., 1978.
Тульвисте П. К интерпретации параллелей между онтогенезом и историческим развитием мышления // Труды по знаковым системам. Вып. 8. Тарту, 1977.
Тульвисте П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин, 1988.
Тульвисте П. О теоретических проблемах исторического развития мышления // Принцип развития в психологии. М., 1978.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Выи. 1. М., 1960.
Ученова В. В., Старых Н. В. Как родилась реклама. М., 1992.
Ушакова Т. Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. М., 1979.
Ушакова Т. #., Павлов П. Д. Аспекты исследования семантики слова // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5.
Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М., 1976.
Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения // Лингвистический словарь. М, 1979.
Феофанов А. П. США: реклама и общество. М., 1974.
Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
Филмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
Франселла Ф., Бапнистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. М., 1978. Вып. 10.
Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М,, 1977. Вып. 8.
Фрейд 3. Достоевский и отцеубийство // Неудовлетворенность культурой. М., 1990. С. 70-81.
Фрейд 3. Леонардо да Винчи. М., 1990.
Фукияма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3.
Фуко М. Герменевтика субъекта // Социологос. 1996. Вып. 1.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М, 2003.
Хараш А. У. Межличностный контакт как исходное понятие устной пропаганды // Вопросы психологии. 1977. № 4.
Хараш А. У. Принцип деятельности в исследованиях межличностного восприятия // Вопросы психологии. 1980. № 3.
Хараш А. У. Смысловая структура публичного выступления (об объекте смыслового восприятия) // Вопросы психологии. 1978. № 4.
Харман Г. Современный факторный анализ. М., 1972.
Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
Хамская Е. Д. и др. Нейропсихология индивидуальных различий. М., 1996.
Хомская Е. Д. Нейропсихология. М., 1987.
Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М, 1962. Вып. 2.
Хъелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975.
Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. М, 1999.
Черсу К. Семантический анализ значения у слепоглухонемых: Дипломная работа. М., 1977.
Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982.
Чехов А. П. Повести. М., 1984.
Чуприкова Н. И. Сознание как высшая расчлененная и системноупорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 6.
Шагинян М. Человек и время. М, 1982.
Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семиотике // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
Шайкевич А. Я. Распределение слов текста и выделение мнемических полей языка // Иностранные языки в школе. М., 1963. Вып. 2.
Шварц Л. А. Слово как условный сигнал // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1949. Т. 27. Вып. 6.

Шварц Л. А. Условные рефлексы на словесные раздражители // Вопросы психологии. 1960. № 1.
Шварц С. К. К вопросу о слоге как условном раздражителе // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1954. Т. 38. Вып. 12.
Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М, 1978.
Швырев В. С. Знак и деятельность. М., 1970.
Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопросы философии. 1985.

№6.
Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.
Шерозия А. Б. К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории. Тбилиси, 1973. Т. 2.
Шестопал Е. Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6.
Шихирев П. Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5.
Шихирев П. Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
Шишков Ю. В. Россия между ближним и дальним зарубежьем // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
Школьник Л. С. Речевое воздействие: основные проблемы и исследования // Проблемы организации речевого общения. М, 1981.
Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. М., 2002.
Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную пснхосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
Шмелев А. Г. Многомерный статистический анализ в межкультурных и дифференциально-психологических исследованиях субъективного лексикона // Статистические методы в общественных науках. М., 1982.
Шмелев А. Г. Об устойчивости факторной структуры личностного семантического дифференциала // Вестник Московского университета. Сер. Психология. 1982. № 2.
Шмелев А. Г. Психологическая обусловленность индивидуальных различий в понимании значения слова // Исследование проблемы речевого общения. М., 1979.
Шмелев А. Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигмы анализа данных // Вопросы психологии. 1982. № 5.
Шмелев А. Г., Похилько В. И. Экспериментальный подход к построению базисного семантического словаря личностных черт // Вестник Московского университета. Сер. Психология. 1985. № 3.
Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике (Тезаурус личностных черт). М., 1988.
Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.
Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. 1965. Вып. 13.
Шрейдер Ю. А. О семантических аспектах теории информации // Теоретические проблемы информатики. М,, 1968.
Щедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967.
Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
Эткинд А. М. Цветовой тест и его применение в исследовании больных неврозами // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. *Эткинд М. Г.* Мир как большая симфония. М.; Л., 1970. *Юнг К.* Архетип и символ. М., 1991.

Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Хрестоматия по психологии художественного творчества / Под ред. А. Л. Гройсмана. М., 1998.
Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание культуры и искусства XX века. М., 2000.
Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М,, 1996.
Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992.
Ядов В. А. Диспозииионная позиция личности // Социальная психология. Л., 1979.
Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
Янов А. Как-нибудь перезимуем. А дальше?.. // Огонек. 1991. № 4.
Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М., 1965.
Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1976.

Adams-WebberJ. R. Personal Construct Theory. N. Y., 1979.
Bannister D. The genesis of schizophrenic thought disorder: a serial invalidation hypothesis // British Journal of Psychiatry. 1963. V. 109.
Bellert I., Zawadowski W. Preliminary Attempt at Outlining a System of Linguistic Signs in Terms of the Theory of Categories // Sign, Language, Culture. Mouton, 1970.
Bentler P. M., La Voie A. L. An Extension of Semantic Space // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1972. V. 11.
Bentler P. M., La Voie A. L. A nonverbal semantic differential // Ibid.
Berlo D., LemertJ., Mertz R. Dimensions for evaluating the acceptability of message sources // Mimeographed report. Michigan, 1966. *Berry J. W.* Psychology of acculturation // Cross-Cultural Perspectives. Lincoln, 1990. *Bettinghaus E. P.* Persuasive communication. N. Y., 1968. *Biderman A.* Social Indicator, Whence And Whither? Washington, 1970.
BieriJ. Cognitive Complexity-Simplicity and Predictive Behaviour // Readings for A Cognitive Theory of Personality / Ed. by J. Mancuso. N. Y, 1970.
BieriJ. Complexity-simplicity as a personality variable in cognitive and preferential behaviour // Functions
of varied experience. Dorsey, 1961. *Bierwisch M.* On Certain Problems of Semantic Representation // Foundation of Language. 1969. V 5. *Bird P.* Sell Yourself. London, 1994. *Birdwhistell R. L.* Kinesics and context. Penguin, 1971. *Birdwhistell R. L.* Some relation between Kinesics and spoken // Communication and culture: Reading in the
codes of human interaction. 1966. № 3.
Bogart L. Adult's talk about comic strips // American Journal of Sociology. 1955. V 61.
Bollinger D. The Atomization of Meaning // Language. 1965. V 41.
Bolton M., Haimson H. Hierarchical Effect of Semantic Memory on Verbal Learning // Perceptual and Motor
Skills. 1975. V. 41. *BovetJ.* Application of Osgood's Semantic Differential to study of psychotherapeutic treatments //Journal
of Psychotherapy and Psychosomatics. 1988. V 50 (1). *Bower G. H.* Organizational Factors in Memory // Cognitive Psychology. 1970. V 1. *Brennan M., Kirkland J.* Comparison of semantic differential scale sets for describing infant's cries //
Perceptual and Motor Skills. 1987. V. 64 (3). *Briggs R.* On Relationship between Cognitive and Objective Distance // Environmental design Research /
Ed. by W. F. E. Preiser. Stroudsburg, 1973. V 2. *Burner J. S., GoodnowJ.J., Austin G. A.* A Study of Thinking. N. Y, 1956.
Burner J., Tagiuri R. The perception of people // Handbook of Social Psychology. Addison Wesley, 1954. Vol. 2. *Buck L. A., Kardeman* £., *Goldstein F.* Artistic talent in «autistic» adolescents and young adults // Empinca
Studies of the Arts. 1985. Vol. 3. Issue 1. *Buhler Ch.* Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Probleme. Leipzig, 1933.

Bujas Z. Graphic form of Osgood's semantic differential // Acts Instituti Psychologici. 1967. V. 49-63. *Buttimer A.* Social Space in Interdisciplinary Perspective // Geographical Review. 1969. № 59. *Carrol!J. D.* Review of «Measurement of Meaning» // On semantic differential technique. Chicago, 1969. *Carroll J. D.* Vector of prose style // On semantic differential technique. Chicago, 1969.
Carroll J. D., Chang G. G. Analysis of individual differences in multidimensional scaling Via an n-way generalisation of «Eckhart—Young» decomposition // Psychometrica. 1970. V. 35. № 3.
Carroll J. D., Wish M. Models and methods for Three-way multidimensional scaling // Contemporary development in mathematical psychology. San Francisco, 1974. *Clark H. H.* Linguistic processes in deductive reasoning // Psychological Review. 1969. V. 4. *Cliff N.* Adverbs as multipliers // Psychological Review. 1955. V. LXI. *Cole M.* Introduction //Journal of Russian and East European Psychology. 1993. V. 31. № 2.
Collins A. M., Quillian M. R. Retrieval Time from Semantic Memory//Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1969. V. 8.
Cook M. Perceiving other. The psychology of Interpersonal perception. L.; N. Y., 1979.
Craik F. M., Lockhart R. S. Levels of Processing: a Framework for Memory Research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1972. V. 11. *Creelman B.* The Experimental Investigation of meaning: A review of the literature. N. Y, 1965. *Davidson W. P.* On the effect of communication // Public Opinion

Quarterly. 1960. V 23. *DeeseJ.* The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965.
Derks P. Clockwork Shakespeare: The Bard meets the Regressive Imagery Dictionary // Empirical Studies
of the Arts. 1994. Vol. 12. Issue 2. *Dershowits N. K.* On Connotative Meaning of Emotional Terms to the Blind: a Contribution to the Study of
Phenomenology of Emotion // Perceptual and Motor Skills. 1975. V 41.
Dixon D., Horton D. Verbal Behaviour and General Behaviour Theory. N. Y, 1968. *Doise W., Clemence A., Lorenzi-Ciodi.* The Quantitative Analysis of Social Representations. N. Y, 1993. *Dorcus P. M.* Habitual Word Association to Colors as a Possible Factor in Advertising //Journal of Applied Psychology. 1932. V 32.
Downs R. M., Meyer J. T. Geography and the Mind: An Exploration of Perceptual Geography // American Behavioral Scientist. V 22.
Ecman G. Dimensions of emotion // Nordisk Psychol. 1955. V 7.
Eco U. The role of Reader. Explorations in the Semiotics of Text. Bloomington, 1979.
Entwisle D. R. Word Association of Young Children. Baltimore, 1965.
Fillmore Ch. J. The Case for Case. Universals in Linguistic theory. N. Y; Chicago; San Francisco, 1968.
Gabbard K. The circulation of sado-mazochistics desire in the «Lolita» / Empirical Studies of the Arts. 1999. Vol. 16. Issue 1.
Gibson J. The Perception of the Visual World. Boston, 1950.
Golant S., Burton I. A Semantic Differential Experiment in the Interpretation and Grouping of Environmental Hazards // Geographical Analysis. 1970. Vol. 2.
Gould P. R. Problem of Space Preferences, Measures and Relationships // Geographical Analysis № 1.
Gould P. R., White R. R. The Mental Maps. Harmondsworth, 1974.
Greimas A. Semantique Structurale. Paris, 1966.
Hamilton H. W., DeeseJ. Does linguistic marking have a psychological correlate? //Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1971. V 10.
Haygood R. C The Use of Semantic Differential Dimensions in Concept Learning // Psychonomic Science.
1966. V. 5. *Helm B., Fromme D. K., Murphy P. J., Scott W. C* Experiencing Double-bend Conflict: a Semantic Differential
Assessment for Interaction Perceptions //Journal of Research in Personality. 1976. V 10. *Hockett C* Chinese versus English: an exploration of Whorfian theses // Language in culture / Ed. by
H. Hoijer. Chicago, 1954.

Honess T. Cognitive complexity and social prediction // British Journal of clinical and social psychology. 1976. V. 5.
Hovland C.JanisJ. Personality and persuasibility. New Haven, 1959.
Hovland C.,JanisJ., Kelley H. Communication and persuasion. New Haven, 1953.
Hurwitz D., Wiggins N. #., Jones L. E. A Semantic Differential for Facial Attribution on the Face Differential // Bulletin of Psychonomic Sociology. V. 6.
Hymes D. H. Language in Culture and Society: A reader in Linguistics and Anthropology. N. Y., 1964.
Inglehart R., Carballo M. Does Latin America Exist? (And is there a Confucian Culture?) A Global Analysis of Cross-Cultural Differences // Political Science & Politics. V. 30 (1).
Jacksoon T., Markley R., Zelhart P., GuydishJ. Contribution to the History of psychology: Attitude research: G. Kelly's use of polar adjectives // Psychological Report. 1988. V. 62 (1).
Jacobovits L. A. The affect of symbol: towards the development of cross-cultural graphic differential //
International Journal of Symbology. 1969. V. I. *Johnson S. C* Hierarchical clustering schemes // Psychometrica. 1967. V. 32. *Jones K. S.* Experiments in semantic classification // Computational Linguistics. 1965. V. 8.
Karwosky T. E., Gramlich T. W., Arnott P. Psychological Studies in Semantics: Free Association Reactions to Words, Drawings and Objects //Journal of Social Psychology. 1944. V. 20.
Kelly G. A. The psychology of personal constructs. N. Y., 1955.
Kelly G. A. A mathematical approach to psychology // Clinical Psychology and Personality: The Selected
Papers of George Kelly / Ed. by B. Maher. N. Y, 1962. *Kelly G. A.* A theory of personality. The psychology of personal constructs. N. Y, 1963. *Kelly G. A.* The Psychology of Personal Constructs. N. Y, 1955.
Kelly H. H. Causal scemata and attribution process // Attribution: perceiving the causes of Behaviour.

Merrinstown, 1971.
Keltner D., Locke K. D., Audrian P. C. The Influence of Attributions On The Relevance of Negative Feelings
To Personal Satisfactions // Personality and Social Psychology Bulletin. 1993. V. 19. *KristevaJ.* Probleme der Textstrukturation. S., 1976.
KuusinenJ. The meaning of another person's personality //Javaskila studies in education, psychology, social research. 1970. V. 1.
Longer J. Television's «personality system» // Media, culture and society. 1981. V. 1.
Lewin K. Principles of topological psychology. N. Y, 1936.
LorrM., Wunderlich R. A semantic differential mood scale //Journal of Clinical Psychology. 1988. V. 44 (1).
MacKinder H. The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. 23.
Marks L. E. On colored-hearing synesthesia: cross-model translations of sensory dimensions // Psychological Bull. 1975. V. 82. № 3.
McNeil D. A study of word association // Journal of verbal learning and verbal Behaviour. 1966. V. 5.
McNeil D. The Acquisition of Language. N. Y, 1970.
Mead G. H. Mind, self, society. Chicago, 1934.
Messic S. L. Metric properties of the semantic differential // Educational and psychological measurement.
1957. V. 17. *Meyer D. E.* On the Representation and Retrieval of Stored Semantic Information // Cognitive Psychology
1970. V. 1.
Michotte A. Perception of Causality. N. Y, 1962.
Miller G. A. A Psychological Method to Investigate Verbal Concepts //Journal of Mathematical Psychology-1969. V 6.
Miller G. A. Empirical methods of the study of semantics // Semantics. Cambridge, 1971. *Modigliani V.* Abstraction of Unidimensional Concepts from Larger Conceptual Systems //Journal of Experimental Psychology. 1974. V. 102. № 2. *Mosier C. I.* A psychometric study of meaning // Soc. Psychol. 1941. V. 13.

Mueller J., Brown S., Kousler B. Paired Associate Transfer with Homograph Stimuli // Journal of Experimental Psychology: Human-Learning and Memory. 1975. V. 104. № 2.
Nelson B. L., Brooks D. Relative Effectiveness of Rhymes and Synonyms as Retrieval cues // Journal of Experimental Psychology. 1974. V. 102. № 3.
New Perspectives in Personal Construct Theory / Ed. by D. Bannister. London, 1977. *Noble C* An Analysis of Meaning // Psychological Review. 1952. V. 59.
Ofiz Ch., Redly S., Rechtel G. Are semantic response scales equivalent? // Multivariate Behavior Research. 1987. V. 22 (1).
Osgood Ch. Dimensionality of the semantic space for communication Via facial expressions // Scand. J. of psychology. 1966. V. 7. № 1.
Osgood Ch. Semantic Differential Technique in the comparative Study of cultures // American Antropology. 1964. V. 66.
Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. 1962. V. 17.
Osgood Ch., Susi C.J., Tannenhaum P. H. The measurement of Meaning. Urbana, 1957.
Osgood Ch., Miron M. S., May W. H. Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana, 1975.
Paivio A. Imagery and verbal processes. N. Y., 1971.
Paivio A., Csapo K. Concrete Image and Verbal memory codes //Journal of Experimental Psychology. 1969. V. 80.
Paivio A., YuillJ. C, Madigan S. Concreteness Imagery and Meaning Fullness Values for 925 Nouns // Journal of Experimental Psychology Monograph Supplement. 1968. V 76 (}).
Pavot W., Diener E. Review of Satisfaction with Life Scales // Psychological Assessment. 1993. V 5.
Penrose J., Seiford L. Computer «personalities»: A new approach to understanding user compatibility // Journal of Business and Psychology. 1988. V 3 (1).
Perffetti Ch. Psychosemantics: some cognitive aspects of structural meaning // Psychol. Bull. 1972. V 78. № 4.
Petrenko V. Meaning as a Unit of Consciousness //Journal of Russian and East European Psycholgy. 1993. V. 31. №2.
Petrenko V., Mitina O., Bertnikov K. Russian Citizens Representations of the Country's Positions in the

Geopolitical Space of the Commonwealth of Independent States, Europe, and the World // European Psychologist. 2003. Vol. 8. № 4.
Petrenko V., Mitina 0., Brown R. The Semantic Space of Russian Political Parties on A Federal and Regional Level // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 5.
Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology: Mapping Russian Political Thought // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology. N. Y„ Oxford, 1997.
Petrenko V., Mitina 0. A Psychosemantic Analysis of The Dynamics of Russian Life Quality (1917-1998)// European Psychologist. 2001. Vol. 6. № 1.
Petrenko V., Pronina E. Man on TV Screen: an Atempt at Psychosemantic Investigation // Soviet Psychology. 1986. № 5.
Postman L., Bums S. Experimental Analysis of Coding Processes // Memory and Cognition. 1973. V 4 (4).
Pottier B. La Definition Semantique dans les dictionnaries // Travaux de Linguistique et de litterature. Strasbourg, 1965. V 3(1).
Research Methods in Psychology / Ed. by Glynis M. Breakwell and others. London, 1995.
Richardson I. Imageability and Concreteness // Bulletin of Psychonomic Society. 1976. V 7 (5).
Rips L.J., Shoben E.J., Smith E. E. Semantic distance and verification of semantic relation //Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1973. V 12.
Romney A. K., DAndrade R. Q. Cognitive Aspects of English Kin Terms, Transcultural Studies in Cognition // American Anthropologist. 1964. V 66, № 3, part 2.
Rotter J. B. Generalised expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychol. Monogr. 1966. V 80. № 1.
Rowe E. J., Rogers T. B. Effects of Concurrent Auditory Shadowing on Free Recall and Recognition of Pictures and Words //Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. 1975. V 104.

Rubenstein H., GoodenoughJ. B. Contextual correlations of synonymy // Comni. A. C. M. 1965. V. 13.
Sampson E. The Image Factor. London, 1994.
Sanders K. P., Pritchett M. Some influences of appearance on television newscaster appeal // Journal of Broadcasting. 1971. V. 3.
Sapir E. Grading. A Study in Semantics // Philosophy of Science. 1944. V. 2 (2).
SchafferB., Wallace K. The Comparison of Word Meaning //Journal of Experimental Psychology. 1970. V. 86.
Scheere-Neuman G. Formation and Utilization of the Visual and Verbal Codes of Pictures and Words // Psychology Research. 1974. V. 37.
Schudson M. The ideal of conversation in the study of mass media // Communication Res. 1978. V. 5.
Schwartz M. Verbal Discrimination as a Concept Attainment Task Using the Evaluative Dimension // Journal of Experimental Psychology. 1974. V. 102 (3). *Shafto M.* The space for case // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1973. № 2.
Shepard R. N. Representation of structure in similarity data: problems and prospects // Psychometrica. Baltimore, 1974. V. 39. № 4.
Simonton D. K. Imagery, style and content in thirty-seven Shakespeare plays // Empirical Studies of the Arts. 1997. Vol. 15. Issue 1.
Slotnick H., O'Neill G., Nemetz P., Query J. The semantic differential as a measure of student's perceptions of psychological issues in the practice of medicine //Journal of Psychiatric Education. 1986. V. 10 (3).
Smith M. C, Green M. Evidence of Semantic Analysis of Experimental Psychology. 1974. V. 102 (4).
Snider J. I., Osgood Ch. Deriving an Attitude Scale from Semantic-Differential Data // Semantic Differential Technique. A sourcebook. Chicago, 1969.
SnodgrassJ. G, *Wasser B., Finkelstein M.* On the Fate of Visual and Verbal Memory-codes for Picture and Words: Evidence of Dual Coding Mechanism in Recognition Memory //Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1974. V. 13.
Stoats C, *Staats A.* Meaning Established by Classical Conditioning // Journal of Experimental Psychology. 1957. V. 54.
Tajfel H., Turner J. C The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986.
Tannis I. A., Katz W. Structure of Memory Traces Following Semantic and Nonsemantic Orientation Task

in Incidental Learning //Journal of Experimental Psychology. 1976. V. 2 (4).
ThengJ., French P. The comparability of verbal and nonverbal differential scales in joint semantic space // Journal of Psycholinguistic Research. 1986. V. 15 (2).
Thurstone L. L. Psychological implications of factor analysis // Americ. Psychol. 1948. V. 3.
Tolor A., TamerinJ. S. How Generalized are the Public's Perceptions of Prominent Political Figure? Why is Acknowledge Alcoholic? // Perceptual and Motor Skills. 1975. V. 41 (3).
Triandis H. C Exploratory factor analysis of the behavioral components of social attitude // J. of abnormal social psychology. Wash., 1964. V. 68. № 3.
Triandis H. C. Culture and Social Behavior // Culture and Social Behavior. McGraw-Hill, 1994.
Tzeng O. Implicit personality theory: myth or fact //Journal of Personality. 1982. V 50 (2).
Tzeng 0. C, Way W. H. More then E, P and A in semantic differential scales // Psychol. 1975. V. 10. № 2.
Ullmann S. Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford, 1964.
Underwood B.J., Reichardt Ch. S., Malmi R. A. Sources of Facilitation in Learning Conceptually Structured Paired-associate Lists //Journal of Experimental Psychology. 1975. V. 104 (2).
Underwood B. J., ShaughnessyJ.J., Zimmerman J. The Locus of Retention Differences Associated with Degree of Hierarchical Conceptual Structure //Journal of Experimental Psychology. 1974. V. 102.
Underwood B.J., Zimmerman J. Serial Retention as a Function of Hierarchical Structure //Journal of Experimental Psychology. 1973. V. 99.
Weinreich U. On the semantic structure of language // Universals of language. Cambridge, 1966.
Werner H. L'unite des sens //Journal de Psychologie Normal et Pathologique. 1934. V. 31.
Whittanker S., Whittanker P. Relative effectiveness of male and female newscasters // Journal of Broadcasting. 1976. V. 2.

Wickens D., Clark S. Osgood Dimensions as an Encoding in Short — term Memory // Journal of Experimental Psychology. 1968. V. 78.
Wickens D., Lindberg M. A. A Test of Four Proposed New Dimensions of Semantic Space // Bulletin of Psychonomic Society. 1975. V. 6 (4A).
Wickens D. D. Characteristics of Word Encoding // Coding Processes in Human Memory. N. Y., 1972.
Doise W., Clemence A., Lorenzi-Cioldi F. The Quantitative Analysis of Social Representations. N. Y., 1993.
Winter D. A. Personal Construct Psychology in Clinical Practice: Theory, Research and Applications. London, 1992.
Within H. A., Dyk R. B., Faterson H. R, Karp S. A. Psychological differentiations. N. Y, 1974.
Youmans G. The vocabulary-management profile: Two stories by William Faulkner / Empirical Studies of the Arts. 1994. Vol. 14. Issue 2.
Zarf W. The Social Indicators System In Comparative Perspective // The Quality of Life. Comparativity Studies/ Eds. A. Szalai, F. Andrews. London, 1980.
Петренко Виктор Федорович
Основы психосемантики
2-е издание, дополненное
Главный редактор Заведующий редакцией Руководитель проекта Литературный редактор Художник Корректоры Верстка
Е. Строганова
Л. Винокуров
Т. Смирнова
С. *Гуськов*
Е. Дьяченко
Л. Комарова, Н. Соломина
Л. Егорова
Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.
Подписано к печати 11.03.05. Формат 70x100/16. Усл. п. л. 41,28.
Тираж 1500. Заказ 96
ООО «Питер Принт», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, дом 29а.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Техническая книга» 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29